

ВСЕВОЛОД РЕЧИЦКИЙ

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРЕДМЕТ КОНСТИТУЦИИ

Киев 2012

VSEVOLOD RECHYTSKYI

POLITICAL MATTER OF CONSTITUTION

Kyiv – 2012

Рецензенты

Барабаш Ю., доктор юридических наук, проректор Национального университета «Юридическая академия Украины им. Ярослава Мудрого»

Захаров Е., кандидат технических наук, Председатель правления Украинского Хельсинского союза по правам человека

Колесник В., доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного права Украины Национального университета «Юридическая академия Украины им. Ярослава Мудрого»

Погребняк С., доктор юридических наук, доцент кафедры теории государства и права Национального университета «Юридическая академия Украины им. Ярослава Мудрого»

*Монография рекомендована к опубликованию на заседании
Ученого совета Национального университета
«Юридическая академия Украины им. Ярослава Мудрого»
23 марта 2012 г., протокол № 7.*

Р Речицкий В.В. Политичний предмет конституції. –
Київ: Дух і Літера, 2012 р. – с.

Монографія є сучасним, неформальним дослідженням конституційно-правового регулювання політичних відносин. Особливу увагу приділено визначенню поняття політики і політичної активності, її структури, джерел та основних видів.

У книзі розглядається явище органічної нормативності в політичній сфері, співвідношення органічних норм політичної поведінки з нормами писаних конституцій. Окремо аналізуються особливості конституційного регулювання політичної активності в Україні. Завершують дослідження два авторських проекти Конституції України, створені на основі концептуальних положень роботи.

Книга розрахована на викладачів та аспірантів філософських, політологічних та юридичних факультетів університетів, наукових працівників, фахівців в ділянці політичних наук, філософії права та конституційного права, а також всіх тих, хто цікавиться питаннями філософії права, сучасної політичної та правової теорії.

В оформлении обложки использована репродукция картины
Вильяма Джеймса Глакенса (William James Glackens)
Люксембургский сад (1906)

Литературный редактор *В. Богуславская*
Корректор *Н. Аникеенко*
Дизайн *И. Пастернак*
Компьютерное макетирование *В. Горшков*

Посвящается Инне

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	7
----------------	---

ГЛАВА I. Феномен политической активности	25
---	-----------

1.1. Понятие и истоки политической активности.....	27
1.2. Структура политической активности.....	64
1.3. Виды политической активности.....	109
1.3.1. Эволюционная политическая активность.....	109
1.3.2. Революционная политическая активность.....	132
1.3.3. Теоретическая политическая активность	144
1.3.4. Массовая политическая активность	180
1.3.5. Индивидуальная политическая активность	197
1.3.6. Творческая и деструктивная политическая активность.....	226
1.3.7. Векторная политическая активность.....	230
1.3.8. Хаотическая (спонтанная) политическая активность.....	238

ГЛАВА II. Органические и конституционные нормы политической активности.....	251
--	------------

2.1. Органические нормы политической активности	253
2.2. Свобода как органический фундаментальный фактор политической активности.....	304
2.2.1. Категория политической свободы.....	304
2.2.2. Истоки политической свободы.....	318
2.2.3. Императив политической свободы.....	324
2.2.4. Факторы политической свободы	329
2.2.5. Терпимость, плюрализм и свобода.....	341
2.2.6. Гарантирование свободы	349
2.3. Конституционное регулирование политической активности.....	356
2.3.1. Предконституционное нормирование	358
2.3.2. Конституционное предназначение	373
2.3.3. Конституция в ее отношении к свободе.....	400
2.3.4. Конституционные гарантии политической активности....	406

ГЛАВА III. Конституционное регулирование политической активности в Украине	415
3.1. Исторические предпосылки и основные черты конституционного регулирования политической активности в Украине.....	417
3.1.1. Основные конституционные идеи	417
3.1.2. Политико-правовые предпосылки краинского конституционализма	431
3.1.3. Конституционное регулирование политической активности в советской Украине	459
Приложения.....	467
Модельный проект Конституции Украины.....	469
Версия 1.....	469
Версия 2.....	644
Библиография.....	675
Именной указатель.....	715
Table of Contents.....	.....

ВВЕДЕНИЕ

Настоящее введение посвящено методологии исследования, проводимого в смежных областях политической науки и права. Книга затрагивает также проблематику философии права, что позволяет отнести многие положения работы к философии конституционного права.

Все это не случайно не только потому, что конституционному праву долгое время принадлежало доминирующее место в структуре политических исследований¹, а политическая наука давала науке о конституционном праве «философское осмысление существенного содержания и форм жизни в политическом сообществе»², но также и потому, что всякий серьезный политический феномен необходимо изучать усилиями сразу нескольких наук.

Это распространенное мнение³ подтверждает и Ю. Еременко, называя конституционное право «не сугубо юридической наукой»⁴. Нечто в этом же роде отмечал и Б. Данэм, говоря, например, что в качестве смешения социального факта и юридической фикции конституционное право является самой замечательной из придуманных человеком наук⁵. Стоит заметить, что и у Н. Лумана политическая теория на определенном этапе своего развития автоматически становится теорией конституционного государства⁶.

Публичное право в целом есть феномен глубоко и существенным образом политический, а потому юристам не обойтись без политической теории⁷. Политика всегда была и до сих пор остается главным

¹ См.: Современная буржуазная политическая наука: проблемы государства и демократии. – М.: Наука, 1982. – С. 9.

² Там же. – С. 291.

³ См.: Проблемы политических наук. – М.: Наука, 1980. – С. 10.

⁴ См.: Еременко Ю. К разработке предмета науки советского государственного права // Правоведение, № 6, 1980. – С. 37.

⁵ См.: Данэм Б. Гигант в цепях. – М.: Издательство иностранной литературы, 1958. – С. 69.

⁶ См.: Луман Н. Самоописания. – М.: Логос/Гнозис, 2009. – С. 113.

⁷ См.: Dworkin R. A Matter of Principle. – USA: Harvard University Press, 1985. – P. 146.

ВВЕДЕНИЕ

предметом конституционного права как отрасли права и науки¹. По этой причине вопрос о сущности конституционного права невозможно решить без обращения к политическому знанию, хотя именно этот аспект конституционализма на постсоветском пространстве долгое время игнорировался². С тем обстоятельством, что государственное право выходит за рамки юридических наук, соглашался и Б. Курашвили³. Более того, поскольку *все* юридическое имеет в своей основе политическую природу⁴, это также свидетельствует в пользу сочетания в работе политологического и правового инструментария.

Как отмечал в свое время Ф. Хайек, мы не можем представить себе существование науки о праве, которая была бы исключительно наукой о нормах и не обращала внимания на *фактический* порядок вещей, который является ее предметом⁵. Ведь очевидно, что конституционное право – это нормативная система, в основе которой лежит не свободное воображение политиков и юристов, а *органическая* или природная нормативность. Как указывает также А. Койдер, *смешанные науки* (scientiae mixtae) играют в наше время все более важную роль. При этом границы между отдельными науками становятся не более отчетливыми, а все менее жесткими⁶.

Ж.-М. Денкэн пишет о том, что конституционное право не может быть правильно истолковано без предварительного освещения вопроса о том, *что именно* в эту отрасль привнесла политическая наука. С другой стороны, почти все процессы, которые исследует политическая наука, находятся в русле общего генезиса права⁷. При этом само по себе подлежащее правовому регулированию политическое дей-

¹ См.: Тенненбаум В. Категории «политика» и «власть» в науке конституционного права // Проблемы конституционного права. Выпуск 1(2). – Саратов: 1974. – С. 50.

² См.: Конституция СССР и укрепление правовой основы государственной и общественной жизни. – К.: «Наукова думка», 1983. – С. 65.

³ См.: Курашвили Б. Очерк теории государственного управления. – М.: Наука, 1987. – С. 68.

⁴ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 1. – С. 635.

⁵ См.: Хайек Ф. Право, законодательство та свобода. Т. 1. – К.: Сфера, 1999. – С. 147.

⁶ См.: Койдер А. Жизнь и творчество Леона Петражицкого // Петражицкий Л. Теория и политика права. Избранные труды. – СПб.: Университетский издательский консорциум «Юридическая книга», 2010 – С. L.

⁷ См.: Денкэн Ж.-М. Политическая наука. – М.: МНЭПУ, 1993. – С. 3.

ВВЕДЕНИЕ

стве может быть как «редким, опасным и великим», так и вполне рутинным в своих главных чертах и масштабах¹.

Политическая наука связана с правом на философском уровне, ей изначально присущ «нормативный» характер. Ведь она занимается *фиксированными ценностями* (свобода, власть и т.п.) в той же степени, что и фактами быстротекущей политической жизни². В свою очередь, выносить правовые суждения о справедливости или несправедливости чего-либо без понимания того, как политические эмоции и устремления индивида формируют его личность, невозможно³. Все это является по-настоящему актуальным и в современном конституционном процессе.

И. Кант писал в свое время о том, что научным методом следует пользоваться как способом действия согласно «основоположениям». Сегодня это означает, что научный анализ должен соответствовать фактам, отвечать критерию простоты и иметь объясняющую силу⁴. При этом соображения логики, элегантности и строгости формулировок должны уступить место *адекватности* предлагаемых теорий⁵. Что же касается собственно правовой сферы, то здесь борьба с неясностью в предмете, обладающей способностью накапливаться, взрывать и погребать под собой все (С. Бэкетт), должна учитывать контраст между политикой как явлением динамическим, и конституционным правом как феноменом достаточно устойчивым и консервативным⁶.

Говоря о *хорошей политике*, П. Друкер подчеркивал, что действие в этой области требует мужества, воображения и способности к ин-

¹ См.: Денкэн Ж.-М. Политическая наука. – М.: МНЭПУ, 1993. – С. 3.

² См.: Ricci D. The Tragedy of Political Science. – New Haven and London: Yale University Press, 1984. – P. 96.

³ См.: Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое общество. Последствия биотехнологической революции. – М.: АСТ, 2008. – С. 26.

⁴ См.: Леви-Строс К. Структурная антропология. – М.: Наука, 1983. – С. 63.

⁵ См.: Easton D. A Systems Analysis of Political Life. – Chicago: University of Chicago Press, 1965. – P. 473.

⁶ Как писал Ф. Хайек, политика контрастирует с законодательством лишь тогда, когда она касается правительственных решений по поводу *текущей* повестки дня. См.: Hayek F. The Constitution of Liberty. – USA: University of Chicago Press, 1960. – P. 215.

ВВЕДЕНИЕ

новациям¹. Очевидно, что и насыщенное политической энергией конституционное право должно как-то приспособливаться к тому, что его субъектами становятся революционеры и социальные новаторы. Кроме того, расширение предмета политики, стирание в ней граней между политикой внутренней и внешней² затрагивает сегодня все страны, оказывая давление на нормативные коды их активности. Например, о странах Восточной Европы вначале писали в терминах демократии и «бархатной революции» (В. Гавел), а теперь пишут в терминах стабилизации и «бархатной реставрации» (А. Михник). Впрочем, *скорость* изменений в современной политико-правовой сфере обращает на себя внимание даже больше, чем сами изменения.

По мнению Ф. Анкерсмита, политик всегда должен браться за дело там, где остановился историк³. Однако даже в этом случае политика все-таки не становится по-настоящему свободной деятельностью. Обычно она является лишь «логическим продолжением того, что написал историк о прошлом нации»⁴. Это, в свою очередь, связывает политику с органическим *нормативным кодом* страны, а через нормативный код – с национальным конституционным правом.

Органический конституционализм вначале создает, а затем использует нормы, цель которых – помочь людям реализовать свою судьбу в системе либеральных ценностей. В этом смысле создание на постсоветском пространстве новых институций интеллектуального, информационного и духовного свойства является актуальной политической и правовой задачей.

Уже в первой половине XX века классические научные дисциплины начали постепенно замещаться «науками о человеке», объектом которых становился *человек-деятель*. При этом в отраслях знания с повышенной природной консервативностью данный процесс прокладывал себе дорогу через видоизменение приемов научного поиска, «оплавление» жестких теоретических конструкций, метафоризацию

¹ См.: *Drucker P. Post-Capitalist Society.* – USA: Harper Business, 1993. – P. 157.

² См.: *Brzezinski Z. Out of Control.* – N.-Y., 1993. – P. XIII.

³ См.: *Анкерсмит Ф. Возвышенный исторический опыт.* – М.: Европа, 2003. – С. 436.

⁴ Там же. – С. 436.

ВВЕДЕНИЕ

языка научных исследований¹. В это же время в науку начала проникать этическая составляющая, что позволило – в случае с политической наукой и конституционализмом – шире распахнуть двери для аргументов, основанных на человеческих эмоциях, подсознательных политических интенциях и творческой интуиции.

Как известно, А. Эйнштейн оправдывал применение интуиции в естественных науках, поскольку данный подход позволял, по его мнению, сохранять верность «смыслу вещей». С тех пор многое изменилось, и сегодня научный метод – это лишь одна из познавательных традиций, а вовсе не «единственный стандарт для оценки того, что существует, а чего нет, с чем можно согласиться, а что следует отвергнуть»².

Хотя эволюция методологии политико-правовых исследований никогда не прекращалась, изменения в этой области стали по-настоящему стремительными лишь к концу XX века. Одним из тех, кому в числе первых удалось ускорить течение политико-правовой мысли, был К. Маркс. Все политико-правовое и государственное для него – суть *деятельность*, а ученый – не только созерцатель и аналитик, но и *творец* окружающей его действительности.

Впрочем, уже Ш. Фурье писал о политической науке как о науке «социального движения», а А. де Токвиль отмечал присутствие в ней ярко выраженного эмоционального начала. Постепенно политическим мыслителям становилось все более ясно, что в качестве *zoön politicon* у человека нет иных врагов, кроме самого себя, и что поэто-

¹ Как считал В. Вильсон, «ничто в человеческой жизни не является по-настоящему чуждым для исследователей политических наук». См.: Ricci D. The Tragedy of Political Science. – New Haven and London: Yale University Press, 1984. – P. 75. Уже в период горбачевской *перестройки* наиболее продуктивными оказались те направления политико-правовой мысли, которые использовали методики и достижения конкретной социологии, психологии, кибернетики, аксиологии, теории управления и информатики. См.: Алексеев С. XXVII съезд и советская юридическая наука // Правоведение, № 3, 1986. – С. 8.

² Развитие квантовой механики и открытие структуры молекулы ДНК показало, что представление о науке, которая развивается исключительно путем строгой логической аргументации, является иллюзорным. См.: Фейерабенд П. Прощай, разум. – М.: Логос/Гнозис, 2009. – С. 17, 18, 51.

ВВЕДЕНИЕ

му им следует углубиться в познание собственной человеческой природы¹.

Подобная цель предполагала овладение знанием о политической свободе человека, что одновременно революционизировало науку о конституционном праве и помогло ей в создании лучших нормативных образцов. Всякий политический класс нуждается в демократическом А, Б, В...² В свою очередь, создание букваря демократии позволяло реорганизовать и правовой инструментарий. Овладение смыслом политической свободы потребовало реконструкции всей правовой реальности, обновления политической философии общества, утверждения конституционализма как *верховенства* безличных правил игры – *права*. Неудивительно, что данный процесс наталкивался на сопротивление со стороны не только консервативной научной традиции.

Что касается технологических аспектов становления и развития конституционализма, то, как говорил Д. Сантаяна, «по мере изменения интересов и подходов в любом объекте познания можно выявить новые аспекты и новые связи»³. Закономерно, что конституционализм быстро превратился в самостоятельную политико-правовую дисциплину. Однако утверждение новой парадигмы научного знания вначале выглядело не особенно впечатляющим. Если научные истины и похожи на звезды, «которые смеются над нами» (Д. Сантаяна), то становление конституционализма напоминало вспышку сверхновой, лишь постепенно набирающей полную яркость.

Впрочем, любая наука с трудом оправдывает новые приоритеты. «Все ученые, – писал В. Розанов, – суть *телескописты*: видят ясно и ярко кружочек неба; а *все* небо, для *всех* видимое, – для них невидимо»⁴. В правовой науке новизна утверждается вместе с формированием критической массы значимых для нее постулатов. Поскольку же правовые приоритеты являются объектами человеческих предпочтений,

¹ См.: *Tocqueville A. Democracy in America. Vol. 1.* – N.-Y.: Arlington House. – P. 158.

² См.: *Revel J.-F. Democracy Against Itself.* – USA: Free-Press, 1993. – P. 278.

³ См.: *Сантаяна Д. Характер и мировоззрение американцев.* – М.: Идея-пресс, 2003. – С. 52.

⁴ См.: *Розанов В. Религия и культура.* Т. 1. – М.: Правда, 1993. – С. 523.

ВВЕДЕНИЕ

результаты прогресса в юридической сфере имеют первоначально лишь субъективный уровень очевидности¹.

Данный вывод особенно актуален для науки о конституционном праве, где концепции не являются изначально правильными или фальшивыми, но только более или менее полезными². Политический мир живет без понятия *истины*, именно здесь одни установки и представления часто оказываются ничуть не лучше других. Более того, можно сказать, что все «представления, из которых вышел мир политики, множественны и находятся в состоянии конфликта»³.

Как и в квантово-механической сфере, изучаемое конституционной наукой явление способно изменять свои характеристики под влиянием экспериментатора. Причем уяснение данной закономерности является для научного прогресса даже более существенным, чем известная теория единства науки⁴. По этой же причине наука о конституционном праве имеет традиционно невысокую (из возможных в науке) степень консенсуса. В рамках существующих представлений она относится к слабо кодифицированным или *допарадигмальным* наукам⁵. И такой ее делает собственный предмет – политические отношения.

Поставляющая конституционному праву большинство категорий и понятий политическая наука является наукой мало интегрированной. Это означает, что в политической сфере невозможно достичь прогресса в форме «руководящих принципов и ключевых терминов»⁶. Неопределенность давно уже пришла на смену идолам «абсолютной политики»⁷. По этой же причине все попытки сделать язык политической науки более точным рискуют вообще лишить его смысла⁸.

¹ См.: Вебер М. Избранные произведения. – М.: Прогресс, 1990. – С. 495.

² См.: Easton D. A Framework for Political Analysis. – USA: Prentice-Hall, 1965. – P. 33.

³ См.: Денкэн Ж.-М. Политическая наука. – М.: МНЭПУ, 1993. – С. 36.

⁴ См.: Сорос Д. Советская система: к открытому обществу. – М.: Политиздат, 1991. – С. 73.

⁵ См.: Кун С. Существует ли иерархия научных дисциплин // Социальные показатели в системе научно-технической политики. – М.: Прогресс, 1987. – С. 402.

⁶ См.: Хайдеггер М. Время и бытие. – М.: Республика, 1993. – С. 301.

⁷ См.: Diaz V. The Possibility of Civil Society // Civil Society. – Cambridge: Polity Press, 1995. – P. 85-86.

⁸ См.: Берлін І. Дві концепції свободи // Лібералізм: Антологія. – К.: Смолоскип, 2002. – С. 558.

ВВЕДЕНИЕ

Гуманитарные науки, чтобы оставаться строгими, должны быть неточными¹. Как писал в связи с данным обстоятельством К. Леви-Строс, мы уже миновали тот этап политической истории, который ограничивался нанизыванием в хронологическом порядке династий и войн на нить вторичных осмыслений и истолкований². Ныне вся жизненная действительность говорит нам о том, что в политико-правовой сфере вопрос об истине стал вопросом переменчивых настроений задолго до наступления постмодерна.

Назвав XX век веком «мегасмерти» на идеологической почве, З. Бжезинский усматривал будущее спасение человечества не столько в новом политическом знании, сколько в уменьшении степени его идейного ригоризма. В этом смысле всем политическим философам после Ф. Ницше полезно было бы признавать лишь различные степени «кажмости» – общий колорит видимости, как бы более светлые и более темные тона, различные *valeurs*, говоря языком живописцев³.

Поскольку в политико-правовых исследованиях задача может иметь несколько равно применимых решений, мы обнаруживаем здесь, как правило, не одну, а сразу несколько истин, причем выбор среди последних является прерогативой лиц, находящихся за пределами научного сообщества. И хотя Ф. Энгельс и писал К. Либкнехту о том, что для научных оценок не существует демократического форума⁴, именно критика масс сыграла роль главного аргумента в идеологическом провале марксизма. Как отмечал по аналогичному поводу П. Бурдьё, поле политики всегда пребывает между двумя критериями оценки – наукой и плебисцитом⁵.

Впрочем, еще Ф. Бэкон писал о том, что у наук есть лишь один строй, который всегда был и остается народоправством⁶. И хотя неписанные правила научной жизни запрещают обращаться к главам государств и народам по вопросам науки, а истина не может быть

¹ См. Хайдеггер М. Время картины мира // Новая технократическая волна на Западе. – М.: Прогресс, 1986. – С. 96.

² См.: Леви-Строс К. Структурная антропология. – М.: Наука, 1983. – С. 30.

³ См.: Ницше Ф. По ту сторону добра и зла // Мир философии. Ч.1. – М.: Политиздат, 1991. – С. 157.

⁴ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 34. – С. 221.

⁵ См.: Бурдьё П. Социология политики. – М.: Socio-Logos, 1993. – С. 206.

⁶ См.: Бэкон Ф. Новый органон. – М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1938. – С. 9.

ВВЕДЕНИЕ

определена даже 100% голосов, поданных за определенное решение и критику¹, в политико-правовой сфере обращение к лидерам и массам является главным критерием жизнеспособности выдвигаемых гипотез. Сегодня даже в естественных науках продолжительность жизни научных схем составляет не более 30 лет. В любом случае, эксперты – далеко не единственные, кому принадлежит право суждения по вопросам политико-правовой организации общества².

Вера в то, что существует только одна истина и что кто-то один действительно обладает ею, представляется мне корнем всех бед человечества, писал М. Борн. Из данной установки вытекает и то, что никаким научным методам нельзя придавать абсолютного значения. Только приняв на себя подобное обязательство, можно пытаться предотвратить разрушительное воздействие науки на социальный прогресс. Более того, в политической науке не существует непримиримого противоречия между независимостью и ангажированностью, между позицией разрыва и сотрудничеством. Вследствие своей природы она просто не может не быть конфликтной³.

В силу присущих ему особенностей политико-правовой поиск не может останавливаться перед «самоочевидными истинами», даже если они являются прямым результатом логически безупречных построений. Как утверждал по этому поводу Д. Талмон, в политических науках творческая идея имеет своим источником вдохновение гения, а не приемы метода⁴.

Известно также, что, сталкиваясь с *новой теорией*, ученые не могут использовать стандартные приемы для решения вопроса о ее жизнеспособности. Как доказывал П. Фейерабенд, ни кричащие внутренние противоречия, ни очевидный недостаток эмпирического содержания, ни острый конфликт с экспериментальными данными не должны заставить ученых отказаться от разработок концепции, которая в силу скрытых причин продолжает *нравиться* им⁵. К тому же правильный

¹ См.: Янков М. Конструктивная критика и рациональное управление. – М.: Прогресс, 1987. – С. 140.

² См.: Einstein A. Out of My Later Years. – London: Thames and Hudson, 1950. – P. 124.

³ См.: Бурдые П. Социология политики. – М.: Socio-Logos, 1993. – С. 317-318.

⁴ См.: Talmon J. Political Messianism. – London: Secker and Warburg, 1960. – P. 607.

⁵ См.: Фейерабенд П. Избранные труды по методологии науки. – М.: Прогресс, 1986. – С. 77, 325.

ВВЕДЕНИЕ

вопрос в науке является обычно более ценным, чем правильный ответ на неправильно поставленный вопрос.

Так или иначе, замена истин гипотезами в политико-правовой сфере носит фундаментальный характер. Подобно тому, как в естественных науках построение гипотез может оказаться более полезным, чем отрицание непостижимых фактов¹, в политико-правовых исследованиях принцип эмоционального (эстетического, морального) принятия и одобрения может обладать наивысшим авторитетом. Ведь, во-первых, успешный политический выбор удовлетворяет дух независимо от рационалистических проверок². Во-вторых, философия политики всегда тесно связана с личностью философа, который ее придумал, в ней неизбежно актуализируется человеческая индивидуальность.

Как известно, законы человеческого мышления не обязательно совпадают с индуктивным или дедуктивным методом. Часто они являются просто одним из проявлений человеческой личности³. В итоге субъективными могут оказаться не только научные взгляды, но и целые метасовокупности научных идей. Все ученые обязаны говорить правду, но это вовсе не равнозначно требованию, чтобы их правда становилась универсальной. Многие из современных творцов работают ассоциативно и бессистемно, следуя самым причудливым стимулам, и мотивам. При этом структура их текстов неизбежно изменяется в процессе творчества⁴.

Поиск правды в науке вообще не является простым делом, ибо он предполагает искренность, которая обычно не присуща людям, убежденным в том, что есть вещи, верить в которые – их долг⁵. Любой выбор в политико-правовой сфере может быть поддержан или отвергнут массами. Д. Белл описал данную ситуацию на примере: Гегель однажды сказал: то, что являлось разумным, существовало как реальность. Каждая из теорий может

¹ См.: *Леви-Строс К.* Структурная антропология. – М.: Наука, 1983. – С. 220.

² См.: *Башляр Г.* Новый рационализм. – М.: Прогресс, 1987. – С. 181.

³ См.: *Вернадский В.* Научная мысль как планетное явление. – М.: Наука, 1991. – С. 234.

⁴ См.: *Ериксен Т.* Тирания моменту: швидкий і повільний час в інформаційну добу. – К.: Кальварія, 2004. – С. 12.

⁵ См.: *Рассел Б.* Почему я не христианин. – М.: Прогресс, 1987. – С. 19.

ВВЕДЕНИЕ

оказаться разумной, хотя и не вполне реальной. В чем-то мог ошибаться Гегель, в чем-то – теория, либо теория и Гегель одновременно. Индивиду все равно предстоит решать самому¹. Как заметил по сходному поводу Б. Данэм, если мир полон противоречий, то всякое правдивое описание мира будет неизбежно противоречивым. Отсюда следует, что чем более честными являются намерения исследователя и чем более точным становится его описание, тем легче будет впоследствии обвинить его в противоречии самому себе².

Хотя в конституционно-правовой науке используются многие из традиционных методов наблюдения и измерения, научные рекомендации в этой области обязаны подчиняться не логике метода, а логике жизни. Впрочем, еще Ф. Ницше призывал обращаться с вещами в опыте *эмоционально*, проявляя к ним попеременно то справедливость, то страсть, то холодность. Примечательно, что у Д. Стейнбека любознательность и критицизм выступают единственными настоящими методами науки³. При этом любознательность берет свое начало, возможно, от интуиции, а критицизм – от внутренних свойств характера человека. По крайней мере, Д. Сидорски напоминает нам о том, что *любознательность* – это единственный универсальный метод решения проблемных ситуаций⁴. По наблюдению же Т. Куна, истину начинают прозревать обычно не на основе метода, а на основе нечетких эстетических соображений. Все это является весьма актуальным также в политико-правовом, конституционном смысле.

Существенным в данной области остается и вопрос о кооперации научных усилий. Формулируя принципы «всеобщей организационной науки» *тектологии*, А. Богданов писал о том, что ни одна наука не в состоянии вырвать свой объект из всеобщей мировой связи, рассматривать его исключительно в пределах своей особенной задачи. Более того, узкая специализация может опасно ограничивать человеческую способность к гармоничному мышлению в целом⁵. Совсем не случайно здоровая и полноценная интеллектуальная жизнь нужда-

¹ См. Bell D. The End of Ideology. – USA: Free Press, 1960. – P. 301.

² См.: Данэм Б. Герои и еретики. – М.: Прогресс, 1967. – С. 198-199.

³ См.: Steinbeck J. The Portable Steinbeck. – USA: Penguin Books, 1976. – P. 426.

⁴ См.: Dewey J. The Essential Writings. – Canada: Harper and Rou, 1977. – P. XVI.

⁵ См.: Фромм Э. Пути из большого общества // Проблема человека в западной философии. – М.: Прогресс, 1988. – С. 481.

ВВЕДЕНИЕ

ется в недоговоренностях, догадках, открытых вопросах, проблемах, намеках и побочных соображениях...¹

Сегодня мы также знаем о том, что прояснение содержания многих политико-правовых категорий и понятий требует выхода за пределы языка, в рамках которого они изначально были сконструированы. *Понимать*, – писал В. Гейзенберг, – означает всегда только одно – познавать взаимосвязи, черты и признаки родства². Родства с чем-то, *отличным от* познаваемого, следовало бы добавить. Не случайно любой исследователь вынужден удерживать в своем сознании множество идей, играющих *дополнительную* роль по отношению к предмету, который его интересует.

Как считает Р. Нозик, главные способы восприятия *политической реальности* можно репрезентовать, по меньшей мере, тройко: а) как объяснение данной реальности в терминах неapolитических; б) рассматривая ее в качестве вырастающей из неapolитической сферы, но впоследствии не сводимой к ней реальности (организация неapolитических факторов в русле политических принципов); в) воспринимая ее в качестве полностью автономной сферы³.

Нечто в этом же роде признавалось исследователями конституционализма даже в консервативных рамках советской правовой науки. Об органической связи понятийных аппаратов нескольких наук в исследовании одного и того же объекта писал Л. Явич⁴. В свою очередь, его коллега С. Алексеев подчеркивал, что развитие политико-правовой мысли нуждается в интенсивном использовании достижений психологии, кибернетики, аксиологии, теории управления и информатики⁵. Ведь даже если политико-правовое явление своим происхождением и развитием обязано лишь *одному* субстанциональному отношению⁶, из этого автоматически не следует ограниченность в методах его изучения и восприятия. Интересы науки вообще не находят в услужении у метода, поэтому ученый не обязан жертвовать

¹ См.: Нозик Р. Анархия, государство и утопия. – М.: Ирисэн, 2008. – С. 14.

² См.: Гейзенберг В. Шаги за горизонт. – М.: Наука, 1987. – С. 270.

³ См.: Nozick R. Anarchy, State and Utopia. – USA: Basic Books, 1974. – P. 6.

⁴ См.: Явич Л. Характер философских проблем правовой науки // Советское государство и право, № 7, 1984. – С. 16.

⁵ См.: Правоведение, № 3, 1986. – С. 8.

⁶ См.: Коваленко А. Советская национальная государственность. – Минск: Высшая школа, 1983. – С. 8.

ВВЕДЕНИЕ

сущностью ради формы¹. Не случайно большинство исследователей ныне убеждено в том, что междисциплинарные контакты – благо и что аналогии – плодотворны².

Говоря о методологии правовых исследований, следует учесть и то обстоятельство, что праведы из стран Восточной Европы слишком долго исповедовали методологический монотеизм. Поэтому все их усилия по применению более раскованных исследовательских подходов и установок являются полностью оправданными. Совершенно необоснованно социальная эффективность и сам принцип счастливой человеческой судьбы связывались здесь с набором доступных логической проверке формул. Только сегодня здесь начало складываться более адекватное представление о том, что общество движется вперед благодаря не планированию, а спонтанному открытию новых путей, которые далеко не всегда отвечают строгим логическим построениям³.

Что касается собственно науки о конституции, то здесь методы могут изменяться вместе с изменениями в предмете исследования, помимо таких изменений или как-либо иначе, но они очевидным образом обязаны измениться в случае фундаментального преобразования взглядов на предмет. Продолжительное навязывание идеологических схем и подходов в понимании права привело к упрочению консервативных методов наблюдения и измерения, ограничению способов интерпретации научных результатов, стандартизации понятийного аппарата и другим негативным явлениям. Ныне становится все более понятным, что интересы конституционной науки и практики заключались в чем-то едва ли не противоположном. Опасаясь противоречить марксистским канонам, конституционализм в СССР становился угрожающе бесплодным. Совершенно безосновательно в нем игнорировалось то обстоятельство, что противоречие является сигналом бедствия лишь в формальной логике, в развитии же реального знания оно нередко означает шаг к успеху.

¹ См.: Шлегель Ф. *Философия жизни // Эстетика. Философия. Критика. Т. 2.* – М., 1983. – С. 349-350.

² См.: Джонстон Р. *География и географы.* – М.: Прогресс, 1987. – С. 173.

³ См.: Карп Р. *К науке о личности // История зарубежной психологии (30–60-е гг. XX в.).* Тексты. – М.: Издательство МГУ, 1986. – С. 214.

ВВЕДЕНИЕ

Разумеется, за пределами идеологического доминирования марксизма критика авторитарного конституционализма никогда не прекращалась. Она присутствовала также в оппозиционном и правозащитном движении в самих социалистических странах¹. Однако все написанное и сказанное по вопросам политической и правовой теории такими личностями, как Л. Валенса, А. Михник, А. Солженицын, Ч. Милош или В. Гавел, в силу ряда причин не может считаться достаточным в научном смысле.

Что касается советского и постсоветского юридического истеблишмента, то его критические попытки носили откровенно робкий характер. В частности, рассматривая направление «политической юриспруденции» в США, С. Егоров призывал своих коллег покинуть башню из слоновой кости и выйти в область реальной политико-правовой жизни². В аналогичной манере Б. Топорнин писал о пользе государствоведческих исследований общественной психологии и политической культуры³, а Б. Курашвили – о недостаточном влиянии на политико-правовую науку достижений социологии и психологии государственного управления⁴. Все эти, равно как и иные подобные им, представления и установки, были продиктованы поверхностными запросами командно-административной системы, а потому не должны рассматриваться в строго научном смысле. Перемены назревали и совершались в СССР не в научном, а в предметно-политическом пространстве.

Применительно к теме настоящего исследования автономно стоит вопрос о словаре современного конституционализма. Нельзя не заметить, что язык конституционной науки ныне существенно обогатился. И дело не только в том, что разнообразие политической реальности превосходит возможности любого отдельно взятого языка или логи-

¹ Критика в СССР всегда была тесно связана с культурным правозащитным нонконформизмом. См.: *Богораз Л., Даниэль А.* В поисках не существующей науки // Проблемы Восточной Европы, № 37-38, 1993. – С. 161.

² См.: *Егоров С.* О политической юриспруденции в США (критический анализ) // Советское государство и право, № 7, 1986. – С. 120.

³ См.: *Топорнин Б.* Теория и практика социалистического самоуправления народа: актуальные проблемы // Социалистическое самоуправление: опыт и тенденции развития. – М.: АН СССР, 1986. – С. 32.

⁴ См.: *Курашвили Б.* Очерк теории государственного управления. – М.: Наука, 1987. – С. 60.

ВВЕДЕНИЕ

ческой структуры¹, но также и в том, что либерализация политико-правовой сферы спровоцировала оживление всего лексического пространства. Неожиданно для всех «Бог» стал достоянием украинской конституционной культуры. Изменились в содержательном отношении и такие традиционные понятия конституционализма, как «свобода», «права человека», «демократия», «суверенитет» и т.п. С другой стороны, из официального лексикона исчезли идеологические клише наподобие «интересов коммунистического строительства» или «руководящей и направляющей силы общества». Как заметил по поводу сходных лексических трансформаций Ж. Полан, «кто еще слышит машину в государственной машине, душу в душе общества»?²

С другой стороны, в Украине все еще продолжается осмысление таких классических для Запада категорий, как *конституционное государство* и *верховенство права*. В частности, многие украинские исследователи уже успели убедиться в том, что средства, традиционно способствующие ясности, хотя и помогают в понимании сути частей, однако нередко затрудняют адекватное восприятие целого³. С другой стороны, многие украинские правоведы еще не готовы согласиться с тем, что им не следует воздерживаться от применения в своем лексиконе мифологических, поэтических или морализаторских элементов, которые как раз и позволяют адекватно обрисовать картину запросов, возможностей и ограничений нашего времени⁴.

Новая правовая действительность является неожиданной не только по отношению к своему прошлому, но также и по отношению к прежним ожиданиям ее будущей эволюции. Похоже, что не идет по классическому пути и развитие восточноевропейского конституционного законодательства. И хотя подобную самобытность не следует переоценивать, ее также нельзя игнорировать. Сегодня все большее количество юристов понимает, что конституция, охватывающая сво-

¹ Как полагает Ф. Анкерсмит, «существуют <...> факты, которые не могут быть выражены средствами человеческого языка». См.: Анкерсмит Ф. Возвышенный исторический опыт. – М.: Европа, 2003. – С. 117.

² См.: Полан Ж. Тарбские цветы, или террор в изящной словесности. – СПб.: Наука, 2000. – С. 141.

³ См.: Кант И. Сочинения в шести томах. Т.3. – М.: Мысль, 1964. – С. 80.

⁴ См.: Олкер Х. Волшебные сказки, трагедии и способы изложения мировой истории // Язык и моделирование социального взаимодействия. – М.: Прогресс, 1987. – С. 410.

ВВЕДЕНИЕ

им воздействием все общество в его бесконечном культурном разнообразии, не может не быть «эклектичной».

Интерпретация современных конституций требует новых описательных средств. Иначе говоря, модерная конституция – это феномен, чье «явление и событие» требует выражения в терминах непосредственно *движущейся жизни*¹. По этой же причине метафора, служившая ранее разоблачению темных сил, закамуфлированных под социальные ценности с помощью механизмов коллективной защиты (П. Клоссовски), реабилитирована также в политико-правовых текстах. Как оказалось, она и здесь способна «удлинять радиус действия мысли, представляя собой в области логики нечто вроде удочки или ружья»².

Необходимо признать, что и усовершенствование правовой теории, и создание новых конституционных программ не является исключительно постсоветской или посттоталитарной прерогативой. Ныне признается необходимость обновления европейского юридического механизма в целом, а это предполагает создание моделей конституционного развития, адекватных потребностям ускорения и усложнения социальной жизни. По крайней мере, данные вопросы затрагивает каждая из современных дискуссий о надеждах и опасениях конституционной демократии³.

Наконец, *last but not least*. Настоящая книга содержит множество цитат, разнообразных мнений и ссылок на авторитеты. Иногда их обилие создает серьезные (надеюсь, преодолимые) трудности для потенциального читателя. Объясняется подобный стиль изложения весьма просто. Книга завершается двумя («европоцентристским» и «американским») модельными конституционными проектами. Однако для того чтобы утверждать нечто в форме законопроектов, необходима уверенность в обоснованности предлагаемых решений.

Здание конституционализма возводилось подобно средневековому собору из множества подвергнутых интеллектуальной обработке

¹ Длительное пренебрежительное отношение ученых к метафоре, державшее ее на положении *terra incognita*, ныне признается несправедливым. См.: *Omega-и-Гассет Х. Дегуманизация искусства*. – М.: Радуга, 1991. – С. 491.

² См.: *Omega-и-Гассет Х. Две главные метафоры // Эстетика. Философия культуры*. – М., 1991. – С. 207.

³ См.: *Vallespin F. La Fatiga Democratica // El Pais*, 13.11.2009.

ВВЕДЕНИЕ

камней. Органическая конституция могла возникнуть лишь в богатом культурном контексте, символическая реконструкция которого также не может не быть «эkleктичной». Ибо речь идет о реально существующей полифонии идей, подходов и мнений, которые априори невозможно привести к какому-либо единому знаменателю. Единственным выходом из ситуации оставалось... *представить* их. Современная конституция выглядит сложной, разноголосой и многослойной, поскольку именно таковой является политическая жизнь.

Что касается организационных аспектов написания данной книги, то она является результатом моей работы на кафедре конституционного права Национального университета «Юридическая академия Украины им. Ярослава Мудрого» (Харьков). Исследованию в решающей степени помогли также научные стажировки в Библиотеке конгресса США (1994–1995) по программам международного научного обмена IREX и Fulbright.

В последующие годы (1996–1997) работа над рукописью была продолжена на Кафедре политических наук (проф. Russell Keat) и в Центре исследования социальных проблем права (проф. Zenon Bankowski) Эдинбургского университета. Работа в Шотландии стала возможной благодаря финансовой и организационной поддержке Министерства иностранных дел Великобритании, Украинского благотворительного фонда «Возрождение», а также Института открытого общества (OSI, New-York). На содержание книги существенно повлияла также предоставленная мне на конкурсной основе возможность изучения проблем современной демократии в Университете Квинз (Канада, Онтарио, 1998).

Отдельные главы книги были опубликованы Харьковской правозащитной группой (ХПГ, исполнительный директор Е. Захаров) в специальных выпусках бюллетеня «Права человека» в 1998 году. Речь идет о тематически самостоятельных изданиях: «Эссе о политике», «Свобода и государство», «Конституционализм. Украинский опыт». Следует отметить, что работе над окончательным вариантом рукописи в 2011–2012 годах также способствовала серьезная поддержка Харьковской правозащитной группы.

Действительно неопределимыми в работе над рукописью оказались усилия ее литературного редактора В. Богуславской, научных рецензентов Ю. Барабаша, Е. Захарова, В. Колесника, С. Погребняка,

ВВЕДЕНИЕ

консультанта по вопросам применения английской лексики Н. Высоцкой, директора издательства «Дух и Литера» К. Сигова и его главного редактора Л. Финберга, которым я высказываю свою искреннюю признательность и глубокую благодарность.

В 1999 году пробная версия книги под названием «Политическая активность. Конституционные аспекты» была напечатана небольшим тиражом издательством «Сфера» (Киев) без права ее распространения на рынке. В настоящее полное издание книги включены модельные проекты Конституции Украины, подготовленные мною по просьбе Секретариата Президента Украины (2007–2008), а также Украинско-Американского бюро по защите прав человека (1994).

ГЛАВА I.

ФЕНОМЕН ПОЛИТИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ

1.1. Понятие и истоки политической активности

С хронологической точки зрения, рассмотрение политической активности следовало бы начинать с ее истоков. Однако логика повествования диктует иную последовательность, согласно которой рассмотрение понятия политической активности должно предшествовать анализу ее генетических корней. Окончательное определение понятия политической активности будет предложено в конце настоящего параграфа.

Выяснение понятия политической активности будет представлять собой продвижение от наиболее общих представлений о ней к более узким и специальным. В этом смысле принципиальным является замечание М. Блиссет о том, что некоторые действия имеют политический характер, что и отличает их от действий любого иного типа¹. Иными словами, сегодня мы вынуждены признать тот факт, что в мире существует область, характеризующаяся партикуляризмом и внутренней связностью, которую следует обозначить именем *политики*².

Политическую активность в широком смысле слова можно рассматривать как активность антиэнтропийную, способствующую сохранению любого организационного единства. А. Богданов называл подобную активность *перевесом ассимиляции*. По-видимому, о ней же писал и Г. Хельми, противопоставляя хаосогенным планетарным силам *управляющую силу живого вещества*, стремящегося к упорядоченности и организации³. По своей стратегической роли она примыкает к *целенаправленному изменению природной и социальной действительности*⁴, хотя таковой, строго говоря, не является. Лишь в

¹ См.: Гилберт Н., Малкей М. Открывая ящик Пандоры: социологический анализ высказываний ученых. – М.: Прогресс, 1987. – С. 14.

² См.: Денкэн Ж.-М. Политическая наука. – М.: МНЭПУ, 1993. – С. 6.

³ См.: Аксенов Г. Пространственно-временные аспекты организованности биосферы и ноосферы // Кибернетика и ноосфера. – М.: Наука, 1986. – С. 29.

⁴ См.: Кирилюк А. Категория «активность»: мировоззренческие и методологические функции. – К.: Наукова думка, 1985. – С. 21.

ГЛАВА I

ограниченном количестве случаев политика выступает как *sache*, подчиненность определенной задаче¹.

Если политика – это полноценное действие, то ее следует воспринимать как «нечто, ощутимо изменяющее реальность» (Ч. С. Пирс)². В частности, политика выступает разновидностью *действия* у М. Вебера, для которого активно действующий в политике индивид связывает с ней некий субъективный смысл. Еще в большей степени политика совпадает с его определением *социального действия*, которое, согласно предполагаемому действующим субъектом смыслу, соотносится с активностью других людей и ориентируется на нее³. Такая активность может быть приравнена также к *намеренному* бездействию или нейтральности⁴. Кроме того, политика практически всегда является *субъективной*, а это означает, что для нее невозможно изобрести универсальную теоретическую схему. Политика стремится познавать людей *изнутри* и свои предложения по изменению *status quo* обычно связывает с результатами данного познания⁵.

«Политика есть мощное медленное бурение твердых пластов, проводимое одновременно со страстью и холодным глазомером», – писал М. Вебер. И только тот, кто твердо уверен, что он не дрогнет, если мир окажется слишком глуп или подл для того, что он захочет ему предложить, имеет профессиональное призвание к политике⁶. Оправданием политики – в широком смысле данного понятия – считают и то, что в качестве социального действия она призвана выбирать *наименьшее зло*. На этот признак политического поведения обратил внимание К. Поппер⁷. В свою очередь, П. Рикер считал общим свойством политики то, что она в наибольшей степени воплощает в себе «средоточие осуществления человеческих потенций»⁸. М. Уолцер называл политику *доминантным благом*, которое располагается на границе

¹ См.: Sartori G. Democratic Theory. – Westport: Greenwood Press, 1973. – P. 35.

² См.: Кирюшенко В. Знак и смысл // Пирс Ч. С. Принципы философии. Т. 1. – СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2001. – С. 17.

³ См.: Вебер М. Избранные произведения. – М.: Прогресс, 1990. – С. 603.

⁴ Там же. – С. 497.

⁵ См.: Фейерабенд П. Прощай, разум. – М.: АСТ, Астрель, 2010. – С. 406.

⁶ См.: Вебер М. Избранные произведения. – М.: Прогресс, 1990. – С. 706.

⁷ См.: Поппер К. Открытое общество и его враги. Т. 2. – М.: Феникс, Культурная инициатива, 1992. – С. 396.

⁸ См.: Рикер П. Право і справедливість. – К.: Дух і літера, 2002. – С. 38.

ГЛАВА I

разнообразных распределительных сфер, не входя в состав последних¹. Похоже, именно в этом смысле интерес к участию в политике является одним из наиболее опасных человеческих искушений.

По мнению Ж. Рансьера, любой политической деятельности присущ также оттенок скандальности, ибо... «она есть деятельность, которой свойственна рациональность несогласия». Политика обладает у него интеллектуальным модусом, почти не поддающимся рациональному анализу. Политика для Ж. Рансьера – *сплошное несогласие*². Привычным также является понимание политической активности как деятельности, связанной с человеческим выбором варианта поведения, судьбы. Причем это касается и тех, внешне незначительных, изменений в поведении людей, которые обладают способностью становиться предпосылками будущих крупных событий³.

Политическую активность относят также к разновидности *человеческой энергии* (Т. де Шарден)⁴ либо к *поведению* – собирательно-началу, из которого разворачиваются все разнообразные способы, человеческого поведения (М. Хайдеггер)⁵. Поскольку *поведение* является наиболее действенным воплощением активности⁶, оно может использоваться как ее синоним⁷. В свою очередь, тяга к познанию и жажда власти рассматриваются в качестве важнейших инстинктивных побуждений политически активного человека⁸. Примечательно, что отношение к политической жизни как к *системе поведения* Д. Истон считал фундаментальным решением⁹.

В большинстве случаев политика представляет собой систему взаимосвязанных активностей, которые непосредственно воздействуют

¹ См.: *Волицер М.* Складна рівність // Лібералізм: Антологія. – К.: Смолоскип, 2002. – С. 904.

² См.: *Ланицкий В.* Путешествие на край политики // Рансьер Ж. Эстетическое бессознательное. – СПб.: Machina, 2004. – С. 108.

³ См.: *Швейцер А.* Культура и этика. – М.: Прогресс, 1973. – С. 75.

⁴ См.: *Шарден Т. де.* Феномен человека. – М.: Наука, 1987. – С. 222.

⁵ См.: *Хайдеггер М.* Вопрос о технике // Новая технократическая волна на Западе. – М.: Прогресс, 1986. – С. 45-46.

⁶ См.: *Наэм Д.* Психология и психиатрия в США. – М.: Прогресс, 1984. – С. 68.

⁷ См.: *Новый мировой порядок и политическая общность.* – М.: Наука, 1983. – С. 197.

⁸ См.: *Кууси П.* Этот человеческий мир. – М.: Прогресс, 1988. – С. 172.

⁹ См.: *Easton D.* A Framework for Political Analysis. – USA: Prentice Hall, 1965. – P. 23.

ГЛАВА I

на способы формирования и осуществления в обществе властных решений. Поскольку властные решения принято считать основным средством обеспечения социального порядка, политика непосредственно связывается с осуществлением функций государства¹. Отсюда принято выводить определение «хорошей политики» как набора правил и нормативных стандартов, следуя которым, можно обеспечить благосостояние общества и его членов. Так, многие люди интуитивно убеждены в том, что политика – это именно та деятельность, которая имеет дело со справедливостью – универсальным способом продвижения к тому, что они считают *хорошей жизнью*².

Следуя путем приближений, в политической активности можно увидеть также разновидность творчества, переход от природного начала к началу синтетическому, значимость которого определяется богатством традиции, на которую данный переход опирается³. В психологическом же смысле политическая активность отражает человеческую способность перестраивать элементы поля сознания, влиять на судьбу. В частности, Ж.-Ф. Ревель определял политическую активность как трансформацию базисных структур в события, способ внедрения ценностного фактора в систему социального детерминизма⁴.

Рассуждая о смысле политики, Г. Бёльль однажды заметил, что в структуре бытия она лежит буквально на поверхности, занимая самый верхний, тонкий и уязвимый слой⁵. Именно этот слой Аристотель называл *общением*, которое охватывает собой все иные общения. Следует заметить, что и политическую науку принято считать (по аналогии с ее предметом) «интегрирующей и синтезирующей дисциплиной». Последнее, скорее всего, объясняется тем, что политику нередко отождествляют с искусством гармоничного и устойчивого

¹ Движителем политической системы принято считать власть, а двигателем экономики – прибыль. Отсюда вытекает восприятие политики как борьбы за обретение и использование власти. См.: Коэн Д., Арато Э. Гражданское общество и политическая теория. – М.: Весь мир, 2003. – С. 25.

² См.: Ricci D. The Tragedy of Political Science. – New Haven and London: Yale University Press, 1984. – P. 219, 245.

³ См.: Раду Д. Идея культурного прогресса в современном мире. – М.: Прогресс, 1984. – С. 42.

⁴ См.: Revel J.-F. Democracy Against Itself. – USA: Free Press, 1993. – P. 64, 85.

⁵ См.: Бёльль Г. Франкфуртские чтения // Самосознание европейской культуры XX в. – М.: Мысль, 1991. – С. 314.

ГЛАВА I

распределения власти¹. Первоначально ее связывали с функцией субординации публичных лиц: императора и властелина, сеньора и васала, епископа и священника...²

Д. Бьюкенен воспринимал политику как особую *систему обмена*, в которой индивиды стремятся к достижению своих целей в условиях, когда они лишены возможности эффективно использовать возможности (средства и институты) рынка. Логично, что для Д. Бьюкенена в политике превалирующим является частный, а не корпоративный интерес³. В наиболее общем смысле его понимание политики поглощается рынком. Ибо, подобно тому, как на рынке люди обменивают яблоки на апельсины, в политике они платят налоги в обмен на блага, необходимые каждому: от местной пожарной охраны до федерального суда⁴.

Д. Бьюкенен называл политику одним из типичных способов согласования человеческих предпочтений. По его мнению, люди выбирают коллективные цели точно так же, как они выбирают товары, входящие в потребительскую корзину⁵. Данная позиция является весьма близкой к представлениям Д. Сартори, которому понятие политического поведения казалось слишком широким, чтобы воспринимать его буквально⁶.

Ш. Фурье относился к политической активности как к деятельности вне традиционных занятий, требующей не столько образования, сколько ума, здравого смысла и чувства справедливости. После него политикой называли также деятельность полиса, государства, публичной власти в целом⁷; активность административной иерархии, лидеров и конфликтующих в обществе групп⁸; авторитарное распре-

¹ См.: Ricci D. The Tragedy of Political Science. – New Haven and London: Yale University Press, 1984. – P. 213-215.

² См.: Майноуэ К. Анатомія лібералізму // Лібералізм: Антологія. – К.: Смолоскип, 2002. – С. 166.

³ См.: Бьюкенен Д. Сочинения. – М.: Таурус-альфа, 1997. – С. 19, 22, 23.

⁴ Там же. – С. 455.

⁵ Там же. – С. 212.

⁶ См.: Sartori G. What Is «Politics» // Political Theory, Vol. 1, No. 1, February, 1973. – P. 17.

⁷ См.: Вико Д. Новая наука. – М., 1940. – С. 269.

⁸ См.: Критика новейших буржуазных учений о государстве и праве. – М.: Прогресс, 1982. – С. 82.

ГЛАВА I

деление социальных ценностей¹; кооперацию усилий в гетерогенной социальной среде² и т.п.

А. Ампер называл политику средством сохранения обществ, способом обеспечения внутреннего мира и независимости народов³. Политически активными он считал не только правителей, но и народные массы в целом. При этом политическую науку он рассматривал в качестве общественной дисциплины, относящейся к подразделению *ноологических* наук. Позднее в своей обновленной классификации наук он поместил политическую науку в отделение *энергетических* наук.

А. Швейцер видел в политике *современную историю*, а П.-А. Гольбах отождествлял ее с искусством управления людьми, основанным на понимании их индивидуальной и коллективной природы. Следует отметить, что Т. Гоббс указывал в свое время на необходимость предварять постижение политических истин познанием склонностей, аффектов и нравов людей⁴. С тем обстоятельством, что политика основывает свои принципы на человеческой природе, ныне соглашаются все. Приблизиться же к пониманию природы человека помогает интерес. Абсолютной монархией, в которой нераздельно правит интерес, считает политику М. Маринович⁵. Реальная политика, однако, редко совпадает с прямой реализацией человеческих интересов.

Обычно политика начинается там, где интересам тесно, а директива невозможна, и потому возникает практическая необходимость в согласовании позиций. Д. Бьюкенен называл политику добровольной игрой, результаты которой потенциально способны удовлетворить всех ее участников. В этом случае политика выступает одним из способов взаимной координации субъективных прав и свобод⁶.

В английском языке политика как область или совокупность отношений, в которой взаимодействуют различные интересы, называется *politics*. Данный вид активности отличается от политики, понимаемой в качестве метода, программы деятельности или непосредственно

¹ См.: Easton D. A Framework for Political Analysis. – USA: Prentice Hall, 1965. – P. 50.

² См.: Rawls J. Political Liberalism. – N.-Y.: Columbia University Press, 1993. – P. 183.

³ См.: Поваров Г. Ампер и кибернетика. – М.: Советское радио, 1977. – С. 32.

⁴ См.: Гоббс Т. Избранные произведения. В 2-х т. Т. 1. – М., 1964. – С. 59-60.

⁵ См.: Маринович М. Украина: дорога через пустылю. – Харків: Фолио, 1993. – С. 99.

⁶ См.: Саватер Ф. Этика для Амадора. – К.: Дух і літера, 2008. – С. 138.

ГЛАВА I

действий, осуществляемых лидером или группой лиц по отношению к какой-либо проблеме или совокупности таковых. Последнему применению понятия соответствует термин *policy*¹.

Р. Хиггинс считал естественными проявлениями политического начала: а) *применение силы*; б) *компромисс*. Типичных участников политических действий он называл *львами* и *лисами*. По его мнению, сила в политике все-таки превалирует над компромиссом, частое обращение к которому угрожает превратить общество в подобие зоопарка с ручными животными².

Политическую активность часто отождествляют с деятельностью, направленной на примирение *плюрализма групп*³, с цивилизованной альтернативой силы, которая применяется в *индивидуалистическом* обществе, или обществе *разделенных* людей. Если мы согласимся с тем, что политические качества присущи именно разделенным людям, то минимальное количество ситуаций политической активности будет определяться половиной суммы ее разделенных участников⁴. В любом случае политическая активность может восприниматься в качестве деятельности по публичному сопоставлению позиций, отысканию способов приведения их к равновесию, которое должно оставаться подвижным⁵. Известно, что в компромиссах противоречия полностью не снимаются и не погашаются. Более того, убивающие энергию соперничества *окончательные решения* означают также и конец политики.

Политикой, строго говоря, является *продвижение к компромиссу*, но не сам его предмет, который может быть экономическим, моральным, культурным или каким-либо еще. В этом смысле все *политические решения выступают решениями второго порядка по отношению к некоей системе решений первого порядка*. Отсюда же берет свое начало понимание политической активности как вспомогательной деятельности, создающей согласованные системы решений неполитического

¹ См.: Арон Р. Демократия и тоталитаризм. – М.: Текст, 1993. – С. 21-22.

² См.: Хиггинс Р. Седьмой враг // Глобальные проблемы и общечеловеческие ценности. – М.: Прогресс, 1990. – С. 63.

³ См.: Нарта М. Теория элит и политика. – М.: Прогресс, 1978. – С. 122.

⁴ См.: Баткин Л. Возобновление истории // Иного не дано. – М.: Прогресс, 1988. – С. 171; Тулмин С. Человеческое понимание. – М.: Прогресс, 1984. – С. 214.

⁵ См.: Бжезинский З. Большой провал. – N.-Y.: Liberty Publishing House, 1989. – P. 255.

ГЛАВА I

характера¹. При таком подходе политика становится *de facto* второстепенной функцией исторического процесса, необходимым следствием и атрибутом решения всех его стратегических и тактических задач².

Но если это принять, то политическая деятельность всех государственных и – шире – *публичных* людей будет носить не столько субстанциональный, сколько процессуальный характер. Это, в свою очередь, означает, что политики могут вмешиваться в сферу экономики, науки или культуры лишь в качестве гарантов или посредников, а не лиц, наделенных полномочиями принимать решения по сути. Иными словами, политический истеблишмент не должен обладать прямыми директивными или арбитражными функциями. Политики в стратегическом смысле являются не хозяевами, а слугами народа и гражданского общества – тезис, который легче сформулировать, чем воплотить.

То обстоятельство, что политическая активность имеет *вторичный* по отношению к неполитическим действиям и решениям характер, отличает ее от любой иной деятельности, одновременно максимально приближая к ней. Ибо в этом случае все истинно политическое или «процессуальное» располагается на *втором*, а не на третьем или четвертом месте вслед за неполитическим или «материальным». Последнее обстоятельство подталкивает к предположению о том, что либо экономическое начало диктует политическому, либо политическое начало определяет характер экономического. Разумеется, не существует политики вне связи с экономикой и наоборот³. Известно, что в марксизме политика выступает как способ контроля над средствами, процессом и продуктами труда⁴, а сама политическая деятельность непосредственно связывается с экономической сферой⁵.

Сен-Симон считал политику наукой о *производстве*, хотя и стоящую от него особняком. В свою очередь, В. Ленин рассматривал политику в качестве концентрированного выражения экономики, область

¹ См.: Дойч К. Основные изменения в политологии // Политические отношения: прогнозирование и планирование. – М.: Наука, 1979. – С. 83.

² См.: Ортега-и-Гассет Х. Что такое философия. – М.: Наука, 1991. – С. 11.

³ См.: Бродель Ф. Время мира. – М.: Прогресс, 1992. – С. 482.

⁴ См.: Весоловский К. Классы, слои и власть. – М.: Прогресс, 1981. – С. 43.

⁵ См.: Кейзеров Н. Политическая и правовая культура. – М.: Юридическая литература, 1983. – С. 28.

ГЛАВА I

отношений всех классов и слоев к государству и правительству, сферу специфических отношений между классами¹. Подобное восприятие политики является типичным для всей марксистской школы², представители которой обычно уверены в том, что в политике реализуются сублимированные классовые интересы, что политика – это деятельность по завоеванию, захвату и удержанию государственной власти, что в ней актуализируется сотрудничество и противоборство социальных сил, воплощаются исторические судьбы миллионов людей³.

Политическое начало обладает в марксизме качеством всеобщности, всеохватности. Неслучайно М. Горбачев относил к политике и преобразование производственных отношений, и методы хозяйствования, и стиль партийного руководства⁴. Социалистические руково-

¹ См.: Ленин В. Полн. собр. соч. Т. 6. – С. 79. В. Ленин видел в политике *суть* отношений между классами, а Х. Ортега-и-Гассет считал, что политика воплощает *притяжение* одних масс людей к другим. См.: Ортега-и-Гассет Х. Что такое философия? – М.: Наука, 1991. – С. 11.

² См.: Лебедев М. К вопросу о закономерностях политики, их характере и механизме действия // Советское государство и право, № 11, 1984. – С. 4; Бурлацкий Ф. Ленин, государство, политика. – М.: Наука, 1970. – С. 47-48; Вятр Е. Социология политических отношений. – М.: Прогресс, 1979. – С. 21, 157; Дейцев С. Политические аспекты глобальных проблем современности // Советское государство и право, № 5, 1986. – С. 130-132; Зайцев Ф. Проблема освоения интеллектуальных систем в политической деятельности // Проблемы развития и освоения интеллектуальных систем. – Новосибирск, 1986. – С. 234; Кирилюк А. Категория «активность»: мировоззренческие и методологические функции. – К.: «Наукова думка», 1985. – С. 10-11; Клюев А. Особенности развития политической активности граждан при социализме // Политические институты и процессы. – М.: Наука, 1986. – С. 122; Курашвили Б. Очерк теории государственного управления. М.: Наука, 1987. – С. 66; Пискотин М. Социализм и государственное управление. – М.: Наука, 1988. – С. 252; Политика и общество: социально-политические проблемы развитого социализма. – Л.: Издательство ЛГУ, 1975. – С. 106-116; Рац М. Каков поп, таков и приход // Книжное обозрение, № 37, 1993. – С. 22; Рудич Ф. Политика как объект системного исследования // Философская и социологическая мысль, № 1, 1990. – С. 21; Тихомиров Ю. Социализм и политическая деятельность. – М.: ИГПАН СССР, 1984. – С. 48; Философская энциклопедия. Т. 4. – М.: Советская энциклопедия, 1964. – С. 295; Шахназаров Г. Введение // В. Ленин как политический мыслитель. – М.: Политиздат, 1981. – С. 6. См. также работы Н. Азарова, Л. Арской, Г. Артемова, А. Сергиева и др.

³ См.: Ленин В. Полн. собр. соч. Т. 40. – С. 132.

⁴ См.: Горбачев М. Ответы на вопросы газеты Юманите // Правда, 8 февраля, 1986. – С. 1.

ГЛАВА I

дители обычно были твердо убеждены в том, что сознательно управлять можно практически всем. Впрочем, отношение к политике как к инструменту плановых преобразований свойственно большинству иерархических структур, ориентированных на поддержание устойчивости, стабильности и защищенности социума. Как писал по этому поводу К. Поппер, внедрение политического доминирования и контроля объясняется обычно желанием избавиться от экономического страха и шантажа. В этом случае политическое действие рассматривается в качестве ключа к экономической защите.

С другой стороны, широко распространенная убежденность в том, что политическое действие является производным от материальных условий жизни людей¹, объясняется глубоко укоренившейся привычкой рассматривать политику в качестве соревнования за власть между экономическими группами и интересами, как разновидность борьбы за благосостояние, обретение вообще всех хороших вещей в жизни². В действительности же, хотя политика и отображает неполитические сферы жизни, фокусируя значительную часть ее многообразия³, она не предназначена для прямого обслуживания целей экономического благосостояния и роста.

Исключение, возможно, составляет лишь политическая забота о сохранении и поддержании рыночной устойчивости. Как писал по этому поводу Ф. Джеймисон, заниматься политикой в современном мире – означает проявлять заботу о поддержании аппарата рынка, а не о коллективных аспектах организации производства⁴. Впрочем, еще и сегодня преодоление стереотипа обусловленности политического поведения экономическими интересами требует иногда созна-

¹ См.: Кэндзио Я. Философия свободы. – М.: Издательство социально-экономической литературы, 1958. – С. 15. Принято считать, что внутренние мотивы сильнее влияют на поведение индивидов, чем стимулы внешней среды. См.: Карп Р. К науке о личности // История зарубежной психологии (30–60-е годы XX в.). Тексты. – М.: Издательство МГУ, 1986. – С. 222.

² См.: Фукуяма Ф. The End of History and the Last Man. – N.-Y.: Free Press, 1992. – P. 162.

³ См.: Скуратов Ю. О конституционном содержании некоторых политических категорий // Правоведение, № 1, 1986. – С. 25.

⁴ См.: Джеймисон Ф. Постмодернизм або логіка культури пізнього капіталізму. – К.: Курс, 2008. – С. 300.

ГЛАВА I

тельных усилий. Еще больше усилий необходимо приложить для уяснения главенствующей роли политики по отношению к экономике¹.

Уже К. Маркс и Ф. Энгельс существенно расширили бытовавшее до них представление о политике как об исключительно государственной, официальной деятельности. После К. Маркса государственную деятельность стали рассматривать как один из элементов феномена политического, представляющего общественный порядок в целом. И хотя марксистский прогноз об отмирании государства оказался известным преувеличением (роль бюрократии в мире не ослабевает), в Западной Европе и США становится все более заметным, что творческие элиты хотят жить... в *гражданском обществе*, а не в государстве, и не склонны отождествлять окружающее их жизненное пространство с государством. В частности, все более проявляется тенденция к тому, что люди распоряжаются своей собственностью, пересекают географическое пространство, занимаются творчеством как профессионалы уже как бы вне национальных границ и правил. Все большее их количество реализует свои интересы непосредственно в гражданском обществе, а не в государстве, вне санкций национальной бюрократии.

В свою очередь, становление полномасштабного гражданского общества сопровождается существенными изменениями в политико-идеологической сфере. В качестве интеллектуального обоснования данного процесса принимались не только партийные программы и статуты, но также идеологические и философские системы. Первоначально в Западной Европе и США, а затем и на более широком пространстве гражданское общество становится все более впечатляющим политическим феноменом. Наоборот, историческую недостаточность политических возможностей государства констатировали уже Ж.-Ж. Руссо и Д. Локк, Г. Спенсер и А. де Токвиль, М. Бакунин и К. Маркс.

Следует отметить, что повышение авторитета гражданского общества никогда не воспринималось однозначно. Отдельные свидетели перемен усматривали в данном процессе ослабление направляющей силы разума и пренебрежение обязанностью координации во всемирном масштабе. Тем не менее, прежнее узкое понимание политики как

¹ См.: Арон Р. Демократия и тоталитаризм. – М.: Текст, 1993. – С. 26.

ГЛАВА I

активности исключительно государственной, на выборах, в условиях стабильности и в поддающихся строгому учету формах постепенно отодвинулось на второй план. Государство уже не может контролировать происходящие в обществе процессы с прежней тщательностью, а падение тоталитарных режимов в XX веке лишь подтвердило теоретическую оценку политических трансформаций как *сверхсложных*.

Так или иначе, современное понимание политики исходит из того, что в качестве метода преобразований она имеет отношение не только к государственной власти, но также и к власти неправительственных организаций и институций. При этом политическая значимость последних измеряется их способностью обеспечивать быстрые и гармоничные преобразования в окружающей человека среде. В этом смысле политика имеет отношение как к ресурсам, обеспечивающим фундамент данной способности, так и к силам, которые придают социальным преобразованиям конкретную форму¹. Как говорил в свое время П.-А. Гольбах, ничто не представляется мне более трудным, чем умение заставить сограждан действовать сообща.

Провал методов авторитарного правления в мире явился убедительным доказательством превосходства гражданского общества над жестко структурированным государственным порядком. Можно предположить, что тоталитаризм возник в свое время из опасений политической энтропии даже в большей степени, чем из характерной для его идеологов неприязни к свободе. Соперничая со своими неорганизованными и беспорядочными врагами, он был низвергнут не внешним окружением, а спонтанной активностью «неформалов». Как писал по этому поводу В. Буковский, коммунизм рухнул под давлением собственной тяжести «непобежденным».

Сегодня политическая активность утверждается в мире на новых основаниях, а неформальное сотрудничество свободных людей стало реальностью в масштабах мировых регионов. Парадоксальным образом старая идея Морелли об установлении истинных средств сохранения и поощрения общественного единения, а также о восстановлении в обществе согласия² воплощается ныне не по скучному утопическому шаблону, а в русле многообразных творческих процессов.

¹ См.: *Held D. Models of Democracy*. – Stanford, California: Stanford University Press, 1996. – P. 309-310.

² См.: *Морелли. Кодекс природы*. – М.: Издательство АН СССР, 1947. – С. 67.

ГЛАВА I

В итоге, политическое самовыражение граждан в условиях равновесия, обеспечиваемого силовым полем государства¹, перестало быть наиболее вероятной перспективой. На место технологии принуждения постепенно приходит демократическое согласие, воплощающее в себе подлинный смысл политики как *общего дела* и *общего блага*².

Современная наука позволяет говорить о политике как о процессе, благодаря которому люди, чьи мысли и интересы различны, могут разрабатывать решения, приемлемые для всех. Хорошая политика, подчеркивал А. Уайтхед, не совпадает ни с «романтической безжалостностью», ни с «романтическим самопожертвованием». Она воплощает в себе один из таинственных аспектов того постоянства, которое мы ценим в мире³. От политики невозможно убежать, однако хорошая политика ограничивается достижением исключительно тех целей, которых люди не могут достигнуть индивидуально⁴.

Плохая политика, напротив, занимается обычно широким кругом вопросов. Вмешиваясь буквально во все, она разжигает страсти, усиливая риск катастрофы и гибели для самых активных (П.-А. Гольбах). С другой стороны, от политики ожидают обеспечения безопасности, стабильности и защищенности в рамках национального государства. Не случайно восприятие политики в духе античности, то есть как явления *государственно* организованной жизни людей (отсюда отождествление политики с государством), сохранялось вплоть до начала XIX века⁵.

Современное гражданское общество ценит в общем деле политики не столько порядок, стабильность и защищенность, сколько рынок и творческую свободу, которые генетически связаны с вероятностью нестабильности и хаоса. В Новое время политика стала делом свободных людей, воспринимающих ее не как *правление* (отношения между

¹ См.: *Восленский М.* Номенклатура. – М.: Советская Россия, 1991. – С. 581.

² См.: *Аристотель.* Политика. – М.: 1893. – С. 123.

³ См.: *Уайтхед А.* Избранные работы по философии. – М.: Прогресс, 1990. – С. 173.

⁴ См.: National Standards for Civics and Government. – USA: Center for Civic Education, 1994. – P. 45.

⁵ См.: *Алексеева Т., Кравченко И.* Политическая философия: к формированию концепции // Вопросы философии, № 3, 1994. – С. 6.

ГЛАВА I

управляющими и управляемыми – Д. Сартори¹), а как *самоуправление* – народоправство.

Утверждение демократии изменило приоритеты современной политики и саму природу политического действия. Успехи республиканизма доказали, что порядок и стабильность не являются абсолютными политическими ценностями и что наряду с ними существуют иные политические ориентиры, главным из которых выступает свобода. Счастливой неожиданностью, сопровождающей данное открытие, стало то, что большинство демократий оказались миролюбивыми и процветающими.

С укреплением свободы и демократии политика превратилась в средство обеспечения общественного порядка как общего блага лишь в качестве *основы*, а не *конечной цели* государственной жизни. Сегодня значимость данного наблюдения К. Яспера трудно переоценить². В демократии XX века *политическое* стало рассматриваться в присутствии обязательного компонента *свободы*, а социальные отношения – трактоваться как политические только при условии, что они не ведут к зависимости и рабству.

Свершившуюся перемену хорошо иллюстрирует абстрактная модель А. Зиновьева: отношения между субъектами *А* и *Б* можно признать *политическими* отношениями только в том случае, если оба данных субъекта достигают желаемого для них блага *С* на основе компромисса, *свободно заключенного договора*, а не как-либо иначе. Только в этом случае действия индивидов *А* и *Б* следует признать *политическими* действиями. Сама по себе борьба за автономный и независимый статус еще не является политикой. В этом случае уместно было бы говорить лишь о создании *возможности* вступать в политические отношения³.

В наши дни рафинированную политику отождествляют также с искусством организации социального действия на основе свободного интеллектуального искушения, «соблазна». В этом случае, как пишет Ж.-М. Денкэн, минимальное политическое сообщество будет состоять из трех независимых друг от друга субъектов, каждый из которых

¹ См.: Sartori G. Democratic Theory. – Westport: Greenwood Press, 1973. – P. 35.

² См.: Ясперс К. Цель – свобода // Новое время, № 5, 1990. – С. 36.

³ См.: Зиновьев А. Зияющие высоты. Т. 2. – М.: Издательство ПИК, 1990. – С. 138-139.

ГЛАВА I

обладает возможностью заключить или отказаться от заключения двустороннего союза¹. Как писал по аналогичному поводу А. Пятигорский, «двумя людьми политика не делается, она не делается действователем и объектом действия. Политика начинается там, где появляется третий»².

В демократии целью политики является создание или удержание существующего большинства на стороне определенной позиции или акции. Поэтому все то, что может реально существовать и функционировать во внеблоковом режиме, не относится к собственно политической сфере. Факт может считаться политическим лишь при условии, что для воздействия на него необходимо совершить выбор в некоем наперед заданном пространстве³. Именно поэтому политика имеет много общего со всеми соревновательными и кооперативными практиками⁴.

Разумеется, в контексте мировых событий XX – начала XXI века политика не может рассматриваться как *общее дело* полностью независимых от национального государства субъектов. Как и в прежние времена, в ней обнаруживаются черты откровенного манипулирования людьми («усмирения человеческого стада») ⁵, тайного сговора (у Х. Ортеги-и-Гассета политическое сообщество всегда тайное)⁶, эксплуатации маниакальных страстей, интеллектуальной диктатуры и... неистребимой аморальности⁷.

Г. Флобер называл политику «занятием для каналов», а Д. Мережковский считал ее предметом «цинического обнажения»⁸. А. Бирс определял политическую прерогативу как «суверенное право причинять вред», а саму политическую деятельность – как сражение пу-

¹ См.: Денкэн Ж.-М. Политическая наука. – М.: МНЭПУ, 1993. – С. 35.

² См.: Пятигорский А. Что такое политическая философия: размышления и соображения. – М.: Европа, 2007. – С. 40.

³ Там же. – С. 10, 17, 22.

⁴ См.: Murray E. The Symbolic Uses of Politics. – Urbana and Chicago: University of Illinois Press, 1985. – P. 196.

⁵ См.: Поннер К. Открытое общество и его враги. Т. 1. – М.: Феникс, 1992. – С. 84.

⁶ См.: Ортега-и-Гассет Х. Спортивное происхождение государства // Философская и социологическая мысль, № 6, 1990. – С. 47.

⁷ См.: Демократия для всех. Манифест чехословацкого Движения за гражданские права и свободы // Проблемы Восточной Европы, № 25-26, 1989. – С. 227.

⁸ См.: Мережковский Д. Больная Россия. – Л.: Издательство ЛГУ, 1991. – С.29.

ГЛАВА I

бличных принципов ради частных преимуществ¹. Еще прежде Вольтер сравнивал политику с «заколдованным кругом преступлений»², а П. Друкер предупреждал о том, что политическое честолюбие способно разрушить даже самую сильную индивидуальность.

По мнению М. Кундеры, современная политика – это наименее существенная и ценная сторона жизни, «грязная пена на реке», «закрытая научная лаборатория», где производятся эксперименты над человеком: «Подопытных людишек сбрасывают там в тюрьмы, затем вновь извлекают на сцену, прельщая их аплодисментами и устрашая петлей, предавая и принуждая к предательству»³. Политика, как говорит Н. Яковенко, – это узаконенное потребностью момента публичное лицемерие. Требовать откровенности и морали в этой сфере, по меньшей мере, наивно⁴. Заниматься политикой, говорил Г. Честертон, это все равно, что сморкаться или писать невесте. Все здесь следует делать самому, даже если не умеешь⁵.

Метафорические определения политики являются во многих отношениях остроумными, но не обязательно продуктивными. Нередко в них чувствуется присутствие игры, которая «еще не отдала себя во власть разуму»⁶. С другой стороны, в неформальном подходе к политике способно проявиться и оптимистическое начало. Для Д. Янkelовича и Д. Иммервара политика характеризуется «экспрессивизмом» – способностью помогать самовыражению автономной личности⁷. Адекватной демократии считает современную политику и З. Бжезинский. А. Камю усматривал в политике смысл «общения с коллективом», источник «могучей радости»⁸, а И. Витаньи – главную

¹ См.: Бирс А. Избранное. – М.: Прогресс, 1982. – С. 457-458.

² См.: Мир философии. Ч. 2. – М.: Политиздат, 1991. – С. 383.

³ См.: Кундера М. Вальс на прощание. – М.: Азбука-классика, 2009. – С. 139.

⁴ См.: Яковенко Н. Нарис історії середньовічної та ранньомодерної України. – К.: Критика, 2005. – С. 400.

⁵ См.: Честертон Г. Вечный человек. – М.: Политиздат, 1991. – С. 389.

⁶ См.: Бодрийар Ж. В тени молчаливого большинства, или конец социального. – Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2000. – С. 96.

⁷ См.: Иммервар Д., Янkelович Д. Новая трудовая этика // Америка, № 350, 1986. – С. 4-5.

⁸ См.: Камю А. Бунтующий человек. – М.: Политиздат, 1990. – С. 247.

ГЛАВА I

часть деятельности по созданию современного общества¹. П. Сорокин видел в росте политического участия путь к возвышению идеалов личности, а Д. Писарев – одно из наиболее эффективных средств умственного развития.

Ж. Ле-Гофф находит в политике оправдание жизненному предназначению человека, а А. Швейцер – деятельность по внушению «дальновидного эгоизма»². Известно, что Э. Фромм рассматривал политику под углом зрения неотчуждаемой творческой активности, а Сент-Экзюпери обнаруживал в ней шанс «сыграть действительную роль»³. Современную политику называют также средством предсказания будущего⁴, «строительством из будущих кирпичей»⁵.

В любом случае, становление продуктивной политики происходит непросто. И это несмотря на то, что в результате длительной эволюции человечество превратилось в биогенную силу, владеющую колоссальной энергией сознательного действия⁶. Неравномерность в распределении этой энергии проявляется сегодня и на политическом уровне. Что же касается истоков политической активности, то еще на заре цивилизации энергетически заряженные в разной степени этносы стремились к осуществлению *разных целей*⁷, что и заложило первичную основу политики как особой разновидности действия.

О политике как о «духе творческом и преобразующем» писал в России П. Новгородцев, в ее созидательные возможности искренне верили идеологи коммунистического СССР⁸. Политический инстинкт сформировал в свое время общину, примитивные социальные ин-

¹ См.: *Витаньи И.* Общество, культура, социология. – М.: Прогресс, 1984. – С. 108, 114.

² См.: *Швейцер А.* Культура и этика. – М.: Прогресс, 1973. – С. 161.

³ См.: *Сент-Экзюпери А. де.* Военные записки 1939–1944 гг. Художественная публицистика. – М.: Прогресс, 1986. – С. 53.

⁴ См.: *Бжезинский З.* Научная необходимость в стратегии по отношению к бывшим коммунистическим государствам // Проблемы Восточной Европы, № 35-36, 1992. – С. 5.

⁵ См.: *Кашук Ю.* Камни и кони // Книжное обозрение, 1 июня, 1990. – С. 4.

⁶ См.: *Вернадский В.* Философские мысли натуралиста. – М.: Наука, 1988. – С. 28.

⁷ См.: *Гумилев Л.* География этноса в исторический период. – Л.: Наука, 1990. – С. 33-34.

⁸ См.: *Кейзеров Н.* Политическая и правовая культура. – М.: Юридическая литература, 1983. – С. 7.

ГЛАВА I

ституты и начатки полиса. Постепенно человеческая природа выработала сложные стереотипы политического поведения, среди которых принцип: *в дружбе, но порознь* (Л. Гумилев) обнаружил всю свою прагматическую силу и значимость.

Там, где древние греки говорили *политический*, римляне говорили *гражданский*¹. В Средневековье развитию политического начала способствовал конфликт императорской власти и церкви, в рамках которого сформировалось исходное представление о *коллективных телах* (*universitates*). Что же касается *политического сообщества*, то данное понятие первоначально включало в себя городское хозяйство – важный признак, отличающий центр от тихой провинции. Город, писал Н. Луман, это «именно публичная жизнь, общее дело, *res publica*, как позднее, прибегнув к юридическому понятию, скажут в Риме»².

В целом концепция политики сложилась на основе модели солидарности, позволяющей противопоставлять всех *своих* – *чужим*³. Аргументы варьировались, но *мы* воевали с *ними*, потому что они *отличались* от нас, а это подрывало ценность наших фундаментальных принципов (Р. Фокс)⁴. Поскольку одним лишь противостоянием дело не ограничивалось, в мире не было бы эллинизма, римского порядка, христианства, прав человека и цивилизации в целом без выдающихся достижений оружия⁵. Что же касается отражения подобных процессов в языке, то вплоть до XVII-XVIII веков понятие *политики* использовалось в качестве синонима *общественного поведения* в целом.

Современный мир представляет собой пространство с ярко выраженными участками повышенного и пониженного политического напряжения. И там, где баланс сил резко изменялся, катастрофа становилась неизбежной. Впрочем, регионализм и прежде приводил к различию социальных ролей, а потому и политик (И. Валлерстайн)⁶. Как известно, используемые людьми политические стандарты зави-

¹ См.: Sartori G. What Is «Politics» // Political Theory, Vol. 1, No. 1, February, 1973. – P. 8.

² См.: Луман Н. Самоописания. – М.: Логос/Гнозис, 2009. – С. 59, 77.

³ См.: Луна Ю. Призначення України. – Н.-У.: Говерля, 1953. – С. 17.

⁴ См.: Фокс Р. Фатальная привязанность: война и человеческая природа // Проблемы Восточной Европы, № 37-38, 1993. – С.132.

⁵ См.: Голль Ш. де. На острие шпаги. – М.: Европа, 2006. – С. 125.

⁶ См.: Skocpol T. Social Revolutions in the Modern World. – N.-Y.: Cambridge University Press, 1994. – P. 64.

ГЛАВА I

сят от места, где им довелось родиться и жить¹. Политические привычки всегда тесно связаны с географической средой.

Как считал В. фон Гумбольдт, климат, почва и окружающая обстановка в целом способны порождать политически окрашенные моральные импульсы. В частности, истоки политического поведения он обнаруживал в рабстве, а истоки поведения теологического – в ереси. Подобные закономерности проявляют себя в исторически необозримом целом. А. Швейцер выводил политические императивы из философии *благоговения перед жизнью*, общей причастности индивида ко всему, что происходит в универсуме.

Первоначально политические эмоции индивида распространялись лишь на его семью, род и этнически близких ему собратьев-людей. Позднее они были экстраполированы на людей иных рас, а также на слабоумных и увечных индивидов. На высшей ступени этногенеза человек сумел осознать свое единство с низшими животными, ландшафтами, морями и экосистемами².

Что же касается антропологических данных о *zoon politicon*, то принято считать, что существующие в этой области работы содержат в себе богатый материал³. Примечательно, что и здесь представление о *политике* как об отношении *своих – к чужим* подтверждается⁴. Так, организационно-управленческая функция оказалась востребованной еще в развитой родовой общине⁵. Поэтому становление политических отношений не следует отождествлять с возникновением классов. Идеология и ритуал сплачивали население, создавая организационные структуры и выдвигая руководителей. Не удивительно,

¹ См.: Тулмин С. Человеческое понимание. – М.: Прогресс, 1984. – С. 65.

² См.: Ролстон Х. III. Существует ли экологическая этика // Глобальные проблемы и общечеловеческие ценности. – М.: Прогресс, 1990. – С. 287.

³ См.: История первобытного общества. Общие вопросы. Проблемы антропосоциогенеза. – М.: Наука, 1983. – С. 157.

⁴ Там же. – С. 326. По мнению Л. Гумилева, первичная политическая дифференциация осуществлялась по принципу *комплиментарности*. «Люди объединяются по принципу комплиментарности. Комплиментарность – это неосознанная симпатия к одним людям и антипатия к другим, т. е. положительная и отрицательная комплиментарность». См.: Гумилев Л. География этноса в исторический период. – Л.: Наука, 1990. – С. 28.

⁵ См.: История первобытного общества. Эпоха классовобразования. – М.: Наука, 1988. – С. 198.

ГЛАВА I

что первые признаки политической активности обнаруживаются в ритуальных и религиозных факторах первобытной жизни¹.

Что касается политики в чистом виде, то ее не существовало до тех пор, пока некий правитель не основал государство и не установил закон – случайное событие, послужившее величайшим благом для человечества (Ф. Фукуяма). Возникновение государства произошло «где-нибудь в Египте и Вавилоне около 10.000 лет назад и, вероятнее всего, было связано с развитием земледелия»². Как феномен культуры *политика* возникла в результате соединения таких фундаментальных характеристик (свойств) *Homo sapiens*, как социабельность и язык³.

Традиционным объяснением возникновения политики является теория конфликта⁴, согласно которой триада – *насилие, ненависть и вражда*, произвела на свет первые политические чувства. Для Ибн-Хальдуна, Ж. Бодена и Т. Гоббса понятие политики было связано с агрессивными инстинктами и устремлениями людей. Желание одолеть соперника и одновременно защититься от него признаются главными стимулами *политической игры* и у Й. Хейзинги. Даже весьма далекий от политической науки В. Белинский считал *политические эмоции* производными от несовпадающих представлений разных народов о добре и зле. У Т. Гоббса политика означала состояние перманентной войны всех против всех⁵, а у Ф. Фукуямы «политика возникла в качестве механизма контроля за насилием». Так что и в наши дни насилие сохраняется в качестве фона для политических изменений определенного типа⁶.

Современные представления о природе политической активности являются менее радикальными. В частности, в Новое время идея комфортного и гармоничного общения воспринималась как элемент

¹ См.: История первобытного общества. Эпоха классообразования. – М.: Наука, 1988. – С. 6.

² См.: Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее: Последствия биотехнологической революции. – М.: АСТ, 2008. – С. 234-235.

³ Там же. – С. 235.

⁴ См.: Вятр Е. Социология политических отношений. – М.: Прогресс, 1979. – С. 80-82.

⁵ См.: Гоббс Т. Левиафан. – М.: Издательство социально-экономической литературы, 1936. – С. 115.

⁶ См.: Fukuyama F. The Origins of Political Order. – N.-Y.: Farrar, Straus and Giroux, 2011. – P. 45.

ГЛАВА I

не только коммуникативной, но и политической теории. Например, у Г. Мабли Творец комбинирует политические эмоции людей таким образом, чтобы сделать их расположенными ко «взаимному доброжелательству»¹. Самосохранение казалось оправданной целью политических усилий для Д. Уинстенли² и Морелли. Последний считал *стремление индивида к покою* его главной политической установкой³.

Уже в литературе кватроченто (XV век) *политические взаимодействия* оправдываются соображениями угодной Богу солидарности⁴. Что касается *политического сообщества* в целом, то в эпоху раннего Возрождения оно воспринималось в качестве устойчивой в своем основании пирамиды, к вершине которой мечтами устремляется каждый. Со временем приоритеты безопасности расширились до требования стабильности, а от стабильности – к свободному общению или коммуникации. Закономерно, что подобной политической эволюции общества сопутствовала переналадка его эмоционального состояния от разочарования – к надежде⁵.

В государство нас объединяет не то, кем мы были вчера, а то, кем мы будем завтра, утверждали политические философы XX века. Политическая воля воспринималась К. Ясперсом в качестве *стремления обрести судьбу посредством смены поколений*⁶. Впрочем, уже Ш. Фурье пытался предложить вместо старого политического принципа *удушения страстей* противоположный принцип *притяжения по страсти*⁷. Общественный договор Д. Локка – это соглашение уже по-настоящему свободных людей⁸. Трансформация политики в сторону вектора свободы хорошо согласуется и с утверждением А. Тойн-

¹ См.: Мабли Г. Избранные произведения. – М.-Л.: Издательство АН СССР, 1950. – С. 60.

² См.: Уинстенли Д. Избранные памфлеты. – М.: Издательство АН СССР, 1950. – С. 241.

³ См.: Морелли. Кодекс природы. – М.: Издательство АН СССР, 1947. – С. 99.

⁴ См.: Гарэн Э. Проблемы итальянского Возрождения. – М.: Прогресс, 1986. – С. 43.

⁵ См.: Дайсон Ф. Оружие и надежда. – М.: Прогресс, 1990. – С. 17.

⁶ См.: Ясперс К. Смысл и назначение истории. – М.: Политиздат, 1991. – С. 67.

⁷ См.: Фурье Ш. Избранные сочинения. Т. 3. – М.: Издательство АН СССР, 1954. – С. 283-284.

⁸ См.: Локк Д. Сочинения. В 3-х т. Т. 3. – М.: Мысль, 1988. – С.319, 328.

ГЛАВА I

би о «разрушении кристалла обычая» и возникновении республики как подчинения масс *свободно* избранному руководителю и *свободно* принятому закону¹.

Шаг за шагом политика во все большей степени ориентировалась на интересы «реформации в мире» (Д. Уинстенли), не щадящей и королей. Если для А. Гамильтона народ без национального государства – это картина, внушающая ужас, то у А. Линкольна государство сохраняет свой авторитет исключительно при условии, что оно создается усилиями *свободных* людей. Последнее обстоятельство как раз и делает успехи государства «фундаментальными и поразительными».

Несколько иначе объяснял эволюцию политического начала марксизм. Будучи близок к британским ортодоксальным экономистам XVIII века, К. Маркс усматривал в целях политической деятельности главным образом *обогащение*². У его *alter ego* Ф. Энгельса рабочие политически активны в силу своей природы³, которая полностью определяется материальными условиями их жизни⁴. По мнению марксистов, политическая жизнь всегда и всюду основывалась на экономических предпосылках⁵. Ранее аналогичный подход спорадически обнаруживался у древних греков. По мнению К. Манхейма, характерное для Платона убеждение в классово-антагонистических корнях политики было в целом свойственно «утопическому сознанию угнетенных классов»⁶.

Расслоение на бедных и богатых является типично марксистским аргументом в поисках истоков политической жизни. Между тем, зависть проявляет себя обычно как психический, а не политический мотив. О. Уайльду бедняки казались более своекорыстными, чем богатые⁷, однако данной констатации было недостаточно для создания

¹ См.: Тойнби А. Постижение истории. – Прогресс, 1991. – С. 135.

² См.: Рассел Б. Практика и теория большевизма. – М.: Наука, 1991. – С. 72-73.

³ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 33. – С. 328.

⁴ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.3. – С. 18-19.

⁵ См.: Розин Э., Ницирвели Г. Ф. Энгельс и проблемы государства // Правоведение, № 6, 1984. – С. 11-19.

⁶ См.: Манхейм К. Идеология и утопия // Утопия и утопическое мышление. – М.: Прогресс, 1991. – С.129.

⁷ См.: Уайльд О. Социализм и душа человека // Вехи. – М.: Новое время, 1990. – С. 201.

ГЛАВА I

убедительной теории социальных перемен¹. Богатство есть нерв политики во время мира и во время войны, – говорил Г. Мабли. Однако это еще не означает, что из «тупо смотрящего на землю или вокруг себя» (Р. Оуэн) индивида может сформироваться сознательный и политически действующий субъект.

Как писал Н. Луман, политическое влияние богатства в наше время оказалось существенно более низким, чем этого можно было ожидать. Более того, «богатство <...> нисколько не увеличивает шансы определять содержание законов. В свою очередь, политическая власть, в силу конституционных предписаний, не может беспрепятственно отчуждать собственность, непосредственно обогащаться или превращаться для власть имущих в источник доходов»².

Впрочем, «научному материализму» сопротивлялись даже в час его торжества. Марксисты ошиблись, отвергая и высмеивая душу и независимый ум человека, которые в действительности едва ли не исчерпывающим образом объясняют «то, что движет всем»³. Понимая это, Л. Франк обвинял российскую интеллигенцию начала XX века в наивном превознесении ею материального начала. Тогда же Н. Федоров критиковал восприятие политического вопроса как вопроса о доступности нарядов и комфорта. Уже в наши дни А. Пятигорский назвал марксизм преимущественно «мещанской теорией», пробуждающей бешеную энергию в средних классах⁴. И хотя некоторые из европейских диссидентов все еще склонны распознавать за «занавесом политической власти» золотые краны в ваннах комнатах Вандербильтов⁵, классово-генез и политогенез не происходили по однофакторной марксистской схеме⁶. Судя по всему, политику вообще не следует считать продуктом развития производственных отношений⁷.

¹ См.: Рассел Б. Практика и теория большевизма. – М.: Наука, 1991. – С. 93.

² См.: Луман Н. Власть. – М.: Праксис, 2001. – С. 158.

³ См.: Райх В. Психология масс и фашизм. – М.: Университетская книга, 1997. – С. 33.

⁴ См.: Пятигорский А. Философия одного переулка. – М.: Прогресс, 1992. – С. 40.

⁵ См.: Шимечка М. Мой товарищ Уинстон Смит // Проблемы Восточной Европы, № 27-28, 1989. – С. 227-228.

⁶ См.: Явич Л. Сущность права. – Л.: Издательство ЛГУ, 1985. – С. 25.

⁷ См.: Белов С. Общественно-политическая активность как проявление политической культуры // Советское государство и право, № 6, 1984. – С. 3.

ГЛАВА I

Промышленная революция затронула политические структуры общества вместе со всеми остальными¹, однако всплеск политической активности в Европе в конце XVIII века и ее кульминация во взрывных событиях XX века были обязаны, главным образом, урбанизации и распространению литературы. Слишком многое сегодня доказывает, что кодекс политического поведения формировался, преимущественно, культурным путем².

Культурное многообразие стимулировало политическую жизнь индустриального Запада точно так же, как социальная пестрота и плюрализм античности – политические практики греков и римлян³. Как утверждал по этому поводу Г. Спенсер, политический либерализм возник из *индустриализма* не непосредственно, а через трансформацию *режима статуса* в *режим контракта*⁴.

С другой стороны, хотя Новое время не было сугубо технократическим, именно оно привнесло в общество идею рационализации бесконечного (А. Уайтхед); веру в универсальность законов небесной механики (Х.-Г. Гадамер); механизацию, ведущую к осознанию выгод политического централизма (М. Хайдеггер); восприятие общественного устройства в виде часового механизма (Г. Честертон); сомнительную, с точки зрения И. Канта, математизацию природоведения (Н. Бердяев); соблазн управления социальными процессами по правилам линейного процессора (Р. Абельсон) и др. В целом, как говорил А. Уайтхед, все это привело к ограниченности моральных представлений не менее чем трех поколений.

Многим в то время казалось, что «человеческая машина» не может не подчиниться очевидным индустриальным императивам⁵. Естественнонаучные достижения XX века убеждали в возможности устранения политической тирании радикальными методами⁶, а достижения естественных наук воспринимались в качестве рычагов, способных акти-

¹ См.: Кирквуд К. Ренессанс в Японии. – М.: Наука, 1988. – С. 254.

² См.: Гаврилишин Б. Дорогоовкази в майбутне. – К.: Основи, 1993. – С. 120.

³ А. Тойнби называл «политический аспект» капитализма самой важной стороной жизни Запада. См.: Тойнби А. Постижение истории. – М.: Прогресс, 1991. – С. 84.

⁴ См.: Spencer H. The Man Versus the State. – USA: Indianapolis, 1981. – P. 29.

⁵ См.: Подолинский С. Вибрані твори. – Canada: Univesite' du Que'bec a Montre'al, 1990. – С. 179.

⁶ См.: Эндерс У. Брожение среди мусульман советской Средней Азии // Проблемы Восточной Европы, № 23-24, 1989. – С. 181-182.

ГЛАВА I

визировать общество также и в политическом смысле¹. Создав эффект «всеобщего мирового ускорения» (С. Лем)², научно-техническая революция спровоцировала впоследствии революцию нравов. Складывалось впечатление, что «ролический активизм»³ масс обязательно должен проявить себя также и на политическом уровне.

Технологическое развитие сопровождалось, однако, чувством социальной фрустрации. Как заметил по этому поводу Г. Маркузе, неподчинение системе при параллельном повышении уровня жизни выглядело для многих бессмысленным⁴. Однако интересы прогресса оказались на деле весьма изощренными. Вскоре они потребовали ограничения патерналистской роли государства и внедрения политического либерализма⁵. Тот, кто хотел двигаться вперед, сохраняя консервативные ценности, и тот, кто решил прогрессировать, рискуя, оказались по разные стороны баррикад. Несмотря на неясность отдельных черт данного противостояния, О. Тоффлер считает его главной политической предпосылкой борьбы за будущее.

Так или иначе, социальный прогресс и демократия потребовали значительных усилий и борьбы⁶. Это предполагало выбор между плановым социальным развитием на основе правительственных стратегий и продвижением вперед за счет гражданских (хаотических и спонтанных) инициатив. Данный выбор оказал и продолжает оказывать воздействие на характер используемых при этом конституционных средств. Будучи основан на конкуренции «материалистических» и «идеалистических» предпочтений, он и сегодня остается трудноразрешимой для восточноевропейских политических элит задачей.

Поскольку содержание конституций и даже сам их внешний облик способны как стимулировать, так и подавлять отклик населения на политические инициативы, творцам основных законов приходится отвечать на старый вопрос об искренности в праве. И это лишь одна

¹ См.: *Леге Ж.-М.* Кого страшит развитие науки. – М.: Знание, 1988. – С. 81.

² См.: *Лем С.* Что будет через 10–20 лет? Я знаю, что этого никто не знает // Литературная газета, 14 ноября, 1990. – С. 15.

³ См.: *Brzezinski Z.* Out of Control. – N.-Y., 1993. – P. 204.

⁴ См.: *Маркузе Г.* Одномерный человек. – М.: REFL-book, 1994. – С. 2, 11–12.

⁵ См.: *Toffler A.* The Third Wave. – N.-Y.: Bantam Books, 1994. – P. 10–11.

⁶ См.: *Фукуяма Ф.* Полемика о статье «Конец истории» // Диалог США, № 45, 1990. – С. 11.

ГЛАВА I

сторона проблемы. Не менее важным остается вопрос об участниках конституционного процесса. Если создателями конституций являются государственные функционеры, интерес к законотворчеству оправданно перерастает в обоснованные опасения. Если же конституционная инициатива оказывается в руках гражданского общества, то немедленно возникает вопрос об уровне его этической и политической зрелости.

В любом случае за выбор политико-правовых приоритетов необходимо платить¹. Чрезмерная боязнь ошибиться, расчет на «покой и погружение в себя» в условиях мира и благополучия² ведут общество и его политическую систему к стагнации. Наоборот, страны, которые максимально используют социальный капитал и индивидуальные способности, вознаграждая нешаблонные идеи, обновляются намного быстрее³.

Уже древний римлянин (*civis*) – это не просто житель полиса (*civitas*), а индивид со сформированным эгалитарным менталитетом, основанным на отношениях *горизонтальной* солидарности. Однажды возникнув, подобная политическая структура начинает замещать собой структуры вертикальной солидарности, скрепляемой клятвой верности, которую низшие всегда приносили высшим⁴. Если в Средневековье народная и государственная жизнь являются почти тождественными, то в Новое время данная конструкция начинает постепенно разрушаться. Закономерно, что этот процесс проявляет себя в изменении многих культурных акцентов.

В частности, В. Гейзенберг отмечал увлеченность голландских художников изображением харизматичных личностей уже в XV веке⁵, а Ф. Бродель констатировал «чудо терпимости» всюду, где успевало сложиться сообщество купцов. Сравнительно быстро большие европейские города становились анклавами политической активности и свободы. В комбинации городской революции, международ-

¹ См.: Бжезинский З. Окончилась ли холодная война? // *Международная жизнь*, № 10, 1989. – С. 36.

² См.: Талбот С. В истории еще будет немало интересного // *За рубежом*, № 8, 1992. – С. 10.

³ См.: Гарднер У. К самообновляющемуся обществу // *Америка*, май, 1971. – С. 49.

⁴ См.: Ле-Гофф Ж. *Цивилизация средневекового Запада*. – М.: Прогресс, 1992. – С. 89.

⁵ См.: Гейзенберг В. Шаги за горизонт. – М.: Наука, 1987. – С. 228.

ГЛАВА I

ной торговли и философии Просвещения экономический прогресс утверждался параллельно с представительным правлением. При этом политический процесс включал в себя гарантии *status negativus* (невмешательства государства в частную сферу) и *status activus* (участия граждан в формировании государственной воли)¹. Разумеется, подобное преобразование мира предполагало упование на примат будущего или капиталистическое накопление.

Отныне социальный прогресс начал осуществляться не только публичными лицами, занимающими официальные посты, но и как бы «самим общественным организмом»². Пребывание в плену у вяло текущего времени сменилось растущим осознанием того, что историческое время принадлежит политически и интеллектуально активным классам³. Прогресс подводил людей к политическому либерализму, который доказывал им возможность правления, основанного на принципах свободы⁴. С другой стороны, уяснение того обстоятельства, что история является лишь одним из возможных вариантов развития, давалось общественному сознанию непросто⁵. Представление о том, что цивилизация – это результат спонтанного выбора, а не заранее определенного *design*⁶, лишь постепенно утверждалось в сознании человека.

Даже в наши дни непредсказуемость политической свободы беспокоит государственных руководителей не только из развивающихся стран. С другой стороны, стремление индивида к творческой самореализации настолько основательно укоренено в его природе, что даже страх ядерного Армагеддона не может сдерживать его постоянно. По-

¹ См.: История буржуазного конституционализма XVII-XVIII вв. – М.: Наука, 1983. – С. 16-17.

² См.: Сен-Симон А. Избранные сочинения. Т. 1. – М.-Л.: Издательство АН СССР, 1945. – С.445.

³ См.: Аршинов В., Климонтович Ю., Сачков Ю. Естествознание и развитие: диалог с прошлым, настоящим и будущим // Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. – М.: Прогресс, 1986. – С. 415.

⁴ См.: Что такое демократия. – США: Издательство Информационного агентства США, 1991. – С. 32.

⁵ См.: Селюнин В. Истоки // Новый мир, № 5, 1988. – С. 174.

⁶ См.: Hayek F. Law, Legislation and Liberty. Vol. 3. – Chicago: University of Chicago Press, 1979. – P. 244.

ГЛАВА I

литический либерализм не случайно поддерживается всеми, кто убедился в реальной возможности обновления своей жизни.

Ничто из *post* не является постоянным, писал П. Друкер, поэтому наше время – это время *творить будущее*¹. Причем стремление человека жить, руководствуясь *собственной* системой ценностей и приоритетов, является важнейшим из его политических качеств. С данным искушением неспособно совладать никакое правительственное регулирование. Как утверждал еще Д. Локк, природа вложила в сознание человека стремление к счастью и отвращение к несчастью. Именно в этом состоят его врожденные и практические принципы, которыми он неизменно руководствуется².

Политический дух общества выражается в добровольной активности, основанной на провозглашении новых и притягательных идей. Поэтому там, где есть множество индивидов с независимыми источниками существования, инновации становятся гарантированными. Наоборот, замена творческой инициативы государственным регулированием является тягчайшим испытанием для философии реальности, свободы и личности³.

Для уяснения характера политической активности важным является также понимание значимости идеально-символических мотиваций в жизни и поведении индивидов. Речь идет о политической роли человеческого сознания и воображения в целом. Мысль всегда стремится перейти в действие, однако история политического мышления связана с необходимостью решения именно *социальных* проблем. Необходимость *коллективного* решения задач привела к формированию в человеческом сознании специфической *интеллектуальной платформы* (С. Тулмин), позволившей человечеству возвыситься над хаосом своего первоначального существования.

Для уяснения природы политической активности существенным является также различение *сознательного* и *бессознательного* начал в механизме политических мотиваций индивида. Как писал по этому поводу Ж. Бодрийар, нам «следует иметь в виду две формы мысли: мысль каузальную, рациональную, соответствующую привычному для нас ньютоновскому миру, и мысль гораздо более ради-

¹ См.: *Drucker P. Post-Capitalist Society. – USA: Harper Business, 1993. – P. 232.*

² См.: *Локк Д. Сочинения в трех томах. Т. 1. – М.: Мысль, 1985. – С. 116.*

³ См.: *Бердяев Н. Философия свободы. – М.: Правда, 1989. – С. 21.*

ГЛАВА I

кальную, которая способствует осуществлению тайного предназначения вселенной, являясь, судя по всему, ее своеобразной фатальной стратегией»¹.

Так, если современная демократия считается классическим воплощением идеи политической рациональности, то революция – это сплошные авантюра и риск, основанные на разрыве традиции и логики повседневной жизни. В теоретическом плане все это означает, что сама по себе возможность возникновения противоречивых и алогичных ситуаций является важным моментом политической жизни². Политическую практику формируют как рациональные доктрины, так и подсознательные ценностные установки; как теоретические лозунги, так и спонтанные демократические наития. Что касается конституционных формул и процедур, то с их помощью создаются правовые институты, для которых подобные лозунги, доктрины и демократические практики служат фундаментальными символами-причинами, оправдывающими их предназначение³. Данный процесс является разновидностью «производства с помощью мысли» (Э. Фромм), если говорить о политической стороне вопроса.

Политические символы располагаются между системой рецепторов и эффекторов индивида⁴, поэтому символическая реальность заметно влияет на протекание большинства политических процессов. Известно, что П. Сорокин считал политической активностью формулировку рецептов улучшения коллективных аспектов жизни. Политическая деятельность выступает у него подразделением «социальной медицины», а сама политика – составным элементом «учения о счастье».

Примечательно, что признание важной роли символов и мифов в истоках политической активности обнаруживается не только в утопической (в том числе советской) литературе, но также и в классиче-

¹ См.: *Бодрийяр Ж.* Пароли. От фрагмента к фрагменту. – Екатеринбург: У-Фактория, 2006. – С. 54, 57.

² См.: *Тулмин С.* Человеческое понимание. – М.: Прогресс, 1984. – С. 52.

³ Там же. – С. 173.

⁴ См.: *Кассирер Э.* Опыт о человеке: введение в философию человеческой культуры // Проблема человека в западной философии. – М.: Прогресс, 1988. – С. 28-29.

ГЛАВА I

ской публицистике¹. Как утверждал в свое время И. Франко, социум, не воспринимающий политической роли символов и абстракций, рискует оказаться в ситуации китайского застоя². Критикуя европейский отказ от абстрактных символов *свободы-равенства-братства* в пользу более «практичных» лозунгов *порядка-власти-нации* или *труда-семьи-родины*, Э. Мунье руководствовался сходными соображениями³.

В России в русле интеллектуальной традиции «философии души» К. Кавелин доказывал, что все *духовное* играло в его эпоху политическую роль. По крайней мере, не менее важную, чем роль математики или материальных свойств тел. Его соотечественник С. Франк также считал одним из мотивов политического поведения человека *стремление к отвлеченному*, которому Ф. Ницше дал наименование *любви к призракам*.

Управляемым абстрактными идеями считал политическое поведение Р. Фокс. Идеи он ставил выше инстинктов, доказывая при этом, что люди чаще сражаются за идеи, чем за материальные ценности. Подобный взгляд разделяет сегодня и Ф. Фукуяма⁴. Хотя «исключительно собственность позволяет человеку осуществить свои политические права»⁵, деньги и вещи являются в большей степени необходимым ресурсом, нежели мотивом политических действий. С другой стороны, политика, не принимающая в расчет значимости и роли денег, заводит обычно в тупик. Люди фактически неспособны приспособиться к подобной установке. В этом случае логика повседневности побеждает логику абстрактной политической жизни⁶. Можно предположить, что здоровая политическая активность вдохновляется идеалами, которые верифицируются затем финансовым успехом.

¹ См.: Семенов В. Основы, структура и роль политических идей и символов // Новый мировой порядок и политическая общность. – М.: Наука, 1983. – С. 139.

² См.: Франко І. Поза межами можливого // Вивід прав України. – Львів: Слово, 1991. – С. 76.

³ См.: Мунье Э. Что такое персонализм? – М.: Издательство гуманитарной литературы, 1994. – С. 24.

⁴ См.: Fukuyama F. Trust. – London: Penguin Books, 1996. – P. 14.

⁵ См.: Jennings J. From «Imperial State» to «l'Etat de Droit»: Benjamin Constant, Blandine Kriegel and Reform of the French Constitution // Political Studies, 1996. Vol. XLIV. – P. 497.

⁶ См.: Сюрра М. Деньги: крушение политики. – СПб.: Наука, 2001. – С. 21.

ГЛАВА I

Убежденность в том, что в основе политики лежит *накопительство*, является сугубо марксистской прерогативой, писал Б. Рассел. В реальной жизни люди ставят власть и славу выше благосостояния и богатства. Нации жертвуют порой своим покоем и благосостоянием за опознаваемость и престиж. Более того, социальные системы, противодействующие идеальным устремлениям людей, рискуют потерять свою устойчивость¹.

По мнению Й. Хейзинги, человеку органически свойственно стремление к *высокому*, конкретные же мотивы подобного стремления играют второстепенную роль. Плодотворным является фанатизм совершенства, стремление человека к тому, что действительно кажется ему истинным и прекрасным. Индивид воплощает свою силу в стремлении к власти (*streben nach macht*), именно с этим связана его вечная «тоска по совершенству»².

По мнению К. Поппера, хотя люди и живут хлебом насущным, они способны устремляться также к высшим духовным идеалам. Какое право имеют те, – писал, в свою очередь, Л. Шестов, – кто знает об исторических потрясениях XX века, утверждать, что целью земного существования является самоуспокоенность и самоудовлетворенность?

Критикуя марксизм, Д. Рисмен настаивал на привнесении в человеческое сознание всего того «утопического», которое К. Маркс отвергал по контрасту со всем материальным, механистическим и пассивным, и которому он старался, наоборот, способствовать³. Впрочем, еще Д. Локк заметил, что власть и богатство ценятся людьми лишь в той степени, в какой они способствуют их *счастью*. Как свободный деятель, человек – это животное, питающееся *трансцендентным*⁴. Политическое воображение индивида проявляется в его способности рассматривать вещи *a priori*. И только официальным представителям государства присуща прозаическая склонность к рассуждениям *a posteriori*, отмечал Сен-Симон.

¹ См.: Рассел Б. Практика и теория большевизма. – М.: Наука, 1991. – С. 74.

² См.: Адлер А. Индивидуальная психология // История зарубежной психологии (30–60-е гг. XX в.). Тексты. – М.: Издательство МГУ, 1986. – С. 132.

³ См.: Riesman D. The Lonely Crowd. – N.-Y.: Doubleday Anchor Books, 1953. – P. 347.

⁴ См.: Марпентен Ж. Ответственность художника // Самосознание европейской культуры XX века. – М.: Политиздат, 1991. – С. 175, 186.

ГЛАВА I

Человек изначально более значителен, чем только изготавливающее орудия животное, утверждал Л. Мэмфорд. Ему всегда было присуще использовать ум, создавать символы и на этой основе самосовершенствоваться¹. Всякий индивид желает стать гражданином лучшего мира, идею которого он носит в своей душе. И хотя трансцендентальные идеи не дают людям положительного знания, они предохраняют их разум от соблазнов *материализма, натурализма и фатализма*². Мир обывателя не заслуживает внимания науки³, но остальным людям органически свойственно загораться мировоззренческими истинами, видеть в них смысл⁴.

Н. Лосский считал силу человеческого духа колоссальной. Однако не исключено, что человеческий мир устроен таким образом, что в одни эпохи в нем доминируют *материальные*, а в другие – *моральные* «блага-призраки» (С. Франк). Так или иначе, потребность индивида в познании истины и торжестве справедливости является не менее сильной, чем потребность в утолении чувства голода. Не случайно одним из источников социальной динамики философы называют стремление личности к «вечно усложняющейся цели»⁵.

По мнению Д. Рисмена, проблемы экономического благосостояния, сопряженные с ростом народонаселения, потребуют в будущем работы, инструментом которой является не предметность, а *символизм*⁶. Человечеству все-таки предстоит совершить выбор между доктриной *интенсивного фанатизма* (коммунизма) и не менее могущественной доктриной того, что мы называем *американским способом жизни*, писал Б. Рассел.

Фактически речь идет о политическом выборе между *порядком и свободой* в глобальном смысле. Не случайно современные Соединенные Штаты демонстрируют не только национальное единство, но и ту

¹ См.: Мэмфорд Л. Техника и природа человека // Новая технократическая волна на Западе. – М.: Прогресс, 1986. – С. 230.

² См.: Кант И. Сочинения в шести томах. Т. 4, Ч.1. – М.: Мысль, 1965. – С. 188.

³ См.: Блох Э. Принцип надежды // Утопия и утопическое мышление. – М.: Прогресс, 1991. – С. 78.

⁴ См.: Хайдеггер М. Европейский нигилизм // Проблема человека в западной философии. – М.: Прогресс, 1988. – С. 310-311.

⁵ См.: Новгородцев П. Об общественном идеале. – М.: Правда, 1993. – С. 47.

⁶ См.: Riesman D. The Lonely Crowd. – N.-Y.: Doubleday Anchor Books, 1953. – P. 153.

ГЛАВА I

более универсальную сплоченность, которая в наибольшей степени напоминает «преданность своему предприятию»¹.

По мнению З. Бжезинского, причины поражения коммунизма лежат в очевидной неадекватности марксистской доктрины потребностям духовного развития человеческой личности. И хотя исторический материализм К. Маркса – это идеология, по-своему отвергающая реальность² (Ч. Милош отмечал в нем избыток «придуманного»), в качестве жизненной стратегии ей недостает легкого игрового начала. В свою очередь, главной угрозой лучшим из американских перспектив Д. Шумпетер считал не экономические недостатки капитализма, а апологетику преуспевания и ту атмосферу враждебности, которую несет в себе финансовый успех³.

Как считал Л. Гумилев, харизматических политиков выделяет из человеческой массы их ярко выраженная способность соблазняться идеальными целями. Мысль же о том, что люди стремятся лишь к экономической выгоде и деньгам, он называл досадным заблуждением П.-А. Гольбаха. Человек способен жертвовать собой и даже своим потомством из соображений престижа и чести. В этом случае его политическая мотивация выступает как *анти-инстинкт*, или инстинкт с обратным знаком.

В свое время И. Франко упрекал М. Драгоманова за его неверие в потенциальные возможности символизма. Как писал И. Франко, народ невозможно повести за собой рассуждениями о бассейнах рек или сферах экономических интересов⁴. То же самое доказывал и Г. Честертон. «Попробуйте представить себе, – писал он, – что солдат говорит: "Нога оторвалась? Ну, и черт с ней! Зато у нас будут все преимущества обладания незамерзающими портами в Финском заливе!"» По какой бы причине война ни начиналась, то, что ее поддерживает, коренится глубоко в душе⁵. Г. Гессе также не верил в непосредственное стремление человека к материальному богатству. Подобные цели

¹ См.: *Russell B. Authority and the Individual.* – N.-Y.: Simon and Shuster, 1949. – P. 6.

² См.: *Revel J.-F. Democracy Against Itself.* – USA: Free Press, 1993. – P. 142.

³ См.: *Schumpeter J. Capitalism, Socialism and Democracy.* – London: George Allen, 1976. – P. IX.

⁴ См.: *Франко І. Поза межами можливого // Вивід прав України.* – Львів: Слово, 1991. – С. 76.

⁵ См.: *Честертон Г. Вечный человек.* – М.: Политиздат, 1991. – С. 179.

ГЛАВА I

являются лишь вспомогательными средствами обретения смысла бытия, писал он¹.

Разделяя общие взгляды Гегеля на политическую активность, Ф. Фукуяма обращает внимание на то обстоятельство, что если бы у людей действительно преобладали материальные потребности и инстинкты, то они легко примирились бы с жизнью в таких рыночно ориентированных автократиях, как Испания при Франко, Северная Корея или Бразилия при военном правлении. Однако в действительности люди требуют демократического правления – единственного из всех, которое воспринимает их как взрослых, автономных и свободных².

Как писал по аналогичному поводу А. Кожев: «Человек есть действие, посредством которого он удовлетворяет свое желание желания, и поэтому как человеческое существо он существует лишь в той мере, в какой он *признан*: признание одного человека другим составляет само его бытие <...>»³. «Чтобы реализовать себя как человеческое существо, человек должен рисковать своей жизнью ради признания. Именно риск собственной жизнью (*Wagen des Lebens*) есть источник рождения человека – если он осуществляется ради желания признания»⁴.

Пока с другим соотносятся как с врагом, действуют отношения, для которых не существует «третьего» в виде законодателя или судьи. «В борьбе не на жизнь, а на смерть не может быть правового вмешательства. Правовые отношения возможны только между "друзьями", и национальное государство в этом смысле есть сообщество "друзей"; конфликты между ними могут решаться юридическими процедурами»⁵. В современной цивилизации *политический человек* А. Кожева реален ровно настолько, насколько он является и ощущает себя *гражданином*.

¹ См.: Гессе Г. Письма по кругу. – М.: Прогресс, 1987. – С. 148.

² См.: Фукуяма Ф. The End of History and the Last Man. – N.-Y.: Free Press, 1992. – P. XIX; Фукуяма Ф. Trust. – London: Penguin Books, 1996. – P. 19.

³ См.: Кожев А. Атеизм и другие работы. – М.: Праксис, 2006. – С. 299, 300.

⁴ Там же. – С. 300.

⁵ См.: Руткевич А. Предисловие // Кожев А. Атеизм и другие работы. – М.: Праксис, 2006. – С. 33.

ГЛАВА I

Борьба за известность и престиж ведет к независимости, свободе и иногда к славе. Тем не менее, многие люди жертвуют автономностью своего мышления, чтобы оставаться недифференцированными сгустками массы. Как писал по этому поводу Д. Рисмен, люди утрачивают свободу и независимость в стремлении быть похожими друг на друга¹. В политике это нередко оборачивается известным парадоксом. В частности, Великая французская революция 1789 года видела долг человека в его единении с *телом нации*². Но именно в этом случае индивид мог желать для себя медали или флага – объектов совершенно бесполезных с биологической точки зрения³.

По мнению Л. Томаса, стремление «быть полезным» является характерной чертой политической мотивации индивида⁴. И хотя альтруизм подобного рода присущ человеку изначально, он может быть также и воспитан⁵. Хотя потребностью личности является признание *ее* достоинства другими, в своих политических устремлениях индивид вынужден признавать также *право общего*⁶. Именно в этих пределах он уважает человечество и даже любит его⁷.

По мнению А. Герцена, политическую природу человека характеризует его расхождение с внешней средой и внутренний раскол в самом себе. Возникающее отсюда *трагическое мучение* гонит индивида вперед. Способность к подобной политической рефлексии считал важнейшим человеческим качеством и П. Чаадаев.

Считая политическое поведение человека производным в большей степени от эмоций, нежели от логики, В. Парето распознавал в политической активности отношения «психологических статусов»⁸. В свою очередь, его коллега Г. Моска был убежден в том, что все публичные

¹ См.: *Riesman D. The Lonely Crowd.* – N.-Y.: Doubleday Anchor Books, 1953. – 349.

² См.: *Кон Г. Азбука национализма // Проблемы Восточной Европы, № 25-26, 1989.* – С. 257.

³ См.: *Fukuyama F. The End of History and the Last Man.* – N.-Y.: Free Press, 1992. – P. 147.

⁴ См.: *Томас Л. О нашем несовершенстве // Америка, № 297, 1981.* – С. 53.

⁵ См.: *Амосов Н. Реальности, идеалы и модели // Литературная газета, 5 октября, 1988.* – С. 13.

⁶ См.: *Юркевич П. Философские произведения.* – М.: Правда, 1990. – С. 185.

⁷ Там же. – С. 184.

⁸ См.: *Pareto V. The Rise and Fall of the Elites.* – USA: Bedminster Press, 1968. – P. 27.

ГЛАВА I

фигуры руководствуются в своем поведении сильными чувствами¹. По мнению же Х. Ортеги-и-Гассета, стимулы и истоки политической деятельности коренятся в стихиях, вообще неподвластных разуму.

По мнению Б. Рассела, эмоциональную основу политической жизни составляют накопительство, тщеславие, соперничество и жажда власти². Д. Дьюи политическими эмоциями называл себялюбие, альтруизм, эгоизм, алчность, страх и стремление к славе. Современные исследователи эмпирической ориентации насчитывают в человеке более 50 политических инстинктов. Как писала по этому поводу С. де Бовуар, путь к политической интриге идет непосредственно от литературы и любовных ухищрений. Не удивительно, что политические мотивы можно обнаружить даже в затворнической поэзии С. Малларме³.

Само по себе желание человека жить в обществе является в той же степени политическим, что и стремление бежать из него⁴. Как писал И. Кант, хотя человек и не совпадает с идеей человечества, именно эту идею он носит в своей душе. Настоящий *Homo political* – это диссидент и конформист одновременно. Что же касается *политического сообщества* в целом, то его программа – не стагнация, а прогресс, чем многое сказано. Сама политическая история, как утверждал К. Ясперс, сделала человека выходящим за свои пределы.

Тем не менее, в своей основе этика личности – индивидуальна, не регламентирована и абсолютна, а этика общества – безлична, регламентирована и релятивна. Глубоко осознавая данное противоречие, политический индивид интуитивно избегает любых организаций, мечтающих иметь рабов, «которые бы не восставали»⁵.

Как уже отмечалось выше, многие из политических реакций индивида управляются его подсознанием. Свобода воли – проблема трансцендентная, которую психология может лишь описать, но не разрешить, говорил К. Юнг. Поддерживая исключительно рациональное начало, мы можем оказаться на пороге утраты смыслов бытия, что

¹ См.: Mosca G. The Ruling Class. – USA: Greenwood Press, 1980. – P. 287.

² См.: Рассел Б. Практика и теория большевизма. – М.: Наука, 1991. – С. 73.

³ См.: Гарделин Н., Берлин И. Две стороны национализма // Проблемы Восточной Европы, № 37-38, 1993. – С. 166.

⁴ См.: Вуек Я. Мифы и утопии архитектуры XX в. – М.: Стройиздат, 1990. – С. 259.

⁵ См.: Швейцер А. Благоговение перед жизнью. – М.: Прогресс, 1992. – С. 208, 209.

ГЛАВА I

убедительно продемонстрировала тоталитарная практика Германии и России. Кроме того, как утверждают опытные политики, на рациональной основе невозможно сплотить народ в период серьезных потрясений. На иррациональные мотивы в поведении масс обращал внимание в свое время К. Манхейм. Так, причины крестьянских войн в Европе он обнаруживал в «глубоких жизненных пластах и глухих сферах душевных переживаний»¹. Политические действия обычно основываются на архетипах, суммарно производящих некий политический китч (kitsch)². Личным опытом иррационального политического воздействия могут поделиться и другие³.

Так или иначе, вышеизложенное позволяет предложить следующее рабочее определение политической активности:

Политическая активность – это особый вид человеческого действия (сознательного бездействия), направленного на достижение любых целей в качестве своего вторичного либо конечного результата и предполагающего в виде непосредственной цели и первичного результата, а также обязательного предварительного условия своей эффективности, реализацию одной из разновидностей социального взаимодействия (контакта).

Такой вид деятельности имеет тенденцию к расширению выбора возможных вариантов реализации своего интереса и осуществляется преимущественно, но не исключительно, на основе компромисса, в котором сфера свободы одних участников этой деятельности определяется пределами свободы других ее участников, находящихся с первыми в состоянии кооперации усилий или, наоборот, конфликта.

¹ См.: Манхейм К. Идеология и утопия // Утопия и утопическое мышление. – М.: Прогресс, 1991. – С. 130.

² См.: Kundera M. The Unbearable Lightness of Being. – London-Boston: Farber and Farber, 1984. – С. 257.

³ См.: Костюк Г. Зустрічі і прощання. Т. 1. – Edmonton: Канадський інститут українських студій, 1987. – С. 603.

1.2. Структура политической активности

Рассмотрение вопроса о структуре политической активности является необходимым элементом настоящего исследования, поскольку конституционное регулирование политической активности осуществляется применительно к ее структурным подразделениям. Своеобразие же последних достаточно велико. Регулирование деструктивного политического поведения (например, через «право на восстание») существенно отличается от регулирования конструктивной политической активности. Конституционное отношение к созданию политических доктрин иное, нежели к проведению политических забастовок. Массовые акции отличаются от индивидуальных политических действий, а профессиональная политическая активность – от непрофессиональной и т.п.

То обстоятельство, что политическая реальность обладает структурой, было замечено давно. Еще Аристотель писал о том, что политическое устройство есть *порядок* общественной жизни всех людей¹. Для Э. Дюркгейма политический строй общества – это *способ*, с помощью которого различные общественные слои приспособляются к жизни рядом друг с другом. Люди нуждаются в структурировании своей жизни, ибо недостаточно структурированная жизнь – это бесцельная катастрофа².

Размышляя над устройством ноосферы, Т. де Шарден пришел к выводу, что сознательная жизнь поднимается на все более высокие ступени за счет ее *структурирования*. В своем подразделении обществ на открытые и закрытые Д. Сорос также показывает, что открытое общество является более сложным по своей структуре, чем общество закрытое, ибо оно позволяет своим гражданам разрабатывать индивидуальные стратегии, которые делают их по-настоящему автономными и свободными.

По мнению К. Поппера, вопрос о носителях власти является в политике второстепенным по сравнению с вопросом о структурных формах ее осуществления, поскольку политический процесс можно обеспечить, лишь правильно понимая его структуру. В свою очередь,

¹ См.: Аристотель. Политика. – М.: 1893. – С. 93.

² См.: Toffler A. The Third Wave. – N.-Y.: Bantam Books, 1994. – P. 373.

ГЛАВА I

Д. Ролз писал о структуре общества как о способе объединения его политических, социальных и экономических элементов в систему честной кооперации усилий, предпринимаемых людьми из поколения в поколение¹.

Структурность коренится в самой природе политической деятельности, которая обычно представляет собой совокупность «систем, фикций и тайных замыслов»². По Д. Истону политическая активность всегда структурна, поскольку она состоит из взаимосвязанных усилий групп и индивидов, осуществляемых не в вакууме³. В сущности, любая структура – это вид организации и связи между собой элементов системы⁴. То есть структура – это каркас, внутренний скелет любой конструкции. Выявить структуру объекта – значит упомянуть все его части и способы, с помощью которых они вступают во взаимодействие⁵. Если же при этом одна структура выступает в качестве причины другой, то речь должна идти о *структуре активности*. Именно в этом смысле Б. Малиновский писал о структуре человеческих усилий, инструктированных правилами традиции, движимых мотивом и контролируемых ценностью⁶.

В политике роль структуры играет рабочее предназначение отдельных видов политической деятельности (активности). Данный подход удобен и тем, что он не противоречит устоявшимся способам определения структуры любой человеческой деятельности. Так, психология различает в структуре человеческой активности мотивационную, целевую и исполнительскую часть⁷. Структура связывает объект, одновременно разделяя его на составные части (элементы)

¹ См.: Rawls J. Political Liberalism. – N.-Y.: Columbia University Press, 1993. – P. II.

² См.: Рокар М. Трудиться с душой. – М.: Международные отношения, 1991. – С. 131.

³ См.: Easton D. A Systems Analysis of Political Life. – Chicago: University of Chicago Press, 1965. – P. 507.

⁴ См.: Аршинов В., Климонтович Ю., Сачков Ю. Естествознание и развитие: диалог с прошлым, настоящим и будущим // Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. – М.: Прогресс, 1986. – С. 410.

⁵ См.: Рассел Б. Человеческое познание. – М.: Издательство иностранной литературы, 1957. – С. 284.

⁶ См.: Malinowski B. Freedom and Civilization. – London: George Allen, 1947. – P. 137.

⁷ См.: Маркарян Э. Теория культуры и современная наука. – М.: Мысль, 1983. – С. 101.

ГЛАВА I

подобно тому, как скелет животного, связывая его органы, одновременно разделяет их в функциональном смысле. Необходимость в структуре объясняется тем, что она обеспечивает единство композиции функционально различных, автономных частей. Наоборот, в составе *массы* композиционная множественность элементов, а потому и структура отсутствует.

Система, в основании которой лежит структура, писал К. Дойч, есть совокупность компонентов, связанных между собой таким образом, что сила их внутренней связи превосходит силу их связи с внешней средой¹. С другой стороны, каждая часть структуры есть именно *индивидуальная* часть, а не *сторона*, не *качество*, не субъект отвлеченной категоричности². Именно в этом смысле структурность духовных и культурных образований является органической.

С точки зрения своей структуры, политическая активность может быть конструктивной и деструктивной, эволюционной и революционной, векторной (целенаправленной) и хаотической, спровоцированной внутренними и внешними факторами. Так, чертами органической политической структуры обладает возникновение либеральной демократии из буржуазной революции; установление фашистского режима с помощью революции сверху; зарождение коммунистических политических форм в недрах крестьянской революции и т.п.³ В любом случае структура политической активности определяется потребностью в дифференциации действий в рамках политической системы, где различие между ее составляющими является существенным⁴.

В. Ленин однажды заметил, что характер всякого учреждения должен определяться содержанием его деятельности⁵. Содержанием деятельности определяется, в конечном счете, и структура политической активности. Например, демократия требует широкой информированности и политической свободы, а авторитаризм нуждается в цензуре,

¹ См.: Дойч К. Основные изменения в политологии // Политические отношения: прогнозирование и планирование. – М.: Наука, 1979. – С. 84.

² См.: Шпет Г. Сочинения. – М.: Правда, 1989. – С. 351.

³ См.: Skocpol T. Social Revolutions in the Modern World. – N.-Y.: Cambridge University Press, 1994. – P. 79.

⁴ См.: Баиляр Г. Новый рационализм. – М.: Прогресс, 1987. – С. 85.

⁵ См.: Ленин В. Полн. собр. соч. Т. 6. – С. 99.

ГЛАВА I

дисциплине и контроле. Свободные выборы предполагают возможность альтернативы, а политическое лидерство – харизму.

По мнению А. Уайтхеда, любой социальный порядок обладает структурой, если: 1) существует некоторый общий элемент формы, проявляющийся в определенности каждой реальной сущности, включенной в соединение; 2) этот общий элемент формы проявляется у *каждого* члена соединения благодаря условиям, налагаемым на него его способностью схватывать некоторых других членов соединения; 3) данные схватывания налагают условие воспроизведения в силу того, что включают в себя позитивные чувства, содержащие эту общую форму¹.

Д. Локк говорил, что не знает в природе части столь полной и совершенной, чтобы она не была обязана окружающим ее частям своим бытием и отдельными качествами². Например, очевидная взаимозависимость связывает конституционное право и политический либерализм не только хронологически, но и структурно. Это означает, что конституция – это нормативный регулятор, востребованный политической активностью либерально-демократического типа. В свою очередь, конституционные аспекты присущи политической активности не только государства, но и гражданского общества, которое, однажды возникнув, нуждается в гарантиях именно этого уровня.

Говоря о структурных аспектах государственного управления при социализме, П. Лебедев подчеркивал, что в политической активности социалистического государства структура играет стабилизирующую роль. Структура редко подвергается ревизиям и преобразованиям, чем и обеспечивается устойчивость государственного управления в течение жизни нескольких поколений³.

Политические структуры общественного самоуправления также стабильны, однако, в отличие от управленческих структур государства, нацелены не столько на безопасность, порядок и защищенность, сколько на свободу, плюрализм и терпимость. Именно этими каче-

¹ См.: Уайтхед А. Избранные работы по философии. – М.: Прогресс, 1990. – С. 605.

² См.: Локк Д. Сочинения в трех томах. Т.2. – М.: Мысль, 1985. – С. 65.

³ См.: Лебедев П. Об устойчивости и изменчивости системы государственного управления // Советское государство и право, № 7, 1985. – С. 16.

ГЛАВА I

ствами политическая активность гражданского общества отличается от политической активности государства.

В странах с авторитарным политическим режимом политическая активность гражданского общества носит маргинальный характер, а конституция выступает лишь одним из элементов внешнего символического декора. В структурном отношении авторитаризм близок к порядку и основывается на презумпции существования *единственной* правды в политике¹. В либеральных демократиях, напротив, структура политической активности нацелена на инновации и динамизм. Здесь политическая активность образует биполярную по своим приоритетам структуру, которая исходит из идеи доминирования свободы гражданского общества над государственным порядком. Соблюдение данного условия как раз и позволяет организовать элементы политической активности в соответствующие принципам политического либерализма группировки².

Отметим, что в традиционной картине политической жизни пирамидальная иерархическая структура длительное время воспринималась в качестве высшего закона³. В частности, у Аристотеля, Т. Гоббса и Н. Макиавелли вертикально поляризованной выступает вся политическая жизнь, и только Р. Арон одним из первых усомнился в том, что основу политического мира образует пирамидальная конструкция власти.

Для Ж.-Ж. Руссо политический организм структурно организован и называется государством, когда он пассивен, сувереном – когда он активен, и державой – при сравнении с иными себе подобными. Все его члены, взятые в совокупности, образуют народ. В индивидуальном качестве они выступают как граждане. В свою очередь, граждане – это члены гражданского общества, участвующие в отправлении властных функций. В то же время, все граждане остаются подданными, на которых возлагается обязанность беспрекословно подчиняться велениям государства⁴.

¹ См.: *Talmon J. The Origins of Totalitarian Democracy.* – London: Secker and Warburg, 1952. – P. 2.

² Начало подобного подхода изложено в: *Богданов А. Всеобщая организационная наука (Тектология).* Ч. 1. – Л.-М.: Книга, 1925. – С. 119.

³ См.: *Ницше Ф. Антихристианин // Сумерки богов.* – М.: Прогресс, 1989. – С. 85.

⁴ См.: *Руссо Ж.-Ж. Трактаты.* – М.: Наука, 1969. – С. 312.

ГЛАВА I

По мнению К.-А. Гельвеция, в государстве существуют лишь три «абсолютно необходимых» структурных подразделения. Первое из них образуют *правлящие должностные лица*, защищающие собственность граждан от посягательств со стороны их соседей. Второе – это *армия*, призванная защищать собственность от нашествия неприятеля. Третье – *налоговая служба* как необходимое условие существования первых двух структурных частей¹. Известно, что и у В. фон Гумбольдта обеспечение безопасности от внутренних и внешних угроз составляет цель государственного управления и содержание его деятельности².

По мнению Д. Локка, структура политической деятельности государства определяется тем, что государство – это «общество людей, установленное единственно для сохранения и приумножения гражданских благ». Под гражданскими благами Д. Локк понимал «жизнь, свободу, телесное здоровье и отсутствие физических страданий, владение внешними вещами, такими, как земли, деньги, утварь и т.д.»³.

В свою очередь, у К. Кавелина структуру политического начала воплощает в себе *царь*, который одновременно выступает и как *само государство* – идеальное, благотворное и грозное его выражение. Он – превыше всех, он – вне всяких сомнений и споров и неприкосновенен. Он – беспристрастен ко всем, и все перед ним равны, хотя и не равны между собой⁴. У Сен-Симона политическая общность также размещается естественным образом «в виде пирамиды». При чем воздействовать на данную *пирамиду* можно лишь для того, чтобы корректировать ее отдельные недостатки.

По мнению Ф. Броделя, не существует общества вне структуры, побуждающей его членов устремляться «наверх». Признавая, вслед за Ж.-П. Сартром, что уничтожение иерархического принципа могло бы освободить людей от деспотической зависимости, он все же сомневался в принципиальной возможности подобного уничтожения.

Тело каждой эпохи обладает собственной анатомией, а общество является аристократическим по своей сущности, хотим мы того или

¹ См.: Гельвеций К.-А. Сочинения в двух томах. Т. 2. – М.: Мысль, 1974. – С. 130.

² См.: Гумбольдт В. фон. Язык и философия культуры. – М.: Прогресс, 1985. – С. 53.

³ См.: Локк Д. Сочинения в трех томах. Т. 3. – М.: Мысль, 1988. – С. 94.

⁴ См.: Кавелин К. Наш умственный строй. – М.: Правда, 1989. – С. 221.

ГЛАВА I

нет¹. Тяготение простых душ к выдающимся личностям является органичным, поэтому более развитые деятели стоят во главе менее развитых. Как по направлению вниз от человеческого **Я**, так и по направлению вверх от него мы видим ступени политической организации: совокупность **Я** образует народ, нацию, государство. В свою очередь, народы – это элементы человечества, входящие в единство вселенной². Данная модель оправдывает у Н. Лосского *иерархический персонализм*. Примечательно, что всюду, где у Н. Лосского есть система, должно существовать также нечто *сверхсистемное*.

Напротив, у Ч. Милоша далеко не все индивиды обладают органической потребностью бороться за более высокое место и престиж. Люди, по его мнению, делятся на тех, кто способен нести бремя ответственности за «функционирование машины», и тех, кто чувствует себя более комфортно, пребывая в беспечности³. Как известно, и у Аристотеля «прямо от рождения некоторые существа различаются [в том отношении, что одни из них как бы предназначены] к подчинению, другие – к властвованию»⁴.

Со времен античности философы делили общество на людей действия и людей созерцания⁵, а психологи – на тех, кому всё небезразлично, и тех, кому «на всё наплевать». В свою очередь, у Т. Дезами политический социум делится просто на органически активных и пассивных граждан⁶.

В вечном существовании политической иерархии был убежден Г. Моска. На древности происхождения правил манипулирования людьми со стороны политических элит настаивал Д. Рисмен⁷. Люди буквально истощают свой разум, изыскивая новые шансы и способы для продвижения вперед, писал К. Ясперс. А. Тойнби также различал в политическом процессе творческое меньшинство и нетворческое

¹ См.: *Ортега-и-Гассет Х.* Дегуманизация искусства. – М.: Радуга, 1991. – С. 49.

² См.: *Лосский Н.* Избранное. – М.: Правда, 1991. – С. 527.

³ См.: *Milosz C.* Visions From San-Francisco Bay. – N.-Y.: Farrar Straus Giroux, 1983. – P. 126.

⁴ См.: *Аристотель.* Сочинения в четырех томах. Т.4. – М.: Мысль, 1983. – С. 382.

⁵ См.: *Ортега-и-Гассет Х.* Что такое философия. – М.: Наука, 1991. – С. 11.

⁶ См.: *Дезами Т.* Кодекс общности. – М.: Издательство АН СССР, 1956. – С. 392.

⁷ См.: *Riesman D.* The Lonely Crowd. – N.-Y.: Doubleday Anchor Books, 1953. – P. 37.

ГЛАВА I

большинство¹. В целом, об иерархическом принципе в политике писали многие².

У Платона разделение между правителями и управляемыми выступает в качестве разделения труда, основанного на естественном неравенстве хозяев и рабов, мудрых и простолюдинов. В свою очередь, у А. Зиновьева все люди делятся на исключенных из общественной деятельности и активно вовлеченных в нее³, а у Ч. Милоша, – на тех, кто говорит, но знает мало, и тех, кто молчит, но знает многое⁴. А. Богданов в аналогичном смысле писал о полюсах «мысли и слова» и «мускульной работы», а Д. Дьюи – о людях, которые в одинаковых жизненных обстоятельствах сформировались в качестве хозяев или рабов⁵.

На долю одной части человечества выпадает роль созидания мира, а на долю другой его части – роль сохранения. И хотя иерархическое сознание является типичным признаком авторитарной политической системы⁶, оно было сформировано в ходе всей человеческой истории. Политическая структура с «балдахином единовластия наверху»⁷ существует давно, и что бы ни говорили по этому поводу гуманисты, общество не может функционировать без иерархии и неравенства⁸.

По мнению Н. Лумана, классическое деление на *целое и часть* следовало бы дополнить различием *верха и низа*, что указывает на присутствие иерархии в любой структуре. Например, в политике это проявляется в известном делении на *аристократию и народ*, кото-

¹ См.: Тойнби А. Постижение истории. – М.: Прогресс, 1991. – С. 303.

² См.: Хикель Э. Разрушить непонятное // Философия техники в ФРГ. – М.: Прогресс, 1989. – С. 468.

³ См.: Зиновьев А. Зияющие высоты. Т. 1. – М.: Издательство ПИК, 1990. – С. 224.

⁴ См.: Milosz C. Visions From San-Francisco Bay. – N.-Y.: Farrar Straus Giroux, 1983. – P. 112.

⁵ См.: Dewey J. The Essential Writings. – N.-Y.: Harper Torchbooks, 1977. – P. 222.

⁶ См.: Эфроимсон В., Изюмова Е. На что надеемся, или нужно ли растить гениев // Квинтэссенция. – М.: Политиздат, 1990. – С. 33.

⁷ См.: Носов Е. Что мы переживаем? // Литературная газета, 20 апреля, 1988. – С. 13.

⁸ См.: Зиновьев А. Гомо советикус. Пара беллум. – М.: Московский рабочий, 1991. – С. 122.

ГЛАВА I

рые в равной степени относятся к понятию нации как политического целого¹.

Как считал И. Степанов, политические отношения делятся на субстанциональные (между различными классами, нациями и т.п.); субстанционально-институциональные (между народом, классом, нацией и личностью, с одной стороны, и политической системой – с другой); институциональные (в рамках самой политической системы)². Б. Курашвили усматривал в структуре политической активности проявление закона *минимально необходимой централизации*, что дает некоторые объясняющие возможности для адекватного восприятия механизма конституционного регулирования.

По мнению М. Блока, в любом обществе соединены не только экономические и политические, социальные и религиозные, но также и самые элементарные, равно как и самые утонченные проявления человеческого духа³. Подобная структурность проистекает из качества сложности социальной жизни. Всюду, где оказывается затруднительным объяснить структуру и связь отдельных элементов, мы вынуждены признавать особую сложность мира, писал Ж.-М. Леге.

В свою очередь, за множественностью элементов политики стоит неисчерпаемость социальной реальности в целом. Данное обстоятельство косвенно подводит нас к неприятию тоталитаризма и диктатуры – слишком *простых* в структурном смысле, чтобы быть признанными в качестве органичных политических режимов. Наоборот, структурная сложность и многообразие всегда сопутствуют либеральной демократии. Если истина не известна никому, тогда все имеют право ее искать. Либеральная демократия дрейфует в неизвестном направлении, но именно это качество способно вдохновлять гражданское общество и его членов.

Эволюция любой системы ведет к увеличению количества ее элементов и связей между ними⁴. В этом смысле усложнение структуры демократического процесса в странах Восточной и Центральной Европы является естественным. В перспективе, однако, чрезмерное

¹ См.: Луман Н. Самоописания. – М.: Логос/Гнозис, 2009. – С. 61–62.

² См.: Степанов И. Конституция и политика. – М.: Наука, 1984. – С. 36.

³ См.: Блок М. Апология истории. – М.: Наука, 1987. – С. 106.

⁴ См.: Заславская Т. О стратегии социального управления перестройкой // Иного не дано. – М.: Прогресс, 1988. – С. 15.

ГЛАВА I

усложнение политической реальности может угрожать обществу распадом его на «враждебные классы и личности»¹. С другой стороны, любая политическая цивилизация способствует появлению в обществе разнообразных сил и иерархий, соперничество между которыми следует признать органическим. Известно, что для Ю. Липы Европа всегда была разделена на отдельные блоки, обладающие «моральной исключительностью» и автономным «энергетическим ритмом»².

Многослойная структура политической реальности просматривается в «четырёх движениях» Ш. Фурье, равно как и в четырёх побудительных факторах социальной динамики у М. Хайдеггера: 1) *causa materialis* (предмет, субстанция); 2) *causa formalis* (форма или образ, приобретаемые исходным материалом); 3) *causa finalis* (цель активности по отношению к субстанции); 4) *causa efficiens* (творящее начало, индивид)³. Примечательно, что уже в Средневековье многообразие форм политической жизни приводило людей иногда к тому, что они не могли понять, от кого в политическом смысле зависят.

У исследователей марксистского направления в структуре политической активности присутствуют сферы, субъекты и средства деятельности; цели, средства и результаты; объекты, субъекты, технологии и т.п.⁴ В более широком смысле политическая активность ориентируется как на традиции и ценности прошлого, так и на настоящее, открывающее пути для грядущих изменений и роста⁵. Д. Рисмен описал в свое время главные типы социального поведения в рамках подобных ориентаций.

Кроме того, политическая активность является структурно организованной и по своему психологическому рисунку. В этом качестве она может быть целенаправленной и стихийной, созидательной и разрушительной⁶. Как писал по сходному поводу А. Тойнби, человечество сохраняет многообразие внутри «вновь обретенного» единства. Не случайно у Г. Маркузе удовлетворительной считается лишь та по-

¹ См.: Соловьев В. Сочинения в двух томах. Т. 1. – М.: Правда, 1989. – С.23-24.

² См.: Липа Ю. Призначення України. – Н.-У.: Говерля, 1953. – С. 17.

³ См.: Хайдеггер М. Вопрос о технике // Новая технократическая волна на Западе. – М.: Прогресс, 1986. – С. 47.

⁴ См.: Рудич Ф. Политика как объект системного исследования // Философская и социологическая мысль, № 1, 1990. – С. 24.

⁵ См.: Тойнби А. Постигание истории. – М.: Прогресс, 1991. – С. 94.

⁶ См.: Кон И. Психология социальной инерции // Коммунист, № 1, 1988. – С. 64-75.

ГЛАВА I

литическая система, которая при любых обстоятельствах не утрачивает своего внутреннего разнообразия¹.

В политике люди проявляют враждебность – в одном и солидарность – в другом отношении одновременно. И хотя индивиды склонны объединяться вокруг политических целей в партии, секты и группы, это означает лишь расширение спектра их политических целей. Политика – это многообразие и внутри отдельно взятого индивида²; структура политических интересов имеет чрезвычайно сложный генезис.

Выходя за рамки возможностей национальных правовых систем, политическая активность регулируется также международным публичным правом³. Однако по-настоящему рельефно структурные особенности политики проявляются на уровне кодов политической активности наций. По мнению О. Тоффлера, *код – это совокупность неписаных политических принципов и правил, которая пронизывает активность каждой цивилизации как ее повторяющийся дизайн*⁴. Г. Моска по этому поводу писал, что каждая историческая эпоха имеет свой собственный «набор идей и верований», которые непосредственно влияют на способы и механизмы взаимодействия ее политических субъектов⁵.

Каждая социальная общность и каждое государство испытывают на себе структурное воздействие факторов окружающей среды, включающей географические и иные особенности их территории⁶. Давно замечено, что формы правления естественным образом отличаются друг от друга в зависимости от размеров географического пространства, численности населения и жизненного уклада наций⁷.

В свое время Д. Истон писал об органичных интеллектуальных, информационных и иных структурных элементах политического со-

¹ См.: Маркузе Г. Одномерный человек. – М.: REFL-book, 1994. – С. 294.

² См.: Стрелер Д. Театр для людей. – М.: Радуга, 1984. – С. 255-256.

³ См подробнее: Буроменский М. Политические режимы государств в международном праве. – Харьков, 1997.

⁴ См.: Toffler A. The Third Wave. – N.-Y.: Bantam-Books, 1994. – P. 46.

⁵ См.: Mosca G. The Ruling Class. – USA: Greenwood Press, 1980. – P. 145.

⁶ См.: Gierke O. Natural Law and the Theory of Society 1500 to 1800. Translator's Introduction. – Boston: Beacon Press, 1950. – P. XXVIII.

⁷ См.: Ferguson A. An Essay on the History of Civil Society. – Edinburgh: Duncan Forbes, 1966. – P. 62.

ГЛАВА I

общества¹, а М. Крюгер – о его *нормативных структурах*, которые возникают и развиваются в скрытых от внешнего наблюдения формах. Последние проявляются иногда в «привычках души» (А. Мицкевич) – глубоких внутренних отношениях, хотя и не заключенных в рамки юридических правил, но эти правила неявно конструирующих². Примечательно, что и у С. Вейль структура человеческого сердца – это реальность среди реальностей мира – в такой же степени обязательная и тщательно выверенная, как и траектория небесного светила. Что же касается более крупных – социальных – субъектов, то применительно к ним принято говорить о *нормативной платформе*, образуемой историческими и социальными связями, общественным сознанием и национальными традициями³.

Признание существенных различий в нормативных ориентациях (структурных кодах) западноевропейской, американской, восточноевропейской, центральноевропейской и иных политических цивилизаций сегодня уже мало кого удивляет. Их следы можно обнаружить в содержании писаных и неписаных конституций. В свое время можно было утверждать о наличии автономных политических кодов даже в рамках советского политического блока. Собственно говоря, распад СССР есть убедительное тому подтверждение.

О. Тоффлер считал, что каждая цивилизация обладает собственной структурой распределения власти между классами, расами, регионами и полами⁴, а М. Мид и Р. Бенедикт доказывали, что культуры обретают структурную неповторимость просто потому, что они по-разному оценивают отдельные стороны человеческой личности⁵. Например, у В. Соловьева принципиальные в структурном отношении различия между Востоком и Западом объясняются тем, что политическая культура Востока сложилась под преобладающим влиянием

¹ См.: Easton D. A Systems Analysis of Political Life. – Chicago: University of Chicago Press, 1965. – P. 370.

² См.: Krygier M. The Constitution of the Heart // Law and Social Inquiry. Journal of the American Bar Foundation, No. 4, Vol. 20, Fall 1995. – P. 1057.

³ См.: Sokolewicz W. The Relevance of Western Models for Constitution-Building in Poland // Constitutional Policy and Change in Europe. – N.-Y.: Oxford University Press, 1995. – P. 250.

⁴ См.: Тоффлер О. Раса, власть и культура // Новая технократическая волна на Западе. – М.: Прогресс, 1986. – С. 276.

⁵ См.: Мид М. Культура и мир детства. – М.: Наука, 1988. – С. 49.

ГЛАВА I

родового быта, а культура Запада – под воздействием быта *дружинного*. Из данных предпосылок и возникла, по его мнению, восточная монархия и западная республика как реальное воплощение правления *свободных* людей¹.

Анализируя в свое время структуру горбачевской перестройки, С. Шаталин отмечал в ней параллельное присутствие элементов византийской, французской и американской политических систем². В свою очередь, Янь Цзяцы выделял четыре типа структурной организации обществ в XX веке: автаркическое («картофельное»); административное; правовое; высокоорганизованное³.

Г. Ферреро различал в структурном смысле династическую, демократическую и революционную власть⁴, а Д. Шумпетер – *коммерческие* и *социалистические* общества⁵. В СССР Н. Азаров выделял структурные особенности политической активности классов, организаций и учреждений⁶, а М. Руткевич – структурные характеристики *политической теории* и *политической деятельности*. Ф. Рудич анализировал структурные признаки революций, политических забастовок и политического реформирования. При этом он структурировал политическую активность на *действие, поведение, творчество, общение, сотрудничество, управление и руководство*⁷. А. Федосеев интересовался структурными особенностями политической идеологии и психологии, политических норм, ценностей и отношений⁸,

¹ См.: Соловьев В. Сочинения в двух томах. Т. 1. – М.: Правда, 1989. – С. 75.

² См.: Шаталин С. Издержки неизбежны, но... // Литературная газета, 11 октября, 1989. – С. 10.

³ См.: Савенков Ю. Китай: пора политической реформы // Известия, 2 февраля, 1989. – С. 5.

⁴ См.: Лисяк-Рудницкий І. Між історією й політикою. – Мюнхен: Сучасність, 1973. – С. 326-327.

⁵ См.: Schumpeter J. Capitalism, Socialism and Democracy. – London: George Allen, 1976. – P. 167.

⁶ См.: Азаров Н. В. Ленин о политике как общественном явлении. – М.: Высшая школа, 1975. – С. 39.

⁷ См.: Рудич Ф. Политика как объект системного исследования // Философская и социологическая мысль, № 1, 1990. – С. 25.

⁸ См.: Федосеев А. Политика как объект социологического анализа. – Л.: Издательство ЛГУ, 1974. – С. 21.

ГЛАВА I

а В. Шапиро – структурными признаками политического образования, выработки, принятия и реализации политических решений¹.

В свою очередь, В. Гулиев анализировал структуру политического участия, которое бывает, по его мнению, консультативным, сорешающим и решающим². Его, наряду с Ф. Рудинским интересовали структурные аспекты народовластия, в котором он различал источник власти (народ); носителя власти (государство); участников власти (организации и граждан); субъектов властных полномочий (государственные органы и органы общественных организаций) и объекты власти (общество, классы, коллективы, граждан)³. Ю. Скуратов в структуре политической активности выделял функцию народа, виды управленческой деятельности и конституционные принципы. Структурные особенности политической активности в СССР анализировали М. Орзих, В. Масленников, В. Кучинский, Б. Железнов, В. Копейчиков, Н. Бондарев, А. Клюев и др.⁴

В целом, советские исследования структуры политических отношений выглядят сегодня малопродуктивным теоретизированием. Это подтвердятся, в частности, искусственным разделением политической активности на активность организационную, теоретическую, воспитательную, исполнительскую, управленческую и т.п.⁵ При этом А. Чередниченко выделял социально-практическую и духовно-теоретическую политическую деятельность⁶, а А. Ковлер и В. Смирнов – индивидуальное и коллективное, добровольное и принудительное, активное и пассивное, традиционное и альтернативное, революционное и охранительное политическое участие⁷.

¹ См.: Шапиро В. Социальная активность пожилых людей в СССР. – М.: Прогресс, 1983. – С. 70.

² См.: Гулиев В. Теоретические вопросы социалистического самоуправления // Советское государство и право, № 2, 1986. – С. 10.

³ См.: Гулиев В., Рудинский Ф. Социалистическая демократия и личные права. – М.: Юридическая литература, 1984. – С. 28-29.

⁴ См.: Социалистическое самоуправление: опыт и тенденции развития. – М.: Издательство АН СССР, 1986. – С. 159.

⁵ См.: Чередниченко А. Культура активного политического действия. – М.: Мысль, 1986. – С. 10.

⁶ Там же. – С. 23.

⁷ См.: Ковлер А., Смирнов В. Демократия и участие в политике. – М.: Наука, 1986. – С. 8.

ГЛАВА I

В то же время И. Ильинский писал об организационных, процедурных и статутных институтах и субинститутах политической активности¹, а Ю. Тихомиров – о структуре политического процесса в целом. Политические институты он рассматривал в качестве упорядоченных, внутренне структурированных и самовоспроизводящихся способов целенаправленного воздействия на социальную жизнь². Подобный подход частично напоминает позицию К. Жигульского, рассматривавшего политический институт в качестве формы или способа поведения, характерного для любой групповой активности³. Как утверждал в свое время П. Друкер, если общество, община и семья *существуют*, то организации – *действуют*.

Структуру политической активности в СССР принято было анализировать на уровне ее наиболее крупных субъектов, которыми обычно считались: народ (нация); государственные органы; должностные лица⁴. Массовая политическая активность рассматривалась также применительно к федеративному устройству СССР или административно-территориальному делению его отдельных субъектов⁵.

При этом классификация политической активности предусматривала ее деление на виды, подвиды, группы, институты и субинституты. В большинстве случаев речь шла об оценке лишь официальных политических действий. Советская правовая наука игнорировала «деструктивную» политическую активность недовольных, интеллектуалов-диссидентов, маргинальных групп и отдельных правозащитников-одиночек.

Менее формализованные структурные подходы характеризуют западную политическую науку и право. В частности, у М. Вебера структура политического властвования представлена тремя подразделениями: традиционным, рациональным и харизматическим. Первое из

¹ См.: Ильинский И. Социалистическое самоуправление народа. – М.: Мысль, 1987. – С. 78.

² См.: Тихомиров Ю. Проблемы активизации политических институтов // Советское государство и право, № 6, 1986. – С. 14.

³ См.: Жигульский К. Праздник и культура. – М.: Прогресс, 1985. – С. 67.

⁴ См.: Атаманчук Г. Типичное и уникальное в организации государственного управления // Советское государство и право, № 12, 1985. – С. 33-34.

⁵ См. Цвик М. Социалистическая демократия и самоуправление // Советское государство и право, № 4, 1985. – С. 5.

ГЛАВА I

них основано на обычае и религиозных догмах; второе (свободное от персонификации) опирается на писанные правила, установленные для достижения рациональных целей; третье обнаруживает свой потенциал в разрешении конфликтов между традиционным и рациональным властвованием¹.

Заметим, что именно свободная от личностной идентификации власть является ключевым понятием органического конституционализма. Так, если подчинение совместным конкретным целям означает в большинстве случаев политическое рабство, то подчинение абстрактным деперсонифицированным (*impersonal*) правилам, сколь бы тяжелым ни казалось их бремя, наилучшим образом способствует творческой инициативе и многообразию².

Т. Гоббс считает, что политическая власть бывает двух видов: *позитивная* и *негативная*, причем первая из них подразделяется на монархическую, аристократическую и демократическую, а вторая – на тираническую, олигархическую и анархическую. В свою очередь, для Г. Моска существовали два различных в структурном отношении способа политического правления: феодальный, в котором функции законодательной, исполнительной, судебной и религиозной власти объединены, и бюрократический, в котором властные функции структурно четко отделены друг от друга³.

Применительно к практическим потребностям конституционного регулирования наиболее продуктивным является структурное деление политической активности на властвование народа, с одной стороны, и государственно осуществляемую власть – с другой.

Поскольку народ не может править непосредственно, он делегирует свои политические полномочия избранным или назначенным представителям. В результате в обществе начинает функционировать трехчленная политическая структура: профессиональные политики, государственное управление и группы интересов⁴. При этом *вертикальные* политические отношения складываются между носителями

¹ См.: Медушевский А. Реформы Петра Великого в сравнительно-историческом аспекте // Вестник высшей школы, № 32, 1990. – С. 81.

² См.: Хайек Ф. Пагубная самонадеянность. – М.: Новости, 1992. – С. 112.

³ См.: Mosca G. The Ruling Class. – USA: Greenwood Press, 1980. – P. 83.

⁴ См.: Литторин С. Крушение социалистического мифа. – Москва-Минск: Полифакт, 1991. – С. 36.

ГЛАВА I

социальных интересов и их выразителями, а *горизонтальные* – между различными классами, социальными слоями, движениями и партиями¹.

По мнению Ю. Хабермаса, граждане обретают способность осознавать свои интересы только после обобщения и представления последних в политической коммуникации, дискурсе. Это означает, что политические решения не поставляются непосредственно суверенным народом, но как бы *предоставляются* ему. Формирование политической позиции начинается (в структурном смысле) не с народа, но затем проходит *через* него².

Как писал Д. Брайс, политическое мнение вырабатывается обычно немногими, но затем укрепляется в сознании действительно широкого круга людей³. Все это говорит о том, что политические отношения по схеме: *народ – представители*, равно как и по схеме: *власть – народ* подчинены более универсальной закономерности, проявляющейся в том, что селективная – отбирающая образцы и проекты решений *демократическая* власть – зависит от более узкой, разрабатывающей данные образцы, *творческой* власти. Возникающая при этом структура политических отношений является достаточно сложной. С точки зрения глобальных политических интересов это приводит к тому, что векторы прогресса и демократии не обязательно совпадают.

Политическая структура присутствует также в классическом определении государства как совокупности народа, территории и власти. Она просматривается в утверждении М. Мариновича о том, что этнос (нация) и государство – это разные *храмы*, равно как и в замечании В. Соловьева о том, что *монастырь, дворец и село* определили в структурном отношении политическую систему России. Еще раньше структурный подход обнаружил себя в теории разделения властей Д. Локка и Ш. Монтескье.

Для П.-А. Гольбаха не существовало более правильного в структурном отношении пути, чем распределение власти между отдельными сословиями. Что касается Г. Мабли, то у него политическая власть структурно разделена с целью обеспечения повиновения законам *со*

¹ См.: Курашвили Б. Политическая борьба и ее закономерности // Политические отношения: прогнозирование и планирование. – М.: Наука, 1983. – С. 58-59.

² См.: Sartori G. Democratic Theory. – Westport: Greenwood Press, 1973. – P. 77.

³ См.: Bryce J. Modern Democracies. Vol. 2. – London: Macmillan, 1921. – P. 266.

ГЛАВА I

стороны правителей. Принято считать, что именно разделение властей «англичанами античности» (А. Мигранян) обеспечило Риму эффективную работу государственного механизма. Даже наиболее простое структурирование политических отношений позволило положить конец концентрации власти в едином полисе, классе и социальном слое¹.

По Т. Джефферсону, государственное управление основано на идее свободы, из чего следует, что верховная власть должна быть структурно разделена между конкурирующими политическими силами². Как писал по этому поводу Д. Мэдисон, политические ведомства должны иметь прямую заинтересованность в сопротивлении посягательствам на свои прерогативы. Честолюбие одной должности должно противостоять честолюбию другой должности и т.д.³ В дальнейшем структурно-политические подходы американских отцов-основателей оказались действительно эффективными. Неожиданно быстро разделение властей стало доктриной, равной по своей значимости закону стоимости⁴.

К сожалению, в конституционном законодательстве постсоветских стран структурное разделение властей обрело черты известного буквализма. В частности, ст. 10 Конституции России (1993) закрепила разделение государственной власти на три ветви: законодательную, исполнительную и судебную. При этом подчеркивается, что каждая из них является самостоятельной⁵. Аналогичный подход обнаруживается в ст. 8 Конституции Болгарии (1991), ст. 11 Конституции Узбекистана (1992), ст. 4 Конституции Хорватии (1990)⁶, ст. 6 Конституции Украины (1996). Сходные по содержанию нормы были закреплены в постсоветских конституциях Казахстана и Кыргызстана (1993).

Разумеется, критики заслуживает в данном случае не сам принцип структурного деления государственной власти, а его формально-

¹ См.: Мигранян А. Механизм торможения в политической системе и пути его преодоления // Иного не дано. – М.: Прогресс, 1988. – С. 104.

² См.: Джефферсон Т. Автобиография. Заметки о штате Виргиния. – М.: Наука, 1990. – С. 197.

³ См.: Американские федералисты: Гамильтон, Мэдисон, Джей. – Vermont: Benson, 1990. – Р. 181.

⁴ См.: Курашвили Б. Борьба с бюрократизмом. – М.: Знание, 1988. – С. 50.

⁵ См.: Новые конституции стран СНГ и Балтии. – М.: Манускрипт, 1994. – С. 351.

⁶ См.: Конституції нових держав Європи та Азії. – К.: УПФ, 1996. – С. 121, 344, 374.

ГЛАВА I

юридическое выражение. В частности, сомнительным выглядит определение судебной власти в качестве *непосредственно государственной*, безусловное отнесение судов к разновидности государственных органов. В силу природы политических отношений данный прием особенно небезупречен по отношению к судам, наделенным правом рассматривать иски, адресованные государству в целом, а также к судам, которым поручено выступать в качестве арбитра в спорах о прерогативах народного и государственного суверенитетов.

Логику отношений между законодательной, исполнительной и судебной властями глубоко осознавал Гегель, писавший по этому поводу: «Если обычно говорят о трех властях, о законодательной, исполнительной и судебной, то первая соответствует всеобщности, вторая – особенностям, но судебная власть не есть третий момент понятия, ибо ее единичность лежит *вне указанных сфер*»¹ (курсив мой – В. Р.).

Прямое отождествление судебной власти с властью государственной присуще конституциям Казахстана (1993), Кыргызстана (1993), Литвы (1992) и др. Попытка достижения компромисса присутствует лишь в ст. 101 Конституции Македонии (1991), согласно которой верховный суд республики признается высшим судом в республике², что формально несколько обособляет высшую судебную власть от государства и его институтов.

Не менее противоречиво выглядит закрепление в конституционном законодательстве постсоветских стран нормы об осуществлении правосудия *именем государства, народа, общества* и т.п., а не именем Закона (права). Ибо в этом случае закону и праву отводится роль не высших абстрактных правил игры, в которой государство – один из участников³, а рабочего инструмента государственной власти, позитивистского продукта демократии. Между тем, как писал Д. Талмон, начиная с 1789 года реальной угрозой политической свободе народа

¹ Гегель Г. В. Ф. Философия права. – М.: Мысль, 1990. – С. 31.

² См.: Конституції нових держав Європи та Азії. – К.: УПФ, 1996. – С. 182.

³ Норма о том, что конституция представляет собой высшую деперсонифицированную власть, предусматривается ст. 1 Конституции Италии (1947), которая гласит, что суверенитет народа осуществляется «в формах и границах» Конституции, а также в ст. 1 Конституции Греции (1975), которая требует, чтобы «вся власть... осуществлялась так, как это указано в Конституции». См.: Конституции буржуазных государств. – М.: Юридическая литература, 1982. – С. 124, 340.

ГЛАВА I

выступает уже не деспотизм королей, а неограниченное парламентское большинство, тоталитарная демократия¹.

В ст. 2 Конституции Чехии (1992) суд трактуется в качестве прямого канала народовластия. При этом вынесение судебных решений и приговоров *именем государства* не только подтверждает инструментальный характер суда по отношению к государству и его власти, но и недвусмысленно ставит суд в положение судьи в собственном деле². Несмотря на очевидную противоречивость данной конструкции, она превалирует во многих постсоветских конституциях³.

Бывает и так, что конституции провозглашают осуществление правосудия *именем Украины* (ст. 124 Конституции Украины), *именем народа* (ст. 101 Конституции Италии)⁴, *именем короля* (ст. 117 Конституции Испании)⁵. И только в ст. 114 Конституции Молдовы (1994) закреплена норма об осуществлении правосудия *именем закона*⁶.

Следует заметить, что принцип разделения властей проявляется в большей степени на горизонтальном, а не на вертикальном уровне. Это, в свою очередь, свидетельствует о том, что горизонтальные отношения также могут быть политическими. Напротив, структура вертикальной субординации может на поверку оказаться не политической, а административной. Известно, что именно на горизонтальном уровне политических отношений зарождаются политическая терпимость и плюрализм, именно здесь однопартийная демократия, как писал Н. Сесардич, становится столь же мало похожей на настоящую демократию, как человек по фамилии *Зеленый* – на зеленый цвет⁷.

Структурность в разделении властей проявляется не только на основном, но также и на факультативном уровне. Например, в делении исполнительной власти на *ординарную* и *чрезвычайную*, а поли-

¹ См.: *Talmon J. Political Messianism.* – London: Secker and Warburg, 1960. – P. 318.

² Принцип: никто не может быть судьей в собственном деле (*audi alteratur partem*) считается в юриспруденции аксиоматическим.

³ См. ст. 109 Конституции Литвы (1992) и др.

⁴ См.: Конституции буржуазных государств. – М.: Юридическая литература, 1982. – С. 144.

⁵ Там же. – С. 306.

⁶ См.: Конституції нових держав Європи та Азії. – К.: УПФ, 1996. – С. 222.

⁷ См.: *Сесардич Н.* О некоторых идеологических препятствиях процессу демократизации Югославии // Проблемы Восточной Европы, № 27-28, 1989. – С. 44.

ГЛАВА I

тической активности – на *творческую* и *деструктивную*. При этом творческое начало проявляется в наделении политического объекта новыми чертами, а деструктивное – в лишении объекта ранее принадлежавших ему черт¹. Творческой является активность, утверждающая многопартийность и свободу прессы, а деструктивной – устанавливающая партийную монополию или информационный контроль. Деструктивная политическая активность подразумевает также уменьшение количества способов воздействия на свой объект².

Структура политической активности определяется также иерархическим принципом построения любой публичной власти, множественностью элементов политической системы, национальными особенностями механизма разделения властей, сдержек и противовесов и т.п. Однако в конституционном смысле наиболее важным структурным делением политической активности является деление ее на государственную политическую активность и политическую активность гражданского общества.

Генетические корни данного подхода обнаруживаются в идее первичности (приоритетности) народного суверенитета перед суверенитетом государственным. Как утверждали еще французские энциклопедисты, король получает свою власть из рук подданных. Отсюда воследовало характерное представление эпохи Просвещения о народном суверенитете как о *первичной* власти, конструирующей власть *вторичную* или государственную. И хотя Т. Гоббса никогда не отпускал страх перед гражданской войной, спасти от которой мог, по его мнению, лишь абсолютизм, Б. Спиноза смотрел на политическую реальность уже более широко. Фактически он отстаивал *не усиление, а ограничение* правительственной власти в интересах сохранения безопасности и мира.

Одним из первых идею биполярной структуры политической реальности поддержал В. фон Гумбольдт. Так, он настаивал на необходимости определения *господствующей* и *подчиненной* частей нации, а также на разграничении объектов, на которые политическая власть должна экстраполировать свою деятельность, и объектов, по отно-

¹ См.: Котарбинский Т. Трактат о хорошей работе. – М.: Экономика, 1975. – С. 46.

² См.: Бозданов А. Всеобщая организационная наука (Тектология). Ч. 1. – Л.-М.: Книга, 1925. – С. 143.

ГЛАВА I

шению к которым она обязана ее ограничивать и сдерживать¹. Он также делил политическую сферу на вспомогательные автономные пространства, предполагающие сложную конфигурацию внутренних связей и отношений.

По мнению А. де Токвиля, государственная и гражданская сферы приложения политических усилий должны быть обязательно разделены. Государство для А. де Токвиля – это механизм, аппарат, ассамблеи, министерства, суды, армия и полиция. *Гражданскую же сферу (civil life) образует особый вид политической негосударственной активности, осуществляемой гражданами помимо их домашних – частных и бытовых – забот*².

Так, если экономические ассоциации существуют у А. де Токвиля в целях обеспечения интересов коммерции и индустрии, то *политические гражданские ассоциации* должны заниматься выработкой, развитием и поддержанием политических доктрин, которые гражданам хотелось бы *самостоятельно* воплотить в жизнь. *Религия гражданственности* требует, по мнению автора, государственного подчинения обществу, а *политическая религия* – подчинения общества государству.

Религия гражданственности, как известно, и ныне лежит в основе американской конституционной доктрины (парадигмы). Что же касается стран Западной Европы, то в них она прокладывала себе дорогу под влиянием идей Ш. Монтескье, «пересадившего» на континент английские представления о власти ассоциированной общественности. Так, у О. Гирке европейский конституционализм базируется на идее конкуренции в политическом пространстве двух сил: силы государства с его стремлением к всемогуществу и силы индивида с его стремлением к свободе³.

Всё же наиболее последовательно отделить политическую активность государства от политической активности гражданского общества пытался, судя по всему, Гегель. По этому поводу он, в частности,

¹ См.: Гумбольдт В. фон. Язык и философия культуры. – М.: Прогресс, 1985. – С. 25.

² См.: Bryant C. Civil Nation, Civil Society, Civil Religion // Civil Society. – Cambridge, Polity Press 1995. – P. 143.

³ См.: Gierke O. Natural Law and the Theory of Society 1500 to 1800. – Boston: Beacon Press, 1950. – P. 152, 157, 165.

ГЛАВА I

писал: «*Действительная* власть полагается, правда, в качестве единой и сконцентрированной в правительстве; но ей противопоставляется *возможная* власть, и эта возможность должна в качестве таковой обладать способностью принуждения по отношению к данной действительности. Предполагается, что это второе бессильное существование общей воли должно обладать способностью суждения, следует ли власти покинуть ту первую волю, с которой она связана, соответствует ли еще власть понятию всеобщей свободы. И этой воле надлежит вообще осуществлять контроль над верховной властью, и если в ней частная воля вытеснит всеобщую, лишит ее власти; причем сделано это должно быть посредством публичного заявления, обладающего абсолютной силой воздействия, в результате чего с этого момента все действия верховной государственной власти теряют всякое значение. Нельзя, не следует допускать, чтобы власть обособлялась сама посредством собственного суждения, это было бы восстанием; ибо эта чистая власть состоит из множества частных волей, которые, следовательно, не могут конструироваться в общую волю. Однако вторая, общая воля объявляет, что это множество в качестве сообщества, или чистой власти, объединено с идеей всеобщей воли, поскольку эта воля больше не присутствует в предшествовавших властителях»¹.

Несмотря на некоторую трудность изложения, главная идея выражена у Гегеля достаточно определенно. Позднее аналогичный подход воспроизводился и другими политическими философами. В частности, как считал Ю. Хабермас, систему финансового оборота, экономическую власть, а также власть гражданской администрации в современных обществах можно лишь сдерживать. Однако в любом случае эта власть должна быть *отделена* от свободных коммуникативных сфер общества, устранена из пространства общественной и частной жизни, которым, в силу их собственной природы, присущ *спонтанный* характер. Для того чтобы бюрократическое начало не смогло проникнуть в систему гражданской коммуникации, людям необходимо сознательно и постоянно оберегать границы своего мира².

Поэтому... «мы можем различать власть, *рождающуюся в процессе коммуникации*, и *административно применяемую* власть. В деятель-

¹ См.: Гегель Г. В. Ф. Политические произведения. – М.: Наука, 1978. – С. 222.

² См.: Хабермас Ю. Социальная проекция Фрейда и утопия общества // Философская и социологическая мысль, № 2, 1990. – С. 90.

ГЛАВА I

ности политической общественности встречаются и перекрещиваются два противоположных процесса: с одной стороны, коммуникативное формирование легитимной власти, которая рождается в свободном от всякой репрессивности процессе коммуникаций политической общественности, а с другой – такое обеспечение легитимности через политическую систему, с помощью которой административная власть пытается управлять политическими коммуникациями»¹.

Б. Рассел также различал два вида широкомасштабной политической активности. С одной стороны, как он считал, общественная безопасность требует централизованного правительственного контроля, который может со временем расшириться до мирового правительства. С другой стороны, гражданское общество движется по пути прогресса, неизбежно *конкурирующего* с идеей социального порядка². На данную ситуацию влияет также и то, что в интересах прогресса человечество вынуждено соглашаться на многое. Таким образом, *в политическом сознании индивида существующие противоречия и конфликты постепенно трансформируются в фундаментальное противостояние: общество – власть, духовный истэблшмент и духовный контристеблшмент*³.

По мнению Р. Рейгана, современная демократия предполагает решительное ограничение государственной власти, в результате чего политика и правительство могут играть лишь второстепенную роль по отношению к истинным ценностям жизни, которыми выступают семья и вера⁴. Впрочем, тезис о том, что высшие обязательства люди несут по отношению к своим родственникам и близким, а не по отношению к обществу и государству в целом, не является исключительно западным. Цели государства широки, но ограничены еще более высокими целями. Традиционно ими считаются личная неприкосновенность и политическая свобода.

¹ См.: Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность. – М.: Наука, 1992. – С. 49-50.

² См.: Russell B. Authority and the Individual. – N.-Y.: Simon and Shuster, 1949. – P. 67.

³ См.: Сегал Л. Конец эпохи ясности // Проблемы Восточной Европы, № 27-28, 1989. – С. 10.

⁴ См.: Рейган Р. Выступление в МГУ. Рейган в Москве. Встреча в верхах. – США: Издательство Информационного агентства США, 1988. – С. 7.

ГЛАВА I

П.-А. Гольбах верил в то, что главным предметом политических усилий государства должна быть безопасность, счастье и сохранность общества и его отдельных частей. Однако следовать данному императиву на практике оказалось непросто. В свою очередь, и у Ж.-Ж. Руссо суверен обязан посвятить себя всецело охране гражданской свободы¹. Однако мы знаем, что в реальном политическом мире защите гражданской свободы посвящается лишь незначительная часть правительственных прерогатив².

В действительности правительства в наибольшей степени заботит устойчивость и порядок. Недаром Ф. Бэкон характеризовал государственную власть как обуздывающую, укрощающую и подчиняющую себе общественные страсти³. Впрочем, еще и сегодня излюбленной доктриной государства остается доктрина порядка. Консервативные политические лидеры отождествляют порядок со *status quo*, объявляя подстрекателем каждого, кто осмелится выступить против устоев⁴. Практически любой управленческий аппарат стремится к сохранению сложившихся отношений, а не к их преобразованию или развитию⁵.

Ч. Беккариа писал в свое время о том, что «политические машины» надолго сохраняют приданное им движение и медленно перестраивают свой ход⁶. По мнению же М. Уолцера, любимым занятием государственных функционеров является обеспечение порядка на подведомственной им территории безотносительно к особенностям человеческой расы⁷. Преданность идее порядка наряду с убеждением

¹ См.: *Talmon J. The Origins of Totalitarian Democracy.* – London: Secker and Warburg, 1952. – P. 35.

² См.: часть 1 ст. 94 Конституции Литвы (1992), ст. 114 Конституции России (1993), часть 1 ст. 2 Конституции Греции (1975).

³ См.: *Бэкон Ф. Новый органон.* – М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1938. – С. 214.

⁴ См.: *Оссовская М. Рыцарь и буржуа.* – М.: Прогресс, 1987. – С. 469. Об этом же свидетельствуют политические события в Египте, Тунисе и Ливии в первой половине 2011 г.

⁵ См.: *Пискотин М. Социализм и государственное управление.* – М.: Наука, 1988. – С. 13.

⁶ См.: *Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях.* – М.: Юридическое издательство НКЮ СССР, 1939. – С. 293.

⁷ См.: *Walzer M. Spheres of Justice.* – USA: Basic Books, 1983. – P. 37.

ГЛАВА I

в его вечной незыблемости считаются ныне стандартом бюрократического отношения к действительности в целом¹. С другой стороны, бюрократический класс мог бы уже давно задуматься над тем, что замирание гражданской жизни – прямая дорога и к государственному параличу². К сожалению, писали классики марксизма, государство гораздо чаще осознает свои функции как вытекающие из *противоположности* между правительством и народными массами³.

Не случайно Ф. Ницше считал государство «псом лицемерия», а М. Бакунин приписывал ему изначальное убеждение в том, что человек... *зол и плох*. Все, что есть в человеке неapolитического, чиновнику ненавистно⁴. Государственные функционеры вообще редко вызывают приятные чувства. Из-за «необходимости целовать металлическую холодность государства люди изголодались за противоположным»⁵. Возможно, именно по этой причине любое государство – лишь временный триумфатор. Как писал К. Маркс, «с того момента, как управление государством и законодательство переходят под контроль буржуазии, бюрократия перестает быть самостоятельной силой; именно с этого момента гонители буржуазии превращаются в ее покорных слуг. Прежние регламенты и рескрипты, служившие лишь для того, чтобы облегчить чиновникам их деятельность за счет промышленников-буржуа, уступают место новым регламентам, облегчающим деятельность промышленников за счет чиновников»⁶.

Постепенно для политической элиты становится очевидным, что продолжение старых отношений с обществом невозможно и что власть должна предоставить гражданам свободу во всем, что не относится к прямому назначению государства и не связано с общественной безопасностью. Ведь, как говорил Гегель, не существует более актуальной для правительства обязанности, чем предоставление

¹ См.: Макаренко В. Проблемы бюрократии в трудах классиков марксизма-ленинизма // Советское государство и право, № 9, 1986. – С. 27.

² См.: Havel V. Open Letters. – N.-Y.: Vintage Books, 1992. – P. 75.

³ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 25, ч. 1. – С. 422.

⁴ См.: Revel J.-F. Democracy Against Itself. – USA: Free Press, 1993. – P. 47.

⁵ См.: Вейль С. Укорінення // Дух і літера. Т. 1-2. – К., 1997. – С. 233.

⁶ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 4. – С. 57.

ГЛАВА I

гражданам свободы и их защита, независимо от соображений утилитарного характера, ибо эта свобода священна сама по себе¹.

При этом необходимо исходить из того, что потенциал свободы реализуется, в основном, не в государстве, а в гражданском обществе, существующие представления о котором на редкость разнообразны. Так, Ж.-Ф. Ревель определял гражданское общество как сообщество частных лиц, действующих во всем по собственной инициативе, вне актов государства и вне ответственности перед государственной властью². *Международное общество прав человека* (МОПЧ) гражданским называет общество, в котором все его члены имеют независимые от правительства организации и прессу и сами являются независимыми.

Д. Коэн и Э. Арато называют гражданским обществом пространство взаимодействия между экономикой и государством, состоящее из автономных коммуникативных сегментов повышенной плотности: семьи, добровольных ассоциаций, социальных движений и т.п. При этом для высокоразвитого гражданского общества типичным является присутствие двух групп субъективных прав: а) тех, которые обеспечивают целостность и автономность *личного* статуса индивидов; б) тех, которые обслуживают их ничем не ограниченное общение друг с другом. В связи с этим главными элементами гражданского общества признаются законность, открытость (прозрачность, гласность), гражданские ассоциации, массовая культура и семья³. Что же касается государства, то оно в подобной системе координат стоит особняком. Обладая своей собственной логикой и системой ценностей, оно выступает как весьма специфическая совокупность публичных интересов⁴.

Д. Грин называл гражданское общество негосударственным добровольным «царством общей активности», руководимым чувством долга индивидов по отношению друг к другу и к социальной системе свободы в целом⁵. Данное определение позволяет рассматри-

¹ См.: Гегель Г. В. Ф. Политические произведения. – М.: Наука, 1978. – С. 84.

² См.: Revel J.-F. *Democracy Against Itself*. – USA: Free Press, 1993. – P. 30.

³ См.: Коэн Д., Арато Э. Гражданское общество и политическая теория. – М.: Весь мир, 2003. – С. 7, 513, 670.

⁴ Там же. – С. 105.

⁵ См.: Green D. *Reinventing Civil Society*. – London: IEA Unit, 1993. – P. 3.

ГЛАВА I

вать гражданское общество как разновидность *политического* общества, объединенного особым набором ценностей¹. У М. Новака гражданское общество является результатом процесса структурной дифференциации мира, в результате которого все автономные экономические и морально-культурные системы логически оказываются в позиции *vis-a-vis* к государству².

По мнению Д. Сартори, любое гражданское общество представляет собой открытое общество, в котором гражданское начало превалирует над началом государственным, а демос предшествует официальной власти³. В развитом виде оно представляет собой «совместное предприятие», публичное место, где люди спорят и обсуждают свои интересы, намечают цели и дебатуют приемлемый для их достижения риск⁴. Иными словами, «гражданское общество выступает как общий знаменатель подлинной демократии и эффективной рыночной экономики»⁵.

В США гражданское общество воспринимается обычно как область добровольных личных, общественных и экономических отношений и институтов, которые хотя и регулируются законом, однако не являются принадлежностью государства. Обеспечивая гарантии жизнедеятельности для негосударственных центров политической власти, гражданское общество выступает средством ограничения правительственных прерогатив⁶.

Таким образом, гражданское общество – это негосударственная сфера спонтанного самовыражения индивидов, организаций и ассоциаций, функционирующая как сеть кооперированных усилий независимых индивидов и социальных институций⁷. *Важнейшим инте-*

¹ См.: Easton D. A Systems Analysis of Political Life. – Chicago: University of Chicago Press, 1965. – P. 184.

² См.: Novak M. The Spirit of Democratic Capitalism. – London: IEA Unit, 1991. – P. 416.

³ См.: Sartori G. Democratic Theory. – Westport: Greenwood Press, 1973. – P. 26.

⁴ См.: Walzer M. Spheres of Justice. – USA: Basic Books, 1983. – P. 300.

⁵ См.: Darendorf R. Roads to Freedom // Uncertain Futures: Eastern Europe and Democracy. – N.-Y., 1990. – P. 13.

⁶ См.: Національні стандарти основ громадянських прав і держави. – Харків: Фоліо, 1998. – С. 9.

⁷ См.: Карась А. Філософія громадянського суспільства в класичних теоріях і не-класичних інтерпретаціях. – Львів: Видавництво ЛНУ ім. І. Франка, 2003. – С. 378.

ГЛАВА I

гративным признаком гражданского общества является то, что оно формируется в качестве пространства осуществления человеческой свободы¹.

Иногда гражданское общество определяют как подсистему «большого» общества, отделенную от сфер сугубо политической, экономической и религиозной жизни. В этом случае гражданское общество является пространством солидарности, где напряженно взаимодействуют абстрактный универсализм и партикуляристские версии общности. В теоретическом плане подобное общество является одновременно реальной и нормативной концепцией². В практическом же плане гражданское общество представляет собой набор групп, учреждений и институтов, которые остаются независимыми от государства, но сохраняют возможность на него влиять³.

Как пишут Х. и Э. Тоффлеры, гражданское общество – это некая оранжерея, которую населяют быстро меняющиеся неправительственные организации, ориентированные на защиту бизнеса или против него, профессиональные группы, спортивные федерации, католические ордена и буддийские монастыри, ассоциации по производству пластмасс и «антипластмассовые» активисты, секты, борцы с налогами, любители китов и прочая, прочая...⁴

Гражданское общество не является простым придатком экономической или политической систем, оно выступает «ареной деятельности разнообразных организаций, каждая из которых стремится защитить политические или классовые интересы определенной социальной группы»⁵. При этом конкурентное взаимодействие между различными сегментами гражданского общества предотвращает возникновение государственной монополии не только в политической, но и в моральной и интеллектуальной областях.

¹ См.: *Карась А.* Філософія громадянського суспільства в класичних теоріях і некласичних інтерпретаціях. – Львів: Видавництво ЛНУ ім. І. Франка, 2003. – С. 427.

² См.: *Alexander J.* Citizen and Enemy as Symbolic Classification: On the Polarizing Discourse of Civil Society // *When Culture Talks: Exclusion and the Making of Society.* – Chicago: 1993. – P. 291.

³ См.: *Мэйс Дж.* Культивируя гражданское общество // *День*, № 33, 20 февраля, 2002. – С. 1.

⁴ *Тоффлер Э., Тоффлер Х.* Революционное богатство. – М.: АСТ, 2008. – С. 56.

⁵ См.: *Свінцицький В., Федорченко П.* Громадянське суспільство в Україні: концепції і реалії // *Бюлетень Міжнародного фонду «Відродження»*, № 4-5, 1994. – С. 16.

ГЛАВА I

Истоки современной теории гражданского общества содержатся в работах А. Шефтсбери, Ф. Хатчесона, А. Фергюсона, Гегеля и А. Смита. Существенным следует признать вклад в разработку данной теории также со стороны Б. Констана, Л. Стейна и А. Грамши¹.

Современное гражданское общество иногда называют аренной, на которой свободная и сознающая себя личность реализует свое органическое стремление к автономии². В этом смысле гражданское общество представляет собой форму *самодетельной* интеграции индивидов, которые сознательно противопоставляют себя *государственной* интеграции. Если в рамках марксистской концепции общественные противоречия неизбежно ведут к государству, то в рамках теории гражданского общества индивиды объединяются, чтобы сообща противостоять давлению государственной машины³. Опасаясь быть полностью поглощенными государством, люди объединяют свои усилия для защиты своей *индивидуальной* свободы. В этом смысле гражданское общество есть нечто, располагающееся *за пределами* официальной деятельности государства⁴.

Впрочем, уже в *Великой хартии вольностей* (1215) утверждалось, что гражданское общество позволяет своим членам защищать себя от незаконного вторжения официальной власти. В наши дни об этом же пишется в школьных учебниках: благодаря наличию независимых структур политической силы и влияния, современное гражданское общество следует считать необходимым гарантом принципа ограниченного правления⁵.

¹ Как считают Д. Коэн и Э. Арато, возможно, гегелевская *концепция* гражданского общества не была первой, но они полагают, что автором первой современной *теории* гражданского общества был Гегель. См.: Коэн Д., Арато Э. Гражданское общество и политическая теория. – М.: Весь мир, 2003. – С. 138.

² См.: Seligman A. The Idea of Civil Society. – N.-Y.: Free Press, 1992. – P. 5.

³ Как отмечает С. Верба, многие страны движутся сегодня в *гражданском* направлении США и Великобритании, которые, однако, сами уже начинают отходить от данной позиции. См.: Verba S. On Revisiting the Civic Culture: A Personal Postscript // Civic Culture Revisited. – USA: Sage Publications, 1989. – P. 399.

⁴ См.: Ray L. A Thatcher Export Phenomenon? // Enterprise Culture. – London: Routledge, 1991. – P. 131.

⁵ См.: National Standards for Civics and Government. – USA: Center for Civic Education, 1994. – P. 47.

ГЛАВА I

Как полагал Гегель, хотя каждый индивид и является целью для самого себя, осуществление данной цели необходимо связано для него с другими индивидами, что предполагает известную форму социальной общности. Отсюда логически следует вывод о том, что первичная политическая власть должна быть представлена властью свободной общественности, независимых и равноправных граждан¹. Данная модель отношений близка к современному пониманию роли гражданского общества в США, что дает основания судить о политической эволюции Соединенных Штатов как о воплощенной парадигме гражданского общества².

Ничто, кроме стремления сохранить свою свободу, не объединяет людей в гражданское общество, лишённое во всем остальном какого-либо корпоративного сознания³. Гражданское общество не имеет иной общей цели, кроме цели утверждения универсальных правил, соблюдаемых всеми во имя осуществления *частных* волей⁴. Как полагал Гегель, человек следует законам просто потому, что в состоянии беззакония он не смог бы достичь целей, которые он перед собой ставит. Таким образом, следование законам выступает у Гегеля в качестве необходимого условия осуществления *индивидуальных*, а не коллективных планов⁵.

Быть *гражданином* – означало для А. Фергюсона уважать, в первую очередь, чувства других⁶. Последующее развитие этой политической максимы привело к тому, что защищающее интересы индивида гражданское общество очутилось в оппозиции к государству⁷. В современных условиях гражданское общество представляет собой сложный политический комплекс, баланс согласия и конфликта, многообразия и консенсуса, одинаково необходимых в современной жизни⁸.

¹ См.: Rawls J. Political Liberalism. – N.-Y.: Columbia University Press, 1993. – P. 136.

² См.: Seligman A. The Idea of Civil Society. – N.-Y.: Free Press, 1992. – P.90.

³ См.: Spencer H. The Man Versus the State. – USA: Indianapolis, 1981. – P. 397.

⁴ См.: Peres-Dias V. The Possibility of Civil Society: Traditions, Character and Challenges // Civil Society. – Cambridge: Polity Press, 1995. – P. 81.

⁵ См.: Гегель Г. В. Ф. Философия права. – М.: Мысль, 1990. – С. 435.

⁶ См.: Bryant C. Civil Nation, Civil Society, Civil Religion // Civil Society. – Cambridge: Polity Press, 1995. – P. 143.

⁷ См.: Hall J. In Search of Civil Society // Civil Society. – Cambridge: Polity Press, 1995. – P. 2.

⁸ Там же. – С. 6.

ГЛАВА I

По мнению Ф. Оксборна, гражданское общество выступает как основанный на многообразии территориальных и функциональных объединений политический феномен, значимость которого определяется способностью данных объединений сопротивляться подчинению государству¹. С другой стороны, гражданское общество должно так противостоять государству, чтобы последнее продолжало считаться хранителем мира и служить арбитром между различными интересами.

По мнению Д. Боаза, гражданское общество представляет собой сложную органическую сеть объединений и связей между людьми, воплощающую в себе *спонтанный порядок*. В его концепции гражданское общество *не является организацией*, а потому и не ставит перед собой какой-либо цели².

Таким образом, зрелое гражданское общество предстает перед нами сразу в нескольких измерениях, важнейшими из которых являются: индивидуализм, *privacy*, рынок, плюрализм и классовая структура³. Его главными признаками являются верховенство права⁴ и способность эффективно сопротивляться любому доминированию⁵.

Как утверждает Д. Талмон, человеческая свобода может пребывать в безопасности только там, где государственная политика не считается важнейшим делом и где сохраняется множество уровней неправи-

¹ См.: *Oxborn P. From Controlled Inclusion to Coerced Marginalization: the Struggle for Civil Society in Latin America // Civil Society. – Cambridge: Polity Press, 1995. – P. 251-252.*

² См.: *Боаз Д. Ключові поняття лібералізму // Лібералізм: антологія. – К.: Смолоскип, 2002. – С. 33.*

³ См.: *Griner S. Civil Society and its Future // Civil Society. – Cambridge: Polity Press, 1995. – P. 304.*

⁴ По мнению Р. Дарендорфа, гражданское общество – это общество граждан, имеющих права и принимающих на себя обязательства вести себя по отношению друг к другу цивилизованно. Оно объединяет всех тех, кто реально причастен к защите *конституции свободы*. См.: *Дарендорф Р. После 1989. Мораль, революция и гражданское общество. – М.: ad Marginem, 1998. – С. 90.* По мнению же М. Уолцера, гражданское общество изолирует и одновременно защищает всех тех, кто ставит под сомнение его легитимность. См.: *Уолцер М. Компания критиков. – М.: Дом интеллектуальной книги, 1999. – С. 28.*

⁵ См.: *Mouzelis N. Modernity, Late Development and Civil Society // Civil Society. – Cambridge: Polity Press, 1995. – P. 226.*

ГЛАВА I

тельственной активности¹. Кроме того, успех гражданского общества во многом зависит от человеческой способности строить отношения на взаимном доверии, независимо от того, хорошо ли люди знают друг друга².

Гражданское общество не разделяет популярного в начале XX века убеждения в том, что интересы народа стоят выше интересов отдельного человека, и может полноценно функционировать лишь при наличии правового государства³. По крайней мере, как писал М. Рокар, гражданское общество требует для себя не государства-производителя, а *государства регулирующего*, не государства-покровителя, а *государства наблюдающего*, не государства всемогущего, а *государства участвующего*⁴.

У Гегеля идеальное государство демонстрирует широкую терпимость по отношению к свободе самореализации индивида. По убеждению Гегеля, «государство должно заботиться, во-первых, о том, чтобы индивидуумы могли действовать по своему произволу, во-вторых, чтобы они были связаны с ним, в-третьих, чтобы эта связь не проявлялась как внешняя власть, как печальная необходимость, которой необходимо подчиняться, чтобы в своем понимании люди примирились с этим и воспринимали связанность не как оковы, а как высшую нравственную необходимость»⁵.

Противостояние этики гражданского общества и этики государства отчетливо проявилось во второй половине XX века, когда открылись реальные масштабы государственного уничтожения человеческих масс по идеологическим мотивам⁶. Как писал по этому поводу А. Бобковский, «современное государство стало молохом, пожирающим людей миллионами, чудовищем, которое постоянно требует жертв и

¹ См.: *Talmon J. The Origins of Totalitarian Democracy.* – London: Secker and Warburg, 1952. – P. 47.

² См.: *Krygier M. The Constitution of the Heart // Law and Social Inquiry. Journal of the American Bar Foundation, No. 4, Vol. 20, Fall 1995.* – P. 1051.

³ См.: *Зиновьев А. Зияющие высоты. Т.2.* – М.: Издательство ПИК, 1990. – С. 120.

⁴ См.: *Рокар М. Трудиться с душой.* – М.: Международные отношения, 1990. – С. 190.

⁵ См.: *Гегель Г. В. Ф. Философия права.* – М.: Мысль, 1990. – С. 434.

⁶ Наиболее впечатляющим исследованием на эту тему является, возможно, книга: *Снайдер Т. Криваві землі.* – К.: Грані-Т, 2011.

ГЛАВА I

рабства, в котором человека как личность, воплощающую в себе дух и мысль, перечеркнуто, затоптано и изуродовано»¹.

Нечто в этом же роде констатировала и С. Вейль: «Мы наблюдаем странную вещь: государство – объект ненависти, отвращения, насмешки, презрения и страха под именем родины потребовало абсолютной преданности, полной самоотдачи, наивысшей жертвы – и получило их с 1914 по 1918 годы в мере, превосходящей любые ожидания. Оно выставило себя неким абсолютом этого мира, иначе говоря, объектом идолопоклонства, – и его приняли, и служили ему как таковому, принося невероятное количество человеческих жертв»². В результате к концу XX века «стала реальностью непреодолимая пропасть между политиком и людьми: каждый из них живет по свою сторону этого водораздела, который изолирует их друг от друга и на корню уничтожает всякую возможность подлинного взаимодействия между ними»³.

Сегодня уже невозможно отрицать тот факт, что *дисциплинарные институты* государства выработали в XX веке целый микрокосм контроля, надзора, регистрации и муштры граждан, что стало очевидным для каждого сознательного и автономно мыслящего индивида. Реакция гражданского общества выглядела запоздалой, но бурной. В итоге, политика гражданского общества как сферы *цивильных* интересов самоопределилась и отделилась от аппаратно-государственной, узко-политической сферы. Содержанием подобной революции ценностей и жизненных ориентиров стало реальное осуществление идеалов либерализма и рыночной экономики – как ответ на недопустимо широкое предшествующее вмешательство государства в экономическую, культурную и частную жизнь⁴.

¹ См.: Бобковський А. Війна і спокій. Французький щоденник 1940–1945. – К.: Критика, 2007. – С. 335.

² См.: Вейль С. Укоренение. Письмо клирику. – К.: Дух і літера, 2000. – С. 129.

³ См.: Анкерсмит Ф. Возвышенный исторический опыт. – М.: Европа, 2003. – С. 168.

⁴ См.: Современные фабрики мысли. Аналитический доклад. – К.: Агентство гуманитарных технологий, 1999. – С. 12. По мнению Д. Дьюи, оптимальная структура политической активности определяется балансом гражданских (цивильных) и государственных приоритетов. В современной сценарии государство по-прежнему сохраняет свое значение, однако его роль предполагает также *поощрение* и *координацию* деятельности добровольных гражданских ассоциаций. См.: Дьюи Д. Реконструкция

ГЛАВА I

По мнению М. Вебера, иерархически организованная власть с помощью вышколенной бюрократии может стать ядром общественного порядка. Однако происшедшие во второй половине XX века события стали доказательством упадка роли бюрократии в экономике и политике и – параллельно – свидетельством усиления роли рынка и спонтанной самоорганизации граждан. Как оказалось, «лучшее гражданское общество – это творческий хаос»¹, из чего следовало, что структурность гражданского общества действительно носит не вертикальный, как у государства, а цивильно-горизонтальный характер. В этом смысле гражданское общество заявило о себе как о «свободной синергии», «анархии в смысле положительном», спонтанно вытекающем из внутренней солидарности автономных индивидов порядке².

Гражданское общество имеет существенно иные, нежели у государства, цели и приоритеты. Если у государства ими по-прежнему остаются безопасность, стабильность, порядок и защищенность, то у гражданского общества главными ценностями считаются динамизм, свобода и творческая спонтанная активность. Подобное разграничение стратегических целей имеет принципиальный характер. Доста-

в философии. – М.: Логос, 2001. – С. 156. Что касается всем известного *полицейского* государства, то на него по-прежнему возлагают свои надежды индивиды, желающие жить в изоляции от публичных дел. См.: *Липовецки Ж.* Эра пустоты. – СПб.: Владимир Даль, 2001. – С. 281. Об изначальном несовпадении гражданских и государственных приоритетов известно давно. «Каждая община, – писал Б. Рассел, – становится лицом к лицу с двумя опасностями: анархией и деспотизмом. Пуритане, особенно индипенденты, более всего были напуганы опасностью деспотизма. Гоббса, наблюдавшего конфликт соперничающих фанатиков, наоборот, преследовал страх анархии. Лишь либеральные философы, которые появились после Реставрации и заняли ведущее положение после 1688 года, сознавали обе опасности; они не любили ни Страффорда, ни анабаптистов. Это и привело Локка к доктрине о разделении власти и к доктрине о политическом равновесии». См.: *Рассел Б.* История западной философии. Ч. II. – М.: Миф, 1993. – С. 72. О проявлениях подобного дуализма в наши дни довольно точно высказался Ж. Делез, для которого всякое государство «стремится подменить любовь к свободе – как разумное состояние – привязанностями – страстями страха, надежды и даже безопасности». См.: *Делез Ж.* Критическая философия Канта: Учение о способностях. Бергсонизм. Спиноза. – М.: ПЕРСЭ, 2000. – С. 254.

¹ См.: *Дарендорф Р.* После 1989. Мораль, революция и гражданское общество. – М.: ad Marginem, 1998. – С. 67.

² См.: *Соловьев В.* Сочинения в двух томах. Т. 2. – М.: Правда, 1989. – С. 331.

ГЛАВА I

точно сказать, что именно оно лежит в основе структурной организации всех писанных и неписанных органических конституций.

У Гегеля «в гражданском обществе каждый для себя цель, все остальное для него ничто»¹. Что же касается групп и неправительственных ассоциаций, то они выступают необходимыми посредниками между свободными индивидами и государством. В организационном смысле гражданское общество представляют автономные граждане, действующие исключительно по *собственной инициативе*, вне актов государства и вне ответственности перед государственной властью².

Современное понятие гражданского общества, как и общества в целом, является результатом длительной эволюции. Как подчеркивает Ю. Хабермас, все то, что понимается под гражданским обществом сегодня, больше не включает в себя экономику, основанную на частном праве и управляемую с помощью рынка. Современное гражданское общество состоит из неправительственных внеэкономических связей и добровольных ассоциаций, которые воплощают собой прежде всего коммуникативные сферы жизненного пространства³.

Если государственная власть служит прозаической цели поддержания общественного порядка, то развитие и прогресс общества обеспечиваются принципиально иными политическими механизмами. По этой причине попытка коммунистических режимов синтезировать государственную власть и механизмы прогресса оказалась не только исторической, но и логической ошибкой⁴. Уяснение смысла данной закономерности происходило в Советском Союзе медленно и неэффективно, поэтому руководимая коммунистами огромная страна деградировала к застою.

Только в последние годы существования СССР здесь начали писать о необходимости оппонирования аппарату государственного управления при социализме⁵; об институтах, призванных контролировать

¹ См.: Гегель Г. В. Ф. *Философия права*. – М.: Мысль, 1990. – С. 228.

² См.: *Rewel J.-F. Democracy Against Itself*. – USA: Free Press, 1984. – P. 30.

³ См.: *Habermas J. Between Facts and Norms*. – Cambridge, Mass.: MIT-Press, 1998. – P. 366-367.

⁴ См.: *Амелин В. Власть как общественное явление // Социально-политические науки*, № 2, 1991. – С. 15.

⁵ См.: *Курашвили Б. Борьба с бюрократизмом*. – М.: Знание, 1988. – С. 55.

ГЛАВА I

деятельность государственной машины; о несовпадении самоуправления и государственного управления в механизме организации власти¹. Как это ни удивительно, но четко выраженное в марксизме разграничение государственной и общественной сфер постоянно игнорировалось в советской политической и конституционно-правовой науке.

Между тем, органические конституции возникли прежде всего для институционализации частной собственности и поддержки предпринимательской инициативы. Это означает, что органические конституции и капитализм связаны не столько хронологически, сколько структурно. Конституционализм возник вследствие глубочайшего убеждения его творцов в том, что благосостояние и политическая справедливость достижимы лишь с помощью самоуправления и рынка². По этой же причине органические конституции воплощают в себе, строго говоря, *общественное*, а не государственное правовое начало.

Конституции были созданы с целью защиты капиталистических приоритетов, главными из которых являются рынок и политическая свобода. Органический конституционализм отделил благосостояние и справедливость от прямого воздействия политической власти, регулируя отношения между государством и обществом таким образом, чтобы государство, оставаясь гарантом гражданских прав, прекратило назойливо контролировать автономных и политически независимых граждан³.

Таким образом, в Новое время западные правовые системы начали постепенно трансформироваться из *однополярных* в *биполярные*, где конституции – публичное право гражданского общества – решительно ориентировались на свободу и прогресс, а текущее законодательство продолжало оказывать всевозможное содействие государственному порядку.

¹ См.: Гулиев В. К новому качеству советской политической системы // Советское государство и право, № 9, 1987. – С. 7.

² См.: Grimm P. Constitutional Reform in Germany after the Revolution 1989 // Constitutional Policy and Change in Europe. – N.-Y.: Oxford University Press, 1995. – P. 143-144.

³ Там же. – P. 144.

ГЛАВА I

Как утверждает один из литературных героев О. Хаксли, «во времена Джефферсона было много американцев, умевших самостоятельно заработать на жизнь. Экономически они были независимы. И от правительства, и от большого бизнеса. Вот потому-то появилась наша конституция»¹. Судя по всему, североамериканцы серьезно бы отнеслись к утверждению Ф. Ницше о том, что «государство есть мудрая организация для взаимной защиты личностей; если чрезмерно усовершенствовать его, то в конце концов личность будет им ослаблена и даже уничтожена – т.е. будет в корне разрушена первоначальная цель государства»².

Достижение ограниченного правления является универсальной целью современных конституционных систем³, а сам конституционализм воспринимается в качестве *парадигмы правового ограничения правительственной власти*⁴. Как говорил Д. Талмон, целью конституции является защита граждан от правительства и его оскорблений. С другой стороны, органические конституции создавались в качестве документов стратегического, а не тактического уровня и порядка. В этом смысле они *не учреждаются, а вырастают*. Их появление знаменует собой политическую зрелость гражданского общества в целом. Не случайно принятие органической конституции обычно сравнивают с актом политической инициации народа. Потребность в конституционализме свидетельствует о том, что гражданское общество осознало свое принципиальное верховенство над государством и отныне отождествляет себя, а не государство, с *главным* фактором социального прогресса⁵.

¹ См.: Хаксли О. И после многих весен. – М.: Издательство Сабашниковых, 1992. – С. 116.

² См.: Ницше Ф. Сочинения в 2 т. Т. 1. – М.: Мысль, 1990. – С. 365.

³ См.: Saunders C. Evolution and Adaptation of the British Constitutional System // Constitutional Policy and Change in Europe. – N.-Y.: Oxford University Press, 1995. – P. 69; Preuss U. Patterns of Constitutional Evolution and Change in Eastern Europe // Constitutional Policy and Change in Europe. – N.-Y.: Oxford University Press, 1995. – P. 95.

⁴ См.: Kommers D., Thompson W. Fundamentals in the Liberal Constitutional Tradition // Constitutional Policy and Change in Europe. – N.-Y.: Oxford University Press, 1995. – P. 23, 24.

⁵ См.: Речицький В. Конституція як форма осягнення влади // Вісник АН України, № 11, 1993. – С. 3-12; Речицький В. Конституційний процес в Україні як фе-

ГЛАВА I

Конституция – это гарант свободы гражданского общества, выражением которой является мера позитивного хаоса в экономике (рынок), политике (демократия) и частной жизни (privacy). Фактически она выступает не столько средством упорядочения гражданской жизни, сколько гарантией против ее чрезмерной регламентации. Посредством конституций мы предостерегаем себя против «заботливого, как бабушка, правительства» (Т. Грин)¹. Органическая конституция создается для того, чтобы защитить индивидов от давления государства, а не для того, чтобы помочь государству обеспечить защиту граждан друг от друга².

Напротив, в рамках советской правовой доктрины к конституции относились как к юридическому генералу (качество *генеральности* анализировалось в науке) – отчасти благодушному и склонному к социальной демагогии, но в основе своей всегда пирамидальному, авторитарно самовластному. Разумеется, любая конституция призвана противостоять грубому произволу. Однако более важным в ней является то, что она предохраняет общество от чрезмерной организации и регламентации, идейного обскурантизма, посягательств живой персонифицированной власти на власть правовую, абстрактную.

В поисках истоков органического конституционализма нам следует отречься от представлений о конституции как о правовом инструменте унификации и централизма. Эффективные конституции отвергают утилитарные аргументы о пользе вторжения агентов государства в частную жизнь, индивидуальные права и свободы граждан. Уже с момента своего провозглашения конституции призваны были стать *уздой для вождей и народов* (П.-А. Гольбах)³. Именно

номен демократії // Вісник Академії правових наук України, № 4, 1995. – С. 125-134; Речицкий В. Простые ценности конституционализма: свобода, рынок и социальная динамика // Права людини, № 35(579), 16–31 грудня 2010. – С. 2-6; Речицкий В. Прості цінності конституціоналізму // Критика, № 1-2, 2011. – С. 2-5.

¹ См.: Green T. Liberal Legislation and Freedom of Contract // Liberty. – N.-Y.: Oxford University Press, 1991. – P. 25.

² См.: Kommers D., Thompson W. Fundamentals in the Liberal Constitutional Tradition // Constitutional Policy and Change in Europe. – N.-Y.: Oxford University Press, 1995. – P. 35.

³ См.: Гольбах П.-А. Избранные произведения в 2 т. Т. 1. – М.: Мысль, 1963. – С. 286.

ГЛАВА I

эта функция возвышала авторитет конституционного права перед лицом воплощенной в людях политической власти¹.

Тот факт, что органический конституционализм всегда отстаивал свободу и риск хаоса, а не стабильность на основе доктрины порядка, доказывают многочисленные примеры. Уже *Великая хартия вольностей* (1215) беспокоится о «свободе», «неприкосновенности прав», «неотъемлемых вольностях» церкви; использует понятие «свободного человека», который не может быть «задержан, заключен, лишен имущества, поставлен вне закона», «изгнан» или «разорен» иначе, как «по законному приговору равных ему и по закону страны»². При этом свобода выезда и въезда в Англию гарантировалась не только купцам (ст. 41), но и «всякому» (ст. 42).

Английский *Билль о правах* (1689) запрещает судам ограничивать «свободу слова, суждений и актов в парламенте» (ст. 9), провозглашает принцип свободных выборов и разрешает отстаивать «указанное и изложенное здесь ограничение <...> короны всеми своими силами, не щадя ни жизни, ни состояния против всех лиц, которые предпримут что-либо сему противное»³.

В свою очередь, *Декларация независимости США* (1776) провозглашает, что если существующая форма правления станет губительной для жизни, свободы и стремления индивидов к счастью, то народ вправе изменить или уничтожить ее. И установить новое правительство, основав его на таких принципах и организовав его власть в такой форме, которая была бы наиболее пригодной для обеспечения его безопасности и счастья⁴.

О структурной оппозиции свободы и государственного порядка косвенно упоминается в девятой поправке к Конституции США (1791): «Перечисление в Конституции определенных прав не должно толковаться как отрицание или умаление других прав, сохраняемых народом»⁵. Точно так же и французская *Декларация прав человека*

¹ См.: Руссо Ж.-Ж. Трактаты. – М.: Наука, 1969. – С. 117.

² См.: Дурденевский В. Иностранное конституционное право в избранных образцах. – Л.: Государственное издательство, 1925. – С. 138.

³ Там же. – С. 145.

⁴ Там же. – С. 164.

⁵ См.: Конституции буржуазных государств. – М.: Юридическая литература, 1982. – С. 34.

ГЛАВА I

и гражданина (1789) утверждает, что «целью всякого политического объединения является сохранение естественных и непогашаемых прав человека. Эти права суть свобода, собственность, безопасность и сопротивление угнетению» (ст. 2).

Свобода получает поддержку в виде возможности «делать все, что не вредит другому: таким образом, осуществление естественных прав каждого человека имеет лишь те пределы, которые обеспечивают другим членам общества пользование этими же правами. Эти пределы могут быть установлены только законом»¹.

Начиная со *Здравого смысла* Т. Пейна, в американской доктрине прав и свобод утвердилась идея противопоставления индивидуалистического и гражданского начала правительственной власти и государству. При этом в качестве единственного источника легитимации государственной власти признавалось *гражданское общество*².

Цель защиты свободы и гражданских прав сформулирована также в ст. 2 Конституции Швейцарской Конфедерации (1874). В свою очередь, Основной Закон ФРГ (1949) в ст. 20, абзац 4 (1968) утверждает: «Все немцы имеют право оказывать сопротивление всякому, кто попытается устранить этот (демократический – В. Р.) строй, если иные средства не могут быть использованы»³. Характерно, что и «право народа иметь и носить оружие», которое «не подлежит ограничениям» согласно второй поправке к Конституции США, было предусмотрено не для защиты населения от хулиганов, а в целях обеспечения «безопасности свободного государства», то есть по политическим соображениям⁴.

Примечательно, что конституционное обеспечение субъективных прав и свобод не только не противоречит, но и способствует стабильности и порядку. Как утверждает В. Эбенстайн, идея выгоды свободы с целью обеспечения порядка, высказанная еще в 1690 году Д. Локком, была затем неоднократно подтверждена на практи-

¹ См.: *Дурденевский В.* Иностранное конституционное право в избранных образцах. – Л.: Государственное издательство, 1925. – С. 179.

² См.: *Коэн Д., Арато Э.* Гражданское общество и политическая теория. – М.: Весь мир, 2003. – С. 138.

³ См.: Конституции буржуазных государств. – М.: Юридическая литература, 1982. – С. 178.

⁴ Там же. – С. 32.

ГЛАВА I

ке. Более того, правление народа в соединении с правом на восстание против тиранического правительства послужило... «наилучшим препятствием восстанию». В частности, англо-американская конституционная система, основанная на праве народа на восстание, признается сегодня в политическом мире наиболее устойчивой. Данный тезис сохраняет свою силу и применительно к таким государствам как Голландия, Швейцария, скандинавские страны¹.

Что же касается конституций посттоталитарных стран, то в них вышеизложенные соображения учитываются по-разному. В Украине и России законодатель отказался от закрепления в конституции главы, специально посвященной гражданскому обществу, хотя попытки к этому в официальных проектах следует признать симптоматическими. Если же говорить о действующих основных законах, то в преамбуле к Конституции Молдовы (1994) перечислены общегражданские, а не государственные приоритеты: правовое государство, гражданский мир, демократия, достоинство человека, права и свободы, свободное развитие личности, справедливость и политический плюрализм². В части 4 ст. 29 Конституции Словакии (1992) записано, что политические партии и политические движения, а также союзы, товарищества и иные организации отделены от государства³. Аналогичное правило содержится в части 4 ст. 20 Конституции Чехии (1992)⁴.

Конституция Литвы (1992) содержит главу под названием *Общество и государство*, а Конституция Эстонии (1992) – главу *Народ*. В ст. 54 Конституции Казахстана (1993) запрещается незаконное вмешательство государственных органов и должностных лиц в деятельность общественных объединений, равно как и возложение на общественные объединения функций государственных органов⁵. При этом

¹ См.: Эбенштейн В. Государь, государство, общество // Знание-сила, № 9, 1990. – С. 73.

² Данный подход не является универсальным. Как утверждается в ст. 16, 20 Конституции Узбекистана (1991), положения этой Конституции не могут толковаться в ущерб республике, а осуществление прав и свобод граждан не должно нарушать прав и свобод государства.

³ См.: Конституції нових держав Європи та Азії. – К.: УПФ, 1996. – С. 454.

⁴ Там же. – С. 516.

⁵ См.: Новые конституции стран СНГ и Балтии. – М.: Манускрипт, 1994. – С. 230.

ГЛАВА I

Конституция содержит два самостоятельных раздела: *Общество, основы его устройства* и *Государство, его органы и институты*.

В ст. 4 Конституции Болгарии (1991) утверждается, что республика создает условия для свободного развития гражданского общества, а в преамбуле к Конституции Литвы (1992) – что основной закон принимается в результате стремления литовского народа к открытому, справедливому и гармоничному гражданскому обществу¹. В преамбуле к первой Конституции независимого Кыргызстана (1993) упоминалось о том, что данный документ принимается для утверждения свободного гражданского общества². Уважение к принципам гражданского общества провозглашено в преамбуле к Конституции Чехии (1992)³.

Вместе с тем, как подчеркивает В. Шаповал, конституции в постсоветских странах все еще остаются основными законами не гражданского общества, а... *государства*⁴. Будучи ориентированы на конкретный образ будущего, они выступают жесткими программными документами для грядущих поколений, что существенно отличает их от классических либеральных конституций, устанавливающих, преимущественно, процедурные правила, а не материальные цели социальной политики государства⁵.

Следует признать, что в основе структурного деления политической активности на гражданскую и государственную лежит фундаментальное различие между суверенитетом народа и государственным суверенитетом. Впрочем, политическую активность можно структурировать и по иным признакам. Например, стремление к политическому порядку, власти, подчинению и иерархии иногда считают проистекающими из патриархального начала, а структуры горизонтальной связи – из матриархального. В частности, для В. Розанова

¹ См.: Конституції нових держав Європи та Азії. – К.: УПФ, 1996. – С. 119 – 122; Новые конституции стран СНГ и Балтии. – М.: Манускрипт, 1994. – С. 542.

² См.: Новые конституции стран СНГ и Балтии. – М.: Манускрипт, 1994. – С. 258. В 2010 г. в Кыргызстане была принята референдумом новая конституция страны.

³ См.: Конституції нових держав Європи та Азії. – К.: УПФ, 1996. – С. 486.

⁴ См.: Шаповал В. Передмова // Конституції нових держав Європи та Азії. – К.: УПФ, 1996. – С. VIII.

⁵ См.: Johnston N. Constitutionalism: Procedural Limits and Political Ends // Constitutional Policy and Change in Europe. – N.-Y.: Oxford University Press, 1995. – P. 56-

ГЛАВА I

мужчина – всегда публичный деятель и герой, а женщина – лишь хранительница домашнего очага¹.

Л. Ионин различал политическую активность по случаю, по совместительству и по профессии², а Э. Мюррей выделял политическую активность лояльных граждан, последователей, реформаторов, восстающих, отклоняющихся и созерцателей³. В свою очередь, В. Штерн писал о бинарной структуре распределения энергии политического субъекта: в себя и из себя⁴.

Очевидно, что по отношению к любому *status quo* политическая активность может иметь консервативный, реформаторский, революционный и контрреволюционный характер. Тирании нередко свергаются диктаторами, а либеральная демократия характеризуется мирным способом замены неудобных правительств. Так или иначе, история все-таки считается со старением политических институтов и время от времени подталкивает к их структурному обновлению⁵.

Содержательной в структурном смысле является также идея о сочетании в индивиде политической потребности в *целом мире* с потребностью в *камерном сообществе семейного типа*⁶, равно как и идея о том, что не всякая политическая активность обеспечивает социальный прогресс⁷. В свою очередь, Ф. Хайек советовал не переносить принципы управления административной микросредой на политическую макросреду общества, поскольку *структурные* свойства администрирования не воспроизводятся на политическом уровне. Возможно, именно по этой причине постсоветским странам не удалось совершить прыжок из своего тоталитарного прошлого в демократическое будущее. Тем более что, как утверждает М. Маринович,

¹ См.: Розанов В. Уединенное. Т. 2. – М.: Правда, 1990. – С. 33.

² См.: Ионин Л. Политика как профессия // Новое время, № 8, 1989. – С. 26.

³ См.: Murray E. The Symbolic Uses of Politics. – Chicago: University of Illinois Press, 1985. – P. 202.

⁴ См.: Штерн В. Персоналистическая психология // История зарубежной психологии (30–60-е гг. XX в.). Тексты. – М.: Издательство МГУ, 1986. – С. 193.

⁵ См.: Гарднер У. К самообновляющемуся обществу // Америка, май, 1971. – С. 49.

⁶ См.: Джордж Ф. После 1984. Перспективы лучшего мира // Новая технократическая волна на Западе. – М.: Прогресс, 1986. – С. 358.

⁷ См.: Беме Г., Даале В., Крон В. Сциентификация техники // Философия техники в ФРГ. – М.: Прогресс, 1989. – С. 121.

ГЛАВА I

в природе народоправства заложен не прагматизм, а таинство народного духа¹.

Очевидно, что в новых конституциях стран, которые избавились от тоталитаризма, необходимо закрепить органичные гарантии социального прогресса. Поскольку социальная динамика, основанная на планировании, является откровенно неэффективной, преобразования должны опираться на политическую свободу, рынок, творческую активность и гражданский (правозащитный) контроль за деятельностью государства.

По мнению М. Олбрайт, наиболее эффективными правозащитными организациями являются сегодня такие неправительственные структуры, как *Красный крест*, *Врачи без границ* и *Human Rights Watch*². Применительно к Украине речь могла бы идти о таких организациях, как *Украинский Хельсинский союз по правам человека*, *Международная амнистия (Украина)*, *Экология, право, человек*, *Мемориал (Украина)*, *Харьковская правозащитная группа*, *Институт медиаправа*, *Комитет избирателей Украины* и др.

Вполне возможно, писал П. Друкер, что с течением времени западное общество настолько очеловечится, что из «кристаллического» постепенно превратится в «жидкостное». И хотя подобная метафора требует пояснений, общий смысл грядущих изменений в структуре политической активности ею уловлен.

Можно не сомневаться в том, что политическая активность гражданского общества также не лишена противоречий. Ибо свободная общественность может говорить в унисон не больше, чем ученые на исследовательском семинаре³. С другой стороны, никакое государство не может заменить своими усилиями деятельность групп «эксцентричных людей, сотрудничающих ради взаимной защиты, а не как собрание родственных душ, объединенных общей целью»⁴. Кроме

¹ См.: *Маринович М.* Украина на полях святого письма. – Дрогобич: 1991. – С. 99.

² См.: *Олбрайт М.* Госпожа госсекретарь. – М.: Альпина бизнес букс, 2004. – С. 212-213.

³ См.: *Дойч Д.* Структура реальности. – Ижевск, 2001. – С. 368.

⁴ См.: *Рорти Р.* Случайность, ирония и солидарность. – М.: Русское философское общество, 1996. – С. 90.

того, только гражданское общество способно поставить под сомнение «единство демократического духа и его моральный авторитет»¹.

1.3. Виды политической активности

В настоящем параграфе рассматриваются те виды политической активности, которые органично определяются ее структурой. В этом смысле мы можем отчетливо различать теоретическую и практическую (предметную), эволюционную и революционную, массовую и индивидуальную, творческую и деструктивную, векторную и хаотическую политическую активность. При этом хаотическая политическая активность может совпадать в ряде случаев с революционной активностью, а теоретическая активность – с векторной. Подобный функциональный подход к делению политической активности на виды является удобным и с прикладной – конституционно-правовой точки зрения.

Современные конституции предусматривают широкие наборы юридических инструментов обеспечения политической активности, которые можно рассматривать также в качестве юридических гарантий ее реализации. Подобные гарантии создаются применительно к отдельным звеньям политической системы, стадиям реализации субъективных политических прав и т.п. Однако наиболее важным здесь является то, что конституционная реальность формируется политической реальностью, а не наоборот, хотя именно это обстоятельство исследователями конституционализма нередко упускается.

1.3.1. Эволюционная политическая активность

Эпитет *эволюционный* (*evolutio* (лат.) – развертывание) обычно обозначает процесс постепенного и непрерывного количественного изменения в каком-либо объекте². В широком смысле слова *эволюция*

¹ См.: Сантаяна Д. Характер и мировоззрение американцев. – М.: Идея-пресс, 2003. – С. 158.

² См.: Ожегов С. Словарь русского языка. – М.: Русский язык, 1984. – С. 785.

ГЛАВА I

есть процесс изменений в природе и обществе, динамический рисунок которых противоположен *революции*¹. В этом смысле эволюция представляет собой не только количественные, но также и качественные преобразования, происходящие в течение длительных промежутков времени. Именно в эволюционных рамках происходят основные политические события повседневности².

Поскольку человечество смутно представляет свои политические потребности (А. Уайтхед), а творческого прироста мудрости в мире не наблюдается (Н. Бердяев), политический эволюционизм принято считать практичным. С другой стороны, любой политический организм, едва родившись, устремляется к упадку и смерти (Ж.-Ж. Руссо). Это означает, что любой политический процесс подвержен энтропии. Логикой бытия он время от времени прерывается антиэнтропийными революционными фазами-возмущениями, из-за чего на длительных временных отрезках политическая активность носит дискретный или флуктуационный характер. По этой же причине в мире наблюдается изменчивость политических форм.

Б. Гаврилишин называл политическую эволюцию способом изменений *налево – направо, налево – направо*, когда общество постоянно колеблется между «мессианскими» и «прагматическими» фазами своей жизни. У П. Кропоткина эволюция проходит через периоды замирания и внезапного движения вперед³, а у Ш. Монтескье любой политический строй является «пульсирующим» по своей сути: вначале он устанавливается харизматическими лидерами, а затем воспитывает последних.

Г. Спенсер оценивал политический эволюционизм как плодотворный и прогрессивный, а для Сен-Симона он был хорош тем, что обеспечивал плавность перехода обществ от одной идеологической доктрины к другой⁴. По мнению же К. Поппера, политический эволю-

¹ См.: Советский энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1985. – С. 1525.

² Эволюционная политическая активность основана на политической культуре *умеренности*, она отвергает групповой фанатизм, равно как и мистику баррикад. См.: Цимбалістий Б. Тавро бездержавності. Політична культура українців. – К., 1994. – С. 40.

³ См.: Кропоткин П. Записки революционера. – М.: Мысль, 1990. – С. 41б.

⁴ См.: Сен-Симон А. Избранные сочинения. Т.2. – М.-Л.: Издательство АН СССР, 1948. – 41.

ГЛАВА I

ционизм (как синоним демократии) был «специально придуман» для того, чтобы «стадо могло наблюдать за своими пастырями». С другой стороны, он не исчерпывается лозунгом: *народ должен править*, но предполагает также веру в рациональное начало и гуманизм¹.

В политической эволюции, писал Х. Линц, устойчивость порождает устойчивость, сохраняя тем самым преемственность и традицию. Традиция же обеспечивает блага цивилизации, альтернативой которым являются нищета и голод. Что касается преемственности, то ее масштабы определяются количеством и качеством политического опыта и идей, которые были выработаны усилиями предшествующих поколений. Считается, что неуважение к политической истории противоречит интересам народа и свидетельствует о «ничтожности правителей»². Кроме того, преемственность служит одной из гарантий *рациональной* политики, отвергающей жестокость и другие крайности в борьбе за власть.

Понятие политической эволюции вплотную примыкает к понятию реформаторства. Реформа – это качественное изменение, которое подготовлено предшествующим количественным развитием. Реформаторство обычно предполагает постоянство и повторяемость сознательных политических усилий. Здесь, как говорил Морелли, тот, кто не улучшает ничего, портит все³.

По мнению М. Борна, спасти человечество от самоуничтожения может лишь его отказ от применения силы – политическое реформаторство, эволюция. Примечательно, что эволюционным принято считать также развитие сознания человека. Как утверждал еще Овидий, сама природа ждет от людей мира в той же степени, что от зверей – яростных сражений⁴.

Удачным примером политической эволюции считается модель развития *Мэйдзи*, разработанная японской миссией в Европе под руководством Т. Ивакуры (1868–1912) и предусматривавшая последовательный набор шагов для обеспечения стратегии национального роста: опору на собственный капитал, отказ от внешних займов, по-

¹ См.: *Поппер К.* Открытое общество и его враги. Т.1. – М.: Феникс, Культурная инициатива, 1992. – С. 390, 233.

² См.: *Довженко А.* Из записных книжек // *Огонек*, № 43, 1987. – С. 4.

³ См.: *Морелли.* Кодекс природы. – М.: Издательство АН СССР, 1947. – С. 76.

⁴ См.: *Овидий П.* Наука любить. – М.: Вернисаж, 1992. – С. 143.

ГЛАВА I

литическую независимость императора, конституционное ограничение власти парламента и др.¹

Классическим образцом политической эволюции можно считать также трансформацию после Термидора политического менталитета «маленьких робеспьеров», постепенно превратившихся из отчаянных якобинцев в нуворишей, из которых впоследствии вышли удачливые дельцы и яростные защитники частной собственности².

Одним из общих аргументов в пользу политической эволюции признается то, что цивилизация не может развиваться успешно при правлении, не допускающем граждан к руководству их повседневными делами³. Поэтому политическая эволюция и демократия являются близкими, хотя и не целиком совпадающими понятиями. В целом, как утверждал Р. Нибур, склонность человека к добру делает демократию возможной, а способность к злу – необходимой⁴.

Судя по всему, главные политические преобразования в мире совершаются эволюционным путем, революции же только прокладывают им путь. После *Славной революции* (1688–1689) английские рабочие добивались избирательного права 100, а женщины – 300 лет. После принятия *Декларации независимости США* чернокожие американцы оставались рабами еще 80 лет, женщины не участвовали в выборах 112 лет, а рабочие создали профсоюзы лишь через 150 лет⁵. Именно такой оказалась на практике инерция политической «тяжести мира» (Н. Бердяев).

Рынок и коммерция, писал А. де Токвиль, подготавливают человека к свободе и демократии, предохраняя его тем самым от революций⁶. Не удивительно, что теория демократической устойчивости считается одной из наиболее старых эволюционных теорий⁷.

Хотя эволюционная активность предполагает развитие, а не сохранение *status quo*, политическая эволюция и прогресс не обязательно

¹ См.: Бергер П. Капиталистическая революция. – М.: Прогресс, 1994. – С. 184.

² См.: Сорокин П. Голод и идеология в обществе // Квинтэссенция. – М.: Политиздат, 1990. – С. 409.

³ См.: Хайек Ф. Пагубная самонадеянность. – М.: Новости, 1992. – С. 58–59.

⁴ См.: Новое время, № 40, 1995. – С. 42.

⁵ См.: Лайтфут К. Права человека по-американски. – М.: Прогресс, 1983. – С. 36.

⁶ См.: Tocqueville A. de. Democracy in America. – USA: A Mentor Book, 1984. – P. 265.

⁷ См.: Almond G. The Intellectual History of the Civic Culture Concept // The Civic Culture Revisited. – USA: Sage Publications, 1989. – P. 17.

ГЛАВА I

совпадают. Неоднозначность отношений между политической эволюцией и прогрессом объясняется тем обстоятельством, что хотя демократия и не фетишизирует стабильность, она недостаточно компетентна в вопросах действительно быстрого продвижения вперед.

Это означает, что даже при демократическом правлении прогресс требует жертвовать устойчивостью ради успеха. Поэтому в отношениях между демократией, прогрессом и конституционным правом устанавливаются непростые правила, следование которым требует политической зрелости и искусства. Эволюционная форма и демократическое содержание, взаимодействуя между собой в либеральном режиме, позволяют политической системе функционировать, избегая неоправданного риска.

Следует заметить, что хотя демократия образует *содержание* политической эволюции, Аристотель допускал ее не столько по выбору, сколько по необходимости¹. В свою очередь, Г. Моска считал доктрину демократии априорной². Так или иначе, почти все процветающие страны являются сегодня демократическими, и почти все демократические страны – процветающими³. Известно, что лишь при демократическом правлении смена элит не является опасной и разрушительной. Учитывая все это, сомнения в возможностях демократии, как говорил А. де Токвиль, противоречат воле Господней⁴.

По мнению П. Новгородцева, эволюция государственности неотвратно ведет к демократии, что является всеобщей и непобедимой тенденцией эпохи⁵. И в наши дни демократия считается политической системой, вокруг которой сформировался международный консенсус⁶. Однако демократия сумела стать идеалом, лишь доказав свою эффективность. В свою очередь, чтобы стать по-настоящему действенной, демократия должна была завоевать широкое признание⁷.

¹ Как полагал Аристотель, «множество, конечно, в совокупности своих членов лучше и богаче меньшинства». См.: *Аристотель*. Политика. – М.: 1893. – С. 127.

² См.: *Mosca G.* The Ruling Class. – USA: Greenwood Press, 1980. – P. 326.

³ См.: *Huntington S.* The Third Wave: Democratization in the Late Twentieth Century. – USA: University of Oklahoma Press, 1991. – P. 34.

⁴ См.: *Tocqueville A. de.* Democracy in America. Vol. 1. – N.-Y.: Arlington House. – P. XXXIX.

⁵ См.: *Розанов В.* Религия и культура. Т. 1. – М.: Правда, 1990. – С. 146.

⁶ См.: *Лабро Ф.* Киссинджер 2000-го года? // За рубежом, № 8, 1992. – С. 10.

⁷ См.: *Сорос Д.* Утверждения демократії. – К.: Основи, 1994. – С. 169.

ГЛАВА I

Повсюду в мире народы стремятся к самоуправлению и демократии, которые водворяются первоначально лишь в низших сферах. Вслед за Б. Чичериным с подобной констатацией соглашался и Д. Брайс¹. С другой стороны, поскольку зависимость политической власти от *решений и информации снизу* в мире постоянно возрастает, глобальный поворот к демократии можно считать органично неизбежным².

Современные представления о демократии, равно как и о политической эволюции в целом, являются чрезвычайно разнообразными. М. Бакунин воспринимал демократию как правление народа посредством народа и в интересах народа³, а Д. Сартори, наоборот, предостерегал против злоупотребления в демократии «рудиментарными технологиями» прямого правления. Р. Рейган считал американскую демократию покоящейся на утверждении: «Мы, народ...» и соглашался с Т. Джефферсоном в том, что политики должны относиться к массам как к самому надежному хранилищу политической силы, необходимой для решения по-настоящему сложных задач⁴.

По мнению К. Маркса, «в демократии не человек существует для закона, а закон существует для человека; законом является здесь *человеческое бытие*, между тем как в других формах государственного строя человек есть *определяемое законом бытие*»⁵.

Для Д. Локка демократия – это правовой режим, при котором общество самостоятельно создает для себя законы, поручая их осуществление должностным лицам, а у Ж.-Ж. Руссо народоправство означает такую принадлежность верховной власти народу, с которой вполне могут сочетаться аристократическая или монархическая формы правления.

Впрочем, еще из римского права и политической практики Средневековья до нас дошел основополагающий демократический принцип: *всё, что касается всех, должно быть одобрено всеми*. Кроме того, Т. Джефферсон ценил в демократии способность сопротивляться коррупции, а В. Буковский – возможность автономной личности от-

¹ См.: Bryce J. Modern Democracies. Vol. 1. – London: Macmillan, 1921. – P. 150.

² См.: Toffler A. The Third Wave. – N.-Y.: Bantam Books, 1994. – P. 68.

³ См.: Бакунин М. Философия, социология, политика. – М.: Правда, 1989. – С. 14.

⁴ См.: Рейган Р. Жизнь по-американски. – М.: Новости, 1992. – С. 123.

⁵ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 1. – С. 252.

ГЛАВА I

стаивать свои позиции, не впадая в пессимизм¹. Для К. Поппера демократия воплощала в себе *единственный* эффективный механизм защиты граждан от злоупотреблений властью, а для Х. Вайнриха – политический режим, благодаря которому исходящая от народа власть передается согласно строгим правилам его представителей².

В современной демократии воплощается тесное взаимодействие выборных лиц, средств массовой информации и избирателей. По мнению Д. Сартори, демократия означает в политике то же самое, что рынок – в экономике. Демократия – это *мирный* способ замены неудобных правительств – ценное достижение, за которое всегда стоит бороться³. Главное в демократии – *процедура* соревновательного отбора лидеров управляемыми гражданами⁴. В США популярным является также определение демократии как совокупности политических институтов и процедур, *наделяющих свободу законным статусом*⁵.

Б. Рассел писал в свое время о том, что не существует ничего более мудрого, чем выбор всех вместе взятых людей. И в этом состоит еще один важный довод в пользу демократии, пусть даже политическая наука до сих пор не может сказать, чем руководствуются люди при голосовании. Кроме того, развитая демократия характеризуется тем, что ее основные субъекты – парламент и народ – признают над собой верховенство права (конституции).

Д. Пламенатц определял демократию как особую систему взаимоотношений политически активных и пассивных граждан, а Ю. Хабермас находил ей оправдание в невозможности субстанционально мыслить народный суверенитет. По его мнению, демократия воплощается в коммуникативной власти общественности, которая формулирует основные решения дискурсивным способом.

¹ См.: Буковский В. Чтобы противостоять правым, нужна сильная левая оппозиция // Известия, 4 апреля, 1992. – С. 3.

² См.: Вайнрих Х. Лингвистика лжи // Язык и моделирование социального взаимодействия. – М.: Прогресс, 1987. – С. 63.

³ См.: Хайек Ф. Общество свободных. – London: 1990. – С. 150.

⁴ См.: Huntington S. The Third Wave: Democratization in the Late Twentieth Century. – USA: University of Oklahoma Press, 1991. – P. 6.

⁵ См.: Что такое демократия. – США: Издательство Информационного агентства США, 1991. – С. 4.

ГЛАВА I

Р. Рейган считал демократию самой *честной* политической формой из всех, ранее изобретенных человечеством¹, а Р. Арон усматривал причины ее успеха в эффективном лавировании². *Манифест чехословацкого движения за гражданские свободы* демократией называл систему, основанную на интеллектуальном, политическом и экономическом плюрализме и терпимости³, а для М. Мариновича она представляет собой единственный строй, при котором политическая власть подчинена духовным ценностям, гарантированным от уничтожения государством⁴.

По мнению некоторых из экспертов, современная демократия предполагает отсутствие контроля за всем, что не вредит обществу, а потому защита *privacy* может оказаться в демократии самой необходимой вещью⁵.

Как это ни удивительно, в качестве теоретической доктрины демократия не имела решительных защитников вплоть до Ж.-Ж. Руссо. Например, у Д. Вико массы считаются «господами народной свободы» лишь в самую последнюю очередь. Одним из первых примеров законодательного воплощения демократии принято считать закон Публия (416 год от основания Рима), согласно которому тот стал народным диктатором. Что же касается эмоциональной прелюдии демократии, описанной в истории отношений Секста и Лукреции, то она до сих пор оценивается как хрестоматийное, но не поблекшее предание. Примечательно, что близкой к действительности считал ее и П. Сорокин.

Утвердившись первоначально на северо-западе Европы, демократия долгое время оставалась узкой «во времени и в пространстве» (Д. Кеннан)⁶. В США ее становление происходило под влиянием идей Д. Локка, воспринятых в XVIII веке кальвинизмом. Впоследствии, однако, волны демократизации в мире следовали одна за другой: 1828–

¹ См.: Рейган Р. Откровенно говоря. – М.: Новости, 1990. – С. 200–201.

² См.: Арон Р. Демократия и тоталитаризм. – М.: Текст, 1993. – С. 53.

³ См.: Демократия для всех. Манифест чехословацкого движения за гражданские свободы // Проблемы Восточной Европы, № 25–26, 1989. – С. 229.

⁴ См.: Маринович М. Украина: дорога через пустылю. – Харків: Фолио, 1993. – С. 7.

⁵ См.: Wallas G. Human Nature in Politics. – London: Constable and Company, 1910. – P. 51.

⁶ См.: Huntington S. The Third Wave: Democratization in the Late Twentieth Century. – USA: University of Oklahoma Press, 1991. – P. 298.

ГЛАВА I

1926, 1943–1962, конец XX века¹. Следует заметить, что Т. Карлейль считал демократическую форму правления неотвратимой с момента изобретения печатного станка².

Первоначально демократия сформировалась как *простая* демократия, или демократия абсолютного большинства, и лишь затем как более сложная – *либеральная* демократия. Данный процесс время от времени прерывался взрывами популистской демократии, которую иногда называют также *плебейской демократией* (Ю. Хабермас), *сверхдемократией* (Х. Ортега-и-Гассет) или *тоталитарной демократией* (Д. Талмон, Б. Гаврилишин).

Демократию в Советском Союзе следует считать *простой*, поскольку судьба политических меньшинств решалась в СССР коммунистической диктатурой. Простой была также военная демократия в Спарте. Как писал по этому поводу А. Тойнби, восприятие Спарты в качестве демократии требует от нас сознательных умственных усилий. Простые демократии существуют и поныне, хотя немногие из жителей Западной Европы или США согласились бы сегодня с тем, чтобы судьба меньшинств определялась волей простого большинства. Практическим аргументом в пользу демократического примитива принято считать эффект умиротворения, легко достигаемого, как считал В. Ленин, *подавляющим* большинством масс³.

Оправдание принципу демократического большинства также и в том, что множество направлений и ответвлений демократической теории разрабатывались во внеэкономических и неиндивидуалистических условиях⁴. На заре демократии трудно было уяснить себе, что мнение большинства и истина – это разные вещи. Поэтому простая демократия неоднократно порождала национальную рознь, религиозную нетерпимость и нравственный упадок. В свете сегодняшних представлений достижение справедливости посредством обеспече-

¹ См.: *Иоффе Й.* Демократия со второго захода // За рубежом, № 22, 1992. – С. 10.

² См.: *Bell D.* The End of Ideology. – USA: Free Press, 1960. – P. 191.

³ Об эволюции взглядов В. Ленина на демократию см.: *Речицкий В.* Політичне знання в оновлюваному суспільстві // Україна в сучасному світі. – К.: Видавництво РАУ, 1990. – С. 32–43.

⁴ См.: *Бьюкенен Д.* Сочинения. – М.: Таурус-альфа, 1997. – С. 115.

ГЛАВА I

ния *прав большинства* считается одним из типичных заблуждений неискушенных (К. Ясперс)¹.

В наши дни для многих является очевидным, что *простые* демократии плохо уживаются с оппозицией, стимулируют поиск сообщников лишь одного какого-то направления и мирятся с цензурой и пытками. Их кардинальным философским дефектом является неспособность услышать *голос молчания*², а организационной слабостью – фанатическое единомыслие. Простые демократии легко утрачивают политическую устойчивость, что вынуждает их прибегать к «припугиванию толпы толпой в интересах толпы» (О. Уайльд).

В. Розанов считал примитивное народоправство демократией обездоленных, способных на убийство, грабеж, «вопли к небу и ко всем концам земли». Как писал по аналогичному поводу Сент-Экзюпери, если сравнить правление одиночки с правлением *масс*, то демократия выглядит как бремя – «самое гнетущее и тяжелейшее из всех, какие только могут существовать»³. По мнению же А. Михника, простые демократии хронически страдают от манипулирования и коррупции. Им свойственно симпатизировать банальности, а не таланту, ловкости, а не благородству, демагогии, а не профессионализму и компетентности.

Современная демократия, сталкиваясь с длинной чередой артикулированных частных интересов, вынуждена заниматься поисками компромисса между ними. Что же касается ее моральных качеств, то она выступает пестрой смесью греха и добродетели, святости и порока, а то и откровенной подлости. По крайней мере, искатели этически совершенного государства и справедливого общественного устройства обычно не симпатизируют демократии⁴. Как заметил по этому

¹ См.: Ясперс К. Смысл и назначение истории. – М.: Политиздат, 1991. – С. 373.

² См.: Bryce J. Modern Democracies. Vol. 1. – London: Macmillan, 1921. – P. 182.

³ См.: Сент-Экзюпери А. де. Записники: творы в 4 т. Т. 1. – К.: Видавництво Жупанського, 2009. – С. 169. На с. 45 книги автор пишет: «Поскольку в России ничто не тормозит доступа к культуре и власти, "народ" или "массу" там определяют как касту, как категорию людей, наименее развитых, наименее культурных, наименее утонченных, а в особенности – наименее способных стать развитыми, культурными и утонченными, ибо отбор уже состоялся. Тогда что означает воля народа, воля и власть масс, как не недопустимую гегемонию материи над духом?».

⁴ См.: Михник А. У пошуках свободи. Есеї про історію та політику. – К.: Дух і літера, 2009. – С. 306.

ГЛАВА I

поводу Р. Дебре, если мы стихийно следуем в политике лишь решениям большинства, то мы не демократы, а коллаборационисты¹.

В силу этих и иных подобных им соображений простая демократия *проигрывает* умеренным недемократическим правлениям². Ее главный недостаток заключается в том, что она стремится решать по принципу мнения большинства *все без исключения* вопросы³. Между тем, еще Аристотель предупреждал о том, что демагогам и льстецам выгодно, чтобы правили не законы, а прямые *постановления народа*. Кроме того, как доказывал Ш. Монтескье, демократия разлагается как посредством утраты духа социального равенства, так и из-за доведения его до крайних пределов⁴. Не следует забывать в этой связи и предостережение Платона: если власть получают глупцы и плуты, то демагоги и диктаторы быстро покончат с демократией⁵.

Что касается тоталитарной демократии, то в ней законами легко становятся мнения завсегдатаев пивных. Идейные последователи Г. Маркузе считали подобную демократию плодом иллюзий, которые способны поддерживать лишь невежественное большинство⁶.

Любая демократия ведет к политизации нации⁷, а ее крайние формы способны не только обезоружить олигархию, но и беспощадно разрушить индивидуальность⁸. Не удивительно, что трудности демократического правления иногда приводят к возрождению авторитарных и авторитарных методов⁹. Еще сложнее дается рядовым гражданам понимание того, что *демократия основана на условности – договоре о*

¹ Дебре Р. Интеллектуальна влада у Франції. – К.: Дух і літера, 2008. – С. 144.

² См.: Hayek F. Law, Legislation and Liberty. Vol. 3. – Chicago: University of Chicago Press, 1979. – P. 138.

³ См.: Хайек Ф. Общество свободных. – London, 1990. – С. 20-21.

⁴ См.: Монтескье Ш. Избранные произведения. – М.: Госполитиздат, 1955. – С. 254.

⁵ См.: Эбенштайн В. Платон и Аристотель // Знание-сила, № 8, 1990. – С. 46.

⁶ См.: Milosz C. Visions From San-Francisco Bay. – N.-Y.: Farrar Straus Giroux, 1983. – P. 194.

⁷ См.: Gotfried P. The Conservative Movement. – N.-Y.: Twain Publishers, 1993. – P. XVII.

⁸ См.: Berlin I. Four Essays on Liberty. – N.-Y.: Oxford University Press, 1986. – P. 164.

⁹ См.: Лисяк-Рудницький І. Між історією й політикою. – Мюнхен: Сучасність, 1973. – С. 393.

ГЛАВА I

том, что большинство правит не потому, что оно владеет истиной, а потому, что оно – большинство¹.

Так или иначе, но пороки и недостатки простых демократий привели к созданию более сложных и совершенных версий народовластия, главную из которых воплощает *либерализм*. Принято считать, что теория политического либерализма разработана в наши дни до мельчайших деталей. С другой стороны, политический либерализм все еще продолжает считаться «чрезвычайно сложной формой организации»².

Как признавал Л. Валенса, ему не сразу удалось понимание либеральной демократии как спонтанной деятельности индивидов, контролируемых исключительно правом, то есть как широкого *рынка* политических идей и программ³. Впрочем, понимание либерализма как *борьбы всех против всех под контролем права*⁴ даже в наши дни вызывает у многих опасения. Слишком сильным является соблазн верить в то, что меньшинство должно получить свое право на существование из рук большинства⁵. И хотя данный предрассудок уже частично поколеблен в постсоветских странах⁶, не следует забывать о том, что для А. Дубчека демократия была всего лишь избирательной урной, а для М. Горбачева – не более чем книгой жалоб и предложений. Не удивительно, что глава ЦРУ А. Даллес призывал в свое время политическую элиту США к осторожности, советуя ей руководствоваться во внешней политике не абстрактными принципами, а *просвещенным эгоизмом*⁷.

Тем не менее, общий прагматический взгляд на демократию говорит о том, что она выступает наименее рискованным из политических

¹ См.: Колаковський Л. Мої правильні погляди на все. – К.: Києво-Могилянська академія, 2005. – С. 157.

² См.: Сорос Д. Утвердження демократії. – К.: Основи, 1994. – С. 8.

³ См.: Топорков Л. Л. Валенса атакує правительство. Война всех со всеми? // Известия, 16 мая, 1990. – С. 5.

⁴ См.: Южанинов Ю. Политик волею судьбы // Аргументы и факты, № 46, 1990. – С. 2.

⁵ См.: Зиновьев А. Гомо советикус. Пара беллум. – М.: Московский рабочий, 1991. – С. 142.

⁶ См.: Хорошие законы еще не законность // За рубежом, № 12, 1992. – С. 9.

⁷ См.: Даллес А. Искусство разведки. – М.: Международные отношения, 1992. – С. 226.

ГЛАВА I

режимов, которые мы можем себе представить¹. Как писал по этому поводу И. Бродский, мы живем в демократическом доме – на полпути между кошмаром и утопией, которая чинит меньше препятствий на пути индивидуума, чем все ее возможные альтернативы². Демократия – это впечатляющая форма политического устройства, которая позволяет правительству адаптироваться к желаниям и стремлениям своих граждан без грубого насилия, неприемлемых жертв и жестокой борьбы³.

Разумеется, либеральной демократии присущи и другие характерные признаки и черты. В мемуарах Г. Грина встречается следующий (не относящийся непосредственно к автору) характерный фрагмент: «У меня есть письмо Авраама Линкольна к моему деду. Мой дед сердился на Линкольна за то, что он не принял закон против рабства незамедлительно. Последнее предложение в ответе Линкольна было такое: <...> Люди сами должны решать, иначе как нам возвыситься над королями?»⁴.

Что касается современной либерально-демократической модели, то она характеризуется такими чертами и признаками, правильное понимание которых ведет к переналадке политической системы⁵. Либерализм не во всем согласуется с классической теорией демократии, хотя уже Ф. Рузвельт сумел прийти к выводу о том, что *об истинной любви к свободе свидетельствует положение не большинства, а меньшинства, имеющего возможность проявить свою сущность*⁶.

¹ См.: Таманага Б. Верховенство права: історія, політика, теорія. – К.: Києво-Могилянська академія, 2007. – С. 117.

² См.: Бродский И. Сочинения Иосифа Бродского. Т. VI. – СПб.: Пушкинский фонд, 2000. – С. 119.

³ См.: Мізес Л. фон. Лібералізм у класичній традиції // Лібералізм: антологія. – К.: Смолоскип, 2002. – С. 10.

⁴ См.: Грин Г. Путешествие без карты. – М.: Вагриус, 2007. – С. 292.

⁵ См.: Банс В. Борьба за либеральную демократию в Восточной Европе // Проблемы Восточной Европы, № 29-30, 1990. – С. 14.

⁶ Многие считают неприемлемым для себя обращаться к воле большинства как к настоящему политическому авторитету. См.: Джеймисон Ф. Постмодернизм або логіка культури пізнього капіталізму. – К.: Курс, 2008. – С. 382. Взаимоотношения между демократией и культурой определяются тем, что культура является «элитарной по определению». В результате «применение демократических принципов к сфере познания чревато знаком равенства между мудростью и невежеством». См.: Бродский И. Сочинения Иосифа Бродского. Т. V. – СПб.: Пушкинский фонд, 2001. – С. 112.

ГЛАВА I

По мнению Ф. Фукуямы, первыми теоретиками либерализма были Т. Гоббс и Д. Локк. И хотя сам по себе вопрос о правах политических меньшинств ставился еще в эпоху европейского Просвещения, Д. Локк был первым, кто сформулировал главные подходы к его практическому решению. В целом неотвратимость либерализма вытекала из классического парадокса: ничем не ограниченное большинство может решить, что править должен тиран.

Принято считать, что либеральная демократия сочетает в себе аристократическую традицию, конституционную законность и народоправство, основанное не на манихейском различии добра и зла, а на политической терпимости, принципы которой были сформулированы в Англии, Франции и США¹. Одну из многочисленных версий либерализма воплощает *консоциативная демократия*, удачным примером которой Х. Линц считает Нидерланды, Бельгию, послевоенную Австрию и Ливан до распада². Принципиальным требованием консоциативной демократии является не только всеобщее голосование, но и реальное участие граждан в определении списка вопросов и проблем, подлежащих демократическому решению.

Люди подсознательно стремятся к тому, чтобы избежать политической ответственности, поэтому в противовес тоталитарному декадансу в мире повеял ветер либерализма и благородного неравенства, писал В. Аксенов³. Возложив основной груз политической ответственности на большинство, либеральная демократия продолжает оставаться одним из способов *индивидуальной жизни*⁴, продуктом «сверхсложного» комплекса политических обстоятельств и условий⁵.

С формальной точки зрения, либерализм возник из осознания необходимости сохранить поле деятельности за теми, кто думает и чувствует не так, как большинство или его сторонники. В частности, для А. Швейцера либерализм означал возможность полемики индивида с пессимистической этикой общества, а для П. Новгородцева – реля-

¹ См.: *Бжезинский З.* Третья американская революция // Новое время, № 1, 1991. – С. 40.

² См.: *Линц Х.* Крушение демократических режимов // Проблемы Восточной Европы, № 39-40, 1993. – С. 17.

³ См.: *Аксенов В.* В поисках грустного Бэби. – М.: Конец века, 1992. – С. 154.

⁴ См.: *Dewey J.* Freedom and Culture. – N.-Y.: Capricorn Books, 1963. – P. 129-130.

⁵ См.: *Dewey J.* The Essential Writings. – N.-Y.: Harper Torchbooks, 1977. – P. 234.

ГЛАВА I

тивистскую установку, не признающую никакого абсолютного порядка, верований или воззрений. Как писал по этому поводу Ф. Хайек, либерализм обеспечивает относительный порядок в спонтанно развивающемся обществе, где право большинства принуждать к чему-либо меньшинство ограничено конституционными рамками. Благодаря этому либерализм предотвращает возникновение большинства, объединенного несправедливыми интересами¹.

Ф. Фукуяма называет источником политического либерализма неотъемлемое право человека на свободу², а И. Берлин склонен выводить его из вопроса о допустимых пределах вмешательства правительства в частную жизнь³. В свою очередь, для того, чтобы соединить демократию и свободу, их необходимо вписать в конституционное пространство⁴. При чем лучше всего с данной задачей позволяет справиться верховенство права и политический либерализм. В этом сочетании либеральная демократия и конституционализм становятся практически тождественными⁵.

К. Поппер писал о том, что либеральная демократия основывается на дуализме фактов и норм, а Ф. Хайек доказывал, что *концепция, согласно которой общество прогрессирует, приспособляясь к стандартам большинства, является на самом деле противоположной вектору цивилизации, в которой прогресс обеспечивают немногие, переубеждающие многих*⁶.

Кроме того, любой из версий демократии присуща в большей степени *селективная*, а не креативная (творческая) способность (Д. Сартори). По этой же причине прогресс в его ключевых моментах (наука, искусство, образование и культура) должен быть защищен

¹ См.: Американские федералисты: Гамильтон, Мэдисон, Джей. – Vermont: Benson, 1990. – P. 185.

² См.: Фукуяма Ф. Конец истории? // Вопросы философии, № 3, 1990. – С. 136.

³ См.: Berlin I. Four Essays on Liberty. – N.-Y.: Oxford University Press, 1986. – P. 130.

⁴ Классический («догматический») либерализм способствовал усилению роли Верховного Суда США и становлению культа американской Конституции. См.: Харц Л. Либеральная традиция в Америке. – М.: Прогресс-академия, 1993. – С. 18.

⁵ См.: Sartori G. What Is Politics // Political Theory, Vol. 1, No. 1, February, 1973. – P. 15.

⁶ См.: Hayek F. The Constitution of Liberty. – Chicago: University of Chicago Press, 1960. – P. 110.

ГЛАВА I

от демократии конституционным бастионом свободы¹. Ибо лишь в пространстве спонтанного и свободного творчества создаются все главные образцы, модели, стереотипы, способы и стили мышления, необходимые человечеству и каждому из его членов.

Конституция свободы позволяет демократии балансировать на краю той пропасти, где отрицается долг индивида принести себя в жертву коллективным и общественным интересам. Органический конституционализм делает демократию либеральной, предохраняя личность от угрозы превращения ее в один из сегментов коллективного тела². Как писал по этому поводу Д. Брайс, либеральная демократия производит на свет не более высокий тип человека, а высшую способность обеспечивать политический плюрализм и культурное многообразие.

Ныне можно насчитать пять основных характеристик политического либерализма: верховенство права; гражданские свободы; представительное правление; бюрократия по М. Веберу; децентрализация контроля над природными ресурсами. Важной чертой данного политического режима является также то, что конституционные *правила игры* оцениваются в нем выше игровых ставок. Иными словами, либеральная демократия опирается на четко *определенные* процедуры и совершенно *неопределенные* результаты.

Политический либерализм высвобождает позитивную сторону несовершенного знания – творчество. Его плоды обычно превышают ожидания, поскольку они зависят от неограниченного количества участников. По этой же причине трансформация тоталитарного режима в либеральную демократию обязательно предполагает революцию надежд. Скучная предсказуемость сменяется в либерализме подлинной неожиданностью³.

¹ «Демократический принцип, столь желанный почти во всех сферах человеческих начинаний, неприменим по меньшей мере в двух из них – в искусстве и в науке». См.: Бродский И. Сочинения Иосифа Бродского. Т. V. – СПб.: Пушкинский фонд, 2001. – С. 213.

² См.: Гастил Р. Какая демократия? // Диалог США, № 47, 1991. – С. 11-12.

³ Для уяснения сути либерализма важно верить в принцип: государству не следует вмешиваться, если отдельные личности или частные группы способны справиться с задачей самостоятельно. См.: Ткачук А., Агранофф Р., Браун Т. Місцеве самоврядування: світовий та український досвід. – К.: Заповіт, 1997. – С. 24.

ГЛАВА I

Авторитарные режимы, напротив, склонны допускать в общество только то знание, социальный эффект которого заранее предсказуем. Против информации как *количества непредсказуемого в сообщении* (А. Моль)¹ диктаторы обычно выстраивают железные занавесы и бамбуковые стены. В либеральных же демократиях информация распространяется без ее предварительной оценки, что косвенно способствует утверждению в обществе духа *полиархии*².

В условиях либерализма политическая активность является как бы дрейфующей. Ее конечные цели неизвестны, движение существует как тенденция, а повседневные результаты нередко разочаровывают. Тем не менее, именно в условиях политического либерализма издержки прогресса оказываются минимальными.

В теоретическом плане сущность либерализма заключается в том, что его порядок не основан на догмах³. Недостатки выставляются здесь напоказ и открыто обсуждаются⁴, а парламент похож в большей степени на собрание зрелых людей, нежели на форум невежд, руководимых экспертами⁵. Зрелость ценится в либерализме выше экспертных знаний, ибо только опыт решает вопрос о применимости подобных знаний⁶. С другой стороны, именно либерализм соединяет демократию с меритократией таланта⁷, именно он стремится к тому, чтобы сохранить влияние наилучших, число которых ограничено.

Оправдывая творческую импровизацию, либерализм с трудом удерживается в любых заранее установленных рамках. Не случайно У. Марсалис сравнивал либеральную демократию с джазом, который позволяет таланту дарить свои достижения всем, кто этого заслуживает⁸. Как писал по сходному поводу В. Аксенов, нацисты и коммунисты ненавидели джаз совершенно оправданно. Ибо они хорошо пони-

¹ См.: Моль А. Социодинамика культуры. – М.: Прогресс, 1973. – С. 406.

² См.: Sartori G. Democratic Theory. – Westport: Greenwood Press, 1973. – P. 126.

³ См.: Рассел Б. История западной философии. Ч. 1. – М.: Миф, 1993. – С. 17.

⁴ См.: Бжезинский З. Мое представление о демократии // Мы, 4 июля, 1990. – С. 6.

⁵ См.: Люббе Х. Технические и социальные изменения как проблема ориентации // Философия техники в ФРГ. – М.: Прогресс, 1989. – С. 170.

⁶ См.: Фейерабенд П. Против метода. – М.: АСТ, 2007. – С. 23.

⁷ См.: Янг М. Возвышение меритократии // Утопия и утопическое мышление. – М.: Прогресс, 1991. – С. 322.

⁸ См.: Сэнктон Т. Джаз умер... Да здравствует джаз! // За рубежом, № 3, 1991. – С. 18-19.

ГЛАВА I

мали, что джаз – это импровизация¹, разновидность «человеческого устремления, направленного на сохранение свободы» (Д. Буш)².

Либеральная демократия – это политическая система, в которой борьба добра и зла происходит на открытой арене, считал А. Миллер³. В свою очередь, А. Тойнби усматривал смысл либеральной демократии в том, чтобы наполнить практическую политику чувством христианского единства⁴. Известно, что и Сент-Экзюпери воспринимал политический либерализм как проявление уважения к каждому отдельному человеку, культ *Человека*.

У. Уитмен считал главным принципом либерализма правило: *по-больше противься, подчиняйся поменьше*, а Ч. Милош сравнивал либеральную демократию с неуклюжим баркасом, в котором каждый из матросов гребет в свою сторону. Слышится много криков и брани, так что даже трудно придерживаться какого-то одного курса. По сравнению с утлым суденышком боевая галера тоталитаризма выглядит куда более импозантно. Тем не менее, именно там, где терпит крушение боевая галера, баркас проплывает невредимым⁵.

Политическая наука считает либеральную демократию одним из способов объединения человеческих устремлений, *коренящихся в эгоизме*⁶. Поскольку механизм эгоистически действующих волей приближает демократию к рынку (Д. Шумпетер, Д. Сартори), правила политического либерализма требуют, чтобы контроль над происходящим осуществлялся лишь при условии, что с этим согласны все. В противном случае общественности лучше положиться на волю случая.

Либеральная демократия напоминает механизм защиты интересов пловца, который не может продемонстрировать свое умение плавать

¹ См.: Аксенов В. В поисках грустного Бэби. – М.: Конец века, 1992. – С. 439.

² См.: Буш Дж. Україна – США: новий етап партнерства // Радянська Україна, 3 серпня, 1991. – С. 1, 3.

³ См.: Миллер А. Борьба за правду должна быть защищена законом // Известия, 26 июня, 1992. – С. 7.

⁴ См.: Тойнби А. Постижение истории. – М.: Прогресс, 1991. – С. 18.

⁵ См.: Милош Ч. Поневолений розум. – Мюнхен: Сучасність, 1985. – С. 50. Процесс дебатов, а также разногласия и компромиссы, на которые обычно указывают как на источник слабости демократии, на самом деле лежат в основе ее силы. См.: Что такое демократия. – USA: Информационное агентство США, 1991. – С. 21.

⁶ См.: Мэнсбридж Д. Женщины, правление и общее благо // Диалог США, № 47, 1991. – С. 14.

ГЛАВА I

без воды. Поэтому любая экспроприация собственности, равно как и сведение ее в единый национальный фонд тождественны уничтожению основного ресурса либерализма. Как писал по этому поводу Гегель, «представление о благочестивом или дружеском и даже насильственном братстве людей, в котором существует *общность имущества* и устранин принцип частной собственности, может легко показаться приемлемым умонастроению, которому чуждо понимание природы свободы духа и права и постижение их в их определенных моментах. Что же касается моральной или религиозной стороны, то *Эпикур* отсоветовал своим друзьям, намеревавшимся создать подобный союз на основе общности имущества, именно по той причине, что это доказывает отсутствие взаимного доверия, а те, кто не доверяет друг другу, не могут быть друзьями»¹. Можно также сказать, что собственность является столь же необходимым средством выражения личности в демократии, как тело в живописи – средством выражения души².

Формально запретив частную собственность и рынок, политическая власть в СССР сама стала предметом купли-продажи³. Известно, что связь экономики и демократии проявилась уже у шумеров. Более того, практически все торгующие цивилизации характеризовались либерально-демократическими чертами. Ибо демократия – это не только свобода слова, митингов и демонстраций, но также и частная собственность, владение землей и недрами индивидуально, а не государственным комитетом по собственности⁴. Не случайно в Древней Греции запрещалось выбирать в представительные органы неимущих, а М. Фридман, Ф. Хайек, Л. фон Мизес, К. Поппер и Л. Эрхард связывали политическую свободу и минимальное государство с экономическим процветанием наций.

¹ См.: Гегель Г. В. Ф. *Философия права*. – М.: Мысль, 1990. – С. 105.

² Как говорил П. Гоген, у него для выражения души есть только тело. По мнению же С. Вейль, «частная собственность есть жизненная потребность души. Душа одинока и неприкайна, если ее не окружают предметы, которые для нее как бы продолжение ее самой. <...> Там, где чувство собственности не совпадает с собственностью юридической, все время присутствует угроза мучительного отторжения». См.: Вейль С. *Укоренение. Письмо клирику*. – К.: Дух і літера, 2000. – С. 55.

³ См.: Тимофеев Л. Фашизм в конце туннеля // *Известия*, 21 ноября, 1992. – С. 3.

⁴ См.: Федоров С. Регулировать печать – все равно, что руководить деятельностью мозга // *Известия*, 25 июля, 1992. – С. 7.

ГЛАВА I

Как доказывал Д. Бьюкенен, «индивида будет ожидать тем больший возможный ущерб от коллективных действий, чем сильнее эти действия сводятся к созданию и конфискации прав человека и прав собственности. Поэтому он будет стремиться установить более жесткие правила общественного выбора в сферах потенциально политической деятельности»¹.

Во второй половине XX века были отменены многие из существующих запретов на вмешательство государства в экономическую жизнь. Это привело к тому, что законодательная деятельность стала предметом интенсивного лоббирования. Поэтому, как считают приверженцы либерализма, «для рационального индивида, не способного предсказать свое будущее положение, может быть желательным наложение некоторых новых дополнительных ограничений на использование такой законодательной власти»².

Поскольку единственным эффективным ограничителем законодателя является конституция, либеральная демократия немыслима без конституционализма. В свою очередь, лишь благодаря конституционным нормам можно предотвратить возникновение ситуации, при которой государство оказалось бы в положении *vis-a-vis* с индивидом³.

Как считал Р. Рейган, демократия – это даже не столько правила функционирования политической системы, сколько принцип, ограничивающий правительственные прерогативы. Либеральная демократия опирается на закон, позволяющий суду ограничивать и сдерживать государство в целом. Такой демократией невозможно управлять, она *действует по правилам конституции как лишнего персонализации (impersonal) организма*⁴. Основными ценностями либеральной демократии являются индивидуальная свобода и конституционное правление.

Либерализм основан на децентрализованных решениях, в наибольшей степени и оправдывающих его существование. Децентра-

¹ См.: Бьюкенен Д. Сочинения. – М.: Таурус-альфа, 1997. – С. 115-116.

² Там же. – С. 116.

³ См.: *Kommers D., Thompson W. Fundamentals in the Liberal Constitutional Tradition // Constitutional Policy and Change in Europe.* – N.-Y.: Oxford University Press, 1995. – P. 38.

⁴ См.: *Hayek F. The Constitution of Liberty.* – Chicago: University of Chicago Press, 1960. – P. 4.

ГЛАВА I

лизованные решения обеспечены информацией намного лучше, чем решения централизованные, и потому являются более эффективными. Возлагая свои упования на *разделенных* индивидов, либеральная демократия предстает перед нами не как программа, а как спонтанный процесс¹. Она является не столько методом управления, сколько *способом жизни* ассоциации, совместным опытом коммуникации². С данным утверждением Д. Дьюи трудно не согласиться³.

Р. Дал называл либеральную демократию *крупномасштабной демократией* (democracy on large scale)⁴. В отличие от простой демократии, в которой большинство определяет не только то, что считается правом, но также и то, что считается *хорошим правом* (Ф. Хайек), либеральная демократия не подавляет и не игнорирует требования меньшинств. Все, что для нее действительно необходимо, это отказ от реализации не получивших поддержки большинства политических планов до тех пор, пока не будут предложены лучшие аргументы в их пользу.

Воплощением национальных стандартов демократии можно считать конституционные модели США, Франции, Японии и ФРГ, а международно-правовых – *Парижскую хартию для новой Европы* (1990), *Документ Копенгагенского совещания-конференции по человеческому измерению* (1990), *Хартию основополагающих прав Союза* (2000) и др.⁵

Успехи либеральной демократии отрицать невозможно. Как писал Л. Эрхард, без внедрения либеральной модели было бы просто нелегко добиться столь стремительного возрождения экономической мощи ФРГ, как это имело место в послевоенные годы. Неслучайно П. Новгородцев отождествлял либерализм с жизненной силой как главной гарантией человеческого прогресса. Впрочем, еще до него А. де Токвиль писал о том, что демократия в сочетании со свобо-

¹ См.: Revel J.-F. Democracy Against Itself. – USA: Free Press, 1993. – P. 40.

² См.: Dewey D. The Essential Writings. – N.-Y.: Harper Torchbooks, 1977. – P. 224.

³ См.: Штейн Г. Джон Дьюи // Перспективы UNESCO, № 4, 1986. – С. 135.

⁴ См.: Dahl R. Dilemmas of Pluralist Democracy. – London: Yale University Press, 1982. – P. 36.

⁵ См.: Парижская хартия для новой Европы // Известия, 23 ноября, 1990. – С. 1; Документ Копенгагенского совещания конференции по человеческому измерению СБСЕ // Международная жизнь, № 9, 1990; Конституція для Європи. – Київ: Юстініан, 2008. – С. 59-71.

ГЛАВА I

дой стимулирует целеустремленность и активность личности, в чем и проявляются ее «изумительные выгоды»¹.

Обеспечение потребностей политической эволюции выражается в поддержании свободы гражданского общества, а не стабильности и порядка в том виде, как их традиционно понимает государство. Все это означает, что *стратегия конституционного регулирования должна определяться системными свойствами народного, а не государственного суверенитета*. Из этого следует, что функции государства и компетенция его органов и агентов должны закрепляться в подчиненном по отношению к интересам гражданского общества виде. Подобная субординация приоритетов является не менее важной, чем принцип разделения властей или механизм сдерживаний и противовесов. Сильным аргументом в пользу либерализма является также и то обстоятельство, что, по контрасту с ним, государственный патернализм есть «величайший деспот над воображением» (И. Берлин)². Кроме того, правительственный дирижизм в большинстве случаев легко проигрывает элементарному здравому смыслу.

Чтобы выполнить свое предназначение, конституции обязаны защитить гражданское общество от любого, в том числе и парламентского, произвола. Ибо текущее законодательство – это один из рычагов государства. Из логики конституционного регулирования следует, что интеллектуальная активность общества и его членов не должна ограничиваться ни персонифицированной политической, ни законодательной государственной властью.

Как считает Д. Доннелли, *либеральная демократия является специфическим методом управления, в рамках которого приоритетные в моральном и политическом смысле индивидуальные права и свободы вместе с принципом верховенства права (rule of law) ограничивают поле демократического принятия решений*³. В частности, поскольку информация (в строгом смысле слова) имеет непредсказуемое содержание, общественный доступ к ней должен предшествовать ее официальной оценке. Таким образом, вышеизложенное подводит нас к

¹ См.: Tocqueville A. de. Democracy in America. Vol. 1. – N.-Y.: Arlington House. – P. 242.

² См.: Berlin I. Four Essays on Liberty. – N.-Y.: Oxford University Press, 1986. – P. 137.

³ См.: Доннелли Д. Права людини, демократія та розвиток // Лібералізм: Антологія. – К.: Смолоскип, 2002. – С. 1077-1078.

ГЛАВА I

выводу о том, что политическая активность гражданского общества должна гарантироваться на уровне *конституционных* правовых институтов и механизмов.

В свою очередь, стандарты органического конституционализма предполагают его приверженность либерально-демократическому политическому режиму. В частности, ст. IV раздела 4 Конституции США говорит о том, что США гарантируют каждому из штатов *республиканскую* форму правления. В ст. 2 современной Конституции Франции утверждается, что принципами республики являются правление народа, народом и для народа¹. Конституция закрепляет принадлежность национального суверенитета исключительно народу. Ею гарантируется «плюралистическое высказывание мнений и справедливое участие партий и политических объединений в демократической жизни страны» (ст. 4 Конституции Франции в ред. 2008). Как утверждается в ст. 89 Конституции Франции, а также в ст. 139 Конституции Италии (1947), республиканская форма правления не может быть предметом конституционного пересмотра².

Переходные положения Конституции Италии (1947) запрещают восстановление фашистской партии в любой форме, при этом организация вооруженных сил в стране должна соответствовать демократическому духу республики (часть третья, ст. 52). В свою очередь, в ст. 148 Конституции Литвы (1992) записано, что Литва является демократической республикой, причем данную норму можно изменить, если за это проголосует не менее 3/4 ее граждан³.

В ст. 5 Конституции Чехии (1992) говорится, что политическая система страны основывается на свободной конкуренции политических партий, обязанных уважать принципы демократии и отказывающихся от применения силы как способа утверждения своих интересов⁴. В ст. 13 Конституции Польши (1997) запрещается создание партий националистического, фашистского и коммунистического толка, мето-

¹ Редакции конституционных норм приводятся по изданию: Конституції зарубіжних країн. Навчальний посібник. – Харків: ФІНН, 2009. – С. 664.

² См.: Конституции буржуазных государств. – М.: Юридическая литература, 1982. – С. III, 153.

³ См.: Новые конституции стран СНГ и Балтии. – М.: Манускрипт, 1994. – С. 591.

⁴ См.: Конституції нових держав Європи та Азії. – К.: УПФ, 1996. – С. 487.

ГЛАВА I

ды и практика которых признаются тоталитарными¹. В ст. 22 Конституции Аргентины (1853) говорится, что любые вооруженные, а также иные лица, присвоившие себе право народа и выступающие от его имени, признаются виновными в «преступлении заговора». Принципы демократии закреплены в разделе II Конституции Чехии (1992), главе II Конституции Литвы (1992), разделе I Конституции Македонии (1991), главе VIII Конституции Узбекистана (1992), ст. 21–47 Конституции Хорватии (1990), главе III Конституции Словакии (1992), ст. 34–40, разделе III Конституции Украины (1996), разделе I Конституции Польши (1997) и др.

1.3.2. Революционная политическая активность

Интерес к данной форме политической активности предопределен тем обстоятельством, что политический процесс не всегда осуществляется в эволюционной форме. Нередко он предстает перед нами в дискретном, прерывистом виде. И хотя само по себе стремление избежать прерывания постепенности носит в политике едва ли не фундаментальный характер, революции, восстания и акты гражданского неповиновения все равно случаются².

В свое время А. Турен писал о порядке, контроле и подавлении как об объективных потребностях социализации³. Однако эффективность подобных методов в политике остается проблематичной. Политическое подавление вызывает ответное насилие, которое нередко преодолевает препятствия, созданные авторитарной властью. Таким образом, политическое подавление играет порой роль стимула протестных настроений. Высвободив реактивную энергию общества, оно помогает гражданам глубже осознать свои политические интересы.

Б. Рассел видел моральное оправдание революций в том обстоятельстве, что сползание к тирании было бы невозможно остановить,

¹ См.: Nowa Konstytucja Rzeczypospolitej Polskiej. – Warszawa: Liber, 1997. – С. 5.

² Как утверждает А. Дайси, «бывают периоды смуты или вторжений, когда ради сохранения самой законности необходимо нарушить нормы права». См.: Дайси А. Основы государственного права Англии. – М.: Издательство Сытина, 1907. – С. 413.

³ См.: Турен А. От обмена к коммуникации: рождение программированного общества // Новая технократическая волна на Западе. – М.: Прогресс, 1986. – С. 421.

ГЛАВА I

если бы у власти не было страха перед народным восстанием. По его мнению, любая политическая власть была бы намного хуже существующей, если бы граждане действительно проявляли покорность, которую в свое время проповедовал Т. Гоббс¹.

П.-А. Гольбах сравнивал политические революции с природными грозами, очищающими воздух и восстанавливающими в обществе мир и покой. Поэтому революционное насилие можно считать одной из граней широко понимаемой эволюции. Стимулируя духовные и нравственные потребности своих участников, революции укрепляют чувство солидарности в среде победителей в той же степени, что и в среде побежденных². По мнению А. Богданова, политическое насилие консолидирует общество, пробуждая и стимулируя его организационное мышление.

Революционер, говорил А. Камю, всегда требует, чтобы некая ценность или принцип были недвусмысленно признаны, ибо без них в мире воцарятся произвол и преступление. Бунтарский порыв возникает здесь для восстановления ясности и прежнего единства. Даже заурядный бунт содержит в себе подразумеваемое стремление граждан к порядку³. Революционное действие используется в этом случае лишь как промежуточный инструмент.

Г. Плеханов полагал, что смысл революционных преобразований сводится обычно к разрушению или ослаблению сил противоборствующей стороны. Но бывает и так, что кризисы и революции поддерживают утверждение нового при сохранении положительной части старого⁴. В этом случае верховенство права временно уступает место политической анархии, вследствие которой правительство получает возможность изменить конституцию⁵. Быть революционером – означает не принимать устаревшие идеи прошлого, однако многие из ре-

¹ См.: Рассел Б. История западной философии. Ч. II. – М.: Миф, 1993. – С. 73.

² См.: Кууси П. Этот человеческий мир. – М.: Прогресс, 1988. – С. 66.

³ См.: Камю А. Бунтующий человек. – М.: Политиздат, 1990. – С. 135.

⁴ Г. Грин по этому поводу заметил: «Как все-таки утомительно сражаться ради счастья грядущих поколений!». См.: Грин Г. Путешествие без карты. – М.: Вагриус, 2007. – С. 146.

⁵ См.: Бланио М. Сад // Маркиз де Сад и XX век. – М.: Культура, 1992. – С. 47-88.

ГЛАВА I

волюционеров стремятся при этом также к развитию своих *особых* склонностей и дарований¹.

Д. Лукач («самый умный из коммунистических писателей, обнаруживший большую тонкость мысли», – Н. Бердяев) писал в свое время о том, что революция – это всегда *тотальность*, целостность по отношению к отдельным и разрозненным фактам жизни. Революционер соотносит каждый свой акт с обществом в целом, подчиняет его определенной центральной идее².

В. Гейзенберг признавал историческую неотвратимость революций, однако считал при этом, что политическое насилие способно решить лишь *ясно очерченные проблемы*³. Фатальную неизбежность политических революций признавал и Гегель, вынужденный согласиться с тем, что «злоупотребления высших официалов» имеют место во все времена⁴. Поэтому... «если изменение неизбежно, оно должно быть осуществлено. Подобная тривиальная истина должна быть высказана потому, что страх перед предстоящим действием заставляет отступить готовность мужества, и люди, преисполненные страха, понимая и признавая всю необходимость изменения, тем не менее в решающий момент проявляют слабость, предпочитают сохранить все принадлежащее им; в этом они уподобляются расточителю, который, будучи поставлен перед необходимостью сократить свои расходы, в каждом данном случае считает невозможным отказаться от своих прежних привычек, не хочет ни в чем себя ограничить и лишается в конечном итоге всего – как действительно необходимого, так и того, без чего можно было бы обойтись»⁵.

У Д. Мережковского в основе революции лежит «честно сформулированная ложь, добросовестно обнаруженная гниль, подведение итога прежнему разложению»⁶. Революции прибегают обычно к использованию варварских средств, но это трагедии, спровоцированные пре-

¹ См.: Богданов А. Всеобщая организационная наука (Тектология). Ч. 1. – Л.-М.: Книга, 1925. – С. 208.

² См.: Бердяев Н. Истоки и смысл русского коммунизма. – М.: Наука, 1990. – С. 87.

³ См.: Гейзенберг В. Физика и философия. Часть и целое. – М.: Наука, 1989. – С. 267.

⁴ См.: Гегель Г. В. Ф. Политические произведения. – М.: Наука, 1978. – С. 52.

⁵ Там же. – С. 51.

⁶ См.: Предисловие // Мережковский Д. Больная Россия. – Л.: Издательство ЛГУ, 1991. – С. 4.

ГЛАВА I

ступностью и развращенностью правящих классов¹. П. Кропоткин считал символом революции *смерть на коне, под красным флагом и с косою в руке*, а Г. Попов видел в ней логически обоснованный взрыв, сметающий ранее возникшее торможение². Как писал по этому поводу Гегель, гангрену нельзя вылечить лавандовой водой, а коррупцию можно искоренить не иначе, как насильственными методами³. Такое понимание революции было близко и А. Кожеву. Революционер выступает у него... *условным преступником*. Ибо его судят и казнят лишь при условии, что революция провалилась. Если же революция удалась, то после этого возникает новое понятие права. При таком исходе казни подлежат старые судьи⁴.

Политические революции направлены на изменение социальных институтов способами, которые данные институты сами по себе обычно запрещают. Поэтому цели революций требуют отказа от старых институтов в пользу новых. При этом в возникшем промежутке общество вообще не управляется институтами⁵.

По мнению Й. Хейзинги, в теоретическом плане идея революции близка к идее внезапного спасения, благой и скорой перемены. В свою очередь, для Ф. Энгельса революция была явлением политической природы, которое не подчиняется правилам, определяющим развитие общества в обычное время⁶.

Сам по себе термин *революция* был заимствован политиками из астрономического лексикона. В значении *переворота, разрушения существующего* он появился в английском языке в 1688 году⁷. И хотя современная революция – вещь серьезная, простая и скромная⁸, это не помешало Н. Берберовой заметить, что... «только недоразвитые

¹ См.: Урбан Д., Джилас М. Между революцией и контрреволюцией // Проблемы Восточной Европы, № 23-24, 1989. – С. 78.

² См.: Попов Г. Обратного хода не имеет // Советская культура, 7 апреля, 1988. – С. 6.

³ См.: Гегель Г. В. Ф. Политические произведения. – М.: Наука, 1978. – С. 152.

⁴ См.: Руткевич А. Предисловие // Кожев А. Атеизм и другие работы. – М.: Прогресс, 2006. – С. 40-41.

⁵ См.: Кун Т. Структура научных революций. – М.: Прогресс, 1977. – С. 129-130.

⁶ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 27. – С. 177.

⁷ См.: Бродель Ф. Время мира. – М.: Прогресс, 1992. – С. 553.

⁸ См.: Стрелер Д. Театр для людей. – М.: Радуга, 1984. – С. 37.

ГЛАВА I

страны делают революции – этот урок нам был преподан двадцатым веком, развитые страны меняются *иначе*¹.

По мнению Сент-Экзюпери, «осуществить левую революцию, чтобы человек (или то, что есть хорошего в человеке), был в чести – это прекрасно. Но, не прибегая к коварству, к компромиссу и шантажу, ибо это свидетельствует о недостаточном уважении к человеку или к тому, что есть в нем хорошего»². Подобное требование выглядит, очевидно, невыполнимым, ибо революция имеет шанс стать успешной лишь благодаря решительности ее участников.

Исторические описания Фукидида свидетельствуют о том, что революцию невозможно совершить без мошенничества и сознательного обмана. Даже в наши дни трудно назвать революцию, которая бы не приводила к разочарованию сразу же после своего триумфа³. Тем не менее, в течение уже трех веков революции воспринимаются в качестве традиционного способа осуществления политических преобразований. В пользу подобного утверждения свидетельствует и хронология: 1815, 1830, 1848, 1870, 1917, 1989, 2004, 2010-2011...

Т. Скокпол считал революцию способом ускоренной трансформации институтов государственности, классовых структур и доминирующих политических идеологий, а А. Камю видел в ней проявление неизбежности нового способа правления. Для А. Богданова революция означала структурное разрушение границ между классами⁴, а Ф. Ницше она представлялась ужасным и излишним фарсом⁵. Как писал по поводу политических революций А. Уайтхед, в революции все бессмысленные силы и разумные намерения объединяются, чтобы снять человечество с проржавевшего якоря. Неудивительно, что однозначное отношение к революции встречается редко.

Е. Шацкий усматривал в революции отрицание традиции, подчеркивая при этом, что *разрыв с традицией постепенности* образует ее

¹ См.: Берберова Н. Курсив мой. Автобиография. – М.: Согласие, 1996. – С. 111.

² См.: Сент-Экзюпери А. де. Записники: творения в 4 т. Т. 1. – К.: Видавництво Жупанського, 2009. – С. 52.

³ См.: Колаковський Л. Мої правильні погляди на все. – К.: Києво-Могилянська академія, 2005. – С. 181.

⁴ См.: Богданов А. Всеобщая организационная наука (Тектология). Ч. 1. – Л.-М.: Книга, 1925. – С. 162.

⁵ См.: Ницше Ф. По ту сторону добра и зла // Вопросы философии, № 5, 1989. – С. 143-144.

ГЛАВА I

главный признак. И хотя впоследствии революции в большинстве случаев преодолеваются возвращением общества к традиции, именно в отречении от традиции проявляется их сущность¹. По мнению В. Розанова, старый строй и революция – это «дряхлость» и «крепкие силы», однако ни в коем случае не идея, он не соглашался с Ю. Самариним, считавшим революцию воплощением рационализма в действии, не лишенным загадочности².

К. Поппер писал в свое время о том, что революции возникают обычно вследствие разобщенности правящих классов, их чрезмерной погруженности в экономические проблемы. По мнению же Х. Арендт, все революции ведутся за более широкое политическое представительство³. И это при том, что произведенные на свет революциями политические системы являются более централизованными и рационалистическими, чем предыдущие⁴.

Само по себе обращение масс к революционным методам объясняется самыми разными мотивами⁵. Например, В. Ленин писал в 1917 году о том, что большинство революционеров искренне выступают за демократические преобразования, однако история свидетельствует о том, что множество революций закончилось поражением демократии⁶.

Н. Бердяев видел в революции обоснованный протест личности против неограниченной власти политики, однако при этом не оправдывал использования революционерами крайних средств. С точки же зрения П. Сорокина, революции в большей степени биологизируют, чем социализируют массы. В этом смысле они вредят правам человека, экономике и культуре в целом. Результаты революций оказываются чудовищно непропорциональными по отношению к их целям. Быстро создавая «дефицит порядка», революции помогают утвердиться у власти деспотам и тиранам. Различая в революции оптимистическую, разрушительную и конструктивную фазы, П. Сорокин

¹ См.: *Шацкий Е.* Утопия и традиция. – М.: Прогресс, 1990. – С. 258-259.

² См.: *Розанов В.* Уединенное. Т. 2. – М.: Правда, 1990. – С. 145.

³ См.: *Arendt H.* The Origins of Totalitarianism. – N.-Y.: A Harvest Book, 1973. – P. 107.

⁴ См.: *Skocpol T.* Social Revolutions in the Modern World. – N.-Y.: Cambridge University Press, 1994. – P. 279.

⁵ Там же. – С. 99-100.

⁶ См.: *Ленин В.* Полн. собр. соч. Т. 34. – С. 124.

ГЛАВА I

считал последнюю из них факультативной¹. Что же касается оценки революционных методов Э. Хемингуэем, то он считал, что революции способны достигать своих целей только после полного военного разгрома страны².

«Революция, – писал В. Розанов, – сложена из двух пластинок: нижняя и настоящая, *arheus agens* ее – горечь, злоба, нужда, зависть, отчаяние. Это – чернота, демократия. Верхняя пластинка – золотая: это – сибариты, обеспеченные и *не делающие*; гуляющие; *не служащие*»³. Р. Арон усматривал в истоках революции паралич власти и устремление общества к политическому омоложению, а В. Мушинский – акт классового возмездия, наказание за прошлое доминирование⁴.

По мнению А. Этциони, не существует по-настоящему глубокого противоречия между насильственными революционными актами и мирными реформаторскими усилиями. Во-первых, революции могут быть достаточно мирными (Египет, 1952), а реформаторские усилия – жестокими (Китай, 1966–1967). Во-вторых, в мире случаются проявления социального насилия (заговоры и т.п.), которые было бы неправильно считать революциями⁵.

Учитывая вышеизложенное, радикальную, но не обремененную чрезмерным насилием и жертвами замену негодного правления более адекватным следует называть не революцией, а *демократическим восстанием*. По сравнению с революциями, демократические восстания характеризуются большей уравновешенностью и рациональностью действий своих участников. Их цели определяются заранее, акции планируются, а жертвы являются, как правило, минимальными.

К демократическим восстаниям иногда относят Бостонское чаепитие (1773), Славную революцию (1688–1689), Бархатную революцию (1989), свержение власти ГКЧП в России (1991), Революцию роз (Грузия, 2003), Оранжевую революцию (Украина, 2004) и др.⁶

¹ См.: Сорокин П. Дальняя дорога. Автобиография. – М.: Терра, 1992. – С. 76.

² См.: Хемингуэй Э. Старый газетчик пишет... – М.: Прогресс, 1983. – С. 55.

³ См.: Розанов В. Уединенное. Т. 2. – М.: Правда, 1990. – С. 302.

⁴ См.: Мушинский В. Личность и политическая культура // Советское государство и право, № 4, 1989. – С. 41.

⁵ См.: Etzioni A. The Active Society. – London: The Free Press, 1968. – P. 514.

⁶ Политическая наука знает также «мирную революцию», «регламентированную революцию», «революцию переговоров», «тихую революцию», «грустную револю-

ГЛАВА I

Как отмечал в свое время Б. Рассел, революцию в Англии (1688–1689) и Америке (1776) совершили люди, которые на самом деле глубоко уважали закон. Все их действия были предприняты «по зрелому размышлению»¹. И хотя демократические восстания обычно также являются авторитарными², от революций их отличает продуманная стратегия и щадящий режим. Насилие в демократических восстаниях применяется лишь по отношению к вооруженным врагам и практически никогда не становится массовым.

Демократические восстания не обращают людей в рабов или «нравственных уродов» (К. Кавелин), их режим не тоталитарный, а авторитарный (Ж.-Ф. Ревель). Они не столько утверждают новые ценности, сколько восстанавливают прежние, частично утраченные. Классическим примером демократического восстания, вернувшего стране свободу, демократию и доступ к рынку Ж.-Ф. Ревель считает Бархатную революцию 1989 года в Чехословакии³. С другой стороны, логика демократических восстаний может оказаться достаточно неожиданной. В студенческих волнениях 1968–1969 годов молодые люди из Беркли, Сорбонны и Западного Берлина протестовали против «мещанской демократии», в то время как студенты из Варшавы и Праги выступали за свободу, гарантированную данной разновидностью политического режима.

По контрасту с Бархатной революцией (1989), Революцией роз (2003) и Оранжевой революцией (2004), советская экспансия 1945–1948 годов в Восточную Европу, названная В. Бансом «фальшивой революцией»⁴, привела к несвободным выборам, уничтожению оппозиции и установлению коммунистической диктатуры. Ее нельзя назвать переворотом, произведенным свободой ради утверждения свободы (Ш. Монтескье). В этом случае более уместно говорить о применении силы по отношению к народу и вопреки доверию этого народа⁵. Как известно, реституция свободы и демократии в этой

цию», «ограничивающую себя революцию» и др. См.: *Марціняк В.* 1989 рік і крах ялтинського режиму // Критика, № 5-6, 2010. – С. 5.

¹ См.: *Russell B.* Authority and the Individual. – N.-Y.: Simon and Shuster, 1949. – P. 69.

² См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 33. – С. 317.

³ См.: *Revel J.-F.* Democracy Against Itself. – USA: Free Press, 1993. – P. 40, 39.

⁴ См.: Проблемы Восточной Европы, № 29-30, 1990. – С. 16.

⁵ См.: *Локк Д.* Сочинения в трех томах. Т. 3. – М.: Мысль, 1988. – С. 353.

ГЛАВА I

части Европы состоялась нескоро. Впрочем, как говорил И. Гердер, терпеть бывает легче, чем исправлять¹, даже если для перемен существуют все необходимые предпосылки.

Демократические восстания *стремятся к порядку посредством беспорядка* (order through disorder)², в то время как революции разрушают порядок, не думая о последствиях. По этой причине Р. Арон оправдывал революционное насилие только в том случае, если оно способно привести к конституционной стабилизации. Всем остальным революциям он выносил обвинительный приговор.

Еще более мягкой, чем демократическое восстание, формой политического протеста принято считать *гражданское неповиновение*, которое можно назвать легитимным ответом индивидов и политических меньшинств на ущемление принадлежащих им органических прав и свобод³. По мнению Д. Ролза и Р. Дворкина, гражданское неповиновение является одним из наиболее типичных способов защиты индивидуальных прав и свобод от *демократической* политической системы⁴.

С точки зрения Д. Коэна и Э. Арато, гражданское неповиновение предполагает совершение публичных и символических по своему значению акций с использованием ненасильственных методов воздействия и обращенных к чувству справедливости жителей определенных мест. Гражданское неповиновение стремится убедить общественное мнение в том, что какой-то закон или политика нелегитимны, а потому должны быть изменены. Участники акций гражданского неповиновения обращаются к утопическим принципам, конституциям, идее фундаментальных прав и философскому сомнению в легитимности происходящего в целом.

¹ См.: Человек: мыслители прошлого и настоящего о его жизни, смерти и бессмертии. – М.: Политиздат, 1991. – С. 463.

² См.: Mosca G. The Ruling Class. – USA: Greenwood Press, 1980. – P. 214.

³ Как замечает В. Аллен, «для революции необходимы два условия: наличие тех, против кого восстают, и тех, кто непосредственно будет восставать». См.: Аллен В. Шутки Господа. Сборник. – М.: Иностранка, 2007. – С. 62. По мнению же Л. Витгенштейна, революционером может быть лишь «тот, кто способен революционизировать себя». См.: Витгенштейн Л. Культура и ценность. О достоверности. – М.: АСТ, Астрель, 2010. – С. 75.

⁴ См.: Коэн Д., Арато Э. Гражданское общество и политическая теория. – М.: Весь мир, 2003. – С. 731.

ГЛАВА I

Гражданское неповиновение может быть средством восстановления связи между гражданским и политическим сообществом (государством) в условиях провала законных попыток первого повлиять на второе. В этом случае гражданское неповиновение репрезентует себя в качестве разновидности не предусмотренного законом политического действия коллективных субъектов. Оно активизирует публичные сферы общества и опирается на неформальную активность волонтеров. Оправданием гражданского неповиновения в политической системе принято считать идею народоправства вместе с концепцией фундаментальных моральных прав¹.

Что же касается настоящих *революций*, то они все еще не являются общепризнанным объектом конституционного воздействия (регулирования). С другой стороны, как остроумно заметил кто-то из политиков, плотиной не загородить океан, а сачком для бабочек не поймать астероид. Возможно, именно по этой причине *демократическое восстание* и *гражданское неповиновение* признаются в ряде случаев предметом конституционного регулирования.

Начиная с 1573 года польские короли, вступая на престол, присягали на договорных условиях (*pacis conventa*), которые включали в себя также особые права для не принадлежащих к католической церкви иноверцев. Несоблюдение королями данных обязательств позволяло шляхтичам использовать свое «право на сопротивление» вплоть до вооруженного восстания².

В свою очередь, в германских землях также существовала возможность отстранения народом от власти избранного им короля, если тот позволял себе действовать вопреки требованиям закона. Подобное право разрешало подданным начинать войну против своего правителя, причем данные действия не считались нарушением политических обязательств перед верховной властью³.

В наши дни право на демократическое восстание против тиранического правительства предусматривается *Декларацией независимости*

¹ См.: Козн Д., Арато Э. Гражданское общество и политическая теория. – М.: Весь мир, 2003. – С. 749-750.

² См.: Яковенко Н. Нарис історії середньовічної та ранньомодерної України. – К.: Критика, 2005. – С. 218.

³ См.: Таманага Б. Верховенство права: історія, політики, теорія. – К.: Києво-Могилянська академія, 2007. – С. 32.

США (1776), которая не только разрешает гражданам восставать для защиты своей жизни, но также служит доказательством приоритета свободы народа перед вторичным по своей роли и значению государственным порядком¹.

Закрепление в действующих конституциях права на демократическое восстание доказывает принадлежность конституций гражданскому обществу, а не государству, ибо только народ имеет моральное и политическое право противопоставить хаос восстания порядку, санкционированному официальной властью.

По мнению К. Фитцпатрик, право народа на демократическое восстание и свержение тиранического правительства является центральной идеей политического американизма². С данной оценкой соглашается и Р. Дворкин, называя гражданское неповиновение легитимно-неформальным институтом американской политической культуры³. С другой стороны, право на демократическое восстание не является исключительно американской прерогативой. Еще в 829 году Пармский собор определил, что управляющий без благочестия, справедливости и милосердия король должен быть признан тираном. Известно, что Ф. Аквинский поддержал эту идею, хотя вопрос о процедуре осуждения дурного короля средневековой церковью серьезно не ставился. Отлучения, интердикты и низложения случались, но лишь Иоанн Солсберийский первым осмелился проповедовать тиранубийство⁴. В политической философии данному праву в то время не придавали особого значения.

¹ См.: *Talmon J. Political Messianism.* – London: Secker and Warburg, 1960. – P. 134. См. также: *Gierke O. Natural Law and the Theory of Society 1500 to 1800.* – Boston: Beacon Press, 1950. – P. 148.

² См.: *Fitzpatrick K. The Experience of the American Human Rights Movement // Problems of Eastern Europe.* – Washington: No. 35-36, 1992. – P. 196.

³ См.: *Dworkin R. A Matter of Principle.* – USA: Harvard University Press, 1985. – P. 105. Д. Ролз различает в американской политической культуре *гражданское неповиновение, вооруженное сопротивление и интеллектуальное неприятие*, которые он оценивает в качестве стабилизирующих механизмов политической системы США. См.: *Rawls J. A Theory of Justice.* – N.-Y.: Oxford University Press, 1973. – P. 363-368, 368-371, 383.

⁴ См.: *Ле-Гюфф Ж. Цивилизация средневекового Запада.* – М.: Прогресс, 1992. – С. 255.

ГЛАВА I

Хотя Д. Мережковский считал Россию способной на «январский, декабрьский, чугуевский, холерный, пугачевский, разинский – вечный бунт вечных рабов»¹, сам он не приветствовал революционного политического радикализма. Против применения в европейской политике «кратчайших путей» неоднократно высказывался и Ф. Ницше.

В наши дни право народа на восстание является классическим институтом евроатлантической конституционной культуры. Демократическое восстание прямо предусматривается ст. 20 Основного Закона ФРГ (поправка 1968), закрепляющей право немецких граждан оказывать сопротивление всякому, кто осмелится посягнуть на демократический строй, если иные средства невозможно будет использовать².

В ст. 23 Конституции Чехии (1992) утверждается, что граждане имеют право на сопротивление посягательствам на демократические принципы прав человека и основные свободы, установленные Хартией, если деятельность конституционных органов или активное применение правовых норм окажется невозможным³. В ст. 120 Конституции Греции (1975) соблюдение Конституции вверяется патриотизму греков, правомочных и обязанных оказывать любое сопротивление попыткам отменить конституцию насильственными методами⁴.

Конституция Словакии (1991) в ст. 32 гласит: «Если деятельность конституционных органов или применение правовых норм станет невозможным, то каждый гражданин имеет право оказать сопротивление всем, кто будет посягать на демократическое функционирование прав человека и основных свобод, изложенных в настоящей Конституции»⁵.

В ст. 43 Конституции Аргентины (в редакции 2008) говорится: «Каждый имеет право предпринимать адекватные и незамедлительные защитные действия всякий раз, как только станет невозможным

¹ См.: Мережковский Д. Больная Россия. – Л.: Издательство ЛГУ, 1991. – С. 139.

² См.: Конституции буржуазных государств. – М.: Юридическая литература, 1982. – С. 178.

³ См.: Конституції нових держав Європи та Азії. – К.: УПФ, 1996. – С. 516.

⁴ См.: Конституции буржуазных государств. – М.: Юридическая литература, 1982. – С. 406.

⁵ См.: Конституції нових держав Європи та Азії. – К.: УПФ, 1996. – С. 454.

применить необходимые судебные меры против любого действия или бездействия со стороны властей или частных лиц, которые реально или потенциально, необоснованно или незаконно смогут причинять вред, ограничивать, нарушать или угрожать правам и гарантиям, признанным данной Конституцией, законом или договором». Право на сопротивление насильственному изменению демократического строя содержится также в ст. 54 Конституции Эстонии (1992) и ст. 3 Конституции Литвы (1992)¹.

1.3.3. Теоретическая политическая активность

Теоретическая политическая активность обычно предшествует другим видам политической деятельности, в чем и проявляется ее особое свойство. Можно сказать, что это активность первого порядка по отношению к практическим политическим действиям, или активности второго порядка. В этом качестве теоретическая активность выступает *квинтэссенцией* феномена политического. Не случайно Б. Спиноза писал о том, что человек деятелен, поскольку он *познаёт*, а В. Вернадский – о мощи *свободной мысли* и личности, царство которых – впереди. Еще более определенно выразился по этому поводу Д. Дьюи: «Как это ни удивительно может звучать, но вопрос, сформулированный И. Кантом, означает, что возможности [предоставляемые] знанием, являются фундаментальной политической проблемой современности»².

По мнению М. Новака, идеи и символы нашего времени стали сильнее окружающей нас физической реальности, фактически они и есть новая реальность³. В силу данного обстоятельства на первое место в развитии современных политических систем он выдвигает моральные и теоретические аспекты.

У О. Тоффлера в цивилизации *третьей волны* главными факторами выступают информация и воображение. Так, примерно один раз в столетие какая-нибудь грандиозная идея адаптируется в интеллек-

¹ См.: Новые конституции стран СНГ и Балтии. – М.: Манускрипт, 1994. – С. 613.

² См.: Dewey D. The Essential Writings. – N.-Y.: Harper Torchbooks, 1977. – P. 61.

³ См.: Novak M. The Spirit of Democratic Capitalism. – London: IEA Unit, 1991. – P. 183.

ГЛАВА I

туальные потребности человечества, проникая в самые отдаленные сферы его жизненного пространства¹. Впрочем, хорошо организованные идеи всегда были решающими инструментами политики. И хотя некоторые из политических идей кажутся нам «сиротами, ищущими своих опекунов»², кладбища истории переполнены не философами-идеалистами, а политиками-прагматиками вроде Вильгельма II, А. Гитлера или Б. Муссолини³.

Как заметила в свое время Х. Арендт, политическое действие, если оно не прибегает к средствам насилия, осуществляется через речь. Неудивительно, что отыскание нужных слов и понятий в нужный момент, независимо от их обычного коммуникативного потенциала, можно считать разновидностью политического действия⁴. Как писал по этому поводу Гегель, «благодаря действующей силе общих определений, в основе которых лежит принцип духа, царство мысли воплощается в действительности»⁵.

У О. Тоффлера цивилизацию третьей волны движет вперед энергия народов, высвобождаемая посредством создания новых институтов и конституций⁶. Собственно говоря, за всем происходящим в мире стоит нечто даже более мощное, чем энергия, а именно – *коллективное воображение*⁷. Объединяя политику и мысль, каждая страна и каждая эпоха создают свой собственный набор идей и верований, которые определяющим образом воздействуют на их жизнь. Не случайно у Ж.-Ф. Ревеля бедность и нищета отдельных народов – это прямое

¹ См.: *Easton D. A Systems Analysis of Political Life.* – Chicago: University of Chicago Press, 1965. – P. 367. Как отмечает З. Бжезинский, шовинизм, утопизм, догматизм и манихейство являются главными признаками «мегамифа» XX века. См.: *Brzezinski Z. Out of Control.* – N.-Y., 1993. – P. 28.

² См.: *Баркер Р. Майбутне для лібералізму чи ліберальне майбутне? // Лібералізм: Антологія.* – К.: Смолоскип, 2002. – С. 137.

³ См.: *Эбенштайн В. Государь, государство, общество // Знание-сила, № 9, 1990.* – С. 70.

⁴ См.: *Арендт Х. Vita Activa или о деятельной жизни.* – СПб.: Алетея, 2000. – С. 36. Известно, что П. Валери считал Наполеона Бонапарта, Юлия Цезаря и Фридриха Великого наделенными «изумительным даром повелевать людьми и вещами»... *с помощью слов.* См.: *Валери П. Об искусстве.* – М.: Искусство, 1993. – С. 128.

⁵ См.: *Гегель Г. В. Ф. Философия истории.* – М.: Наука, 1993. – С. 152.

⁶ См.: *Toffler A. The Third Wave.* – N.-Y.: Bantam Books, 1994. – P. 441.

⁷ Там же. – С. 441.

ГЛАВА I

следствие политики, основанной на плохих идеях¹. В свою очередь, у Д. Писарева доминирующими в политическом смысле считаются люди, обладающие *наибольшей суммой умственных сил*.

Еще в 1826 году Д. Каннинг настаивал на идее, что будущая мировая война будет войной мировоззрений². В наши дни решающим фактором войны принято считать соревнование умов и идей, духовных ценностей, убеждений и идеалов. Уже Ф. Ницше серьезно рассуждал о военных сражениях, происходящих от имени философских принципов³.

Идеи – это основной источник человеческой энергии⁴, поэтому численность населения прямо связана с технологией добывания и передачи в обществе информации. Современная наука связывает успехи и поражения наций со складом мышления их авангардных групп⁵, а потенциал общества в целом – не только с объемом накопленных в нем знаний, но также с их реальным разбросом, энтропией, возможностью аккумуляции.

Рейтинги стран и народов определяются их интеллектуальной мощностью, а диктовать условия способны лишь интеллектуально сильные страны. При этом предполагается, что борьбу за будущее выиграют общества, в которых образование является наиболее свободным, а цели развития выбираются спонтанно. Наоборот, политические системы, нацеленные на формирование индивидов в качестве средств достижения наперед запрограммированных результатов, проигрывают⁶.

Для ученых и университетских преподавателей оригинальность мышления является главной составляющей их профессии. Более того, то обстоятельство, что лишь немногие из интеллектуально развитых людей осмеливаются сегодня быть эксцентричными, Д. Ст. Милль на-

¹ См.: Revel J.-F. Democracy Against Itself. – USA: Free Press, 1993. – P. 167.

² См.: Донцов Д. Клич доби. – Лондон: Видавництво Союзу українців у Великій Британії, 1968. – С. 128.

³ См.: Камю А. Бунтующий человек. – М.: Политиздат, 1990. – С. 178.

⁴ См.: Вайнцвайг П. Десять заповедей творческой личности. – М.: Прогресс, 1990. – С. 36.

⁵ См.: Каньгин Ю. Основы когнитивного обществоведения. – К., 1993. – С. 208.

⁶ См.: Malinowsky B. Freedom and Civilization. – London: George Allen, 1947. – P. 94.

ГЛАВА I

зывает симптомом угрозы, нависшей над миром¹. Сознвая это, передовые страны фокусируют стратегию своего развития на значимости философских и духовных аспектов жизни. Владение информацией означает владение новизной, поэтому информация – это важнейшая предпосылка обладания властью. По этой же причине правовой режим информации принято считать *конституционной* прерогативой.

Должны ли банки данных контролироваться правительством, или им следует развиваться совершенно свободно – важнейший для конституции и гражданского общества вопрос². Примечательно, что даже у Т. Гоббса суверен не должен вмешиваться в выражение мнений, если они не угрожают непосредственно миру³. Увеличение скорости передачи данных является в наши дни политической проблемой, а организация доступа к информации – сердцевинной глобальных управленческих процессов⁴.

Гении рождаются в провинции и умирают в Париже, гласит французская поговорка, напоминая попутно о том, что интеллектуальный потенциал наций бессистемно рассеян в их географическом и временном пространстве. Поэтому ничто не должно препятствовать интеллектуальной свободе в обществе, реально озабоченном своим будущим. Как писал А. Зиновьев, изоляция одних регионов мира ведет к усилению ксенофобии в других, сокращая тем самым общую способность человечества противостоять злу⁵.

Как продемонстрировал К. Кирквуд на примере Японии, людям трудно или даже вообще невозможно предугадать тот момент, когда их общество сможет устремиться по пути перемен. Ни правительственные программы обучения населения, ни средневековый культ знаний, поддерживаемый просвещенными монархами, не смогли в свое время обеспечить прогресс в культурно закрытых и консервативных странах. Известно, что Европа вышла из мрака Средневековья

¹ См.: *Миль Д. Ст.* Про індивідуальність як один з елементів добробуту // Лібералізм: Антологія. – К.: Смолоскип, 2008. – С. 159.

² См.: *Белл Д.* Социальные рамки информационного общества // Новая технократическая волна на Западе. – М.: Прогресс, 1986. – С. 335.

³ См.: *Gray J.* Post-Liberalism. – London: Routledge, 1996. – P. 9.

⁴ См.: *Назаров А.* К понятию организованности ноосферы // Кибернетика и ноосфера. – М.: Наука, 1986. – С. 47; *Лосев С.* Практическими делами углублять перестройку // Известия, 16 июля, 1987. – С. 2.

⁵ См.: *Зиновьев А.* Зияющие высоты. Т.1. – М.: Издательство ПИК, 1990. – С. 231.

ГЛАВА I

не по указке императоров, а благодаря пробудившейся у людей жажде познания. По мнению экспертов ЮНЕСКО, политический выбор и свобода информации связаны между собой неразрывно, поэтому потребность в информационном обмене следует считать проявлением политического инстинкта¹. Из этого также следует, что свободная циркуляция самых разнообразных данных требует для себя надежных конституционных гарантий.

Интеллектуальная свобода существенна еще и потому, что демократия сама по себе не может ответить на вопрос: *что же является хорошей жизнью?*² Коллективные представления и иллюзии масс редко поспевают за наукой. Массы отстают от элит на десятилетия и даже на века, коснея в заблуждениях и предрассудках под влиянием консервативной власти, инфантильной прессы и гипертрофированного порядка³.

Все, что способно по-настоящему глубоко мотивировать людей, создает философия и культура. При этом символическая реальность любого общества остается предельно уязвимой для внешних вторжений. Т. Джефферсон писал о поддержании интеллектуальной свободы как о *политическом* требовании, поскольку вслед за К.-А. Гельвецием был убежден в том, что свободный и мыслящий народ повелевает народами, которые не мыслят. Не удивительно, что именно в США был впервые сформулирован конституционный императив, запрещающий правительству судить чьи-либо взгляды.

У А. де Токвиля демократическое правление основывается на простых принципах, однако предполагает высокую культуру и просвещенность общества⁴. В свою очередь, как доказывал К. Юнг, политическое благополучие народа непосредственно связано с его интеллектуальным здоровьем. В современном мире очень многое зависит от правильно функционирующего сознания. Политик, потевший голову, способен взорвать водородную бомбу⁵.

¹ См.: Від головної редакції // Кур'єр ЮНЕСКО, листопад, 1990. – С. 11.

² См.: Brzezinski Z. Out of Control. – N.-Y., 1993. – P. 75.

³ См.: Барт Р. Мифологии. – М.: Издательство Сабашниковых, 2000. – С. 110.

⁴ См.: Tocqueville A. de. Democracy in America. Vol. 1. – N.-Y.: Arlington House. – P. 200.

⁵ См.: Юнг К. Воспоминания, сновидения, размышления. – К.: Air-Land, 1994. – С. 138.

ГЛАВА I

Развитый интеллект обычно поддерживает идею равноправия вместе с идеей разнообразия в обществе. Еще со времен римского форума и новгородского вече народоправство требовало создания для себя информационных гарантий. Диктаторские режимы сопротивляются интеллектуальной свободе, однако правда, будучи обнаруженной, обрекает их на фиаско¹.

По мнению З. Бжезинского, не что иное, как резко возросшая в XX веке интеллектуальная активность, позволила народам Латинской Америки, юго-востока Европы, Египта и Индии стать более восприимчивыми к критике, а потому и к прогрессу. Активному в умственном отношении обществу достаточно порой лишь толчка, чтобы устремиться по пути перемен. В Португалии эту роль сыграла книга, написанная генералом, в Иране – голос Хомейни, записанный на магнитную ленту. В Польше 80-х Папа Римский мог вызвать любые события по своему выбору². В 2011 году всплеск понимания стал катализатором политических трансформаций в Ливии и Египте.

По мнению К. Поппера, мысли и идеи являются не только *орудиями*, но и *разновидностью* политических действий, а интеллектуальная честность – фундаментом всего, чем мы дорожим. А. де Токвиль усматривал ценность *общих идей* в том, что они позволяют правильно оценить ситуацию, в которой одновременно действует неограниченное количество субъектов. О политическом мировоззрении, способном устанавливать *порядок вещей*, писал и М. Шлемкевич³.

Обычно интеллект определяют как способность системы (человека, ЭВМ, общества) превращать сведения в знания, извлекать смысл из наборов данных, декодировать их. При этом сила памяти и способность к логическим выводам являются определяющими для выяснения уровня интеллекта⁴. В этическом же смысле теоретическая активность выступает как деятельность общественного организма в поисках правды и справедливости. Подобная цель требует отмены ограничений в пространстве интеллектуальных импровизаций и ре-

¹ См.: Смирнов К. Лошадиные силы для компьютера // Известия, 23 января, 1990. – С. 3.

² См.: Гаврилишин Б. Дороговкази в майбутне. – К.: Основи, 1993. – С. 55.

³ См.: Шлемкевич М. Загублена українська людина. – Н.-У., 1954. – С. 107-108.

⁴ См.: Каныгин Ю. Основы когнитивного обществоведения. – К., 1993. – С. 18.

ГЛАВА I

шения проблем на основе всех доступных человеческому сознанию и воображению фактов¹.

Теоретическую политическую активность иногда сравнивают с коллективным умственным действием, *синтеллектикой*, основными качествами которой считаются способность воспринимать, накапливать и хранить знания, вырабатывать идеи и на их основе самосовершенствоваться². При этом интеллект действует в качестве инструмента преобразований тонкой материи сознания. Теоретическая политическая активность служит «вибрирующей структурой» социального организма, которую представляют институты общественного мнения – СМИ, религиозные организации, политические партии и движения, студенчество, ученые и писатели³. В свое время В. фон Гумбольдт писал о том, что человеческая индивидуальность – это *идея*, воплощенная в явлении. Иными словами, теоретические идеи способны принимать форму индивида, чтобы открыть и затем осуществить себя. Заметим, что и у П.-А. Гольбаха мысль – это *деятельность в человеке*.

Смысл интеллектуальной активности заключается в освоении людьми окружающей их действительности, выработке необходимых стратегий и тактик реагирования на множество жизненных вызовов и проблемных ситуаций. Что же касается собственно *теоретической политической активности*, то к ней следует отнести все формы социальной коммуникации, которые завершаются принятием минимально согласованных коллективных решений.

Подобного рода активность проявляет себя на научном, религиозном, бытовом и иных уровнях. Благодаря этому людям удается кооперировать усилия и вырабатывать согласованные решения в сфере науки, религии, образования и социального творчества в целом. Результатом подобной активности может стать как вторжение публичных авторитетов в неполитический процесс, так и конституционный запрет на любое внешнее вмешательство в него. В известном смысле распределительная экономическая система является результатом теоретической активности в той же степени, что и запрет цензуры.

¹ См.: Rawls J. A Theory of Justice. – N.-Y.: Oxford University Press, 1973. – P. 449.

² См.: Каньгин Ю. Основы когнитивного обществоведения. – К., 1993. – С. 6-7.

³ Там же. – С. 117-118.

ГЛАВА I

Теоретическая политическая активность может ориентироваться на конкретный результат, но также и на свободное самовыражение личности. Она проявляет себя в поиске новых и восстановлении ранее утраченных смыслов, выработке и репрезентации символов, разработке концепций, политических программ и доктрин. В ряде случаев она непосредственно совпадает с организационным обеспечением прогресса.

Э. Фромм считал интеллект производным от качеств независимости, смелости и жизненности человеческой личности¹. Причем то обстоятельство, что теоретическая активность является *предпосылкой* социальных перемен, как раз и делает ее политической. Данный тип активности А. Тойнби называл действием эфиризованного типа, в наибольшей степени напоминающим божественное деяние.

Хотя Ж. Ламетри усматривал в теоретической активности, главным образом, «высказывание мнений»², у Аристотеля она выступает высшей формой *praxis*'а, созерцанием в поисках истины, умственной интуицией, по отношению к которой *обсуждение* выступает уже как деятельность. Теоретическая активность являлась ключевым фактором познания и у Л. Фейербаха, для которого философские системы – суть необходимые «точки зрения разума, такие точки зрения, в лице которых божественная истина *однажды созерцает самое себя с явным удовлетворением*»³.

По мнению В. Гейзенберга, определенный класс теоретических установок личности изначально имеет политический характер. Подобные установки выступают в качестве *нерелигиозной основы жизни*, которую не способны поколебать ни новое знание, ни опыт. Подобного рода убежденность является важным фактором человеческой истории. Она проявляется в специфических установках личности, способных эффективно противостоять любому рациональному анализу⁴.

В. Вернадский воспринимал теоретическую активность как совокупность человеческой мысли, к ней он относил религиозное миро-

¹ См.: Фромм Э. Душа человека. – М.: Республика, 1992. – С. 364.

² См.: Ламетри Ж. Сочинения. – М.: Мысль, 1983. – С. 301.

³ Фейербах Л. История философии. Собрание произведений в трех томах. Т.2. – М.: Мысль, 1967. – С. 26.

⁴ См.: Гейзенберг В. Физика и философия. Часть и целое. – М.: Наука, 1989. – С. 129.

ГЛАВА I

воззрение, искусство, этику, социальные науки и философское созерцание. В свою очередь, для П. Сорокина теоретическая абстракция есть *itum fundamentum* социального порядка, на ней держится продолжительность, сила и политическое могущество обществ. У М. Дюверже подобную роль играют мифы, основанные на вере, традициях и социальном климате в целом¹. Известно также, что в сказках и трагедиях имеет место трансцендирование смыслов мифологического свойства, ради которых люди способны идти на казнь².

Д. Шумпетер называл интеллектуалами всех людей, обладающих властью слова, но не несущих ответственности за практические дела³. Подобный тип личности нередко посвящает себя социальной критике или *освоению мира через отрицание*, которое допустимо считать одной из разновидностей политики⁴.

По мнению Н. Амосова, в основе теоретической активности индивида лежит алгоритм разума и биологические потребности. Разум выдвигает и тренирует гипотезы, делая их источником активности человека вместе с центром биологических потребностей. В соответствии с данной схемой была реализована историческая гипотеза о Боге и идеализм, гипотеза о материальной силе и материализм, а также многие другие концепции и идеи относительно проблем справедливости, распределения собственности и власти⁵.

Развитие теоретической способности *Homo political* происходило параллельно процессу *цефализации* – скачкообразному усовершенствованию-росту центральной нервной системы человека, которое позволило биосфере трансформироваться на определенном этапе в *ноосферу*⁶. В русле подобных глобальных трансформаций ма-

¹ См.: *Благош Й.* Формы правления и права человека в буржуазных государствах. – М.: Юридическая литература, 1985. – С. 41.

² См.: *Олкер Х.* Волшебные сказки, трагедии и способы изложения мировой истории // Язык и моделирование социального взаимодействия. – М.: Прогресс, 1987. – С. 434.

³ См.: *Schumpeter J.* Capitalism, Socialism and Democracy. – London: George Allen, 1976. – P. 147.

⁴ См.: *Шеварднадзе Э.* Масштаб ответственности // Известия, 23 марта, 1989. – С. 5.

⁵ См.: *Амосов Н.* Реальности, идеалы и модели // Литературная газета, 5 октября, 1988. – С. 13.

⁶ См.: *Вернадский В.* Философские мысли натуралиста. – М.: Наука, 1988. – С. 27.

ГЛАВА I

териалисты время от времени покидали материализм, а детерминисты периодически склонялись к индетерминизму в физике¹.

Реальность всегда удивляет, а мышление всегда создает – на этой закономерности основана диалоговая система, в рамках которой люди, не удовлетворенные окружающей их действительностью, строят замки политических фантазий². При этом идеальные цели кажутся им более привлекательными, чем материальные блага³. Таким образом, едва ли не любой политический порядок выступает как *царство фикций*, в котором «свирепствует и блистает» (П. Валери) критика идеалов.

Даже саму по себе способность человека вырабатывать мировоззрение можно считать политической. А. Швейцер называл данную способность *высшим чувством ориентирования*, а Д. Донцов – «стенной фанатизма», которую невозможно разрушить никакими насмешками и провокациями⁴. Человеческую способность жертвовать собой во имя абстрактных идеалов И. Франко считал характерной чертой индоевропейской расы. По его мнению, стремление к абстрактному и прекрасному присуще человеческой цивилизации даже в большей степени, чем стремление к конкретному и полезному⁵. В самом деле, абстрактные символы и святыни появились в цивилизации намного раньше, чем железные дороги и электрические лампы⁶.

Переход от материальных потребностей к потребностям интеллектуальным и нравственным П. Чаадаев называл заслугой христианства, возбудившего в массах *великие прения*. Вполне возможно, что отношение людей к Библии как к источнику интеллектуального вдохновения было изначально присуще природе личности, стремящейся высвободиться из пут материализма⁷. Как писал по аналогичному по-

¹ См.: Честертон Г. Вечный человек. – М.: Политиздат, 1991. – С. 305.

² См.: Фрейд З. О психоанализе. Пять лекций. – М.: Наука, 1912. – С. 60.

³ См.: Донцов Д. Клич доби. – Лондон: Видавництво Союзу українців у Великій Британії, 1968. – С. 115.

⁴ См.: Донцов Д. Націоналізм // Українська суспільно-політична думка в 20 столітті. Т. 2. – Нью-Йорк: Сучасність, 1983. – С. 125.

⁵ См.: Франко І. Поза межами можливого // Вивід прав України. – Львів: Слово, 1991. – С. 77.

⁶ См.: Дві концепції української політичної думки: Вячеслав Липинський – Дмитро Донцов. – USA: УККА, 1990. – С. 173.

⁷ См.: Эрхард Л. Благосостояние для всех. – USA: Посев, 1990. – С. 212.

ГЛАВА I

воду Р. Гари, люди способны жертвовать порой очень дорогим, чтобы сберечь значимую для них красоту¹.

Критикуя материализм, К. Поппер упрекал К. Маркса в недооценке им привлекательности свободы перед лицом суровой необходимости². В свою очередь, Ф. Фукуяма усматривает в утилитаризме и ослаблении веры в силу идей одно из самых разочаровывающих и унылых последствий марксизма³. Мысль и сознание – это не следствие, а причина разнообразной активности индивидов. Реальной подоплекой наиболее важных политических событий является системно организованная совокупность идей – идеология⁴.

Для Х.-Г. Гадамера политическая практика немыслима без функции риторики⁵, а у Г. Спенсера политические действия человека тесно связаны с идеями и эмоциями, унаследованными и усвоенными им от своих предков и современников⁶. По убеждению Ю. Хабермаса, основания прогресса коренятся не в естествознании или технике, а в *производительной силе коммуникации*. Не случайно автономно мыслящие индивиды отделены пропастью от тех, кто не умеет самостоятельно мыслить⁷.

Г. Моска считал иллюзии масс истинными творцами политических событий, отмечая при этом, что именно *одержимые* увлекали здравомыслящих в свою компанию, а не наоборот⁸. Ранний К. Маркс в переписке с А. Руге упрекал Л. Фейербаха в том, что тот слишком уповает на природу и совсем мало – на политику⁹. Как писал по аналогичному поводу Д. Дьюи: «Говорят: Всевышний, Повелитель, Опыт, Опыт; но в действительности работает идея, *внедренная в опыт, практику, а не приобретаемая из них*»¹⁰.

¹ См.: Гари Р. Избранное. – М.: Полярис, 1994. – С. 23.

² См.: Поппер К. Открытое общество и его враги. Т. 2. – М.: Феникс, 1992. – С. 128.

³ См.: Фукуяма Ф. Конец истории? // Вопросы философии, № 3, 1990. – С. 137, 139.

⁴ Там же.

⁵ См.: Гадамер Х.-Г. Истина и метод. – М.: Прогресс, 1988. – С. 634.

⁶ См.: Spencer H. The Man Versus the State. – USA: Indianapolis, 1981. – P. 100.

⁷ См.: Мизес Л. фон. Антикапиталистическая ментальность. – N.-Y.: Телекс, 1992. – С. 80.

⁸ См.: Mosca G. The Ruling Class. – USA: Greenwood Press, 1980. – P. 187.

⁹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. – М., 1956. – С. 257.

¹⁰ См.: Dewey J. The Essential Writings. – N.-Y.: Harper Torchbooks, 1977. – P. 75.

ГЛАВА I

«Сама природа разума, – писал И. Кант, – побуждает его выйти за пределы своего эмпирического применения, в своем чистом применении отважиться дойти до самых крайних пределов всякого познания посредством одних лишь идей и обрести покой, лишь замкнув круг в некотором самостоятельно существующем систематическом целом»¹.

Для Э. Фромма периоды социальной веры и безверия разделены пропастью. Эпохи веры выступают у него блестящими, возвышенными и плодотворными. Безверие же всегда проходит бесследно². Дух дерева действительно существует, писал по поводу теоретической активности Д. Сорос, однако лишь при условии, что мы в это верим.

По свидетельству И. Лысяка-Рудницкого, политические теории или идеологии действительно необходимы власти для ее самоопределения в некоем духовном принципе³. Политические мифы чрезвычайно жизнеспособны, благодаря их существованию выживают правительства, а народы приводятся к повиновению. С функциональной точки зрения, идеологию можно считать субстанцией политической активности.

Понятие *идеологии* было впервые применено в 1796 году. С тех пор его используют для обозначения внутренних качеств морали, религии, метафизики и пр. К. Маркс писал в свое время об *идеологических формах*, а Б. Рассел – о том, что каждому крупному политику соответствует определенный крупный идеолог. Например, О. Кромвелю – Т. Гоббс, Наполеону Бонапарту – Ж.-Ж. Руссо, А. Гитлеру – Гегель. Известно также, что глубоко пропитанных философскими идеями политиков К. фон Штайн называл *метаполитиками*⁴.

По мнению М. Шелера, истоки власти идеологий обнаруживаются в греческом учении о *самовластии души*, ее органической силе и деятельной способности. Подобная теория, по его мнению, свидетель-

¹ См.: Кант И. Сочинения в шести томах. Т. 3. – М.: Мысль, 1964. – С. 656.

² По мнению П. Кропоткина, политически вдохновляющими утопиями являются республика Платона, всемирная церковь, о которой мечтали папы, наполеоновская империя, политические планы Бисмарка и мессианизм христианских поэтов. См.: Кропоткин П. Хлеб и Воля. Современная наука и анархия. – М.: Правда, 1990. – С. 289.

³ См.: Лысяк-Рудницкий И. Між історією й політикою. – Мюнхен: Сучасність, 1973. – С. 279.

⁴ См.: Хайдеггер М. Основные понятия метафизики // Вопросы философии, № 9, 1989. – С. 144.

ГЛАВА I

ствует об убежденности ее создателей в том, что всякому духу и идее изначально присуща определенная власть¹. С подобным взглядом на вещи можно согласиться, ибо политическая власть имеет глубокие интеллектуальные корни. Тем не менее, для того, чтобы создать настоящую политическую идеологию, нужны не просто способности, а талант. Как говорил Д. Шумпетер, людей намного больше, чем идеологий, и далеко не каждому дано писать либретто для политических опер².

Сен-Симон верил в то, что идеологии способствуют интеграции индивидов в сообщество, а Д. Истон видел в них целеполагающее начало для действий всякой политической власти³. Р. Джонстон называл идеологии социальными парадигмами, обладающими собственным пониманием вещей и способов выявления их значимости⁴, а М. Янков определял *идеологическую парадигму* как совокупность теорий, концепций, идей, моделей, образцов, критериев, ценностей и норм, определяющих облик жизни того или иного сообщества⁵. Ю. Скуратов считал идеологию общим компонентом любой политической системы⁶, а Д. Грант верил в то, что идеологии призваны интеллектуально провоцировать массы⁷. М. Рокар обнаруживал в идеологиях отдельные признаки философии мира и жизни, однако не верил в их способность служить средством социального моделирования. В свою

¹ См.: Шелер М. Положение человека в Космосе // Проблема человека в западной философии. – М.: Прогресс, 1988. – С. 71. Как считал также Э. Ионеско, идеологии – это особые маски, подготавливающие взрыв иррациональности и сверхиррациональности. См.: Ионеско Э. Противоядия. – М.: Прогресс, 1992. – С. 324.

² См.: Schumpeter J. Capitalism, Socialism and Democracy. – London: George Allen, 1976. – P. 5.

³ См.: Easton D. A System Analysis of Political Life. – Chicago: University of Chicago Press, 1965. – P. 43. По мнению Д. Истона, идеология может быть описана в виде спектра требований, предполагающих последующие авторитарные решения с целью достижения идеалов, инкорпорированных в идеологию. Там же. – С. 44.

⁴ См.: Джонстон Р. География и географы. – М.: Прогресс, 1987. – С. 298.

⁵ См.: Янков М. Конструктивная критика и рациональное управление. – М.: Прогресс, 1987. – С. 185.

⁶ См.: Скуратов Ю. О конституционном содержании некоторых политических категорий // Правоведение, № 1, 1986. – С. 22-30.

⁷ См.: Грант Д. Философия, культура, технология: перспективы на будущее // Новая технократическая волна на Западе. – М.: Прогресс, 1986. – С. 158-159.

ГЛАВА I

очередь, А. Баллок считал идеологию не более чем замкнутой системой партийных убеждений¹.

Любая идеология, писал Э. Агацци, рассматривает действительность неким *обобщающим* образом. Поскольку же задачей идеологии является подыскание аргументов для практических действий, идеологии искажают реальность, выступая догматичными, нетерпимыми и неопровержимыми (не фальсифицируемыми) системами идей². В частности, Д. Кин усматривал в идеологии форму сигнификации, поддерживающей отношения господства и подчинения внутри асимметричных либо недостаточно четко выраженных властных отношений³.

По мнению С. Жижика, любая идеология предназначена для того, чтобы заставить людей «идти как можно прямее в одну сторону»⁴, а М. Абрамову она казалась придуманной элитами *культурной ин-струкцией*, склоняющей людей к тотальному конформизму⁵.

С точки зрения Д. Белла, идеолог – это любой коммунист, экзистенциалист или верующий, стремящийся жить экстремально и критикующий среднего человека за его сползание в быт на уровне потребительского комфорта. Все идеологи живут в ожидании *момента преобразования*, когда нравственное спасение, революция или иной объект теоретической страсти будет, наконец, достигнут. Однако в большинстве случаев хилиастические моменты идеологий оказываются иллюзорными, так что их побеждает рутинная жизнь⁶. Как однажды заметил П. Рикер, идеология «гноит» реальность в символической тюрьме. Идеологические рецепты плохо согласуются с реальной дей-

¹ См.: Баллок А. Гении зла // За рубежом, № 12, 1992. – С. 17.

² См.: Агацци Э. Нравственность и наука: этическое измерение в науке и технологии. – М.: МФФ, 1998. – С. 67. Склонность отвергать что-либо «с порога» является характерной чертой жестких идеологических систем. См.: Абельсон Р. Структуры убеждений. – М.: Прогресс, 1987. – С. 321.

³ См.: Кин Д. Демократия и гражданское общество. – М.: Прогресс-традиция, 2001. – С. 363.

⁴ См.: Жижек С. Возвышенный объект идеологии. – М.: Художественный журнал, 1999. – С. 88.

⁵ См.: Абрамов М. Воспоминания о будущем в книге Джона Кина // Кин Д. Демократия и гражданское общество. – М.: Прогресс-традиция, 2001. – С. 389-390.

⁶ См.: Bell D. The End of Ideology. – Illinois: The Free Press, 1960. – P. 288.

ГЛАВА I

ствительностью, а решение политических проблем редко бывает результатом рационального анализа¹.

Дух – не единственное, что существует на свете, подчеркивал Ф. Бродель², однако идеологические системы кажутся людям строительными лесами, которые следует использовать при возведении социального здания³. В этом смысле в континентальной Европе популярной считалась идеология *конструктивизма*, а в англосаксонских странах – идеология *реактивного* подхода: государство и политическая власть ничего не планируют и не созидают, а лишь прагматически откликаются на многочисленные вызовы жизни. В первом случае доминирует правило: говори, затем делай, во втором – действуй, затем говори (Б. Цимбалистый).

Идеологическая доктрина становится ортодоксальной, если ей сопутствует успех. Однако успешной идеология может стать лишь при условии, что она помогает людям уяснить – метафорически или буквально – их фактическое положение и судьбу⁴. Фашистской идеологии А. Гитлера сопутствовал феноменальный успех, хотя Веймарским либералам она казалась мрачной утопией⁵. В свою очередь, охвативший дореволюционную Россию марксизм⁶ привел в свое время к тому, что эсхатологическая сторона славянского духа, соединившись с большевистскими лозунгами, толкнула империю к «безвозвратному решению: последнему решительному бою, в котором погибают все и вся»⁷. Примечательно, что исчезнувший на постсоветском пространстве марксизм ныне обнаруживает себя среди основ западной интеллектуальной жизни в качестве мифа или метафоры, от которых невозможно отказаться⁸.

¹ См.: *Revel J.-F. Democracy Against Itself.* – USA: Free Press, 1993. – P. 19.

² См.: *Бродель Ф. Игры обмена.* – М.: Прогресс, 1988. – С. 580.

³ См.: *Кавелин К. Наш умственный строй.* – М.: Правда, 1989. – С. 352.

⁴ См.: *Данэм Б. Герои и еретики.* – М.: Прогресс, 1967. – С. 152.

⁵ См.: *Шацкий Е. Утопия и традиция.* – М.: Прогресс, 1990. – С. 24.

⁶ Как уже отмечалось выше, способность соблазняться идеями и идеалами, вплоть до принесения на идеологический алтарь тяжелейших жертв, И. Франко называл характерным свойством «индоарийской расы». См.: *Франко I. Поза межами можливо-го // Вивід прав України.* – Львів: Слово, 1991. – С. 77.

⁷ См.: *Багинский В. ...Начало // Век XX и мир, № 2, 1991.* – С. 64.

⁸ См.: *Чикеринг А. Жизнь без Маркса // Проблемы Восточной Европы, № 25-26, 1989.* – С. 13-14.

ГЛАВА I

К. Ясперс называл идеологию системой идей, которые служат политическому субъекту суррогатом истины¹, а Э. Фромм полагал, что идеологии призваны оправдывать любые аморальные, с точки зрения автономной личности, коллективные действия. В. Гавел усматривал в идеологии бутафорию «надличностного», «вуаль потерянного бытия», мост между политическим режимом и народом², а М. Шимечке она казалась кривым зеркалом, сквозь трещины которого проглядывает «рожа действительности». В идеологии, говорил Н. Бердяев, реализуется «прагматизм лжи», в котором обычно нуждается общественная жизнь³.

Идеологиями также называют умышленно и неумышленно создаваемые людьми интеллектуальные конструкции (thought-edifices), которые: помогают людям понимать, организовывать и формировать политическую среду; служат объяснением и оправданием конкретных политических мероприятий; склоняют социум к политической активности; поддерживают реализацию государственных планов⁴.

По мнению А. Кивы, *государственная идеология* – это в большинстве случаев *идеология кризиса*. Разрушительное начало превалирует в ней над всеми созидательными интенциями. Фактически это символический «кнут, с помощью которого общество избивает себя до синяков и крови»⁵. Что касается самих идеологов, то они – «люди влияния», одна из разновидностей людей действия. Во время войны идеологи командуют, в мирное время – убеждают, обращаясь к аргументам авторитета и престижа...⁶

А. Богданов считал идеологию чем-то вроде социального клея, с помощью которого различные общественные элементы связываются друг с другом. Р. Арону идеология казалась воплощением развернутого представления о должном, а О. Ланге – систематизированным собранием общественных идей. По мнению Д. Белла, идеология обла-

¹ См.: Ясперс К. Смысл и назначение истории. – М.: Политиздат, 1991. – С. 146.

² См.: Гавел В. Сила бессильных // Новое время, № 16, 1991. – С. 41.

³ См.: Бердяев Н. Русская идея // О России и русской философской культуре. – М.: Наука, 1990. – С. 177.

⁴ См.: Фріден М. Родина лібералізмів: морфологічний аналіз // Лібералізм: Антологія. – К.: Смолоскип, 2002. – С. 85.

⁵ См.: Кива А. Мертвая буква // Известия, 17 апреля, 1990. – С. 7.

⁶ См.: Дебре Р. Интеллектуальна влада у Франції. – К.: Дух і літера, 2008. – С. 160.

ГЛАВА I

дает способностью превращать идеи в социальные рычаги¹, а Е. Вятр видел в ней организованную совокупность взглядов, поддерживающих функциональную связь с политическими интересами той или иной социальной группы².

Идеологии укрепляют ценности и установки, излагают теорию прошлого, узаконивают настоящее и порождают мечты о будущем. Они формулируют инструментальные подходы к проблемам, пробуждают социальную энергию и определяют мотивы, необходимые для эффективного решения данных проблем, писал Г. Кан³. Любая идеология включает в себя убеждения, теории, верования, а также их внешнее выражение словами, письменными знаками, рисунками, жестами и иными способами⁴. К. Леви-Строс считал идеологию продолжением мифологии, ее современным политическим продуктом.

По мнению В. Розанова, «вино, чай, большие рыбы, варенье, хорошая квартира и мебель» – как символы и атрибуты европейского комфорта – проникли в Россию *контрабандою*⁵. Похоже, что этим же способом в общество проникают и идеологии. И хотя в экономической сфере угрозу трактовки абстрактных символов как эквивалентов конкретных вещей удалось распознать еще во второй половине XIX века⁶, *неслыханные слова* и сегодня действуют эффективно, поскольку в мире продолжает сохраняться ощущение, что это... *не слова*⁷.

Идеологическое внушение совершается обычно агентами государства, обладающими монополией *легитимного символического насилия*⁸. Данное обстоятельство позволяет функционерам «делать буду-

¹ См.: Bell D. The End of Ideology. – USA: Free Press, 1960. – P. 370.

² См.: Вятр Е. Социология политических отношений. – М.: Прогресс, 1979. – С. 401.

³ См.: Кан Г. Грядущий подъем: экономический, политический, социальный // Новая технократическая волна на Западе. – М.: Прогресс, 1986. – С. 187.

⁴ См.: Сорокин П. Голод и идеология в обществе // Квинтэссенция. – М.: Политиздат, 1990. – С. 376.

⁵ См.: Розанов В. Религия и культура. Т. 1. – М.: Правда, 1990. – С. 563.

⁶ См.: Wallas G. Human Nature in Politics. – London: Constable and Company, 1910. – P. 140, 188.

⁷ См.: Баткин Л. Возобновление истории // Иного не дано. – М.: Прогресс, 1988. – С. 157.

⁸ См.: Бурдые П. Социология политики. – М.: Socio-Logos, 1993. – С. 72.

ГЛАВА I

щее правдой»¹. Говоря об особенностях политического воздействия «отвлеченной мысли», М. Бакунин писал в свое время о том, что за идеологией обычно скрывается монополия элиты на знание истины². Даже явно устаревшая идеология стремится заставить людей следовать своим постулатам³.

Недостатком любой идеологической доктрины является то, что она существенно ослабляет личную ответственность. В частности, идеология фашизма и коммунизма способствовала созданию необходимых психических установок, оправдывающих тоталитаризм⁴. Очень часто идеология выступает формой духовного деспотизма. Не случайно Д. Белл и З. Бжезинский связывали с *концом идеологий* свои надежды на лучшее будущее человечества⁵.

Сегодня процесс деидеологизации охватил многие страны, получив отражение в их конституциях. Однако современная политическая жизнь без идеологии вряд ли возможна⁶. Проблема современности состоит не столько в отказе от идеологии, сколько в идеологическом одобрении идейного плюрализма, признании за индивидом права на политический нонконформизм. Это означает, что граждане должны быть защищены не столько от идеологии, сколько от идеологического внушения и насилия. Их интеллектуальная свобода должна быть предельно защищена не только от воздействия государства, но также и от демократических институтов.

Из отрицания власти идеологий следует также, что государственная экспертиза любых интеллектуальных проектов не должна признаваться окончательной. Государство не должно сертифицировать частные лица и университеты или утверждать обязательные для них

¹ См.: Бурдые П. Социология политики. – М.: Socio-Logos, 1993. – С. 206.

² См.: Бакунин М. Философия, социология, политика. – М.: Правда, 1989. – С. 433-434.

³ См.: Марсель Г. Быть и иметь. – Новочеркасск: Сагуна, 1994. – С. 145.

⁴ См.: Dewey J. Freedom and Culture. – N.-Y.: Capricorn Books, 1963. – P. 172.

⁵ См.: Бжезинский З. Окончилась ли холодная война? // Международная жизнь, № 10, 1989. – С. 35.

⁶ По мнению С. Хантингтона, было бы ошибочным выводить из упадка коммунизма триумф либерализма и исчезновение идеологии как движущей силы мировых событий. См.: Хантингтон С. Выхода нет: заблуждения эндизма // Проблемы Восточной Европы, № 27-28, 1989. – С. 144. Либерализм и сам является разновидностью идеологии, которая вряд ли утратит и в будущем свою популярность.

ГЛАВА I

образовательные программы¹. Все это необходимо для того, чтобы подрастающие поколения не стали очередным объектом корпоративного политического насилия.

С другой стороны, право и конституция не могут игнорировать силу идей, способных переворачивать устаревшие консервативные ценности. Социальная динамика основывается на искушениях новизной. Опасаясь же «разногласия умов» по основным вопросам бытия, государство ссылается на преемственность и традицию. Впрочем, еще Т. Гоббс писал о том, что политической власти позволительно судить о мнениях, препятствующих или содействующих водворению мира, о людях, способных обращаться с речами к народной массе, а также о доктринах неопубликованных книг². Примечательно, что и у Д. Локка правителю предоставляется право запрещать опубликование мнений, подрывающих его законную власть³. По мнению В. Розанова, подотчетная народу власть не должна страдать «от гнета печати», мешающей правительству действовать согласно его принципам.

А. Миллер писал в свое время о том, что не бывает правительств, которые не стремились бы скрыть нежелательную для них правду⁴. Знание массами нелицеприятной правды способно подорвать политическую стабильность, сохранение которой заложено в природе государственной власти. По мнению Ф. Броделя, государство стремится надзирать за движениями культуры, которые потенциально угрожают нарушить привычный порядок вещей. Власть боится быть

¹ В США принято выделять четыре *существенные свободы* американских университетов: а) свободу самостоятельно определять академические основы обучения; б) свободу самостоятельно выбирать и приглашать на работу преподавателей; в) свободу самостоятельно определять методику обучения; г) свободу самостоятельно отбирать будущих студентов. См.: *Dworkin R. A Matter of Principle*. – USA: Harvard University Press, 1985. – P. 313. Как полагал Д. Стейнбек, академическая свобода соответствует праву человеческого разума выбирать собственный путь развития без принуждения и диктата. См.: *Steinbeck D. The Portable Steinbeck*. – USA: Penguin Books, 1976. – P. 689. Одну из версий восприятия академической свободы в Украине представляет *Этичний кодекс членів фулбрайтівського товариства України*. – Харків: Права людини, 2008. – С. 16.

² См.: *Гоббс Т. Левиафан*. – М.: Издательство социально-экономической литературы, 1936. – С. 150.

³ См.: *Локк Д. Сочинения в трех томах. Т. 3*. – М.: Мысль, 1988. – С. 72.

⁴ См.: *Миллер А. Борьба за правду должна быть защищена законом // Известия*, 26 июня, 1992. – С. 7.

ГЛАВА I

захваченной врасплох новшествами. Доказательства этому можно обнаружить как в эпоху Лоренцо Великолепного, так и в событиях, непосредственно предшествовавших Великой французской революции. Логика власти не совпадает с логикой гражданского общества и прессы – во все времена и во всех странах¹. Судьбы Анаксагора и Сократа напоминают нам о том, что и в Древней Греции инакомыслие путали с ересью, а свободные размышления – с преступным замыслом.

Следует заметить, что в возвышении и упадке идеологий наблюдается известная цикличность. «Спустя некоторое время, как и все мое поколение, я оказался близок к марксизму», – писал Ж. Батай². Напротив, во второй половине XX века молодежь из социалистических стран страдала от невозможности «дотянуться до истины, до свежих идей» (М. Джилас). Не удивительно, что вскоре после падения берлинской стены З. Бжезинский заявил о том, что идея коммунизма («философия оракулов» – К. Поппер) в Восточной Европе практически мертва³.

Государству трудно разрешать коллизии науки и идеологии, признавая абсолютную «свободу научного искания» (В. Вернадский). Свобода научной мысли и искусства плохо сочетается с официальной властью, а интеллектуальная свобода в целом является необходимым атрибутом народного, а не государственного суверенитета. В частности, высказывания В. Ленина об интеллектуальной свободе расходились до разнополюсности в зависимости от того, в какой роли – общественного или государственного деятеля – он выступал⁴.

Так или иначе, любая тирания пытается создать видимость того, что она избрана народом, любая олигархия считает себя элитой талантов, и любая политическая догма претендует на статус научной

¹ См.: *Маринович М.* Україна: дорога через пустелю. – Харків: Фоліо, 1993. – С. 83.

² См.: *Батай Ж.* Литература и зло. – М.: Издательство МГУ, 1994. – С. 7. Как вспоминает, в свою очередь, К. Диор, «молодежь в наше время тяготела к большевизму, и я то и дело затевал споры с отцом, завершая их гремучим оскорблением: – Гнусная буржуазия!». См.: *Диор К.* Автобиография. – М.: Слово, 2011. – С. 201.

³ См.: *Бжезинский З.* Большой провал. – N.-Y.: Liberty Publishing House, 1989. – С. 9.

⁴ См.: *Ленин В.* Полн. собр. соч.: Т. 8. – С. 442; Т. 9. – С. 4-6; Т. 9. – С. 10; Т. 10. – С. 355; Т. 15. – С. 73; Т. 15. – С. 297; Т. 16. – С. 164-165; Т. 32. – С. 388; Т. 34. – С. 213; Т. 39. – С. 117.

ГЛАВА I

теории¹. При этом контролировать телевидение, радио и печать пытаются не только исполнительная, но и законодательная ветвь власти². Известную же терпимость французского абсолютизма к Вольтеру Д. Писарев объяснял лишь тем обстоятельством, что сила мысли и вероятные последствия ее применения в то время плохо осознавались начальствующими лицами.

Идеология государственности медленно осваивает философию свободы, поэтому и сегодня, «зажигая государственные огоньки», трудно не «погасить свободное распространение света»³. Политики не рассматривают теоретические доктрины в качестве истинных или ложных. Любую теорию они оценивают лишь как благоприятную либо опасную для целей своей организации. Идея считается ортодоксальной, если она способствует политическому единству, и еретической, если она подрывает его.

По мнению Т. Адорно, антиинтеллектуализм изначально укоренен в государственном мышлении. И хотя государство постоянно твердит о том, что критика его действий должна быть ответственной, из этого следует лишь то, что право на критику принадлежит истеблишменту. По этой причине свобода критики постоянно рискует превратиться в привилегию. Что же касается агентов государства, то они воздерживаются от критики любого *status quo*⁴. В политической сфере существует порочный круг: как бы и нужна самостоятельность, но в то же время и не нужна. То есть нужна «известная» самостоятельность. Как бы и нужна критика, но и не нужна. То есть, опять-таки, нужна «известная» критика⁵.

Позиция государства редко вызывает воодушевление народа, ибо государство стремится водить свободу на помочах⁶. Б. Спиноза называл правительства, отрицающие свободу индивида говорить все, что ему вздумается, насильническими. Однако бюрократический класс

¹ См.: Фурман Д. Наш путь к нормальной культуре // Иного не дано. – М.: Прогресс, 1988. – С. 572.

² См.: Баденгер Р. Пятый человек в пятой республике // Аргументы и факты, № 47, 1989. – С. 7.

³ См.: Шпет Г. Сочинения. – М.: Правда, 1989. – С. 282.

⁴ См.: Адорно Т. Разумно ли действительное? // Новое время, № 46, 1989. – С. 34.

⁵ См.: Салтыков-Щедрин М. До боли сердечной... // Известия, 10 мая, 1989. – С. 4.

⁶ См.: Эрхард Л. Благополучие для всех. – USA: Посев, 1990. – С.277.

ГЛАВА I

не восприимчив к подобным взглядам. Вместо этого агенты власти пытаются выведать настроения граждан, а граждане – настроения бюрократии, редко совпадающие с их интересами¹. И это при том, что нетерпимые правительства уже больше ста лет называют *негодными*², а правительства, претендующие на вседозволенность – деспотическими³.

Между свободным распространением информации как количеством непредсказуемого, содержащегося в сообщении (А. Моль)⁴, и позицией государства существует органическое противоречие, которое является важным аспектом более широкого противостояния гражданского общества и государства. Известно, что Верховный Суд США отнес информационную свободу под защиту первой поправки, запрещающей конгрессу ограничивать свободу слова, прессы, совести и петиций. Тем самым теоретическую политическую активность в Соединенных Штатах переместили в свободное от законодательных ограничений пространство. В информационном смысле это означало защиту *ремы* – структурной части сообщения, аккумулирующей в себе ядро информации – *новизну*⁵, которая гарантирует актуальность большинства человеческих убеждений⁶.

Известно, что недоступность актуальной информации даже для половины населения страны полностью разрушает народоправство. При этом утаивание информации компрометирует государство даже в большей степени, чем принятие плохих решений. Боязнь открытости вынуждает элиты прибегать к «логократии» как неискренней форме политического общения⁷. Фактически речь идет об искусстве

¹ См.: Болинджер Д. История – проблема лингвистическая // Язык и моделирование социального взаимодействия. – М.: Прогресс, 1987. – С. 27.

² См.: Гельвеций К.-А. Сочинения в двух томах. Т. 2. – М.: Мысль, 1974. – С. 137.

³ См.: Гольбах П.-А. Избранные произведения в двух томах. Т. 2. – М.: Мысль, 1963. – С. 248.

⁴ См.: Моль А. Социодинамика культуры. – М.: Прогресс, 1973. – С. 132.

⁵ См.: Капустин В., Кухаренко Б. Базы данных и системы знаний – симптом ноосферы // Кибернетика и ноосфера. – М.: Наука, 1986. – С. 92.

⁶ См.: Речицкий В. Символическая реальность и право. – Львов: ВНТЛ Классика, 2007. – С. 543-575.

⁷ См.: Блакар Р. Язык как инструмент социальной власти // Язык и моделирование социального взаимодействия. – М.: Прогресс, 1987. – С. 105.

ГЛАВА I

политического манипулирования словами¹. Как принято считать, в данной области обычные люди могут лишь жалко подражать профессионалам².

Партийно-бюрократическая элита СССР пользовалась речевыми клише в качестве языка для посвященных³. Нечто в этом же роде наблюдается в современной России. Впрочем, язык политического доминирования используется в целях легитимации власти не только в странах с авторитарными режимами⁴. Дезориентация общественного мнения считается сегодня *универсальной* проблемой⁵. Как утверждал еще Ж. Мелье, любая государственная власть хочет, чтобы народ не знал о том, что существует, и верил в то, чего на самом деле нет⁶.

Государство выигрывает от поддержания интеллектуальной свободы граждан, однако данная свобода актуальна для него не столько тактически, сколько стратегически, в весьма отдаленной перспективе. Что же касается гражданского общества, то оно может развиваться лишь в условиях *повседневной* интеллектуальной свободы, хотя в стратегическом смысле и оно заинтересовано в порядке и стабильности. Фактически ни одно общество не имеет абсолютной свободы, равно как и ни одно правительство не сводит ее к нулю⁷.

«Превратившись в правительство, – писал О. Конт, – свободная мысль тотчас же разворачивается. Наоборот, в здоровом виде она недовольна всем существующим. Но если наше время является веком свободы, то оно должно быть также и веком критики, которой подчинено все. Лучше вообще не мыслить, чем только соглашаться, гово-

¹ См.: Клод А. Возможности языка // Курьер ЮНЕСКО, апрель, 1986. – С. 24.

² См.: Шимечка М. Мой товарищ Уинстон Смит // Проблемы Восточной Европы, № 27-28, 1989. – С. 251.

³ См.: Оболонский А. Бюрократическая деформация сознания и борьба с бюрократизмом // Советское государство и право, № 1, 1987. – С. 56.

⁴ См.: Гилберт Д., Малкей М. Открывая ящик Пандоры: социологический анализ высказываний ученых. – М.: Прогресс, 1987. – С. 29.

⁵ См.: Селье Г. От мечты к открытию: как стать ученым. – М.: Прогресс, 1987. – С. 149.

⁶ См.: Мелье Ж. Завещание. Т. 3. – М.: Издательство АН СССР, 1954. – С. 338.

⁷ См.: Schumpeter J. Capitalism, Socialism and Democracy. – London: George Allen, 1976. – P. 271.

ГЛАВА I

рил Ж. Ламетри. К тому же, как можно познать истину без мнений, противоположных нашим?»¹

Интересы прогресса требуют от конституционализма признания гражданского общества в качестве «господствующей», а государства – «подчиненной» частей нации. И хотя государство само по себе озабочено важными вещами, гражданское общество все-таки не должно контролироваться своим защитником и слугой. Что же касается политической угрозы, связанной с возможностью информационных злоупотреблений со стороны СМИ, то ее можно минимизировать за счет увеличения количества и разнообразия информационных источников².

Кроме того, если несовпадение приоритетов государственного порядка и гражданской свободы является неизбежным, то его следует признавать открыто. Интересы социальной динамики и прогресса требуют, чтобы интеллектуальная свобода оценивалась выше государственных приоритетов. Для достижения этого состояния доступ граждан к базам данных должен быть защищен конституцией, а свобода творческих импровизаций в науке, литературе и искусстве – выведена за границы политико-правового пространства. Ведь *даже если официальные инстанции запрещают исказить правду, этого уже совершенно достаточно для того, чтобы создать смертельную опасность для гражданской свободы*, т.к. за подобной претензией скрывается абсурдное предположение о том, что кто-то один заведомо обладает правдой или владеет ее критериями³.

Конституционная доктрина США считает свободу слова и убеждений более важной, чем честь национального флага, и это не является преувеличением⁴. В рамках подобного подхода свобода совести, слова и печати означает, что люди имеют право создавать и распространять *любую* – неразумную, нецивилизованную, неприятную, неправ-

¹ См.: Ламетри Ж. Сочинения. – М.: Мысль, 1983. – С. 304, 320.

² См.: *Tocqueville A. de. Democracy in America. Vol. 1.* – N.-Y.: Arlington House. – P. 168-169, 169, 170, 171.

³ См.: Баткин Л. Возобновление истории // Иного не дано. – М.: Прогресс, 1988. – С. 163.

⁴ См.: *Феофанов Ю. Граждане и власти* // Известия, 1 ноября, 1989. – С. 5.

ГЛАВА I

дивую, опасную и подстрекательскую информацию. Именно таковой является в современном мире цена их свободы¹.

А. Солженицын не случайно назвал в свое время государственное вмешательство в информационную сферу «лютой опасностью». Пресечение информации ведет к политической энтропии и социальной деградации², поэтому все препятствия для свободного обмена идеями в обществе должны быть сняты. К.-А. Гельвеций считал ограничение свободы слова *оскорблением нации*, ибо не услышанный голос народа рождает апатию, которая стремительно разрушает народоправство. Не случайно в Швеции право граждан на доступ к официальной информации (документам) считается классическим конституционным институтом. Еще в 1766 году специальный закон гарантировал здесь гражданам непосредственный доступ к материалам из государственных архивов³.

В. Вернадский считал интеллектуальную свободу гарантированной в англосаксонских и скандинавских странах и не гарантированной – в СССР⁴. В итоге, писал по этому поводу М. Джилас, мы не можем игнорировать тот факт, что ни одно по-настоящему выдающееся научное открытие не было сделано в тоталитарной стране⁵. Напротив, мировым лидером в науке и образовании остаются информационно открытые США. Как известно, американский конгресс принял в свое время рекомендацию, чтобы в правительственных разработках шире использовались непредвзятые научные подходы и установки⁶.

Впрочем, информационные стратегии по американскому образцу встречаются в посттоталитарном мире редко. Интеллектуал в политике, как говорил Д. Оруэлл, не солдат, а партизан. Действуя исключительно на свой страх и риск, он не подчинен никакому единому командованию. В России роль парламента долгое время играла ли-

¹ См.: Уэбстер Д. Создание свободных и независимых средств массовой информации // Материалы о свободе. – USA: USIA, 1998. – Р. 3.

² См.: Солженицын А. Нобелевская лекция // Новый мир, № 7, 1989. – С. 142.

³ См.: Голдберг С. Доступність інформації для громадськості // Доповідь про свободу № 6. – USA: USIA, Regional Program Office, 1998. – Р. 5.

⁴ См.: Вернадский В. Философские мысли натуралиста. – М.: Наука, 1988. – С. 104.

⁵ См.: Джилас М. Лицо тоталитаризма. – М.: Новости, 1992. – С. 288.

⁶ См.: Прайс Д. Наука, техника и конституция // Америка, № 370, сентябрь, 1987. – С. 5.

ГЛАВА I

тература¹, а в странах Восточной Европы политическую мораль пробудили диссиденты². Последним удалось взять на себя даже больше моральной ответственности, чем их коллегам на Западе.

Впрочем, интеллектуализм в политике и в прежние времена считался явлением редким. Как писал И. Лысяк-Рудницкий, политический режим Б. Хмельницкого потерпел фиаско просто потому, что в Украине XVII века не оказалось достаточного количества интеллектуалов, публицистов и мудрых законодателей. В Англии XIX века О. Уайльд особенно выделял тех из своих друзей, кто владел искусством побеждать рутину повседневности. По мнению А. Тойнби, лишь не обремененные официальной властью интеллектуалы могут обеспечивать столь необходимый в политической жизни ренессанс идей³.

Хорошие идеи возникают в условиях конкуренции, поэтому К. Ясперс допускал возможность ограничений в отношении сведений, но не мнений, которые в любых обстоятельствах должны оставаться свободными. Как принято считать, в правовом государстве даже несправедливая критика властей является полезной. В частности, в США ничто не способно возмутить граждан в большей степени, нежели попытка скрыть от них правду на том основании, что она может оказаться вредной для лиц, облеченных властью⁴.

Поскольку все то, что принято называть истиной, добывается усилиями нравственного и умственного свойства, от теоретической политической активности нельзя требовать большего, чем распространения или отстаивания мнений, в которые индивид искренне верит сам. Исходя из этого, Т. Дезами считал враждебным прогрессу любое ограничение свободы дискуссии, а Л. Фейербах призывал защищать источники информации столь же решительно, как и жизнь граждан. Полезные книги – это «солнца в ночи времен», утверждал в свое время К.-А. Гельвеций.

Что же касается политической ценности философских теорий и доктрин, то В. Вернадский считал необходимым сосуществование *исключающих* друг друга философских позиций и представлений.

¹ См.: Менерт К. О русских сегодня. Что они читают, каковы они // Иностранная литература, № 11, 1987. – С. 181.

² См.: Salteris S. Tales of Northern Athens // Moscow News, № 43, 1990. – P. 16.

³ См.: Тойнби А. Постигание истории. – М.: Прогресс, 1991. – С. 605.

⁴ См.: Kann И. О причинах насилия в США // Америка, январь, 1972. – С. 15.

ГЛАВА I

В свою очередь, по мнению Х.-Г. Гадамера, точка зрения, возвышающаяся над остальными позициями в качестве истинного тождества проблемы, есть чистая иллюзия¹. Недаром в наши дни конфликта между истинами науки и религиозными утверждениями не существует. Известно, что мистиками были А. Эйнштейн, Н. Бор, Э. Шредингер и Т. де Шарден². Как писал по этому поводу М. Хайдеггер, ни человеческая история в целом, ни философия и политика не признаются ныне детерминированными в марксистском смысле³. Каждое из данных явлений представляет собой лишь один из сегментов подвижной символической реальности человечества.

Создание истин – трудное дело, говорил Ф. Ницше. Даже простую вербализацию мысли Л. Шестов называл «целым искусством». В свою очередь, и у М. Хайдеггера философскому созерцанию сопутствует ужас творческой тоски, далекой от мирного самодовольства уютных занятий⁴. Было бы банальностью утверждать, писал А. Уайтхед, что знание истины является... полезным. Менее тривиальной выглядит идея о том, что ложь – это разновидность зла в виде ошибки.

Мышление человека является сложным, хрупким и тонким ментальным процессом, поэтому даже минимальные попытки «организовать» его могут быть катастрофическими по своим последствиям. Как считал П. Юркевич, человеческий интеллект воплощает в себе сакральное начало, которое католики называли «сверхдолжными делами у святых своих»⁵. По этой же причине А. Довженко писал о том, что творческим элитам принадлежит моральное право ощущать себя на месте самых высоких политических деятелей.

Сама по себе идея существования абсолютной и объективной истины является опасной в социальном и политическом плане⁶, ибо каким

¹ См.: *Гадамер Х.-Г. Истина и метод.* – М.: Прогресс, 1988. – С. 442.

² См.: *Гроф С. Целительные возможности необычных состояний сознания // Глобальные проблемы и общечеловеческие ценности.* – М.: Прогресс, 1990. – С. 455-467.

³ См.: *Хайдеггер М. Разговор на проселочной дороге.* – М.: Высшая школа, 1991. – С. 146.

⁴ См.: *Хайдеггер М. Что такое метафизика // Новая технократическая волна на Западе.* – М.: Прогресс, 1986. – С. 40-41.

⁵ См.: *Юркевич П. Философские произведения.* – М.: Правда, 1990. – С. 182.

⁶ См.: *Лакофф Д., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем // Язык и моделирование социального взаимодействия.* – М.: Прогресс, 1987. – С. 148.

ГЛАВА I

бы значительным ни было *логическое* воздействие мысли на историю, человеческое мышление необходимо толковать *психологически*, а не как логически обусловленный процесс¹. Недаром Х. Ортега-и-Гассет считал чистый рационализм формой интеллектуального ханжества, а А. Бирс сравнивал «реализм» со взглядом на природу с точки зрения лягушки².

«Я мыслю», – это не источник, а завеса, утверждал Г. Марсель³. Ментальность следует воспринимать как фактор упрощения, а любой продукт интеллекта – как упрощенное выражение реальности, доказывал А. Уайтхед. Не случайно люди искусства интуитивно отвергают примат любой политической идеи, действующей в ущерб человеческому счастью⁴, а поэты пишут о разуме, который с подозрительной регулярностью функционирует дисгармонично. Чем в большей степени развит человеческий ум, тем меньше пространства остается в нем воображению, писал еще в 1735 году Н. Трюбле.

В наши дни лучшие шансы имеет тот, кто может работать с теориями, не полагаясь исключительно на логику. Ибо логика легко может стать интеллектуальной тюрьмой, а строгие принципы способны не только озарить мир, но и испепелить его, как говорил Р. Гари. Что же касается политических теорий и доктрин, то их истинность остается в большинстве случаев иллюзорной. Как это ни удивительно, писал Г. Моска, но гонения и кровопролития предпринимались обычно во имя доктрин, провозглашающих свободу, равенство и братство. В итоге требование, чтобы наши идеалы были осуществлены в действительном мире, – последняя тюрьма, из которой мудрости следует давно освободиться (Б. Рассел).

Любые идеи являются, в конечном счете, обскурантистскими. Слово закрепляет содержание опыта, но одновременно и стесняет его. Слово можно легко превратить в догмат, а догмат – это явно выраженное запрещение думать (Л. Фейербах). Догма – «массовый идейный костюм», по А. Богданову, она же – «чугунные отливки» ума для А. Уайтхеда. Догма всегда стремится к тому, чтобы держать человеческую мысль по стойке «смирно».

¹ См.: Вебер М. Избранные произведения. – М.: Прогресс, 1990. – С. 397.

² См.: Bierce A. Tales and Fables. – М.: Прогресс, 1982. – Р. 461.

³ См.: Марсель Г. Быть и иметь. – Новочеркасск: Сагуна, 1994. – С. 24.

⁴ См.: Вайда А. Бесстрашие памяти // Огонек, № 5, 1989. – С. 10.

ГЛАВА I

«Каждый, – писал по аналогичному поводу М. Вебер, – кто когда-либо работал с применением марксистских понятий, хорошо знает, как велико неповторимое *эвристическое* значение этих идеальных типов, если пользоваться ими для *сравнения* с действительностью, но в равной мере знает и то, насколько они могут быть опасны, если рассматривать их как эмпирически значимые или даже реальные (то есть по существу метафизические) "действующие *силы*", "тенденции" и т.д.»¹.

Всякий, кто пытается серьезно изучать политические процессы, не должен принимать политические установки в качестве сущностей, определяющих реальное поведение людей². Ибо абстрактные образы, теоретические идеи и политические конструкции – это лишь вспомогательные средства в процессе социального взаимодействия. Принимать их за воплощение реальной действительности – означает подвергать угрозе не только истину, но и саму жизнь индивидов³.

Политической науке известен как простой, так и сложный догматизм. Будучи представлен догматиками-виртуозами, сложный догматизм внешне даже напоминает диалектику. На самом же деле его доктрины – «ужасные тираны» (У. Самнер). Овладевая разумом, они тут же способны предавать его. Догматическим установкам «органически» свойственно тираническое стремление к власти, желание во всем быть *causa prima*⁴. Как писала по этому поводу Н. Берберова, Г. Уэллс и М. Горький искренне считали себя теми редкостными умами в мире, которые просто не могут ошибаться⁵. Э. Канетти обнаруживал аналогичный синдром у Д. Свифта, который всегда стремился показать своим читателям, насколько же лучше он мог бы обустроить описываемые королевства сам.

Ум М. Лютера также стремился уложить человеческий разум в «заранее приуготовленную им коробочку» (Д. Писарев). Что касается К. Маркса, то Л. Шварцшильд считал его личностью, совершенно уве-

¹ См.: Вебер М. Избранные произведения. – М.: Прогресс, 1990. – С. 404.

² См.: Murray E. The Symbolic Uses of Politics. – Urbana and Chicago: University of Illinois Press, 1985. – P. 186.

³ См.: Ясперс К. Цель – свобода // Новое время, № 6, 1990. – С. 43.

⁴ См.: Ницше Ф. По ту сторону добра и зла // Вопросы философии, № 5, 1989. – С. 127-128.

⁵ См.: Берберова Н. Железная женщина. – М.: Книжная палата, 1991. – С. 300.

ГЛАВА I

ренной в своем праве манипулировать другими людьми. Не случайно Э. Канетти, Сент-Экзюпери и А. Бирс опасались всезнаек, а М. Бакунин «превышение своего знания» и «презрение ко всем незнающим» считал характерным пороком всех интеллектуалов. Дай волю педанту, и он будет ставить над человечеством опыты, как над кошками и собаками, писал он¹.

С другой стороны, все умудренные знанием и опытом политики вынуждены вести за собой невежд². Возможно поэтому интеллектуальный деспотизм, начиная с безумия охоты на ведьм, ныне воспринимается в качестве классической политической проблемы³.

Учитывая огромные тиражи книг классиков марксизма-ленинизма и ту энергию, с которой распространялось по всему миру их учение, удивительным кажется не успех марксистской идеологии, а ее фиаско. С другой стороны, хотя студенческий протест против демократического капитализма в 1968–1969 годах закончился неудачей, его инициаторами были студенты из наиболее престижных университетов в мире. Идеям свободы и рынка они странным образом предпочли взгляды В. Ленина, Мао Цзэдуна, Ф. Кастро и Че Гевары, которые заложили основы не эффективного управления, а террора, не социальной справедливости, а распределительного произвола, не политической свободы, а преступлений против нее⁴.

Судя по всему, большинство здравомыслящих людей хотели жить в подвижной и терпимой интеллектуальной среде, открытой воображению и стилевому разнообразию. Подобная жизнь многим кажется постмодернистской игрой, ибо ее соблазны, темпы и риски не являются предметом заботы государства, а возникают спонтанно. С другой стороны, именно этот жизненный стиль провоцирует глобальную политическую зависть и хорошо известное «голосование ногами».

Так или иначе, теоретическая политическая активность и символическая реальность в целом должны быть защищены от любого не-

¹ См.: Бакунин М. *Философия, социология, политика*. – М.: Правда, 1989. – С. 435.

² См.: Сорокин П. *Проблема социального равенства и социализм* // Коммунист, № 12, 1990. – С. 79.

³ См.: Корнуэлл Д. *Козни дьявола или буйство фантазии* // За рубежом, № 11, 1992. – С. 15.

⁴ См.: Revel J.-F. *Democracy Against Itself*. – USA: Free Press, 1993. – P. 91-92.

ГЛАВА I

компетентного вмешательства государства. Из этого также следует, что никакие сведения не могут считаться тайными неограниченно долго, что на частных лиц недопустимо возлагать ответственность за разглашение правительственных секретов, что свобода телекоммуникаций и СМИ не должна ограничиваться ни персонифицированной политической, ни абстрактной правовой властью. Ибо теоретической политической активности и свободе творческого самовыражения претит любое внешнее ограничение.

Что касается интересов национальной безопасности, то они очевидным образом не требуют того, чтобы развитию умов давалось *определенное* направление¹. В соревновании интеллектов никто не должен рассчитывать априори на котурны и нимб². Государственный же патернализм всегда ведет к творческой деградации и вырождению. Моральный кризис, переживаемый сегодня постсоветскими странами, является глубоко закономерным. Известно, что даже выход из него протекает как фрустрация, «посттоталитарная депрессия» (С. Хантингтон).

Народы, освободившиеся раньше других от политических предрасудков, быстро уходят вперед. Оставив позади себя вульгарный материализм и идеологическую экзальтацию, они возвращаются к традиционным ценностям в духовной сфере. Постепенно на наших глазах формируется реальность, в которой честь, мода, аристократизм, этикет и манеры воспринимаются в качестве действительных ценностей, а не презируемой тоталитаризмом «чепухи». Сегодня мы вынуждены признать, что постмодернистское (в духе В. Гавела), игровое отношение к действительности как раз и делает жизнь цивилизованной. Ведь если посмотреть, писал Г. Грин, на то, какие бедствия роду человеческому принесли десятилетия целенаправленных усилий мозга, то тянет заглянуть в прошлое и спросить: где же мы сбились с пути?³

Что же касается конституционно-правовых аспектов затронутой темы, то они сводятся в основном к следующему. Фактически повсеместным в мире стал запрет цензуры. В частности, запрет цензуры предусмотрен ст. 67 Конституции Узбекистана, ст. 33 Конституции

¹ См.: Гумбольдт В. фон. Язык и философия культуры. – М.: Прогресс, 1985. – С. 74, 76.

² См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 7. – С. 280.

³ См.: Грин Г. Путешествие без карты. – М.: Прогресс, 1989. – С. 224.

ГЛАВА I

Молдовы (творчество не подлежит цензуре), ст. 5 и ст. 220 Конституции Бразилии. Интеллектуальное и научное самовыражение и общение также объявляются свободными от ограничений. Отдельно запрещается применение цензуры в политической, идеологической и художественной сферах. Решительный запрет цензуры предусматривается также конституциями Японии, Литвы, России, Хорватии, Италии, ФРГ, Украины и Польши. Согласно ст. 61 Конституции Венгрии (1990) утверждение законов о контроле над радиовещанием, телевидением или агентствами новостей может иметь место лишь в том случае, если за это проголосует не менее 2/3 депутатов национального парламента.

Академическая свобода, а также *автономия* высших учебных заведений предусматривается ст. 35 Конституции Молдовы (1994); ст. 58 Конституции Словении (1991); ст. 40 Конституции Литвы (1992); ст. 67 Конституции Хорватии (1990); ст. 53 Конституции Болгарии (1991); ст. 46 Конституции Македонии (1991); ст. 33 Конституции Италии (в высших учебных заведениях, приравненных к государственным, действует академическая свобода) и др.¹

Примечательно, что в ст. 70 Конституции Венгрии (1990) говорится, что решение научных вопросов и определение научной значимости исследований является прерогативой профессионально вовлеченных в науку лиц². В ст. 207 Конституции Бразилии (1988) содержится норма гарантирующая университетам учебную, научную и административную автономию, которая дополняется их правом свободно распоряжаться своими финансами и имуществом. Университеты функционируют также на основе принципа неразрывности обучения и научных исследований. Им разрешается приглашать на работу иностранных преподавателей, научных сотрудников и специалистов³.

Интеллектуальная свобода или свобода интеллектуального творчества предусматривается многими современными конституциями. В частности, ст. 32 Конституции Молдовы (1994) говорит о свободе мысли и выражения, включая свободу взглядов и публичных выска-

¹ См.: Конституции буржуазных государств. – М.: Юридическая литература, 1982. – С. 130.

² См.: Конституції нових держав Європи та Азії. – К.: УПФ, 1996. – С. 337.

³ См.: Конституції зарубіжних країн. Навчальний посібник. – Харків: ФІНН, 2009. – С. 508.

ГЛАВА I

зываний. ст. 59 Конституции Словении (1991) закрепляет свободу научного и художественного творчества, ст. 29 Конституции Узбекистана (1991) – свободу мысли, слова и убеждений. ст. 19 Конституции Японии (1947) гарантирует нерушимость свободы мысли, совести, слова, печати и иных способов выражения мнений, а ст. 42 Конституции Литвы (1992) – свободу культуры, науки и исследовательской деятельности.

Ст. 27 и ст. 29 Конституции России (1993) гарантируют свободу мысли, слова, художественного, научного и технического творчества. В ст. 44 этой же Конституции упоминается свобода литературного творчества и преподавания. ст. 38 Конституции Хорватии (1990) гарантирует свободу мысли и ее выражения, включая свободу печати и иных СМИ, свободу слова и публичного выражения мнений, а также свободу создания институтов информирования общественности. В ст. 68 Конституции говорится также о свободе научного, культурного и художественного творчества.

Ст. 37 и ст. 54 Конституции Болгарии (1991) гарантируют свободу совести, мысли и вероисповедания наряду со свободой художественного, научного и технического творчества. ст. 16 Конституции Македонии (1991) предусматривает свободу личных убеждений, совести, мысли и право их публичного высказывания. Конституция гарантирует также свободу публичных обращений наряду со свободой создания *общественных средств информации*.

В соответствии со ст. 33 Конституции Италии (1947) искусство, наука и преподавание объявляются свободными. В свою очередь, ст. 5 Основного Закона ФРГ (1949) гарантирует каждому свободу черпать знания из общедоступных источников. При этом искусство, научные исследования и преподавание провозглашаются свободными. ст. 70 Основного Закона ФРГ (1949) отдельно гарантирует автономию высших учебных заведений. Автономия университетов предусматривается также в ст. 70 Конституции Польши (1997). В соответствии со ст. 49 Конституции Египта (1971) государство гарантирует свободу научных исследований, литературного, художественного и культурного творчества. При этом оно обязано также создавать стимулы для их реализации. Свобода научной деятельности специально оговаривается в ст. 23 Конституции Японии (1947).

ГЛАВА I

Что же касается конституционных *ограничений* интеллектуальной свободы, то они также предусматриваются современными конституциями, хотя конкретные условия и объем подобных ограничений существенно различаются между собой. В частности, ст. 32 Конституции Молдовы (1994) запрещает отрицать наличие молдавского народа и государства, призывать к агрессивной войне, национальной и расовой розни, дискриминации, территориальному сепаратизму, насилию и иным действиям, посягающим на конституционный порядок¹. В ст. 34 этой же Конституции записано, что право на информацию не должно причинять вреда действиям, целью которых является защита граждан и национальной безопасности страны.

Согласно Конституции Узбекистана (1991), свобода мнений и их выражения может ограничиваться также по мотивам сохранения государственной или иной тайны². В ст. 18 Основного Закона ФРГ (1949) говорится о том, что каждый, кто попытается использовать свободу выражения мнений, печати, преподавания, собраний, объединений, собственности или убежища для борьбы против основ свободного и демократического общества, может быть лишен основных прав³. ст. 41 Конституции Болгарии (1991) запрещает использовать право на распространение информации против интересов защиты прав и доброго имени граждан, а также против интересов обеспечения национальной безопасности, гражданского порядка, здоровья населения и общественной морали.

Ст. 29 Конституции Узбекистана (1992) запрещает искать, получать и распространять информацию, направленную против конституционного строя страны⁴. В свою очередь, ст. 21 Конституции Италии (1947) запрещает публикацию литературных произведений, организацию зрелищных мероприятий и манифестаций, которые противоречат *добрым нравам*.

¹ Отказ в правовых нормах США от такого состава правонарушения, как *мятежная клевета на правительство*, Д. Ролз называет прагматическим тестом на свободу слова. См.: *Rawls J. Political Liberalism*. – N.-Y.: Columbia University Press, 1993. – P. 342, 347.

² См.: Новые конституции стран СНГ и Балтии. – М.: Манускрипт, 1994. – С. 441.

³ См.: Конституции буржуазных государств. – М.: Юридическая литература, 1982. – С. 177.

⁴ См.: Конституції нових держав Європи та Азії. – К.: УПФ, 1996. – С. 347.

ГЛАВА I

Свобода преподавания не освобождает от верности Основному Закону, гласит ст. 5 Основного Закона ФРГ (1949). Согласно ст. 39 Конституции Саудовской Аравии (1992) печать и иные СМИ должны сохранять уважительный стиль в употреблении слов, следуя при этом указаниям государства. Они обязаны также способствовать повышению образовательного уровня нации и содействовать ее единству. Напротив, действия, способствующие заговорам, разжиганию розни, причинению вреда государству и его отношениям с общественностью, а также иные действия, унижающие достоинство и права человека, подлежат конституционному запрету.

Достоверность в качестве обязательного предварительного условия свободного распространения информации предусматривается ст. 67 Конституции Узбекистана (1992), ст. 34 Конституции Молдовы (1994). С другой стороны, требование информационной свободы содержится в конституциях Узбекистана, Молдовы, Венгрии, Болгарии, Словакии, Литвы, Италии и ФРГ. Запрет монополии в сфере СМИ закрепляется в Конституции Литвы (1992). В соответствии со ст. 206 Конституции Египта (1971) пресса является *народной независимой властью*, осуществляющей свои функции в соответствии с законом. Согласно же требованиям ст. 32 Конституции Аргентины (1853) парламенту запрещается принимать законы, ограничивающие свободу прессы или устанавливающие над ней федеральную юрисдикцию.

Регулирование теоретической политической активности в Украине начинается с закрепления в ст. 15 ее Конституции (1996) принципа политического и идеологического плюрализма. В соответствии с данной статьей никакая идеология не может признаваться государством в качестве обязательной. Данная формулировка, если ее трактовать буквально, объявляет юридически необязательной идеологию и самого Основного Закона.

Одним из вариантов улучшения данной ситуации могло бы стать закрепление в Конституции Украины обязанности государства следовать принципам открытого, свободного и демократического общества. Отказываясь же от *любой* идеологии, Конституция Украины (1996) формально санкционирует государственный произвол.

Свобода политической деятельности, не запрещенной Конституцией и законами Украины, гарантируется ст. 15 Основного Закона. Следуя логике нормы, теоретическая политическая активность при-

ГЛАВА I

знается в Конституции Украины элементом правовой реальности, в то время как фактически данный вид теоретической активности должен оставаться реальностью *предправовой*. Ведь интеллектуальный дискурс должен *предшествовать* выработке большинства правовых решений.

Осуществление записанного в ст. 34 Конституции Украины права на свободу мысли и слова, на свободное выражение своих взглядов и убеждений может быть ограничено широким спектром оснований. Данное ограничение допускается в интересах национальной безопасности, территориальной целостности, общественного порядка, охраны здоровья населения, защиты репутации других лиц, для предупреждения разглашения конфиденциальной информации, поддержания авторитета и непредвзятости правосудия и т.п. Что же касается права на свободу мировоззрения и вероисповедания, записанного в ст. 35 Конституции Украины (1996), то оно может быть ограничено по пяти основаниям.

Реализация права на объединение в политические партии и общественные организации (ст. 36) для осуществления и защиты своих прав и свобод, удовлетворения политических и иных интересов может быть ограничена в интересах национальной безопасности и общественного порядка, охраны здоровья населения, защиты прав и свобод других людей. Следует заметить, что создание политических партий в Украине подлежит регистрации в органах государственной исполнительной власти.

Ст. 37 Конституции Украины (1996) закрепляет более десяти целей, преследование которых считается непреодолимым препятствием для создания и деятельности политических партий и иных общественных объединений. В то же время ст. 54 Конституции (1996) гарантирует свободу литературного, художественного и научного творчества, защиту интеллектуальной собственности и авторских прав.

Украинская Конституция гарантирует свободу доступа к информации о состоянии окружающей среды, качестве пищевых продуктов и бытовых предметов, а также право на беспрепятственное распространение подобных сведений. Как утверждается в Конституции, данная информация никем не может быть засекречена¹.

¹ См.: Речицкий В. Простые ценности конституционализма: свобода, рынок и социальная динамика // Права людини, № 35(579), 16–31 грудня, 2010. – С. 5–6.

ГЛАВА I

В ст. 105 Конституции Украины (1996) предусматривается ответственность за посягательство на честь и достоинство Президента Украины, а в ст. 65 – обязанность граждан уважать государственные символы. *Информационная безопасность* названа в ст. 17 Конституции (1996) «делом всего Украинского народа», что весьма трудно прокомментировать с юридической точки зрения¹.

1.3.4. Массовая политическая активность

Массовая политическая активность генетически связана с историей демократии. По отношению к теоретической активности массовая политическая активность занимает, по-видимому, такое же место, какое физическая реальность занимает по отношению к парадигмам естественных наук. Главное отличие данного вида активности от политической активности иных её форм – организационное. Как писал Т. де Шарден, в отдаленном прошлом наши предки предстают перед нами группами, сидящими вокруг огня. Однако их едва ли можно считать той *массой*, о которой Х. Арендт писала как о совокупности людей, не имеющих общих интересов².

Термином *масса* (в политическом смысле) нередко называют население, народ или нацию. Этим же словом часто определяются избиратели, участники референдумов и политических движений, группы людей на митингах, непрофессиональные участники политического процесса в целом. Хотя современные конституции обычно не используют понятия *масса*, их юридические механизмы рассчитаны на регулирование деятельности и этой разновидности субъектов политического процесса.

В теории народного суверенитета Ж.-Ж. Руссо подданный и суверен объединяются в понятии гражданина как члена политического

¹ См. о правовом обеспечении интеллектуальной свободы в Европе и США: *Речицкий В.* Символическая реальность и право. – Львов: ВНТЛ-Классика, 2007. – С. 543-622.

² См.: *Arendt H.* The Origins of Totalitarianism. – N.-Y.: A Harvest Book, 1973. – P. 311.

ГЛАВА I

сообщества¹, а у П.-А. Гольбаха масса граждан объединена в *народ*². Народ, завоевавший политическую свободу, выступает уже как *сверхличность*³, поэтому у Ж.-Ж. Руссо верховная власть представляет собой *все общество* в его законодательной правоспособности.

Говоря об эволюции политического понятия *народ*, следует признать, что лингвистическую конструкцию *народа-личности* не всегда следует воспринимать в качестве условной. Опираясь на авторитет М. Мусоргского («для меня народ – одна великая личность»), Н. Бердяева, М. Лосского, Л. Карсавина, И. Гербера и В. фон Гумбольдта, Ю. Каныгин стремился доказать, что *личность массы* действительно существует и что она наделена сознанием, памятью, центральным процессором, логикой и иными необходимыми атрибутами интеллекта⁴. Современная наука позволяет говорить о психике, воле, сознании, памяти и разуме масс. В функциональном смысле центральная нервная система человека и «центральный процессор» общества подобны, поэтому политическая роль масс проявляется (вопреки ожиданиям марксистов) не только в ожесточенной классовой борьбе, но также и в позитивных творческих усилиях.

Социальный разум, равно как и социальную глупость следует считать объективными в том смысле, что они связаны не только с умом и знаниями отдельных индивидов, но также и со структурой и механизмами социальной коммуникации в целом⁵. В этом смысле попытки психоанализа выйти в конце XIX века за рамки индивида, сделав предметом своего исследования общество, народ и человечество в целом, являются достаточно красноречивыми.

Мы знаем также, что исторические попытки построить общество, в котором *Homo political* действует не как всем известное человеческое существо, а как существо, похожее на муравья или пчелу с соответствующими реакциями поведения, оказались провальными⁶. Ныне политическая активность масс признается не только на уровне идеи

¹ См.: Руссо Ж.-Ж. Трактаты. – М.: Наука, 1969. – С. 219.

² См.: Гольбах П.-А. Избранные произведения в двух томах. Т. 2. – М.: Мысль, 1963. – С. 182.

³ См.: Поппер К. Открытое общество и его враги. Т. 2. – М.: Феникс, 1992. – С. 64.

⁴ См.: Каныгин Ю. Основы когнитивного обществоведения. – К., 1993. – С. 163.

⁵ См. подробнее: Fukuyama F. Trust. – London: Penguin Books, 1996.

⁶ См.: Мид М. Культура и мир детства. – М.: Наука, 1988. – С. 317.

ГЛАВА I

полновластия народа (это утверждали еще мыслители XVII-XVIII века), но и на уровне права народов на демократическое содержание конституции¹.

Примечательно, что если у К.-А. Гельвеция *счастье общества* проистекает, главным образом, из способа распределения власти между различными сословиями, то у А. Богданова успешность политического курса проявляется в области *слитных действий масс*. Эффективность политики он прямо связывал с коллективным масштабом и способом общественной жизни. Из этого следовало, что судьба общества не может чрезмерно зависеть от качественных характеристик отдельно взятого интеллекта. И хотя сегодня данный вывод не выглядит достаточно убедительным, мнение общества все-таки существует и проявляет себя. Иногда оно становится по-настоящему могущественным.

Народ, как утверждал Г. Гессе, не должен быть избыточно управляемым («политически насилуемым») объектом. Наоборот, он должен быть правомочным и ответственным *субъектом*². Известно, что К. Маркс, Ф. Энгельс и В. Ленин считали возрастание политической роли и значения масс всемирно-исторической тенденцией. По их мнению, вместе с основательностью исторического процесса будет расти и объем человеческой массы, делом которой он является³. Кроме того, массы имеют право знать, за что именно они сражаются, жертвуя порой своей жизнью⁴. Кроме того, как писал В. Ленин, при неосознательных и нерешительных массах политические изменения в любой стране утрачивают свою перспективу⁵, ибо по-настоящему реальной гарантией политических перемен выступает лишь революционная энергия масс⁶. Чем более трудной и ответственной является историческая задача, считал В. Ленин, тем бóльшим должно быть

¹ См.: *Благош Й.* Формы правления и права человека в буржуазных государствах. – М.: Юридическая литература, 1985. – С. 35.

² См.: *Гессе Г.* Письма по кругу. – М.: Прогресс, 1987. – С. 294.

³ См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 2. – С. 90.

⁴ См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 22. – С. 544.

⁵ См.: *Ленин В.* Полн. собр. соч. Т. 21. – С. 364.

⁶ См.: *Ленин В.* Полн. собр. соч. Т. 30. – С. 282.

ГЛАВА I

число людей, участвующих в ее решении¹. Не удивительно, что у него «меньше миллионов» в политике не считается².

Как полагал Л. Мэмфорд, политическая активность масс способна эффективно противостоять технократическому стилю правления научно-промышленной элиты. Кроме того, невозможно быть умнее всех вместе взятых людей (Б. Рассел). Лишь коллективный разум способен обуздать амбиции мелвилловского капитана Ахава – метафору политического могущества, средства которого «полностью рациональны, но конечные цели безумны».

Массовая политическая активность противостоит власти *мега-машины*, не имеющей надежного морального основания. В этом смысле все выборы, референдумы и плебисциты являются интуитивными способами проверки созданных политическими элитами конструкций. Хотя массовое участие не может заменить собой работу экспертов и аналитических программ, в предчувствии своего предназначения, как говорил Ш. Фурье, народ является лучшим судьей, чем ученые³. Кроме того, с течением времени «народ весь будет интеллигенцией»⁴.

По мнению З. Бжезинского, массовая политическая активность является средством проявления инстинктивного вдохновения наций, без которого они не могут обрести подлинного могущества⁵. Массы недопустимо *принуждать* к счастью, они также не должны служить декорацией для политической активности вождей и диктаторов. Как заметил по аналогичному поводу Ю. Хабермас, мнение общественности становится эффективным лишь при условии *децентрализованного* политического участия. В свое время именно социальные низы первыми отважились противостоять деспотизму королей, верхушке духовенства и аристократии. Сегодня усилия масс предпринимаются

¹ См.: Ленин В. Полн. собр. соч. Т. 36. – С. 446.

² Там же. – С. 252.

³ См.: Фурье Ш. Избранные сочинения. Т. 3. – М.: Издательство АН СССР, 1954. – С. 48.

⁴ См.: Федотов Г. Будет ли существовать Россия // О России и русской философской культуре. – М.: Наука, 1990. – С. 460.

⁵ См.: Brzezinski Z. Out of Control. – N.-Y., 1993. – P. 116.

ГЛАВА I

в борьбе за императивы, порождаемые еще более сложно дифференцированной политической системой¹.

В позитивном качестве масса выступает как народ, структурированное субстанциональное *квалитативное* множество, обладающее специфической атмосферой, традициями и почвой, писал К. Ясперс. В негативном смысле, напротив, масса сугубо количественна, однородна и примитивна². Закономерно, что политическая роль масс возрастает по мере усиления в ней личностной идентификации³. Известно, что Н. Винер считал похожие на муравейник тоталитарные общества политически искусственными и в этом смысле противоположными природе человека. В действительности, человеческой массе присуща потребность и способность действовать в условиях разнообразия. Как утверждал Н. Винер, *разнообразие и возможность* изначально характеризуют структуру общественного организма⁴.

Предрасположенной к политической дисперсии считал массу и А. Пятигорский. Возражая против всех национальных, классовых, возрастных, политических, сексуальных, религиозных и иных коллективных идентификаций, А. Пятигорский считал их искусственными способами, с помощью которых «объективные идиоты всех стран» пытаются политически утвердить себя⁵.

С другой стороны, нет ничего удивительного в том, что именно массовая политическая активность столь часто оценивается негативно. Г. Мабли считал массы политически безразличными, а Н. Бердяев писал, что они нуждаются в постоянном усовершенствовании. По мнению Дж. Вашингтона, народные устремления являются в большинстве случаев чуждыми глубокому опыту, и лишь в отдельные исторические моменты масса может проявить свою полезную сущность⁶. А. Уайтхед считал массы интеллектуально инертными, но восприимчивыми к «мечтам поколений».

¹ См.: Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность. – М.: Наука, 1992. – С. 65.

² См.: Ясперс К. Смысл и назначение истории. – М.: Политиздат, 1991. – С. 143.

³ См.: Шахназаров Г. О классовой борьбе // Международная жизнь, ноябрь, 1989. – С. 99.

⁴ См.: Винер Н. Кибернетика и общество. – М.: Издательство иностранной литературы, 1958. – С. 62.

⁵ См.: Пятигорский А. Философия одного переулочка. – М.: Прогресс, 1992. – С. 154.

⁶ См.: Американська демократія. – США: Сучасність, 1990. – С. 30-31.

ГЛАВА I

У А. Зиновьева массы тяготеют к заблуждениям и сенсациям, поскольку уровень человеческого понимания обратно пропорционален количеству понимающих¹. Разум и характер масс, писал, в свою очередь, А. Эйнштейн, несопоставимо более низок, чем у одиноких творцов, которые создают настоящие ценности². Умственное помешательство одиночек есть нечто исключительное, однако коллективное помешательство масс является почти что правилом, утверждал Ф. Ницше³.

Научные рекомендации трудно соединяются с демократической политикой, поскольку теоретические выводы редко совпадают с мнением большинства⁴. С другой стороны, способ действий по принципу большинства при сохранении гарантий критики со стороны меньшинств является оправданным даже применительно к научным и техническим проблемам. Поскольку конечные результаты науки затрагивают интересы огромного количества людей, именно массы обладают политическим правом решать, что именно и в какой степени отвечает их интересам⁵.

По мнению Е. Шацкого, настроения масс являются преимущественно иррациональными, несмотря на традиционную веру народа в рационализм. Не случайно с целью воздействия на электорат используются не только рациональные политические лозунги и программы, но также сакральные символы, авторитеты и иные атрибуты культа. Как известно, Д. Мэдисон не верил в философские способности народа, а Ч. Милош не советовал злорадствовать по поводу политической индифферентности масс, для которых, действительно, не свойственно думать о газовых камерах, концентрационных лагерях, Хиросиме и Нагасаки, американских «Кадиллаках» и немецких «Мерседесах»,

¹ См.: Зиновьев А. Зияющие высоты. Т. 2. – М.: Пик, 1990. – С. 176.

² См.: Einstein A. Out of My Later Years. – London: Thames and Hudson, 1950. – P. 11.

³ См.: Ницше Ф. По ту сторону добра и зла // Ницше Ф. Собрание сочинений. Т. 2. – М., 1900. – С. 116.

⁴ См.: Лифшиц Р. Близок ли критический час // Поиск, № 35, 1989. – С. 4-5.

⁵ См.: Янков М. Конструктивная критика и рациональное управление. – М.: Прогресс, 1987. – С. 151. Как писал П. Фейерабенд, политиков нельзя освобождать от общественного контроля, поскольку они руководствуются партийными интересами и редко опираются на то, что принято считать «истинным знанием». См.: Фейерабенд П. Прощай, разум! – М.: АСТ, 2010. – С. 74.

ГЛАВА I

Пентагоне, Кремле, китайских коммунах, Кубе, промывании мозгов и политических жертвах¹.

Так или иначе, в любом политическом процессе следует разграничивать разум и политические эмоции масс. Как считал Д. Мэдисон, *указывать* правительству может только *разум* народа. Что же касается народных *страстей*, то их правительство обязано регулировать, а при необходимости – укрощать². Политическую жизнь масс воплощает в себе демократия, однако в основе демократии могут лежать как рациональные, так и иррациональные мотивы. В любом случае суверенный народ обязан укреплять свою политическую свободу и исправлять даже незначительный ущерб, нанесенный его конституции³.

Как писал Б. Рассел, не следует думать, будто люди массы – это более приятные люди, чем все остальные. Известно, что дети были в свое время безмерно идеализированы У. Вордсвортом, однако впоследствии развенчаны З. Фрейдом. Если позволить себе предположить, что К. Маркс – это У. Вордсворт пролетариата, то сегодня наступил черед пролетарского З. Фрейда⁴.

По наблюдению Ф. Хайека, массы далеко не всегда действуют в соответствии со своими знаниями и подчиняются правилам морали не в большей степени, чем отдельные индивиды⁵. Кроме того, мнение большинства нередко противоречит общественным интересам, которые могут быть лучше восприняты меньшинством. Как считал Х. Ортега-и-Гассет, поверхностное восприятие проблем является для *человека-массы* типичным. Принято также считать, что политические суждения масс нерациональны, избыточно эмоциональны и не поспевают за быстрым ходом событий⁶. Нередко они оказываются по-

¹ См.: *Milosz C. Visions From San-Francisco Bay* – N.-Y.: Farrar Straus Giroux, 1983. – P. 196.

² См.: Американские федералисты. – USA: Benson, Vermont, 1990. – С. 178.

³ См.: *Мабли Г.* Избранные произведения. – М.-Л.: АН СССР, 1950. – С. 247-248.

⁴ См.: *Рассел Б.* Высшая добродетель угнетенных // Квинтэссенция. – М.: Политиздат, 1990. – С. 420.

⁵ См.: *Hayek F.* The Constitution of Liberty. – Chicago: University of Chicago Press, 1960. – P. 114.

⁶ Ш. Монтескье указывал на особую значимость *мгновений* в тех «событиях, в которых народ принимает главное участие». См.: *Монтескье Ш.* Избранные произведения. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. – С. 99.

ГЛАВА I

литически оправданными лишь в том смысле, что дают индивидам временную иллюзию безопасности и стабильности¹.

Б. Данэм отмечал консерватизм масс, едва ли способных отказаться от своих ошибочных, но привычных взглядов, а И. Берлин – их традиционную слепоту и неуправляемость². Ж. Батай обращает внимание на описание М. Прустом массы депутатов парламентского большинства – «отвратительных придурков», ироничных, тупых и бесконечно далеких от справедливости³. Известно, что и О. де Бальзак ненавидел безответственное и тираническое правление масс, а Т. Дезами считал народную тиранию худшей из тираний, поскольку в этом случае «вместо одного хозяина у него их тысяча»⁴.

По мнению Б. Чичерина, деспотизм масс невыносим просто потому, что от него нет спасения. В этом смысле и общественное мнение может быть диктаторским. Дураки – очень опасны, а еще – интеллигентные люди, когда они собираются вместе, говорил Сент-Экзюпери⁵. Чем толпа отличается от скопления амёб, если человеческие рефлексy лишь на несколько порядков сложнее, чем у одноклеточных организмов? – задавался трудным для себя вопросом Ч. Милош⁶.

Как полагал Н. Бердяев, в господстве общественности над индивидом присутствует нечто кошмарное. В этом случае истинные ценности личности подменяются изначально фальшивыми ценностями общества. *Социологизм* в понимании Н. Бердяева означал то же самое, что и позитивизм.

В свою очередь, А. Швейцер писал о профессиональных политиках послевоенной Европы в том смысле, что их исторической миссией было... *не допустить торжества победоносной народной воли*⁷. С данным предположением нетрудно согласиться, если вспомнить,

¹ См.: Фромм Э. Психоанализ и религия // Сумерки богов. – М.: Прогресс, 1989. – С. 165.

² См.: Berlin I. Four Essays on Liberty. – N.-Y.: Oxford University Press, 1986. – P. 120.

³ См.: Батай Ж. Литература и зло. – М.: Издательство Московского университета, 1994. – С. 93.

⁴ См.: Дезами Т. Кодекс общности. – М.: Издательство АН СССР, 1956. – С. 413.

⁵ См.: Сент-Экзюпери А. де. Военные записки 1939–1944 гг. Художественная публицистика. – М.: Прогресс, 1986. – С. 173.

⁶ См.: Милош Ч. Личные обязательства. – М.: Дом интеллектуальной книги, 1999. – С. 53.

⁷ См.: Швейцер А. Благоговение перед жизнью. – М.: Прогресс, 1992. – С. 491.

ГЛАВА I

что якобинский террор был прямым воплощением идеи народного суверенитета, доведенной до своего логического предела¹. Народ, желающий иметь честных и достойных политиков, должен прежде сам научиться мыслить политически. Массы в стихийном состоянии – ригористичны и авторитарны, причем в наибольшей степени это касается сферы свободы слова и защиты *privacy*.

Массы в политике, писал Ж. Бодрийар, это не субъект, а объект. Их «умышленно развратили и лишили убеждений, чтобы сделать из них новую добычу теории вероятностей». Сегодня они искажают все изображения и насмеваются над политической достоверностью. Они играют в то, во что их научили играть, – в биржу цифр и изображений, во всеобщую спекуляцию, играют с присущим спекулянтам аморализмом. Перед лицом глупой уверенности и исключительной банальности цифр массы, с точки зрения социологии, воплощают в себе принцип неопределенности. Если система власти организует статистический порядок (а социальный порядок сегодня является статистическим), то массы втайне заботятся о статистическом беспорядке².

Взращенные во мраке преимущественно биологических потребностей, массы несут в себе спонтанный яд, разрушительный для централизованного порядка. «Массы – это спутник власти, слепой исполнитель главной роли, неотступно ступающий по политическому лабиринту, некто, кого власти не в состоянии ни распознать, ни назвать, ни указать. И если массы обладают этой изворотливой способностью вершить изменения, то это потому, что они пользуются бессознательной стратегией, позволяющей желать, позволяющей верить»³.

По мнению Д. Локка, «маршировать в толпе» – означает поддаваться иллюзии «правильности». «Правило: *vox populi – vox dei*, – весьма популярно, – писал он, – однако я не могу припомнить ни одного случая, чтобы Бог возвещал свои заповеди устами толпы, а природа свои истины – криками стада»⁴. Как признавал, в свою очередь, Ж.-Ж. Руссо, народ стремится к благу, но обычно не ведает, в чем оно.

¹ См.: Сергеев В. Тигр в болоте // Знание – сила, № 7, 1988. – С. 73.

² См.: Бодрийар Ж. Прозрачность зла. – М.: Добросвет, 2000. – С. 61.

³ Там же. – С. 249-250.

⁴ См.: Локк Д. Сочинения в трех томах. Т. 2. – М.: Мысль, 1985. – С. 240-241.

ГЛАВА I

Именно по этой причине, писал впоследствии М. Бакунин, от имени народа так часто вещают узурпаторы¹.

Находясь в массе, мудрый человек становится неразумным и жестоким, а глупец и завистник забывает о своей ничтожности. Оба они чувствуют себя в массе сильными и справедливыми благодаря стихийной мощи толпы. Массам вообще свойственно видеть в примитивных идеях абсолютные истины. Они обычно уверены в том, что их мысли и действия воплощают в себе сторону *Добра* в борьбе со *Злом*, и не способны воспринимать все сколько-нибудь многозначное, нюансированное и хрупкое. Во всем сложном масса усматривает лишь слабость и обман. Она любит и воплощает в себе вульгарную и примитивную силу. Если массу раззадорить, она становится прокурором, судьей и палачом в одном обличье. При этом массам не свойственно испытывать чувство вины².

Насилие, чинимое толпой, воплощает в себе поражение демократических сил. Парижская коммуна (1871) с ее жестоким конфликтом между пролетариями и буржуа может служить практическим доказательством того, что массовое сознание легко примиряется с кровавыми методами³. Известно, что продовольственные бунты и налоговые восстания сменились более мягкими демонстрациями и забастовками лишь к началу XIX века⁴.

Как утверждал сенатор П. Фессанден, «народ, находящийся в возбужденном и взвинченном состоянии под влиянием страстей и предубеждений, ничуть не лучше дикого зверя»⁵. Еще и сегодня множество людей неохотно признаёт тот факт, что самые большие преступления в истории были совершены правительствами, которые пользовались поддержкой миллионов людей, руководимых определенными моральными побуждениями. Это неправда, что А. Гитлер, Б. Муссолини, В. Ленин, И. Сталин или Ф. Кастро апеллировали к худшим био-

¹ См.: Бакунин М. Философия, социология, политика. – М.: Правда, 1989. – С. 52.

² См.: Міхнік А. У пошуках свободи. Есеї про історію та політику. – К.: Дух і літера, 2009. – С. 372.

³ См.: Brzezinski Z. Out of Control. – N.-Y., 1993. – P. 28.

⁴ См.: Коэн Д., Арато Э. Гражданское общество и политическая теория. – М.: Весь мир, 2003. – С. 645.

⁵ См.: Кеннеди Дж. Профили мужества. – М.: Международные отношения, 2005. – С. 163.

ГЛАВА I

логическим инстинктам народов. Все они апеллировали к чувствам, которые преобладают также и в современных демократиях¹.

Массы не размышляют, говорил П. Чаадаев. Поэтому массовое сознание должны приводить в активное состояние социальные философы. У А. Герцена «за большинством, теперь господствующим (то есть за большинством капиталистического мещанства) стоит *еще большее* большинство кандидатов на него (то есть пролетариата), для которых нравы, понятия, образ жизни мещанства – единственная цель стремлений; их хватит на десять перемен. Мир безземельный, мир городского пролетариата не имеет другого пути спасения и *весь пройдет мещанством*, которое в наших глазах отстало, а в глазах полевого населения и пролетариев представляет образованность и развитие»².

Разумеется, можно и необходимо различать массы и массы. Ф. Энгельс писал в свое время Э. Бернштейну о том, что понятие демократии изменяется вместе с изменением понятия «демос»³. Народ склонен к тому, чтобы воспринимать свое положение стихийно, поэтому он проявляет себя главным образом в шумных демонстрациях⁴. Даже у пролетарского вождя В. Ленина утомленные массы поддаются далеко не передовым настроениям, а потому, как он говорил, «не всем указаниям массы мы подчинимся»⁵.

У нас есть идеализация масс, писал во время горбачевской перестройки Н. Эйдельман. Но ведь бывает и так, что *власть лучше общества*⁶. Как ни привычно для нас клише, писал тогда же Н. Попов, что народ всегда прав, сегодня мы знаем, что и народы могут ошибаться⁷. Если спросить у граждан о существующих в их стране партийных позициях, то лишь микроскопическая часть населения сможет проявить политическую компетентность⁸. Популярность у масс не делает идеи

¹ См.: Хайек Ф. Право, законодательство та свобода. Т. 2. – К.: Сфера, 1999. – С. 179.

² См.: Мережковский Д. Большая Россия. – Л.: Издательство ЛГУ, 1991. – С. 19.

³ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 36. – С. 112.

⁴ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 8. – С. 68-69.

⁵ См.: Ленин В. Полн. собр. соч. Т. 44. – С. 122-124.

⁶ См.: Эйдельман Н. Оптимизм исторического знания // Огонек, № 44, 1988. – С. 4.

⁷ См.: Попов Н. «Глас народа» в условиях гласности // Советская культура, 11 июня, 1987. – С. 3.

⁸ См.: Дай Т., Зиглер Л. Демократия для элиты. – М.: Юридическая литература, 1984. – С. 246.

ГЛАВА I

истинными, мнение большинства не обязательно должно лежать в основании законов¹.

Ничто так радикально не отличает современные массы от их предшественников, писала Х. Арендт, как потеря ими веры в Страшный Суд. Худшие потеряли свой страх, лучшие – надежду². М. Веберу политическое сознание масс изначально казалось сервильным, ибо обычные люди всегда ориентируются, как он считал, на вкусы и предпочтения элит. По этой же причине легитимность политической власти он считал иллюзорной³.

В свою очередь, Ф. Ницше обращал внимание на то обстоятельство, что массы «неизлечимо посредственных» людей практически лишены способности к самоиронии. С явным сожалением он констатировал: «Наступило время масс: они перед всем массовым ползают на брюхе»⁴.

Исторические катаклизмы способны выбивать народы из колеи, зарождая в них чувства беспомощности, потерянности и страха. Политический иммунитет накапливается медленно, а жизненные события происходят быстро, поэтому политические элиты могут быть сметены в одночасье социальным взрывом⁵. Подобные трансформации массового сознания Э. Ионеско сравнивал с политической эпидемией, в которой мещане стремительно превращаются в фанатиков, а философы и журналисты начинают с энтузиазмом писать об «истинно историческом моменте»⁶.

В социологическом смысле масса – это спонтанно возникающая социальная общность, вероятностная по своей природе, гетерогенная по своему составу и статистическая по формам функционирования⁷. По мнению К. Ясперса, эффект массы в большинстве случаев возни-

¹ См.: Никитинский В. Перестройка в правовой системе, юридической науке, практике // Советское государство и право, № 10, 1987. – С. 52.

² См.: Arendt H. The Origins of Totalitarianism. – N.-Y.: A Harvest Book, 1973. – P. 446.

³ См.: Шпакова Р. Легитимность политической власти: М. Вебер и современность // Советское государство и право, № 3, 1990. – С. 139.

⁴ См.: Ницше Ф. По ту сторону добра и зла // Собрание сочинений. Т.2. – М., 1900. – С. 224.

⁵ См.: Померанц Г. Будущее мироустройство и русская идея // Век XX и мир, № 2, 1990. – С. 27.

⁶ См.: Ионеско Э. Носорог: пьесы и рассказы. – М.: Текст, 1991. – С. 274.

⁷ См.: Грушин Б. Массовое сознание. – М.: Политиздат, 1987. – С. 234-235.

ГЛАВА I

кает и исчезает внезапно. Будучи типичным *объектом* пропаганды и внушения, массы не испытывают чувства ответственности и живут на самом низком уровне политического сознания. Х. Ортега-и-Гассет писал о них как о бездушном, механистическом, овеществленном, негуманном и иррациональном социальном образовании. Гегель называл толпу *чернью*, для которой бедность умонастроения и внутреннее возмущение против всех богатых, а также общества и правительства являются в высшей степени характерными. По мнению же О. Уайльда, чернь – слепа, глуха, отвратительна, абсурдна, трагична, смешна, опасна и бесстыдна.

У Г. Лебона массы – иррациональны, чрезмерно подчинены своим чувствам, догматичны и нетерпимы. Их стиль поведения груб, а интеллектуальные функции элементарны. По мнению же Сент-Экзюпери, толпа всегда деятельна, но крайне непоследовательна. Плохо, когда кто-то один подавляет толпу, но еще хуже, когда толпа подавляет личность индивида¹.

По мнению Г. Гувера, массы почти всегда легковверны, разрушительны, агрессивны и лишены творческого начала². В. Соловьев считал, что масса способна на добрые порывы, но в остальном откровенно груба, мелочна и инстинктивна. «Существует ли что-нибудь столь нечестивое, столь безбожное, столь противоречащее всякому праву, божественному и человеческому, – писал Д. Локк, – к чему когда-нибудь не призывала безумная толпа в своем согласии или – лучше – сговоре? Мы знаем, что это приводило к разграблению храмов божьих, к безудержной дерзости и гнусности, к попранию законов, к низвержению монархов»³.

¹ Как писал Сент-Экзюпери, «при демократии неизбежно утрачиваются особенности людей. <...> Но как только власть переходит к виду, что, по моему мнению, и есть суть демократии, он будет уничтожать индивидуальность ради малоинтересных общих задач, будет действовать жестко, безжалостно, потому что жестокость тоже в природе человеческой. С помощью выборов демократия избавляется от определенного вида несправедливости, но ее справедливость в конечном счете несравненно более жестока. Жестокость к тому же применяется во имя целей, которые мне совершенно неинтересны. Мне нет дела до биологического <...> выживания вида». См.: Сент-Экзюпери, А. де. Манон, танцовщица. – М.: ЭКСМО, 2010. – С. 144.

² См.: Харц Л. Либеральная традиция в Америке. – М.: Прогресс, 1993. – С. 201.

³ См.: Локк Д. Сочинения в трех томах. Т. 3. – М.: Мысль, 1988. – С. 26.

ГЛАВА I

Литературный герой из антиутопии О. Хаксли утверждает, что толпа не более гуманна, чем горная лавина или ураган, а людские низы на шкале моральных и умственных достоинств должны располагаться ниже шакалов¹. Для М. Кундеры чернь – это «подонки», субъекты «коллективного оргазма», «инструменты справедливой революционной ненависти»². Как считал, в свою очередь, А. Богданов, в толпе происходит *равнение по низшему*. По этой причине даже культурный человек, находясь в толпе, становится способным на зверства³.

Руководствуясь законом прямого действия («охранной грамотой варварства»), сметая на своем пути все, что не похоже на нее, толпа «вытаптывает» индивидуальность, уничтожая все изысканное, редкое и выдающееся. Как отмечал Э. Канетти, толпу стимулирует ее же собственный быстрый рост, самовоспроизведение и спонтанная агрессия. Настоящим знатоком психологии толпы был, по его мнению, А. Гитлер.

Масса избавляет индивида от чувства изолированности, одиночества и страха, однако при этом всё подлинно великое тянет в болото⁴. В массе «бараны бьют в барабаны, изготовленные из шкуры баранов»⁵, но это лишь внешняя сторона проблемы. Более опасным является то, что даже неискушенные во зле, добрые и умные люди, собравшись в массу, становятся хуже⁶.

Как утверждал Г. Лебон, эффект толпы создает не только множество пролетариев, но и множество академиков. Масса и толпа – это фаланга, о которой нельзя судить по характеру составляющих ее членов. Поведение массы основано на внушении и манипуляции, в нем способна раствориться даже сильная индивидуальность. В массе возникает психологический феномен *третьего Я*, о котором писал Г. Юнг⁷.

¹ См.: Хаксли О. И после многих весен. – М.: Издательство Сабашниковых, 1992. – С. 219.

² См.: Кундера М. Бессмертие. – СПб.: Азбука, 1996. – С. 354.

³ См.: Богданов А. Всеобщая организационная наука (Тектология). Ч. 1. – Л.-М.: Книга, 1925. – С. 247.

⁴ См.: Фейербах Л. История философии. Собрание произведений в трех томах. Т. 2. – М.: Мысль, 1974. – С. 79.

⁵ См.: Иванова С. Зарплата мелкими купюрами // Известия, 14 марта, 1991. – С. 3.

⁶ См.: Бернар С. Моя двойная жизнь. – М.: Радуга, 1991. – С. 83.

⁷ См.: Стейнбек Д. Наедине со временем. – М.: Прогресс, 1988. – С. 351.

ГЛАВА I

Что касается конституционного регулирования политической активности масс, то очевидно, что оно должно ориентироваться на ее органические качества. Как писала Х. Арендт, главная проблема здесь состоит в том, что совершенно нейтральные, пассивные и индифферентные массы могут оказаться политическим большинством в демократической стране¹. Во время революции 1905 года в России В. Ленин писал о том, что ему легко и весело живется в обстановке политической активности масс. В то же время, призывая большевистскую элиту не отрываться от требований масс, он требовал от нее не лстить массам².

Масса должна самостоятельно руководить своими делами, писал Сен-Симон³, что внешне напоминает американское утверждение о том, что правительство должно проявлять активность лишь там, где самоуправления недостаточно и где рынок не в состоянии обеспечить общество соответствующими услугами. Действуя методом проб и ошибок, самоуправление способно самостоятельно обрести политическую зрелость. Так или иначе, писал В. Ленин, настоящий демократ обычно «*верит* в массу, в *действие* масс, в законность настроений, в целесообразность методов борьбы массы»⁴.

Современный республиканизм исходит из того, что политические решения масс должны быть основаны на коллективной ответственности⁵. Создание же юридических механизмов подобной ответственности является конституционной задачей. С другой стороны, у народа в целом, как принято считать в США, не может быть политических обязательств.

В чистом виде политические действия масс напоминают местный оркестр, играющий без дирижера и партитуры в городском сквере. Поэтому даже в зрелых демократиях организация массовых политических действий представляет собой сложную задачу, ибо если голосование – это политическая машина, то избиратели и участники

¹ См.: *Arendt H. The Origins of Totalitarianism.* – N.-Y.: A Harvest Book, 1973. – P. 312.

² См.: *Ленин В. Полн. собр. соч. Т. 44.* – С. 498.

³ См.: *Сен-Симон А. Избранные сочинения. Т. 2.* – М.-Л.: Издательство АН СССР, 1948. – С. III.

⁴ См.: *Ленин В. Полн. собр. соч. Т. 20.* – С. 370.

⁵ См.: *Ленк Х. Ответственность в технике, за технику, с помощью техники // Философия техники в ФРГ.* – М.: Прогресс, 1989. – С. 389.

ГЛАВА I

референдумов – не рабочие на конвейере, а совет акционеров. Народоправство всегда намного легче провозгласить, чем сделать по-настоящему эффективным.

Политическая воля масс признавалась в СССР необходимым фактором социалистического производства¹. Однако так утверждала теория, а не практика. В теории предполагалось, что правление масс будет противостоять артикуляции государственности как «самодовлеющей надличностной структуры»². На практике же политическая жизнь в СССР развивалась по классическому тоталитарному сценарию.

Выступая в роли вождя и организатора масс, В. Ленин отдавал себе отчет в том, что демократия означает право общественности свободно устраивать свою жизнь³. Согласно социалистической теории, народовластие должно было заменить собой аппаратное управление общественными делами. Во времена горбачевской перестройки самоуправление трактовалось как самоорганизация, самодеятельность, само-регуляция, самоконтроль, наконец, автономный способ политической жизнедеятельности народа⁴. В государственном праве СССР самоуправление рассматривалось в качестве безусловной моральной и политической ценности, «коллективного дела», которое во многом не совпадает с государственными делами⁵.

В теории самоуправление народа рассматривалось в качестве наилучшего способа лишения бюрократии монополии на принятие значимых решений⁶. В доктринальном смысле самоуправление счита-

¹ См.: Гулиев В. Теоретические вопросы социалистического самоуправления // Советское государство и право, № 2, 1986. – С. 6.

² См.: Мамут Л. Великое открытие в науке о государстве // Советское государство и право, № 3, 1983. – С. 39.

³ См.: Ленин В. Полн. собр. соч. Т. 13. – С. 68.

⁴ См.: Гулиев В. Теоретические вопросы социалистического самоуправления // Советское государство и право, № 2, 1986. – С. 7; Пчелинцева К., Шарафетдинов Н. Теоретические вопросы социалистического самоуправления народа // Советское государство и право, № 7, 1986. – С. 138.

⁵ См.: Масленников В. Трудовой коллектив и его конституционный статус. – М.: Наука, 1984. – С. 101.

⁶ Аналогичным образом воспринимали роль самоуправления в конце 80-х годов XX века В. Гулиев, Б. Лазарев, В. Лазарев, В. Додин, М. Цвик, А. Щиглик, В. Масленников и др. См.: Социалистическое самоуправление: опыт и тенденции развития. – М.: ИПАН, 1986. – С. 161.

ГЛАВА I

лось *высшей* формой управления общественными делами¹, «человеческим фактором» в политике, который должен давить на управляющих снизу, постепенно подталкивая к замене государственных программ социально-экономического и культурного развития – местными².

Как разновидность массовой политической активности самоуправление рассматривалось в узком (местном) и широком (национальном) масштабе. В советском конституционном праве самоуправление – в широком смысле данного понятия – означало признание народом над собой власти лишь собственного объединения³. В наши дни самоуправление доказывает свою эффективность в плюралистическом, колоритном и диверсифицированном обществе, где политические меньшинства научились противостоять большинству, объединенному несправедливыми интересами.

Что же касается массовой политической активности на выборах и референдумах, то ее целесообразно использовать для решения проблем, требующих общенародной оценки. В частности, судьба всех крупных социально-экономических и культурных проектов не должна зависеть исключительно от правительственного усмотрения и планирования. Аппаратное начало следует вообще устранить из всего, что требует живых и неформальных подходов⁴. С другой стороны, мнение масс не должно довлеть над индивидуальными творческими идеями. Массовая активность может быть эффективной лишь там, где речь идет об оценке *доступных* коллективному сознанию тактик и стратегий.

Одной из конституционных гарантий против злоупотребления массовой политической активностью может стать норма о проведении референдумов по народной инициативе за счет средств самообложения граждан. Не существует убедительных аргументов против того, чтобы массы несли ответственность за свои решения в той же

¹ См.: Тихомиров Ю. О природе и системе социалистического самоуправления народа // Социалистическое самоуправление: опыт и тенденции развития. – М.: ИГ-ПАН, 1986. – С. 35.

² См.: Уилсон И. Новая американская тенденция: индивидуализм, плюрализм, децентрализация // Америка, май, 1982. – С. 5.

³ См.: Цвик М. Социалистическая демократия и самоуправление // Советское государство и право, № 4, 1985. – С. 5.

⁴ См.: Хорошилова Т. Застолье // Комсомольская правда, 22 июля, 1984.

степени, что и государство. Если у демократии нет иного хозяина, кроме правил, которые она сама себе установит, то одно из них могло бы предусматривать финансовую верификацию серьезности политических намерений народа.

Ст. 72 Конституции Украины (1996) содержит в себе процессуальные гарантии против злоупотребления референдумами по народной инициативе. Кроме того, согласно ст. 74 Конституции референдум не допускается в отношении законопроектов по вопросам налогов, государственного бюджета и амнистии. В свою очередь, в ст. 125 Конституции Польши (1997) инициация референдума также ограничена специальными процедурными требованиями. В то же время проведение всенародного референдума в Польше и Украине признается обязательным в случае внесения наиболее значительных изменений в конституцию.

1.3.5. Индивидуальная политическая активность

Значение индивидуальной политической активности предопределено общей ролью индивидуального начала в структуре человеческой жизни и судьбы. Его появление и развитие Л. Фейербах считал естественным результатом эволюции видов. Чем ниже вид, тем слабее и незначительнее различие между его составляющими, тем более безлична и малоценна индивидуальность, писал он¹. По мнению Э. Фромма, политическая эволюция тесно связана с развитием человеческого самосознания и индивидуализацией в целом, которая позволила человеку обрести чувство обособленности от других людей. Как резюмировал данную ситуацию Д. Ролз, современная политическая культура требует, чтобы каждый был *индивидуально* ответственным за интерпретацию принципов справедливости и собственное поведение в свете данных принципов².

¹ См.: Фейербах Л. История философии. Собрание произведений в трех томах. Т. 2. – М.: Мысль, 1974. – С. 343.

² См.: Rawls J. A Theory of Justice. – N.-Y.: Oxford University Press, 1973. – P. 390.

ГЛАВА I

В свое время Ф. Шлегель писал о том, что стремление индивидов к личностному обособлению развивается бесконечно и что человек лишь тогда по-настоящему совершенен, когда он неповторим. И по мнению К. Кавелина политическое развитие основывается на *личном духовном развитии*, которое он рекомендовал обязательно учитывать в государственных делах.

Так или иначе, в эволюции человеческого вида индивидуальное начало является определяющим для облика всей социальной среды. Как полагал Н. Бердяев, не среда создает человека, а человек создает окружающую его среду. По мнению же К. Поппера, влияние индивидуального начала на общественные процессы постоянно растет¹. К выводу о том, что прогресс не унифицирует человеческую индивидуальность (если технологии будут подчинены развитию личности), склонялся и Э. Мунье².

У Гегеля всякий образованный, развитый и прогрессирующий индивид хочет быть сам во всем, что он совершает³. Гражданственность также предполагает *личный* кругозор, поэтому человек обычно остается один, если решает быть человеком, подчеркивал А. Зиновьев. В *личном* качестве индивида не заменит и не защитит никто.

В середине XX века Д. Рисмен настаивал на понимании того, что, хотя автономность индивидов определяется во многом тем, обладают ли они собственностью, влияние материального начала в мире постепенно уменьшается. Характер индивида определяется во всё большей степени его досугом, а автономность мышления прямо зависит от необходимости решения творческих задач⁴. Ныне степень личной независимости индивидов определяется не только их отношением к средствам производства. Хотя крайняя нужда делает человека столь же мало зависимым от внешних факторов, как и богатство, исход противостояния индивида и общества зависит также от иных обстоятельств. Если в поединке личности и коллектива побеждает общество, индивид превращается в его функцию. Поэтому людям

¹ См.: Поппер К. Открытое общество и его враги. Т. 2. – М.: Феникс, 1992. – С. 240.

² См.: Мунье Э. Что такое персонализм? – М.: Издательство гуманитарной литературы, 1994. – С. 64, 73.

³ См.: Гегель Г. В. Ф. Философия права. – М.: Мысль, 1990. – С. 155.

⁴ См.: Riesman D. The Lonely Crowd. – N.-Y.: Doubleday Anchor Books, 1953. – P. 285-286, 301.

ГЛАВА I

необходимо постоянно следить за тем, чтобы личность пребывала в статусе «высшей цели»¹.

Совість индивида трудно сочетать с властью организаций и государства в целом, поэтому язык большинства функционеров лишен внутренней правдивости. *Если общество воздействует на индивида сильнее, чем индивид на общество, это приводит к общей деградации культуры*, считал А. Швейцер. В основе цивилизации должно лежать правило о том, что индивид равен массе, подчеркивал Сент-Экзюпери. Согласно С. Лему подлинно человеческое действие также носит индивидуальный характер. Ведь если действовать обязаны все, то лишь немногие смогут по-настоящему достойно ответить на призыв².

М. Шелер считал, что *творческая диссоциация*, а не ассоциация или синтез воплощает в себе основной процесс развития жизни³. По этой причине индивидуализация личности в мире постоянно углубляется, противопоставляя себя давлению средств массовой информации и конформизму в целом⁴. Индивидуализм, утверждал А. Богданов, это именно то, чем наполнена нравственная философия прошлых веков. Индивидуалистическим духом пропитаны были киренская, стоическая и эпикурейская философские школы.

Начатки философии индивидуальности обнаруживаются уже у Протагора, а у Сократа автономный субъект признается главным. Отсюда же берет начало его совет уважать других, как самого себя. Если XVIII век подарил миру декларацию неотчуждаемых прав, то век XIX – сознание неповторимости личности каждого отдельного человека. Сегодня антиномия личностного и общественного начал стала характерным признаком современности. Новоевропейская концепция *гения*, по М. Хайдеггеру закономерным образом отразила в себе метафизическую концепцию человека-субъекта⁵.

¹ См.: Бердяев Н. Русская идея // О России и русской философской культуре. – М.: Наука, 1990. – С. 144.

² См.: Лем С. Не может быть рая на земле // Огонек, № 13, 1989. – С. 27.

³ См.: Шелер М. Положение человека в космосе // Проблема человека в западной философии. – М.: Прогресс, 1988. – С. 42.

⁴ См.: Зэлдин Т. Все о французах. – М.: Прогресс, 1989. – С. 44.

⁵ См.: Хайдеггер М. Время и бытие. – М.: Республика, 1993. – С. 133.

ГЛАВА I

Верховенство личности принято считать главной англосаксонской ценностью, поэтому для Ж. Батая буржуазный индивидуализм закономерен в той же степени, что и феодально-иерархический порядок. Как писал по аналогичному поводу Ч. Беккариа, отдельный человек не жертвует своей свободой ради общего блага. Подобные химеры могут существовать лишь в романах. Человек готов связывать и ограничивать других, себя же он считает центром всех земных притязаний¹.

По мнению Д. Локка, история свидетельствует о том, что большинство людей предпочитают личную выгоду общей... В этом смысле эгоизм является начальной и конечной инстанцией большинства человеческих дел. Не случайно консерватор В. Липинский считал наилучшим политический строй, в котором права народа охраняются по мотивам *эгоизма*, а не любви, справедливости или долга. Как писал по аналогичному поводу В. Розанов: «Мне и одному хорошо, и со всеми. Я не одиночка, и не общественник. Но когда я один – я полный, а когда со всеми – не полный. Одному мне все-таки лучше»².

По мнению Д. Писарева, внедрение принципа эгоизма в отправление публичных функций наилучшим образом способствует осуществлению справедливости. «Чем сильнее работает мысль в этом направлении, тем сознательнее становится стремление к личной выгоде, – тем искуснее и безобиднее производится полюбовное размежевание соприкасающихся интересов, – тем решительнее обнаруживается влияние просвещенного общественного мнения на все распоряжения практической власти, – и, следовательно, тем неотразимее оказывается преобладание великих нравственных принципов над мелкими политическими расчетами. Все эти превосходные результаты достигаются не искоренением эгоизма, а, напротив того, – систематическим превращением всех граждан, с первого до последнего, в совершенно последовательных и правильно рассчитывающих эгоистов»³.

Как писал еще в начале XX века Й. Шлаф, государство может развиваться параллельно с сохранением высшего уровня культуры лишь при условии, что его граждане сохраняют за собой статус автономных

¹ См.: Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях. – М.: Юридическое издательство НКЮ СССР, 1939. – С. 201.

² См.: Розанов В. Уединенное. Т. 2. – М.: Правда, 1990. – С. 229.

³ См.: Писарев Д. Исторические эскизы. – М.: Правда, 1989. – С. 428.

ГЛАВА I

субъектов. Ограничение же личности общим шаблоном будет вести лишь к ослаблению государственного организма¹. У С. де Бовуар социальное начало *служит* индивидуальному началу, а не наоборот. Общественные учреждения и институты она оценивала по их способности содействовать интересам *отдельно взятых* людей.

У П. Новгородцева право и государство освящают именно *индивидуальные* притязания на свободу, пусть даже все они считаются производными от эгоизма и покоятся на его признании. По мнению же К. Кавелина, смешение личных и общественных идеалов ничего, кроме путаницы и хаоса, не дает. Личность вообще не способна быть нравственной, если истинными будут признаваться только общие и отвлеченные законы. Преклонение перед обществом способно развивать общий ум, знания и таланты, однако этого недостаточно для прогресса. Основанное на идеях коллективизма воспитание он называл всего лишь «дрессировкой для общества».

Эгоизм казался О. Уайльду формой психического насилия, однако *индивидуализм* он считал истинным средством раскрытия личности. Так или иначе, психология доказывает, что *жизнь человека пронизывает линия активности, лежащая в основе индивидуальности*². Политические же последствия данной закономерности проявляются в том, что *индивидуалистические общества являются более устойчивыми, способными к обучению и более талантливыми, чем общества недифференцированные*³.

Для анархиста П. Кропоткина *отдельные* люди принципиально лучше любых корпораций и учреждений⁴. К тому же отдельный индивид намного быстрее действует. По мнению Т. Котарбинского, *действовать* в подлинном смысле этого слова могут лишь отдельные личности, индивиды. Известно, что принцип личной ответственности сумел эффективно использовать А. Гитлер. С этой же закономерностью связано конституционное определение масштабов дискреции у глав государств и правительств.

¹ См.: Українське питання в європейськiм освiтленнi. – Вiдeнь: 1905. – С. 8.

² См.: Адлер А. Индивидуальная психология // История зарубежной психологии (30–60-е гг. XX в.). Тексты. – М.: Издательство МГУ, 1986. – С. 136.

³ См.: Гумилев Л. О людях, на нас не похожих // Советская культура, 15 сентября, 1988. – С. 6.

⁴ См.: Кропоткин П. Записки революционера. – М.: Мысль, 1990. – С. 195.

ГЛАВА I

Для К. Юнга отдельный индивид – единственная реальность. Поэтому, если мы отдаляемся от индивида в сторону *общих идей о Homo sapiens*, то впадаем в серьезное заблуждение. Наше время безотлагательно требует освоения знаний об *индивидуальном начале* человека. Ибо слишком многое в высокотехнологичном мире зависит от индивидуальных, личностных качеств.

Г. Гессе испытывал чувство ужаса перед «оргиями коллективизма», а потому считал смерть для себя более предпочтительной, чем жизнь при коммунистической или фашистской диктатуре¹. Человеческий род способен прогрессировать лишь в индивидуальном качестве, поэтому все установления, препятствующие индивидуальному развитию, являются вредными для его роста².

Политическая эволюция требует разнообразия и индивидуализации, а потому бегство предпринимателей в картели, равно как и массовое стремление индивидов найти себе защиту и покровительство в профсоюзах Л. Эрхард называл порочными и извращенными устремлениями. Даже сам по себе способ выражать мысли общими понятиями он считал *дурной привычкой* нашего времени.

По мнению Х. Ролстона III, все более широкое признание личного достоинства индивида необходимо принять в качестве общемировой исторической тенденции. Первоначально это расширение охватывало лишь иностранцев, бродяг и детей, однако затем было экстраполировано также на чернокожих, евреев, рабов, женщин, заключенных, стариков, душевнобольных и даже плод в утробе матери³. Не случайно исторический Христос был настроен против всех унылых и тупых механистических систем, где люди уподобляются неодушевленным предметам, с которыми следует обращаться одинаково⁴.

С другой стороны, исходя из политической потребности, индивидуальные чувства должны пребывать в относительной гармонии с чувствами других людей⁵. Это необходимо, во-первых, потому, что для

¹ См.: Гессе Г. Дамиан // Иностранная литература, № 5, 1993. – С. 109.

² См.: Гумбольдт В. фон. Язык и философия культуры. – М.: Прогресс, 1985. – С. 59.

³ См.: Х. Ролстон III Существует ли экологическая этика // Глобальные проблемы и общечеловеческие ценности. – М.: Прогресс, 1990. – С. 273.

⁴ См.: Уайльд О. Избранные произведения. В 2-х т. Т. 2. – М.: Республика, 1993. – С. 441.

⁵ См.: Милль Д. С. Утилитаризм. О свободе. – СПб., 1900. – С. 140-141.

ГЛАВА I

защиты индивидуальных ценностей требуются *все* люди. Во-вторых, самое страшное, что может случиться с автономным индивидом – это оставаться в тюрьме, позабытым всеми¹. Обладание *личными* правами обязательно предполагает наличие общества и социальных институтов. Как писал в свое время Аристотель, «гражданин, говорим мы, находится в таком же отношении к государству, в каком моряк на судне – к остальному экипажу»².

По мнению Х. Плеснера, всякий индивид может быть представлен в виде трехчленной структуры. Живое в ней – тело, в теле есть душа или внутренняя жизнь. Наконец, существует точка зрения вне тела, пребывая в которой индивид имеет возможность созерцать как первое, так и второе. Соблюдение всех вышеуказанных условий позволяет индивиду называться *личностью* (person)³.

В развитом состоянии **Я** индивида способно отчетливо сознавать свою тесную связь с остальным миром. «Разве наш дух или самость, или как можно его еще назвать, – спрашивал Л. Фейербах, – есть какое-то ничто, находящееся вне мира и движущееся в ничто? Разве сотканное нашим мозгом не имеет внутренней связи с великой тканью Вселенной? Разве именно в глубине нашей субъективности мы не свободны от границ субъективности? И не является ли дух самой сокровенной глубиной Вселенной? Не находимся ли мы в каждом акте жизнедеятельности в один и тот же момент в себе самих и вместе с тем вне нас? Разве во внешнем мире мы не в себе самих, в нашем внутреннем мире – в то же время не в реальном мире?»⁴.

А. Сахаров по аналогичному поводу писал: «Я думаю, что есть какой-то внутренний смысл в существовании Вселенной. Я... пантеист, наверное... или нет. Это что-то другое. Но внутренний смысл, нематериальный у Вселенной должен быть. Без этого скучно жить... Господь Бог – просто синоним природы. Думаю, что не надо место че-

¹ См.: Шлезингер А. Циклы американской истории. – М.: Прогресс, 1992. – С. 159.

² См.: Аристотель. Сочинения: В 4-х т. Т. 4. – М.: Мысль, 1983. – С. 449.

³ См.: Плеснер Х. Ступени органического человека // Проблема человека в западной философии. – М.: Прогресс, 1988. – С. 127.

⁴ См.: Фейербах Л. История философии. Собрание произведений в трех томах. Т. 2. – М.: Мысль, 1974. – С. 31.

ГЛАВА I

ловека толковать антропоцентристки. Может или не может он стоять в центре Вселенной – человек сам должен доказать в дальнейшем»¹.

В свою очередь, Г. Моска различал в политической истории человечества две тенденции: аристократическую и демократическую. При этом ни одна из них не ведет к правлению масс, «поскольку это невозможно». Его коллега В. Парето также был твердо убежден в том, что люди всегда управляются немногочисленными избранными элитами².

По мнению А. Богданова, индивидуальная политическая активность является производной не только от общественной потребности в иерархии, но также и от присущего человеческому виду «боевого отношения к среде». Впрочем, еще до него Б. Чичерин высказал мысль о том, что «сложный и искусственный» конституционный порядок требует употребления таких индивидуально утонченных способностей и дарований, которые «не составляют отличительного признака демократии»³.

Работать по-настоящему творчески способна одна элита, ибо «глубокие изменения происходят только в индивидах и через индивидов»⁴. У Ж.-Ж. Руссо политическая власть нуждается в *индивидуальных* усилиях, ибо лишь в руках персонально определенного правителя политическая воля народа обретает шанс раскрыть свои максимальные возможности.

Как утверждал П. Сорокин, после научных исследований Д. Брайса, М. Острогорского, Г. Моска, Р. Митчела, П. Кропоткина, Г. Сореля, В. Парето, Д. Стивена, Г. Мэна и Ч. Мерриама нам следует признать, что количество людей, по-настоящему интересующихся политикой, невелико и будет оставаться таким всегда. Продуктивной в политическом процессе является лишь незначительная часть его участников. В силу своей природы политика не требует значительных духовных усилий и досуга народа, она вообще не является занятием большин-

¹ См.: Сахаров А. Вспышка во мраке // Новое время, № 21, 1991. – С. 41.

² См.: Pareto V. The Rise and Fall of the Elites. – USA: Bedminster Press, 1968. – P. 36. Слово *элита* происходит от греческого корня, означающего *избирать*. Таким образом, *элиты* – это те немногие, кто «способен сортировать других». См.: Дебре Р. Интеллектуальная влада у Франції. – К.: Дух і літера, 2008. – С. 204.

³ См.: Чичерин Б. О народном представительстве. – М.: 1899. – С. 205.

⁴ См.: Хиггинс Р. Седьмой враг // Глобальные проблемы и общечеловеческие ценности. – М.: Прогресс, 1990. – С. 72.

ГЛАВА I

ства. Более того, чем шире распространяется политическая активность, тем более узким становится ее духовное пространство¹.

В основе формирования профессиональных качеств политического руководителя лежит борьба за *личное* распознавание и престиж, считал Г. Моска². Закономерно, что постепенно обособившиеся от масс политические лидеры впоследствии формируют правящий класс, обладающий групповым духом³. Следуя данной схеме, правительственная бюрократия становится с течением времени замкнутой корпорацией.

Таким образом, политический истеблишмент состоит из персонально различимых индивидов. Активность политических лидеров представляет собой борьбу за личный авторитет и позицию. Данная цель является определяющей также и для вспомогательных политических институтов. Таким образом, *социальные* (широкие) цели обеспечиваются в политическом процессе не прямо, а опосредованно, подобно тому, как производство товаров является косвенным фактором в производстве прибыли⁴.

Все это говорит о том, что *в элитах политический интерес представлен частным интересом, а лидеры служат удовлетворению потребностей своих сограждан тем более тщательно и пунктуально, чем более точно их позиция в структуре политического поля совпадает с позицией их доверителей в структуре социального поля*⁵.

По определению М. Хайдеггера, *руководящие натуры* – это все те, кто в силу безошибочности своей интуиции позволили свершиться тому, чтобы политический процесс уполномочил их действовать в качестве управляющих субъектов. «Они – ведущие уполномоченные внутри деловой операции исчерпывающего потребления сущего на службе обеспечения пустоты бытийной оставленности»⁶. Их тайное

¹ См.: Солженицын А. Как нам обустроить Россию // Литературная газета, 18 сентября, 1990. – С. 5.

² См.: Mosca G. The Ruling Class. – USA: Greenwood Press, 1980. – P. 30.

³ Там же. – С. 68.

⁴ См.: Schumpeter J. Capitalism, Socialism and Democracy. – London: George Allen, 1976. – P. 282.

⁵ См.: Бурдые П. Социология политики. – М.: Socio-Logos, 1993. – С. 135, 196.

⁶ См.: Хайдеггер М. Время и бытие. – М.: Республика, 1993. – С. 190.

ГЛАВА I

подсознательное желание – как можно чаще слышать от окружающих: вы знаете, что вы незаменимы¹.

На историческом материале древнего Египта, Китая и Византии исследователи пришли к выводу, что в периоды централизации и концентрации политической власти в любой стране параллельно происходит унификация, институционализация и рационализация действий государственной машины и бюрократии в целом². В наши дни бюрократическим идеалом принято считать «бюрократию по Веберу», которую характеризуют прежде всего такие свойства: руководство официальными делами осуществляется неизменными методами; принимаемые решения опираются на комплекс норм и принципов, которыми определяются обязанности каждого функционера; власть и ответственность чиновника составляют небольшую часть иерархии власти и являются производными от данной иерархии; средства осуществления власти являются собственностью организации, а не собственностью ее отдельных функционеров (последние обязаны отчитываться за применение данных средств); места и должности не являются собственностью тех, кто их занимает, и не могут быть объектом продажи, дарения или завещания; функционирование бюрократической организации построено на циркуляции документов³.

Однако индивидуальная политическая активность не ограничивается одними лишь государственно-бюрократическими должностями. На самом деле она является чрезвычайно разнообразной по своему субъектному составу. Как считал Ж.-Ф. Ревель, в мире существуют два основных вида политических элит: а) антидемократические, самовоспроизводящиеся элиты; б) меритократия таланта, элиты, выделившиеся в соревновании и на экзаменах. В свою очередь, В. Парето подразделял политические элиты на «лис» и «львов»⁴. По наблюдению же В. Розанова, большинство думских депутатов в России имело однотипную «лошадиную породу». Социолог Т. Заславская различа-

¹ См.: *Milosz C. The Seizure of Power.* – N.-Y.: Farrar, Straus, Giroux, 1982. – P. 127.

² См.: *Медушевский А.* Реформы Петра Великого в сравнительно-исторической перспективе // Вестник высшей школы, № 2, 1990. – С. 84.

³ Организованная бюрократия – это группа людей, «способных передавать и выполнять приказания с ритуалистической незамедлительностью жреца и бездушным послушанием солдата». См.: *Мамфорд Л.* Миф машины. Техника в развитии человечества. – М.: Логос, 2001. – С. 263.

⁴ См.: *Pareto V. The Rise and Fall of the Elites.* – USA: Bedminster Press, 1968. – P. 8.

ГЛАВА I

ла политические элиты по способу их проникновения в правящий класс: а) на основе обучения и завоеванного успеха; б) через замкнутые группировки с круговой порукой.

Индивидуальные политические способности обычно приписывают представителям истеблишмента. Для Т. Гоббса *политические служители* – это лица, которым суверен доверил определенный круг дел, поручив при этом представлять лицо государства¹. Анализируя профессиональные характеристики первичных политических элит, С. Токарев выделял среди них предводителей, колдунов и членов тайных союзов². У П.-А. Гольбаха первыми индивидуально определенными политиками считаются государи, вожди, законодатели, монархи, уполномоченные и представители.

Для Р. Арона *вожаки масс* – это секретари профсоюзов, лидеры партий, парламентарии, местные депутаты, государственные служащие, директора предприятий, представители интеллигенции, авторитет которых высок. Другие авторы выделяют в аналогичном качестве членов и функционеров любых организаций, наделенных *исключительными полномочиями*³.

Т. Заславская различала в управленческой элите СССР политических руководителей общества и ответственных работников аппарата государственного управления. Политическими руководителями общества, по ее мнению, были члены и кандидаты в члены ЦК КПСС, депутаты Верховного Совета СССР, руководители союзных министерств и ведомств, высший генералитет советской армии, крупнейшие дипломаты, партийные и государственные руководители республик, областей, крупных городов и другие лица аналогичного ранга⁴.

¹ См.: Гоббс Т. Левиафан. – М.: Издательство социально-экономической литературы, 1936. – С. 192.

² См.: Токарев С. Религия в истории народов мира. – М.: Политиздат, 1986. – С. 76-77.

³ См.: Весоловский В. Классы, слои и власть. – М.: Прогресс, 1981. – С. 50-51. Разрушение бюрократического этикета означает превращение *патриотического достоинства в бюрократическое высокомерие*. Постепенно «спесивость, окаменелость лица, отсутствие улыбки, непререкаемый тон» становятся признаками функционера высокого ранга. См.: Костилов В. Блеск и нищета номенклатуры // Огонек, № 1, 1989. – С. 15.

⁴ См.: Заславская Т. О стратегии социального управления перестройкой // Иного не дано. – М.: Прогресс, 1988. – С. 17, 31.

ГЛАВА I

Профессиональная политическая деятельность редко оценивается сведущими людьми как синекура. Сократ считал политику трудным делом, поскольку люди, посвятившие себя ей, долго не живут. А. Моруа писал о врожденном политическом честолюбии как о моральной неспособности прощать¹, а Аристотель усматривал в политическом гении присутствие *дейноса* – особой черты, скрывающей в себе нечто зловещее².

Г. Моска писал о том, что у политических реформаторов цель всегда оправдывает средства, а М. Шлемкевич – о том, что высшие должности допускают изъятия из принципа порядочности, поскольку к герою и революционеру закон в его полной суровости неприменим³. Примечательно, что и у М. Вебера *плебисцитарная демократия* *вождя* предполагает право силы, игнорирующее мораль⁴. Перед гениальным политиком, писал Б. Чичерин, народы склоняются безмолвно. И лишь тогда возвращается к ним самостоятельность суждения, когда роковые события позволяют убедиться в слабости кумира.

По мнению А. Шлезингера, вожди действительно способны повернуть ход исторических событий к лучшему или к худшему. Ибо *политический тип личности* (как у Христа) «путем чтения в себе самом» (Т. Гоббс) способен познавать не только отдельного человека, но и человеческий род в целом⁵. По мнению К. Ясперса, Александру Македонскому, Цезарю и Наполеону были присущи инстинктивное понимание реальности, память, уникальная трудоспособность и уверенность в достижении цели, чем и оправдывается их прижизненное возвеличение.

Возможно, политический гений совмещает в себе также мужское и женское начало, как бы балансируя между ними. Ранние короли были одновременно правителями, священниками, философами, мудрецами и реформаторами, что само по себе закономерно. Подобные люди не являются марионетками классов или законов истории. Их деятель-

¹ См.: Моруа А. Жизнь Дизраэли. – М.: Политиздат, 1991. – С. 10.

² См.: Гадамер Х.-Г. Истина и метод. – М.: Прогресс, 1988. – С. 382.

³ См.: Шлемкевич М. Загублена українська людина. – Н.-У., 1954. – С. 73.

⁴ См.: Шпакова Р. Легитимность политической власти: М. Вебер и современность // Советское государство и право, № 3, 1990. – С. 138.

⁵ См.: Мидлер А. Академия для депутата // Вестник высшей школы, № 4, 1990. – С. 74-78.

ГЛАВА I

ность, напротив, обладает реальной способностью ускорять или замедлять социальный прогресс¹. При этом, как писал Ф. Дайсон, прирожденные политические лидеры способны руководить обществом, не обращаясь к услугам науки.

К.-А. Гельвеций верил в действенность индивидуальной харизмы, без которой политику не удастся своевременно распознать признаки социальной деградации и упадка. С другой стороны, именно дальновидного политика могут понимать превратно. Гении – это всегда новаторы. В свою очередь, гениальность часто сопровождается политическими качествами². Как писал по аналогичному поводу К.-А. Гельвеций, одаренный умом человек редко остается простым гражданином, гораздо чаще он становится государственным мужем³. Т. Кампанелла также связывал обладание высшими политическими должностями с экстраординарными способностями. К числу последних он относил не... «рабскую память и труд», а интеллектуальную гибкость, эмоциональную восприимчивость и умение постигать суть вещей⁴.

Политической харизмой обычно называют врожденную способность личности «излучать власть», добываясь при этом от окружающих повиновения без приказов, угроз или подкупа. Харизматические личности – это *высокоразвитые индивиды*, уже сам внешний облик которых красноречив. Харизматических индивидов, хотя и не достигших высшей степени совершенства, можно обнаружить на разных образовательных уровнях, среди представителей всех профессий и культур⁵. Как считал З. Фрейд, лишь благодаря харизматическому влиянию *образцовых индивидов* стало возможным склонить людей к напряженному и самоотверженному труду, от которого зависит прогресс и само существование культуры.

Политика действительно нуждается в людях особых качеств. Эти люди выделяются не богатством, образованием или особым поведением, а общим духовным настроем и политическими чувствами

¹ См.: Бовин А. Вожди и массы // Новое время, № 19, 1988. – С. 26-27.

² См.: Russell B. Authority and the Individual. – N.-Y.: Simon and Shuster, 1949. – P. 27-28.

³ См.: Гельвеций К.-А. Сочинения в двух томах. Т.1. – М.: Мысль, 1973. – С. 266.

⁴ См.: Кампанелла Т. Город Солнца. – М.: Издательство АН СССР, 1954. – С. 52-53.

⁵ См.: Фромм Э. Иметь или быть. – М.: Прогресс, 1986. – С. 67.

ГЛАВА I

(чутьём). По мнению В. Соловьева, степень политического влияния определяется *внутренним достоинством* человека. Чтобы стать президентом, писала юная М. Башкирцева, недостаточно иметь талант, необходимо обладать еще и особым темпераментом¹. Лишь человек, который обладает способностью предвидеть будущее, может действовать, согласно Аристотелю, как властитель и господин.

Убеждение в том, что доступ к политическим постам и должностям должен быть открыт для всех достойных, независимо от их происхождения и статуса, является сегодня традиционным. Ныне многие люди верят в то, что политическая роль и ценность личности определяются ее индивидуальными способностями². По этой же причине поиск и подготовка политической элиты считается трудной задачей. С другой стороны, некоторые люди считают, что будущего политика способна выявить простая система отбора³.

По мнению С. Моэма, для управления страной требуется особый талант, не совпадающий с общей талантливостью⁴. Как считал Сен-Симон, политические функции должны возлагаться на выдающихся людей науки, искусства и промышленности. Наоборот, у Лао-Цзы к правителю предъявляется лишь одно требование: он должен любить свой народ, пребывая в относительной бездеятельности⁵.

Р. Арон писал о том, что чиновник и политический деятель соотносятся между собой как профессионал и дилетант. Более того, в политике признается закономерным то, чтобы профессионалами управляли дилетанты. Политик не должен быть экспертом в той области, за которую он отвечает. Более существенными для него остаются общая культура и ум. Как считал В. Липинский, политик, как и «куртизан», не нуждается в профессиональной подготовке. Главное для него –

¹ См.: Башкирцева М. Дневник. – М.: Молодая гвардия, 1991. – С. 206.

² См.: Ануфриев Б. Социальный статус и активность личности. – М.: Издательство МГУ, 1984. – С. 201.

³ Как писал Д. Сартори, характерной чертой нашего времени является настоящий разрыв между *know-how*, которое известно людям, не принимающим политических решений, и любительским уровнем понимания подобных проблем лицами, принимающими политические решения. См.: Sartori G. *Democratic Theory*. Westport: Greenwood Press, 1973. – P. 405.

⁴ См.: Моэм С. Подводя итоги. – М.: Издательство иностранной литературы, 1957. – С. 15.

⁵ См.: Токарев С. Религия в истории народов мира. – М.: Политиздат, 1986. – С. 41.

ГЛАВА I

сильный ум и умение нравиться окружающим. С точки же зрения Г. Честертона, государственный деятель – это человек, готовый отстаивать интересы своей страны в ущерб другим странам. Если же некто пытается вовлечь государство в международный союз, то он не политик, а крестоносец.

Политический лидер должен отыскивать и привлекать к своему делу мужчин и женщин, обладающих способностью преодолевать любые испытания и препятствия. Даже совершая очевидные ошибки, Ф. Рузвельт не утрачивал своего политического авторитета. Его избиратели верили в то, что сердце президента на правильном пути, он пытался...¹

В книге «Профили мужества» Дж. Кеннеди следующим образом описывает политические качества сенатора С. Хьюстона: «Он был попеременно то великодушным, то злопамятным, нежным и вместе с тем жестоким, эксцентричным; застенчивым, верным своему обещанию и вместе с тем оппортунистом. Но все противоречия, заложенные в характере Сэма Хьюстона, практически подтверждали его единственное, постоянно присущее ему качество: неукротимый индивидуализм, подчас таинственный, но неизменно мужественный»².

П. Нунен писала о Р. Рейгане, спичрайтером для которого она работала: «Вот он за своим столом, поворачивается ко мне – крупный, высокого роста, лучащийся приветливостью человек, одетый в безупречный костюм, кожа лица мягкая, розовая, гладкая. Он встретился со мной взглядом и подмигнул. <...> Он подошел ко мне и взял меня за руку. Нет ничего более странного, но это правда – в его присутствии невозможно не чувствовать себя спокойно. Он ведет себя так, как будто ему здорово повезло, что он встретился с вами»³.

В романе Г. Видала «1876» содержится примечательная характеристика: «Грант (генерал У. Грант, 18-й президент США. – В. Р.) – сплошная загадка. Всегда обиженное лицо и в то же время уверенный голос, быстрые, умные глаза, одновременно притягивающие и отталкиваю-

¹ См.: Murray E. The Symbolic Uses of Politics. – Chicago: University of Illinois Press, 1985. – P. 78.

² См.: Кеннеди Дж. Профили мужества. – М.: Международные отношения, 2005. – С. 120.

³ См.: Нунен П. Я писала речи президенту // За рубежом, № 39, 1990. – С. 18.

ГЛАВА I

щие, – несомненная печать военного гения, который почему-то не превратился в политический, как должно было произойти»¹.

В свою очередь, Д. Рокфеллер следующим образом вспоминает о Ла Гардии (мэр Нью-Йорка. – В. Р.): «Каким-то чудом ему всегда удавалось идеально подладить свою речь под аудиторию. И он был искренен, но не так, как большинство политиков. Его искренность была не на продажу. Ла Гардия был страстным, и его энергия передавалась всем»². В книге воспоминаний Э. Лимонов делится своими впечатлениями о международном авантюристе Б. Денаре: «Старик Денар – профессиональный соблазнитель. Он больше, чем солдат. Его легенда действует на мальчишек и не мальчишек... Здоровые мужики готовы бросить семью, детей и идти за ним, куда угодно. Меня он соблазнил тоже. От него пахнет авантюрой, приключением, он персонаж книг, которые мы читали в детстве»³.

Отсутствие харизмы также всегда заметно. Как вспоминает М. Кшесинская о Николае II: «Для меня было ясно, что у Наследника не было чего-то, что нужно, чтобы царствовать. Нельзя сказать, что он был бесхарактерен. Нет, у него был характер, но не было чего-то, чтобы заставить других подчиниться своей воле. Первый его импульс был всегда правильным, но он не умел настаивать на своем и очень часто уступал»⁴. Еще раньше П. Кропоткин писал об Александре II как о человеке, который обладал храбростью солдата, но был лишен мужества государственного деятеля⁵.

О политической недостаточности Ж. Буланже биограф французских импрессионистов А. Перрюшо писал: «На Елисейский дворец! Да здравствует Буланже! Но вождь, этот самец, разбудивший женский инстинкт толпы, тот, кто посеял все это безумие, оказался на поверку чем-то вроде опереточного героя»⁶. Фальшивой харизмой обладал, судя по всему, и президент Украины В. Ющенко, за годы правления которого первоначальная экзальтация и политический энтузиазм электората сменились глубоким разочарованием.

¹ См.: Видал Г. 1876 // Иностранная литература, № 5, 1986. – С. 108-109.

² См.: Рокфеллер Д. Мемуари. – К.: Юніверс, 2009. – С. 123.

³ См.: Лимонов Э. Дети гламурного рая. – М.: Альпина нон-фикшн, 2008. – С. 245.

⁴ См.: Кшесинская М. Воспоминания. – М.: Издательство АРТ, 1992. – С. 54.

⁵ См.: Кропоткин П. Записки революционера. – М.: Мысль, 1990. – С. 409.

⁶ См.: Перрюшо А. Жизнь Сёра. – М.: Радуга, 1992. – С. 192.

ГЛАВА I

Примечательно, что по-настоящему харизматическим политикам может быть присущ подсознательный патернализм. В одном из своих писем к Ф. Кастро Н. Хрущев отмечает: «Мы, политические и государственные деятели, являемся руководителями народа, который не все знает и не может сразу охватить все то, что должны постигать руководители. Поэтому мы обязаны вести за собой народ, тогда народ пойдет за нами и будет уважать нас»¹.

Как известно, у Платона государством должны править философы. И у Аристотеля способность к рассудительности образует профессиональный признак доброго правителя. А. Уайтхед и К.-А. Гельвеций соглашались с Платоном, причем второй из них подчеркивал, что политики-философы мыслят широко, не образуют замкнутых корпораций и не имеют склонности руководствоваться личными предпочтениями. По мнению же А. Кожева, склонность философов к диалектике позволяет им быстрее избавляться от вредных предрассудков. В отличие от профанов, философы готовы к любым вызовам реальности, что позволяет им ближе других подойти к конкретному. Наоборот, профаны витают в абстракциях, не осознавая их ирреального характера².

Отдавая должное интеллекту, М. Льоса рекомендовал осмысливать политические проблемы с культурных и этических позиций³, а Д. Брайс доказывал, что политика нуждается в умных людях не меньше, чем в справедливости⁴.

М. Борн верил в то, что для занятия политикой подходят ученые, потому что они не догматичны и лучше подготовлены к обсуждению трудных вопросов, чем люди неискушенные в праве, классических языках и литературе. В свою очередь, Р. Арон связывал политическую способность с умением «не всегда... говорить правду»⁵.

По мнению Т. Гоббса, искусство создания и сохранения государств может быть основано, подобно арифметике и геометрии, на соблюдении известных правил. Для уяснения подобных правил обычным

¹ См.: Голос України, 5 квітня, 1991. – С. 10.

² См.: Кожев А. Атеизм и другие работы. – М.: Праксис, 2006. – С. 342.

³ См.: Льоса М. Теперь я знаю, что я всего лишь писатель // За рубежом, № 52, 1991. – С. 23.

⁴ См.: Bryce J. Modern Democracies. Vol. 2. – London: Macmillan, 1921. – P. 603.

⁵ См.: Арон Р. Демократия и тоталитаризм. – М.: Текст, 1993. – С. 282.

ГЛАВА I

людям не хватает досуга, любознательности и метода. Поэтому профессиональная политика является предметом особых способностей и призвания. В свою очередь, в России В. Одоевский мечтал о создании «училища государственных людей», в которое могли бы поступать «отличнейшие ученики» из других заведений¹. Примечательно, что в советской публицистике вместо поиска талантливых индивидов предлагалось *воспитывать и выращивать* государственных деятелей из обычной социальной среды².

Говоря о врожденных и благоприобретенных признаках политической элиты, Г. Честертон особенно выделял «благодушие и вежливость». Оксфорд для политиков, писал он, необходим не только в качестве источника знаний и мировоззрения, но также в качестве гарантии против превращения лидеров в специалистов и тиранов³. О политической значимости воспитания и благородных манер писала, ссылаясь на авторитет английской королевы-матери, М. Фарроу⁴.

Для многих правление современных элит – это правление интеллигенции. Цивилизацию может постигнуть лишь тот, кто сам цивилизован, считал А. Уайтхед. Подобное требование выглядит вполне закономерным, ибо в большинстве случаев уровень образованности определяет уровень политических решений⁵. По свидетельству Н. Берберовой, в среде русской эмиграции начала XX века во Франции популярностью пользовалась идея о том, что политика – это занятие не для дилетантов, ибо дилетанты – плохие идеологи, а без идеологии современная политика невозможна⁶.

По мнению Гегеля, «деятельность государства связана с индивидами, однако они правомочны вести дела государства не в силу своего природного бытия, а в силу своих объективных качеств. Способность, умение, характер относятся к особенностям индивида: он должен

¹ См.: Русская литературная утопия. – М.: Издательство МГУ, 1986. – С. 116.

² См.: Ануфриев Б. Социальный статус и активность личности. – М.: Издательство МГУ, 1984. – С. 64.

³ Чем более оригинальным является индивид, чем он экстравагантнее, тем более изощренными становятся его требования к окружению. См.: Каныгин Ю. Основы когнитивного обществознания. – К., 1993. – С. 119.

⁴ Farrow M. What Falls Away. – USA: Bantam Books, 1997. – P. 151-152.

⁵ См.: Почему у нас мало по-настоящему образованных людей // Литературная газета, 13 мая, 1987. – С. 12.

⁶ См.: Берберова Н. Железная женщина. – М.: Книжная палата, 1991. – С. 50.

ГЛАВА I

получить соответствующее воспитание и подготовку к особенному делу»¹. З. Фрейд относил управление государством к тем *немыслимым профессиям*, для которых любой результат принято считать неудовлетворительным, а у А. Шлезингера «самая страшная угроза для человечества» исходит от политиков, которые претендуют на непосредственное исполнение велений Бога и истории².

Современные требования к профессиональным политикам весьма различны. М. Вебер считал, что политику необходимы неподдельная страсть, развитое чувство ответственности и точный глазомер³, а Б. Чичерин полагал, что политический лидер нуждается в высшем самосознании и единстве воли. Р. Медведев писал об умении профессионального политика бороться за власть и влияние⁴, а А. Уайтхед – о его таланте *не быть* неизменной личностью с фиксированными обязанностями.

Дж. Кеннеди считал, что политические проблемы не могут решаться циниками, горизонт которых ограничен⁵, а К. Медичи был уверен в том, что управлять государством недопустимо с *четками* в руках. П. Шлютер высказывался против назначения пессимистов на руководящие посты⁶, а А. Уайтхед – против политиков-скептиков, равно как и против безудержных почитателей свободы. В. Гавел был убежден в том, что политик способен потерять связь с миром из-за потери им веры в самого себя⁷, а О. Уэллс опасался политического фанатизма, которому присуще унифицировать личность⁸.

А. Богданов призывал извлекать выгоду не только из достоинств, но и из недостатков личности политика. По аналогичному поводу В. Ленин однажды заметил, что «более всего было бы нежелательным, если бы <...> наркомат был составлен по одному шаблону, допустим, из типа людей характера чиновников, или с исключением людей ха-

¹ См.: Гегель Г. В. Ф. *Философия права*. – М.: Мысль, 1990. – С. 317.

² См.: Шлезингер А. *Циклы американской истории*. – М.: Прогресс, 1992. – С. 613, 618.

³ См.: Вебер М. *Избранные произведения*. – М.: Прогресс, 1990. – С. 690.

⁴ См.: Медведев Р. О Сталине и сталинизме // *Знамя*, № 1, 1989. – С. 179.

⁵ См.: Вайнцивайг П. *Десять заповедей творческой личности*. – М.: Прогресс, 1990. – С. 36.

⁶ См.: Шлютер П. В поисках начала круга // *Огонек*, № 6, 1989. – С. 14-15.

⁷ См.: Havel V. *Open Letters*. – N.-Y.: Vintage Books, 1992. – P. 233.

⁸ См.: Уэллс О. Уэллс об Уэллсе. – М.: Радуга, 1990. – С. 37.

ГЛАВА I

рактера агитаторов, или с исключением людей, отличительным свойством которых является общительность или способность проникать в круги, не особенно обычные для такого рода работников»¹.

Изложенное выше свидетельствует о том, что поиск политических профессионалов высшего ранга не может быть основан на простой тестовой системе, ибо для политического лидера существенными являются не столько конкретные способности, сколько способ их сочетания, комбинация человеческих качеств. А. Битов однажды заметил, что самые лучшие режиссеры получаются из людей многосторонне, но умеренно одаренных. Хороший режиссер – это сценарист, актер, костюмер и осветитель одновременно. Можно предположить, что и в политической режиссуре добиться успеха имеет шанс гармоничная «посредственность».

В автобиографии С. Моэма содержится любопытное признание архиепископа Д. Тиллотсона: «Мы должны радоваться, когда те, кто пригоден управлять страной, будучи к этому призваны, соглашаются возложить на себя это бремя; более того, мы должны быть им глубоко признательны за то, что они согласны и что у них хватает терпения управлять и жить на виду. Посему надо считать большим счастьем для мира, что некоторые люди как бы рождены для этого и что привычка делает для них этот труд легким или, по крайности, выносимым...»².

Б. Данэм писал в свое время о том, что бремя лидера является обычно весьма тяжелым, а риск, который он несет, настолько большим, что просто удивительно, как в наше время еще находятся люди, готовые взять на себя подобную ответственность. Замечено также, что политическая власть нередко достается людям, у которых она уже частично имеется. Как говорил по этому поводу Д. Дьюи, когда возникает потребность в выдвижении личности на роль политического лидера, люди склонны останавливать свой выбор на тех, кто уже и так выдвинулся – не важно, по какой причине³. По мнению же С. де Бовуар, политические правители – это те, кто рискнул взвалить на свои плечи всю тяжесть мира. Кто-то из них несет свою ношу уверенно,

¹ См.: Ленин В. Полн. собр. соч. Т. 45. – С. 396.

² См.: Моэм С. Подводя итоги. – М.: Высшая школа, 1991. – С. 171.

³ См.: Дьюи Д. Общество и его проблемы. – М.: Идея-пресс, 2002. – С. 59.

ГЛАВА I

кто-то должным образом не подумал, но наиболее важным является то, что они согласились возложить на себя подобное бремя¹.

Индивидуальная политическая активность обычно характеризуется своим собственным стилем и ритмом, который может быть внешне почти незаметен. Как писала по этому поводу К. Палья, «погоня за удовольствиями уместна на частных празднествах, а не в сердце державы. <...> Чем более размеренна, лишена воображения и скучна будничная жизнь президентов, <...> тем лучше для нас, и мы им за это премного благодарны»².

Хотя большинство политических руководителей являются выходцами из привилегированных слоев (это касается также левых и массовых партий), от них требуется «особый психологический профиль». Политикам нужны крепкие нервы, терпимость, врожденное безразличие к оскорблениям, лжи и клевете, умение принимать решения и принуждать других к выполнению своих обязательств, а также настойчивость в преодолении препятствий. Кроме того, профессиональным политикам необходимо крепкое здоровье, ибо политическая деятельность... *утомительна*³. Не удивительно, что политические элиты являются высокооплачиваемыми. Как писал по этому поводу В. Парето, высшим способностям должны предоставляться и высшие преимущества.

В целом, индивидуальная политическая активность не лишена известной парадоксальности. Во-первых, политическая деятельность – это всегда «теракт по отношению к установившимся канонам» (Л. Улицкая)⁴. Во-вторых, политическая власть попадает обычно в руки наиболее проникательных, но не особенно разборчивых в средствах людей. И если на одну чашу весов бросить вред, причиняемый их политическим плутовством, а на другую – выгоды от их политической прозорливости, то может случиться так, что больше несчастий обществу принесут честные глупцы, а не умные мошенники⁵.

¹ См.: Бовуар С. де. Другая статья. Т. 2. – К.: Основы, 1995. – С. 370.

² См.: Палья К. Личины сексуальности. – Екатеринбург: У-Фактория, 2006. – С. 168-169.

³ См.: Денкэн Ж.-М. Политическая наука. – М.: МНЭПУ, 1993. – С. 97.

⁴ См.: Улицкая Л. Даниэль Штайн, переводчик. – М.: ЭКСМО, 2007. – С. 217.

⁵ См.: Фрэзер Д. Золотая ветвь. – М.: Политиздат, 1980. – С. 58.

ГЛАВА I

Профессиональные функции политических лидеров помогают осуществлять их советники (эксперты). История сохранила имена наиболее выдающихся представителей этой среды. Короли Франции пользовались неоценимыми услугами кардинала Ришелье, Мазарини и министра Тюрго. Генрих VIII правил с помощью Т. Уолсли (Вулси), Яков I (Джеймс) – с помощью Ф. Бэкона, а О. Кромвель – Д. Мильтона¹.

Подлинно гениальные люди редко становились профессиональными политиками, исключением был разве что Ганди. По мнению же К.-А. Гельвеция, питать иллюзии относительно положительных личностных качеств политиков может лишь наивный. Часто люди управляются «наиболее глупыми» из их среды. Нравственный и умственный уровень политических лидеров редко превосходит средний уровень². Более того, М. Бакунин был в свое время уверен в том, что в правящих кругах преобладают посредственность, порок и насилие³.

Как считал К.-А. Гельвеций, для профессионального занятия политикой необходим ум, соответствующий по своей силе конкретной должности. Невостребованный же интеллект способен породить лишь зло фанатизма. О. Конт вообще не доверял претензиям на политическое глубокомыслие, поскольку был уверен в том, что трезвость и благоразумие являются гораздо более необходимыми для политика, чем философская одаренность. Возможно, политические и общественные дела не стоят того, чтобы ими занимались талантливые люди. Лидеру необходимо знать и понимать настроения большинства, а не предлагать идеи, которые его избиратели смогут достойно оценить лишь в отдаленном будущем⁴.

Любой погруженный в реальные события и проблемы политик не может ждать десятилетиями, чтобы его правильно поняли. Поэтому в своей деятельности он вынужден прибегать к речевым клише

¹ См.: *Spencer H. The Man Versus the State.* – Indianapolis: 1981. – P. 363.

² Как писал Б. Шоу, идея «наследственного правящего класса» очень близка к идее «наследственного хулиганства». См.: *Шоу Б. Полное собрание пьес в 6-ти томах. Т. 2.* – М.: Искусство, 1979. – С. 371.

³ См.: *Бакунин М. Философия, социология, политика.* – М.: Правда, 1989. – С. 102-103.

⁴ См.: *Hayek F. The Constitution of Liberty.* – Chicago: University of Chicago Press, 1960. – P. 112.

ГЛАВА I

и прочим элементарным понятиям¹. С другой стороны, все то, что обычно говорят людям политики, должно несколько опережать интеллектуальные ожидания аудитории. Лучше всего, если общественность думает: в действительности мы сами должны были догадаться!² Каждый государственный лидер обязан проводить линию, являющуюся *равнодействующей* различных общественных настроений и сил. В этом смысле политик – центрист по определению. Возможно, именно поэтому знаменитыми политиками нередко становились люди «недалекие».

Профессиональный политик обязан поддерживать равновесие между своими партийными единомышленниками и общественным мнением. Если ему это удастся, у него есть шанс сойти со сцены достойно. У Дж. С. Милля любой демократически избранный лидер – это *посредственность* по определению, ибо демократическое большинство априори неспособно поддерживать аристократа.

Так или иначе, *избранный* руководитель считается сегодня предпочтительнее неизбранного, который часто оказывается либо никчемной личностью, либо тираном, пестующим свой народ, как пастух стадо³. В этом смысле идеальной является ситуация, при которой действия лидера соответствуют национальному характеру его народа. Лев, писал А. Зиновьев, в любом случае не может стать предводителем крыс.

Из анализа политических взглядов Ж.-Ж. Руссо следует, что главный талант политического правителя состоит в его умении скрывать свою власть, которая всегда является в глубинном смысле отталкивающей. Управлять государством желательно так, чтобы внешне казалось, будто оно не нуждается в управлении.

Д. Уинстенли считал профессиональных политиков слугами, избранными обществом для выполнения специальной работы в определенное время⁴. В свою очередь, по мнению Морелли, политические

¹ См.: Тендряков В. На блаженном острове коммунизма // Новый мир, № 9, 1988. – С. 29.

² См.: Лоренц К. Агрессия. – М.: Прогресс, 1994. – С. 257.

³ См.: Наврозов Л. Коллективное мышление и бакенбарды Дизраэли // Известия, 16 мая, 1992. – С. 6.

⁴ См.: Уинстенли Д. Избранные памфлеты. – М.: Издательство АН СССР, 1950. – С. 98.

ГЛАВА I

руководители не имеют иной власти и прав, кроме тех, которые необходимы им для поддержания духа социального единства. В остальном у политиков не должно быть каких-либо преимуществ перед своими согражданами¹.

Ф. Хайек считал, что в органы власти следует выбирать людей, хорошо зарекомендовавших себя в обычных житейских делах², а Н. Бердяев полагал, что профессиональный политик обречен на духовные борения, не известные рядовому обывателю. По мнению же А. Шульгина, профессиональная политика нуждается в твердом *моральном* начале. Если подобного начала у лидера нет, проводимый им курс грозит развалом и катастрофой³.

В Новое время профессиональная политическая деятельность постепенно утратила свой сакральный имидж, так что по этому поводу К. Маркс писал: «Исчезла иллюзия, будто административное и политическое управление – это какие-то тайны, какие-то трансцендентные функции, которые могут быть доверены только обученной касте, состоящей из государственных паразитов, щедро оплачиваемых сикофантов и любителей синекур, касте, впитывающей в себя образованные элементы масс – на высоких постах и направляющей их против самих же масс – на низших ступенях иерархической лестницы»⁴.

По мнению К. Поппера, цивилизация наших дней может выжить лишь при условии, что политический мир перестанет поклоняться *великим*. Говоря иными словами, государственный деятель должен уметь соединять политические идеи с реальностью таким образом, чтобы при этом не страдали моральные чувства. Неслучайно у В. Гавела профессиональный политик – это совестливый человек, обладающий стилем и вкусом. Если индивид скромнен и не рвется к власти,

¹ См.: *Морелли*. Кодекс природы. – М.: Издательство АН СССР, 1947. – С. 141.

² См.: *Хайек Ф.* Общество свободных. – London: 1990. – С. 170.

³ См.: *Шульгин О.* Державность чи гайдамаччина. – Париж: Меч, 1931. – С. 1.

⁴ См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 17. – С. 549. Как утверждает В. Банс, политическая деятельность в странах Восточной Европы все еще воспринимается в качестве профессии. Наоборот, в США уже привыкли к тому, что люди легко приходят в политику и легко уходят из нее. См.: *Банс В.* Борьба за либеральную демократию в Восточной Европе // Проблемы Восточной Европы, № 29-30, 1990. – С. 18.

ГЛАВА I

писал он, то это вовсе не значит, что в политику ему путь заказан. Наоборот, скорее всего, именно там его место¹.

Впрочем, давно замечено, что в особые исторические моменты лучшую политику делают непрофессионалы². Известно, что Р. Рейган начинал трудовую жизнь на лодочной станции, Г. Коль работал когда-то грузчиком, а Л. Валенса открыл свое политическое призвание, будучи электриком на судовой верфи. Во время горбачевской перестройки пресса писала, что политике нужны неординарно мыслящие *интеллектуалы*³, однако современная политика может стать профессией для самых разных людей.

Разумеется, избранный политик нередко является неординарной личностью. Подобный лидер может действовать, не всегда соотносясь с желаниями масс. Более того, писал К. Ясперс, если оригинальный и независимый тип личности уйдет из политики, истории может наступить конец, которого мы совсем не ожидали. Как говорил также А. Тойнби, в *растущей* цивилизации политику принадлежит роль завоевателя, а в цивилизации *деградирующей* – спасителя⁴. В любом случае, профессиональный политик должен уметь оценивать любую *имеющуюся ситуацию* и определять «потенциальную систему» ее изменения⁵. Политик избирается на свой пост в качестве *оригинальной личности*, которую избиратели не инструктируют. Данный принцип политической теории считается в наши дни непоколебимым⁶.

Вышеизложенное позволяет сделать определенные выводы. Судя по всему, индивидуальная политическая активность сложилась эволюционным путем. Начавшись в древние времена с отправления сакральных функций, профессиональная политическая деятельность рассматривается сегодня в качестве почетного бремени, требующего сложной композиции личных качеств. И хотя харизматические спо-

¹ См.: Гавел В. Политику требуются принципы и хорошие манеры // За рубежом, № 47, 1991. – С. 6.

² См.: Гавел В. Путь без насилия // Известия, 24 февраля, 1990. – С. 5.

³ См.: Черниловский З. Правовое государство: исторический опыт // Советское государство и право, № 4, 1989. – С. 55.

⁴ См.: Тойнби А. Постигание истории. – М.: Прогресс, 1991. – С. 451.

⁵ См.: Джеймисон Ф. Постмодернизм, або логіка культури пізнього капіталізму. – К.: Курс, 2008. – С. 345.

⁶ См.: Schumpeter J. Capitalism, Socialism and Democracy. – London: George Allen, 1976. – P. 295.

ГЛАВА I

собности можно обнаружить в любой социальной среде, политические качества остаются не благоприобретенными, а врожденными.

Профессиональным политиком может стать человек из любой социальной среды. В частности, еретики, маверики (*mavericks*) и диссиденты оцениваются в качестве кандидатов на занятие политических должностей достаточно высоко. Еще Д. Локк обратил внимание на пристрастие одних людей к *общепринятым*, а других – к *оригинальным* идеям и воззрениям. Нешаблонное мышление часто помогает политику обрести популярность.

По-настоящему значимыми профессиональные политические действия могут стать лишь в царстве неповторимой индивидуальности. Многое в политической жизни людей рискует быть разрушенным, если они сами или их жизненный стиль перестанут быть уникальными¹. Как утверждал А. Адлер, человеческую жизнь пронизывает линия активности, лежащая в основе индивидуальности. Данное правило действует, даже если оно не всегда согласуется со здравым смыслом². Из неповторимых и оригинально мыслящих индивидов вышли герои, без которых человечество продолжало бы жить в пещерах³. С другой стороны, творческие политики воспринимают жизнь иначе, нежели массы. Нестандартно мыслящий лидер рискует оказаться «врагом для всех»⁴.

А. Пятигорский писал по поводу отдельных выдающихся одиночек: «Боже, что с этими талантливыми делают! <...> Их мучают в застенках, производят в командармы, посылают получать первые премии на международные конкурсы. <...> Но их всегда унижают, унижают больше даже, чем бьют. И чем больше их унижают, тем глуше становится их беспамятность о самих себе и тем окончательнее – их самососредоточенность, их почти научная по фактической тщательности регистрация обид, настроений, болей и переживаний»⁵.

¹ См.: *Поппер К.* Открытое общество и его враги. Т. 2. – М.: Феникс, 1992. – С. 283.

² См.: *Адлер А.* Индивидуальная психология // История зарубежной психологии (30–60-е гг. XX в.). Тексты. – М.: Издательство МГУ, 1986. – С. 136.

³ См.: *Фромм Э.* Психоанализ и религия // Сумерки богов. – М.: Прогресс, 1989. – С. 182.

⁴ См.: *Гессе Г.* Письма по кругу. – М.: Прогресс, 1987. – С. 117.

⁵ См.: *Пятигорский А.* Философия одного переуллка. – М.: Прогресс, 1992. – С. 38-39.

ГЛАВА I

Остракизм и физическое уничтожение нонконформистов долгое время считались в политике делом обычным. Крупные фигуры исчезают в исторических катаклизмах, а ординарные личности продолжают жить. С оригинальными личностями часто обращаются как с чужаками, ибо их мышление привлекает, но одновременно и отталкивает (пугает) людей. Можно лишь представить себе, сколь многое довелось вынести одаренным людям, которые считались в свое время опасными, писал Ф. Ницше.

«Советский гуманизм» отправлял в психиатрические лечебницы с диагнозом «вяло текущая шизофрения» и высылал из страны пассионарных индивидов за элементарный нонконформизм¹. Подобная система социального «монизма» (Н. Бердяев) оказалась глубоко враждебной свободе и нестесненному человеческому духу в целом. Советская власть пыталась унифицировать личность, будучи подсознательно уверенной в том, что «все самое интересное в человеке, с точки зрения вида, аномально»².

Учитывая подобные соображения и аргументы, в конституциях постсоветских стран можно было бы закрепить право человека на *нонконформизм* в качестве общей гарантии прав творческой личности. Фактически речь идет о стратегии уменьшения давления коллектива на личность. Подобная новелла могла бы оказать социальному прогрессу бóльшую услугу, чем все традиционные упования конституционного права на стабильность. Недаром свобода, рынок и ускорение социальной динамики признаются ныне в качестве органических конституционных приоритетов.

Субъективное «право на нонконформизм» не должно, однако, сочетаться с запретом дискреционных полномочий для всех без исключения официальных представителей государства. Подобный запрет предусмотрен в ст. 6 и 19 Конституции Украины (1996), однако лица, занимающие высшие политические должности и посты (президент, премьер-министр, министры), должны сохранять за собой свободу политического маневра. Как писал Р. Арон, министр, излишне озабоченный тем, чтобы не дать козырей в руки оппозиции, не может быть

¹ См.: Рязанов Э. Бороться со сталинизмом // Московские новости, 4 сентября, 1988.

² См.: Сент-Экзюпери, А. де. Манон, танцовщица. – М.: ЭКСМО, 2010. – С. 145.

ГЛАВА I

хорошим политиком. Еще хуже выглядит государственный лидер, парализованный юридическими запретами и мнением прессы¹.

Алгоритмическое исполнение высших функций может привести лишь к тому, что государственная деятельность утратит свой *политический* характер, а государственный лидер превратится в слепой автомат. Ибо умение и эффективность непосредственно зависят от доверия к личности. В подобной ситуации понимание того, что является политически важным, а что – нет, может в одночасье исчезнуть². Наоборот, любой «акт свободы и разума» усиливает авторитет лидера, который обычно лучше других посвящен в суть вопроса и контролирует большее количество фактов³.

По мнению К. Ясперса, безоговорочная борьба с политической дискрецией способна привести лишь к тотальному планированию. Планирование же способствует привлечению политической элиты, лишенной оригинальных личностных качеств. В действительности исполнительская дисциплина требуется лишь на *низших*, а не на высших уровнях государственной организации. Это лишь в *администрировании* преимущество отдается прилежным, энергичным и беспощадным людям, которые беспрекословно повинуются и обычно готовы жертвовать собой⁴.

Как писал по аналогичному поводу Ю. Говорухин, в течение десятилетий в СССР готовили функционеров, обкатанных на блюминге комсомольско-партийного аппарата. Кадровый состав формировался из «перспективных» индивидов с чистыми биографиями – послушных и исполнительных. В результате предельно стандартизированная, штампованная и застрахованная от всех неожиданностей система научилась отторгать от себя любую неординарную личность⁵.

¹ См.: Арон Р. Демократия и тоталитаризм. – М.: Текст, 1993. – С. 122.

² См.: Гумбольдт В. фон. Язык и философия культуры. – М.: Прогресс, 1985. – С. 46.

³ См.: Гадамер Х.-Г. Истина и метод. – М.: Прогресс, 1988. – С. 333.

⁴ См.: Ясперс К. Смысл и назначение истории. – М.: Политиздат, 1991. – С. 285.

⁵ См.: Говорухин Ю. Набор высоты // Огонек, № 14, 1989. – С. 4-5. Как писал также А. Зиновьев, любой человек, которому могла прийти в голову идея реформировать советскую идеологию (не говоря уже о том, чтобы отказаться от нее), не мог быть допущен к власти в любых ее звеньях. См.: Зиновьев А. Зияющие высоты. Т. 1. – М.: Издательство ПИК, 1990. – С. 227.

ГЛАВА I

Что же касается такого средства воздействия на индивидуальную политическую активность как императивный мандат, то в большинстве современных конституций он либо игнорируется, либо подвержен прямому запрету. Как утверждает в ст. 67 Конституции Болгарии (1991), народные избранники представляют интересы не только своих избирателей, но и народа в целом, поэтому возложение на них императивного мандата является недействительным. Послы и сенаторы – это представители народа, инструкции избирателей их не связывают, гласит ст. 104 Конституции Польши (1997). Повышению значимости индивидуальной политической активности могло бы способствовать закрепление в конституциях также нормы о том, что при замещении *политических* постов *профессиональные* требования к кандидатам не предъявляются.

По мнению М. Фридмана, капиталистические общества проявили себя не столь эгоистическими и стяжательскими, как общества коллективистские. Однако настоящие эксплуататоры сегодня – это не собственники, а организации, чья власть основана на групповой лояльности. Но если это действительно так, то обществу, стремящемуся быстро прогрессировать, необходимы гарантии, защищающие индивида от давления группы.

Реальными стимулами политического нонконформизма в странах «народной демократии» служили мораль и личная экзистенция. Все, что предпринимал диссидент («бунтовщик, отступник, разновидность белой вороны» – А. Михник¹), он делал исключительно для себя. Лишь затем у него мог возникнуть политический мотив, смутная надежда на то, что его действия являются полезными для общества в целом².

Тоталитаризм основательно запечатлел себя в бетоне и бронзе, поэтому высказанная в СМИ инициатива о возведении в посттоталитарных странах памятников инакомыслию не лишена смысла³. Апология индивидуальности не тождественна возвеличению «человека, который перестал принимать во внимание другую личность» (Ж. Батай).

¹ См.: *Михник А. У пошуках свободи. Есеї про історію та політику.* – К.: Дух і літера, 2009. – С. 404.

² См.: *Havel V. Open Letters.* – N.-Y.: Vintage Books, 1992. – P. 320.

³ См.: *Корецкий И. О памятнике инакомыслию // Советская культура, 31 января, 1989.* – С. 1.

Человек социален не в большей степени, чем общество – индивидуалистично, а их обязательства взаимны. С другой стороны, *индивиду* труднее сопротивляться давлению общества, чем наоборот¹. Именно поэтому статус независимой личности нуждается в конституционной поддержке. Субъективные права и свободы охраняют неотчуждаемую часть **Я** индивида, раскрывающего себя как личность.

Так или иначе, уровень доверия к проявлениям индивидуального начала в современных конституциях постепенно возрастает. Возможно, вскоре мы услышим: политика – не там, где миллионы, как думал В. Ленин. Напротив, она начинается там, где признается свобода отдельно взятого человека. Недаром лозунг современного либерализма гласит: *личность* является политической².

1.3.6. Творческая и деструктивная политическая активность

По мнению пионера «всеобщей организационной науки» *тектологии* А. Богданова, любая человеческая деятельность является либо организующей, либо деструктивной. Это означает, что всякую человеческую активность – техническую, общественную, познавательную, художественную и политическую – можно рассматривать в качестве материала организационного опыта, исследовать с *организационной* точки зрения. Не случайно такое понятие человеческой практики, как «делать», означает одновременно «организовать» и «деорганизовать»³.

Тем не менее, рассмотрение конституционных аспектов творческой и деструктивной *политической активности* затруднено рядом обстоятельств. С праксеологической точки зрения, творческая политическая активность могла бы означать создание новых политических форм, институтов и процедур, а деструктивная – их упразднение. Однако в политике создание нового часто является одновременно

¹ См.: Кон И. Психология социальной инерции // Коммунист, № 1, 1988. – С. 68.

² См.: Squires J. Liberal Constitutionalism, Identity and Difference // Political Studies, Vol. XLIV, 1996. – P. 623.

³ См.: Богданов А. Тектология. Ч. 1. – М.-Л.: Книга, 1925. – С. 25, 59.

ГЛАВА I

уничтожением старого¹. К тому же нечто творческое в *политическом* смысле может оказаться деструктивным в смысле *административном*. Например, признание дискреционных полномочий для высших политических должностей и постов противоречит строгому административному принципу *власти-подчинения* и т.п. Кроме того, как заметил однажды Д. Белл, у М. Бакунина политическая деструкция означает одновременно стремление к творчеству².

Всякое активное отношение к *status quo* является в политике творческим и вместе с тем деструктивным. Творчески *изменить* действительность можно, лишь «отрицая ее и показывая ей, что мы сильнее, чем она»³. С этой точки зрения коммунисты и фашисты, как писал П. Сорокин, в равной степени были похожи на художников-модернистов. Они протестовали в свое время против «господствующей чувственности» политико-экономической системы, но впоследствии оказались чрезмерно чувствительными к ней сами. Ни один из этих политических режимов не обрел настоящей устойчивости. Коммунисты и фашисты оказались разрушителями в большей степени, нежели творцами. Оба режима смогли процветать лишь в специфических условиях переходного периода⁴.

Опираясь на существующий в мире политический опыт, можно было бы создать шкалу для измерения уровней политической конструктивности/деструктивности. Полюсами данной шкалы могли бы стать тоталитаризм и либеральная демократия. Тоталитаризм в данной системе координат означал бы коллапс политического, а движение в сторону либеральной демократии – начало политического роста. Поскольку в либеральной демократии количество *политических* отношений всегда увеличивается, осознание системных различий между *политической* деятельностью, с одной стороны, и тотальным

¹ По мнению Н. Бердяева, «революция ничего не творит, не создает никакой культуры». См.: *Бердяев Н. Душа России.* – М., 1915. – С. 7. В более привычном для нас смысле политическая революция – это пример конструктивной и деструктивной политической активности одновременно.

² См.: *Bell D. The End of Ideology.* – USA: Free Press, 1960. – P. 271.

³ См.: *Гессе Г. Письма по кругу.* – М.: Прогресс, 1987. – С. 45.

⁴ См.: *Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество.* – М.: Политиздат, 1992. – С. 462.

ГЛАВА I

администрированием – с другой, могло бы стать полезным результатом.

Конструктивную политическую активность мы наблюдаем в процессе свободных политических взаимодействий независимых друг от друга субъектов, а деструктивную – в обстоятельствах, когда уровень свободы и независимости участников политического процесса снижается. В негативном сценарии развития событий политические отношения могут полностью трансформироваться в административные. И хотя человеческая культура является результатом *всей* человеческой деятельности, в условиях конструктивной политической активности она развивается, а в условиях деструктивной – деградирует.

Уже сам по себе соблазн принятия единоличных (административных) решений вместо плебисцитарных (политических), отождествления права – с живой (персонифицированной) властью, а процессуальных норм – с материальными нормами можно признать деструктивным. Как писал об этом поддавшийся сомнительному искушению Ж.-Ж. Руссо, если это хорошо – уметь использовать людей таковыми, каковы они есть, – то еще много лучше – сделать их такими, какими нужно, чтобы они были¹. По мнению Э. Фромма, искушение политического инжиниринга является столь же привлекательным в психологическом смысле, как и прогресс науки и техники.

Деструктивная политическая активность обычно возникает из стремления обеспечить гражданам «наибольшее счастье» патерналистскими усилиями правительств и законодателей². При этом индивидуальная политическая воля замещается деятельностью консолидированных для достижения подобных целей институтов. Недаром в «Этике» Б. Спинозы *органичной* политической активностью признается лишь *индивидуальная* активность. Активность же социальных институтов, в деятельности которых индивиду отводится служебная роль, называется у него *страданием* – итогом внешних для политического субъекта воздействий³.

¹ См.: Руссо Ж.-Ж. Трактаты. – М.: Наука, 1969. – С. 119.

² См.: Аттила А. Мир человека как субъекта производства. – М.: Прогресс, 1984. – С. 139.

³ См.: Спиноза Б. Избранные произведения. Т. 1. – М., 1957. – Ч. 3, опр. 2.

ГЛАВА I

Человеку как политическому существу присущ ряд разрушительных социальных инстинктов. Так, накопительство или иное филистерское аккумуляирование ресурсов производит раздражающий моральный эффект. Отказавшись погрузиться в обывательский стиль жизни, индивид может вернуть себе свободу через хаос и беспорядок, пусть и «по-детски нелепый»¹. Иррациональная жажда истребления и разрушения, желание обратить в пепел ресурсы могут быть обусловлены вполне *бескорыстным* инстинктом. Чрезмерно «расчетливое» человечество рискует очутиться в положении старых дев. Спасает его то, что люди периодически ведут себя противоположно собственным принципам.

По мнению А. Сахарова, политическую деструкцию провоцирует избыточное присутствие в жизни человека разнообразных фетишей и авторитетов. Человечеству угрожает упадок морали, распад идеалов права, потребительский эгоизм, шовинизм, терроризм и наркомания. И хотя в разных странах масштаб подобных проявлений различен, их общей причиной является вытеснение морали и личной ответственности *внешним авторитетом* – класса, партии, государства или вождя. Все это – разновидности одной и той же беды².

Кроме того, природе органически свойственны последовательные ступени агрессивности³: от петухов, подрывшихся на помойке, через грызущихся собак, через мальчишек, разбивающих друг другу носы, через парней, бьющих друг друга о головы пивные кружки, через трактирные побоища, уже слегка окрашенные политикой, и завершаются, наконец, войной и атомной бомбой⁴.

Известно, что люди способны ощущать полноту жизни не только во время мира. Причиняемые войной страдания не являются одинаково невыносимыми для всех.

Люди обладают агрессивными импульсами, а также индивидуальными творческими импульсами, которым общество не всегда по-

¹ См.: *Батай Ж.* Сад и обычный человек // Маркиз де Сад и XX век. – М.: Культура, 1992. – С. 11. Как писал об этом В. Набоков, «мещанин в действии всегда опаснее мещанина, покойно сидящего перед телевизором». См.: *Набоков В.* Лекции по зарубежной литературе. – СПб.: Азбука-классика, 2010. – С. 217.

² См.: *Сахаров А.* Мир через полвека // Новое время, № 2, 1990. – С. 39.

³ *Fukuyama F.* The Origins of Political Order. – N.-Y.: Farrar, Straus and Giroux, 2011. – P. 73.

⁴ См.: *Лоренц К.* Агрессия. – М.: Прогресс, 1994. – С. 36-37.

зволяет осуществиться. При этом альтернативы жизненному риску, которые предоставляются гражданам в виде футбольных матчей и спортивных состязаний, не могут полностью сублимировать их энергию, писал Б. Рассел¹.

В деструктивном поведении человека всегда присутствует нечто иррациональное, но поддающееся логическому объяснению. С другой стороны, как писал П. Валери, в XX веке потребовалось «много знаний, чтобы убить столько людей, разметать столько добра, уничтожить столько городов в такую малую толику времени; но не меньше нужно было и *нравственных качеств*. Знание и Долг – вот вы и на подозрении!»².

Судя по всему, главной причиной политически деструктивного поведения в обществе является недостаток или подавление в нем свободы. Не случайно запрет диктатуры, недопустимость отмены республиканской формы правления, защита народного суверенитета от его узурпации государством являются сегодня предметом конституционного регулирования. Конституционному запрету подлежит обычно и парламентский пересмотр решений, принятых на референдуме.

Политическое недовольство не должно накапливаться в обществе до такой степени, когда единственным выходом из создавшейся ситуации становится революция или демократическое восстание. В конституционном смысле это означает, что любые прерогативы власти, равно как и любые самообязательства народа не могут быть абсолютными. По истечении определенного срока они должны (могут) пересматриваться в порядке специальной законодательной процедуры.

1.3.7. Векторная политическая активность

Векторная, или *направленная* политическая активность рассматривается в данном случае не как директивная (целенаправленная) деятельность, а как естественным образом ориентированная, следующая определенной тенденции активность. Заметим, что само по себе при-

¹ См.: *Russell B. Authority and the Individual.* – N.-Y.: Simon and Shuster, 1949. – P. 8.

² См.: *Валери П.* Об искусстве. – М.: Искусство, 1993. – С. 84.

ГЛАВА I

знание реального существования подобного вида активности является предметом дискуссий.

В наиболее общем виде вектор политической активности проявляется в том, что общество перманентно восходит от первичной дикости и хаоса к синтетическому порядку цивилизации. Данная тенденция частично объясняется «законом Фишера», или *цефализации*, согласно которому эволюция живого вещества проявляется в его непрекращающемся усложнении, что сопровождается ростом разнообразия организмов и их свойств.

Применительно к обществу данный закон проявляется в постоянном усложнении его структуры и политической организации, растущем многообразии институтов, в рамках которых протекает социальная жизнь¹. По мнению О. Тоффлера, в социальных системах происходит процесс, адекватный делению и модификации биологических клеток. Вначале клетки пребывают в состоянии хаоса, затем они становятся клетками легких, почек, сердца и других органов. По аналогии с данным процессом, политическую структуризацию общества можно считать *политической дифференциацией*. Примечательно, что и в СССР исследователи признавали закономерный и непрерывный процесс «усложнения социальной ткани»².

Принято считать, что политическое развитие идет не от худшего – к лучшему, а от простого – к сложному, причем *новое сложное* возникает в диалектической форме «неслыханной ранее простоты»³. При этом основной вектор политической активности является *вертикальным*, что хорошо проявляется в честолюбивых устремлениях людей. «Обитатели нижних этажей знают, что на антресолях жить очень весело; поэтому во всей пирамиде господствует неистовое желание карабкаться вверх; вверх лезут и гастрономы, и честолюбцы, и тщеславные посредственности; но туда же лезут и замечательные таланты и люди, безукоризненные в нравственном отношении, потому что только в верхнем этаже можно найти умственную деятельность и некоторую степень нравственной самостоятельности. Красота, ум, талант, богатство, железная воля – все, что в каком-нибудь отноше-

¹ См.: Моисеев Н. Зачем дорога, если она не ведет к храму // Иного не дано. – М.: Прогресс, 1988. – С. 54.

² См.: Бурлацкий Ф. Новое мышление. – М.: Политиздат, 1988. – С. 26-27.

³ См.: Дьяконов И. История эмоций? // Знание-сила, № 5, 1988. – С. 37.

ГЛАВА I

нии составляет силу человека, все это употребляется на переправу в верхний этаж. Внизу остаются только те, которых природа и обстоятельства лишают всякой возможности подняться»¹.

По мнению Гегеля, политический процесс изначально векторный, по восходящей, в направлении ко все возрастающей свободе. В рамках данной тенденции государственный интерес проникает посредством сословных представителей в субъективное сознание народа, после чего массы начинают принимать участие в государственных делах².

В свою очередь, В. Парето усматривал вектор политической активности в постепенном росте и последующей деградации политических элит. Анализируя политический процесс с позиции нейтрального наблюдателя, он отмечал присутствие в нем трех фаз: а) возрастающей интенсивности политических чувств, свидетельствующих о том, что социум находится в восходящей фазе; б) упадка старых элит; в) роста (подъема) новых элит. При этом упадок политических элит сопровождается распространением в обществе альтруистических настроений. Что касается процесса становления и роста новых элит, то он возникает из необходимости защитить наиболее слабых участников политического процесса от угроз со стороны сильных и могущественных³.

В отличие от В. Парето, Н. Макиавелли ограничивал политическую динамику всего лишь двумя сменяющими друг друга циклами: а) периодом возрастания политической доблести; б) периодом ее упадка⁴.

Несколько иначе представлен политический вектор у Д. Вико: а) политические гонения порождают мучеников; б) мученичество провоцирует в массах сочувствие; в) сочувствие перерастает в протест против угнетателей; г) напор политической воли вызывает ответную реакцию. По мнению Д. Вико, политические нравы народа являются первоначально крайне жестокими и суровыми. Затем они становятся более мягкими и утонченными. Финальная же фаза политической

¹ См.: Писарев Д. Исторические эскизы. – М.: Правда, 1989. – С. 194.

² См.: Гегель Г. В. Ф. Философия права. – М.: Мысль, 1990. – С. 342.

³ См.: Pareto V. The Rise and Fall of the Elites. – USA: Bedminster Press, 1968. – P. 41.

⁴ См.: Ткачев П. Кладези мудрости российских философов. – М.: Правда, 1990. – С. 115.

ГЛАВА I

эволюции масс обнаруживает себя в откровенной распущенности¹. В свою очередь, динамика политических форм проявляет себя, по Д. Вико, в цепи последовательных трансформаций: от пагубной подозрительности аристократий – к волнениям народных республик, от народных республик – к монархиям.

Интересные и разнообразные представления о циклах и векторах политических изменений обнаруживаются у широкого диапазона авторитетов: от Аристотеля – до Фомы Аквинского, а от него – к Ж.-Ф. Ревелю и С. Хантингтону. В частности, по Б. Расселу, политический вектор идет от правления королей – к демократиям или... тираниям. Общая же политическая тенденция проявляется, по его мнению, в том, что власть и компетенция национальных государств постоянно возрастают. В свою очередь, В. Соловьев считает, что политическая *равнодействующая* идет «от людоедства к человеколюбию, от бесправия к справедливости, от враждебного разобщения частных групп к *всеобщей солидарности*»². По мнению же П. Ткачева, вся совокупность политических устремлений человека сводится к обретению им счастливой жизни, *счастью*³. На быстрый и решительный переход человечества от политического хаоса к гармонии надеялся в свое время и Ш. Фурье.

Человек не может избавиться от веры в то, что мир когда-нибудь будет соответствовать *его* желанию и что для этого он наделен властью переделывать его так, как ему вздумается, писал К. Кавелин. И на взгляд Ф. Ницше, политическая жизнь демонстрирует устойчивое стремление элит проводить в жизнь благоприятные для себя ценностные суждения⁴.

Анархист П. Кропоткин усматривал вектор политической активности в последовательном развитии «образованных народов» к осознанию ими необходимости ограничения правительственной власти и достижения индивидом все большей степени личной свободы. В свою очередь, В. Вернадский верил в неотвратимость постепенной

¹ См.: Вико Д. Основания новой науки об общей природе наций. – Москва-Киев: REFL-book, 1994. – С. 91.

² См.: Мир философии. Ч. 2. – М.: Политиздат, 1991. – С. 341.

³ См.: Ткачев П. Кладези мудрости российских философов. – М.: Правда, 1990. – С. 74.

⁴ См.: Хайдеггер М. Время и бытие. – М.: Республика, 1993. – С. 106.

ГЛАВА I

демократизации государственного строя, что должно было сопровождаться коренным изменением политического статуса науки и ученых. Прежние цели государств, основанные на интересах династий, писал он, должны смениться новым пониманием роли и функций государства¹. Формирование и последующее сознательное расширение масштабов ноосферы должно стать главной целью политических усилий государства.

О преодолении структурного противостояния: государство – народ с позиций «глубочайшего уровня мечты» писал Т. Шевченко². В свою очередь, у А. Герцена вектор политического развития наций ведет *volens-nolens* от одного освобождения к другому. В рабстве он обнаруживает первый шаг к свободе. Государство, считал А. Герцен, начинает с порабощения индивида, однако впоследствии во все большей степени стремится к политическому освобождению личности.

По мнению А. Шлезингера, во всяком послереволюционном политическом процессе рано или поздно обнаруживается гуманистическая составляющая, что лишь подтверждает раннюю идею А. де Токвиля о том, что народоправство укрепляет духовные силы общества³. По мнению Л. Гумилева, политический вектор образуется после освоения обществом определенной культурной *доминанты-символа*. Если символ один, то политический вектор становится ярко выраженным. Если же символов сразу несколько, тогда интерференция символических значений может подавить политическую стратегию⁴.

По мысли В. Гавела, вектор политического процесса предполагает постоянное приближение к моральному идеалу. Данную тенденцию он назвал «практической моральностью». И хотя этически ориентированная политика является у него «исключительно непрактичной и трудной для освоения в повседневной жизни», у нее нет лучшей альтернативы⁵.

¹ См.: Вернадский В. Философские мысли натуралиста. – М.: Наука, 1988. – С. 90.

² См.: Грабович Г. Шевченко як міфотворець. – К.: Радянський письменник, 1991. – С. 153.

³ См.: Tocqueville A. Democracy in America. Vol. 1. – N.-Y.: Arlington House. – P. 218.

⁴ См.: Гумилев Л. География этноса в исторический период. – Л.: Наука, 1990. – С. 94, 198.

⁵ См.: Havel V. Open Letters. – N.-Y.: Vintage Books, 1992. – P. 269.

ГЛАВА I

Принято считать, что смена парадигм в естественных науках происходит примерно один раз в 30 лет. С такой же периодичностью происходит и смена политических стратегий. Примерно один раз в треть столетия в мире происходит политический *sea-change*. Подобные изменения объясняются переменами в политическом стиле, которых люди действительно хотят и которые они оправдывают¹. Смена вектора происходит под одновременным воздействием сознания и подсознания. С одной стороны, люди сознательно избегают войн и революций, с другой – они все равно случаются.

Как писал по поводу политической динамики мира И. Бродский, *интеллектуальный склад XX века был линейным, последовательным, эволюционным*. Однако именно линейность в интеллектуальном рисунке века, порожденная общественным инстинктом самосохранения, незаметно ослабила механизм предотвращения катастрофы². Его вывод подтверждает ранее высказанное М. Фуко предположение о том, что «разрастание нормализующих механизмов»³ политической власти способствует росту нестабильности, которую данная власть как раз намеревалась предотвратить.

С внешней точки зрения, идея векторного политического процесса примыкает к концепции социального прогресса в целом. Известно, что идея прогресса как процесса кумулятивного накопления знаний была предложена Б. де Фонтенелем еще в 1688 году. Современное представление о векторном прогрессе сложилось, как утверждает Ф. Фукуяма, под идейным влиянием Н. Макиавелли. В рамках данного подхода отказ человечества от традиционных ценностей во время войны или тоталитарного правления не следует считать стратегическим. История затем возвращается к утверждению человеческого достоинства и свободы личности, создавая для этого необходимые институты⁴. Тем не менее, предложенный Ф. Фукуямой подход сам по

¹ См.: *Selden R. The Rhetoric of Enterprise // Enterprise Culture*. – N.-Y.-London: Routledge, 1991. – P. 66.

² См.: *Бродский И. Сочинения Иосифа Бродского*. Т. VI. – СПб.: Пушкинский фонд, 2000. – С. 106.

³ См.: *Фуко М. Наглядати й карати*. – К.: Основи, 1998. – С. 389.

⁴ См.: *Доменак Ж. Європа: виклик культурі // Ї, № 1, 1995*. – С. 17.

ГЛАВА I

себе не позволяет предсказывать моменты прерываний (разрывов) в политической постепенности¹.

В любом случае политическая интервенция в происходящее в мире должна осуществляться с величайшей осторожностью. Ибо любые «зигзаги» прогресса также основываются на *традиции*. Это означает, что лишь после констатации действительно глубокого конфликта между существующим порядком вещей и моральным императивом мы приобретаем право использовать новые маяки. В большинстве случаев политические изменения должны сопровождаться соблюдением традиционных норм и правил².

Как заметил когда-то Р. Оуэн, начало добра состоит в знании о том, что человек создается «без его согласия природою и обществом», а начало зла – в осознании того, что «человек сам создает себя»³. Данная сентенция позволяет лучше понять Г. Мабли, который советовал политикам «не переставлять вещи», если в этом нет крайней необходимости. По мнению Г. Мабли, только реальная возможность достижения народом счастья оправдывает решительное изменение политического курса⁴.

Не менее важным является и то, что истоки политического прогресса, судя по всему, коренятся не столько в человеческом прошлом, сколько в его смутном и неопределенном будущем. Прогресс – это ветер, который дует... назад, из будущего⁵. Именно по этой причине его невозможно планировать. Тем не менее, флюиды грядущих перемен могут ощутить люди, которых принято называть гениальными

¹ См.: Лотман Ю. Культура и взрыв. – М.: Прогресс, 1992. – С. 29, 34.

² См.: Хайек Ф. Общество свободных. – Лондон, 1990. – С. 245.

³ См.: Оуэн Р. Избранные сочинения. Т. 2. – М.-Л.: Издательство АН СССР, 1950. – С. 132.

⁴ См.: Мабли Г. Избранные произведения. – М.-Л.: Издательство АН СССР, 1950. – С. 190.

⁵ Данная идея емко выражена в посвященном В. Беньямину стихотворении Л. Андерсон *The Dream Before: Она сказала: что есть история? И он ответил: - история – это ангел, / Отбрасываемый ветром назад, в будущее. / Он сказал: история – это дебри, / И ангел хочет вернуться и упорядочить вещи, / Восстановить вещи, которые были разбиты. / Но продолжают штормовые порывы ветра из рая, / И шторм поддерживает порывы ветра, уносящие ангела / Назад, в будущее. / И этот, именно этот шторм / Называется / Прогресс.* См.: Braidotty R. *Nomadic Subject*. – N. Y.: Columbia University Press, 1994. – P. 280.

ГЛАВА I

из-за присущей им глубокой интуиции. Собственно говоря, именно по этой причине П. Фейерабенд советовал ученым не отказываться от разработок концепции, которая невзирая на любую критику, сомнения и противоречия продолжает... *нравиться* им.

Интеллектуальное искушение – это симптом грядущего успеха. При этом творческий гений предполагает способность видеть окружающее в условной *ретроспективе*. В СССР молодежь познакомилась с композициями «Битлз» в дискомфортном коротковолновом диапазоне, что не помешало новой эстетике вторгнуться в советскую символическую реальность. Напротив, государство и его агенты воспринимают прогресс в виде линейной последовательности операций. Правда же заключается в том, что линейности в звеньях прогресса не наблюдается.

В политической жизни многое происходит вопреки сознательным ожиданиям. Как известно, люди обычно отбрасывают план в пользу авантюры (Б. Рассел), а *непредсказуемость* демократии считается ныне неписанным конституционным принципом. Органичные конституции обеспечивают политическую свободу с учетом ее национальных традиций. Защищая общество против сужения в нем пространства свободы, идеальная конституция исходит из национального понимания ее сущности.

В авторитарных странах планирование берет под контроль все большее количество жизненных ресурсов, поскольку индивидуальные акции в одном секторе жизни приводят к срыву коллективных усилий в другом. Но когда управляемость становится полной, перед политической властью открываются перспективы, которых она не допускала¹. Знаменательно, что для творцов современных конституций не существует более коварного противоречия.

¹ См.: Баткер Э. Предисловие // Хайек Ф. Общество свободных. – Лондон: 1990. – С. 8.

1.3.8. Хаотическая (спонтанная) политическая активность

Если согласиться с тем, что векторную интерпретацию политики мы допускаем обычно на основе *однофакторной* теории (как у К. Маркса), то *концепция политической спонтанности* будет покоиться на убеждении в том, что у истории нет секретной пружины или ключа, а если они и есть, то мы все равно не можем их знать (А. Тойнби). Вслед за Ф. Хайеком, мы вынуждены будем признать, что история богаче воображения большинства законодателей и политиков, а эволюция привносит в нашу жизнь многое из того, чего мы не могли предвидеть, не говоря уже о том, чтобы оценить это заранее с моральной точки зрения¹.

Как писал Гегель, в своих наиболее существенных проявлениях человек *недетерминирован*, а потому способен сам творить свое существо². И. Менухин усложнил данный тезис, заметив однажды, что люди проходят свой путь от интуиции – к интеллектуальному анализу, а от него – к сознательно воспроизведенной спонтанности. Способность к осуществлению полного цикла подобных трансформаций как раз и составляет, по его мнению, сущность культуры.

Кроме того, не следует преувеличивать интеллектуальные способности человечества. В мире действуют импульсы и акты, которые практически не зависят от сознательно поставленных целей³. «Боюсь, единственный закон истории – это случай, – писал И. Бродский. – Чем более упорядочена жизнь общества или индивидуума, тем меньше внимания уделяется случаю. Чем дольше это продолжается, тем больше накопленный массив игнорируемого случая и тем вероятнее, думается, что случай свое возьмет»⁴.

Как писал Р. Рорти, Г. Мендель был одним из первых, кто позволил человечеству посмотреть на сознание как на явление, которое... «про-

¹ См.: Хайек Ф. Пагубная самонадеянность. – М.: Новости, 1992. – С. 130-131.

² См.: Fukuyama F. The End of History and the Last Man. – N.-Y.: Free Press, 1992. – P. 63.

³ См.: Waller G. Human Nature in Politics. – London: Constable and Company, 1910. – P. 21, 23.

⁴ См.: Бродский И. Сочинения Иосифа Бродского. Т. 6. – М.: Пушкинский фонд, 2000. – С. 109.

ГЛАВА I

сто случилось». Затем Б. Дэвидсон описал историю языка и культуры в духе Ч. Дарвина – то есть наподобие эволюции кораллового рифа. Что же касается нашего времени, то сегодня многие имеют возможность без чьей-либо помощи убедиться в том, что «старые метафоры постоянно мертвеют в буквальности, а затем служат платформой и фоном для новых метафор». Все это позволяет мыслить культуру как нечто *спонтанно* сформировавшееся, то есть как итог соединения множества случайностей. Политические революции предстают перед нами в этом случае как «метафорические переописания» реальности. Данный взгляд на политический процесс идеально согласуется с ницшеанским определением *истины* как «подвижной армии метафор»¹.

Как считали А. Герцен и П. Новгородцев, природа и история сами по себе никуда не идут, а потому готовы идти, куда только им ни укажут. Из подобного взгляда на вещи вытекает, что прогресс создается спонтанным творчеством, в котором все сознательное перемешано с бессознательным, желаемое – с неизбежным, а предвидимое – с неожиданным и необычным². Как известно, у В. Вернадского логические выводы из всех религиозных, философских и художественных явлений, равно как и их рациональная оценка, являются необязательными для индивида и несводимы к какому-либо единству.

Человеческий разум не способен подменить собой жизнь. Интеллект и культура не являются всеохватывающими, «это лишь небольшой островок в море первичной жизненности»³. Для П. Дейвиса природа казалась непостижимой и хаотичной по своей сути⁴, а по мысли Ф. Броделя, «невидимая рука» А. Смита возникает непосредственно из природы вещей. Что же касается сугубо политической стороны жизни, то и здесь, как писал Д. Истон, можно наблюдать присутствие связей и отношений, не обладающих каким-либо содержательным или значимым контекстом⁵.

¹ См.: Рорти Р. Случайность, ирония и солидарность. – М.: Русское феноменологическое общество, 1996. – С. 38, 39.

² См.: Новгородцев П. Об общественном идеале. – М.: Правда, 1993. – С. 149, 132.

³ См.: Ортега-и-Гассет Х. Что такое философия. – М.: Наука, 1991. – С. 28.

⁴ См.: Дейвис П. Как познать природу? // За рубежом, № 20, 1992. – С. 20.

⁵ См.: Easton D. A Framework for Political Analysis. – USA: Prentice-Hall, 1965. – P. 30. По поводу «беспредметности» политики А. Пятигорский писал: «Политики как отчужденного, систематологически выделенного предмета *не существует*. И это, между прочим, прекрасно понимал один из первых философствующих о политике – ну,

ГЛАВА I

Сами по себе хаотические, спонтанные, иррациональные начала и содержащиеся в них возможные смысловые значения, по-видимому, неисчерпаемы. М. Веберу казалось закономерным, что ценности человеческой жизни не являются постоянными. Он считал, что они подвержены вечному изменению и уходят в *темное будущее* культуры¹.

В частности, у Л. Петражицкого сказано, что «все происходит и не может происходить иначе, как без соблюдения... правил и закономерностей, неправильно, в некотором смысле иррационально (не поддаваясь охвату какими-то формулами). ...Это утверждение содержит в себе не просто отрицание ошибочно принятого принципа универсальной правильности, не просто несогласие с этим принципом, но значительно большее, а именно – принятие противоположного принципа, контрастирующего с отвергаемым принципом. Не только не является истиной то, что якобы все, всегда и везде в соответствии с принципом причинности... происходит правильно, согласно определенным законам, но следует утверждать, что даже какого-то одного случая движения или иного реального явления, в котором были бы такие закономерности, нет и быть не может»².

Впрочем, любой из тех, кто слишком упорно держится за свои планы, вынужден будет вскоре обнаружить ограниченные возможности своего интеллекта. Человек – порождение индивидуальных, но также и *непредсказуемых* страстей³. Возможно, именно по этой причине эволюционная теория казалась М. Джиласу слишком простой, чтобы быть истинной.

У. Крэйг был одним из первых, кто проявил научный интерес к спонтанному поведению. Однако еще до него известному тезису Декарта: *животное – есть объект*, был противопоставлен тезис: *здоро-*

скажем так, второй – Аристотель. То есть политику вы не вынете из кармана и не положите на стол. Политика – это пустая абстракция без уже организовавшего политическое мышление минимального сознательного подхода». См.: *Пятигорский А.* Что такое политическая философия: размышления и соображения. – М.: Европа, 2007. – С. 9.

¹ См.: *Вебер М.* Избранные произведения. – М.: Прогресс, 1990. – С. 413.

² См.: *Петражицкий Л.* Теория и политика права. Избранные труды. – СПб.: Университетский издательский консорциум «Юридическая книга», 2010. – С. XX.

³ См.: *Talmon J.* The Origins of Totalitarian Democracy. – London: Secker and Warburg, 1952. – P. 30.

ГЛАВА I

вое животное – активно и действует. Данное утверждение сохраняет свою актуальность также и в политическом смысле. Поскольку и в политике все традиции имеют равные права, а демократия предполагает участие *всех желающих* в формировании институтов власти, большинство политических проблем решается на основании интуиции, то есть спонтанно.

Любое политическое единство и единообразие, говорил Р. Арон, является двусмысленным, ибо его устойчивость обеспечивается силами не ассонанса, а *диссонанса*. «Мир не есть рационально постижимый хаос, – писал в свое время С. Франк, – напротив, он одновременно и *внутренне осмыслен, и непостижимо-чудесен и непонятен* – и в этом и состоит его имманентная значимость»¹. Недаром в политической жизни оказываются востребованными самые разнообразны человеческие качества и свойства. Постановка политических целей происходит внутри индивида, политическая же система лишь помогает им усовершенствоваться. Многие политические реакции человека объясняются тривиальными мотивами скуки², истощенностью государственного курса, общим желанием перемен, а также тем, что вообще не укладывается в логику прагматического отношения к жизни.

Как говорил по этому поводу Х. Ортега-и-Гассет, *утилитаризм* похож на больного, экономно расходующего свои силы. В качестве политического мотива его характеризует слабость и ущербность³. В действительности здоровый *Homo political* напоминает в большей степени корабль с несколькими рулевыми у штурвала одновременно. Примечательно, что и по мысли Ф. Хайека, политическое сообщество прогрессирует благодаря непредсказуемому и спонтанному поведению его членов⁴.

С философской точки зрения, все в человеке проблематично, опасно, частично и относительно⁵. Даже такой интеллектуально рафини-

¹ См.: Франк С. Сочинения. – М.: Правда, 1990. – С. 515.

² Эмоция скуки «проистекает из временной неспособности войти в осмысленные отношения с внешним миром и его содержанием». См.: Анкерсмит Ф. Возвышенный исторический опыт. – М.: Европа, 2003. – С. 378.

³ См.: Ортега-и-Гассет Х. Спортивное происхождение государства // Философская и социологическая мысль, № 6, 1990. – С. 43.

⁴ См.: Hayek F. Law, Legislation and Liberty. Vol. 3. – Chicago: University of Chicago Press, 1979. – P. 156, 157, 169.

⁵ См.: Ортега-и-Гассет Х. Что такое философия. – М.: Наука, 1991. – С. 304.

ГЛАВА I

рованный политик, как В. Гавел, признавался, что его представления о мироустройстве являются крайне неопределенными, туманными и уязвимыми с точки зрения любых будущих знаний¹. Человеческий разум, писал он, не способен объяснить себя, но еще менее вероятным является то, что он может предсказать результат взаимодействия огромного количества умов.

Говоря о прошлом, люди склонны приписывать событиям логику, которой те в действительности не обладали. Более того, политическую способность к априорному согласованию позиций следует считать симптомом духовного упадка². П. Новгородцеву марксизм казался *обскурантистской теорией* просто потому, что в нем игнорируются «невыразимые запросы духа», трагический разлад и стремление личности к идеалу, проблема страдания и зла в их неизъяснимой таинственности³.

И. Кант писал в свое время о том, что в отношении человеческого счастья невозможен никакой императив, поскольку *счастье* есть идеал не разума, а воображения⁴. По мнению же Д. Крачфилда, Д. Фармера, Н. Паккарда и Р. Шоу, человек является творческим и спонтанным существом даже в большей степени, чем это еще недавно предполагалось наукой. Человеческая способность к творчеству подразумевает хаотический процесс, селективно усиливающий малые флуктуации и превращающий их в связанные состояния ума, ощущаемые нами как мысли. Хаос в данной ситуации является механизмом проявления человеческой воли в мире, который в остальном управляется детерминированными законами⁵.

По мнению К. Юнга, человеческая жизнь не уместается в рамках сознания, поэтому бессознательное начало присутствует в мире без нашего ведома. Более того, чем в большей степени развито в людях *ratio*, тем более скудной рискует стать их политическая жизнь. Ведь

¹ См.: Яковлев В. О мировоззрении Вацлава Гавела // Социально-политические науки, № 1, 1991. – С. 62.

² См.: Steinbeck J. The Portable Steinbeck. – USA: Penguin Books, 1976. – P. 530-531.

³ См.: Новгородцев П. Об общественном идеале. – М.: Правда, 1993. – С. 219.

⁴ См.: Кант И. Сочинения в шести томах. Т. 4, Ч. 1. – М.: Мысль, 1965. – С. 257, 260.

⁵ См.: Крачфилд Д., Фармер Д., Паккард Н., Шоу З. Хаос // В мире науки, № 2, 1987. – С. 28.

ГЛАВА I

сама по себе власть разума сродни политическому абсолютизму¹. В реальной действительности лишь субъективное ощущение ценности присваивает знак *плюс* или *минус* ответу на любой поставленный политической жизнью вопрос.

Как доказывал П. Фейерабенд, для прогресса культуры *анархизм* не только возможен, но и необходим. Ведь это именно логический разум породил абстрактных чудовищ обязанности, долга, морали, истины и их конкретных предшественников – богов, которые всегда использовались для запугивания и подавления творческих способностей индивида. Не случайно у П. Новгородцева именно *отсутствие* политической программы или плана превращает человека в «рулевого, гордо рассекающего волны своей лодкой». Именно спонтанность учит людей ценить настоящее, помогая им осознать, что цель каждого поколения – оно само и что природа не рассматривает человека в качестве своего ресурса для построения будущего.

Хотя идеалом официальных властей политическая анархия никогда не была, она обычно оставалась интуитивным идеалом масс². Политическая жизнь напоминает балет на сцене истории, который ничего не говорит нам о том, откуда появились танцовщики и куда они движутся. Мы можем лишь видеть, как политические лидеры исполняют свои партии и как аудитория реагирует³.

Попытка соединить политическую спонтанность с векторной теорией была предпринята в концепции политической цикличности, о которой писали в первой половине XX века. В этот период было замечено, что политическая жизнь подвержена флуктуациям и что она колеблется «по прихоти бесконечно возобновляющихся *периодических* движений»⁴. При этом открытые А. Тойнби импульсы *ухода-возврата* могут быть присущи не только человеческой природе, но и вселенной в целом⁵. Политическая история движется в согласии с природными

¹ См.: Юнг К. Воспоминания, сновидения, размышления. – К.: Air Land, 1994. – С. 298.

² См.: Кропоткин П. Хлеб и воля. Современная наука и анархия. – М.: Правда, 1990. – С. 288.

³ См.: Riesman D. The Lonely Crowd. – N.-Y.: Doubleday Anchor Books, 1953. – P. 192-193.

⁴ См.: Бродель Ф. Время мира. – М.: Прогресс, 1992. – С. 66.

⁵ См.: Тойнби А. Постигание истории. – М.: Прогресс, 1991. – С. 276.

ГЛАВА I

ритмами, причем наиболее значительные перемены в политике происходят под воздействием сил космического порядка¹.

По мнению И. Лысяка-Рудницкого, политическая жизнь развивается зигзагообразно, колеблясь между полюсами капитализма и социализма, которые не смогут сохраниться в чистом виде на планете. В своих политических прогнозах он склонялся к идее конвергенции².

В свою очередь, по мысли Г. Маркузе, политические флуктуации проявляют себя в смене циклов *метафизики господства* и *метафизики освобождения*³, а по Сен-Симону, флуктуирующей выступает вся последовательность научных и политических революций, сменяющих друг друга в качестве причины и следствия⁴. По мнению И. Стенгерс и И. Пригожина, в любом обществе циркулирует определенный класс политических вопросов, к которым вынужденно возвращается каждое новое поколение.

Политическая история не является прямолинейной, но когда умелые и решительные политики ее подталкивают, она прогрессирует⁵. С другой стороны, каждая из волн демократизации в мире следует обычно за обратной волной, в которой часть стран, уже осуществивших переход к демократии, возвращается к недемократическому правлению⁶. Политические флуктуации могут возникать из-за крайностей централизма, но иногда они порождаются также эксцессами демократии. Стремление граждан к самоутверждению может сочетаться с их желанием подчиниться, эгоистический порыв – с поиском справед-

¹ См.: Самосознание европейской культуры XX века. – М.: Политиздат, 1991. – С. 260. Аналогичный взгляд на истоки политической пассионарности разделял Л. Гумилев.

² См.: Лысяк-Рудницкий И. Між історією й політикою. – Мюнхен: Сучасність, 1973. – С. 346.

³ См.: Маркузе Г. Одномерный человек. – М.: REFL-book, 1994. – С. 219.

⁴ См.: Сен-Симон А. Избранные сочинения. Т. 1. – М.-Л.: Издательство АН СССР, 1948. – С. 203.

⁵ См.: Huntington S. The Third Wave: Democratization in the Late Twentieth Century. – USA: University of Oklahoma Press, 1991. – P. 316. Как говорил Л. Витгенштейн, прогресс движется по кривой, направление которой постоянно изменяется. См.: Витгенштейн Л. Культура и ценность. О достоверности. – М.: АСТ: Астрель, 2010. – С. 25.

⁶ Там же. – С. 15-16.

ГЛАВА I

ливости, желание опередить других – с попытками решать проблемы коллективно. Все это – типичные политические установки¹.

Одна часть общества видит в действиях политических лидеров стремление к расширению свободы общества, а другая – желание приумножить свою личную власть и благосостояние. Поэтому вопрос о том, существует ли объективный критерий для оценки вектора политических действий, решается в большинстве случаев отрицательно. Ни один политический режим не способен постоянно следовать однажды сформулированным ценностям. Не случайно современная демократия зиждется на предпосылке, что шкала политических ценностей постоянно изменяется. С другой стороны, вера людей в прогресс сочетается с их верой в неизменность окружающего даже там, где путешествия и знакомство с историческими анналами стали общедоступными².

В свое время Ш. Монтескье писал о том, что политическая эволюция происходит как через исправление, так и через разложение существующего государственного строя. Если политический строй изменяется, сохраняя при этом верность своим принципам, то он исправляется. Если же его принципы разрушаются, то имеет место политическая деградация³. Даже либеральная демократия находится под угрозой, ибо она не в состоянии окончательно решить проблемы, которые породила. Речь идет и о страхе индивида перед одиночеством, и о недоверии человека к политическим технологиям, и о соблазне отождествления свободы со вседозволенностью⁴.

Если XIX век принес миру волну демократизации, то уже в начале XX века произошел откат к тоталитаризму. В свою очередь, за мощной волной политической свободы последовали попятные движения шестидесятых⁵. По наблюдению Р. Селдена, два-три раза в столетие в политике происходит изменение курса, которое большинство людей

¹ См.: *Talmon J. Political Messianism.* – London: Secker and Warburg, 1960. – P. 518.

² См.: *Мид М. Культура и мир детства.* – М.: Наука, 1988. – С. 359.

³ См.: *Монтескье Ш. Избранные произведения.* – М.: Госполитиздат, 1955. – С. 305.

⁴ См.: *Кристал И. Ответ Фукуяме // Проблемы Восточной Европы, № 27-28, 1989.* – С. 122.

⁵ См.: *Хантингтон С. Выхода нет: заблуждения эндизма // Проблемы Восточной Европы, № 27-28, 1989.* – С. 140-141.

ГЛАВА I

оправдывает¹. При этом причиной колебаний в маятнике политических предпочтений может быть то обстоятельство, что старые идеи кажутся плоскими, а новые – свежими и привлекательными².

Политика постоянно «колеблется на своем месте» (Х. Ортега-и-Гассет), передавая обществу характерную вибрацию и содрогание. Как считал Г. Шпет, политическая жизнь идет толчками и скачками, в результате чего судьба индивида напоминает в большей степени фантазмагорию и кошмар, нежели планомерную передачу семени по наследству в указанные сроки³.

У Г. Гессе политический субъект способен как на духовный взлет, так и на откровенное свинство. Совершив нечто эксцентрическое, он тут же возвращается к прежней позиции. За взмахом маятника к дикости и варварству следует откат в противоположную сторону. Впрочем, подобные колебания свойственны индивиду и за пределами политического пространства. Как заметил по этому поводу Л. Шестов, «для Пушкина не было ничего безнадежно дурного. Даже больше: все было для него пригодным. Хорошо согрешить, хорошо и покаяться. Хорошо сомневаться – еще лучше верить. Весело, "обув железом ноги", мчаться по льду, уйти побродить с цыганами, помолиться в храме, поссориться с другом, помириться с врагом, упиться гармонией, облиться слезами над вымыслом, вспомнить о прошлом, заглянуть в будущее. Пушкин умел плакать, а кто умеет плакать, тот умеет и надеяться. "Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать", – говорит он...»⁴.

С точки зрения Х. Арендт, приключение и страсть к игре являются наиболее сильными политическими искушениями современного человека. Причем то обстоятельство, что игра не имеет конкретной цели, делает ее похожей на жизнь как таковую. История политики демонстрирует провал всех попыток создать что-либо вечное. Об этом же свидетельствует и литература⁵. Человеку приходится открывать

¹ См.: *Selden R. The Rhetoric of Enterprise // Enterprise Culture.* – London and New-York: Routledge, 1991. – P. 66.

² См.: *Wallis G. Human Nature in Politics.* – London: Constable and Company, 1910. – P. 44.

³ См.: *Шпет Г. Сочинения.* – М.: Правда, 1989. – С. 572.

⁴ См.: *Шестов Л. Апофеоз беспочвенности.* – Л.: Издательство ЛГУ, 1991. – С. 53.

⁵ См.: *Ерофеев В. Москва-Петушки.* – М.: Интербук, 1990. – С. 16.

ГЛАВА I

для себя непригодность и недостаточность всех прежних норм и шаблонов, фактически он обречен на то, чтобы творить жизнь самому. Даже *автономный индивид* – политический идеал Д. Рисмена – вынужден жить в атмосфере неясных истоков и непредвиденных целей, ибо и он подвержен вечным колебаниям, порывам назад и вперед.

«Каким образом христианство, *столь к человеку благожелательное*, – писал В. Розанов, – однако пришло к *инквизиции*? Явно, что здесь скрыта цепь "флюксии", "переменных бесконечно малых величин", "дифференциалов": ибо ведь *перелома* из "да" в "нет", перелома в убеждениях, в вере, в идеалах мы *при этом* нигде *не наблюдаем!* В *этом-то* все и дело, что *разлома нет!!*»¹.

Осознавая органическую и потому неустранимую хаотичность политической жизни, Ж.-П. Вернан писал о вакханалии китайской «культурной революции»², П. Чаадаев – о фазах «бурных волнений народов», А. де Кюстин – о российском беспорядке как «сыне свободы»³, З. Бжезинский – о мире-лайнере, управляемом автопилотом и летящем в неизвестном направлении⁴.

Сопоставляя аргументы в пользу хаотической модели политической активности с доказательствами ее векторной природы, нетрудно прийти к выводу, что большее количество аргументов говорит в пользу политической спонтанности. И хотя в непредсказуемости политического процесса многие видят одни лишь потери, концепция политики как одного из сегментов большого рынка является в наши дни превалирующей.

Как писал Ф. Хайек, своим необыкновенным прогрессом Европа была обязана воцарившейся в Средние века анархии⁵. Мир вообще не терпит искусственных ампутаций и склеиваний. И тот, кто пытается сознательно коверкать действительность, обнаруживает лишь элементарное непонимание жизни. Недоверие к логике, говорил Д. Писарев, составляет признак мужающего человечества, которое сопротивляется опеке со стороны гениев, мудрецов и вообще всех важных

¹ См.: Розанов В. Религия и культура. Т. 1. – М.: Правда, 1990. – С.376.

² См.: Вернан Ж.-П. Происхождение древнегреческой мысли. – М.: Прогресс, 1988. – С. 172.

³ См.: Маркиз де Кюстин А. Николаевская Россия. – М.: Терра, 1990. – С. 224.

⁴ См.: Brzezinski Z. Out of Control. – N.-Y., 1993. – P. XIV.

⁵ См.: Хайек Ф. Пагубная самонадеянность. – М.: Новости, 1992. – С. 80.

людей¹. Как утверждал в свое время Ж.-П. Сартр, человеческое **Я** не повинуется ни «ясному представлению» будущего движения, ни «твердой воле» его совершить. Подобные умозрительные представления и волевые акты являются лишь теми искусственными идолами, которых изобрела психология².

Для К. Поппера действовать без надежды – выше человеческих сил, однако и больше надежды человеку не должно быть дано. Ибо в стратегическом плане людям «не нужна определенность»³. Не случайно политическая история предстает перед нами в виде совокупности разнонаправленных усилий и действий, каждое из которых имеет собственную ценность и отдельное завершение. В свою очередь, восприятие П. Кропоткиным политического процесса как *спонтанного* привело его к осознанию значимости *индивидуальных* человеческих усилий. В итоге наилучшей политической стратегией он считал поддержку личной инициативы.

По мнению В. Гавела, человеческое отношение к миру должно измениться в сторону признания его неустранимой релятивности. Нам давно следовало отказаться от наивных упований на то, что мир – это доступная разрешению загадка, информационное целое, которое можно заложить в компьютер, чтобы получить из него затем готовый рецепт. Вместо этого человек должен возродить в себе чувство элементарной справедливости, способность видеть вещи чужими глазами, архетипическую мудрость, вкус, веру в конкретный поступок, а не в универсальные пути к спасению.

Анализируя послевоенный экономический успех ФРГ, Л. Эрхард писал об отечественных противниках спонтанности и свободы, не имевших ни малейшего представления о том реальном порыве динамической силы, который проявился у народа, осознавшего свое человеческое достоинство и высокую ценность свободы⁴. В свою очередь, капитализм США преуспел больше других, ибо ему достало решимости следовать этике *иррационального* начала, считает Ф. Фукуяма. Подобная этика проистекает из органического недоверия общества к

¹ См.: Писарев Д. Исторические эскизы. – М.: Правда, 1989. – С. 26.

² См.: Сартр Ж.-П. Бытие и ничто: опыт феноменологической онтологии. – М.: Республика, 2000. – С. 155.

³ См.: Поппер К. Открытое общество и его враги. Т. 2. – М.: Феникс, 1992. – С. 322.

⁴ См.: Эрхард Л. Благополучие для всех. – USA: Посев, 1990. – С. 23.

ГЛАВА I

планированию, администрированию и вообще избыточному порядку.

Как заявил в свое время Дж. Кеннеди, нам необходимо «сохранить живым дух индивидуализма и несогласия, породивший нашу страну, вскормивший ее в детском возрасте и прошедший ее через самые суровые испытания к достижению зрелости»¹. Разумеется, «было бы удобным продолжать двигаться вперед и голосовать взводами, объединяясь с теми из наших коллег, которые оказались аналогичным образом поработаны некоей текущей модой, преобладающей предубежденностью или движением. Но сегодня наша страна не может позволить себе роскошь таких ленивых привычек. Лишь мощь, прогресс и мирные перемены, порождаемые *независимым суждением и сугубо личными идеями* (курсив мой. – В. Р.), – даже из уст ортодоксов и эксцентриков, – позволят нам преодолеть эту чужеземную идеологию, которая опасается свободной мысли больше, чем водородной бомбы»².

Как известно, *Декларация Шумана* (1950), подписанная руководителями Франции и Германии и положившая начало проекту европейской перестройки, назвала *отказ от планирования* своим главным организационным принципом. Это означало, что объединенная Европа не будет создаваться по единому генеральному проекту. Напротив, она должна расти благодаря конкретным и частным достижениям, которые создают солидарность *de facto*³. Что же касается восточноевропейских стран за пределами Евросоюза, то они могли бы сказать о себе словами Ф. Хайека: «Мы уже на расстоянии шага от того состояния, когда сознательно организованные силы общества могут уничтожить те спонтанные силы, которые осуществляют прогресс»⁴.

Как считал М. Фридман, люди должны преследовать свой *собственный* интерес уже хотя бы потому, что невозможно предвидеть, куда именно он их заведет. Ведь не исключено, что подлинное предназначение человека заключается в том, чтобы жить, энергично играючи, не задумываясь при этом над всеобщим предопределением.

¹ См.: Кеннеди Дж. Профили мужества. – М.: Международные отношения, 2005. – С. 22.

² Там же.

³ См.: Леонард М. XXI век – век Европы. – М.: АСТ, 2006. – С. 19.

⁴ См.: Гаяк Ф. Конституція свободи. – Львів: Літопис, 2002. – С. 46.

ГЛАВА II.

ОРГАНИЧЕСКИЕ И КОНСТИТУЦИОННЫЕ НОРМЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ

2.1. Органические нормы политической активности

Явление органических норм в политической сфере отрицать невозможно. Интерес к ним предопределен множеством обстоятельств, в том числе и соображениями той пользы, которую можно было бы извлечь, приблизив конституционные нормы к естественным, или органическим, нормам политической жизни. Как считал Фома Аквинский, писанный закон является законом лишь в той степени, в какой он близок к природе. По мнению же А. Бергсона, явление органической нормативности не только существует, но и предопределено всей логикой самосохранения обществ. Начиная с языка, человек постепенно усваивает основные требования органической нормативности. При этом главной органической нормой А. Бергсон считал саму потребность общества в нормативности¹.

Говоря о феномене естественной нормативности в протекании общественных процессов, С. Лем подчеркивал в нем особую роль наследственной передачи информации, а также действий мозга, основанных на обучении и создании «проблемных модельных ситуаций». В свою очередь, Ч. Пирс писал о существовании в мире трех источников активного поведения субъектов: случайности, закона и усвоенных привычек², которые формируются в рамках естественного протекания политического процесса. Кроме того, как напоминает Д. Сартори, Н. Макиавелли не только провозгласил принципиальное отличие политики от этики, но и обозначил ее автономный статус: политика имеет свои собственные законы, которые государственный деятель обязан применять³.

В исторический период от Г. Галилея до И. Ньютона научные открытия сформировали образ вселенной, в рамках которого все могло быть описано, проиллюстрировано и повторено в опыте и на кон-

¹ См.: *Bergson H. Freedom and Obligation // Freedom and Its Meaning.* – London: George Allen, 1942. – P. 39-41.

² См.: *Пирс Ч. Принципы философии.* Т. 2. – СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2001. – С. 110.

³ См.: *Sartori G. What is Politics // Political Theory, Vol.1, No. 1, February, 1973.* – P. 11.

ГЛАВА II

кретных примерах¹. Однако дальнейшие исследования показали, что не всякая нормативность доступна верификации и логической проверке. Выяснилось, что за горизонтом науки продолжают пребывать многие вопросы, не имеющие ответа, но сохраняющие значение для жизни человека. Например, наличие тона и цвета зависит от физических условий, в которых находится индивид. Эти условия можно выявить и перечислить. Однако то, что определяет силу тона и цвета, все еще относится к проявлениям недоступной нам органической закономерности².

Пытаясь прояснить общее понятие органического, некоторые исследователи прибегают к такому сравнению: определенную вещь можно считать органической, если она состоит из частей, которые хотя и отличаются одна от другой, однако разрушаются или непоправимо изменяются, если мы попытаемся выделить часть из структуры целого³.

Что касается проявления органических начал в политике, то они выступают в виде наиболее общих поведенческих ценностей, принципов и стереотипов. В свою очередь, органичность политических ценностей можно проверить на основе других ценностей и т.д. Например, такие интуитивные идеи, как идея свободной и равноправной личности, разумно организованного общества, справедливости, связаны с фундаментальной концепцией общества как честной системы кооперации, постоянно присутствующей в человеческой истории и передающейся из поколения в поколение (Д. Ролз).

В политической жизни используются и такие нормы, которые невозможно превратить в правовые, но которые явным образом влияют на форму и содержание писаного права. «Хотя поведение человека пластично и изменчиво, – писал Ф. Фукуяма, – эти свойства имеют некоторый предел: в какой-то момент глубоко укорененные природные инстинкты и модели поведения восстают и подрывают самые

¹ См.: *Вирильо П.* Машина зрения. – СПб.: Наука, 2004. – С. 44.

² См.: *Горбачов Д.* Він та я були українці. Малевич та Україна. – К.: СІМ студія, 2006. – С. 152.

³ См.: *Гобгауз Л.* Апологія Свободи // Лібералізм: Антологія. – К.: Смолоскип, 2002. – С. 471.

ГЛАВА II

лучшие планы социальной инженерии»¹. Это обстоятельство должны учитывать все составители конституций. Как отмечал по этому поводу Л. Витгенштейн, «нельзя забывать: даже самые утонченные, самые философские эмоции основаны на инстинктах»².

Судя по всему, теория общественного договора и просвещенного эгоизма являются теми генеральными нормами, на основании которых выстраивается общий вывод о том, что люди заботятся в большинстве случаев о своих частных интересах, но при этом невидимая рука рынка формирует из их эгоизмов целостность, способную функционировать³.

По мнению Р. Арона, западному обществу был изначально присущ тройной нормативный идеал: буржуазное гражданство, техническая эффективность и право каждого избирать собственный путь спасения. Причем, с одной стороны, нельзя было пожертвовать ни одной из этих целей, а с другой – наивно было бы надеяться на то, что они могут быть достигнуты одновременно⁴.

Как считает К. Палья, человеческое воображение функционирует на основе органических норм. Но из этого следует также и то, что воля человека способна продуцировать акты, возвышающиеся над законами материального мира⁵. В свою очередь, политическое поведение может быть в ряде случаев иррациональным, и тогда его невозможно объяснить закономерностями, постижимыми в философском дискурсе.

В целом, уважение к иррациональным мотивам человеческих поступков является признаком современного гуманизма, сравнительно недавно вернувшего себе надлежащее высокое место. Более того, сегодня мы вынуждены согласиться с тем, что действовать в соответ-

¹ См.: Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее. Последствия биотехнологической революции. – М.: АСТ, 2008. – С. 28.

² См.: Витгенштейн Л. Культура и ценность. О достоверности. – М.: АСТ, Астрель, 2010. – С. 109.

³ См.: Колаковський Л. Мої правильні погляди на все. – К.: Києво-Могилянська академія, 2005. – С. 66.

⁴ См.: Арон Р. Эссе о свободах. – М.: Праксис, 2005. – С. 50.

⁵ См.: Франц М.-Л. Прорицание и синхрония. – СПб.: Азбука-классика, 2009. – С. 74-75.

ГЛАВА II

ствии с глубинными потребностями человеческой природы как раз и означает действовать *рационально*¹.

По мнению С. Франка, многих социальных бедствий и катастроф можно было бы избежать, если бы политика и те, кто ее представляет, научились считаться с *призраками справедливости*². Сам он верил в то, что в духовных основах жизни царит строгая закономерность, не менее точная, чем в мире физическом, которую Б. Паскаль называл *orde du coeur* или *logique du coeur* – порядком или логикой сердца.

В теории Д. Ролза первой органической добродетелью политических институтов является справедливость, а первым органическим достоинством мышления – правдивость. Поэтому даже самые результативные законы и политические институты должны быть реформированы или запрещены, если выяснится, что они являются несправедливыми³.

Выступая в качестве главных добродетелей человеческой жизни, правда и справедливость являются уникальными в том смысле, что они не могут быть предметом компромисса. А. Фергюсон сетовал в свое время на законы, напоминающие в большей степени команды, нежели естественные нормы общественной морали⁴. Что касается нашего времени, то А. Сахаров считал органические критерии нравственности более обязательными, чем «абстрактная арифметика истории»⁵.

Органическая нормативность присуща множеству человеческих проявлений. Именно на этом основании К. Юнг пришел в свое время к выводу о том, что даже активно действующим людям посильна в большинстве случаев лишь роль статистов. С его точки зрения, *коллективное бессознательное* лежит в основе того, что древние называли связью всего со всем⁶.

По мнению А. Фергюсона, человеческому разуму присущи некие изначальные нормы, которые становятся заметными лишь после того,

¹ См.: Ellul J. The Technological Society. – N.-Y.: Vintage Books, 1964. – P. 336.

² См. Франк С. Сочинения. – М.: Правда, 1990. – С. 40.

³ См.: Rawls J. A Theory of Justice. – N.-Y.: Oxford University Press, 1973. – P. 3.

⁴ См.: Ferguson A. An Essay on the History of Civil Society. – Edinburgh: Duncan Forbes, 1966. – P. 124.

⁵ См.: Сахаров А. Воспоминания. – N.-Y.: Издательство им. Чехова, 1990. – С. 213.

⁶ См.: Юнг К. Воспоминания, сновидения, размышления. – К.: Air Land, 1994. – С. 144.

ГЛАВА II

как наглядные примеры докажут их наличие¹. Никакая конституция не создается на основе свободного договора, ни одно правительство не является копией предначертанного, писал он. Кроме того, законы разума – это также и законы человеческой психики. Как однажды заметил М. Пруст, если историки правы и действия народов действительно не объясняются волей королей, тогда на место аристократической воли нужно поставить психологию обывателя².

Как писал А. Дэйси, данному Богом естественному праву следует повиноваться в большей степени, чем любому другому. Ибо только оно является обязательным для стран и народов во все времена. Законы не могут считаться действительными, если они не согласуются с естественным правом. Но это также означает, что они приобретают свою силу от некоего органического первообраза³.

Что касается органических норм более узкого – политического характера, то их также существует великое множество. Мир политики – это мир широкого сознания, обладающего собственной логикой и динамикой. Многие из политических представлений людей органичны в том смысле, что они «предопределены прежней жизнью субъекта вместе со всеми своими психологическими, социальными, культурными и т.п. свойствами. Их не создают свободно и результаты [этого] процесса не являются для субъекта нейтральными»⁴.

Как полагал Д. Бьюкенен, принятие Европой иудео-христианской морали было необходимым условием развития свободного общества. При этом заповедь: возлюби ближнего своего, но оставь его в покое, когда он этого пожелает, он считал главным этическим принципом политического либерализма⁵.

К сожалению, сетовал Д. Бьюкенен, органические нормы поведения человека часто неправильно интерпретируются в литературе о рыночном хозяйстве. Так, большинство авторов не рассматривают эгоистическое поведение в качестве «идеального» в моральном плане.

¹ См.: *Ferguson A. An Essay on the History of Civil Society.* – Edinburgh: Duncan Forbes, 1966. – P. 172.

² См.: *Пруст М.* У Германтов. – М.: Республика, 1993. – С. 347.

³ См.: *Дэйси А.* Основы государственного права Англии. – М.: Издательство Сытина, 1907. – С. 72-73.

⁴ См.: *Денкэн Ж.-М.* Политическая наука. – М.: МНЭПУ, 1993. – С. 34.

⁵ См.: *Бьюкенен Д.* Сочинения. – М.: Таурус-альфа, 1997. – С. 202, 203.

ГЛАВА II

Однако на самом деле между философией рынка, которая является также и философией общественной организации, и христианством как философией поведения автономно действующих индивидов не существует противоречия¹.

Как резюмирует ситуацию Д. Бьюкенен, мы могли бы значительно укрепить фундамент своей свободы, если бы сумели доказать, что и среди неравных людей возникновение юридических прав, основанных на заповедях индивидуализма, является закономерным².

Рыночное поведение, равно как и нормативизм рынка в целом можно считать определяющими факторами всякого органического конституционализма. Это означает не только то, что методы изучения рынка можно успешно применить к исследованиям правовой сферы, но и то, что «бесполезно сколько-нибудь серьезно говорить о "теории" конституций применительно к обществу иному, чем то, которое состоит из свободных индивидов, по крайней мере свободных от преднамеренной политической эксплуатации»³.

Современный конституционализм – это мегаправо рыночных отношений в их наиболее широкой и глубокой интерпретации. Конституции создаются на основе органической логики и динамики транзакций, выгодных для их потенциальных участников. Именно по этой причине конституции возводят свободу и спонтанность человеческого поведения в ранг юридического принципа, важнейшего объекта правовой охраны и защиты.

Не удивительно, что в обществах, испытывающих недостаток гражданского согласия относительно фундаментальных ценностей рынка, свободы договора и т.п., издержки по организации коллективной деятельности (в том числе и вследствие принятия конституций) оказываются существенно более высокими, чем в обществах, где подобное согласие уже достигнуто. Из данного обстоятельства вытекает, что те виды деятельности, которые успешно организуются в *общественном* секторе относительно гомогенной Швеции, могут быть организованы лишь на *частных* принципах в Индии, Швейцарии и США, где население не является столь однородным.

¹ См.: Бьюкенен Д. Сочинения. – М.: Таурус-альфа, 1997. – С. 204.

² Там же. – С. 280.

³ Там же. – С. 49.

ГЛАВА II

Как полагает Д. Бьюкенен, «чем более совершенен "рынок" обмена голосов, тем шире сфера коллективных действий, которые будут выбираться на стадии конституционного выбора. Чем менее совершенен "рынок", тем более ограниченной должна быть сфера коллективных действий»¹. Похоже, что это правило можно считать одним из наиболее важных органических принципов политики и конституционного права в целом.

Изучая проявления органической нормативности в политической сфере, можно прийти к выводу и о том, что включающая всех политическая организация – государство – не может быть создана исключительно на добровольных началах. Логично предположить, что данное правило действует и тогда, когда создание любой организации будет обусловлено требованием соблюдения принципа *единогласия* при принятии решений².

Д. Сартори писал в свое время о том, что он может привести множество примеров политических выводов и следствий, которые были и остаются неизменными в самых переменчивых обстоятельствах³. Нечто в этом же роде утверждал и Б. Рассел, называя универсальными политическими тенденциями ограничение власти людей над их природной средой, а также ограничение власти одного человека над другими.

По мнению Г. Моска, многие политические события происходят под влиянием инстинктов и предубеждений, являющихся либо бессознательными, либо их наиболее вероятные последствия четко не осознаются людьми. В любом случае, сопротивление подобным инстинктам неэффективно. Даже будучи подавленными, они не утрачивают присущей им способности подмять под себя и даже уничтожить человека⁴.

Если индивид имеет дело с природой, он должен следовать ее великим постоянным законам (*great constant laws*), доказывала А. Яффе. Одним из таких законов является классическая антиномия личного и

¹ См.: Бьюкенен Д. Сочинения. – М.: Таурус-альфа, 1997. – С. 149, 195.

² Там же. – С. 261.

³ См.: Sartori G. *Democratic Theory*. – Westport: Greenwood Press, 1973. – P. 188.

⁴ См.: Яффе А. Символы в изобразительном искусстве // Юнг К. Человек и его символы. – М.: Университетская книга, 1997. – С. 236.

ГЛАВА II

общественного начала. Не случайно это фундаментальное противоречие лежит у Д. Талмона в основе политического мессианизма¹.

Только средние по сложности эмоции человека относятся к его сознательному **Я**. Самые простые и самые сложные переживания индивида принадлежат миру *не-Я*, доказывал Н. Лосский. Это означает, что и в политике далеко не каждому из законов присущ волевой момент, далеко не все они пребывают во власти субстанциональных деятелей². Мир политики опирается на универсальные закономерности, причем важнейшая из них рассматривает политическое пространство в качестве *церархии ценностей*. По отношению к другим политическим законам данная закономерность является стратегической.

У Аристотеля политика сама по себе не формирует людей, а берет их такими, какими их ранее создала природа. И у Б. Паскаля «природное право» или совокупность *придуманных* человеком максим есть лишь разновидность иллюзии. На самом же деле органические нормы проистекают у него непосредственно из того «конфликта очевидностей», которым изначально характеризуется «человеческая природа»³.

По мнению М. Вебера, даже вполне рациональная политическая деятельность следует определенным органическим принципам⁴. И хотя человеку время от времени удается взять верх над своим природным окружением, органические принципы рано или поздно возьмут свое, потребовав существенной контрибуции от людей.

По убеждению А. Селигмана, органические нормы или *право природы* возникло из сочетания христианской идеи божественного провидения и здравого смысла, впервые отчетливо проявившись у греческих стоиков во времена упадка полиса⁵. Сегодня подобную человеческую предсказуемость принято считать конечным продуктом множества неисчислимых, неизвестных, неконтролируемых и нерас-

¹ См.: *Talmon J. Political Messianism.* – London: Secker and Warburg, 1960. – P. 506.

² См.: *Лосский Н. Избранное.* – М.: Правда, 1991. – С. 533.

³ См.: *Хома О. Паскаль про справедливость у суспільстві: машини, право, сили // Дух і літера, №. 1-2.* – Дух і літера, 1997. – С. 286.

⁴ См.: *Вебер М. Избранные произведения.* – М.: Прогресс, 1990. – С. 323-324.

⁵ См.: *Seligman A. The Idea of Civil Society.* – N.-Y.: Free Press, 1992. – P. 17.

ГЛАВА II

познаваемых факторов. По этой же причине любые попытки создать точный словарь политики приводят, как правило, к бессмыслице¹.

Действия людей подчинены органическому строю природы, так что человеку трудно бывает выбраться из подобной проторенной колеи. Получая от сходных предметов сходные впечатления, он сходным образом на них реагирует. Одним из первых данную закономерность обнаружил Д. Вико. Что же касается взаимоотношений законов природы и органических законов политики, то они расходятся лишь в том отношении, что законы природы стоят вне понятий добра и зла².

У Ф. Хайека органические нормы политики представлены широкими обобщениями (*generalizations*), которых люди обычно не осознают, но которые управляют на самом деле работой их интеллекта³. Для П. Готфрида политическая активность и созданные на ее основе институты также не являются бесконечно пластичными: будучи укорененными в структуре человеческого разума, они определяются органической логикой развития мозга⁴.

Люди повинуются властным и неоспоримым обычаям, нравам, предрассудкам и просто господствующим воззрениям, которые нередко так и остаются загадочными в своей основе. Например, трудно объяснить, почему люди столь часто действуют в социально деструктивном направлении⁵. Кроме того, людям свойственно подчиняться логике, согласно которой последнее по времени воспринимается ими как первое по значимости и т.п.

Ч. Беккариа считал источниками органической нормативности божественное откровение, естественные законы и добровольные гражданские соглашения⁶, а у Ж.-Ж. Руссо глубинное содержание политических норм определялось моралью, обычаями и популярными в обществе воззрениями. Г. Алмонд называл подобные правила *выгра-*

¹ См.: Берлін І. Дві концепції свободи // Лібералізм: Антологія. – К.: Смолоскип, 2002. – С. 558.

² См.: Бейнс Д. Наука о любви. – М.: Политехника, 1994. – С. 317.

³ См.: Hayek F. *The Constitution of Liberty*. – Chicago: University of Chicago Press, 1960. – P. 209.

⁴ См.: *Gotfried P. The Conservative Movement*. – N.-Y.: Twain Publishers, 1993. – P. 213.

⁵ См.: Ricci D. *The Tragedy of Political Science*. – New Haven and London: Yale University Press, 1984. – P. 297.

⁶ См.: Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях. – М.: Юридическое издательство НКЮ СССР, 1939. – С. 185.

ГЛАВА II

вированными в человеческом сердце¹. Известно, что и А. де Токвиль в привычках души (*habits of the heart*) находил главное объяснение американскому стилю и образу жизни.

Для И. Канта действительность есть познаваемая разумом *natura archetypa*, которая, отразившись однажды в человеческой голове, превращается затем в *natura ectypa*. А по мысли Д. Вико, божественное право предшествует героическому праву силы, которое опережает, в свою очередь, человеческое право разума. Данной закономерностью Д. Вико объяснял крах всех тех конституций, которые не сумели отобразить в своем тексте высшее вдохновение, некогда витавшее над их создателями. Конституции обречены на фиаско, если они не могут трансформировать руссоистский дух общественности в *конституционный патриотизм*².

Как принято считать, политогенезу изначально сопутствовал спектр индискретных норм социальной регуляции (мононорм), не обладавших признаками современной морали и права. Впоследствии писаное право впитало в себя часть мононорм, санкционированных предполитической властью³. Что же касается содержательного наполнения мононорм, то оно определялось структурой человеческого сознания, первичной иерархией ценностей, колебаниями природных циклов, а также общими динамическими стереотипами поведения человека.

При этом политическая жизнь всюду и во все времена покоилась на балансе разнообразных общественных отправлений. Как только в этом балансе одна из функций начинала брать верх над другими, равновесие нарушалось, что приводило к болезни политического организма. Политическая устойчивость, напротив, возникала обычно вследствие свободной конкуренции разнообразных социальных стратегий и тактик.

Поскольку в государственных делах не существует изолированных проблем, кроме правовых норм, регуляторами политики могут вы-

¹ См.: *Almond G. The Intellectual History of the Civic Culture Concept // The Civic Culture Revisited. – USA: Sage Publications, 1989. – P. 5.*

² См.: *Caygill H., Scott A. The Basic Law Versus the Basic Norm? Crucifix Order // Political Studies, Vol. XLIV, 1996. – P. 512.*

³ См.: *История первобытного общества. Эпоха классового образования. – М.: Наука, 1988. – С. 449.*

ГЛАВА II

ступать также философские и научные идеи, религиозные доктрины и даже направления и стили в литературе и изобразительном искусстве. Разумеется, у каждой из этих сфер при этом сохраняется собственная нормативность. Как писал по этому поводу Ж. Базен, никто не рисует так, как ему хочется. Художник может лишь стремиться к живописи, на которую способен его век¹.

В наиболее общем виде стратегия политической эволюции проявляется в том, что вначале общество спонтанно (органически) программирует свои будущие политические законы, а затем искусственно созданные законы программируют общественную жизнь. Подобная схема отношений объясняет общий механизм взаимодействия органических и писаных норм политической активности.

Согласно исследованиям Д. Истона и Р. Хесса, значительная часть норм политического поведения формируется под влиянием опыта семьи и детства. Например, когда мы говорим о правилах политической игры, писал Д. Истон, то обычно подразумеваем правила, воплощенные в конституциях и кодексах. Однако в действительности политические нормы в гораздо большей степени основываются на принятых в обществе обычаях². Следует заметить, что значительная часть политических ориентаций складывается у человека между тремя и тринадцатью годами его жизни (Е. Вятр).

Изучая особенности разных правовых систем, Р. Давид пришел к выводу, что все они были связаны с *предправовыми* феноменами, содержание которых определялось жизненным укладом представителей той или иной цивилизации и превалирующим в данной цивилизации образом мыслей. Причем законодатель может сознательно воздействовать на данные элементы не в большей степени, чем на язык или иные способы коммуникации³.

По мнению О. Тоффлера, *каждая цивилизация имеет собственный органический нормативный код – сеть принципов и правил, которые*

¹ См.: Яффе А. Символы в изобразительном искусстве // Юнг К. Человек и его символы. – М.: Университетская книга, 1997. – С. 246.

² См.: Easton D. A System Analysis of Political Life. – Chicago: University of Chicago Press, 1965. – P. 200-201.

³ См.: Давид Р. Основные правовые системы современности. – М.: Прогресс, 1988. – С. 39.

ГЛАВА II

пронизывают ее активность как повторяющийся дизайн¹. Данный подход напоминает убеждение Г. Моска в том, что каждая страна и каждая эпоха имеют свой собственный органический набор идей и верований, способных оказывать воздействие на их политический механизм².

Как известно, А. Смит считал органически нормативной саму природу человека, в качестве которой у него выступает *естественная система свободы*. Презумпция органической нормативности содержится также в известном тезисе Л. Мэмфорда о связи чрезмерной власти и производительности с чрезмерным насилием и разрушением. Она же просматривается в предположении Ф. Хайека, что наша цивилизация постепенно движется в сторону признания легитимности всемирного права³.

Понятие органической нормативности близко к понятию традиции. Например, нормативной можно считать традицию, согласно которой люди следуют спонтанно созданным правилам поведения, никем специально не изобретенным. Как писал по этому поводу Д. Вико, природа вещей определяется их возникновением в определенное время и при определенных обстоятельствах. Когда время и обстоятельства таковы, именно таковыми возникают и вещи⁴.

Предправовые нормы основываются также на генетически наследуемых и определяемых физиологической структурой человеческого тела инстинктах. Другая часть органических норм формируется под воздействием социальных структур, через которые человеку довелось пройти. Собственно говоря, именно так складываются в большинстве случаев политические нормы. При этом самый верхний и наиболее тонкий слой политических правил отбирается и модифицируется людьми для достижения их *конкретных* жизненных целей. В остальном люди руководствуются шаблонами поведения, которые не могут быть произвольно изменены⁵.

¹ См.: *Toffler A. The Third Wave.* – N.-Y.: Bantam Books, 1994. – P. 46.

² См.: *Mosca G. The Ruling Class.* – USA: Greenwood Press, 1980. – P. 145.

³ См.: *Хайек Ф. Общество свободных.* – London: 1990. – С. 163.

⁴ См.: *Вико Д. Основания новой науки об общей природе наций.* – М.-К.: REFL-book, 1994. – С. 77.

⁵ См.: *Pogany I. Constitution Making or Constitutional Transformation in Post-Communist Societies // Political Studies, Vol. XLIV, 1996.* – P. 571.

ГЛАВА II

М. Восленский считал органические политические структуры нормативным каркасом общества, который создается отношениями, взглядами и привычками больших человеческих масс¹. По мнению Ю. Липы, органическая нормативность формируется всем историческим опытом человека. Ее начальными формами он считал однажды данное обещание, честное слово, обычай предков и предание старины².

Органические нормы политики воспроизводят обычно как не единственный факт, а некую формулу фактов, которые в практике своего применения постепенно превращаются в удобный шаблон. В этом смысле, как говорил Д. Вико, обычай похож на царя, а закон в большей степени напоминает тирана. Иными словами, обычай и закон нормируют человеческое поведение по-разному.

Органически нормативным можно признать сам принцип политической активности, ибо суть политики заключается в том, чтобы действовать. Как известно, среди условных компонентов *Homo political* нет ни одного, находящегося в абсолютном покое. Быть животным – означает быть борцом, подчеркивал Х. Плеснер. Что касается человека, то вся его эксцентричность – это форма фронтального отношения к среде. Полемизируя в свое время с представителями философского идеализма, Н. Лосский упрекал их в том, что они не допускают в мире активности, не включают в список природных потребностей свободу. Между тем, природа требует от человека в первую очередь личной независимости и свободы³.

Современный комплекс политических прав и свобод основывается на научном анализе антропологических данных, природном равенстве людей, а также связях и отношениях, которые возникают благодаря активной деятельности человеческого мозга. В частности, Т. Гоббс, Д. Локк и Б. Спиноза верили, что человеческий индивид обладает неповторимой природой и что только глупец или сумасшедший могут не замечать этого⁴.

¹ См.: Восленский М. Номенклатура. – М.: Советская Россия, 1991. – С. 582.

² См.: Липа Ю. Призначення України. – Н.-У.: Говерля, 1953. – С. 106.

³ См.: Бакунин М. Философия, социология, политика. – М.: Правда, 1989. – С. 69-70.

⁴ См.: Jennings J. From «Imperial State» to «l'Etat de Droit»: Benjamin Constant, Blandine Kriegel and the Reform of the French Constitution // Political Studies, Vol. XLIV, 1996. – P. 503, 499.

ГЛАВА II

Рассматривая политическую активность в качестве фундаментального свойства жизни общества, М. Шаповал писал о том, что каждая историческая эпоха характеризуется уникальным рисунком антагонистических и солидаристских усилий в обществе¹. Этот рисунок воплощает наиболее общую картину политической жизни.

По мнению В. Вернадского, политическая жизнь приобретает новые органические черты после того, как общество осознает необходимость действия в *планетном* масштабе. В этой ситуации, как утверждал в свое время М. Борн, позиция человека в мире характеризуется сочетанием животных инстинктов и интеллектуальной мощи. Впрочем, добавлял он, эти рассуждения вполне могут оказаться и неверными. Когда-нибудь человек сможет стать более способным и мудрым, чем кто-либо из людей нашего времени. Тогда человечество выйдет из тупика².

Побудительным мотивом политической активности является интерес. Абстракции мало интересуют людей, если они прямо не связаны с их самосознанием и самочувствием. Поэтому принудительное вовлечение индивида в дела, на самом деле его не заботящие, дискредитирует идею политической активности³. Миром правят моральные принципы, в которые верит большинство. Однако главным *политическим* принципом, обусловившим развитие современной цивилизации, является принцип преследования индивидами своего *частного* интереса.

Моральная философия образует этическую основу политической философии, из чего следует правило: то, что позволено совершать людям по отношению друг к другу, ограничивает объем того, что позволено им совершать по отношению к государству. С другой стороны, из данного правила вытекает, что моральные запреты, которые позволительно утверждать силой, являются источником легитимности права государства на применение насилия. В соответствии с данной схемой возникает «первичная сфера государственной активности, возможно, единственно легитимная сфера»⁴.

¹ См.: Шаповал М. Стара і нова Україна. Листи в Америку. – Н.-У.: Видавництво Української громади, 1925. – С. 8.

² См.: Борн М. Моя жизнь и мои взгляды. – М.: Прогресс, 1973. – С. 45.

³ См.: Хайек Ф. Общество свободных. – Лондон, 1990. – С. 217.

⁴ См.: Нозик Р. Анархия, государство и утопия. – М.: Ирисэн, 2008. – С. 23-24.

ГЛАВА II

Отсюда же следует нормативный вывод: минимальное государство – это именно то государство, которое может быть оправдано (легитимировано) и допущено обществом. В свою очередь, государство, которое превышает собой минимальное, посягает на органическое пространство свободы (субъективные права) человека¹.

Принято считать, что свобода индивида гарантируется частной собственностью, обеспечивающей ему возможность автономного распоряжения ресурсами. Однако в основе нормативного поведения человека заложена также свобода воли, которая присутствует в индивиде не абсолютно, а в виде категорического императива, сформированного органическим путем.

Последнее обстоятельство делает категорический императив столь впечатляюще сильным. И. Кант воспринимал его в качестве оружия, используемого человеком в условиях тесной и разнородной социальной среды, где вероятность возникновения конфликтов является очень высокой.

«Нравственная ступень, – писал он, – на которой стоит человек (а по нашему мнению, каждое разумное существо), есть уважение к моральному закону. Убеждение, которое ему надлежит иметь для соблюдения этого закона, состоит в том, чтобы соблюдать его из чувства долга, а не из добровольного расположения и во всяком случае не из непринуждаемого, самостоятельно и охотно осуществляемого стремления соблюдать его, и моральное состояние человека, в котором он всякий раз может находиться, есть *добродетель*, т.е. моральный образ мыслей *в борьбе*, а не *святость* в мнимом обладании полной *чистой* намерений воли»².

Стоит заметить, что Ю. Хабермас протестовал против упрощенного понимания категорического императива как классического золотого правила: *не делай другому того, чего ты не хотел бы, чтобы делали тебе* и настаивал на том, чтобы на вопрос: *что я должен делать*, – истинно моральный ответ соотносился с вопросом: *что должно делать каждому?*³ Только в этом случае категорический императив может стать всеобщим императивом, а не правилом, посильным для избранных.

¹ См.: Нозик Р. Анархия, государство и утопия. – М.: Ирисэн, 2008. – С. 113.

² См.: Кант И. Сочинения в шести томах. Т. 4. Ч. 1. – М.: Мысль, 1965. – С. 411.

³ См.: Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность. – М.: Наука, 1992. – С. 14.

ГЛАВА II

Разновидностью политической аксиомы можно считать и сформулированный Й. Хейзингой вывод о том, что чем больше культурный идеал проникнут чаянием высших добродетелей, тем глубже несоответствие между основанной на нем формальной стороной жизненного уклада и реальной действительностью¹. Как говорил по сходному поводу Д. Брайс, бедность и пуританство идут одной дорогой, так что стремление получить от людей слишком многое ведет к тому, что они отдают слишком малое. По мнению же Г. Моска, политическая система, рассчитанная на применение героических и сверхчеловеческих добродетелей, обнаруживает со временем свой конец в пороке и коррупции².

Существование органических политических норм сегодня уже не оспаривается. Еще К.-А. Гельвеций признавал существование глубоких истин, которые не лежат на поверхности, но служат фундаментом для других, менее крупных истин. Познание иерархии подобных истин затруднено, ибо они вырабатываются на рынке, где у политических норм нет априорной стоимости. Ценность органических принципов определяется в политическом процессе. В свою очередь, создание правовых гарантий политического процесса является классической функцией конституции и конституционализма.

По мнению Х.-Г. Гадамера, одной из наиболее важных органических норм политики является необходимость приведения политических процедур в согласие с императивом разума, который требует строить жизнь на основе нестесненного суждения критической мысли. На практике это означает, что политика может осуществляться лишь в условиях признания оппозиции.

Органической нормой политики является также необходимость жить без твердой уверенности в будущем, не поддаваясь при этом параличу нерешительности. Овладение подобным искусством Б. Рассел считал главной задачей политической философии. Подобное умение является актуальным на постсоветском пространстве, где люди в течение десятилетий жили в атмосфере коллективных иллюзий, государственного лицемерия и морального максимализма.

Нормой политического уровня можно считать и кантовскую интерпретацию идеи человеческой личности: «Теперь я утверждаю, – писал

¹ См.: Хейзинга Й. Осень средневековья. – М.: Наука, 1988. – С. 116.

² См.: Mosca G. The Ruling Class. – USA: Greenwood Press, 1980. – P. 288.

ГЛАВА II

И. Кант, – человек и вообще всякое разумное существо *существует* как цель сама по себе, а *не только как средство* для любого применения со стороны той или другой воли; во всех своих поступках, направленных как на самого себя, так и на другие разумные существа, он всегда должен рассматриваться *также как цель»*¹.

Является ли данная цель действительно высшей, остается открытым вопросом. Как полагал З. Фрейд, человечество не может возвыситься до такой степени, чтобы не обращать никакого внимания на животные инстинкты собственной природы. С другой стороны, счастье каждого индивида должно входить в конечные цели культуры². Органическая нормативность в политике должна сочетаться с природой человека и одновременно служить ей. Трудность же заключается именно в определении этой природы.

Согласно Т. Гоббсу *естественное право* (jus naturale) есть возможность индивида использовать свои силы по собственному усмотрению для дальнейшего сохранения и поддержания своего природного естества. При этом *естественный закон* (lex naturalis) выступает в качестве правила, запрещающего индивиду предпринимать все то, что является пагубным для его жизни, и игнорировать то, что является наилучшим средством для ее сохранения.

Подобный подход выглядит практичным. Североамериканская революция XVIII века была пропитана убежденностью в том, что открытые ею политические нормы и институты будут прогрессировать в направлении все большего соответствия органической природе человека³. С другой стороны, любая укорененная в структуре человеческой личности идея не может быть сильнее лежащей в ее основе эмоциональной матрицы⁴. Это означает, что все нормы конституций являются также совокупностями значений (смыслов), которые могут функционировать лишь до тех пор, пока их значимость эмоциональ-

¹ См.: Кант И. Сочинения в шести томах. Т. 4. Ч. 1. – М.: Мысль, 1965. – С. 269.

² См.: Фрейд З. О психоанализе. Пять лекций. – М.: Наука, 1912. – С. 66.

³ См.: Редер Г. Теория политической системы Д. Истона – попытка стабилизации власти в условиях государственно-монополистического капитализма // Критика новейших буржуазных учений о государстве. – М.: Прогресс, 1982. – С. 77-78.

⁴ См.: Фромм Э. Психоанализ и религия // Сумерки богов. – М.: Прогресс, 1989. – С. 184.

ГЛАВА II

но оправдывается отдельными индивидами и гражданским обществом в целом¹.

Верить в победу сандинистов на никарагуанских выборах 1990 года могли только те, кто не замечал простого факта: режим сандинистов не делал людей счастливее². Как писал, в свою очередь, Л. Харц, если мы хотим достойно ответить коммунизму, то наша задача состоит в том, чтобы нравственный дух *Декларации независимости* (США. – В. Р.) стал достоянием также и других народов. Как заметил по аналогичному поводу кардинал Ф. Кёнинг, политики любят строить далеко идущие планы, однако их невозможно воплотить в жизнь без перемен в людских сердцах³.

Это означает, что правовые системы должны не мифологизировать человека, а принимать его таким, каков он есть. В русле подобного подхода органическая конституция должна соответствовать «интуитивному праву» Л. Петражицкого, призванного организовать наиболее естественным образом повседневную жизнь⁴.

По мнению Н. Лумана, явление органической нормативности возникает из универсального стремления природы к совершенству, которое человек способен понять и разделить⁵. Это позволяет говорить о существовании органической нормативности как о человеческом стремлении к канону, одним из которых можно считать конституционализм.

По мнению Г. Плеханова, политические утопии XIX века воплотили в себе попытку сознательного законотворчества, ориентированного на *человеческую природу* в целом. Наиболее рискованным в данном предприятии оказалось то, что утописты серьезно ошиблись в определении природы *Homo political*. И хотя Ш. Фурье пытался анализировать с научной точки зрения политические эмоции индивида, а Р. Оуэн разработал даже «принципы науки о человеческой природе», итоги их усилий в большей степени разочаровывают, нежели

¹ См.: Ferrajoli L. Democracy and the Constitution in Italy // Political Studies, Vol. XLIV, 1996. – P. 472.

² См.: Revel J.-F. Democracy Against Itself. – USA: Free Press, 1993. – P. 58.

³ См.: Кёнинг Ф. Духовні основи Європи // Ї, № 1, 1995. – С. 13.

⁴ См.: Krygier M. Virtuous Circles: Antipodal Reflection on Power, Institutions and Civil Society. – Collegiums' Budapest Discussion Paper, Nb. 25, 1995/1996. – P. 14-15.

⁵ См.: Луман Н. Самоописания. – М.: Логос/Гнозис, 2009. – С. 79.

ГЛАВА II

вдохновляют¹. Столь же неудачным оказался подход к определению нормативной природы политического индивида у Сен-Симона и его последователей.

В России западники и славянофилы также пытались достичь успеха в понимании политической сущности человека, которая оказалась на деле богаче, сильнее и правдивее любой абстрактной теории. Судя по всему, искушение создать универсальную поведенческую формулу для *Homo political* живет и поныне. Как говорил М. Джилас, хотя политические реакции русских отличаются по причинам исторического и культурного свойства от нормативных реакций французов и англичан, будущее вряд ли сохранит данные различия².

Природа политического поведения индивида крайне противоречива, считал П. Валери. Порядок тяготит человека, а беспорядок вынуждает его «искать полиции или смерти». К тому же, индивид, пребывающий в естественном состоянии, разделен изначально внутри самого себя. Его представления о добре и зле являются парадоксальными, хотя и не всегда отраженными в писаном праве. В этом смысле право может показаться кривым зеркалом природы. В частности, любой закон, завышающий моральные требования к индивиду, Г. Спенсер предлагал считать преступным³. Праву (в том числе конституционному) присущи органические границы, которые необходимо знать.

Позитивное законодательство является одной из функций демократии, зависящим, в свою очередь, от принятых в обществе культурных образцов⁴. Это означает, что существование многих политических норм объясняется реальными культурными особенностями. Знание культурных отличий позволяет сделать политические нормы более эффективными⁵. С другой стороны, в этой области можно обнаружить и универсалии. Как писал Ж.-Ф. Ревель, демократия стано-

¹ См.: Оуэн Р. Избранные сочинения. – М.-Л.: Издательство АН СССР, 1950. – С. 247.

² См.: Джилас М., Урбан Д. Между революцией и контрреволюцией // Проблемы Восточной Европы, № 23-24, 1989. – С. 99.

³ См.: Spencer H. The Man Versus the State. – USA: Indianapolis, 1981. – P. 359.

⁴ См.: Цимбалістий Б. Тавро бездержавності. Політична культура українців. – К.; 1994. – С. 40.

⁵ См.: Hayek F. The Constitution of Liberty. – Chicago: University of Chicago Press, 1960. – P. 78.

ГЛАВА II

вится действенной лишь после ее превращения в привычку. Но для того чтобы демократия стала привычкой, универсально необходима борьба с коррупцией¹.

Проявления органической нормативности обнаруживаются даже в аморфной социальной среде. Если же социальная среда высокоорганизована, то политическая нормативность проявляет себя на редкость многообразно. Обычай формирует традицию, которая кристаллизуется в форме политических максим. В свою очередь, максимы – это внеправовые поведенческие принципы и нормы. В своей наиболее глубокой содержательной части они образуют остов конституционализма.

Например, политическая максима Ф. Хайека гласит о том, что в свободном обществе политики не могут располагать позитивной властью командования, ибо статус свободы предполагает обязанность власти следовать определенным принципам². Максима Н. Лосского утверждает, что неоригинальный политический ум живет по указке прошлого³, а Л. Гумилев подтверждает данную закономерность на примере *Бостонского чаепития*.

Согласно максиме Д. Бьюкенена, анархия – это идеальная политическая форма для идеальных людей. Однако реальные люди не идеальны, а потому обязаны проявлять сдержанность. В результате, политический статус индивида определяется субъективными предпочтениями, но также и внешними обстоятельствами среды⁴.

По мнению Г. Спенсера, война не может считаться средством политики, поскольку правительство – это слуга общества, а общество обычно не желает войны. Если же государство по каким-то причинам все-таки объявляет войну, то это означает, что слуга приказал хозяину повиноваться.

Согласно максиме Б. Обамы, политическое будущее принадлежит не военачальникам, которые прячут ядерные ракеты под землей, а образованным молодым людям, наделенным воображением и твор-

¹ См.: *Revel J.-F. Democracy Against Itself.* – USA: Free Press, 1993. – P. 238, 257-258.

² См.: *Hayek F. Law, Legislation and Liberty.* Vol. 3. – Chicago: University of Chicago Press, 1979. – P. 130.

³ См.: *Лосский Н. Избранное.* – М.: Правда, 1991. – С. 453.

⁴ См.: *Бьюкенен Д. Сочинения.* – М.: Таурус-альфа, 1997. – С. 209, 281.

ГЛАВА II

ческими способностями¹. По наблюдению же Сент-Экзюпери, силу невозможно наделить разумом, ибо она не нуждается в интеллекте. Поскольку демократия способна выдвигать, но также и подавлять выдающихся людей, возникает потребность в ограничении власти демократии над индивидом².

В соответствии с максимой А. Улыбышева, рядовой гражданин может стать героем, защищая лишь *субъективно значимые* ценности³, а согласно наблюдению Ф. Ницше, желание человека проявить свою силу воплощается в его стремлении к власти⁴. Следуя «правилу Эшби», эффективная система управления не может быть менее сложной, чем объект управления⁵, а согласно правилу М. Мид, целью политического сообщества является *сотрудничество*, ибо вражда для общества фатальна.

Максима М. Уолцера гласит, что единственным средством против частных привилегий является стагнация, а единственным способом избавления от застоя – частные привилегии⁶. Согласно правилу Д. Холла, быть *плюралистическим* в гражданском обществе столь же естественно, как и подчиняться однопартийной системе при тоталитаризме⁷. Согласно максиме Д. Брайса, требованием политического управления является не равенство, а эффективность⁸, а по мысли Д. Талмона, лишение собственности равнозначно лишению индивида свободы самовыражения⁹.

¹ См.: Obama's Speech at the New Economic School // The New York Times, 07.07.2009.

² См.: Сент-Экзюпери, А. де. Записники: твори у 4 т. Т. 1. – К.: Видавництво Жупанського, 2009. – С. 84, 85.

³ См.: Улыбышев А. Сон // Русская литературная утопия. – М.: Издательство МГУ, 1986. – С. 91.

⁴ См.: Ницше Ф. По ту сторону добра и зла // Собрание сочинений. Т. 2. – М., 1900. – С. 23.

⁵ См.: Моисеев Н. Зачем дорога, если она не ведет к храму // Иного не дано. – М.: Прогресс, 1988. – С. 64.

⁶ См.: Walzer M. Spheres of Justice. – USA: Basic Books, 1983. – P. XV.

⁷ См.: Hall J. In Search of Civil Society // Civil Society. – Cambridge: Polity Press, 1995. – P. 15.

⁸ См.: Bryce J. Modern Democracies. Vol. 2. – London: Macmillan, 1921. – P. 110.

⁹ См.: Talmon J. Political Messianism. – London: Secker and Warburg, 1960. – P. 63.

ГЛАВА II

Согласно максиме П. Бергера, индивидуализм возник в результате действия рыночных сил: потребности предпринимательства трансформировались в права личности, а права личности послужили стимулом для предпринимательской инициативы¹.

Сильное государство, утверждает Ф. Фукуяма, это единственная гарантия обеспечения верховенства права. Но чтобы стать правовым, государство должно обрести легитимность². Согласно максиме А. Пикока, человечество не выживет, если не поставит социальные ценности выше сиюминутных удовольствий³. С другой стороны, как доказывал Б. Рассел, все то, что может и должно существовать, уже существует⁴.

Следует заметить, что распознавание политических закономерностей и формулирование на этой основе полезных рецептов может быть результатом как политической деятельности, так и философского созерцания. О. Уальд исследовал политическую жизнь как сторонний наблюдатель (безоружная правда оборачивается злом и др.)⁵, а Т. Джефферсон был ее активным субъектом. Некоторые из политических максим могут быть сформулированы в процессе интеллектуальной игры. Характерным примером в этом случае является «игра в бисер». Д. Ленат пытался подобным образом обновить постулаты здравого смысла⁶.

Органические нормы действуют обычно сразу в нескольких областях (сферах) человеческой жизни. Данный эффект присущ «закону Г. Мура», согласно которому вычислительная мощь компьютеров начиная с 1965 года удваивается каждые восемнадцать месяцев⁷. Эта спонтанная в своей основе закономерность позволяет предвидеть

¹ См.: Бергер П. Капиталистическая революция. – М.: Прогресс, 1994. – С. 141-142.

² См.: Фукуяма Ф. Америка на распутье. – М.: АСТ, 2007. – С. 25-26.

³ См.: Пикок А. Теология перед лицом революции: вызов и стимул // Много миров. Новая Вселенная, внеземная жизнь и богословский подтекст. – М.: АСТ, 2007. – С. 125.

⁴ См.: Рассел Б. История западной философии. Ч. 1. – М.: Миф, 1993. – С. 434.

⁵ См.: Уайльд О. Избранные произведения, в 2 т. Т. 2. – М.: Республика, 1993. – С. 320.

⁶ Например: «умирать нежелательно», «животные не любят боли», «сладкое приятно на вкус», «когда идет дождь, люди моknут» и т.п.

⁷ См.: Кайку М. Візії: як наука змінить XXI сторіччя. – Львів: Літопис, 2004. – С. 31.

ГЛАВА II

темпы развития компьютерных технологий, но также и очертить рисунок глобальных политических перемен.

Классической принято считать максиму А. Гамильтона: дай абсолютную власть многим, и они подчинят немногих, дай абсолютную власть немногим, и они подчинят себе многих. Неизменно впечатляющим остается правило М. Новака: высшие моральные результаты при капитализме достигаются *уменьшением* нажима на моральные цели. Ему же принадлежит удачное сравнение роли цензуры с ролью командной экономики в условиях свободного рынка¹.

М. Монтень и А. Фергюсон могли бы составить собственные энциклопедии политических максим. Например, о том, что согласие мнений недостижимо даже в образцовом обществе, случись обратное, и общество перестало бы существовать; что политический статус определяется характером индивидов, а не их мировоззрением; что частная собственность является главной гарантией прогресса и др.²

Многие из политических максим прошлого века были сформулированы Д. Дьюи. В частности, о том, что *свобода, равенство и братство* во французской формуле являются частью демократического идеала в той же степени, что и личная инициатива³; что теория демократии должна быть изменена, если обнаружится ее несоответствие природе человека; что индивид *вибрирует* между интеллектуально пустым, но стабильным прошлым, и настоящим, требующим от него постоянного приложения усилий⁴; что любая политическая ситуация опирается на баланс индивидуальной и коллективной воли.

Политической максимой является известное утверждение Р. Дворкина о том, что право властей действовать против граждан на основе «публичной книги правил» должно сочетаться с правом индивида *противостоять* государству в целом⁵. Не менее обязательной выгля-

¹ См.: *Novak M. The Spirit of Democratic Capitalism.* – London: IEA Unit, 1991. – P. 79. Следует заметить, что и Д. Дьюи считал сильные моральные убеждения опасными в политическом смысле.

² См.: *Ferguson A. An Essay on the History of Civil Society.* – Edinburgh: Duncan Forbes, 1966. – P. 62.

³ См.: *Dewey J. Freedom and Culture.* – N.-Y.: Capricorn Books, 1963. – P. 22.

⁴ См.: *Dewey J. Individualism Old and New.* – London: George Allen, 1931. – P. 48.

⁵ См.: *Dworkin R. A Matter of Principle.* – USA: Harvard University Press, 1985. – P. 11.

ГЛАВА II

дит и подмеченная В. Соколевичем зависимость итогов законоотворчества от внешне скрытых от нас иррациональных мотивов¹.

Органической принято считать необходимость выполнения честно заключенных контрактов, а также необходимость ограничения функций правительства лишь теми задачами, которые граждане не в состоянии решить сами². Смысл политической максимы присущ правилу Р. Дала о большинстве, которое не бывает альтруистическим или эгоистическим, но является хронически некомпетентным в социальных теориях и философских вопросах³, а также правилу М. Джиласа, гласящему, что любой политический строй обязательно стремится к устойчивости.

Органически нормативным можно считать указание М. Фридмана на повышенную чувствительность к свободе слова тех, кто пребывает в меньшинстве, а также утверждение П. Кропоткина о том, что коммуна может сохранить свой нравственный дух лишь при условии, что она допускает в себе существование противоречий и конфликтов.

Органической нормой является утверждение о том, что справедливость – это искусство неравенства, равно как и о том, что справедливость всегда предполагает удовлетворение индивидуальных претензий на автономный статус.

Согласно максиме Дж. С. Милля, потребность людей в безопасности является *самой необходимой из всех необходимостей*⁴, а согласно максиме С. Франка, тенденция к сокращению количества государственных посредников, транспортеров, сторожей, администраторов и распределителей является всеобщей⁵. В свою очередь, С. Хантингтон предложил дополнить классическое правило: *нет налогов без представительства* новым приложением: *нет представительства без налогов*⁶.

¹ См.: Sokolewicz W. The Relevance of Western Models for Constitution-Building in Poland // Constitutional Policy and Change in Europe. – N.-Y.: Oxford University Press, 1995. – P. 263.

² См.: Буш Дж. Глядя в будущее. Автобиография. – М.: Прогресс, 1989. – С. 260.

³ См.: Dahl R. Dilemmas of Pluralist Democracy. – London: Yale University Press, 1982. – P. 160.

⁴ См.: Милль Дж. С. Утилитаризм. О свободе. – СПб., 1900. – С. 176.

⁵ См.: Франк С. Сочинения. – М.: Правда, 1990. – С. 101.

⁶ См.: Huntington S. The Third Wave: Democratization in the Late Twentieth Century. – USA: University of Oklahoma Press, 1991. – P. 49.

ГЛАВА II

Органическое начало присутствует в признании О. Уайльдом того, что только в *добровольных* гражданских отношениях человеку живет-ся хорошо¹, равно как и в признании Ф. Хайеком, что единственным средством против угрозы принуждения является угроза применения насилия.

Самостоятельную коллекцию образуют политические максимы Г. Моска: человек – это сложное существо, сотканное из противоречий; общества всегда управляются меньшинствами; межклассовая циркуляция необходима для прогресса; общества организуются вокруг коллективных иллюзий; уровень цивилизованности прямо связан с уровнем юридической защиты; общества движутся к более высоким уровням цивилизованности; бюрократизация способствует революциям и др.²

Политическая нормативность присуща утверждению Д. Дидро о том, что главная человеческая добродетель – это справедливость, а главная обязанность – быть счастливым. Органически закономерным является также правило, сформулированное Т. де Шарденом: человек не сделает и шага в направлении, которое бесперспективно. Чтобы открыть путь, требуется одно, но это – *все*. Чтобы индивиду была обеспечена возможность раскрыть до предела самого себя, – элементарный запрос, за которым скрыто громадное требование³. Отсюда же следует вывод: чем более сознательным является индивид, тем более широкой становится сфера приложения его усилий.

Политический аспект присущ *принципу антиципации* Т. Котарбинского, в соответствии с которым охранительная и профилактическая активность требует меньших издержек, чем пермутационные (конструктивные и деструктивные) организационные действия. Органический смысл присущ утверждению Д. Стейнбека о том, что любознательность и критицизм – единственные стимулы всякой науки⁴, а также о том, что человеческий разум стремится к творчеству без каких-либо предварительных условий⁵.

¹ См.: Уайльд О. Избранные произведения, в 2-х т. Т. 2. – М.: Республика, 1993. – С. 349.

² См.: Mosca G. The Ruling Class. – USA: Greenwood Press, 1980. – P. XVIII, 90, 97.

³ См.: Шарден Т. де. Феномен человека. – М.: Наука, 1987. – С. 184.

⁴ См.: Steinbeck J. Journal of a Novel. – London: Pan, 1972. – P. 27.

⁵ См.: Steinbeck J. The Portable Steinbeck. – USA: Penguin Books, 1976. – P. 426.

ГЛАВА II

Политико-нормативным можно считать христианский догмат о равной ценности всех перед Небесным Отцом, равно как и утверждение Д. Локка о том, что разные люди отличаются друг от друга по своим способностям в большей степени, нежели человек отличается от животных. Политически нормативным является тезис Р. Рейгана о том, что нравственное правительство – это практичное правительство¹, равно как и его утверждение о том, что интеллектуальная свобода критически значима для прогресса. Органически нормативным можно считать отношение к самодеятельности как занятию, которое приносит радость, а также популярный вывод о том, что люди стремятся к порядку, порождая при этом беспорядок².

Многие из политических констатаций, обладающих свойствами органической нормативности, являются значительно более широкими по объему, чем максимы и афоризмы. Например, это относится к рассуждениям С. Франка о последствиях социализма, предписывающего индивиду радеть в первую очередь об общем благе. Итогом подобного проекта, считал С. Франк, может стать лишь превращение человека в животное, способное не к труду, а к хищническому истреблению ресурсов.

Органически нормативным выглядит широкое утверждение Ж. Батая о том, что человечество преследует цель сохранения жизни (избегания смерти) при параллельном увеличении ее интенсивности, что делает жизнь по-настоящему опасной. Нечто в этом же роде утверждал и А. де Токвиль, подчеркивая, что люди хотят быть руководимыми, оставаясь при этом свободными³.

В качестве широкой закономерности Г. Моска приводит слова Г. Бокля (Buckle) о прогрессе, который может быть интеллектуальным и научным, но никогда – моральным⁴. С другой стороны, как отмечалось в энциклике римской католической церкви *Centisimus Annus* от 2 мая 1991 года, человеческая жизнь подчинена моральным и религиозным нормам также и в условиях свободного рынка⁵. У Ф. Хайека

¹ См.: Рейган Р. Откровенно говоря. – М.: Новости, 1990. – С. 385.

² См.: Человек: мыслители прошлого и настоящего о его жизни, смерти и бессмертии. – М.: Политиздат, 1991. – С. 43.

³ См.: Tocqueville A. de. Democracy in America. – USA: A Mentor Book, 1984. – P. 304.

⁴ См.: Mosca G. The Ruling Class. – USA: Greenwood Press, 1980. – P. 121.

⁵ См.: Revel J.-F. Democracy Against Itself. – USA: Free Press, 1993. – P. 111.

ГЛАВА II

аналогичный тезис выражен еще более лапидарно: *благосостояние не есть высший закон*¹. Нормативной можно считать глубокую идею Т. Адорно о том, что страх и энтропия являются источниками фашизма, а дух эроса имманентно присущ демократии².

Органических закономерностей в сфере политики существует великое множество. Некоторые из них претендуют на включение в конституцию или закон, другие остаются тривиальными правилами поведения, в соответствии с которыми строится повседневная жизнь. В любом случае политические максимы помогают людям принимать решения, за которые не каждый готов отвечать индивидуально.

Значительно более глубокими, чем политические максимы, проявлениями органической нормативности выступают региональные (континентальные) геополитические нормативные коды³, о которых частично уже упоминалось выше. Системно организованными совокупностями норм следует считать также политические парадигмы. В частности, парадигмы феодализма, капитализма, социализма и т.п. Так, в рамках парадигмы капитализма все правительства (аристократические, демократические и абсолютистские), выражающие интересы торговых и промышленных классов, способствуют расширению политической свободы вместе с утверждением принципа абсолютизма индивидуальности⁴.

Признавая существование широкого геополитического кода Восточной Европы, И. Бродский писал о том, что создателям восточно-европейских конституций следовало бы думать о Новейшей истории как об *истории первородного греха*. На языке политики это означает, что... *человек опасен*. Во всяком случае, говорил он, представляется более благоразумным строить общество на предпосылке, что человек порочен, нежели на допущении, что он благ.

¹ См.: *Hayek F. The Constitution of Liberty*. – Chicago: University of Chicago Press, 1960. – P. 159.

² См.: *Adorno T. The Authoritarian Personality*. – N.-Y.: Harper and Brothers, 1950. – P. 976.

³ Косвенное признание необходимости существования геополитических кодов присутствует в констатации Д. Рокфеллером того, что «... нация должна на чем-то стоять, она обязана придерживаться своего слова». См.: *Рокфеллер Д.* Мемуары. – К.: Юніверс, 2009. – С. 449.

⁴ См.: *Уайтхед А.* Избранные работы по философии. – М.: Прогресс, 1990. – С. 435.

ГЛАВА II

Парадигму коммунизма И. Бродский считал воплощением нормативного кода славянских народов Восточной Европы. По его мнению, проблема коммунизма является проблемой человеческого *вида*, что и объясняет ее затяжной характер. Параллельно он пришел к частному выводу о том, что «лидеру нации не следует использовать терминологию, которая затемняет реальность человеческого зла – терминологию, я должен добавить, изобретенную злом, чтобы затемнить его собственную реальность»¹.

Известно, что Гегель позволил себе определить политический код славян буквально несколькими фразами. Как утверждается в его «Философии истории», славянские племена мужественно боролись с разными нациями и иногда даже вносили свой вклад в борьбу христианской Европы с нехристианской Азией. В частности, поляки прославились в свое время тем, что освободили Вену от турецкого нашествия. Однако *в целом* масса славянских народов должна быть исключена из исторического обзора эволюции политической свободы, поскольку им не удалось достаточно эффективно выступить в качестве самостоятельного момента в *ряду обнаружений Разума в мире*².

Критическими по отношению к органическому нормативному коду славян можно признать высказывания и других политических философов. Например, Н. Бердяев усматривал в русских людях органическую склонность к тоталитарному мировоззрению и мировосприятию, в чем и проявляется, как он считал, важная черта их национального характера³. По его мнению, «русский народ – самый аполитичный народ, никогда не умевший устраивать свою землю»⁴.

Как отмечает К. Коукер, после Гегеля могущество России опасно возросло. При этом особую опасность воплощало в себе длительное отсутствие в стране интеллектуальной свободы. Озабоченный покорением природы, русский народ более нуждался в инженерах, нежели в философах. В результате школой для России служила *армия*,

¹ См.: Бродский И. Сочинения Иосифа Бродского. Т. 6. – М.: Пушкинский фонд, 2000. – С. 177.

² См.: Hegel G. W. F. Lectures on the Philosophy of History. – N.-Y.: Oxford University Press, 1979. – P. 103.

³ См.: Бердяев Н. Русская идея. – М.: Наука, 1990. – С. 69.

⁴ См.: Бердяев Н. Душа России. – М., 1915. – С. 7.

ГЛАВА II

что впоследствии превратилось в политический вызов всей Западной Европе¹.

Маркиз А. де Кюстин называл основой российской конституции преданность ее элит дедовским обычаям, которые отстаивались *бунтом и ядом*. Причем насильственная кончина многих из российских монархов сумела-таки заставить мир уважать данную конституцию. С другой стороны, причины устойчивости политического строя России оставались для него загадочными. Как утверждал А. де Кюстин, «в России человек не знает ни возвышенных наслаждений культурной жизни, ни полной и грубой свободы дикаря, ни независимости и безответственности варвара. Тому, кто имел несчастье родиться в этой стране, остается только искать утешения в горделивых мечтаниях и надеждах на мировое господство»².

По мнению В. Соловьева, национальный код россиян проявляется в том, что «русский даровитый человек отличается именно крайним недоверием к силам и средствам человеческого ума вообще и своего собственного в частности, а также глубоким презрением к отвлеченным, умозрительным теориям, ко всему, что не имеет явного применения к нравственной или материальной жизни. Эта особенность заставляет русские умы держаться, по преимуществу, двух точек зрения: крайнего скептицизма и крайнего мистицизма»³.

В. Розанов считал национальный характер *русского племени* «обломовским»⁴, а К. Кавелин описывал «рабские привычки, понятия, склонности, уловки» русских в качестве непосредственно унаследованных ими от монголо-татарских завоевателей⁵. Как саркастически резюмировал данную ситуацию В. Розанов, «у нас есть свое *Habeas*

¹ См.: Коукер К. Сумерки Запада. – М.: Московская школа политических исследований, 2000. – С. 22.

² См.: Маркиз де Кюстин А. Николаевская Россия. – М.: Терра, 1991. – С. 124. Как отмечает по аналогичному поводу А. Валицкий, «пресловутое "смирение", так восхваляемое различными российскими апостолами морали, есть не что иное, как достаточно неприятный симптом крайнего недоразвития атрибутивной этики, правового мышления, с достоинством осознающего свои права субъекта». См.: Петражицкий Л. Теория и политика права. Избранные труды. – СПб.: Университетский издательский консорциум «Юридическая книга», 2010. – С. LIII.

³ См.: Соловьев В. Сочинения в двух томах. Т. 1. – М.: Правда, 1989. – С. 348.

⁴ См.: Розанов В. Уединенное. Т. 2. – М.: Правда, 1990. – С. 62.

⁵ См.: Кавелин К. Наш умственный строй. – М.: Правда, 1989. – С. 44.

ГЛАВА II

corpus – право всякого русского просить защиты лично у Государя», дополняемое императивом: «По обстоятельствам климата и истории у нас есть один "гражданский мотив": – Служи»¹.

Г. Шпет усматривал в политическом коде русских «парадоксальную форму препирательства между невежественным государством, в лице правительства, и свободным культурным невежеством, в лице оппозиционной интеллигенции»², а Д. Мережковский, – способность «внезапно отрываться от почвы, от быта, истории, сжигать все свои корабли, ломать все свое прошлое во имя неизвестного будущего»³. В этой *беспочвенности* и заключается, по его мнению, глубокая черта русского национального характера.

Позднее, во второй половине XX века, Д. Шумпетер писал о том, что проблема России заключается не в том, что она является *социалистической*, а в том, что она – Россия. По мнению же Г. Гессе, определяющей чертой русского кода является культура, «которая пренебрегает действием, предпочитая терпение». И далее: «... В этом искусстве, в котором европейцы до сих пор остаются детьми, русские еще долго будут посредниками между нами и нашей праматерью Азией»⁴.

Э. Ионеско называл Россию «страной геноцида» (подразумевая еврейские погромы), государством «цинизма, пропаганды и лжи, которая предшествовала всем пропагандам, начиная с Потемкина»⁵. По его мнению, «Россия до настоящего времени вполне убедительно показала, что она не страна демократии, но страна, в которой люди любят повиноваться и раболепствовать, за исключением их элиты, тех нескольких, что, будучи верующими или нет, каким-то мистическим образом исполняются жертвенности и святости в надежде спасти мир от зла, глупости и злоупотреблений властью»⁶.

По мнению же З. Бжезинского, Россия представляет собой страну, чей поведенческий стереотип свидетельствует о прерванном (сорванном) социальном прогрессе. Ее проблема заключается в том, что го-

¹ См.: Розанов В. Уединенное. Т. 2. – М.: Правда, 1990. – С. 385, 393.

² См.: Шпет Г. Сочинения. – М.: Правда, 1989. – С. 46.

³ См.: Мережковский Д. Большая Россия. – Л.: Издательство ЛГУ, 1991. – С. 36.

⁴ См.: Гессе Г. Письма по кругу. – М.: Прогресс, 1987. – С. 64.

⁵ См.: Ионеско Э. Противоядия. – М.: Прогресс, 1992. – С. 297.

⁶ Там же. – С. 139.

ГЛАВА II

сударственный социализм слишком долго подавлял в ней национальный интеллект¹.

«С отрицанием идеи мировой революции Троцкого и заменой ее сталинской проповедью "социализма в одной стране" российское общество становилось все более реакционным, "азиатским", озабоченным своим ограждением от проникновения идей с Запада. В этом процессе ожесточения, возможно, узнаются черты специфического "русского" характера», – писал также Г. Х. фон Вригт².

По признанию Ф. Бурлацкого, Россия успела освоить на протяжении своей истории лишь некоторые из европейских демократических традиций (община, земство, дума). Однако ей не удалось испытать на себе полноценного влияния либерализма. Поэтому в России не прижилась идея защиты индивида от вмешательства государства в виде неотчуждаемых прав³. Известно, что и Ч. Милош считал Россию страной, которая не сумела овладеть искусством управления собой в условиях свободы⁴.

Россию необходимо рассматривать в качестве наследницы Византии, ее *имперское сознание* очевидным образом контрастирует с развитием *национального сознания* в строгом смысле данного понятия, утверждает Г. Померанц. В частности, русские поддержали советское вторжение в Прагу в 1968 году не по идеологическим соображениям, а по имперским мотивам: «Мы за это кровь проливали, мы это Западу не отдадим»⁵. Еще задолго до «Пражской весны» Сент-Экзюпери назвал политический код России «дисциплиной улья», обрекающей ее на «жертвы, лишённые величия»⁶.

Как писал, анализируя политический стереотип России, Д. Хэлд, «меланхолические условия России» выделяются даже среди существующих в мире образцов бюрократического доминирования. Известно, что русские цари не могли сопротивляться давлению бюрократиче-

¹ См.: *Бжезинский З.* Большой провал. – N.-Y.: Liberty Publishing House, 1989. – С. 208.

² См.: *Вригт Г. Х. фон.* Три мыслителя. – М.: Блиц, 2000. – С. 250.

³ См.: *Бурлацкий Ф.* О советском парламентаризме // Литературная газета, 15 июня, 1988. – С. 2.

⁴ См.: *Милош Ч.* Поневолений разум. – Мюнхен: Сучасність, 1985. – С. 68.

⁵ См.: *Померанц Г.* Будущее мироустройство и русская идея // Век XX и мир, № 2, 1990. – С. 29-30.

⁶ См.: *Сент-Экзюпери, А. де.* Манон, танцовщица. – М.: ЭКСМО, 2010. – С. 144-145.

ГЛАВА II

ского государства. Царь мог сослать некоторых из своих сановников в Сибирь, но он не имел возможности править вопреки интересам бюрократического класса в целом¹.

По замечанию Ф. Анкерсмита, чем больше в России прибегали к планированию, тем все более заметным становился здесь беспорядок. Чем сознательнее в СССР развивали культуру, тем в большей степени она становилась похожей на «крайне упрощенную реплику французской цивилизации, остановившейся в своем развитии где-то в 1890 году и приспособленную к уровню двенадцатилетнего ребенка»².

И. Бродский писал о России как о стране с развитым языком, высокой моральной чувствительностью и многими иными предпосылками к тому, чтобы стать *культурным раем*, но которая в силу своей глубинной природы стала «адам серости с убогой материалистической догмой и жалкими потребительскими поползновениями»³.

«Россия, – писал И. Бродский, – это просто урок того, на что способен человек. Там уничтожили огромное количество жизней, были истреблены миллионы – но чтобы истребить миллионы, нужны миллионы, которые будут истреблять, да? Поэтому в конечном счете Россия в каком-то смысле состоит из жертв и палачей. Роли там в большей или меньшей степени были разделены именно так. И палачей было довольно много»⁴.

Анализируя русскую историю, говорил А. Медушевский, нетрудно прийти к выводу о том, что Россия неожиданно для самой себя оказалась на пути *догоняющего* развития. Этот способ движения обнаружил себя в серии реформ, проводимых государством сверху с периодичностью примерно одного раза в полстолетия⁵. При этом не-

¹ См.: *Held D. Models of Democracy.* – California: Stanford University Press, 1996. – P. 392.

² См.: *Анкерсмит Ф. Возвышенный исторический опыт.* – М.: Европа, 2003. – С. 428; *Кожев А. Атеизм и другие работы.* – М.: Праксис, 2006. – С. 404; в свою очередь, Р. Пети называл культуру советской России «навязанной населению наподобие продуктовых карточек», см.: *Пети Р. «Тан лие» с Нуриевым.* – Нижний Новгород: Деком, 2007. – С. 8.

³ См.: *Бродский И. Сочинения Иосифа Бродского.* Т. V. – СПб.: Пушкинский фонд, 2001. – С. 23.

⁴ См.: *Бродский И. Книга интервью.* – М.: Захаров, 2008. – С. 329.

⁵ См.: *Медушевский А. Реформы Петра Великого в сравнительно-исторической перспективе // Вестник высшей школы, № 2, 1990.* – С. 80.

ГЛАВА II

достаток самоуправления народа восполнялся всякий раз избытком политической активности правительства. После чего «податливая природа русского человека» (Б. Чичерин) снова забывала свое прошлое, приравнивалась в который раз к новому настоящему¹.

А. Бобковский считал Россию «чужой и всегда враждебной каждому, кто пропитан Западом». Писатель был уверен в том, что из России «струится какая-то зловредная и таинственная поэзия, большое и неразгаданное "X", неизвестный член в том уравнении, которое сложится после войны»². В свою очередь, А. Михнику Россия казалась тем местом, где либеральные идеи растут, подобно розам, на краю выгребной ямы, за которой присматривает жандарм³. Его соотечественник А. Вайда развил его метафору, добавив: «Существуют красивые цветы, растущие только на болоте, они гибнут, когда болото осушено»⁴.

Феномен *гражданина*, возникший на Западе в качестве политического наследия Ренессанса и Реформации, в России практически отсутствовал. Как писал по этому поводу З. Млинарж, русскому обществу не довелось пройти путь от Ренессанса к Просвещению. Под их воздействие в России попал лишь очень узкий слой интеллигенции⁵.

В отличие от России, органический нормативный код США складывался под влиянием доминирования либеральных ценностей (Ф. Фукуяма). Если в Западной Европе еще и сегодня считают приоритетными равенство и солидарность, то американцы выше всего остального ценят свободу. Американцы также твердо убеждены в инструментальном по отношению к гражданскому обществу характере государственной власти, допускают применение силы по моральным соображениям и не торопятся с отменой смертной казни⁶.

¹ См.: Чичерин Б. О народном представительстве. – М., 1899. – С. 530-531, 532-533.

² См.: Бобковский А. Війна і спокій. Французський щоденник 1940–1944. – К.: Критика, 2007. – С. 284, 239.

³ См.: Михник А. У пошуках свободи. Есеї про історію і політику. – К.: Дух і літера, 2009. – С. 63.

⁴ Вайда А. Кино и все остальное. – М.: Вагриус, 2005. – С. 136.

⁵ См.: Млинарж З. Правовое государство и советская система // Проблемы Восточной Европы, № 25-26, 1989. – С. 41.

⁶ См.: Фукуяма Ф. У сучасному світі життєздатними є лише ліберальні суспільства // День, 18 січня, 2005.

ГЛАВА II

Очевидные успехи Соединенных Штатов вызывают в мире одновременно зависть и фрустрацию. Похоже, что европейцы старшего поколения испытывают нечто вроде ностальгии, становясь свидетелями все более массового использования молодежью английского языка. Иногда эта ностальгия трансформируется в горечь или даже «ненависть к Америке – стране, которая поднимается, в то время как мы опускаемся»¹.

В 2004 году Г. Шредер публично заявил о том, что Европа не сможет достичь запланированного на 2010 год уровня инноваций, а президент Еврокомиссии Р. Проди вынужден был признать, что попытка Евросоюза догнать Америку в сфере экономического развития потерпела «грандиозный провал»². «В один прекрасный день, – писали супруги Тоффлер, – если прислушаться к мнению ее апологетов, Европа может превратиться в глобальный противовес тому, что многие называют чрезмерным могуществом США. Однако геополитическая власть предполагает экономическую и военную мощь, а то и другое сегодня во все большей степени зависит от самого тончайшего из всех сырьевых ресурсов – знания. К сожалению, кажется, что Европа все еще не получила этого затерянного где-то в почтовом ведомстве послания»³.

Уловить своеобразие нормативного кода США пытались многие, однако до сих пор вне конкуренции остается в этом отношении А. де Токвиль. Подлинная уникальность США, писал он, проявляется в том, что именно в этой стране человек подчиняется не другому человеку, а исключительно правосудию и закону. Что же касается основной черты американского *образа мыслей*, то ею следует считать идею *самосовершенствования*. По крайней мере, с данным ориентиром связаны почти все философские, образовательные и культурные традиции США. По мнению Р. Арона, США продолжают «сохранять в целостности свои изначальные принципы», а американский народ по-прежнему сохраняет преданность идеалу, который обусловил возникновение Соединенных Штатов⁴.

¹ См.: Дельсоль Ш. Бути французом – це приймати минуле нації // Le Figaro, 13 листопада, 2009. Электронный ресурс: <http://zgroup.cjv.ua/print.php?articleid=3338>.

² См. Тоффлер Э., Тоффлер Х. Революционное богатство. – М.: АСТ, 2008. – С. 504.

³ Там же. – С. 506.

⁴ См.: Арон Р. Эссе о свободах. – М.: Праксис, 2005. – С. 48.

ГЛАВА II

Основными элементами нормативного кода США Д. Рики считает «согласие, подотчетность, ограниченное или конституционное правление, представительство, правление большинства, права меньшинств, принцип политической оппозиции, свободу мысли, слова, печати и собраний, равенство возможностей, религиозную терпимость, равенство перед законом, право на юридическую защиту и принцип индивидуального самоопределения во множестве вопросов частной жизни»¹.

Что касается идеи множественности и разнообразия, то она буквально пронизывает американскую политическую культуру. Как пишет К. Палья, в Западной Европе работает не так уж много радиостанций, причем большинство из них контролирует государство. В США, наоборот, приемники и телефоны насыщены музыкой и голосами столь же разнообразными, как и настроения поэм Д. Байрона. Миллионы американцев мчатся в своих автомобилях по шоссе и по поверхности музыки, ощущая себя одновременно покорителями географического и культурного пространства².

Примечательно, что Ф. Джеймисон считает постмодернизм «первым сугубо американским глобальным стилем»³, а И. Менухин обращает внимание на то обстоятельство, что американский народ лишен предрассудков и не склонен порицать новое. «Несмотря на неудачные внешнеполитические авантюры, несмотря на дипломатию, в основе которой часто лежит бизнес, а не искусство навигации в изменчивом жизненном море, Соединенные Штаты выступали и выступают за великое дело свободы и добра. Я и сейчас верю, что они – надежда всего мира», – писал он⁴.

Американские подходы по-прежнему играют ведущую роль на этапе модернизации мира (Т. Парсонс). При этом реализация американского принципа равных возможностей предполагает наличие ры-

¹ См.: Ricci D. The Tragedy of Political Science. – New Haven and London: Yale University Press, 1984. – P. 71.

² См.: Палья К. Личины сексуальности. – Екатеринбург: У-Фактория, 2006. – С. 451.

³ См.: Джеймисон Ф. Постмодернизм, або логіка культури пізнього капіталізму. – К.: Курс, 2008. – С. 20.

⁴ См.: Менухин И. Странствия. – М.: Колибри, 2008. – С. 402, 336.

ГЛАВА II

ночной системы, правопорядка и национального государства, освобожденного от религиозного контроля.

США продвинулись дальше других в отказе от неравенства, определяемого социальным происхождением. Внедрив у себя беспрецедентно широкий спектр прав и свобод, они параллельно воспользовались результатами образовательного взрыва, который синтезировал в себе результаты демократической и промышленной революций. В итоге, писал Д. Рокфеллер, «одной из наших основных обязанностей является обеспечение разумного и последовательного руководства, которое прочно заложено в национальных ценностях и идеалах. Поступить иначе – означает гарантировать возврат к конфликтам, которые характеризовали залитый кровью XX век»¹.

Используемая в США модель представительного правления в сочетании с федерализмом обеспечивают по-настоящему высокую степень автономности гражданского общества по отношению к государству. Как писал по этому поводу Т. Фридман, возможность каждого индивида мечтать и претворять в действительность свои мечты обеспечивается в США наилучшим образом. Соединенные Штаты являются сегодня творческим средоточием мира, именно здесь машина человеческой фантазии работает на полную мощность².

По мнению Г. фон Кайзерлинга, США стали страной, в которой человек достиг максимальной свободы вместе с наивысшей степенью жизненного комфорта. Пытаясь «вступить в непосредственный контакт с глубинами американского бессознательного», он пришел к выводу о том, что «сегодня мы живем в северо-американский период истории, такой же, по сути дела, исторический период, каким в свое время были египетский, эллинский, римский, германский, французский и английский. Этим я хочу сказать, что сегодня речь идет не о том, чтобы принять или отвергнуть Соединенные Штаты, а о чем-то прямо противоположном: лишь утверждаясь в отношении Соединенных Штатов, дух прочих культур может сохранять какое бы то ни было историческое значение»³. Постоянно растущая роль знаний

¹ См.: Рокфеллер Д. Мемуари. – К.: Юніверс, 2009. – С. 509.

² См.: Фридман Т. Плоский мир: краткая история XXI века. – М.: АСТ, 2007. – С. 460.

³ См.: Кайзерлинг, Г. фон. Америка. Заря нового мира. – СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2002. – С. 16, 5. Как считал Г. фон Кайзерлинг, «какими бы

ГЛАВА II

в экономике США параллельно доказывает справедливость тезиса о том, что *одни культуры могут быть органически более продуктивными, чем другие*¹.

Уверенность Г. фон Кайзерлинга в существовании уникального нормативного кода США покоилась на его убеждении в том, что «мысль невозможно по-настоящему перевести с одного языка на другой, ибо каждый народ мыслит своими собственными, *не такими, как все остальные* (курсив мой. – В. Р.), мыслями»².

Политические институты любой страны должны соответствовать ее национальному коду, ибо только в этом случае они являются долговечными. Если между смыслом и формой политического института нет гармонии, он рискует подорвать или полностью утратить свою энергию и силу. Например, в Англии не ощущается потребности в писаной конституции, ибо там все зиждется на прецеденте, обычае, добросовестности и здравом смысле. Однако даже здесь законодатель не смог бы справиться с управлением страной, если бы в ее правовой системе не учитывались вопросы языка, религии, национальных традиций и культуры³.

Как утверждает Д. Раек, США *не могут не жить* в условиях политического рынка. Но это означает также и то, что в мирное время Соединенные Штаты не управляются решениями централизованного типа. Вместо этого они руководствуются миллионами решений, принимаемых гражданами во всех уголках данной страны и во всех сферах жизни. Очевидно, что подобный стиль руководства можно признать важным элементом американского нормативного кода⁴.

Во Франции, наоборот, гражданин в глубине своего естества выглядит наиболее иррациональным из европейцев. Опираясь на известное определение Вольтером личности как *совершенной посредственности*, А. Бобковский применил его для описания доминирующей ориентации жителей французской столицы в первой половине XX

негативными последствиями для культуры ни обернулась американизация, проблемы, стоящие сегодня на первом месте, именно таковы, что к их решению в наибольшей степени способна нация типа американской» (См.: Там же. – С. 210).

¹ См.: Тоффлер Э., Тоффлер Х. Революционное богатство. – М.: АСТ, 2008. – С. 525.

² См.: Кайзерлинг Г. фон. Америка. Заря нового мира. – СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2002. – С. 19.

³ См.: Леонард М. XXI век – век Европы. – М.: АСТ, 2006. – С. 153.

⁴ См.: Тэрнер Д. Филантропия в Америке // Америка, № 325, декабрь, 1983. – С. 15.

ГЛАВА II

века. Будучи воплощением подобного нормативного кода, Франция, оказавшись под колоссальным внутренним и внешним давлением, вынуждена была уступить. Физически ее разбил А. Гитлер, а психически – разложил коммунизм¹.

Что касается нормативного кода Украины, то о нем было бы уместно написать отдельную книгу. Как известно, политически вдохновлявшая не одно поколение украинцев *История Русов* (1846) была буквально пропитана идеями либерализма. Документом свободолюбия украинского народа ее считал Ю. Липа. Как утверждает в *Истории Русов*, если некая форма правления предпримет попытку лишить своих подданных принадлежащих им врожденных прав, то народ имеет право свергнуть ее, установив новое правление, организующее власть в наиболее подходящей для достижения безопасности и народного счастья форме².

С другой стороны, подчеркивает Н. Яковенко, если для польских шляхтичей сюзерен был просто наиболее богатым и влиятельным человеком, то украинцев завораживал иррациональный аристократический ореол, которым сопровождалась «княжеская кровь»³.

Так или иначе, возвышение запорожского козачества в XVII веке принято считать определяющей чертой политического имиджа современной Украины. Украинские историки – М. Костомаров, М. Грушевский, В. Липинский, Д. Дорошенко и др. вместе с такими «литераторами-воспитателями национального духа» (П. Магочий), как Т. Шевченко и И. Франко, усматривали в обычаях и традициях запорожского козачества квинтэссенцию политического характера украинцев.

Даже те из них, кто осуждал козаков за анархическое неприятие ими идеи государственности (П. Кулиш) и трагическое фиаско в борьбе за украинскую независимость (В. Антонович), вынуждены были согласиться с тем, что именно свободным украинским козакам

¹ Бобковський А. Війна і спокій. Французький щоденник 1940–1944. – К.: Критика, 2007. – С. 427, 233, 35.

² П. Магочий советует обратить внимание на источник: Ohloblyn O. The Ethnical and Political Principles of «Istoriya Rusov», Annals of the Ukrainian Academy of Arts and Sciences, II. – New York: 1952. – P. 393.

³ См.: Яковенко Н. Нарис історії середньовічної та ранньомодерної України. – К.: Критика, 2005. – С. 160.

ГЛАВА II

принадлежит главная роль в развитии политического самосознания украинского народа¹.

Отстаивая свои вольности и права, некоторые из украинских громад нашли в себе силы сопротивляться давлению государственной машины в течение десятилетий². Не случайно канцлер Ю. Немырич в 1659 году говорил: «Мы рождены в свободе, воспитаны в свободе, и, как свободные люди, ныне возвращаемся к ней. И [мы] готовы умереть за нее <...> вместе со всей нашей отчизной. Она была нашим вдохновением, это почва, которую не разрушили ни отличия в языке, ни даже религия»³.

История Русов вкладывает в уста козаков под командованием Б. Хмельницкого такие слова: «Лучше нам быть во всегдашних бранях за вольность, чем налагать на себя новые оковы рабства и неволи. Да и кому из соседствующих народов отдаться можно без ужаса и содрогания?»⁴.

Период истории Украины с 1648 по 1783 год А. Карась называет «эпохой козацкого права». В эти годы казаки жили в равноправном статусе, вне зависимости от своего социального происхождения или имущественного ценза. Большинство вопросов, затрагивающих их вольности и права, решались на основе демократических процедур. Известно, что в Запорожской Сечи мирно уживались представители более чем двух десятков этносов и вероисповеданий. В результате козацкий идеал свободного человека, обладающего личным иммунитетом, проник в менталитет украинского народа⁵. Этому не смогло помешать даже то обстоятельство, что «угодничество и заискивание перед сильными» (В. Базилевский) скомпрометировали репутацию многих украинских публичных фигур⁶.

¹ См.: *Магочий П.* Історія України. – К.: Критика, 2007. – С. 156.

² Козачество Стародубского козацкого полка выстояло в течение 1748–1779 гг. перед попытками государства превратить их в обычных подданных.

³ См.: *Яковенко Н.* Нарис історії середньовічної та ранньомодерної України. – К.: Критика, 2005. – С. 374.

⁴ См.: *Конисский Г.* Історія Русовъ. – М.: Въ Университетской Типографіи, 1846. – С. 99.

⁵ См.: *Карась А.* Філософія громадянського суспільства в класичних теоріях і некласичних інтерпретаціях. – Львів: Видавничий центр ЛНУ ім. І. Франка, 2003. – С. 458.

⁶ См.: *Базилевський В.* Холодний душ історії. – К.: Ярославів вал, 2008. – С. 527.

ГЛАВА II

Становление нормативного кода украинцев было тесно связано с их борьбой за независимость и свободу, с поиском национальной идентичности, зарождением гражданского общества и драматическим опытом обретения и утраты государственной независимости в начале XX века.

Дальнейшее развитие интеллектуальной платформы украинского либерализма в конце XX – начале XXI века взяли на себя такие фигуры, как И. Дзюба, С. Грабовский, О. Гринив, М. Рябчук, П. Кравченко, С. Вовканич, В. Войтенко, Ю. Андрухович, О. Забужко, М. Попович, И. Мирчук, А. Кульчицкий, В. Янив, Б. Цимбалистый, Е. Сверстюк, М. Шлемкевич, В. Базилевский и др.

«Украина предстала передо мной страной высокомерных бюрократов, голодных нищих и бездомных детей», – писал в ноябре 1998 года А. Сидорук¹. С тех пор прошло больше десяти лет, но на вызов времени у Украины все еще нет адекватного конституционного ответа. С другой стороны, трансформация нормативного кода нации не происходит в одночасье.

Как отмечают по этому поводу Ж. Делез и Ф. Гваттари, «не существует общественной формации, которая не предчувствовала или не предвидела ту реальную форму, в которой она может столкнуться с пределом, форму, которую она всеми силами отвергает. Отсюда упорство, с которым предшествующие капитализму формации ограничивают деятельность торговца и ремесленника, мешая потокам денег и потокам производства приобрести автономию, которая разрушила бы их коды»².

Любой национальный код является сегментом еще более широкого нормативного пространства. В историческом плане он вписывается в нормативный домен человеческой цивилизации в целом. Органическая нормативность присуща процессам адаптации человека к ценностям мира, свободы и справедливости³. С другой стороны, если нормативные усилия наций являются избыточно целеустремленными, трудно ожидать от них творческой силы и производительности

¹ См.: Сидорук А. Які національні кольори в Україні? // День, 26 листопада, 1998.

² См.: Делез Ж., Гваттари Ф. Анти-Эдип: капитализм и шизофрения. – М.: АСТ, 2007. – С. 278.

³ См.: Хайек Ф. Общество свободных. – London: 1990. – С. 195.

ГЛАВА II

(Л. Эрхард)¹. Связь между правом, демократией и рынком является очевидной, но неоднозначной. Гораздо проще говорить, например, о несовместимости либерализма с распределительной экономикой и т.п.²

В Голландии XVII века интересы государства и предпринимателей пошли «нога в ногу», так что купцам власть вообще перестала приказывать³. Из подобного опыта постепенно выкристаллизовалось современное представление о том, каким должно быть государство, не посягающее на органическую природу человека. Что же касается международной политики, то противостояния и конфликты на уровне нормативных кодов государств постепенно переместились здесь из военного в гражданское пространство.

Противостояние СССР – США сменилось *расхождением политик* США, Китая, России и Европейского Союза. При этом США и Западная Европа по-прежнему все дальше расходятся друг от друга, что дает пищу для размышлений. По крайней мере, как писал по этому поводу Ф. Анкерсмит, у нас «нет оснований для самодовольства ни по ту, ни по другую сторону Атлантики»⁴. Как отмечают супруги Тоффлер, «как бы заманчиво ни выглядели перспективы этого воображаемого союза (Западной Европы и США. – В. Р.), реальность, к сожалению, такова, что Соединенные Штаты и Европа скорее все дальше уходят друг от друга, чем сближаются»⁵.

¹ См.: Эрхард Л. Благополучие для всех. – USA: Посев, 1990. – С. 231.

² См.: Revel J.-F. Democracy Against Itself. – USA: Free Press, 1993. – P. 155.

³ См.: Бродель Ф. Время мира. – М.: Прогресс, 1992. – С. 204-205.

⁴ См.: Анкерсмит Ф. Возвышенный исторический опыт. – М.: Европа, 2003. – С. 105.

⁵ См.: Тоффлер Э., Тоффлер Х. Революционное богатство. – М.: АСТ, 2008. – С. 494. Кроме этого, они пишут: «На сегодняшний день в способе мышления Европейского союза доминируют ключевые принципы стандартизации, концентрации, максимизации масштабов и централизации. Таким образом в то время, как основанные на знании экономики движутся от массивификации к демассивификации продуктов и рынков – и этот процесс сопровождается ростом социального и культурного разнообразия, – Евросоюз нивелирует национальные различия. Восхваляя принцип разнообразия на словах, он на самом деле пытается "гармонизировать" буквально все – от налогов до косметики, от резюме при приеме на работу до правил управления мотоциклом» (Там же, С. 496). И далее: «В 2005 году граждане Франции и Голландии отвергли предложенную Европарламентом конституцию, этот шедевр бюрократического мастерства размером в 400 страниц. Критики отмечали, что авторам конститу-

ГЛАВА II

При этом всюду существует несовпадение нормативных кодов гражданского общества и государства на глобальном уровне. С одной стороны, политические лидеры («государство») научились распознавать реальность, которая остается невидимой для избирателей, с другой – свобода и эффективность действий элит в условиях демократии ограничивается уровнем информированности широких кругов («гражданское общество») населения. В дополнение к этому общественность культивирует ценности, которые выглядят сомнительными в глазах истеблишмента. Например, утечка правительственных секретов через *Wiki Leaks* Д. Ассанжа (2010) оценивалась общественностью совсем не так, как официальными властями. Не исключено, что в данной истории уже сегодня можно распознать признаки *угрозы угнетения гражданской свободы глобальным политическим руководством*¹.

Реальное существование крупномасштабных нормативных кодово-ориентаций само по себе не гарантирует легкости в их восприятии. На пути к правильному пониманию национальных кодов существует немало препятствий. Часто ими являются устаревшие мифы и архетипы. Например, «славянофильская фантазия» П. Новгородцева; отрицание К. Аксаковым политического честолюбия у русских; убежденность Ф. фон Гофманстала в «дегенерации старых народов»²; отвержение П. Скоропадским «социализации» для украинцев³ и др. Практически на все нормативные установки подобного рода влияет также «коллективное бессознательное»⁴.

По наблюдению Д. Сороса, различие нормативных ориентаций Запада и Востока является сегодня очевидным, однако не лишенным парадоксальности. В богатых США аккумуляция материальных ресурсов продолжается просто потому, что оно отвечает традиционному стремлению американцев к творчеству. Наоборот, в относитель-

ции США потребовалось [для достижения этой цели] менее десяти страниц, включая Билль о правах» (Там же, С. 497).

¹ См.: *Novak M. The Spirit of Democratic Capitalism. – London: The IEA Unit, 1991. – P. 172.*

² См.: *Крушельницький І. Розмови з Гофмансталам. // Ї, 1997, № 9. – С. 31.*

³ См.: *Скоропадський П. Спогади. – Київ-Філадельфія, 1995. – С. 50.*

⁴ См.: *Морін Е. Метанаціональна провінція? // Ї, № 9, 1997. – С. 18.*

ГЛАВА II

но небогатой Восточной Европе люди больше интересуются поэзией и философией.

Как уже отмечалось выше, в мире существуют также нормативные ориентации *глобального* уровня. Например, современная концепция правового государства (верховенства права), сложившаяся на основе универсальной потребности в ускорении социальных трансакций.

Глубоко закономерным является, по-видимому, сам колебательный ритм политического процесса. Как писал в свое время П. Кропоткин, природе претит как принудительный коллективизм, так и насильственная изоляция, если они не чередуются друг с другом. В аналогичном смысле можно говорить об отношениях труда и капитала, которые не бывают ни партнерскими, ни антагонистическими постоянно¹. Как писал Ш. Фурье, политическому сообществу разногласия присущи в той же степени, что и согласия. Поэтому политический процесс основан, по его мнению, на чередовании гражданских «симпатий» и «антипатий».

Социум пребывает в состоянии множественных флуктуаций, не переходящих в хаос только потому, что параллельно с процессами энтропии в обществе функционируют стабилизирующие связи. Между устойчивостью, обеспечиваемой связями, и неустойчивостью, порождаемой флуктуациями, возникает соперничество, результаты которого определяют общий порог политической устойчивости².

Таким образом, общество представляет собой сложную систему, претерпевающую огромное число бифуркаций, порождающих культурное многообразие. При этом социальная чувствительность к флуктуациям вселяет одновременно надежду и тревогу. Надежду, ибо даже малые флуктуации могут усиливаться, изменяя структуру сложной системы (это означает, что индивидуальные усилия не бессмысленны). Тревогу, ибо стабильность в мире больше не гарантируется действием непреходящих законов³.

По мнению В. Вернадского, колебания активности живого вещества происходят в *историческом* времени примерно по такой же

¹ См.: *Стахів М.* Україна в добі Директорії і УНР. – Scranton: Ukrainian Free University, 1964. – С. 208-209.

² См.: *Пригожин И., Стенгерс И.* Порядок из хаоса. – М.: Прогресс, 1986. – С. 249-250.

³ Там же. – С. 386.

ГЛАВА II

нормативной схеме, по которой колебательные процессы в неживой материи проявляют себя в *геологическом* времени. Подобно тому, как в процессах геологического времени атом и химический элемент не возвращаются к своему исходному состоянию (положению), в историческом времени данный эффект проявляет себя в неповторимости *индивидуальности*, отсутствии тождественных личностей¹. Неизменность субстанции индивида означает, что его **Я** никогда не переходит в **Мы**. Помимо этого, всякий индивид колеблется между публичным самоутверждением и приватной обособленностью, что также объясняет многое в его политическом поведении.

У Ж. Ле-Гоффа наиболее крупные политические колебания происходят от балансирования Запада между христианской доктриной предопределения (божественного детерминизма) и верховенством свободной человеческой воли, грозящей анархией в мире². В свою очередь, по мысли Э. Мунье, политика рискует погубить себя, если не научится прислушиваться к истинам, свидетельствующим в пользу Абсолюта³.

Как полагал И. Берлин, людям полезно следовать принципам, не конфликтующим между собой. Но если достигнуть этого не удастся, нужно следовать правилам, в которые мы просто верим. Если в мире не существует неукоснительных (*hard-and-fast*) органических правил, люди должны предпринимать лучшее из того, что возможно⁴.

По мнению Н. Лосского, сущность человека воплощает в себе образ Божий – путеводную звезду всякого данного **Я**, которая, однако, не является непосредственной причиной политических действий. Напротив, по В. Соловьеву, превалирующий поведенческий стереотип воплощает в себе протестантский принцип личной совести и свободы⁵. Для множества людей в основе органической нормативности лежит представление о *справедливости*, которая ассоциировалась первоначально со Страшным Судом, затем – с христианской сове-

¹ См.: Вернадский В. Философские мысли натуралиста. – М.: Наука, 1988. – С. 23, 24.

² См.: Ле-Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. – М.: Прогресс, 1992. – С. 111.

³ См.: Мунье Э. Что такое персонализм? – М.: Издательство гуманитарной литературы, 1994. – С. 45.

⁴ См.: Berlin I. Four Essays on Liberty. – N.-Y.: Oxford University Press, 1986. – P. LY.

⁵ См.: Соловьев В. Сочинения, в 2-х т. Т. 1. – М.: Правда, 1989. – С. 165.

ГЛАВА II

стью, традицией, общественным мнением, разумом, правами человека, коллективизмом, плановой экономикой и равенством возможностей¹. Но даже если этот перечень является неполным, мы должны согласиться с тем, что ни один политический режим не опирается только на официальные полномочия.

Элементы органической нормативности присутствуют в теории народного суверенитета (Ж.-Ж. Руссо), неотчуждаемых прав (Д. Локк), разделения властей (Ш. Монтескье), свободы как цели политики (Гегель), ограниченного правления (Т. Джефферсон, Д. Мэдисон). К ним близко примыкают нормативные системы, воплощенные в *Доктрине Д. Монро* (1823), *Четырнадцати пунктах* В. Вильсона (1918), *Четырех свободах* Ф. Рузвельта (1941)², *Атлантической хартии* (1941) и др.³

Значимость той или иной нормативной платформы может варьировать в зависимости от политической (геополитической) обстановки. Например, в США основными нормативными требованиями считаются свобода слова, свобода вероисповедания, совести, собраний, а также право на равную защиту перед законом и судом⁴. Президент В. Гавел считал наиболее важной свободу передвижения «в широчайшем значении этого слова»⁵, а у Х. Арендт главным нормативным требованием выступает уважение к человеческому достоинству⁶.

Д. Локк признавал органическим равенство граждан перед законом⁷, а по К. Попперу, ни один человек не может считаться более значимым, чем любой другой. Ж. Кондорсе выводил нормативные приоритеты из моральных ценностей, а Г. Мабли главным условием

¹ См.: Яковлев А. Конституционный строй: социальный и правовой аспект // Вопросы философии, № 10, 1995. – С. 8.

² Три из четырех свобод Ф. Рузвельта нашли воплощение в преамбуле к Конституции Японии (1947): «Мы твердо убеждены [в том], что все народы мира имеют право на мирную жизнь, свободную от страха и нищеты». В свою очередь, три свободы *Декларации независимости США* получили свое отражение в ст. 13 этой же Конституции: «Все люди заслуживают уважения как личности. Их право на жизнь, свободу и стремление к счастью является, поскольку это не посягает на общее благо, высшим предметом заботы в области законодательства и иных государственных дел».

³ См.: Американська демократія. – США: Сучасність, 1990. – С. 85, 101, 104, 106.

⁴ См.: Что такое демократия. – США: Издательство Информационного агентства США, 1991. – С. 8.

⁵ См.: *Havel V. Open Letters.* – N.-Y.: Vintage Books, 1992. – P. 122.

⁶ См.: *Arendt H. The Origins of Totalitarianism.* – N.-Y.: A Harper Book, 1973. – P. 298.

⁷ См.: *Локк Д. Сочинения в трех томах.* Т. 3. – М.: Мысль, 1988. – С. 316-317.

ГЛАВА II

человеческой гармонии считал правительственную заботу¹. Известно, что у Ш. Монтескье жилище гражданина – это его крепость...

Признание тех или иных политических принципов, схем и моделей в качестве органических не означает, что их действенность может проявить себя вне сознательных усилий. Зависимость эффективности нормы от ее эмоциональной матрицы позволяет правилу стать популярным не раньше, чем определенная критическая масса людей искренне присоединится к его требованиям.

Известно, что именно Дж. Картер (вместе с З. Бжезинским) ввел идею *прав человека* в практику международной политики. Если до этого *Всеобщая декларация прав человека* (1948) пребывала где-то в стороне от политической кухни, то с его приходом на нее стали ссылаться важнейшие документы. Когда Дж. Картер поставил американскую помощь в зависимость от соблюдения прав человека, эксперты стали писать о недопустимости смешения политики и морали. Однако более тесное знакомство с личностью Дж. Картера свидетельствует о том, что многие из американских политических инициатив были действительно связаны с его психологическими установками.

Что касается процедурных аспектов становления органической нормативности, то их убедительно изложил Ф. Хайек. По его мнению, удачная комбинация знаний, навыков и способностей, обычно формирующих норму успеха, является результатом деятельности индивидов, которые имитируют тех, кто был удачлив первым, и чье поведение, руководимое специальными сигналами и символами (высокими ценами за их продукцию, выражением морального и эстетического одобрения со стороны окружающих) сделало их образцовыми².

Норма может возникнуть из попытки В. Вильсона убедить мир в необходимости интеграции или, как у Дж. Картера, из стремления поддержать права человека. В каждом конкретном случае важной является эмоциональная, моральная и эстетическая оправданность предпринимаемых усилий. Как писал по этому поводу Ф. Фукуяма, хотя дефекты социалистических экономик были очевидны еще за 50 лет до горбачевской перестройки, СССР стал отходить от централи-

¹ См.: *Мабли Г.* Избранные произведения. – М.-Л.: Издательство АН СССР, 1950. – С. 264-265.

² См.: *Hayek F.* *The Constitution of Liberty.* – Chicago: University of Chicago Press, 1960. – P. 28-29.

ГЛАВА II

зованного планирования только после того, как в сознании его элит состоялся выбор в пользу протестантского стремления к богатству и риску, а не католического идеала бедности и стабильности¹. Poleмизуя с Ф. Фукуямой, Д. Мойнихен утверждал непоколебимость *поощрения* и *наказания* в качестве органических источников нормирования жизни², однако его аргументация не выглядит достаточно убедительной.

Для уяснения того, как работает механизм возникновения органической нормативности и как осуществляется ее последующая трансформация в нормативность правовую, следует вспомнить о том, что использование рынка снимает необходимость подчиняться господствующему мнению в огромном количестве жизненных ситуаций. Чем шире диапазон рынка, тем меньше остается вопросов, требующих волевого, силового или демократического решения. В свою очередь, чем меньше возникает подобных вопросов, тем более вероятным становится политическое согласие и вытекающее отсюда органическое состояние общества³.

З. Фрейд писал в свое время о том, что замена власти *сильного человека* властью, легитимированной коллективом, есть решающий шаг на пути культуры. Сегодня, однако, и демократическое принуждение устраивает немногих. Все дело в том, что количество *индивидуальных* жизненных проектов и поведенческих образцов в мире постоянно растет. Как считал Д. Вико, неограниченность человеческого разума невольно делает его правилом во всем, чего он до конца не знает⁴. Данный тезис частично объясняет и множественность существующих в мире политических стратегий и тактик.

Если предрассудком прошлого было принято считать священное право королей, то предрассудком настоящего следует признать священное право парламентов⁵. Согласно Г. Спенсеру, политически сво-

¹ См.: Фукуяма Ф. Конец истории? // Проблемы Восточной Европы, № 27-28, 1989. – С. 92.

² См.: Мойнихен Д. Еще об эссе Фукуямы // Проблемы Восточной Европы, № 27-28, 1989. – С. 124.

³ См.: Фридман М. Капитализм и свобода. – N.-Y.: Chalidze Publications, 1982. – С. 44.

⁴ См.: Вико Д. Основания новой науки об общей природе наций. – М.-К.: REFL-book, 1994. – С. 83.

⁵ См.: Spencer H. The Man Versus the State. – USA: Indianapolis, 1981. – P. 123.

ГЛАВА II

бодный индивид не должен участвовать в акциях, направленных на достижение чуждых для него целей. Абсолютно обязательным для людей может быть лишь правило, в отношении которого сложился консенсус. В частности, нетрудно заручиться общим согласием по вопросам сопротивления агрессии, защиты жизни и собственности, а также возможности полноценно наслаждаться ими.

Как следствие универсально нормативной принято считать защиту личности и свободы, причем любая *коллективная* интерпретация данного принципа рискует оказаться беспредметной. Так или иначе, вмешательство в сферу свободы граждан в большей степени, чем это необходимо для ее защиты, Г. Спенсер называл «предложением по улучшению жизни посредством разрушения фундаментальных условий ее существования»¹.

Все это означает, что органическая политическая активность является в большинстве случаев децентрализованной, а политические акции желательно предпринимать в рамках *минимально* необходимых общностей и коллективов. Активность же более крупных политических институтов оправдывается лишь теми обстоятельствами и условиями, которые продолжают сохраняться после всей возможной локализации и децентрализации политической жизни².

Ф. Хайек неоднократно писал о том, что всемогущий парламент представляет собой реальную угрозу индивидуальной свободе³. При этом повинных в юридическом позитивизме законодателей он называл «самоволящими» машинами (*self-willed-machine*). Если те, кто принимает решения, могут издать любой понравившийся им закон, то очевидно, писал он, что сами они оказываются неподвластными закону. Так возникает общество, не отвечающее идеалу справедливости⁴.

Как полагал, в свою очередь, Н. Бердяев, государство как ценность низшего порядка всегда стремится подчинить себе жизнь индивидов как ценность высшего порядка. Сходные аргументы он выдвигал и по

¹ См.: *Spencer H. The Man Versus the State.* – USA: Indianapolis, 1981. – P. 161, 164.

² См.: *Бьюкенен Д. Сочинения.* – М.: Таурус-альфа, 1997. – С. 147, 148.

³ См.: *Hayek F. Law, Legislation and Liberty.* Vol. 3. – Chicago: University of Chicago Press, 1979. – P. 102.

⁴ См.: *Хайек Ф. Общество свободных.* – London: 1990. – С. 51, 52.

ГЛАВА II

поводу отрицания необходимости подчинения личности социальной группе.

Не будучи связанным органической конституцией, государство из попечителя гражданского общества рискует превратиться в его хозяина – сверхгосударство. И если нечто подобное происходит, то правительство автоматически превращается из политического менеджера в тирана, поглощающего все функции и отправления свободной общественности¹. Не следует забывать и о том, что любой писанный закон – это разновидность регламента, сковывающего человеческую эвристику². Потенциал стагнации присутствует в любом позитивном законодательстве, поэтому любой парламент должен быть ограничен *метазаконом* или конституцией.

Гарантирование свободы индивида и гражданского общества в целом обеспечивается установлением пределов вмешательства государственной власти в гражданскую жизнь не только в мирное, но и в военное время. Речь идет об определении сфер индивидуальной свободы; маркировке культурно чувствительных зон, свободных от правового регулирования; формулировании неотчуждаемых прав и свобод человека; разделении властей и придании независимого статуса судебной власти; защите народного суверенитета от посягательств государства; праве народа на восстание, а граждан – на владение оружием.

Трудность осуществления данных требований заключается в том, что органическими являются не только приоритеты индивида и гражданского общества, но и соблазн установления диктатуры, избыточного администрирования, злоупотребления охранительными функциями, ограничения прав индивида в интересах общества и т.п. Все это означает, что *в реальной жизни регулирование политической активности предполагает не только конституционное закрепление норм свободы, но и неизбежную конкуренцию данных норм с нормами порядка.*

Органически сложившийся баланс *норм порядка* (в пользу государства) и *норм свободы* (в пользу гражданского общества) присутствует в конституционном законодательстве США, стран Западной Европы,

¹ См.: *Drucker P. Post-Capitalist Society. – USA: Harper Business, 1993. – P. 121,122.*

² См.: *Каныгин Ю. Основы когнитивного обществоведения. – К., 1993. – С. 107.*

ГЛАВА II

Японии... Однако в конституционно охраняемой свободе явно отражается *доминирующий* вектор социальной динамики и прогресса.

Органический конституционализм исходит из того, что любое правительство, каким бы доброжелательным, нейтральным и рациональным оно ни было, склонно трактовать большинство людей как меньшинство¹. Идея о том, что любое правительство стремится к притеснению свободы и вторжению в пространство органических норм (natural laws), считается конституционной аксиомой². В этом смысле все настоящие конституции призваны препятствовать экстраполяции правительственных усилий на сферы жизни, по своей природе требующие свободы от регулирования.

Главное различие между свободным и тоталитарным обществом заключается в том, что в первом случае правительственные решения затрагивают ресурсы, предназначенные исключительно для правительственных целей, а во втором – применяются ко всем наличным ресурсам, включая также и самих граждан³. Это убедительно продемонстрировали социалистические страны, постепенно утратившие свою эффективность даже там, где государство считается универсально необходимым.

Однако проблема заключается не только в том, больше или меньше государства должно быть, но и в различии между «хорошим» государством и «плохим». Не может быть морального государства, отрицающего свободу, рынок и частную собственность. С другой стороны, эффективный рынок не может существовать без защиты свободы, которую обеспечивает сильное государство. Таким образом, мы обязаны контролировать и ограничивать сферу государственного принуждения, не забывая при этом о защите граждан и свободных институтов от угрозы беспорядков и насилия⁴. Только в этом случае функционально узкие правительственные цели обретают шанс гар-

¹ См.: *Berlin I. Four Essays on Liberty.* – N.-Y.: Oxford University Press, 1986. – P. LXII.

² См.: *Dewey D. The Essential Writings.* – N.-Y.: Harper Torchbooks, 1977. – P. 227.

³ См.: *Hayek F. Law, Legislation and Liberty. Vol. 3.* – Chicago: University of Chicago Press, 1979. – P. 24.

⁴ Как утверждается в преамбуле к Конституции Японии (1947), «принципы политической морали являются всеобщими и <...> следование этим принципам является долгом всех государств, которые сохраняют собственный суверенитет и поддерживают равноправные отношения с другими государствами». См.: Конституции буржуазных государств. – М.: Юридическая литература, 1982. – С. 248.

ГЛАВА II

монично сочетаться с броуновскими траекториями субъектов гражданского общества.

Подобно тому, как футбольный арбитр не имеет права сам бить по мячу, государство не должно вмешиваться в деятельность свободных институтов. С этой целью в евроатлантическом мире используется механизм конституционных гарантий, препятствующих бюрократической экспансии и произволу. Речь идет прежде всего о верховенстве права, принципе разделения властей, механизме сдержек и противовесов, неотчуждаемых субъективных правах и юридической процессуальной форме¹.

Г. Спенсер не раз ставил перед собой риторический вопрос о том, для чего существует государство. И отвечал на него следующим образом: государство существует не для образования граждан, не для обучения религии, не в целях милосердия и не для строительства дорог. Оно существует для защиты личности и собственности, предупреждения насилия сильных над слабыми, то есть для обеспечения справедливости. Оно не должно стремиться к осуществлению меньшего, ему не должно быть позволено большее².

Анализируя роль органических норм в процессе широкомасштабных политических трансформаций, О. Тоффлер пришел к выводу о том, что данные нормы должны опираться на права меньшинств, «полунепосредственную» демократию и децентрализованные (разделенные) решения³. В свою очередь, Б. Рассел относил к первоочередным задачам органического нормирования не поиск новых средств обеспечения безопасности и порядка (обычно отбрасываемых людьми в пользу авантюры), а поиск баланса между безопасностью и риском, уверенностью в завтрашнем дне и свободным творчеством⁴.

¹ См.: *Hayek F. Law, Legislation and Liberty. Vol. 3.* – Chicago: University of Chicago Press, 1979. – P. 100.

² См.: *Spencer H. The Man Versus the State.* – USA: Indianapolis, 1981. – P. 187.

³ См.: *Toffler A. The Third Wave.* – N.-Y.: Bantam Books, 1994. – P. 441.

⁴ См.: *Russell B. Authority and the Individual.* – N.-Y.: Simon and Shuster, 1949. – P. 10.

2.2. Свобода как органический фундаментальный фактор политической активности

В предыдущем параграфе был рассмотрен вопрос об органических (предправовых) нормах политической активности. В настоящем параграфе тема органических норм конкретизируется применительно к феномену политической свободы.

2.2.1. Категория политической свободы

В брошюре Информационного агентства США, посвященной современной демократии, говорится, что основной вклад демократии в культуру заключается в предоставлении людям свободы творить, экспериментировать, исследовать мир человеческого разума и духа¹. Анализируя роль свободы применительно к прогрессу, П. Фейерабенд писал о том, что свобода – это единственный принцип, который не препятствует прогрессу, в интересах которого *допустимо все* (anything goes)². В свою очередь, для Д. Ролза свобода выступает первым и самым важным принципом справедливости, с которого все начинается³. Каждый индивид, согласно теории Д. Ролза, должен иметь право доступа к основной свободе, сопоставимое с аналогичным правом других, из чего вытекает невозможность возникновения политических обязательств у граждан. Свобода необходима людям уже хотя бы потому, что подлинный выбор, который они совершают в пользу того или иного вида активности, возможен лишь в обстоятельствах свободы.

Д. Брайс считал, что демократия должна лелеять индивидуальную свободу, которая одухотворяет собой свободу политическую⁴,

¹ См.: Что такое демократия. – США: Издательство Информационного агентства США, 1991. – С. 18.

² См.: Фейерабенд П. Избранные труды по методологии науки. – М.: Прогресс, 1986. – С. 142.

³ См.: Rawls J. A Theory of Justice. – N.-Y.: Oxford University Press, 1973. – P. 60.

⁴ См.: Bryce J. Modern Democracies. Vol. 1. – London: Macmillan, 1921. – P. 67.

ГЛАВА II

а Б. Малиновский писал, что хотя политическая свобода выступает не единственной разновидностью свободы в человеческой культуре, ее отсутствие разрушает все остальные виды свобод¹. Свобода, доказывал он, является наиболее существенным, ключевым фактором современности. И для Х. Арендт смыслом политики является *свобода*, а полем ее применения – действие². Сент-Экзюпери считал свободу неотъемлемым «атрибутом живой материи» и отождествлял ее со способностью действовать вопреки статистике³, а Я. Корчак говорил о том, что в свободе всегда присутствует разновидность собственности – в качестве возможности распоряжаться собственной персоной⁴.

Для Н. Лумана свобода может быть определена лишь через когнитивные условия ее возможности. Поэтому правильно поставленный вопрос о свободе должен звучать так: каковы условия привнесения в детерминированный мир, который всегда таков, каков он есть, альтернатив и того образа будущего, которое может действительно определяться человеком?⁵

Ч. Пирс усматривал в идее политической свободы человеческую способность *делать жизнь более разумной*⁶, а Р. Арон – способность человека самостоятельно выбирать цели и средства своей активности в зависимости от естественных и законных условий⁷. Он был уверен в том, что свобода зависит от нравов людей в той же степени, что и от содержания законов.

¹ См.: *Malinowski B. Freedom and Civilization.* – London: George Allen, 1947. – P. 15.

² См.: *Arendt H. Freedom and Politics // Liberty.* – N.-Y.: Oxford University Press, 1991. – P. 58.

³ См.: *Сент-Экзюпери, А. де.* Записники: твори в 4 т. Т. 1. – К.: Видавництво Жупанського, 2009. – С. 221.

⁴ См.: *Корчак Я.* Дитя людське. Вибрані твори. – К.: Дух і літера, 2007. – С. 40.

⁵ См.: *Луман Н.* Самоописания. – М.: Логос/Гнозис, 2009. – С. 179.

⁶ См.: *Пирс Ч.* Принципы философии. Т. 2. – СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2001. – С. 238. По этому поводу Ф. Хайек замечает: мы должны использовать свой интеллект разумно, а чтобы иметь возможность сделать это, мы обязаны сохранить матрицу неконтролируемого и нерационального, которая является единственной средой, где разум способен действовать эффективно. См.: *Гаек Ф. фон.* Цінність свободи // Лібералізм: Антологія. – К.: Смолоскип, 2002. – С. 518.

⁷ См.: *Арон Р.* Эссе о свободах. – М.: Праксис, 2005. – С. 137.

ГЛАВА II

Ф. Фукуяма приветствовал определение свободы Верховным Судом США (Casey v. Planned Parenthood) как *права каждого определять собственную концепцию существования, смысла Вселенной и тайны человеческой жизни*¹. Данное определение, по его мнению, вытекает из философской позиции человека как существа, модифицирующего самого себя².

Для Д. Сартори политическая свобода есть главная предпосылка всех иных свобод. Мы нуждаемся в негативной свободе «от» для того, чтобы иметь позитивную свободу «для», утверждал он³. По этой причине свобода является самоценной и не зависящей от исторической и политической конъюнктуры⁴. Д. Хэлд усматривал в свободе цель освобождения политики от религиозного контроля⁵, а А. Фергюсон считал, что она способствует такому распределению функций в гражданском обществе, которое позволяет каждому следовать своему природному призванию⁶.

Для С. Хантингтона демократия ценна своими положительными импликациями для индивидуальной свободы⁷, а для А. Пятигорского «реальная политическая свобода начинается с *безразличия* власти к 90 процентам элементов вашего существования»⁸.

В наши дни большинство философских и научных авторитетов оправдывают существование либерального общества, в котором люди пользуются возможностью реализовать бесчисленное множе-

¹ См.: Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее: последствия биотехнологической революции. – М.: АСТ, 2008. – С. 178.

² См.: Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее: последствия биотехнологической революции. – М.: АСТ, 2008. – С. 18.

³ См.: Sartori G. Democratic Theory. – Westport: Greenwood Press, 1973. – P. 286.

⁴ См.: Синавский А. Диссидентство как личный опыт // Литературная газета, 5 мая, 1997. – С. 3.

⁵ См.: Held D. Models of Democracy. – California: Stanford University Press, 1996. – P. 74.

⁶ См.: Ferguson A. An Essay on the History of Civil Society. – Edinburgh: Duncan Forbes, 1966. – P. 270.

⁷ См.: Huntington S. The Third Wave: Democratization in the Late Twentieth Century. – USA: University of Oklahoma Press, 1991. – P. XI.

⁸ См.: Пятигорский А. Что такое политическая философия: размышления и соображения. – М.: Европа, 2007. – С. 85.

ГЛАВА II

ство самых разнообразных, противоречивых и несопоставимых сценариев жизни¹.

Л. Колаковский понимал под политической свободой поле действия, которое закон оставляет на усмотрение каждого отдельного человека и которым государство не интересуется², а П. Кропоткин обращал внимание на то, что в Западной Европе люди ценят свободу выше, чем материальные блага. Если прежде рабочие обменивали свободу на благосостояние, то теперь этого нет.

Л. фон Мизес считал свободу типично западным идеалом, органически чуждым народам Востока. Социальная философия Запада, утверждал он, это философия свободы и индивидуализма. Именно она сделала историю Западной Европы и США такой, какой она есть³. Свобода – это понятие, охватывающее исключительно важные начала человеческой жизни. Именно в ней материализуется *индивидуальная* способность мыслить, совершать выбор и предпринимать усилия.

Б. Констан считал политическую свободу наиболее могущественным из всех средств индивидуального усовершенствования личности, которые подарило людям Небо. «Принуждая всех без исключения граждан к рассмотрению и исследованию их наиболее заветных интересов, политическая свобода развивает их разум, облагораживает их мысли, устанавливает между ними своеобразное интеллектуальное равенство, в чем и проявляется слава и могущество народа», – писал он⁴.

Свобода – есть свобода, как дважды два равно четырем, писал М. Шимечка, и если это принять, все остальное следует автоматически. Д. Оруэлл показал, как нам придется жить, если мы не сможем утверждать, что дважды два равно четырем. Свобода – это не толь-

¹ См. *Волдрон Д.* Теоретичні засади лібералізму // *Лібералізм: Антологія*. – К.: Смолоскип, 2002. – С. 78.

² См.: *Колаковський Л.* Мої правильні погляди на все. – К.: Києво-Могилянська академія, 2005. – С. 10.

³ См.: *Мизес Л. фон.* Капіталізм, ринок і свобода // *Лібералізм: Антологія*. – К.: Смолоскип, 2002. – С. 479.

⁴ См.: *Констан Б.* Про свободу древніх у її порівнянні зі свободою сучасних людей // *Лібералізм: Антологія*. – К.: Смолоскип, 2002. – С. 422, 423.

ГЛАВА II

ко условие избавления от экономической нищеты, но также фактор мира и сотрудничества между народами¹.

Свобода индивида, писал А. Герцен, есть величайшее благо. Ибо только в условиях свободы может развиваться народная воля. Для С. Трубецкого без свободы нет ни права, ни власти, ни познания, ни творчества. В свою очередь, Б. Рассел подчеркивал то место у И. Канта, где утверждается, что необходимость подчинения одного индивида воле другого является действительно ужасной². Тот, кто способен отказаться от свободы ради безопасности, говорил Б. Франклин, не заслуживает ни свободы, ни безопасности³.

Только в условиях свободы человеческая энергия может проявиться во всей своей полноте, только в свободе обнаруживается главная пружина человеческого самосовершенствования. Данный закон действует повсюду⁴. По мнению Л. Шестова, там, где нет свободы, нет и всего остального, что могут ценить люди. Примечательно, что и у К. Маркса человек обычно не выступает против свободы. Самое большее, на что он способен, это бороться против свободы *других*⁵.

П. Бергер обращает внимание на то обстоятельство, что утверждение *целостности* свободы следует считать фундаментальным требованием. Ибо ограничение свободы в одной части жизненного пространства влияет на свободу в остальных его частях⁶. Для Х. Ортеги-и-Гассета свобода – это по-особому сбалансированная позиция, которую принимает человеческая жизнь, когда ее составляющие сходятся в точке равновесия.

Нам нужно понять, писал Р. Рейган, что невозможно частично поступиться свободой, не потеряв ее во всем. По убеждению же И. Канта, свободное выражение мыслей с целью их публичного обсуждения, не подвергаясь при этом обвинениям в угрозе для общества, является первичным правом разума. Ибо человеческая мысль живет в нестесненном обмене. Подчеркивая абсолютную ценность свободы,

¹ См.: Литторин С.-О. Крушение социалистического мифа. – Москва-Минск: Полифакт, 1991. – С. 74.

² См.: Рассел Б. История западной философии. Ч. 2. – М.: Миф, 1993. – С. 220.

³ См.: Франклин В. Избранные произведения. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1956. – С. 104.

⁴ См.: Чичерин Б. О народном представительстве. – М.: 1899. – С. 49-50.

⁵ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 1. – С. 55.

⁶ См.: Бергер П. Капиталистическая революция. – М.: Прогресс, 1994. – С. 102.

ГЛАВА II

К. Ясперс писал о том, что без свободы невозможна и справедливость: смертельная опасность не является фатальной до тех пор, пока у человека сохраняется хоть какой-то выбор.

Рефлекс свободы – характерная реакция всех живых существ. Это один из наиболее важных врожденных инстинктов. Любое препятствие на пути живого организма будет сметено и разрушено, если оно противоречит его жизненному курсу. Стремление к свободе является основным и неукротимым, свобода способна позаботиться о себе сама и потому не нуждается в применении полицейских правил¹. Свобода настолько самоценна, утверждал Р. Рорти, что любые попытки подвести под неё философскую основу оказывают на самом деле скверную услугу².

Рост цивилизации основывается на индивидуальной свободе, считал Ф. Хайек³. И если в прежние времена предпосылкой политической теории считалось рабство, то теперь ею предстает свобода. Свобода – это не просто отдельная ценность, а источник и условие существования всех моральных ценностей⁴.

Дух, который господствует среди всех без исключения людей, – это дух свободы, утверждал А. Адамс⁵. Свобода представляет собой квинтэссенцию цивилизации, считал Б. Малиновский. Категория свободы выступает у него в совокупности трех элементов: а) условий, необходимых и достаточных для самостоятельной постановки целей человеческой активности; б) эффективной деятельности по реализации данных целей с помощью инструментария культуры; в) нестесненной возможности наслаждаться результатами данной деятельности⁶.

Исходя из наиболее общих оснований, свобода – это искусственное порождение цивилизации, освободившее человека от множества

¹ См.: Dewey J. The Essential Writings. – N.-Y.: Harper Torchbooks, 1977. – P. 227.

² См.: Рорти Р. Случайность, ирония и солидарность. – М.: Русское феноменологическое общество, 1996. – С. 81.

³ См.: Hayek F. Law, Legislation and Liberty. Vol. 3. – Chicago: University of Chicago Press, 1979. – P. 129.

⁴ См.: Hayek F. The Constitution of Liberty. – Chicago: University of Chicago Press, 1960. – P. 6.

⁵ См.: National Standards for Civics and Government. – USA: Center for Civic Education, 1994. – P. 58.

⁶ См.: Malinowski B. Freedom and Civilization. – London: George Allen, 1947. – P. 214, 25, 29, 74.

ГЛАВА II

ограничений и пут. Свобода является продуктом эволюции цивилизации, параллельно выработавшей понятие *дисциплины свободы*¹. Свобода, говорил И. Бродский, это *реакция* на что-то, преодоление ограничений, освобожденность. Ограничениями свободы в физике является статика, в политике – рабство, в трансцендентной сфере – Страшный Суд². Мы свободны, писал Ф. Боас, когда ограничения культуры не подавляют нас. Но мы несвободны, когда осознаем эти ограничения и не желаем им подчиниться³.

И. Берлин верил в то, что политическая свобода – это область действий одних людей, освобожденная от препятствий, чинимых другими людьми⁴. В свою очередь, А. Эйнштейн под политической свободой понимал условия, при которых высказывание мнений об общих и особенных элементах человеческого знания не представляет опасности для высказывающего подобные мнения индивида⁵. Для Д. Грина политическая свобода – это надежное средство предотвращения концентрации власти⁶, а для Р. Коммерса – необходимое следствие морального скептицизма в плюралистическом обществе, условии обеспечения всех иных его ценностей.

Как принято считать, свобода может быть ограничена лишь в интересах сохранения самой свободы, но никогда – в интересах благосостояния или добра – публичного или частного⁷. Как писал по этому поводу Д. Ролз, справедливость отрицает правомочность ограничения свободы одних под тем предлогом, что это способствует благу других⁸.

¹ См.: *Hayek F. Law, Legislation and Liberty. Vol. 3.* – Chicago: University of Chicago Press, 1979. – P. 163.

² См.: *Бродский И.* В мире изящной словесности // Америка, № 426, май, 1992. – С. 37.

³ См.: *Boas F. Liberty Among Primitive People // Liberty, Its Meaning.* – London: George Allen, 1942. – P. 55.

⁴ См.: *Berlin I. Two Concepts of Liberty // Liberty.* – N.-Y.: Oxford University Press, 1991. – P. 34.

⁵ См.: *Einstein A. Freedom and Science // Freedom, Its Meaning.* – London: George Allen, 1942. – P. 92.

⁶ См.: *Green D. Reinventing Civil Society.* – London: IEA Unit, 1993. – P. 7.

⁷ См.: *Kommers D., Thompson W. Fundamentals in the Liberal Constitutional Tradition // Constitutional Policy and Change in Europe.* – N.-Y.: Oxford University Press, 1995. – P. 36, 37.

⁸ См.: *Rawls J. A Theory of Justice.* – N.-Y.: Oxford University Press, 1973. – P. 3-4.

ГЛАВА II

Политическая свобода генетически связана с интеллектуальной свободой, представляющей собой способность интеллекта разъединять традиционно объединенные понятия и вещи. *В наиболее общем виде политическая свобода означает возможность нестесненного выбора в пространстве коллективных и индивидуальных приоритетов.*

В географическом и историческом смысле политическая свобода является порождением городской жизни¹. В целом же современное понимание политической свободы сложилось эволюционным путем. Для Ш. Монтескье свобода означала гарантию того, что индивида не потревожат, если он соблюдает существующие законы. Его свобода зиждилась на праве индивида придерживаться собственного мнения при условии, что государство перестанет навязывать свои взгляды частным лицам.

Для Ж.-Ж. Руссо политическая свобода означала участие в делах общества, право граждан самостоятельно назначать себе правителей. Впоследствии Р. Арон дополнил данное понимание свободы возможностью индивида быть социально мобильным, то есть окончить свой жизненный путь в ином социальном качестве, нежели то, в котором он родился. Данный подход предполагает возможность изменения индивидуальной судьбы в условиях демократии. В свою очередь, Ж.-Ф. Ревель предложил различать в понятии свободы ее социальную, индивидуальную и интеллектуальную составляющие².

О многообразии свободы писали многие. Вначале было принято различать лишь свободу пространственного перемещения индивида и психическую свободу человеческой спонтанности³. Ныне принято говорить об экономической, политической и личной свободе, рамки которой очерчиваются законом. Существует также свобода совести, мысли, слова, прессы, академическая свобода и др.⁴ На Западе понятие свободы нередко связывается с понятием *хорошей жизни*. Если

¹ См.: *Novak M. The Spirit of Democratic Capitalism.* – London: IEA Unit, 1991. – P. 14.

² См.: *Revel J.-F. Democracy Against Itself.* – USA: Free Press, 1993. – P. 156.

³ У Д. Талмона свобода означает практическое решение инициировать что-либо спонтанно. См.: *Talmon J. Political Messianism.* – London: Secker and Warburg, 1960. – P. 180.

⁴ См.: *Фромм Э., Хирау Р. Предисловие к антологии. Природа человека // Глобальные проблемы и общечеловеческие ценности.* – М.: Прогресс, 1990. – С. 154.

ГЛАВА II

общество максимизирует принцип личного удовольствия, то свобода индивида превращается при этом в абсолют¹.

Б. Рассел считал удачным классическое определение свободы как отсутствия каких-либо препятствий к движению (Т. Гоббс), а для Д. Дьюи свобода воплощает в себе реальную возможность делать конкретные вещи, *действовать*, говоря языком Вольтера². С. Франку импонировало понимание свободы как *действия*, а для Н. Лосского она означала *отсутствие зависимости* деятеля или деятельности от каких-либо внешних условий.

М. Джилас понимал свободу как освобождение науки и техники от пут собственности, а человеческого духа – от власти догм и идеологического насилия. В советской философии права свобода воспринималась как возможность выбора, право людей поступать по своей воле, без принуждения³.

П. Фейерабенд считал свободным общество, в котором все традиции имеют равные права и равный доступ к центрам и институтам власти, а для П.-А. Гольбаха свобода воплощала в себе право индивида предпринимать для обеспечения своих интересов все, что не вредит его согражданам.

Политической свободой нередко называют возможность действовать на основе осознания альтернатив и их последствий. Данный подход зиждится на убеждении в том, что люди живут в детерминированном мире. Б. Спиноза воспринимал свободу как естественное право, способность индивида судить о вещах без какого-либо внешнего принуждения к этому⁴. В свою очередь, у Т. Гоббса «под свободой, согласно точному значению слова, подразумевается отсутствие внешних препятствий, которые нередко могут лишить человека части его власти делать то, что он хотел бы, но не могут мешать использовать оставленную человеку власть сообразно тому, что диктуется ему его суждением и разумом»⁵.

¹ Современные каталоги идей насчитывают более 200 оттенков в определении понятия свободы. См.: *Базилевський В. Холодний душ історії*. – К.: Ярославів вал, 2008. – С. 415.

² См.: Мир философии. Ч. 2. – М.: Политиздат, 1991. – С. 183.

³ См.: *Кудрявцев В. Правовые грани свободы // Советское государство и право*, № 11, 1989. – С. 3.

⁴ См.: Мир философии. Ч. 2. – М.: Политиздат, 1991. – С. 237.

⁵ Там же. – С. 175.

ГЛАВА II

Д. Локк и И. Кант отождествляли свободу с естественным правом человека не подчиняться воле и власти любого другого человека¹. Однако Д. Локк не признавал за индивидом права уничтожить себя или иное живое существо в своем владении, за исключением случаев, когда это необходимо для достижения цели более благородной, чем сохранение жизни. Считая политическую свободу высшей ценностью, Д. Локк доказывал, что свобода от деспотизма является настолько существенной для индивида, что он может расстаться с ней, лишь заплатившись за это своей безопасностью и жизнью².

Воспринимая свободу как право индивида распоряжаться своими действиями, владениями и собственностью в рамках законов, не подчиняясь при этом деспотической власти другого человека, Д. Локк ставил свободу гражданского общества выше дискреционных полномочий власти. По мнению Д. Локка, «общество постоянно сохраняет верховную власть для спасения себя от покушений и замыслов кого угодно, даже своих законодателей, в тех случаях, когда они окажутся настолько глупыми или настолько злонамеренными, чтобы создавать и осуществлять заговоры против свободы и собственности подданного»³.

Как полагал И. Берлин, смысл свободы заключается не только в отсутствии у человека фрустрации по поводу его неудовлетворенных желаний (что было бы достижимо за счет простого подавления желаний), но также в отсутствии у него препятствий к выборам активностей, которые кажутся ему привлекательными. Свобода зависит не только от того, хочет ли индивид двигаться и как далеко, но также и от того, как много дверей для него при этом открыто.

Подобная интерпретация свободы была частично предвосхищена Д. Локком, считавшим, что «свобода есть идея, относящаяся не к хотению или предпочтению, но к лицу, обладающему силой действовать или воздерживаться от действия согласно выбору или распоряжению ума. Наша идея свободы простирается так же далеко, как и эта сила, но не дальше. Ибо где сдерживание ограничивает эту силу либо где принуждение устраняет эту нейтральность способности той или

¹ Локк Д. Сочинения в трех томах. Т. 3. – М.: Мысль, 1988. – С. 292.

² Там же. – С. 275.

³ Там же. – С. 349.

ГЛАВА II

другой стороны действовать или воздерживаться от действия, там свобода, а также наше понятие о ней сейчас же прекращается»¹.

Данное утверждение имеет смысл применительно к политической свободе, в которой сфера действия индивида не только не исключает, но в обязательном порядке предполагает существование пространства свободы других людей. При этом в реализации свободы наблюдаются два факультативных момента: стремление к свободе и трезвость в оценке стоящих перед индивидом целей². В этом случае свобода, как писал в свое время Н. Бердяев со ссылкой на Ф. Достоевского, может восприниматься не только как *легкость*, но и как *тяжесть*³, обременение ответственностью.

Хотя политическая свобода – это свобода субъекта, который сам себя определяет и осуществляет в социальной сфере (Ю. Хабермас), она опирается на существующий политический режим, форму правления. Что же касается более широкой – природной свободы, то она ограничивается для индивида лишь законами физического мира, которые он не может обойти или отвергнуть.

В понимании Ш. Монтескье, политическая свобода состоит в том, чтобы делать то, чего *должно* хотеть, и не быть принуждаемым делать то, чего *не должно* (по закону) хотеть⁴. Обладание политической свободой предполагает у него правление закона, в рамках которого индивид не испытывает угрозы со стороны сограждан. Ш. Монтескье различает свободу, воплощенную в государственном строе и осуществляемую посредством разделения и взаимного уравновешивания властей, и свободу, которая материализуется в уверенности гражданина в своей безопасности⁵.

Политическую свободу принято считать предваряющей многие другие виды свобод. Однако политическая свобода включает также политическую пассивность, абсентеизм. Р. Рейган считал политиче-

¹ См.: Локк Д. Сочинения в трех томах. Т.1 – М.: Мысль, 1985. – С. 290.

² См.: Ясперс К. Цель – свобода // Новое время, № 5, 1990. – С. 36.

³ См.: Бердяев Н. Русская идея // О России и русской философской культуре. – М.: Наука, 1990. – С. 179.

⁴ См.: Монтескье Ш. Избранные произведения. – М.: Госполитиздат, 1955. – С. 288-289.

⁵ См.: Декларация прав человека и гражданина 1789 г. История и современность // Советское государство и право, № 7, 1989. – С. 46.

ГЛАВА II

скую свободу наиболее важной из всех свобод человека¹, однако его утверждение имеет смысл лишь при условии, что данной свободой обладает не только индивид, но и нация в целом. Фактически вопрос о том, каким образом национальная свобода сочетается с политической свободой отдельного индивида, является наиболее важным.

Политическую свободу нередко отождествляют со свободой интеллектуальной, которую трактуют в качестве неограниченной возможности думать, говорить и писать². Д. Брайс отождествлял политическую свободу с участием граждан в управлении делами общества, а Ф. Хайек – с их участием в осуществлении публичной власти и законотворчестве. Ссылаясь на авторитет Д. Дьюи, он подчеркивал в политической свободе ее *активное начало*, право индивида распоряжаться властью для осуществления чего-либо. При этом отсутствие внешнего принуждения в духе Д. Локка и Ш. Монтескье он считал «негативной» частью данного понятия.

В. Ленин подразумевал под политической свободой право народных масс выбирать своих представителей в законодательные учреждения: все законы должны при этом обсуждаться и быть опубликованными, все налоги – назначаться исключительно органами народного представительства. Политическая свобода означала для В. Ленина право народа устраивать публичные обсуждения государственных дел, издавать без официальных разрешений любые газеты и книги³.

Г. Честертон называл политической свободой возможность открыто высказывать все то, что тревожит достойного, но недовольного члена общества⁴, а А. Моруа усматривал в ней признание меньшинством власти большинства, честно завоеванной в ходе выборов. Большинство в этом случае обязано признавать *равное достоинство* всех граждан, независимо от их убеждений⁵.

¹ См.: Рейган Р. Свобода, прогресс и мир // Международная жизнь, № 11, 1988. – С. 12.

² См.: История буржуазного конституционализма XVII-XVIII вв. – М.: Наука, 1983. – С. 223.

³ См.: Ленин В. Полн. собр. соч. Т. 7. – С. 134-135.

⁴ См.: Честертон Г. Писатель в газете. – М.: Прогресс, 1984. – С. 144.

⁵ Голосование большинством должно рассматриваться в качестве необходимой процедуры, применяемой на практике из-за существующих издержек достижения согласия по политическим вопросам в ситуациях, когда индивидуальные и груп-

ГЛАВА II

Д. Хауард отождествлял политическую свободу с правом выражать себя *полностью* – свободно высказывать взгляды, которые могут показаться неортодоксальными, еретическими и неприемлемыми¹. Подобный подход был близок Р. Люксембург, считавшей политическую свободу воплощением свободы *инакомыслия*. Моральное здоровье общества зависит, по ее мнению, непосредственно от соблюдения данного условия².

Современные подходы к определению политической свободы являются достаточно сложными. В частности, для Д. Ролза смысл свободы становится доступным лишь при условии, что мы обращаемся сразу к трем ее аспектам: 1) субъектам, которые свободны; 2) сдерживаниям и ограничениям, от которых данная свобода освобождает; 3) тому, что именно субъекты могут предпринимать или от чего они имеют право отказаться³.

Как уже отмечалось выше, Б. Малиновский различал в понятии свободы цель, осуществляющее действие и результат. Свобода сохраняется, по его мысли, лишь при условии, что: а) цель деятельности свободно избирается, а не индоктринируется; б) данная деятельность осуществляется в условиях автономной ответственности ее субъектов и не контролируется внешней властью; в) результаты данной деятельности остаются в распоряжении ее участников⁴.

Для Л. фон Мизеса политическая свобода означала возможность индивида строить жизнь согласно собственному плану, который не может быть навязан ему властью. В этом случае действия человека ограничиваются не насилием или угрозой его применения, а лишь физической структурой его тела и уровнем интеллектуальных способностей⁵. Как подчеркивал Л. фон Мизес, вся политическая исто-

повые интересы явно расходятся. См.: *Бьюкенен Д.* Сочинения. – М.: Таурус-альфа, 1997. – С. 129.

¹ См.: *Хауард Д.* Два века конституционного правления // *Америка*, № 362, январь, 1987. – С. 6.

² См.: *Мушинский В.* Личность и политическая культура // *Советское государство и право*, № 4, 1989. – С. 45.

³ См.: *Rawls J.* *A Theory of Justice.* – N.-Y.: Oxford University Press, 1973. – P. 202.

⁴ См.: *Malinowski B.* *Freedom and Civilization.* – London: George Allen, 1947. – P. 170.

⁵ См.: *Мизес Л. фон.* Антикапиталистическая ментальность. – N.-Y.: Телекс, 1992. – С. 3.

ГЛАВА II

рия Запада – это история борьбы именно за таким образом понимаемую свободу.

Для Дж. Буша политическая свобода означала право граждан жить, не опасаясь вмешательства власти в их жизнь, а также без опасения стать объектом травли со стороны своих соотечественников. Его понимание свободы исходит из недопустимости посягательства официальных и частных лиц на интеллектуальную свободу граждан¹.

Свобода предпринимать что-либо включает также возможность альтернативы. Если альтернатива уступает тому, чем индивид уже владеет или если изменение его *status quo* связано с неприемлемо большим риском, то у индивида нет настоящей свободы, считал Д. Сорос. Если же существующие альтернативы не хуже того, что у индивида имеется, тогда он свободен. Свобода человека является максимальной, если в его распоряжении оказывается неограниченное количество альтернатив.

По мнению Р. Рейгана, свобода – это право ставить под сомнение и менять установленный порядок вещей; это постоянное преобразование рынка, способность всюду замечать недостатки и искать пути их исправления; это право на выдвижение идей, которые могут показаться специалистам несерьезными, но у которых есть шанс получить поддержку простых людей. Свобода – это возможность претворять в жизнь мечты в окружении критиков и сомневающихся, признание того, что ни один человек, учреждение или правительство не обладают монополией на правду. Свобода предполагает, по его мысли *возможность*, именно по этой причине она не бессмысленна².

Как утверждал в свое время Д. Адамс, единственный по-настоящему эффективный способ сохранить свободу – это передать ее в руки народа. Однако успех свободы в постсоветских странах зависит не только от завоевания демократии. Предостерегая нас от фальшивых моральных состояний, Д. Рисмен приводит слова девочки из прогрессивной американской школы. Войдя в класс, она невзначай спра-

¹ См.: Буш Дж. Україна – США: новий етап партнерства // Радянська Україна, 3 серпня, 1991. – С. 3.

² См.: Рейган Р. Жизнь по-американски. – М.: Новости, 1992. – С. 723-724; Рейган Р. Откровенно говоря. – М.: Новости, 1990. – С. 353, 373, 394; Рейган Р. Выступление в МГУ. – USA: Издательство Информационного агентства США, 1988.

шивает: «Учитель, сегодня мы снова обязаны делать только то, что нам хочется делать?»¹.

2.2.2. Истоки политической свободы

Истоки политической свободы можно рассматривать в философском, историческом, идеологическом и иных аспектах. Важными, как всегда, будут результаты. «Каждый человек, – писал Д. Локк, – как было показано, по природе свободен, и ничто не в состоянии поставить его в подчинение какой-либо земной власти, за исключением его собственного согласия»². И далее: «Естественная свобода человека заключается в том, что он свободен от какой бы то ни было стоящей выше него власти на земле и не подчиняется воле или законодательной власти другого человека, но руководствуется только законом природы»³.

Ныне многие сходятся на том, что человеческое поведение зависит в значительной степени от деятельности нейронов головного мозга, реакции которых индивид контролировать не в состоянии⁴. Однако это не означает, что у человека нет свободы воли и ответственности. Более того, именно в деятельности нейронов проявляются личные качества индивида.

Что же касается особенностей восприятия свободы Д. Локком, то оно означает, что в естественном состоянии индивиды обладают свободой до момента, пока их воля не подчинена другими индивидами в результате угрозы принуждения или договора, то есть властью политики. Находящиеся в естественном состоянии люди не спрашивают разрешения на то, чтобы действовать и не зависят от чьей-либо внешней воли⁵. Изменить данное состояние они могут либо по ясно выраженному велению Бога, либо добровольно подчинившись кому-

¹ См.: *Riesman D. The Lonely Crowd.* – N.-Y.: Doubleday Anchor Books, 1953. – P. 309.

² См.: *Локк Д. Сочинения в трех томах.* Т. 3. – М.: Мысль, 1988. – С. 331.

³ Там же. – С. 274.

⁴ См.: Дюв К. де. Уроки жизни // Много миров. Новая вселенная, неземная жизнь и богословский подтекст. – М.: АСТ, 2007. – С. 20.

⁵ Там же. – С. 263.

ГЛАВА II

либо из своего окружения. В этом смысле, как говорил Т. Джефферсон, человечество, действительно, родилось без седла на спине.

По мнению Б. Данэма, в поведении каждого индивида есть *нечто*, имеющее особенное значение. Это нечто – эгоцентрично и окружено той особой любовью, которой человек способен любить лишь самого себя. Индивиду обычно трудно дается провал его жизненных планов и надежд, но он в силах перенести это, если в его душе продолжает сохраняться чувство свободы. Но если индивид не может принимать самостоятельных решений, если он полностью лишен свободы воли, тогда для него действительно не осталось ничего хорошего в подлунном мире¹.

Свобода возникает у человека из потребности в *личностной* самореализации. С другой стороны, хотя практически все люди интуитивно стремятся к свободе, лишь отдельные из них способны анализировать, каким на самом деле является их индивидуальный выбор².

«Я считаю доказанным, – писал В. фон Гумбольдт, – что истинный разум не может желать человеку никакого другого состояния, кроме того, при котором не только каждый отдельный человек пользуется самой полной свободой, развивая изнутри все свои своеобразные особенности, но и физическая природа обретает в руках человеческих ту форму, тот образ, который произвольно придает ей каждый человек в меру своих потребностей и наклонностей, будучи ограничен только пределами своей силы и своего права. <...> Принцип этот должен лежать в основе всякой политики, и из него следует прежде всего исходить...»³.

Идея свободы тесно связана с интеллектуальным началом индивида, поскольку она играет роль причины по отношению к действию⁴. В отличие от физических закономерностей, законы человеческой свободы И. Кант называл этикой, подразумевая при этом, что по законам физики все происходит, а по законам этики – *должно* происходить. По этой причине всякому разумному существу, обладающему волей, должна быть свойственна также идея свободы.

¹ См.: Данэм Б. Герои и еретики. – М.: Прогресс, 1967. – С. 37.

² См.: Свендсен Л. Философия моды. – М.: Прогресс-традиция, 2007. – С. 210.

³ См.: Гумбольдт В. фон. Язык и философия культуры. – М.: Прогресс, 1985. – С. 34.

⁴ См.: Кант И. Сочинения в шести томах. Т. 4, Ч. 1. – М.: Мысль, 1965. – С. 166.

ГЛАВА II

Н. Бердяев глубоко верил в примат экзистенциального субъекта над объективным миром – в дуализм, волюнтаризм, динамизм, творческий активизм, персонализм, антропологизм и философию духа. По его мнению, философия примата бытия есть философия *безличного*. На самом же деле свобода не выводима из бытия, она укоренена в ничто, в бездонность, в небытие. Свобода, по его мнению, бесосновна и не порождена бытием. Вместо этого есть прорывы, бездны, парадоксы, трансценсы. Только поэтому существует свобода и личность¹.

У Ф. Хайека интеллектуальная и политическая свобода возникают на обширном фундаменте общей свободы и не могут существовать без этого². В свою очередь, общая свобода развивается гораздо медленнее, чем наши представления о ней. Данная закономерность проявилась во взаимоотношениях свободы и политической практики еще в XVII веке, когда социальная философия признала формулу Б. Спинозы: свобода есть осознанная необходимость. В свою очередь, Г. Лейбниц предложил понимание свободы как внутренней детерминации человеческой деятельности по направлению *к лучшему*. Его подход значительно усложнил прежнее понимание свободы как ценности, проистекающей из умолчаний закона³.

По мнению Ф. Хайека, сегодня нам следует различать две основных концепции свободы. Первая из них является эмпирической и несистематизированной, а вторая – спекулятивно-рационалистической. Эмпирическая концепция свободы основана на идее *саморазвития* свободных институтов, которые *спонтанно выросли и были*. В отличие от нее, рационалистическая концепция возникла в качестве элемента утопии, которую люди попытались осуществить. Сторонниками первой концепции свободы являются, по его мнению, Д. Юм, А. Смит, А. Фергюсон, Э. Берк, Ш. Монтескье, Б. Констан и А. де Токвиль. Второй подход представляют энциклопедисты и Ж.-Ж. Руссо, Ж. Кондорсе, Т. Гоббс и Т. Пейн⁴.

¹ См.: Мир философии. Ч. 2. – М.: Политиздат, 1991. – С. 217-218.

² См.: *Hayek F. The Constitution of Liberty.* – Chicago: University of Chicago Press, 1960. – P. 394.

³ См.: *Стрельцова Г. Барокко и классицизм – XVII в. // Человек: мыслители прошлого и настоящего о его жизни, смерти и бессмертии.* – М.: Политиздат, 1991. – С. 281.

⁴ См.: *Hayek F. The Constitution of Liberty.* – Chicago: University of Chicago Press, 1960. – P. 54.

ГЛАВА II

Для П. Кропоткина истоки политических прав соотнесены с двумя противостоящими друг другу тенденциями бытия: римской и народной, императорской и федералистской, власти и свободы. Самые упорные стачки и самые отчаянные восстания происходили из-за вопросов о свободе, о завоеванных правах, – более, чем из-за вопросов о заработной плате, писал он. С течением времени люди глубоко осознали привлекательность статуса *неподопечности*, именно поэтому свобода лежит сегодня в основе их жизни.

Анализируя гегелевскую концепцию свободы, Ф. Фукуяма писал о том, что по Гегелю, свобода и природа пребывают вначале в оппозиции друг к другу. Свобода, по Гегелю, начинается там, где заканчивается природа и где человек осознает свою сущность¹. Его свобода – это эволюционно развивающийся (развертывающийся) феномен. Восточные народы знали, что только *один* может быть свободен; греческий и латинский мир утверждали, что лишь *некоторые* свободны; мы знаем, что все люди свободны, писал он.

Гегель был философом свободы, увидевшим ее историческую кульминацию в конкретных политических институтах. Оправдывая сильное государство в качестве надежного гаранта свободы, Гегель проявил себя как глубокий и последовательный защитник гражданского общества, частной собственности и прав человека.

Продуктом и одновременно условием развития человеческой цивилизации называл политическую свободу Ф. Хайек. По его убеждению, свобода – это изобретение цивилизации, избавившее всех одаренных природой и талантливых людей от оков коллективизма или власти группы, отсталым настроениям которой они вынуждены были подчиняться прежде.

Э. Фромм обнаруживал истоки свободы в социальной природе человека. Не случайно свобода была идолом иудеев в Древнем Египте, идеалом рабов в императорском Риме, политической целью рабочих в ГДР во второй половине XX века. И хотя власть он также считал имманентно присущим человеческому обществу атрибутом, императив свободы звучит в его работах сильнее.

М. Джилас считал человека свободным, а потому непригодным для любого «обуžívания» и «подлаживания», в том числе и в инте-

¹ См.: *Fukuyama F. The End of History and the Last Man.* – N.-Y.: Free Press, 1992. – P. 152.

ГЛАВА II

ресах прогресса. Человек, по его мнению, должен быть свободен понастоящему, а это предполагает свободу общества от диктата любого планирования. Человек рождается свободным, но из этого вовсе не следует, что он должен устоять «перед силой святой души»¹.

С исторической точки зрения, право субъективной свободы составляет поворотный пункт между античностью и Новым временем (Гегель). Возникнув в христианстве, оно превратилось затем в формирующий принцип мира. В качестве сопутствующих форм свободу сопровождали любовь, романтическое восприятие мира, стремление к вечному блаженству, моральное чувство и совесть, обусловившие впоследствии главные принципы жизнедеятельности и политического устройства Запада².

Как политический институт свобода впервые обнаруживает себя в греческом полисе. Именно здесь родилась свобода, которая длительное время не воспроизводилась затем нигде. Греческий полис заложил основу западного понимания свободы как идеи и политической реальности. В полисе у свободы появились и первые враги. С самого начала ими были «ложные идеи» (К. Поппер): невежество, предрасудки, страсть сильных к завоеваниям и власти, а бедных – к сытости и довольству от приобретения вещей.

Невзирая на то, что большинство ранних достижений науки и искусства пришли в мир из восточных источников, идея свободы осталась уникальным изобретением Древней Греции. От греков она перешла к римлянам, став затем политическим достоянием Западной Европы и США. Свобода проникла в современные представления о справедливо устроенном и гармоничном мире, стала важнейшей частью идеологии творчества, предпринимательства и личной инициативы³. Не удивительно, что наиболее востребованной свобода оказалась в богатых европейских городах⁴.

Впоследствии критики либерализма обвиняли свободу в том, что она сделала людей чрезмерно озабоченными материальным благополучием и что именно она стимулировала развитие скучных бюргер-

¹ См.: *Мориак Ф.* Жизнь Иисуса. – М.: Мир, 1991. – С. 186.

² См.: *Гегель Г. В. Ф.* Философия права. – М.: Мысль, 1990. – С. 168.

³ См.: *Мизес Л. фон.* Антикапиталистическая ментальность. – N.-Y.: Телекс, 1992. – С. 59.

⁴ См.: *Гегель Г. В. Ф.* Философия права. – М.: Мысль, 1990. – С. 243.

ГЛАВА II

ских обществ. Однако в действительности либерализм был обеспокоен материальными аспектами жизни просто потому, что он считал неприемлемым регулирование рынка¹. Что же касается материального достатка, то он стимулировал политическую независимость. Как писал Ж.-Ф. Ревель, *политическое* сообщество может быть скучным, но гражданское общество является постоянно интригующим. «Если политическая жизнь банальна, то частная сфера преисполнена оригинальности»².

В платоновском абстрактном государстве субъективная свобода не действует, ибо в нем власть указывает индивидам на их занятия. На Востоке у свободы также мало пространства, ибо распределение социальных ролей здесь определяется рождением³. И только в урбанизированной Европе сложились обстоятельства, потребовавшие от индивида личной независимости и свободы. Пуританская революция вывела на историческую сцену принцип свободы личности и свободы совести – божественные требования, за которые следовало бороться. Об этом и заявил О. Кромвель в речи перед английским парламентом 4 сентября 1654 года⁴.

По мнению М. Фридмана, ситуация с политической свободой на Западе кажется порой исключением из общей тенденции мирового развития. Ибо в остальных регионах мира концентрация власти и собственности сформировала людей иной породы. Тем не менее, возрождение политической свободы в Азии и Африке в антиколониальных революциях XX века получило неожиданное развитие в либерально-демократических преобразованиях 2011 года в Египте, Сирии, Ливии и Тунисе.

¹ См.: *Мізес Л. фон. Лібералізм у класичній традиції // Лібералізм: Антологія.* – К.: Смолоскип, 2002. – С. 4.

² См.: *Revel J.-F. Democracy Against Itself.* – USA: The Free Press, 1993. – P. 265.

³ Там же. – С. 289.

⁴ См.: *Кон Г. Азбука национализма // Проблемы Восточной Европы, № 25-26, 1989.* – С. 250-251.

2.2.3. Императив политической свободы

Наиболее полно императив политической свободы выражен у И. Канта: «Во всех своих начинаниях разум должен подвергать себя критике и никакими запретами не может нарушать ее свободы, не нанося вреда самому себе и не навлекая на себя нехороших подозрений. Здесь нет ничего столь важного по своей полезности и столь священного, что имело бы право уклоняться от этого испытующего и ревизирующего исследования, не признающего никаких авторитетов. На этой свободе основывается само существование разума, не имеющего никакой диктаторской власти, и его приговоры всегда есть не что иное, как согласие свободных граждан, из которых каждый должен иметь возможность выражать свои сомнения и даже без стеснения налагать свое *veto*»¹.

Поскольку предвидеть заранее, какое именно влияние те или иные суждения окажут на общество, невозможно, предоставление людям свободы высказывания мнений является более предпочтительным, чем ее ограничение². Иными словами, обеспечение свободы слова и критики ведет к уменьшению враждебных и разрушительных для социального прогресса воздействий³.

Эти, равно как и иные подобные им установки, предвосхитили современное понимание роли политико-информационных процессов в обществе. Если настоящая информация по своей природе непредсказуема, то доступ к ней связан с риском потери стабильности, а это серьезно беспокоит государство. С другой стороны, гражданское общество нуждается в гарантиях против правительственного вмешательства в информационную сферу, что является важнейшим условием социальной динамики и прогресса в целом.

Признавая право граждан на доступ к информации, мы утверждаем презумпцию множественности политических «правд». В свою очередь, множественность представлений о добре и зле, справедливом и несправедливом общественном устройстве требует, чтобы политические решения принимались на конкурентной основе. Целью свобо-

¹ См.: Кант И. Сочинения в шести томах. Т. 3. – М.: Мысль, 1964. – С. 617.

² См.: Ламетри Ж. Сочинения. – М.: Мысль, 1983. – С. 334.

³ См.: Боданов А. Всеобщая организационная наука (Тектология). Ч.1. – Л.-М.: Книга, 1925. – С. 226.

ГЛАВА II

ды в этом случае является расширение человеческих возможностей, позволяющее каждому поколению прилагать к уже имеющемуся потенциалу свою долю возросшего знания, моральных и эстетических представлений, которые могут оказаться достаточно непредсказуемыми. По этой причине ничто не должно разрешаться или запрещаться на основе абстрактных представлений. Ведь только будущий опыт может показать, что было на самом деле ценным, а что – нет¹.

Политическая свобода приводит к тому, что, политики принимающие решения, во все большей степени ориентируются не на внешние авторитеты, а на собственное понимание конкретной ситуации. И это закономерно, ибо применение готовых правил в политике является неэффективным. Политика, как и природа в целом, требует от людей индивидуального творчества. «Люди не хотят этого понять и все ждут от философии последних истин, которых не было, нет и никогда не будет», – писал Л. Шестов².

Конечно, следовать императиву свободы можно лишь при условии, что общество соглашается за это платить. Причем размер подобной платы часто определяет темп общественного прогресса. Расширяя свободу, мы в большинстве случаев ускоряем свое продвижение вперед. Выбирая прогресс, люди обязаны также принимать и его последствия. Это важное условие, ибо компенсация последствий от реализованной свободы означает нечто иное, нежели плата за ограничение свободы с целью предотвращения возможных злоупотреблений. Как заметил по этому поводу О. Кромвель, человек никогда не поднимется выше, если заранее будет знать, куда он не собирается.

Защита свободы не означает борьбы против организаций – мощных рычагов разумно действующего человека. Однако выбор в пользу свободы отрицает использование всех исключительных, привилегированных, монополистических организаций, которые эксплуатируют свой авторитет и влияние для предотвращения попыток других «сделать что-либо лучше»³.

¹ См.: *Hayek F. The Constitution of Liberty.* – Chicago: University of Chicago Press, 1960. – P. 394.

² См.: *Шестов Л. Апофеоз беспочвенности.* – Л.: Издательство ЛГУ, 1991. – С. 164-165.

³ См.: *Hayek F. The Constitution of Liberty.* – Chicago: University of Chicago Press, 1960. – P. 37.

ГЛАВА II

Свобода выступает косвенным стимулом для всего невидимого и непредсказуемого. Многие из того, что происходит в условиях свободы, не особенно нравятся людям. И все же свобода, реализованная даже одним человеком из миллиона, может оказаться более важной для социального прогресса, чем все усилия по ограничению свободы с целью минимизации связанных с нею рисков. Обеспечить же свободу новаторам можно, лишь предоставив ее всем.

Аргументы в пользу свободы убедительны, но не самоочевидны. Императив свободы кажется людям иногда более слабым, чем эффект от применения директив и централизованных решений. Как писал К. Поппер, логика силы проста и используется мастерски. Противоположный же тип политики гораздо более сложен. По этой причине стратегия развития, ориентированная на свободу, кажется не всегда убедительной даже в наше время.

Размышляя о перспективах *«всеобщего правового гражданского общества»*, И. Кант писал о том, что «только в обществе, и именно в таком, в котором членам его предоставляется величайшая свобода, а, стало быть, существует полный антагонизм и, тем не менее, самое точное определение и обеспечение свободы ради совместимости ее со свободой других, – только в таком обществе может быть достигнута высшая цель природы: развитие всех ее задатков, заложенных в человечестве; при этом природа желает, чтобы эту цель, как и все другие предначертанные ему цели, оно само осуществило»¹.

В самом деле, признавал в свое время А. Эйнштейн, все действительно великое и вдохновляющее в мире было создано в атмосфере свободы². Кроме того, в условиях свободы намного интереснее жить. Как замечает А. де Токвиль, путешествуя из страны, в которой господствует свобода, в страну, где ее нет, путник неизбежно поражается перемене. В первом случае всюду кипит безудержная активность, во втором – все пребывает в обездвиженном и пассивном состоянии³.

А. Сахаров был убежден в том, что свобода мысли и убеждений, наряду с другими гражданскими свободами, лежит в основе технического развития, является гарантией против использования науки во вред человеку, а потому и основой социального прогресса в целом.

¹ См.: Мир философии. Ч. 2. – М.: Политиздат, 1991. – С. 439.

² См.: *Einstein A. Out of My Later Years.* – London: Thames and Hudson, 1950. – P. 19.

³ См.: *Tocqueville A. de. Democracy in America. Vol. 1.* – N.-Y.: Arlington House. – P. 239.

ГЛАВА II

Свобода выступает для него гарантией социальных прав¹. Путь прогресса не может быть предначертан, поэтому ключом к нему является свобода. Когда в обществе утверждается дух свободы, говорил Р. Рейган, достижения науки начинают идти быстрой чередой².

Взрыв научно-технического прогресса в XX веке произошел именно в тех странах, где знания и информация текли свободными потоками, а творческие импульсы никем не ограничивались. Л. Валенса говорил в 1989 году о том, что чем более высоким становится материальный и технический уровень польского общества, тем в большей степени оно нуждается в свободе³. Однако для утверждения свободы в Восточной Европе необходимо было отойти от тоталитарных структур, внедрить демократические механизмы и преодолеть психологическую фрустрацию.

Л. Эрхард писал в свое время о том, что народ, не решающийся пойти ради свободы на жертвы, рано или поздно сойдет с исторической сцены. Ибо свобода нужна не только людям искусства или науки, но также и всем остальным людям. Без нее практически невозможно никакое развитие. В одном из своих писем к И. Беккеру Ф. Энгельс писал о том, что чем более свободно формируется организация, тем она становится крепче⁴. Д. Локк также связывал свободу с политическим успехом, утверждая, что правитель, обеспечивший защиту свободы от произвола партий, становится неодолимым для конкурентов.

Свобода ведет к доверию между народами, и в этом качестве она – истинный триумфатор. Кроме того, свободные политические системы обладают иммунной защитой от революций и переворотов. Известно, что тоталитарные страны воюют с демократическими странами или друг с другом, но либерально-демократические страны, как правило, серьезно между собой не конфликтуют. Не случайно распростране-

¹ См.: Сахаров А. Мир, прогресс, права человека. Нобелевская лекция // Огонек, № 8, 1989. – С. 30.

² См.: Рейган Р. Свобода, прогресс и мир // Международная жизнь, № 11, 1988. – С. 10.

³ См.: Валенса Л. Гибкий человек из железа // Новое время, № 7, 1989. – С. 30.

⁴ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 34. – С. 349-351.

ГЛАВА II

ние политической свободы после Второй мировой войны означало также расширение пространства стабильности и порядка¹.

Политическая свобода является эффективным средством профилактики против патернализма, авторитаризма, тоталитаризма и диктатуры. Без свободных выборов, свободы мнений, слова, печати и собраний жизнь общества замирает. Только бюрократический класс способен сохранять в подобных условиях свою жизнеспособность².

Как писал Ф. Хайек, требование, чтобы правительство руководствовалось мнением большинства, имеет смысл лишь при условии, что данное большинство чувствует себя свободным и независимым от правительства. Это означает, что идеи, руководящие правительством, должны быть интеллектуальным продуктом *спонтанных* процессов в коммуникативной сфере³. Ошибочно говорить: государство, приходи ко мне на помощь, защити и помоги мне, но правильно требовать: государство, не заботься о моих делах, но предоставь мне свободу и оставь мне от моей работы столько, чтобы я мог обеспечить благосостояние себя и своей семьи⁴.

Свобода доказывает свою эффективность там, где ей удалось стать принципом конституционного права, высшей символической ценностью общества. Не менее важным при этом является вопрос о возможностях (широте) свободного выбора. Политическая, экономическая и личная свобода индивида образуют сложное единство, из которого немислимо изъять одну часть, не причинив существенного ущерба для всего остального.

Главная угроза свободе в мире исходит по-прежнему от государства. Подобная угроза является особенно значительной в странах, где идеалы свободы длительное время систематически подавлялись, а патернализм стал политической философией общества. Особенно опасным в этом случае является государственное *интервенционистское планирование* (К. Поппер). За ним всегда прячется патернализм, дополняемый законодательством о бедных. Однако и первое, и вто-

¹ См.: *Huntington S. The Third Wave: Democratization in the Late Twentieth Century.* – USA: University of Oklahoma Press, 1991. – P. 29.

² См.: *Костиков В.* Блеск и нищета номенклатуры // *Огонек*, № 1, 1989. – С. 14.

³ См.: *Hayek F. The Constitution of Liberty.* – Chicago: University of Chicago Press, 1960. – P. 109.

⁴ См.: *Эрхард Л.* Благосостояние для всех. – USA: Посев, 1990. – С. 236.

рое являются на самом деле аморальными, так как именно они сдерживают инвестиции и рост производительности¹.

Вместе с тем, было бы ошибочным думать, что свобода привлекает людей лишь своими экономическими возможностями. Ценность свободы является достаточно высокой, чтобы не нуждаться в «материалистических» оправданиях. Как только люди поймут, писал Д. Ролз, что их права могут быть осуществлены в действительном мире, они не променяют и грана свободы на улучшение своего благосостояния².

2.2.4. Факторы политической свободы

Факторами политической свободы обычно являются все те условия и обстоятельства, которые оказывают решающее влияние на ее воплощение. В праве основными факторами свободы выступают ее юридические гарантии. Не будучи сами по себе *элементами* свободы, данные гарантии существенно влияют на объем, глубину и устойчивость реализации политических прав. В большинстве случаев их можно считать конституционными стимулами демократии, ведь именно с их помощью достигается легитимация основных политических целей.

Одним из естественных факторов свободы является ее психологическая привлекательность. Опыт коммунизма и фашизма в XX веке доказал, что безопасность индивида, доверившего свою судьбу государству, не увеличивается, а уменьшается. Опустошительные войны тоталитарных машин, банкротство социалистических экономик стали весомыми аргументами в пользу психологически позитивного восприятия свободы.

Как писал С.-О. Литторин, уменьшение безопасности индивида, доверившего свою судьбу государству, является в наши дни очевидным³. Ибо не злоупотребление свободой, а авторитарная дисциплина

¹ См.: *Линсет С.* Третьего не дано // Проблемы Восточной Европы, № 33-34, 1991. – С. 93.

² См.: *Rawls J.* A Theory of Justice. – N.-Y.: Oxford University Press, 1973. – P. 151-152.

³ См.: *Литторин С.-О.* Крушение социалистического мифа. – Москва-Минск: Полифакт, 1991. – С. 56.

ГЛАВА II

и безоговорочная преданность государству подвигли на преступления миллионы немцев, итальянцев и японцев, породив зверства, которые не способны вместить наше воображение¹. Интуитивная уверенность Т. Дезами в том, что *бурная свобода лучше, чем спокойное рабство*, получила в XX веке убедительное подтверждение.

В свое время Сен-Симон так описал психологическую привлекательность свободы: представьте себе, что англичанин получает должность в Индии... Там он может, если захочет, завести себе гарем; там его окружают сотни прислуги: одни обязаны отгонять мух; другие готовы нести его в паланкине; вся масса населения пресмыкается перед ним; он волен обрушиваться палочными ударами на каждого индуса, который недостаточно ловко исполняет его желания. Но вот этот англичанин, утопающий в Индии в море самовластных наслаждений, спешит вернуться в Англию, чтобы отдаться там удовольствиям, которые доставляет равенство. По прибытии в английский порт он тотчас же чувствует, как его жестко заталкивают локтями люди из народа, но это нисколько не возбуждает в нем желания вернуться в страну, где все сторонятся, чтобы расчистить ему место².

Представители творческих профессий воспринимают свободу в качестве обязательного условия своей жизни. Для них свобода существует не как возможность выбора, а как естественное состояние. И хотя Ан. Тарковский однажды написал о том, что художник может быть свободным даже в тюрьме³, с этим предположением трудно согласиться. Ближе к истине в этом случае подошел Р. Рорти, заметив: «Нельзя считать, что ребенок, блуждающий в лесу как остаток уничтоженного народа, все храмы которого разрушены, а книги сожжены, продолжает сохранять человеческое достоинство»⁴.

Е. Анчел была убеждена в том, что однажды пережитое чувство свободы продолжает жить в человеке всю оставшуюся жизнь⁵. Изу-

¹ См.: Райх Р. Национальная проблема // Проблемы Восточной Европы, № 33-34, 1991. – С. 178.

² См.: Сен-Симон А. Избранные сочинения. Т. 2. – М.-Л.: Издательство АН СССР, 1948. – С. 332.

³ См.: Тарковский Ан. Красота – символ правды // Литературная газета, 8 апреля, 1987. – С. 8.

⁴ См.: Рорти Р. Постмодерністський буржуазний лібералізм // Лібералізм: Антологія. – К.: Смолоскип, 2002. – С. 233.

⁵ См.: Анчел Е. Этнос и история. – М.: Мысль, 1988. – С. 21.

ГЛАВА II

чая, в свою очередь, управление передовыми корпорациями в США, Т. Питерс и Р. Уотерман пришли к выводу, что обязанности персонала выполнялись обычно с удвоенной энергией, если вместо внешнего надзора работникам предоставлялась возможность самоконтроля¹.

А. де Токвиль писал в первой половине XIX века о том, что не только любит свободу, но и преклоняется перед ней. По его мнению, психологическая привлекательность свободы неотразима, ибо человеческий разум не может предвидеть собственный прогресс. В силу данного обстоятельства говорить о прогрессе в условиях несвободы нечестно.

Подобно тому, как возможность лжи превращает следование правде в свободно избранное поведение, возможность безнравственного поведения превращает нравственный выбор в сознательный акт. Однако свобода привлекательна еще и потому, что без нее невозможна индивидуальность. В индивидуальном качестве может выступать и группа, если у нее существует реальная возможность выбора вариантов².

Необходимость свободы становится особенно заметной в условиях политического кризиса. Исторические моменты, в которых свободный выбор людей играл решающую роль, Х.-Г. Гадамер называл эпохальными, а действующих при этом субъектов – *всемирно-историческими индивидами*. История, писал он, прослеживает сцены свободы, в этом состоит ее глубокая привлекательность.

Неизменными атрибутами свободы являются непредсказуемость и неопределенность. Свободу невозможно запрограммировать заранее, определив ее объем в каком-то фиксированном виде. И хотя в реальной жизни мы постоянно сталкиваемся с балансом свободы и ее ограничений, данное соотношение является подвижным. Баланс свободы и порядка всегда (явно или косвенно) отображается в конституциях. Конституцией США Конгрессу запрещено издавать законы, ограничивающие свободу слова, совести, собраний и петиций, а в конституциях постсоветских стран все обстоит иначе.

¹ См.: Питерс Т., Уотерман Р. В поисках эффективного управления. – М.: Прогресс, 1986. – С. 33.

² См.: Лотман Ю. Культура и взрыв. – М.: Прогресс, 1992. – С. 55.

ГЛАВА II

Недостаток политической свободы приводит обычно к стагнации, а избыток – к хаосу¹, однако установить заранее меру свободы практически невозможно. Никто не бывает полностью свободен, равно как и полностью поработан. Но если органическая конституция – это основной закон *гражданского общества*, то ее приоритеты автоматически переходят на сторону свободы.

Принцип свободы, писал Д. Ролз, представляет собой образцовый стандарт конституционного соглашения. Он включает в себя фундаментальные свободы личности, а также свободу мысли и совести в состоянии гарантированной защиты. Что же касается принципа экономического неравенства, выгодного всем, то его место – в текущем законодательстве. В этом случае более высокое по сравнению с порядком положение свободы отражает верховенство конституции над текущим законодательством².

В биологическом смысле человек находится ближе к свободе, чем к порядку, поэтому ничто не может превратить природу человека в природу термита. Индивид защищает свободу вопреки воле большинства, его политическая жизнь – это конкуренция между запросами личности и требованиями коллектива. Достижимо ли здесь соглашение, или данный конфликт принципиально неразрешим, ответить трудно.

Ж. Батай писал о том, что людей отличает от животных способность соблюдать двусмысленные запреты. Соблюдая некоторые запреты, люди испытывают желание нарушить их. Подобное нарушение запретов требует мужества и решительности, и если они у индивида есть, то можно сказать, что он состоялся. С другой стороны, человеку знаком соблазн «превращения в бездушный предмет» (С. де Бовуар). Боязнь свободы превращает индивида в инструмент чужой воли, попутно лишая его идентичности³.

Важным фактором свободы является также человеческое стремление к равенству. Как писал А. де Токвиль, равенства люди требуют и в состоянии свободы, и в состоянии рабства. Стремление к равенству

¹ См.: *Russell B. Authority and the Individual.* – N.-Y.: Simon and Shuster, 1949. – P. 25.

² См.: *Rawls J. A Theory of Justice.* – N.-Y.: Oxford University Press, 1973. – P. 199.

³ Как заметил В. Аллен, «это старая аксиома экзистенциалистов: ты свободен – и тебе страшно. По-другому не бывает». См.: *Аллен В. Интервью.* – СПб.: Азбука-классика, 2008. – С. 207.

ГЛАВА II

может быть серьезной угрозой свободе. Осознавая это, П. Новгородцев писал о том, что людям бывает легче примириться с бедностью и варварством, нежели признать существование аристократии¹.

Возможность злоупотребления свободой также является серьезным обстоятельством, с которым необходимо считаться. Для М. Фридмана вера в свободу предполагает признание за человеком права на ошибку. Если индивид предпочитает жить сиюминутными удовольствиями, обрекая себя на безрадостную старость, кто вправе ему мешать? Ведь существует вероятность того, что он прав, а мы ошибаемся. В результате, писал М. Фридман, смирение должно стать добродетелью всех, кто верит в свободу.

Бескомпромиссная защита свободы подталкивает общество к рынку. Однако в лучших конституционных образцах защита свободы и рынка предполагает принятие на себя ответственности за выбор меры свободы и контролируемого порядка. Абсолютная свобода оправдывает *бесов* Ф. Достоевского, мечтающих «все эти логарифмы отправить к черту». С другой стороны, жизнь в условиях внешнего контроля трудно назвать человеческой жизнью.

Рассматривая социальный хаос в качестве негативного фактора свободы, С. Франк называл его воплощением «субстрата внутреннего самобытия». В хаосе обнаруживается у него «все *бессмысленное*, проистекающее из глубины непосредственности, всякий каприз и всякая дикая страсть, всякое "*самодурство*" (превосходный в своем первичном этимологическом значении термин!)»². У Дж. Джойса крайностями свободы выступает всеобщая амнистия, награды для всех, язык эсперанто и всемирное братство... Абсолютная свобода напоминает ему свободную «лису в свободном курятнике». Она материализуется в свободных финансах и ренте, свободной любви и свободной церкви в свободном гражданском государстве³.

Так или иначе, вопрос о пределах свободы является трудным вопросом. Адекватным ответом на него могло бы стать создание конституционного механизма *конкуренции* свободы (норм свободы) и порядка. Возникающие в этом случае коллизии должны были бы раз-

¹ См.: Новгородцев П. Об общественном идеале. – М.: Правда, 1993. – С. 546.

² См.: Франк С. Сочинения. – М.: Правда, 1990. – С. 338.

³ См.: Джойс Д. Улисс. – М.: Республика, 1993. – С. 362.

ГЛАВА II

решаться конституционным судом. При этом определение реального баланса свободы и порядка будет оставаться за человеком.

Свобода предполагает возложение бремени ответственности на тех, кто свободен. По этой причине, как писал В. Розанов, «от "свободы" все бегут: работник – к занятости, человек – к *должности*, женщина – к *мужу*. Всякий – к *чему-нибудь*»¹. Для А. Бобковского свободный человек – это такая же редкость, как зубр или олень. Он даже предсказывал создание в будущем «заповедников для свободных людей, заповедников свободы»². С другой стороны, свобода – это не просто выбор или возможность, а стратегический императив, объясняющийся тем, что потребность в безопасности не является специфически *человеческой*, а потребность в постижении новизны – является³.

И. Бентам не признавал субъективных прав и свобод человека, называя их *чепухой*, а неотъемлемые права – чепухой на ходулях⁴. По мнению же А. Герцена, народам бывает легче переносить рабство, чем жить с даром свободы⁵. В философском смысле боязнь свободы объясняется тем, что признание *дневной* стороны свободы влечет за собой признание также ее *ночной* стороны – в виде абсолютной раскованности и произвола (М. Хайдеггер).

В дополнение к известному парадоксу демократии: народ решает, что править должен тиран, существует также парадокс свободы, позволяющий «задирам поработать кротких». По мнению П. Клоссовски, неограниченная свобода совести и прессы стимулирует право сильнейшего на власть, а это противоречит справедливости. Свобода может быть опасной, хотя обладание ею упоительно. Если жизнью не управляет ценность, говорил А. Камю, тогда царем становится случай. В результате мы сталкиваемся со «страшной свободой слепца».

Т. Дезами искренне верил в то, что «из самой неограниченной свободы» автоматически воспоследует «самый совершенный порядок»⁶. Однако на пути к данной цели может случиться всякое, о чем сви-

¹ См.: Розанов В. Уединенное. Т. 2. – М.: Правда, 1990. – С. 590.

² См.: Бобковский А. Війна і спокій. Французький щоденник 1940–1944. – К.: Критика, 2007. – С. 322.

³ См.: Колаковський Л. Мої правильні погляди на все. – К.: Києво-Могилянська академія, 2005. – С. 159.

⁴ См.: Рассел Б. История западной философии. Ч. 2. – М.: Миф, 1993. – С. 290.

⁵ См.: Мир философии. Ч. 2. – М.: Политиздат, 1991. – С. 245.

⁶ См.: Дезами Т. Кодекс общности. – М.: Издательство АН СССР, 1956. – С. 262.

ГЛАВА II

детельствует история всех деспотий и военных диктатур. Бывают ситуации, когда единственной гарантией свободы остается верность авторитету, ранее подарившему свободу¹. Октроированная свобода порождает, в свою очередь, множество проблем. Гораздо лучшим гарантом свободы является безличная в юридическом смысле конституция – универсальный закон.

Д. Дьюи возражал против неограниченной свободы, доказывая, что абсолютная свобода превращает людей в рабов сиюминутных прихотей². Избежать подобного искушения можно, установив для свободы известные пределы. Кроме того, границы свободы объективно вытекают из природы материального мира (Т. Гоббс). Они обнаруживаются также в биологических особенностях протекания психических процессов у человека (Т. Липпс). В ряде случаев поле свободы очерчивается неким сакральным авторитетом.

Фактором свободы является также и то обстоятельство, что государства, претендующие на статус свободных, могут организовать достижение широкомасштабных целей, лишь искушая независимый ум и воображение своих граждан, на что обычно затрачиваются огромные средства³. Подобный тип политической организации Н. Луман называет «конституционной анархией»⁴.

К сожалению, сетовал А. Гамильтон, рвение и любовь к свободе часто сопровождаются духом узкой и враждебной свободе подозрительности. Кроме того, свобода легко извращается в своем повседневном употреблении. Т. Дезами заботила угроза свободе со стороны «наследственных профессий», а Ж.-О. Ламетри опасался ограничения свободы по причине того, что она потенциально «вредит обществу». В действительности, писал он, свобода ограничивается не тем, что действительно вредит обществу, а тем, что люди ошибочно считают таковым. То, что кажется вредным сегодня, часто оказывается востребованным завтра. Как говорил А. де Токвиль, выгоды свободы становятся очевидными лишь после того, как она состарится.

¹ См.: Гавел В. Искушение // Трудно сосредоточиться. – М.: Художественная литература, 1990. – С. 346.

² См.: Штейн Г. Джон Дьюи // Перспективы. UNESCO, № 4, 1986. – С. 134.

³ См.: Луман Н. Медиа коммуникации. – М.: Логос, 2005. – С. 14.

⁴ См.: Бьюкенен Д. Сочинения. – М.: Таурус-альфа, 1997. – С. 228.

ГЛАВА II

По-видимому, чрезмерное превознесение свободы угрожает общественному строю¹, а безусловная страсть к свободе ведет к безусловным конфликтам и войнам². Что касается технической стороны вопроса, то возможности злоупотребления свободой сравнимы с возможностями злоупотребления такими эквивалентами, как власть и деньги. Проблема свободы является этической в своей основе, моральный конфликт между свободой и порядком напоминает конфликт между спонтанным творчеством и деспотизмом «фиксированных убеждений»³.

Гарантирование политической свободы можно сравнить с удержанием плазмы магнитным полем. Поддержание разумного баланса свободы и порядка требует затрат социальной энергии. Различая *лицевую* и *изнаночную* сторону свободы, Н. Костомаров писал: поддерживая государство, принимайте необходимость цензуры, «третьего отделения», Петропавловской крепости. Стремясь к свободе, рискуйте государством, готовьтесь к его возможному распаду⁴. Только в политической утопии между свободой и государством не существует серьезного противоречия⁵.

С другой стороны, практическое осуществление принципа laissez-faire доказывает, что результаты спонтанного взаимодействия индивидов, предоставленных самим себе, превосходят результаты любого политического проекта. Судя по всему, в мире не существует товаров и услуг, коллективное потребление которых было бы более эффективным, чем рыночное (Д. Бьюкенен). Установлено также, что наука, искусство и технологии могут развиваться лишь в открытой и свободной социальной среде, где интеллектуалы и синие воротнички имеют неограниченную возможность общаться друг с другом.

По мнению Ч. Милоша, свободе вредит любая преувеличенная забота об общественном благе. Если люди позволят себе ограничить индивидуальную свободу ради небольшой общественной пользы, то соображения значительной социальной выгоды смогут уничтожить

¹ См.: Спорные предвидения Б. Ф. Скиннера // Америка, декабрь, 1972. – С. 3.

² См.: *Полан Ж.* О счастье в рабстве // *Холландер К.* Мадам. – Минск: Дайджест, 1992. – С. 235.

³ См.: *Ясперс К.* Смысл и назначение истории. – М.: Политиздат, 1991. – С. 417.

⁴ См.: *Возняк М.* Українська державність. – Відень, 1918. – С. 98.

⁵ См.: *Міхновський М.* Самостійна Україна // Український патріот, 1948. – С. 18.

ГЛАВА II

свободу полностью¹. Тем не менее, Т. Гоббс находил естественным ограничение свободы законом, а Аристотель считал оправданным надзор за лицами, чей образ жизни угрожает государственному строю. Даже отцы-основатели США принимали в расчет то обстоятельство, что свобода должна быть выгодна в первую очередь лояльным членам политического сообщества².

Как писал А. Михник, Польское государство пострадало не только от чужеземного насилия, но также от собственной анархии и индивидуализма, символом которых стало *liberum veto* – «зеница вольности», но также и источник коррупции, способствовавший политическому упадку. Польский парламентаризм XVI – первой половины XVII века поддерживал политический баланс королевского двора, магнатов и шляхты³, однако в стратегическом смысле оказался неэффективным.

Говоря о политических аспектах свободы слова, К. Маркс назвал правительственную цензуру монополией, действующей тупыми ножницами произвола⁴. С другой стороны, Д. Сорос предупреждал об угрозе свободе со стороны любой рафинированной политической власти. Патернализм плохо сочетается с гражданской свободой, что доказывает не только «Утопия» Т. Мора или «Чудесный новый мир» О. Хаксли. С другой стороны, если свобода и детерминизм являются антиподами, мы все равно не можем действовать свободно, не понимая причинности⁵. Многое говорит о том, что нахождение баланса свободы и порядка требует от людей настоящего искусства.

По мнению Г. Шпета, история демонстрирует вечную борьбу свободы, воплощенной в культуре, с консерватизмом, воплощенным в государственном порядке. Этим он объяснял хроническое противостояние интеллигенции и государства. С другой стороны, свобода в руках народа легко трансформируется в произвол республиканского государства. Как показывает исторический опыт, завоеванная свобода

¹ См.: *Milosz C. Visions From San-Francisco Bay.* – N.-Y.: Farrar Straus Giroux, 1983. – P. 104.

² См.: *Gotfried P. The Conservative Movement.* – N.-Y.: Twain Publishers, 1993. – P. 24.

³ См.: *Магочій П. Історія України.* – К.: Критика, 2007. – С. 133.

⁴ См.: *Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 1.* – С. 59-60.

⁵ См.: *Dahl R. Dilemmas of Pluralist Democracy.* – London: Yale University Press, 1982. – P. 20.

ГЛАВА II

да иногда очень быстро переходит к обвинениям в контрреволюции¹. В итоге плебейская свобода становится ресурсом «подавляющего большинства» простых демократий.

Тем не менее, целью органической конституции является защита свободы, а не порядка. Понимая это, Ч. Милош разоблачал уловки врагов свободы – коммунистических патерналистов. По его наблюдениям, нечто угнетающее присутствовало в атмосфере таких столиц народной демократии, как Варшава или Прага. Какое-то сочетание силы и трагедии, внутреннего паралича и внешней подвижности. Даже то обстоятельство, что жителям подобных столиц обеспечивались элегантные квартиры, изящная одежда и ресторанные удовольствия, не могло изменить всему присущей ауры несчастья².

Чтобы не выродиться в произвол, свобода нуждается в создании собственной инфраструктуры и собственного истеблишмента. Последние образуют главные факторы ее выживания и успеха. Утверждая свободу, нельзя осуждать частную собственность, конкуренцию, рекламу и власть денег. Если кто-либо утверждает, что без этого можно создать свободное государство, он несет в себе угрозу культуре³. Свобода обладает своим собственным жизненным миром и культурным пространством, она требует адекватного воплощения в структуре символической и предметной реальности.

Как полагал Гегель, объем индивидуальной свободы зависит от объема собственности, заложенной в ее основу. Поэтому он считал нечестным и неэтичным говорить о том, что свобода может осуществиться вне данной фундаментальной связи. По мнению Гегеля, отказ от владения собственностью под предлогом улучшения нравов есть чистая иллюзия. Ибо в подобном отказе содержится скрытая презумпция порочности лица как воплощенного *Ego*. В свою очередь, социальная система, построенная на презумпции моральной ущербности ее элементов-членов, не может иметь положительной перспективы⁴.

Хотя функции собственника может осуществлять уполномоченный распорядитель, у нас нет оснований предполагать, что моральная

¹ См.: Кедров К. Парад уходящих планет // Известия, 8 февраля, 1991. – С. 5.

² См.: Милош Ч. Поневолений разум. – Мюнхен: Сучасність, 1985. – С. 40-41.

³ См.: Хайек Ф. Пагубная самонадеянность. – М.: Новости, 1992. – С. 205.

⁴ См.: Гегель Г. В. Ф. Философия права. – М.: Мысль, 1990. – С. 105.

ГЛАВА II

эволюция пойдет в этом случае лучшей дорогой. Скорее наоборот. В ином месте Гегель уточняет: «Свобода индивидуумов не должна быть чем-то единичным, она должна быть выражена и представлена в корпорациях. К институтам относятся: 1) свобода личности, 2) свобода собственности (французы быстро обрели ее благодаря революции – подтверждено в *Code Napoleon*), 3) публичное законодательство»¹. Иными словами, человек может оставаться свободным лишь до тех пор, пока его невозможно принудить делать то, от чего он отказался бы, будучи полностью независим².

Как утверждали греки, свобода – высшая ценность общества, которая превращает блага в собственность тех, кто их приобрел. Блага же, приобретенные в рабстве, принадлежат не рабам, а правителям. Если человек утрачивает собственность, он рискует превратиться в социальное *ничто*. Власть, безопасность и судьба индивида непосредственно зависят от его состояния. По этой причине либеральная доктрина считает частную собственность священной и неприкосновенной.

Свобода требует, чтобы индивид имел возможность преследовать *собственные* цели. Однако преследовать собственные цели индивид может лишь благодаря определению прав собственности и сфер, в которых он имеет право распоряжаться ресурсами. Поэтому объем и характер собственности устанавливает реальную область его свободных действий³.

Как бы справедливо ни распределялись блага между людьми, как бы ни заботилось государство о тех, кто ему дорог, писал К. Кавелин, все это не способно заменить собой прав собственности и ее наследования – институтов, без которых человек рискует возвратиться к животному состоянию. Как говорил маркиз А. де Кюстин, у крепостных нет забот, но у них нет и собственности, а это означает, что у них нет привязанности, счастья, морального чувства и всего остального, что могло бы компенсировать очевидные невыгоды их жизни⁴.

Индивиды служат обществу, но они вовсе не обязаны приносить себя ему в жертву, писал А. Швейцер. Государство не должно опекать

¹ Гегель Г. В. Ф. Философия права. – М.: Мысль, 1990. – С. 463.

² См.: Почта недели // Советская культура, 31 января, 1989. – С. 1.

³ См.: Хайек Ф. Пагубная самонадеянность. – М.: Новости, 1992. – С. 110-111.

⁴ См.: Маркиз Кюстин А. де. Николаевская Россия. – М.: Терра, 1990. – С. 182.

ГЛАВА II

людей подобно тому, как скрипач не должен учиться у контрабасиста. Общество само по себе – ненадежная слепая лошадь, и горе кучеру, если он задремлет. Политический строй действует так, что люди остаются свободными лишь при несвободных правительствах¹.

Позволяя богатству ограничивать, а не усиливать государственную власть, рынок устраняет из общества опасный источник политического принуждения. Это означает, что люди могут испытывать нехватку политической власти только при условии, что они не имеют возможности достигнуть своих целей экономическими способами².

Кроме того, лишь частный собственник по-настоящему активен. Как писал В. фон Гумбольдт, человек предпочитает праздность принудительному труду. Обладание же автономными ресурсами стимулирует его к деятельности. Развитие рыночных отношений всегда сопровождается ростом индивидуальной свободы³.

Таким образом, собственность – это главный экономический фактор свободы. В политическом смысле свобода является более важной, чем достаток. Поэтому тот, кто ставит «телегу благосостояния впереди лошади свободы», как говорил М. Рокар, рискует потерять и первое, и второе. Минимум цивилизации – это хлеб и *Декларация прав человека*. Выше этого можно приводить аргументы и пересматривать условия, ниже этого существует лишь яростная борьба.

Отказ от защиты инфраструктуры свободы делает свободу неэффективной. В этом смысле поддержание самостоятельных, автономных усилий в социальной, политической и экономической среде является определяющим условием сохранения свободы и вытекающих отсюда последствий⁴.

Ж.-Ж. Руссо считал политическим фактором свободы равенство людей перед законом. Ибо если в государстве обнаружится хотя бы один индивид, не подчиненный закону, то все остальные неизбежно окажутся в его власти. В отличие от Ж.-Ж. Руссо, В. фон Гумбольдт

¹ См.: *Леви Л.* Что такое демократия. – США: Издательство Информационного агентства США, 1991. – С. 8.

² См.: *Berlin I.* Four Essays on Liberty. – N.-Y.: Oxford University Press, 1986. – P. 122.

³ См.: *Гумбольдт В. фон.* Язык и философия культуры. – М.: Прогресс, 1985. – С. 50.

⁴ См.: *Held D.* Models of Democracy. – California: Stanford University Press, 1996. – P. 301.

ГЛАВА II

связывал свободу с высшей образованностью, творческим даром человека, с «уменьшением потребности действовать в составе однородных, связанных масс»¹.

Свободу невозможно завоевать раз и навсегда, поэтому люди обязаны поддерживать и защищать свободу постоянно. В этом смысле кажется уместным различать личный (экзистенциальный) и корпоративный (институциональный) уровни борьбы за свободу. А. Сахаров и Д. фон Нейман были выдающимися учеными, которые персонально способствовали повышению уровня свободы в мире².

Согласно обзору *Freedom House*, в 1997 году только 81 из 191 суверенных государств мира можно было назвать по-настоящему свободными³. Подобная статистика, разумеется, объясняет не только размах и масштабы политической эмиграции в мире. В мае 2011 года тысячи арабских беженцев наводнили собой итальянские порты. Однако, как заметил по аналогичному поводу В. Гавел, нельзя осуждать политических эмигрантов, ибо искренние приверженцы свободы не могут осуждать людей за использование права, которое каждая ласточка имеет⁴.

2.2.5. Терпимость, плюрализм и свобода

Истоки политического плюрализма связаны с постоянным проникновением новых элементов в непрерывность политического процесса в том смысле, как об этом писал К. Дойч⁵. Кроме того, для создания мира необходимы все виды, утверждал Б. Бозанке⁶.

¹ См.: Гумбольдт В. фон. Язык и философия культуры. – М.: Прогресс, 1985. – С. 26-27.

² См.: Дайсон Ф. Оружие и надежда. – М.: Прогресс, 1990. – С. 58.

³ См.: Монитор Свободы, № 2 (4), 1998. – С. 24. См. также: Проблемы Восточной Европы, № 27-28, 1989. – С. 140.

⁴ См.: Havel V. Open Letters. – N.-Y.: Vintage Books, 1992. – P. 228.

⁵ См.: Дойч К. Основные изменения в политологии // Политические отношения: прогнозирование и планирование. – М.: Наука, 1979. – С. 89.

⁶ См.: Гауз Д. Индивідуальність: ліберальні теорії людини // Лібералізм: Антологія. – К.: Смолоскип, 2002. – С. 204-205.

ГЛАВА II

Уже в средневековой Европе в одном сообществе сосуществовали не совпадающие друг с другом автономные и жизнеспособные кодексы морали. Не случайно данный исторический период принято считать ареной борьбы единства и многообразия, сравнимой по своим масштабам с борьбой добра и зла (Ж. Ле-Гофф). Противоборствующим сторонам, чтобы не уничтожить друг друга, пришлось усвоить терпимость.

Вначале, однако, нарушение принципа единогласия казалось настоящим скандалом. О неприсоединившихся писали как об *опозоренных* (*tupis*), поскольку разногласие и разномыслие в корпорации или коллегии считались в Средневековье позором. От либеральных подходов отреклись, руководствуясь практичной идеей *качественного большинства*. Как писали теологи и декретисты XIII века, хотя человеческая природа и склонна к разногласиям, само по себе данное качество является производным от первородного греха.

Многообразие как атрибут и свойство республиканизма появилось в виде предмета дискуссий значительно позднее. Политика с трудом преодолевала монотонность и дидактизм, хорошо заметные еще в начале XIX века. Известно, что большинство политических утопий были на редкость скучными.

С другой стороны, политическое многообразие оказалось неустрашимым, ибо органическое развитие человека с необходимостью требовало *многообразия ситуаций*. Даже наиболее свободный и независимый индивид не мог достигнуть высшего уровня политического развития в однообразных условиях¹. Что касается политического плюрализма в целом, то начало сосуществованию «самых несхожих идей» положил модерн. Впоследствии авторитарные и тоталитарные режимы нанесли серьезный удар по многообразию², чему способствовал также соблазн опереться на государство в период обострения социальных и экономических проблем³.

¹ См.: Гумбольдт В. фон. Язык и философия культуры. – М.: Прогресс, 1985. – С. 30.

² См.: Dahl R. Dilemmas of Pluralist Democracy. – London: Yale University Press, 1982. – P. 37.

³ См.: Бжезинский З. Большой провал. – N.-Y.: Liberty Publishing House, 1989. – С. 21.

ГЛАВА II

Лишь в наиболее развитых демократиях XX века многообразие воспользовалось защитой конституционных гарантий. После Второй мировой войны *третья волна* демократизации потребовала усиления плюрализма. Советский блок утратил свой политический консенсус, а в Западной Европе возникли тысячи *спорящих группировок*. Влияние региональных культур буквально наводнило собой в этот период весь мир¹. К концу XX века децентрализация стала актуальным политическим лозунгом «от Калифорнии до Киева» (С. Хантингтон).

Современные либеральные демократии являются плюралистическими по своему существу, поскольку все они разделяют убеждение в том, что монолитное состояние общества угрожает свободе и достоинству человека. Называя язык, мораль, закон и деньги главными инструментами цивилизации, Ф. Хайек опасался их коррозии под воздействием соблазна стандартизации. Подобная угроза возникает обычно в тех случаях, когда государство узурпирует отправления гражданского общества как свою собственность.

Что касается органического конституционализма, то он осуждает все, что прямо или косвенно ведет к тоталитаризму. По этой же причине он поддерживает многообразие и осуждает стремление государства все регламентировать и всем распоряжаться². Поскольку многообразие является востребованным и ценным, либеральное государство охраняет лидеров оппозиции и даже вынуждено защищать одну группу экстремистов от ее уничтожения другой.

Избежать многообразия невозможно, поскольку люди находят удовлетворение в предметах и деятельности, которые постоянно колеблются между крайностями добра и зла, добродетели и порока, земли и неба, писал П. Юркевич³. По убеждению же П. Чаадаева, «некоторые народы и некоторые личности обладают такими знаниями, которых нет у других народов и у других личностей»⁴, что также является серьезным аргументом против унификации и единства. В науке многообразие уже давно пришло на смену «единственно истинному рассуждению» (П. Фейерабенд). Что касается политики, то здесь лишь

¹ См.: *Toffler A. The Third Wave.* – N.-Y.: Bantam Books, 1994. – P. 251, 255.

² См.: *Денкэн Ж.-М. Политическая наука.* – М.: МНЭПУ, 1993. – С. 29.

³ См.: *Юркевич П. Философские произведения.* – М.: Правда, 1990. – С. 139.

⁴ См.: *Чаадаев П. Сочинения.* – М.: Правда, 1989. – С. 88.

ГЛАВА II

железные или бамбуковые занавесы позволяют сохранять и поддерживать *монолитность* (М. Мид).

Политический мир «накренился» в сторону многообразия, при этом отождествление личности с коллективом уступило место «многообразию индивидуальных жизненных проектов»¹. Эпоха догматизма и наивного упорства в нем закончилась уже тогда, когда Гегелю достало проницательности заявить, что в мире происходит не борьба добра со злом, а борьба *добра с добром*.

По мнению Аристотеля, истоки истины и лжи коренятся не в вещах, а в головах думающих о них индивидов. С этим соглашался Фома Аквинский, а после него и Р. Декарт. Для Ф. Ницше истина – это разновидность заблуждения, без которой определенный класс живых существ не может существовать. Как писал по аналогичному поводу М. Хайдеггер, ницшеанская истина – это лишь один из способов и вариантов мышления, которое в принципе *не может не исказить*.

В мире существует множество ценностных систем, что дало основание В. Гавелу возражать против стандартизации человеческого поведения, в том числе и *хорошего*. По мнению же Д. Ролза, конституционное государство изначально предполагает существование конфликтов, а также несоизмеримых между собой концепций добра. Данный признак пронизывает собой культуру модерна, начиная со времен Реформации².

Политический плюрализм проявляет себя сегодня по-разному, что лишь подтверждает его реальность. Конфессионально единая Франция характеризуется политическим (партийным) плюрализмом, а в США все устроено противоположным образом. Что касается европейской традиции, то и здесь связь между политической множественностью и религиозным плюрализмом можно считать доказанной. Недаром Б. Рассел столь решительно критиковал заметно усилившуюся после Второй мировой войны централизацию западных обществ³.

¹ См.: Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность. – М.: Наука, 1992. – С. 27.

² Ролз Д. Справедливість як чесність // Лібералізм: Антологія. – К.: Смолоскип, 2002. – С. 796.

³ См.: Russell B. Authority and the Individual. – N.-Y.: Simon and Shuster, 1949. – P. 34.

ГЛАВА II

Критика недостаточной структурированности советского общества была важным атрибутом горбачевской перестройки¹. Падение берлинской стены послужило дополнительным аргументом в пользу многообразия, однако на постсоветском пространстве плюрализм все еще остается для многих психологически дискомфортным.

Что касается *терпимости*, то данное качество политической культуры тесно примыкает к многообразию. В 1941 году Э. Фостер высказал идею о том, что в послевоенном мире терпимость может стать новым категорическим императивом². В наши дни терпимость признается одним из классических атрибутов либерального и демократического общества³.

Уже Ф. Рузвельт серьезно настаивал на праве каждого проявить свою сущность, чего в условиях нетерпимости добиться невозможно. Как заметил по этому поводу Л. Харц, терпимость в США началась с уверенности среднестатистического фермера в том, что его сын ничем не хуже и не лучше любого другого человека.

Конкурентный капитализм опирается на индивидуализм и терпимость, что ведет к последующему признанию и принятию альтруизма⁴. Рыночному обществу без компромиссов не обойтись, а они предполагают способность признавать убедительность чужих аргументов. Кроме того, терпимость почти не порождает проблем, если обеспечить люфт между субъектом и объектом терпимости⁵.

Политическая терпимость противоречит ортодоксальности, однако не оправдывает компромиссов, ведущих к массовым жертвам. Гражданская война может начинаться просто из-за неспособности людей признать изменчивость мира⁶. Теоретики либерализма оправдывают терпимость по отношению к тем, кто и сам является терпимым, однако современная наука констатирует признаки того, что терпимость

¹ См.: *Малютин М.* Неформалы в перестройке: опыт и перспективы // Иного не дано. – М.: Прогресс, 1988. – С. 226.

² См.: *Фостер Э.* Похвальное слово терпимости // Литературная газета, 23 июля, 1997. – С. 13.

³ См.: *Fukuyama F.* The End of History and the Last Man. – N.-Y.: Free Press, 1992. – P. 305.

⁴ См.: *Dahl R.* Dilemmas of Pluralist Democracy. – London: Yale University Press, 1982. – P. 153.

⁵ См.: *Riesman D.* The Lonely Crowd. – N.-Y.: Doubleday Anchor Books, 1953. – P. 297.

⁶ См.: *Солженицын А.* Нобелевская лекция // Новый мир, № 7, 1989. – С. 141.

ГЛАВА II

связана с проявлением высшего уровня ортодоксии. В частности, ортодоксальными апостолами терпимости принято считать Э. Роттердамского, квакеров и Д. Локка.

По мнению К. Ясперса, терпимость свойственна индивидам, которые обладают аристократическим складом ума. Ярким примером подобной личности являлся Солон. В меньшей степени терпимость присуща выходцам из среднего сословия, которые обычно уверены в том, что они правы, а другие – нет. Наконец, терпимость полностью отсутствует у людей насильнического типа, способных лишь «наносить удары»¹.

Классическими идеологами терпимости принято считать Н. Кузанского, М. Фичино, Э. Роттердамского и Т. Мора. Э. Фостер готов присовокупить к ним также М. Монтеня, Д. Локка и Гете².

Оправдание терпимости связано также с осознанием людьми того обстоятельства, что им не следует игнорировать иррациональную часть своей личности, хотя вначале многие отрицали ее существование³. Терпимость оправдывает также явление бунтарского духа, сопутствующего всякому настоящему прогрессу. Не случайно у Ф. Ницше смиренный, прилежный и умеренный в своих пристрастиях индивид есть не герой, а... *идеальный раб будущего*.

Феномен терпимости выглядит закономерным и с позиций защиты интересов человеческого вида. Большинство передовых идей предлагалось обычно еретиками, выживанию которых способствовала терпимость. Данное обстоятельство подкрепляется также наблюдением, что терпимые люди получают от жизни более глубокое эмоциональное удовлетворение, чем люди противоположного склада⁴.

По мнению И. Канта, естественное неравенство людей, множественность человеческих характеров и судеб является неизбежным спутником их нравственного и материального развития. Подавление же инакомыслия неэффективно и может спровоцировать социальный взрыв. Поэтому политика терпимости в сочетании с разумным недо-

¹ См.: Ясперс К. Смысл и назначение истории. – М.: Политиздат, 1991. – С. 224.

² См.: Фостер Э. Похвальное слово терпимости // Литературная газета, 23 июля, 1997. – С. 13.

³ См.: Бовуар С. де. Друга статья. Т. 2. – К.: Основы, 1995. – С. 42.

⁴ См.: Adorno T. The Authoritarian Personality. – N.-Y.: Harper and Brothers, 1950. – P. 976.

ГЛАВА II

верием или сомнением считается хорошим (в политическом смысле) выходом из многих ситуаций.

Еще в 1682 году П. Бейль говорил о том, что неверие лучше суеверия, требуя государственной терпимости для крайних еретиков. В психологическом смысле терпимость является одним из последствий развития человеческой личности, противостоящей групповому нарциссизму. Как писал В. Розанов, «индивидуум начался там, где вдруг сказано закону природы: "стоп! не пускаю сюда!" Тот, кто его не пустил, – и был первым "духом", не-"природою", не-"механикою". Иными словами, «лицо» в мире появилось там, где впервые произошло "нарушение закона". Нарушение его как единообразия и постоянства, как нормы и "обыкновенного", как "естественного" и "всеобщее ожидаемого"»¹.

Рождение впечатляющей по своим масштабам терпимости демонстрирует история освоения колонистами Северной Америки. Начатое пуританами (Новая Англия), оно было затем продолжено католиками (Мэриленд), сторонниками Елизаветы (Виргиния), Стюартов (Каролина), Ганноверской династии (Джорджия), баптистами (Массачусетс), квакерами (Пенсильвания), а также иными гонимыми в Европе религиозными группами.

Что же касается терпимости в узко-политическом смысле, то она явилась закономерным следствием и условием того обстоятельства, что в Новое время многообразие сформировалось как практическая потребность. Множество достижений науки, техники и искусства этого периода явились результатом непопулярных взглядов и убеждений упрямых одиночек. Здоровая личность, как считал К. Юнг, характеризуется готовностью сказать нет. Как писал по этому поводу Л. Гумилев, людям свойственно бороться в большей степени *против*, нежели *за*. Не случайно по В. Розанову, всякий русский, начиная с возраста 16 лет, примыкает к партии ниспровержения государственного строя.

Сквозь всю историю человечества тянется линия борьбы личности с обществом, одного – со всеми, писал Д. Мережковский. И никогда эта борьба не была столь решительной, как в случае борьбы «идеальной правды анархизма» с «реальной правдой социализма»². Герой ро-

¹ См.: Розанов В. Уединенное. Т. 2. – М.: Правда, 1990. – С. 27.

² См.: Мережковский Д. Больная Россия. – Л.: Издательство ЛГУ, 1991. – С. 153.

ГЛАВА II

мана Д. Оруэлла «1984» У. Смит был раздавлен партией за свои ничтожные открытия, которые были на самом деле опасны для партии не как открытия, а как отклонение от шаблона.

Как считал Г. Маркузе, технические достижения XX века создали угрозу *рационализации несвободы* человека, ограничения его автономии и права определять свою жизнь самому¹. Впрочем, еще и сегодня социальной коммуникации недостает элементов спонтанности и диалога. Известно, что пессимизм в настроениях молодежи второй половины XX века Х.-Г. Гадамер объяснял тем обстоятельством, что стилю ее воспитания недоставало элементарной непосредственности².

Балансирование на грани свободы и несвободы, терпимости и ксенофобии будет судьбой еще не одного поколения. По крайней мере, данная угроза сохраняется на постсоветском пространстве. Что касается более широких обобщений, то в истории человечества еретики пользовались в большей степени *сочувствием* населения, нежели свободой. Известно, что Аристотель советовал устранять из политики выдающихся людей³, и этот совет до сих пор не предан забвению.

Достигнутый цивилизацией уровень справедливости все еще не позволяет уравнивать людей перед лицом власти (Б. Рассел). Ее моральные успехи являются скромными, но они исходят из признания того, что доброта и терпимость стоят всех вероучений в мире. Вслед за Ш. Фурье и вопреки К. Марксу, человечество учится, наконец, различать классы, не обособляя их при этом.

Как считают Л. Богораз и А. Даниэль, в СССР политическая терпимость выросла из многообразной диссидентской практики. Начавшись слетами клубов самодеятельной песни (КСП), инакомыслие продолжилось затем в акциях гражданского неповиновения и открытого протеста⁴. В декабре 1965 года А. Есенин-Вольпин организовал в Москве демонстрацию правозащитников, лозунгом которой был призыв: «Уважайте советскую Конституцию!». Власти не приняли апелляции к логике, и А. Есенин-Вольпин провел годы в лаге-

¹ См.: Маркузе Г. Одномерный человек. – М.: REFL-book, 1994. – С. 209.

² См.: Гадамер Х.-Г. Телевидение породит новых рабов // Литературная газета, 23 июля, 1997. – С. 7.

³ См.: Аристотель. Сочинения. В 4-х т. Т. 4. – М.: Мысль, 1983. – С. 553.

⁴ См.: Богораз Л., Даниэль А. В поисках несуществующей науки // Проблемы Восточной Европы, № 37-38, 1993. – С. 147, 148.

ГЛАВА II

рях, ссылке и психиатрических лечебницах, после чего был выслан из СССР¹. Терпимость вырабатывалась в Советском Союзе в борьбе с тоталитаризмом, но она была также одним из результатов процесса привыкания мира к нонконформистам.

На рубеже XIX – XX веков стоящих на стороне существующего режима религиозных и нравственных героев духа начали вытеснять такие мятежные персонажи, как художник, проститутка, великий преступник, изгнанник, воин, поэт-бунтарь, дьявол или просто дурак. Объектами литературы и искусства все чаще становились диссиденты, маверики (mavericks) и просто те, кто рискнул зарабатывать на жизнь не общепринятым способом².

Эксцентричность и эпатаж проникли также в театр, где... сын убивал отца, соблазнитель обращался в невинного, скупец швырял золото из окон, герой поджигал город, а денди гулял в местах, где складывают трупы... (А. Арто). При этом ни уверенность в безнаказанности, ни сознание близкой смерти не могли объяснить столь абсурдно бесполезные действия со стороны людей, которые не верили в то, что со смертью все кончается³. Новое искусство XX века отразило в себе рост престижа акцентуированной личности, полностью свободной в своем выборе⁴.

2.2.6. Гарантирование свободы

Правовое гарантирование свободы в современных конституциях является достаточно многообразным. Основными видами конституционных гарантий свободы принято считать: провозглашение свободы в качестве цели государства; провозглашение свободы в качестве высшей социальной ценности; закрепление свободы как правовой категории; закрепление перечней субъективных прав и свобод; упразднение «патерналистских» социально-экономических прав; утверждение свободы в качестве принципа конституционного

¹ Гессен М. Совершенная строгость. – М.: Астрель, 2011. – С. 17.

² См.: Маркузе Г. Одномерный человек. – М.: REFL-book, 1994. – С. 75-76.

³ См.: Арто А. Театр и его двойник. – М.: Мартис, 1993. – С. 23.

⁴ См.: Riesman D. The Lonely Crowd. – N.-Y.: Doubleday Anchor Books, 1953. – P. 278.

ГЛАВА II

стройка; закрепление процессуальных инструментов защиты и охраны свободы.

Гарантирование свободы в лучших конституционных образцах соответствует идее Д. Ролза о том, что гражданское общество не является политической ассоциацией. Лучшие из конституций трактуют общество в качестве открытого политического института, создающего максимально широкие возможности для реализации не столько коллективных, сколько индивидуальных жизненных проектов и стратегий¹.

Закрепление в конституции свободы в качестве цели государства и/или общества соответствует классическому требованию, чтобы предметом конституционной защиты становились ценности, которые являются одинаково справедливыми для всех граждан, независимо от занимаемого ими места и роли в обществе.

Подобные ценности являются *начальными условиями* социальной динамики, правилами равной для всех процедуры (политической игры). Удовлетворять всем подобным требованиям может исключительно *свобода* – ключевой фактор, предваряющий любой вид добровольной человеческой деятельности. Как писал по этому поводу И. Берлин, возражения против законов, управляющих цензурой и вторгающихся в сферу морали, исходят из убеждения в том, что действия, запрещаемые подобными законами, относятся к числу фундаментальных потребностей человека².

Что касается конкретных правовых моделей гарантирования свободы, то они варьируют в широких пределах. Например, французская *Декларация прав человека и гражданина* (1789) определяет свободу в качестве возможности делать все, что не причиняет вреда ближнему. При этом осуществление прав индивидом имеет лишь те пределы, которые обеспечивают иным членам общества пользование аналогичными правами. В Декларации записано, что... целью всякого политического союза есть обеспечение природных и неотчуждаемых прав Человека. Этими правами являются свобода, собственность, безопасность и сопротивление угнетению.

¹ См.: Rawls J. Political Liberalism. – N.-Y.: Columbia University Press, 1993. – P. 42.

² См.: Берлін І. Два концепти свободи // Лібералізм: Антологія. – К.: Смолоскип, 2002. – С. 565.

ГЛАВА II

Ограничения свободы могут быть установлены исключительно законом, и лишь в отношении деяний, вредных для общества. Все то, что не запрещено законом, то дозволено, и никто не может быть принужден делать то, что не предусмотрено законом. Никто не должен ограничиваться в высказывании своих мнений, если подобные высказывания не нарушают установленного законом порядка.

В преамбуле к Конституции США (1787) сказано: Мы, народ Соединенных Штатов, в целях... обеспечения нам и нашему потомству благ свободы учреждаем и вводим эту Конституцию. Аналогичная цель закреплена в ст. 2 Конституции Швейцарской Конфедерации (1874). Провозглашение свободы в качестве *цели нации* закреплено в преамбуле к Конституции Испании (1978)¹.

В преамбуле к Конституции Японии (1947) *благословение свободы для всей страны* названо основополагающим стремлением японского народа. В преамбуле к Конституции Словакии (1992) намерение *гарантировать свободную жизнь* также утверждается от имени народа. Преамбула к Конституции Македонии (1991) гласит о том, что Македония принимает основной закон для того, чтобы гарантировать права и свободы человека и гражданина, а преамбула к Конституции Болгарии (1991) – о том, что решимость народных представителей создать демократическое, правовое и социальное государство основывается на их *преданности свободе*. Цель свободы отражена в преамбуле к Конституции Франции (1946), где записано, что французская республика никогда не прибегнет к применению силы против *свободы народа*.

Об утверждении свободы в качестве фундамента общественного строя и важнейшего права человека говорит преамбула к Конституции Польши (1997)². Свобода человека подлежит правовой охране, никто не может быть принужден к исполнению того, чего не требует закон, гласит ст. 31 Конституции.

¹ Использованы переводы конституций, опубликованные в изданиях: Конституции буржуазных государств. – М.: Юридическая литература, 1982; Конституції нових держав Європи та Азії. – К.: УПФ, 1996; Новые конституции стран СНГ и Балтии. – М.: Манускрипт, 1994; Конституції зарубіжних країн: Навчальний посібник. Харків: ФІНН, 2009.

² См.: Nowa Konstytucja Rzeczypospolitej Polskiej. – Warszawa: Liber, 1997. – P. 3.

ГЛАВА II

Закрепление свободы в качестве высшей социальной ценности является распространенным в конституциях переживших тоталитаризм стран. В частности, в ст. 3 Конституции Хорватии (1990) сказано, что *свобода* является одной из высших ценностей конституционного строя республики (первое место в перечне). В разделе 3 Конституции Казахстана (1993) записано, что страна признает высшей (после жизни) ценностью свободу человека. В ст. 2 Конституции России (1993) *свободы* человека определены в качестве «высшей ценности».

Права и свободы человека и гражданина признаются основополагающими ценностями конституционного строя в Македонии (часть 1 ст. 8 Конституции). Построение *свободного*, справедливого и солидарного общества названо основной целью в ст. 3 Конституции Бразилии (1988).

Свобода названа второй (после жизни) ценностью в ст. 13 Конституции Узбекистана (1992). В ст. 13 Конституции Японии (1947) *право на свободу* названо *высшим предметом заботы* в области законодательства и иных государственных дел. В ст. 1 Конституции Испании (1978) *свобода* является первой в перечне высших ценностей государства. В ст. 3 Конституции Чехии (1992) записано, что *основные права и свободы* являются элементом ее конституционного строя. *Свобода личности* признается неотчуждаемой в ст. 13 Конституции Италии (1947).

В ст. 17 Конституции Испании (1978) закрепляется *право человека на свободу*, а в ст. 2 Основного Закона ФРГ (1949) говорится о том, что каждому принадлежит *право на свободное развитие личности*. Однако прежде этого (ст. 1) немецкий народ признает нерушимые и неотчуждаемые права человека основой социального мира и справедливости.

Ст. 53 Конституции Франции (1958) предоставляет право убежища любому иностранцу, который преследуется за *деятельность в пользу свободы*. В ст. 55 Конституции Венгрии (1990) записано, что каждый имеет *право на свободу*. Право на свободу предусмотрено также ст. 24 Конституции Узбекистана (1991), ст. 30 Конституции Болгарии (1991), ст. 22 Конституции России (1993), а право на свободную самореализацию – в ст. 19 Конституции Эстонии (1992). Право человека *свободно жить и творить* на земле своих предков предусмотрено в преамбуле к Конституции Литвы (1992).

ГЛАВА II

Принцип *свободы* в науке, искусстве и обучении закреплен в ст. 38 Конституции Эстонии (1992). В ст. 41 этой же Конституции он дополнен правом человека следовать своим собственным убеждениям. Право делать все, что не запрещено законом, закреплено в ст. 2 Конституции Чехии (1992). Все, что не запрещено конституцией или законом, разрешено в ст. 8 Конституции Македонии (1991). Принцип *свободной хозяйственной инициативы* предусмотрен ст. 19 Конституции Болгарии (1991). В ст. 13 Конституции Италии (1947) закреплен принцип *свободы личности*, дополняемый специальным указанием на *свободу частной инициативы*.

В Канаде конституционные *гарантии свободы* закреплены *Хартией прав и свобод* (1982). Хартия заменила собой прежний *Билль о правах* (1960), наделив закрепленную в ней свободу высшей юридической силой. Хартия отказалась от закрепления социально-экономических прав, предоставив обеспечение благосостояния канадцев свободе рыночных отношений. Особый акцент в Хартии сделан на личных правах и свободах, которые дополняются политическими и информационными правами. Закрепленные в Хартии права и свободы могут ограничиваться только законом и в пределах, которые допускаются свободным и демократическим обществом.

В ст. 22 Конституции Хорватии (1990) говорится о том, что *свобода личности* неприкосновенна, а в ст. 12 Конституции Македонии (1991) – что право человека на свободу является неотъемлемым. В ст. 34 Конституции Узбекистана (1991) запрещено ущемлять свободу представителей политической оппозиции.

Конституция Словакии (1992) называет основные свободы неотъемлемыми, неотчуждаемыми, непреходящими и нерушимыми. В свою очередь, Конституция России (1993) запрещает издавать законы, *отменяющие или умаляющие* свободы человека и гражданина. В ст. 17 Конституции России основные свободы названы неотчуждаемыми.

В преамбуле к Конституции Туркменистана (1992) говорится о том, что народ гарантирует свободу каждому из граждан. В ст. 15 Конституции Кыргызстана (1993) основные свободы человека названы абсолютными, неотчуждаемыми и защищенными законом и судом от любых посягательств. В ст. 37 этой же Конституции содержится норма о том, что деятельность государства не может отождествляться с

ГЛАВА II

экономическим попечительством. Граждане должны самостоятельно обеспечивать свое экономическое благосостояние¹.

В ст. 20 Конституции Литвы (1992) *свобода человека* названа неприкосновенной, а в ст. 2 Основного Закона ФРГ (1949) утверждается, что *свобода личности* признается нерушимой. В ст. 97 Конституции Японии (1947) закреплено положение о том, что права человека – это результат борьбы за свободу, а в ст. 66 Конституции Франции (1958) говорится о том, что никто не может быть произвольно лишен свободы. В свою очередь, ст. 5 Конституции Греции (1975) запрещает выдачу иностранцев, которые преследуются за деятельность в пользу свободы.

Ст. 41 Конституции Италии (1947) запрещает любую хозяйственную инициативу, причиняющую ущерб свободе и достоинству человека, а ст. 10 этой же Конституции запрещает выдачу иностранцев, преследующихся у себя на родине за совершение политических преступлений.

Статья 15 Конституции Аргентины (1853) утверждает запрет рабства и гарантирует освобождение от рабства каждому, кто вступил на ее территорию. При этом действия лиц, которые не нарушают общественного порядка, морали и не причиняют вреда третьим лицам, признаются подвластными Богу и не подвластными судебной власти. Свободного индивида нельзя принудить делать то, чего не требует закон, или отобрать у него то, что не запрещено законом.

Тем не менее, указанные выше гарантии отстают от уровня защиты гражданской свободы в США, где Конгрессу на основе первой поправки (1791) запрещается издавать законы, ограничивающие свободу слова, печати, совести и собраний, а также право собираться мирно и обращаться к правительству с петициями о прекращении злоупотреблений. Для обеспечения безопасности *свободного* государства право народа хранить и носить оружие гарантируется в США второй конституционной поправкой².

В качестве оснований для *ограничения* свободы в современных конституциях признаются: защита основ конституционного строя,

¹ 27 июня 2010 г. в Кыргызстане была принята (референдумом) новая конституция страны.

² См.: Конституции буржуазных государств. – М.: Юридическая литература, 1982. – С. 32.

ГЛАВА II

защита нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечение обороны страны и безопасности государства – ст. 55 Конституции России (1993); основания, непосредственно указанные в Конституции, – ст. 32 Конституции Казахстана (1993); законные интересы, права и свободы других лиц, а также государства и общества – ст. 20 Конституции Узбекистана (1992); противоречие «добрым обычаям» – ст. 21 Конституции Италии (1947); отрицание иных конституционных прав и их гарантий – ст. 33 Конституции Аргентины (1853). К этой же категории следует отнести угрозу независимости страны либо изменение конституционного строя насильственным путем; угрозу суверенитету и территориальной целостности государства; подрыв безопасности, пропаганду войны, насилия, разжигание этнической, расовой или религиозной вражды – ст. 37 Конституции Украины (1996) и др.

Гарантирование *свободы* в Украине начинается с упоминания в конституционной преамбуле о том, что Основной Закон Украины был принят для *обеспечения прав и свобод* человека. К сожалению, несмотря на рекомендацию Международного форума в Гуте-Синегоре (11–13 января, 1996), *категория свободы* не была включена в официальный проект Конституции Украины в качестве одной из высших социальных ценностей. В то же время ст. 3 Конституции Украины признает, что *права и свободы* человека, а также их гарантии определяют смысл и направление деятельности государства.

В ст. 8 Конституции Украины говорится о том, что обращение в суд для защиты конституционных прав и свобод гарантируется, а в ст. 55 подчеркивается, что свободы человека и гражданина защищаются судом. В части 3 ст. 55 украинской Конституции каждому гарантируется право обращения за защитой своих прав и свобод к Уполномоченному Верховной Рады Украины по правам человека.

Конституция Украины (1996) гарантирует право каждого обращаться за защитой своих прав и свобод в международные судебные организации или органы международных организаций, членом или участником которых является Украина. Кроме того, защита субъективных прав и свобод не запрещенным законом способом предусматривается в ст. 55 Конституции Украины. В ст. 22 Конституции признается, что права и свободы человека и гражданина не являются исчерпывающими и что их содержание и объем не могут быть суже-

ГЛАВА II

ны в процессе внесения изменений в Конституцию либо при принятии новых законов.

Вместе с тем, конституционные ограничения политических прав и свобод являются в Украине многочисленными и широкими. Например, в соответствии со ст. 15 Конституции, свобода политической деятельности может быть ограничена обычным законом. Право человека на свободное (в том числе политическое) развитие (ст. 23) не может нарушать прав и свобод других людей. В целом Конституция Украины закрепляет широкий перечень (ст. 30-64) прав и свобод, осуществление которых может быть ограничено обычным законом.

На основании ст. 64 Конституции Украины некоторые из прав и свобод человека могут быть ограничены в условиях военного и чрезвычайного положения. К их числу относится право на образование; свобода литературного, художественного и технического творчества; неприкосновенность жилища; тайна переписки; свобода передвижения; право на получение и распространение информации; право на объединение в партии и общественные организации; свобода собраний; право на участие в управлении государственными делами; право на участие в референдуме; право владеть, пользоваться и распоряжаться собственностью; свобода предпринимательской деятельности; право на труд, забастовку и отдых; право на социальную защиту и охрану здоровья.

Следует заметить, что в условиях чрезвычайного и военного положения жизнь гражданского общества в Украине может быть практически парализована государством.

2.3. Конституционное регулирование политической активности

Конституционное регулирование политической активности рассматривается в настоящем параграфе в наиболее общей форме. Речь идет о роли конституций в политической жизни тех стран, которые обрели или стремятся обрести органический конституционный режим. Как заметил однажды А. Михник, мы исходим из признания

ГЛАВА II

того, что если жизнь как таковая имеет свои собственные законы, то и политика имеет свои законы¹.

Так или иначе, конституционные дебаты в постсоветских странах поглощают много энергии, а политики и ученые уделяют большое внимание изучению достоинств и недостатков уже принятых конституций². Все это является закономерным, ибо на момент кризиса в странах с тоталитарным политическим режимом не оказалось ничего пригодного (в конституционном смысле) для обеспечения преобразований в сфере экономики, национальной политики и местного самоуправления³.

С другой стороны, политические элиты этих стран хотят, чтобы новые конституции действовали не 15–20, а 50–100 и даже 200 лет⁴. С этой целью эксперты пытаются создавать правовые механизмы, обеспечивающие быстрые преобразования на рыночной и либерально-демократической основе⁵. В этом заключается ключевая проблема развития конституционализма в центрально- и восточно-европейских странах⁶.

Решить подобную задачу удастся по-разному и в неодинаковой степени. Многие вопросы так и остаются вопросами, поэтому тема конституционного регулирования политической активности в странах Восточной и Центральной Европы сохраняет свою актуальность. Фактически речь идет о создании надлежащих условий *перехода* от органических – к позитивным конституционным нормам. Не вызывает сомнения, что в этом случае существенное внимание должно быть уделено вопросам конституционного *предправа*.

¹ См.: Міхнік А. У пошуках свободи. Есеї про історію і політику. – К.: Дух і літера, 2009. – С. 47.

² См.: Линц Х. Крушение демократических режимов // Проблемы Восточной Европы, № 39-40, 1993. – С. 69.

³ См.: Юридическая наука и практика в условиях перестройки // Коммунист, № 14, 1987. – С. 50.

⁴ См.: Бурлацкий Ф. О советском парламентаризме // Литературная газета, 15 июля, 1988. – С. 2.

⁵ См.: Лебедев А. Возвращение политики // Новое время, № 6, 1989. – С. 10.

⁶ См.: Нерсесянц В. Перестройка и правовое мышление // Советское государство и право, № 9, 1987. – С. 42.

2.3.1. Предконституционное нормирование

Д. Локк считал, что законы, управляющие поведением людей, обладают своей внутренней иерархией и подразделяются на законы божественные, гражданские и общественного мнения (доброго имени)¹. Ф. Хайек был также интуитивно близок к этой позиции, подчеркивая, что идея высшего закона, управляющего ординарными законами, не нова. Уже в XVIII веке она прочитывалась в концепции права Божьего, или права Природы и Разума. При этом первичное допущение, что высший закон следует позитивно изложить на бумаге, принадлежит американским колонистам. Именно из него, как писал Р. Дворкин, выросла затем двухуровневая конституционная теория. Ее первый уровень устанавливал, *что* верования и жизненные установки должны составлять основу конституции, а второй отвечал на вопрос о конкретном содержании конституционных норм².

В рамках данного подхода Т. Шпрагенс различает две сферы нормирования общественной жизни: публичную и частную. При этом правительственные полномочия подлежат распространению лишь на первую из них³. Подчеркнем, что идея естественного публичного права оказалась впоследствии взрывной, ибо она утвердила существование универсального конституционного права, общего для всех⁴.

По мнению Ф. Хайека, идея органического конституционализма предполагает осознание людьми того обстоятельства, что политическая власть обязана действовать в соответствии с принципами, и что *политические руководители должны избираться на свои посты для осуществления того, что является правильным с точки зрения данных принципов, а не для утверждения того, что считают правильным они сами*⁵.

¹ См.: Локк Д. Сочинения в трех томах. Т. 1. – М.: Мысль, 1985. – С. 406.

² См.: Dworkin R. A Matter of Principle. – USA: Harvard University Press, 1985. – P. 54.

³ См.: Шпрагенс Т. Реконструюючи ліберальну теорію: розум і ліберальна культура // Лібералізм: Антологія. – К.: Смолоскип, 2002. – С. 354.

⁴ См.: Gierke O. Natural Law and the Theory of Society 1500 to 1800. – Boston: Beacon Press, 1950. – P. XLVI.

⁵ См.: Hayek F. The Constitution of Liberty. – Chicago: University of Chicago Press, 1960. – P. 179, 181.

ГЛАВА II

Таким образом, хотя конституции могут существенно различаться по своим языковым, мировоззренческим, культурным и иным параметрам¹, англосаксонская идея конституционного права сложилась в качестве *универсального* требования индивидуальной свободы, выборности руководителей и права народа контролировать ход государственных и общественных дел².

В этом смысле английская неписаная конституция, воплощающая в себе идею *верховенства права*, была затем лишь формализована в писаной Конституции США (1787). И хотя в Европе политическая жизнь по-прежнему находится под сильным влиянием парламентского права, органический конституционализм решил проблему правового обеспечения политической свободы в *универсальной* форме³.

С другой стороны, даже после того, как естественно-правовые идеи воплотились в первых писаных конституциях, их первоначальный «неюридический» смысл не был забыт. Как выяснилось впоследствии, фундаментальные политические законы «социального тела» (М. Бакунин) не могут быть полностью трансформированы в юридические законы.

П.-А. Гольбах считал писаное право возможностью, которая должна быть одобрена первоначально органическими законами природы и общества⁴, а Х.-Г. Гадамер поддерживал (вслед за Аристотелем) разделение правовых норм на нормы *конвенциональные* и *естественные*. Право, по его мнению, не допускает произвольной договоренности, ибо *природа вещей* всегда настаивает на своем. Поддерживая идею сохранения «того, что есть» в точке пересечения свободы и истории, он утверждал, что природа политической свободы требует от людей «согласия, принятия, заботы».

Восприятие политической свободы в качестве *нормативной традиции* было отчетливо выражено у Б. Малиновского, у которого свобода

¹ См.: *Preuss U. Patterns of Constitutional Evolution and Change in Eastern Europe // Constitutional Policy and Change in Europe.* – N.-Y.: Oxford University Press, 1995. – P. 95.

² См.: *Troeltsch E. The Ideas of Natural Law and Humanity in World Politics // Gierke O. Natural Law and the Theory of Society 1500 to 1800.* – Boston: Beacon Press, 1950. – P. 208.

³ См.: *Sartori G. Democratic Theory.* – Westport: Greenwood Press, 1973. – P. 291.

⁴ См.: *Гольбах П.-А. Избранные произведения.* В 2-х т. Т. 2. – М.: Мысль, 1963. – С. 116.

ГЛАВА II

выступает хранилищем всех ценностей и культурных мотиваций общества. В свою очередь, для П. Кропоткина политическая эволюция ведет к тому, что народ постепенно освобождается от политических форм, мешающих проявлению его творческого начала. Сам он выступал за создание учреждений и институтов, которые бы эффективно противодействовали «уравнительной взаимопомощи»¹.

Различая *законы природы* и *нормативные законы*, К. Поппер относил к числу вторых десять заповедей вместе с правилами выборов в английский парламент. Нормативные законы он считал производными от ценностных суждений о хорошем и плохом. Данные законы могут быть истинными и ложными лишь в метафорическом смысле, ибо они описывают не факты, а ориентиры человеческого поведения. Более важным элементом нормативной концепции К. Поппера является то, что деление законов на законы природы и нормативные он считал фундаментальным.

А. де Токвиль симпатизировал идее органической нормативности, а потому не соглашался с тем, что писанные законы могут заменить собой здравый смысл или нормы общественной морали². Заметим, что и А. Солженицын называл писаное право не более чем внешним выражением *минимума* моральных требований к индивиду³, а Ф. Фукуяма выводил позитивное законодательство из человеческой природы, относительно которой невозможен какой-либо консенсус⁴.

По мнению Дж. С. Милля, юридические нормы образуют лишь один из сегментов универсального понятия *правил человеческих страстей*, которые проявляются в индивидуальной форме. В свою очередь, Гегель по сходному поводу писал: «То, что само по себе, согласно разуму, есть право, и то, что содержится в определенном законодательстве в качестве действующего права, составляют две различные категории»⁵.

¹ См.: Кропоткин П. Хлеб и воля. Современная наука и анархия. – М.: Правда, 1990. – С. 530.

² См.: Tocqueville A. de. Democracy in America. Vol. 1. – N.-Y.: Arlington House. – P. 62, 107.

³ См.: Солженицын А. Как нам обустроить Россию // Литературная газета, 18 сентября, 1990. – С. 6.

⁴ См.: Fukuyama F. The End of History and the Last Man. – N.-Y.: Free Press, 1992. – P. 296.

⁵ См.: Гегель Г. В. Ф. Философия права. – М.: Мысль, 1990. – С. 444.

ГЛАВА II

Отличие органических норм и синтетически созданных правил косвенно просматривается в признании Б. Констаном того обстоятельства, что человеческая природа характеризуется естественным «произволом», который впоследствии приводит к ограничению абсолютной свободы писаным законом. Когда же подобные законы получают слишком широкое распространение, возрождается органическая потребность в *сдерживании законотворчества* в интересах защиты индивидуальной свободы¹.

Примечательно, что в ст. 33 Конституции Аргентины (1853) признается, что... «декларации, права и гарантии, перечисленные в настоящей Конституции, не отрицают иных прав и гарантий, которые, оставаясь неписаными, вытекают из принципа народного суверенитета и республиканской формы правления». Об этом же говорит и девятая поправка к Конституции США: «Перечисление в Конституции определенных прав не должно толковаться как отрицание или умаление других прав, сохраняемых народом», а также ст. 22 Конституции Украины: «Права и свободы человека и гражданина, закрепленные настоящей Конституцией, не являются исчерпывающими».

Трансформацию органической нормативности в явление конституционного *предправа* можно рассматривать в качестве разновидности *детерминации* как одного из проявлений *эффективной инстанции деяния* (Ч. Пирс). Как считал Ч. Пирс, *детерминация* таится в глубинах человеческой природы. Она сопровождается особым переживанием, которого индивиды обычно прямо не осознают. В этом случае они просто ощущают предрасположенность к чему-либо, причем данное чувство может иногда переполнять все их существо. Сильная детерминация осознается людьми как *желание* или *настоятельная необходимость*².

В свою очередь, А. Фергюсон усматривал в политическом предправе органическую готовность человека к мирному улаживанию большинства социальных конфликтов. Потребность в социальном мире (покое) он называл естественным источником одновременно публичного и частного права.

¹ См.: Констан Б. Про свободу древніх у її порівнянні зі свободою сучасних людей // Лібералізм: Антологія. – К.: Смолоскип, 2002. – С. 418.

² См.: Пирс Ч. Принципы философии. Т. 2. – СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2001. – С. 234-235.

ГЛАВА II

По мнению Д. Коэна и Э. Арато, позитивность права не следует понимать в том ограниченном смысле, что его единственным источником является потребность в нормативном урегулировании. По их мнению, нормы, потенциально способные стать законами, однако не являющиеся таковыми, существуют во всех сферах общественной жизни.

Законодательный процесс предполагает первоначальный выбор *потенциальных законов*, а затем последующее закрепление результатов данного отбора в виде *писаных правил*¹. При этом степень важности данных правил определяется уровнем (состоянием) выраженности в них человеческих интересов средствами дискурсивной этики².

Признавая реальность феномена предправа, исследователи пишут о том, что оно представляет собой основанный на обычаях *древнейший слой права*, отличающийся от привычного права отсутствием в нем обобщающих юридических понятий³. Данный подход может быть частично использован применительно к феномену предконституции, хотя в этом случае определяющими элементами будут выступать не обычаи, а универсальные структуры, классификации и концепции, заложенные в нормативную матрицу. Не исключено, что конституционному регулированию принадлежит скромная роль охранителя и толкователя *доброй совести и справедливости*, а не их создателя или открывателя⁴.

Известно, что Ш. Монтескье называл политическим правом *фактические* отношения между правителями и управляемыми, а Т. Де-зами размещал политические нормы не над, а под органическими законами равенства и социальной общности, которые он считал фундаментальными. Ж. Мелье усматривал в политических законах *тайные системы несправедливости*, а Й. Благош называл их *фактической конституцией*, формирующей отношения между основными субъектами политики⁵. В свою очередь, И. Степанов писал об

¹ Коэн Д., Арато Э. Гражданское общество и политическая теория. – М.: Весь мир, 2003. – С. 438.

² Там же. – С. 474.

³ См.: История первобытного общества. Эпоха классового образования. – М.: Наука, 1988. – С. 451, 452.

⁴ См.: Залыгин С. К вопросу о бессмертии // Новый мир, № 1, 1989. – С. 24.

⁵ См.: Благош Й. Формы правления и права человека в буржуазных государствах. – М.: Юридическая литература, 1985. – С. 17.

ГЛАВА II

объективных политических законах, которые предопределяют формы государственно-правовой организации¹, а также о *внутренних устойчивых связях*, составляющих генетическую основу всякого политического процесса².

К. Дойч относил политические нормы к нормам высшей юридической силы, а М. Марченко писал о трудностях выделения критерия, который помог бы обрисовать данные нормы в чистом виде³. В свою очередь, Э. Маркарян относил политические средства регуляции к инструментам *социальной технологии*, а К. Поппер пытался выявить политические нормы в общем контексте *логики власти*. А. Гелен и М. Фуко обращались в подобной ситуации к понятию *дисциплинарной системы*⁴.

Идея конституционного предправа косвенно прочитывается также в рассуждениях Д. Ролза об особенностях восприятия людьми справедливости. По мнению Д. Ролза, *категория справедливости – это нормативное условие, на которое люди согласились бы, не имея возможности сказать многое, если вообще что-либо, относительно субстанционального содержания данного соглашения*⁵. В близком к этому смысле он писал также о *концепции правильного* как совокупности общих по содержанию и индивидуальных по применению принципов, воспринимаемых обществом как инстанцией, которой адресуются требования конфликтующих сторон⁶. Говоря о принципах справедливости, Д. Ролз подчеркивал то обстоятельство, что глубокое уяснение ее постулатов как раз и составляет основу органического конституционализма.

Индивиды, живущие в либеральном и демократическом обществе, не могут поддерживать точку зрения, согласно которой лишь государству принадлежит право определять и форматировать их субъ-

¹ См.: Степанов И. Политические законы социализма и Конституция // Советское государство и право, № 1, 1984. – С. 9.

² См.: Степанов И. Конституция и политика. – М.: Наука, 1984. – С. 33.

³ См.: Марченко М. Рецензия на работу: Политическая система развитого социалистического общества. – М.: Наука, 1984 // Правоведение, № 4, 1985. – С. 94.

⁴ См.: Гелен А. О систематике антропологии // Проблема человека в западной философии. – М.: Прогресс, 1988. – С. 197-198. Данное понятие широко используется М. Фуко. См.: Фуко М. Наглядати й карати. – К.: Основи, 1998.

⁵ См.: Rawls J. A Theory of Justice. – N.-Y.: Oxford University Press, 1973. – P. 140.

⁶ Там же. – С. 135.

ГЛАВА II

активные права, писал Д. Бьюкенен. Ибо сама демократия возможна лишь при условии, что индивиды считают правительство продуктом своего собственного с ним соглашения.

В свою очередь, систему отношений между свободными гражданами следует трактовать как систему *упорядоченной анархии*, которая образует действительную (органическую) основу социального порядка. Поэтому в современном общественном договоре следовало бы по-новому определить содержание понятий *мое* и *твое*, заключив Левиафана в конституционные рамки¹.

Возвращаясь к Д. Ролзу, необходимо признать, что его принципы справедливости образуют основу конституционного права, либо даже непосредственно конституционное метаправо. Ибо его концепция справедливости служит тому, чтобы люди обращались к ней как к стратегическому регулятору публичных отношений, высшему критерию, позволяющему правильно толковать основной закон². С другой стороны, необходимо отметить, что любая *более конкретная*, чем принципы Д. Ролза, доктрина не может быть принята в качестве нормативной основы конституционного строя (конституционализма).

Что касается конституционной позиции гражданского общества, то оно в системе координат Д. Ролза не рассматривается в качестве ассоциации, имеющей иные, кроме сохранения свободы, цели и интересы. Отсюда же вытекает его вывод о том, что гражданская свобода может быть ограничена исключительно в целях ее охраны и защиты.

Рассуждая о природе политического предправа, М. Янков писал о том, что марксизму была близка идея *законов-тенденций*, которые, не будучи статистическими законами, оставались далекими также и от «действительно научных законов». В любом случае, фиаско К. Маркса не дает ответа на вопрос, возможны ли в политике *научные* законы и можно ли подобные законы считать конституционными. Как писал В. Вернадский, предположение о том, что научные истины могут когда-нибудь превратиться в общеобязательные правовые нормы, еще не утвердилось в сознании человечества³.

Одним из отражений идеи конституционного предправа можно считать признание Платоном реального существования *странных*

¹ См.: Бьюкенен Д. Сочинения. – Таурус-альфа, 1997. – С. 433, 438.

² Там же. – С. 365.

³ См.: Вернадский В. Философские мысли натуралиста. – М.: Наука, 1988. – С. 102.

ГЛАВА II

законов, управляющих основными политическими изменениями. В странах общего права аналогичная идея прочитывается в представлении о праве как о *воплощенном разуме*, законы которого универсальны и всеобщи. Данный подход позволяет анализировать качества, имманентно присущие не писаному закону, а феномену *нормативности* в целом – первичному стандарту любых общественных отношений.

По мнению Р. Давида, именно опыт политических революций позволил перейти от понимания природы права как *справедливости* к позитивистской трактовке права как возведенной в закон воли государства. Известно, что в социалистических странах XX века в качестве предправа выступала господствующая идеология¹. В частности, в СССР длительное время сохранялось «органическое» убеждение в том, что предправом является совокупность директивных решений КПСС². Решения партии определяли здесь внешнее выражение не только права, но и этики, эстетики, а также общественной морали в целом. Об особенностях трансформации подобного предправа в позитивное право с помощью конституционно-идеологического механизма писал В. Туманов³. Существование предправа в утрированно идеологической форме было характерным признаком большинства авторитарных стран.

С другой стороны, хотя партийные директивы и определяли содержание советских правовых норм, данную закономерность нельзя назвать абсолютной. Так, Ю. Тихомиров писал о советской «околоправовой» реальности, формируемой не только решениями и резолюциями КПСС, но также моралью, этикой, политическими обычаями и традициями⁴. Н. Козюбра предпринимал попытки анализировать феномен *права в жизни и права в законе*⁵. На то обстоятельство, что

¹ См.: Давид Р. Основные правовые системы современности. – М.: Прогресс, 1988. – С. 243.

² См.: Сапаргалиев Г. Перестройка в правовой системе, юридической науке, практике // Советское государство и право, № 10, 1987. – С. 44.

³ См.: Туманов В. Идеология и право: некоторые аспекты взаимодействия // Советское государство и право, № 4, 1984. – С. 23.

⁴ См.: Тихомиров Ю. Проблемы активизации политических институтов // Советское государство и право, № 6, 1986. – С. 17.

⁵ См.: Перестройка в правовой системе, юридической науке, практике // Советское государство и право, № 10, 1987. – С. 52.

ГЛАВА II

в тоталитарной стране право и справедливость могут существовать относительно независимо друг от друга, указывал А. Мицкевич.

Романо-германская теория правовых источников не признает априорного существования права, однако даже среди ее последователей можно обнаружить косвенное признание того обстоятельства, что право содержится не только в законодательных нормах. Поскольку поиск права совпадает с поиском справедливости, это неизбежно приводит к убеждению в том, что любой закон противоправен, если он несправедлив.

Потребность в справедливости является органическим свойством всех высших животных¹, поэтому нет ничего удивительного в том, что несправедливый закон не считается правовым². С другой стороны, писал Ч. Беккариа, облик справедливости изменчив. Все то, что считается необходимым и полезным в данном конкретном обществе, определяет и его представления о справедливости³.

В англосаксонской правовой системе право – это воплощенный разум. Как считал Т. Гоббс, законом в этом случае является не его буква, а то, что соответствует замыслу Творца. С другой стороны, принять тезис Т. Гоббса можно было лишь при условии, что намерение высшего законодателя было *разумным*. Для Ж.-Ж. Руссо сила законов зависит от мудрости законодателя в большей степени, чем от усердия его исполнителей. При этом мудрый законодатель ограничивается тем, что переписывает в закон все то, что естественным образом уже утвердилось в жизни. Напротив, плохой законодатель лишь портит своими новеллами существующий *status quo*.

По мнению К. Маркса, законодатель «должен смотреть на себя как на естествоиспытателя. Он не *делает* законов, он не изобретает их, а только формулирует, он выражает в сознательных положительных законах внутренние законы духовных отношений. Мы должны были бы бросить упрек законодателю в безграничном произволе, если бы он подменил сущность дела своими выдумками»⁴.

¹ См.: Дьяконов И. История эмоций? // Знание-сила, № 5, 1988. – С. 40.

² См.: Ливишиц Р. Право и закон в социалистическом правовом государстве // Советское государство и право, № 3, 1989. – С. 16.

³ См.: Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях. – М.: Юридическое издательство НКЮ СССР, 1939. – С. 189.

⁴ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 1. – С. 162.

ГЛАВА II

Право, доказывал Ж.-Ф. Ревель, является не источником, а всего лишь *кодификацией* органических прав человека. Законодатель не может придумать необходимые субъективные права, поскольку они предшествуют любому писаному праву. И для Л. Явича государственная воля выражает себя в виде общих правил, содержание которых приходится брать из жизни (его надо открыть)¹. Именно так, по его мнению, возникает право в общесоциальном смысле – право, не получившее официального признания, так называемое *неюридическое право*².

Говоря о ситуации во Франции в 1789 году, Т. Скокпол обращает внимание на то обстоятельство, что прежде чем принять позитивную конституцию, национальная ассамблея «сформулировала необходимые метафизические основания государственности. Только после этого начался долгий и страстный [процесс] написания конституции»³. По мнению же Ж. Ле-Гоффа, конституционная защита свободы прошла непростой путь, преодолев последовательно фазу жеста, письменного слова и определения прав хартиями. Что касается более близких к нам примеров формирования предправа, то здесь уместно вспомнить документы горбачевской перестройки, в которых идея самоуправления народа была представлена намного более широко, чем в действовавшей тогда Конституции СССР.

У конституционного предправа есть также и геополитический аспект. Как утверждал в свое время Гегель, «каждый народ имеет свое собственное государственное устройство, английское является государственным устройством англичан, и, если бы захотели дать его пруссакам, это было бы столь же абсурдно, как решение дать прусское государственное устройство туркам. Каждое государственное устройство есть только продукт, манифестация собственного духа данного народа и ступени развития сознания его духа»⁴.

¹ См.: Явич Л. Сущность права. – Л.: Издательство ЛГУ, 1985. – С. 118.

² Там же. – С. 85.

³ См.: Skocpol T. Social Revolutions in the Modern World. – N.-Y.: Cambridge University Press, 1994. – P. 181. Как гласит ст. XVI французской Декларации прав и свобод человека и гражданина 1789 г., *общество, в котором не обеспечено пользование правами и свободами и не проведено разделение властей, не может считаться имеющим конституцию.*

⁴ См.: Гегель Г. В. Ф. Философия права. – М.: Мысль, 1990. – С. 469.

ГЛАВА II

Еще Аристотель писал о том, что законы следует издавать применительно к существующему государственному строю, а не подгонять государственное устройство под некий писанный закон¹. Черты аналогичного подхода присутствуют и в гегелевской констатации: «Законодательство вообще и его особые определения следует рассматривать не изолированно и абстрактно, а как зависимый элемент *одной* тотальности в связи со всеми остальными определениями, составляющими характер нации и эпохи; в этой связи они обретают свое истинное значение, а тем самым и свое оправдание»².

Подобно тому, как *История* Фукидида отразила в себе впечатляющую картину человеческой драмы, в которой исторические факты отобразились с учетом особенностей человеческой природы³, в теории конституционного права были схвачены *тотальности* человеческого духа, способные обрести свое бытие лишь в связи с национальными традициями и характером государственно организованного народа. Не случайно Т. Джефферсон писал о том, что конституционные принципы Америки родились из синтеза свободных принципов английской конституции, идеи естественного права и здравого смысла⁴.

Одной из примечательных особенностей конституционализма является то обстоятельство, что выбор принципов, которые закладываются в его национальную модель, происходит не только на национальном, но также на региональном, континентальном и глобальном, в зависимости от конкретных условий и обстоятельств, уровне.

В частности, на международном уровне ведутся сегодня дебаты о том, следует ли государству заботиться исключительно о безопасности, физическом и моральном благе нации, или же оно может предоставить народу нечто большее. Как известно, для М. Джиласа *любое* государство – это орган, потенциально способный гармонизировать общество, а не только сила, над ним нависшая.

¹ См.: *Аристотель*. Сочинения. В 4-х т. Т. 4. – М.: Мысль, 1983. – С. 488.

² См.: *Гегель Г. В. Ф.* Философия права. – М.: Мысль, 1990. – С. 62.

³ См.: *Олкер Х.* Диалектическая логика «Мелосского диалога» Фукидида // Язык и моделирование социального взаимодействия. – М.: Прогресс, 1987. – С. 303.

⁴ См.: *Джефферсон Т.* Автобиография. Заметки о штате Виргиния. – М.: Наука, 1990. – С. 171.

ГЛАВА II

Следует признать, что задача нормативного обеспечения свободы является универсальной проблемой органического конституционализма. Как писал по поводу гарантий свободы С. Лем, определение меры свободы – трудная вещь: мало свободы – плохо, много свободы – тоже плохо¹. В рамках подобной установки сегодня осуществляется поиск многих конституционных приоритетов.

Всем известно закрепление в основных законах перечней субъективных гражданских прав, свобод и охраняемых законом интересов². Однако эффективность инструментальных свобод зависит от фундаментального – отношения нации к политической свободе в целом. Утверждение А. Швейцера о том, что фундаментом права является гуманность, равно как и утверждение К. Маркса о том, что в демократии законом является само человеческое бытие, понимается по-разному в зависимости от национальных контекстов.

С другой стороны, конституционной защите свободы присущ ярко выраженный универсализм. В частности, универсальным можно признать утверждение А. Уайтхеда, что сохранение жизни возможно лишь в постоянной активности и что избыточная ригидность жизненных форм ведет к деградации. Совсем неслучайно правовое государство исходит из аксиомы: гражданам разрешено все, что не запрещено законом³. Многие из конституционных идей Т. Джефферсона признаются сегодня аксиомами свободного мира в целом. С другой стороны, свободных американцев объединяет «эгоистическое» стремление к *личному* счастью. Данный тезис принято считать краеугольным камнем Конституции США.

Примером универсальной предконституционной нормы является утверждение К. Ясперса, что защите человека от насилия соответствует защита всех от власти одного человека, равно как и утверждение В. Парето, что без угрозы силой никакой порядок не может сохраниться⁴. Значение органической нормы имеет идея Аристотеля о

¹ См.: Лем С. Что будет через 10–20 лет? Я знаю, что этого никто не знает // Литературная газета, 14 ноября, 1990. – С. 15.

² См.: Конституционный статус общественных организаций в СССР. – М.: Наука, 1983. – С. 20.

³ См.: Манов Г. Социалистическое правовое государство: проблемы и перспективы // Советское государство и право, № 9, 1989. – С. 9.

⁴ См.: Pareto V. The Rise and Fall of the Elites. – USA: Bedminster Press, 1968. – P. 81.

ГЛАВА II

том, что «вообще плохо то, что верховную власть олицетворяет собой не закон, а человек, душа которого подвержена влиянию страстей»¹, – равно как и тезис Д. Сартори, что единственным способом создания непререживаемой политической системы является деперсонализация власти².

Примером полезной предправовой идеи является утверждение О. Тоффлера, что в постиндустриальном мире активность меньшинств отражает не политический эгоизм, а новые потребности производства, требующие разнообразного, колоритного и открытого общества³. Аналогичный смысл присущ тезису, что без буржуазии нет демократии⁴, равно как и идее, что любое правительство должно постоянно контролироваться гражданским обществом⁵.

Конституционный смысл присущ также известному наблюдению Д. Локка: «Каждый человек рождается с двойным правом: *во-первых, с правом свободы личности*, над которым ни один другой человек не имеет власти и свободно распоряжаться которой может только он сам; *во-вторых, с правом*, преимущественным перед любым другим человеком, *наследовать* вместе с братьями имущество своего отца»⁶.

Сходной оценки заслуживают требования Д. Локка осуществлять государственное руководство посредством общедоступных законов; не повышать налоги без одобрения народа; отделить друг от друга законодательную и исполнительную власть.

Аксиоматическим в правовом смысле является высказывание А. де Токвиля о необходимых гарантиях равенства (права должны предоставляться либо каждому, либо никому)⁷, а также утверждение Ф. Хайека, что, признавая права политических меньшинств, мы должны ограничить права большинства принципами, которые разделяют и поддерживают данные меньшинства⁸.

¹ См.: *Аристотель*. Сочинения. В 4-х т. Т. 4. – М.: Мысль, 1983. – С. 463.

² См.: *Sartori G. Democratic Theory*. – Westport: Greenwood Press, 1973. – P. 312.

³ См.: *Toffler A. The Third Wave*. – N.-Y.: Bantam Books, 1994. – P. 421.

⁴ См.: *Huntington S. The Third Wave: Democratization in the Late Twentieth Century*. – USA: University of Oklahoma Press, 1991. – P. 366.

⁵ См.: *Revel J.-F. Democracy Against Itself*. – USA: Free Press, 1993. – P. 23.

⁶ См.: *Локк Д.* Сочинения в трех томах. Т. 3. – М.: Мысль, 1988. – С. 374.

⁷ См.: *Tocqueville A. de. Democracy in America*. Vol. 1. – N.-Y.: Arlington House. – P. 38.

⁸ См.: *Hayek F. The Constitution of Liberty*. – Chicago: University of Chicago Press, 1960. – P. 107.

ГЛАВА II

Предправовым можно считать тезис, что свобода ассоциаций благоприятствует процветанию и стабильности общества¹, равно как и тезис, что свобода слова является критическим условием политической свободы. Сюда же относится идея, что неправительственные организации предотвращают политическое доминирование и контроль², а также, что гражданские ассоциации имеют право на приватность (конфиденциальность) в своей деятельности.

Нормативной по своей сути следует признать идею П. Друкера, что любой орган или организация не должны иметь власти больше, чем это предусмотрено их компетенцией³, равно как и утверждение Р. Найдера, что потенциальными эксплуататорами являются *все* организации, основанные на групповой лояльности. Мы также твердо знаем, что усиление власти правительства ограничивает местное самоуправление (М. Фридман); что государство претендует на роль гаранта стабильности в той же степени, что и катализатора перемен (З. Бжезинский); что в политической системе должны сохраняться анклавов индивидуальной свободы (Ф. Хайек) и др.

Элементом нормативной традиции Соединенных Штатов является идея, что государственной власти позволено делать лишь то, что граждане требуют от нее сами. Отсюда же следует правило о том, что не государство должно обучать граждан надлежащему поведению, а граждане обязаны предписывать государству приемлемый образ официальных действий⁴. Кроме того, правительство не имеет права прибегать к средствам, угрожающим гражданской свободе. Это означает, что гражданам *категорически* принадлежит право говорить и писать все, что они думают, свободно распоряжаться своим талантом, способностями и имуществом.

По мнению Э. Соловьева, понятие *категорически дозволенного* удачно передает смысл конституционного права во всем постсоветском мире⁵. Ибо теперь и здесь принято считать, что гарантиями безопас-

¹ См.: Tocqueville A. de. Democracy in America. – USA: A Mentor Book, 1984. – P. 209.

² См.: Dahl R. Dilemmas of Pluralist Democracy. – London: Yale University Press, 1982. – P. 32.

³ См.: Drucker P. Post-Capitalist Society. – USA: Harper Business, 1993. – P. 105.

⁴ Феофанов Ю. Граждане и власти // Известия, 1 ноября, 1989. – С. 5.

⁵ См.: Соловьев Э. Правовой нигилизм и гуманистический смысл права // Квинтэссенция. – М.: Политиздат, 1990. – С. 223.

ГЛАВА II

ности являются: разделение властей; адресованный исполнительной власти запрет оказывать давление на власть законодательную; пожизненное назначение судей; выбор присяжных из всех слоев населения; презумпция невиновности. Называя эти и иные, подобные им нормативные требования минимальными стандартами свободы, А. Моруа считал их собственной гарантией *свободу политическую*¹.

Конституционная культура США предусматривает надежную защиту частной собственности и свободы предпринимательства, а также запрет ограничения свободы слова, печати, петиций и совести даже по мотивам охраны общественного порядка и предотвращения подстрекательств к мятежу. Как указывает Р. Дворкин, свобода слова и прессы осуществляется в США, в первую очередь, в интересах аудитории, а не автора, поставляющего данной аудитории информацию².

Такой подход предварил собой последующее, не менее характерное для США требование обеспечить дееспособность правительства без предоставления ему права посягать на промышленно-деловой сектор³. По мнению США, ценность свободы осознается на международном уровне все еще недостаточно, поэтому американский Конгресс отказывается ратифицировать международные акты о правах человека, стандарты которых уступают гарантиям прав и свобод, достигнутых на родине Т. Джефферсона и А. Линкольна⁴.

Н. Винер писал в свое время, что проблемы права необходимо рассматривать как проблемы в своей основе *коммуникативные и кибернетические*, поскольку глубинной целью права является управление критическими состояниями⁵. Конституционное право действительно формирует управленческие связи, обеспечивающие жизнь людей на принципах справедливости, минимизации конфликтов и предоставления людям возможности критически судить о стране и мире. Иными словами, органический конституционализм – это фундамен-

¹ См.: Моруа А. Надежды и воспоминания. – М.: Прогресс, 1983. – С. 28-29.

² См.: Dworkin R. A Matter of Principle. – USA: Harvard University Press, 1985. – P. 385.

³ См.: Друкер П. Каким должно быть правительство // Америка, июль, 1971. – С. 34.

⁴ См.: Fitzpatrick K. The Experience of the American Human Rights Movement // Problems of Eastern Europe, Nb. 35-36, 1992. – P. 208.

⁵ См.: Винер Н. Кибернетика и общество. – М.: Издательство иностранной литературы, 1958. – С. 117.

тальное правовое средство, предотвращающее расщепление атомов рынка, демократии и свободы¹.

2.3.2. Конституционное предназначение

Конституционное предназначение устанавливается обычно из анализа функций, а также формальных и неформальных определений конституции как основного или высшего закона. В свою очередь, *верховенство права*, из которого вырос современный конституционализм, возникло в Средневековье под воздействием целого ряда факторов. Верховенство права – в широком смысле данного понятия – означает, что в обществе сложился консенсус относительно того, что существующее в нем право является справедливым, что оно предшествует политической власти и сдерживает любого правителя в любое время. То есть *сувереном* в этом случае выступает не правитель, а абстрактный закон. Любая политическая власть обретает легитимацию лишь при условии, что она санкционирована подобным правом².

По мнению Ф. Фукуямы, еще в XII веке право католической церкви сумело оказать существенное влияние на принцип *верховенства права*, поскольку именно оно помогло организовать и рационализировать *автономную* правовую систему в целом. Ведь для того, чтобы существовало верховенство права, недостаточно было установить теоретический принцип, обязующий правителей подчиняться закону. Первоначально право должно было воплотиться в реальных институтах, обладающих автономией от государства, а потому способных ограничивать его произвол³.

Ж.-Ж. Руссо писал в свое время, что конституция слагается из совокупности политических законов, определяющих отношение суверена к государству⁴. Поскольку в его политической теории сувереном

¹ См.: Феофанов Ю. По воле подавляющего большинства // Известия, 7 сентября, 1990. – С. 1.

² См.: Фукуяма Ф. The Origins of Political Order. – NY.: Farrar, Straus and Giroux, 2011. – P. 262.

³ Там же. – P. 274.

⁴ См.: Руссо Ж.-Ж. Трактаты. – М.: Наука, 1969. – С. 348.

ГЛАВА II

выступает народ, конституция интерпретируется как закон, определяющий фундаментальные отношения между гражданским обществом и государством.

Юристы, сохранившие веру в марксизм, считают формальным предметом конституционного регулирования политическую власть, политические отношения и политический процесс¹. По мнению же Ф. Хайека, появление конституций в мире ознаменовало собой переход от подчинения граждан совместным коллективным целям (характерным для общества-ассоциации) к подчинению их единым и абстрактным правилам, обеспечивающим широкий простор для свободы и многообразия. Данный подход соответствует в общих чертах схеме конституционного обеспечения (регулирования) политической свободы в концепции Д. Ролза.

В наиболее общем виде появление первых конституций означало применение на практике гегелевского принципа: «Абстрактное – есть право, осуществление его – государство»². Органическая конституция изначально выступала предметным воплощением, инструментом *верховенства права*, грамматикой политических действий свободного и лично независимого индивида³.

С точки зрения юридической формы, органическая конституция представляет собой совокупность стратегических норм-принципов (наподобие фундаментальных законов Г. Лейбница), которые являются необходимыми и достаточными для выведения главных политико-правовых следствий⁴. В этом смысле создание конституций явилось проявлением *диалектики политического*, позволяющей человеческим отношениям воплотиться во всей их полноте⁵. В частности, Ю. Хабермас усматривал назначение конституций в обеспечении политического режима демократии и гарантировании прав и свобод человека. Соглашаясь с подобным подходом, К. Поппер допускал из-

¹ См.: Степанов И. Конституция развитого социализма – социальная ценность и основные функции // Советское государство и право, № 12, 1978. – С. 9.

² См.: Гегель Г. В. Ф. Философия права. – М.: Мысль, 1990. – С. 380.

³ См.: Олкер Х. Диалектическая логика «Мелосского диалога» Фукидида // Язык и моделирование социального взаимодействия. – М.: Прогресс, 1987. – С. 301.

⁴ См.: Человек: мыслители прошлого и настоящего о его жизни, смерти и бессмертии. – М.: Политиздат, 1991. – С. 297.

⁵ См.: Murray E. The Symbolic Uses of Politics. – Chicago: University of Illinois Press, 1985. – P. 18.

ГЛАВА II

менение конституции лишь при условии, что ее трансформация не окажется опасной для демократического содержания.

Более широкими являются представления о конституционном предназначении у Н. Лумана. Соглашаясь с тем, что целью конституции является обеспечение политической свободы, Н. Луман считает ее также инструментом контроля «за благими намерениями политиков». В этом смысле, как он пишет, «ее парадоксом является фиксация *беспокойства*» (курсив мой. – В. Р.)¹.

Так или иначе, но появление в конце XVIII века конституций придало правовой системе некую *завершенную форму*. С этого момента естественное право вдруг превратилось во вторичное обоснование того, что конституция позитивно устанавливала в качестве высшего закона. В этом смысле *появление конституционализма можно считать сознательным возвращением права к его естественному, органическому состоянию (стандарту)*.

Конституционализм устранил феодально-помещичью юрисдикцию, гарантировал веротерпимость и способствовал перестройке отношений собственности на монетарно-рыночной основе. Как поясняет суть данного процесса Н. Луман, «конституции – по крайней мере, если следовать "первоначальному замыслу", содержащемуся в *Federalist Papers*, – необходимы именно потому, что ни религия, ни мораль не способны упорядочивать интересы и контролировать страсти; т.е. необходимы по тем же основаниям, что мотивировали и Гоббса. На рельсах этой функциональной аргументации смог без всяких проблем осуществиться переход от абсолютной монархии к теории конституции. Политическая теория становится теорией конституционного государства. Начинается работа с новыми различиями, а именно – с различиями прав человека и разделения властей как субстанцией конституционных установлений или (немыслимым для Средневековья) различием изменяемого и неизменяемого позитивного (!) права»².

Под влиянием органических конституций базисные структуры общества (правила распределения богатства, власти и свободы – Д. Волдрон) превращаются в *публичную книгу правил*. При этом новая модель отношений основывается не на социальном происхо-

¹ См.: Луман Н. Самоописания. – М.: Логос/Гнозис, 2009. – С. 213.

² Там же. – С. 113.

ГЛАВА II

ждении, а исключительно на карьере и личном успехе. Как уточняет свою мысль Н. Луман, «идут уже не позиционные бои, служащие для защиты собственного места, сражения ведутся по поводу того, кто продвигается, а кто – отступает. Гарантии в отношении *status quo* вводятся <...> социальным государством, однако благодаря новациям постоянно теряют силу»¹. Таким образом, конституционализм знаменует собой важнейший переход от *стратификационной* (феодализм) к *функциональной* (капитализм) дифференциации².

Не удивительно, что подлинный смысл органического конституционализма пропитан духом социальной динамики. На структурном уровне это проявляется в том, что любая органическая конституция становится главным нормативным фактором установления и поддержания горизонтальных (в действительности – слабо-синусоидальных, ибо полностью избежать зависимости от персонифицированной власти невозможно) рыночных отношений, гарантом свободы и неприкосновенности индивида и гражданского общества в целом, правовым средством ускорения всех социальных трансакций.

Не исключено, что в современном мире существует фактически лишь два типологических подхода в определении органического конституционного дизайна: американский (с приоритетом свободы) и европейский (с приоритетом порядка, не отрицающего свободу). Что касается всего остального, то это не более чем вариации на одну из вышеуказанных тем. Случается также, что конституциями называют документы, вообще не ориентированные на рынок и свободу. В этом случае мы имеем дело не с конституцией, а с ее внешней имитацией, оболочкой.

Учитывая то обстоятельство, что США являются изобретателями первой в мире писаной конституции, *конституционализм можно считать правовым американизмом*. Причем не только в историческом, но также в генетическом, сущностном смысле. Данная позиция выглядит несколько экстравагантно, однако хорошо помогает уяснить суть дела. К тому же деление органического конституционализма на *американский* (свобода, детерминирующая демократию) и *европейский* (демократия, детерминирующая свободу) имеет в наше время не только теоретическое значение. В данном случае я говорю о том,

¹ См.: Луман Н. Самоописания. – М.: Логос/Гнозис, 2009. – С. 159.

² Там же. – С. 199.

ГЛАВА II

что является важным с практической точки зрения, а не с позиций некоего абстрактно-универсального подхода. Как заметил однажды Л. Витгенштейн, «ни за что не извиняйтесь, ничего не скрывайте, говорите все, как есть, – но вы должны видеть нечто, проливающее новый свет на факты»¹.

Почему не является приоритетным тандем: демократия и свобода – типичное клише европейского конституционализма? Возможно, потому, что в глубинном, сущностном смысле европейского конституционализма не существует. То есть он существует лишь в пространственно-временном, географическом аспекте. С точки зрения своей внутренней логики и предназначения, органический конституционализм – это свобода, предшествующая демократии – состояние, при котором не демократия, а свобода является ведущей.

Свобода предложения и спроса создает рынок, в котором демократия выступает лишь одним из его сегментов. Наиболее важным в этой системе отношений является то, что именно рынок, а не демократия позволяет осуществить качественный прорыв в социальной динамике, который обычно связывают с органическим конституционализмом. Главная цель органической конституции – не *что*, а *как*. Ее задача – не материального, а сугубо процессуального свойства. Конституции функционируют потому, что активно действуют (хотя бы действовать) люди и институты. Подобное взаимодействие физических лиц и институтов осуществляется в конституционном режиме наиболее быстрым и эффективным способом.

В метафорическом смысле конституционализм – это гарантированное право каждого сесть за игорный стол без гроша в кармане, но по успешном завершении игры по правилам встать из-за него миллионером. Если это и упрощение, то не слишком большое. Ибо главное в конституционализме – *скорость*, принципиально новый тип отношений между юридическими и физическими лицами-субъектами. Конституционализм обеспечивает правовой порядок, при котором каждый обладает возможностью выйти на горизонты рынка (в широком смысле слова) с тем, что он имеет, не обращаясь при этом в иерархические структуры политической или административной власти.

¹ См.: Витгенштейн Л. Культура и ценность. О достоверности. – М.: АСТ: Астрель, 2010. – С. 70.

ГЛАВА II

При этом не имеет большого значения, на стороне спроса или предложения действующий субъект находится. Главное здесь – юридическое равенство возможностей, наиболее короткий (почти прямой) путь к шансам и соблазнам, упрощение и укорачивание большинства социальных взаимодействий. Все здесь происходит (должно происходить) на цивилизно-горизонтальном, слабо-синусоидальном (в административном смысле) уровне. Иерархия политической и административной власти при этом не отменяется, но как бы отходит на второй план. *В органическом конституционализме «теневыми» становятся институты власти, а не рынка.* Поскольку же демократия является частью большого рынка, становится возможным ускорение также и политических процессов. Например, невероятно быстрое, с точки зрения исторической традиции, превращение электрика на судовой верфи или драматурга-постмодерниста в главу современного европейского государства.

Смыслом органического конституционализма является свобода и рынок, причем данный союз в американском исполнении еще и сегодня продолжает поражать воображение. Посетив уже в наши дни Соединенные Штаты, Ж. Бодрийар пишет о благах американской свободы с таким же восторгом и восхищением, как и его аристократический предшественник А. де Токвиль в 1835 году. По мнению Ж. Бодрийара, европейцы уже не могут быть современными в собственном смысле этого слова. Ибо они не знают настоящей свободы – не той формальной свободы, которую они пытаются утверждать повсюду и всячески, а той конкретной, гибкой, функциональной, активной свободы, которую можно наблюдать лишь в американском обществе и в сознании каждого из его членов¹.

Данная ремарка позволяет эмоционально оттенить тот факт, что европейских конституционных стандартов на самом деле не существует. Вместо этого можно говорить лишь о европейском уровне конституционализма – мере социальной динамики, степени эффективности человеческого капитала, тоне современных вызовов и реальности демократизма. Не исключено, что именно по этой причине

¹ См.: Бодрийар Ж. Америка. – СПб.: Издательство «Владимир Даль», 2000. – С. 156. Как пишет автор, «наша концепция свободы никогда не сможет соперничать с их пространственной и подвижной свободой, которая является следствием их освобождения от исторической привязанности к центру» (Там же. – С. 156).

ГЛАВА II

М. Грушевский пытался в свое время доказать привлекательность и одновременно пригодность для Украины американского конституционного проекта¹.

Можно, по-видимому, согласиться с тем, что органический конституционализм является следствием и условием существования всякого рафинированного капитализма. Но если это действительно так, то становится до конца понятным то, почему в органическом конституционализме свобода предшествует демократии, а не является ее продуктом. Ведь в историческом плане именно свобода выступает генетическим условием народовластия. Настоящая демократия может существовать лишь в сообществе политически свободных субъектов. С другой стороны, демократия обладает опасной способностью ограничивать и даже полностью уничтожать свободу. Еще и поэтому *в органическом конституционализме свобода, а не демократия является главным объектом*.

Обходя демократию уже на старте, свобода превращается в высший идеал конституционализма также и потому, что конечной целью последнего является максимальное ускорение и упрощение рыночных отношений. В этом смысле конституционализм выступает уже как «антиправо» или *воплощенная в праве неформальность*. Его цель – не порядок, а свобода, предельное ускорение большинства межличностных и институциональных взаимобмен. В свою очередь, рынок – это единственный эффективный *promoter* прогресса, для которого свобода – явно критический фактор. Поэтому стратегия органической конституции нацелена на рынок без границ, социальную динамику и прогресс. В свою очередь, прогресс – это не совсем то, что подчинено логике планирования или позитивистским парламентским процедурам.

Как писал по поводу прогресса Л. Витгенштейн, «мир движется не по прямой, а по кривой, направление которой постоянно изменяется»². Поэтому лозунгом органического конституционализма является: *жить, чтобы жить*. Конституционализм не ведет к чему-

¹ См.: Грушевський М. Хто такі українці і чого вони хочуть. К.: Знання, 1991. – С. 150.

² См.: Витгенштейн Л. Культура и ценность. О достоверности. – М.: АСТ: Астрель, 2010. – С. 25.

ГЛАВА II

либо конкретному в материальном или духовном смысле, это не цель, а *способ и средство* достижения главных человеческих целей.

Мерилом человеческого успеха является прогресс, демократии же принадлежит более скромная роль. Демократия функционирует как итог многочисленных выборов большинства, прогресс же осуществляется под воздействием более сложных и разнообразных факторов. Более того, можно утверждать о том, что этика прогресса не совпадает с этикой демократии и непосредственно от нее не зависит¹. Демократия и конституционализм не являются тождественными просто потому, что демократия обладает опасной способностью становиться иногда тормозом прогресса.

Прогресс воплощает в себе свободное (спонтанное) политическое, экономическое и культурное развитие. Фактически это тотальный рынок, эффективность которого определяется количеством, темпом и амплитудой большинства совершаемых здесь транзакций. И если главным гарантом рынка является конституция, то главной целью конституции является обеспечение свободы творчества, а потому и прогресса. Но если органическая конституция – это гарант свободы, от которой непосредственно зависит творчество, рынок и прогресс, то окончательно логичным становится восприятие конституционализма как верховенства безличных правил игры – права².

Поскольку двух явлений верховенства в одном символическом пространстве быть не может, конституционализм, или метаправо стремится подчинить себе также и демократию. Иными словами, органический конституционализм воплощает в себе верховенство свободной (рациональной и иррациональной) стратегии человеческой жизни в целом. Что же касается принципа законности как требования соблюдения искусственно созданных, синтетических правил, то он является важнейшим для демократии, но лишь одним из атрибу-

¹ См.: *Речицкий В.* Символическая реальность и право. – Львов: ВНТЛ-Классика, 2007. – С. 203.

² Как отмечают Д. Норт, Д. Уоллис и В. Вайнгаст, важнейшей функцией органической конституции является обеспечение, так называемого, «порядка открытого доступа», что предусматривает ограничение существующей легитимной власти таким образом, чтобы ее нельзя было полностью захватить на следующих выборах. См.: *Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст В.* Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. – М.: Издательство Института Гайдара, 2011. – С. 211

ГЛАВА II

тов конституционализма. В конституционализме демократии отводится ответственное, но не главное место.

Как однажды заметил П.-А. Гольбах, конституция – это уздечка для *вождей и народов*. Ее фетиш – не народоправство, а своевременное распознавание и признание человеческих способностей и талантов. По своей сути конституция – это юридический карт-бланш меритократии, если говорить о политической стороне дела. Демократия же производит на свет законы, которые должны быть конституционными, то есть не посягающими на свободу и рынок. Если подобное посягательство становится возможным, мы имеем дело с кризисом или смертью конституционализма.

Таким образом, органический конституционализм предполагает, в первую очередь, полномасштабный рынок¹. К чему способен привести подобный рынок, видно на примере современных Соединенных Штатов. Имея примерно 4,5% от численности населения земного шара, США потребляют более половины используемых человеком природных ресурсов, производят максимальный ВВП на планете, совершают большинство мировых научных открытий и имеют военный бюджет, сопоставимый с суммарным военным бюджетом остальных стран мира. Из лучших 500 университетов планеты – 169, а из лучших 20 – 17 – находятся в США. При этом в научном секторе Соединенных Штатов работает в четыре раза больше научных сотрудников и ученых, чем во всех странах Европейского Союза, вместе взятых.

Статистика свидетельствует о том, что конституционализм как парадигма правового обеспечения и защиты рынка по-настоящему продуктивен. Наоборот, отсутствие творческих достижений и экономического прогресса указывает на болезнь или отсутствие конституционализма. Поскольку же демократия воплощает в себе всего лишь политический сегмент рынка, ее недостаточно для национального прогресса.

Как воплощение правовой стороны рынка, конституционализм требует свободы творчества, воплощенного в символических формах науки, образования и искусства. Поэтому в государстве, которое су-

¹ Положения ст. 146 Конституции ЮАР (1996) гласят, что национальное законодательство является приоритетным по отношению к законодательству провинций, если оно касается «защиты общего рынка в части перемещения товаров, услуг, капитала и труда».

ГЛАВА II

мело достичь конституционной фазы развития, творчество попадает под надежную правовую защиту. На практике это может означать как применение философии первой поправки к Конституции США, согласно которой свобода творческого самовыражения перемещается в предполитическое и предправовое пространство, так и запрет цензуры, дополняемый принципом невмешательства государства в *культурно чувствительные зоны* (Д. Истон) науки, литературы и искусства. Второй способ конституционной поддержки творчества применяется в странах Западной Европы, Аргентине, Бразилии, ЮАР и др.

Что касается Украины, то она, судя по всему, пребывает в начальной стадии освоения парадигмы органического конституционализма. Здесь, в частности, полностью не осознается то проблематическое влияние, которое оказывает на творчество простая демократия. Сравнительно недавно в Украине покончили с тоталитаризмом, а потому угрозу прогрессу видят не в примитивности демократии или узости творческого пространства, а в авторитаризме и диктатуре. Очевидно, что это не самая продуктивная точка зрения.

Как утверждают источники, демократия – это правление народа, народом и в интересах народа... Ф. Энгельс по этому поводу однажды заметил, что успех демократии зависит от качества демоса как ее главного субъекта. Например, демократия как правление индивидуализированных, *разделенных людей* не является опасной для свободы. *Автономная личность* Д. Рисмена – вполне подходящий для демократии субъект. С другой стороны, склонность к индивидуалистическому экзистенциальному обособлению – не самое массовое из человеческих качеств. Как писал по этому поводу Р. Рорти, «автономия не есть нечто такое, что все человеческие существа имеют в глубине себя и что общество может высвободить, прекратив их репрессировать. Она есть нечто, чего надеются достичь некоторые отдельные люди и чего в действительности достигли лишь немногие»¹.

В США ежегодно проводятся тысячи местных референдумов, что является впечатляющим примером демократии. Но может ли апеллировать к столь частым референдумам Украина? Общенациональные референдумы популярны в консервативной Швейцарии, одна-

¹ См.: Рорти Р. Случайность, ирония и солидарность. – М.: Русское феноменологическое общество, 1996. – С. 97.

ГЛАВА II

ко в других странах отношение к ним является более сдержанным. Народы, доказавшие свою способность голосовать за харизматических диктаторов, сегодня меньше доверяют демократии, чем другие. С другой стороны, функционирование демократических институтов соблазнительно, ибо в большинстве случаев оно эффективно. И все же для того чтобы эффективно использовать демократию, постсоветские государства должны воссоздать у себя полноценный рынок, защитить собственность и воспитать автономную личность.

Конституция США вывела в 1791 году свободу самовыражения индивида за границы политического и правового пространства, что уже в то время соответствовало природе вещей и здравому смыслу. Сегодня нам известно, что символическая реальность творчества является пластичной и текучей по определению¹. Кроме того, трудно представить себе эффективное государство, которое табуирует собственные культурные или политико-правовые дебаты.

Для Ф. Хайека конституция представляет собой документ, организующий распределение политической власти по важнейшим сферам социального управления², а Д. Брайс видел в ней правовой инструмент, предписывающий структуру, компетенцию и виды политических властей, взятых в совокупности с общим механизмом государственного управления³. В свою очередь, А. Дэйси считал, что базисные политические соглашения – это не совсем то, что воплощает в себе писанный закон, а потому сомневался в существовании *конституционного права* в строгом смысле данного понятия⁴.

¹ Главная особенность символизации как приема абстрагирования в науке, образовании, искусстве и культуре в целом заключается в том, что она позволяет оперировать с объектами предметно-физической реальности по законам воображения, а не по физическим (природным) законам. Это означает, что в символическом пространстве материальные объекты и природные явления освобождаются от своей предметной закрепленности и связанности. Поэтому основной функцией символической реальности является *размягчение* предметной или физической реальности, *придание ей пластичных «жидкостных»* свойств. См.: Речицкий В. Символическая реальность и право. – Львов: ВНТЛ-Классика, 2007. – С. 97.

² См.: Hayek F. Law, Legislation and Liberty. Vol. 3. – Chicago: University of Chicago Press, 1979. – P. 37.

³ См.: Bryce J. Modern Democracies. Vol. 2. – London: Macmillan, 1921. – P. 10.

⁴ См.: Дэйси А. Основы государственного права Англии. – М.: Издательство Сытина, 1907. – С. 25.

ГЛАВА II

В то же время, Т. Дезами, называя *основные законы* первоосновой социального здания, не отождествлял их с писаной конституцией, которую он считал исторически преходящим документом¹. Наоборот, А. Шлезингер считал конституцию документом, отражающим фундаментальные и уникальные ценности, основные тенденции и обычаи нации, которые не могут быть легко заменены подобно износившимся деталям в машине.

По мысли Р. Арона, конституция регламентирует правила социальных конфликтов, определяет основы социального единства, устанавливает пределы честолюбивым устремлениям людей. Системными признаками конституции он считал ограничение правительственной компетенции, запрет государству выступать истцом и судьей одновременно, честные правила конкуренции в борьбе за власть, независимый от правительства статус органов, выносящих решения по вопросам взаимоотношений государства и личности.

По мнению Л. Ферраджоли, введение конституционного правления предполагает обязательное разделение государства и общества, публичной и частной сфер, а также последовательное разграничение экономической и политической власти². В свою очередь, Б. Данэм считал, что органическая конституция связывает руки политической инквизиции и предотвращает тем самым зло фанатизма. Опираясь на *Мейфлауэрский договор* (1620), он доказывал, что конституция является правовой формой организации жизни, прежде всего гражданского общества.

Д. Локк видел в конституции «первоначальный и верховный акт общества», предшествующий всем иным положительным законам, зависящий исключительно от народа и потому не доступный для изменений со стороны подчиненной народу власти³. Признавая это, Д. Маршалл писал в 1821 году: «Народ творит конституцию, и только народ может ее изменить. Это творение собственной воли народа, и оно живет лишь благодаря воле народа»⁴. В политическом смысле это

¹ См.: Дезами Т. Кодекс общности. – М.: Издательство АН СССР, 1956. – С. 83.

² См.: Ferrajoli L. Democracy and the Constitution in Italy // Political Studies, Vol. XLIV, 1996. – P. 460.

³ См.: Локк Д. Сочинения в трех томах. Т. 3. – М.: Мысль, 1988. – С. 355.

⁴ См.: National Standards for Civics and Government. – USA: Center for Civic Education, 1994. – P. 53.

ГЛАВА II

означает, что конституция выступает «формой основного закона, который устанавливает полномочия правительства и ограничивает их в целях защиты личных прав и содействия всеобщему благу»¹.

Д. Ролз видел в конституции собрание правил справедливой политической *процедуры*, форму инкорпорации равных для всех политических свобод, с помощью которых граждане осуществляют свое истинное предназначение (*fair value*) способом, открытым для всех². Важнейшим конституционным требованием он считал правовое закрепление свободы мысли как предпосылки всеобщей информированности. При этом Д. Ролз отрицал необходимость конституционного закрепления экономико-распределительных принципов и норм. Считая, вслед за Д. Локком, что власть народа стоит выше власти правительства, Д. Ролз настаивал на конституционном закреплении политических идеалов *гражданского общества*. Конституционное правление он считал высшим типом правления, осуществление которого недопустимо поручать лишь законодательной или судебной власти. Согласно теории справедливости Д. Ролза, конституция принадлежит одновременно *всем* подотчетным народу ветвям и подразделениям власти³.

По мнению Д. Ролза, органическая конституция должна инкорпорировать в себя три принципа справедливости: принцип свободы; принцип неравенства, выгодного всем; принцип равного доступа всех к институтам политической власти. Только в этом случае конституция позволяет добиться того, чтобы восприятие общества в качестве системы честной кооперации свободных и равных в своем достоинстве и правах граждан перестало быть риторическим⁴. Что касается Ф. Хайека, то он считал, что главным предназначением конституции является ограничение живой (персонифицированной) политической власти устойчивыми, постоянно действующими принципами, необходимость которых признавал еще Аристотель⁵.

¹ См.: National Standards for Civics and Government. – USA: Center for Civic Education, 1994. – P. 48.

² См.: Rawls J. Political Liberalism. – N.-Y.: Columbia University Press, 1993. – P. 337.

³ Там же. – С. 232.

⁴ Там же. – С. 166.

⁵ См.: Hayek F. Law, Legislation and Liberty. Vol. 3. – Chicago: University of Chicago Press, 1979. – P. 3.

ГЛАВА II

В царской России не было конституции, но о ней неоднократно говорили и писали российские интеллектуалы. В частности, К. Кавелин видел в конституции исключаящий политический произвол акт правильного государственного и общественного устройства, закрепляющий принципы неприкосновенности личности, собственности и прав граждан. Он также считал, что в конституционном устройстве законодательная и административная власть должны быть обязательно разделены¹.

Д. Коэн и Э. Арато усматривали в конституции уникальное средство, с помощью которого право охраняет и стабилизирует условия жизнедеятельности гражданского общества, а не государства². В свою очередь, по А. Дайси, конституция воплощает в себе стратегический принцип *господства права*, который предполагает наличие менее крупных тактических принципов: абсолютного верховенства права в противоположность произволу, включая правительственный; равенства *всех* социальных классов перед законом, применяемым обычными судами; признания конституционных норм *не источником*, а органическим *следствием* субъективных гражданских прав³.

Как уже отмечалось выше, П.-А. Гольбах называл конституцию уздечкой для вождей и народов, что хорошо согласуется с принципами либерализма, но несколько противоречит пониманию конституции как документа, *в котором народ указывает правительству, что оно может делать*. Известно, что для Р. Рейгана важнейшими словами в Конституции США были: *Мы, народ...*, ее важнейшим принципом – *Свобода*.

Впрочем, еще А. Гамильтон говорил о том, что конституция – это фактически... *билль о правах*. И хотя концепция конституции как вместилища гражданских прав является более поздним изобретением⁴, именно она влияет на определение полномочий американской го-

¹ См.: Кавелин К. Наш умственный строй. – М.: Правда, 1989. – С. 152.

² См.: Коэн Д., Арато Э. Гражданское общество и политическая теория. – М.: Весь мир, 2003. – С. 523.

³ Восприятие конституционализма как *господства права* является отличительной чертой США и Великобритании. См.: Дайси А. Основы государственного права Англии. – М.: Издательство Сытина, 1907. – С. 228, 231.

⁴ См.: Bellamy R., Castiglione D. Introduction: Constitution and Politics // Political Studies, Vol. XLIV, 1996. – P. 414.

ГЛАВА II

сударственной власти, а также формирует главные правительственные процедуры¹.

Д. Бьюкенен называл создание Конституции США гениальным научным изобретением, а Р. Дворкин – живым воплощением «утра либеральной мысли»². Как заметил впоследствии по этому поводу Д. Битти, уже с самого начала конституция выходила за пределы того, что ожидали увидеть в ней судьи. Современный конституционализм контролирует именно ту часть политической деятельности, благодаря которой правительства получают власть из рук своих граждан³. Конституция является высшим критерием при решении вопроса о том, в чем именно состоит легитимность официальной власти.

Благодаря существованию конституций, политика во все большей степени становится соответствующей праву. С другой стороны, хотя нормы конституции считаются наивысшими, суверенитет по-прежнему принадлежит живым людям. Это означает, что за демократией остается стратегическое право решать, какие именно из возможных направлений и стилей жизни имеют шанс стать преобладающими⁴.

Что же касается конституционного права в наиболее широком смысле данного понятия, то оно является *de facto* процессуальным правом, поскольку не определяет конкретных целей и не устанавливает субординации каких-либо ширококомасштабных жизненных проектов. Политику и конституционное право можно считать методологически отличающимися друг от друга процессуальными формами, с помощью которых общества и государства организуют свои дела.

Конституция и политика взаимодействуют, но одновременно и конфликтуют друг с другом. В частности, конституция позволяет осуществлять проверку любого политического акта на его соответствие принципу *рациональности* (разумности выбора средств достижения

¹ См.: Что такое демократия. – США: Издательство Информационного агентства США, 1991. – С. 14.

² См.: *Dworkin R. Freedom's Law.* – Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1996. – P. 38.

³ См.: *Beatty D. Constitutional Law in Theory and Practice.* – Toronto-Buffalo-London: University of Toronto Press, 1995. – P. 15, 4.

⁴ Там же. – С. 156, 150, 151.

ГЛАВА II

легитимных целей) и пропорциональности (соблюдения границ вмешательства власти в происходящее)¹.

По мнению Д. Коэна и Э. Арато, субъективные права являются главными конституционными средствами ограничения государственной власти². В целом Конституция США представляет собой амбивалентный правовой акт с хорошо рассчитанными умолчаниями и оговорками, позволяющими национальной политической практике осуществляться в оптимальном режиме. Принято считать, что американский конституционализм обеспечивает реальное самоуправление народа и юридическое равенство, получающее поддержку, скорее снизу, нежели сверху³. Это хорошо согласуется с утверждением Т. Пейна о том, что конституция – первична, а государство – вторично⁴.

Однако демократическое содержание конституции, равно как и ее генетическая близость к потребностям гражданского общества признаются не во всех определениях основного закона. Например, у Г. Еллинека конституция является совокупностью правоположений, определяющих высшие органы государства, порядок призвания их к отправлению властных функций, их взаимоотношения и компетенцию, а также позицию индивида по отношению к государственной власти⁵. К. Штерн считал конституцию совокупностью правовых положений высшего ранга, регулирующих устройство государства, принципы его организации, форму и структуру, а также отношения государства с гражданами. Для В. Виера конституция – это просто

¹ См.: *Beatty D. Constitutional Law in Theory and Practice.* – Toronto-Buffalo-London: University of Toronto Press, 1995. – С. 16.

² См.: *Коэн Д., Арато Э.* Гражданское общество и политическая теория. – М.: Весь мир, 2003. – С. 189.

³ См.: *Коммаджер Г.* Моральное наследие пилигримов // *Америка*, № 288, ноябрь, 1980. – С. 31.

⁴ Данный тезис получил обоснование в идее Б. Констана об ограниченном правлении закона, вытекающем из принципа *ограниченного государственного суверенитета*. То, против чего закон не может выступать, есть индивидуальные гражданские права, которыми люди располагают независимо от политической власти. Б. Констан считал такими правами личную и религиозную свободу, свободу мнений, гарантии против произвола и право собственности. Собственность является у него также важнейшей гарантией осуществления политических прав. См.: *Jennings J.* From «Imperial State» to «l'Etat de Droit»: Benjamin Constant, Blandine Kriegel and the Reform of the French Constitution // *Political Studies*, Vol. XLIV, 1996. – P. 497.

⁵ См.: *Еллинек Г.* Общее учение о государстве. – СПб., 1907. – С. 371.

ГЛАВА II

свод правил, согласно которым создается, регулируется и управляет правительство¹, а для Д. Миглио – пакт, который победившая сторона налагает на сторону побежденную². Все эти и подобные им определения кажутся сегодня недостаточно полными. Ибо современные конституции не ограничиваются описанием форм правления или конструированием механизмов для предотвращения конфликтов.

По мнению М. Возняка, конституция регулирует устройство и формы деятельности государственной власти, а также принципы отношений между гражданами и властью³. Иными словами, конституция – это закон, предписывающий форму государственного устройства, способ создания государственных органов, объем их компетенции, а также субъективные права и обязанности граждан. Что касается конституционализма в целом, то в его основе, как считал К. Костив, лежат идеи народного суверенитета, правового государства, разделения властей и прав человека⁴.

В предисловии к царскому *Манифесту 17 октября (1905)* Л. Слонимский определял конституцию как совокупность законов, правил и обычаев, определяющих характер и способы действия власти в государстве, общий порядок управления в нем, а также права и обязанности народа и частных лиц по отношению к государству и его органам⁵. В 1886 году М. Муравьев-Апостол высказал мысль, что конституция не составляет счастья народов, а потому является непригодной для России⁶. Конституционный авторитет Российской империи не удалось спасти ни составленному при Александре I проекту *Конституции для Ионических островов*, ни *Финляндской Конституции (1809)*, ни *Хартии государственных установлений (1815)*, дарованной русским царем Царству Польскому. Написанная же по-французски в

¹ См.: Общие начала теории социалистической конституции. – М.: Наука, 1986. – С. 30, 31.

² См.: *Ferrajoli L. Democracy and the Constitution in Italy // Political Studies, Vol. XLIV, 1996. – P. 461.*

³ См.: *Возняк М. Українська державність. – Відень, 1918. – С. 5.*

⁴ См.: *Костів К. Конституційні акти відновленої Української держави 1917–1919 рр. і їхня політично-державна якість. – Торонто, 1964. – С. 9.*

⁵ См. его предисловие к изданию: Конституция Российской империи. – СПб., 1905.

⁶ См.: *Мережковский Д. Большая Россия. – Л.: Издательство ЛГУ, 1991. – С. 141.*

ГЛАВА II

1818 году *Государственная уставная грамота Российской империи* так и осталась не более чем солидным модельным документом¹.

Провозглашенный 17 октября 1905 года царский *Манифест* его современники В. Дунаев и А. Никитинский окрестили «хартией формальной свободы и фантастических прав». Впоследствии В. Калягин по этому поводу писал, что конституция в понимании российских политических и общественных деятелей XIX века означала не более чем совокупность обязательных для монарха основных законов, обеспечивающих известную «правильность» протекания государственной жизни². Однако впоследствии взгляды на конституцию и ее политико-правовое значение в России изменились.

В начале XX века в России обрели популярность конституционные взгляды Ф. Лассалья и Ж. де Местра. После Октябрьской революции 1917 года под влиянием марксистских идей в конституции начали видеть результат и запись исторически сложившегося соотношения классовых сил³. В частности, в ряде работ В. Ленина подчеркивалось, что принятие конституции знаменует собой существенное расширение участия народа в законодательстве и в управлении государством⁴.

Что касается конституционной теории в СССР, то здесь, как писал А. Оболюнский, конституционная культура складывалась на основе не столько европейской, сколько древнекитайской легистской традиции, в соответствии с которой высший закон рассматривался в ка-

¹ См.: *Куприц Н.* Из истории государственно-правовой мысли дореволюционной России. – М.: Издательство МГУ, 1980.

² См.: *Калягин В.* «Конституция» Г. Р. Державина // Советское государство и право, № 8, 1987. – С. 124. По вопросам отношения к конституции в дореволюционной России см.: *Гессен В.* Основы конституционного права. – Петроград, 1918; *Дунаев В., Никитинский А.* Очерки науки о государстве. – М., 1909; *Дурденевский В.* Иностранное конституционное право в избранных образцах. – Л., Государственное издательство, 1925; *Ковалевский М.* Конституционное право. – СПб., 1909; *Коркунов Н.* Русское государственное право. – СПб., 1909; *Максимейко И.* Лекции по истории русского государственного права. – Екатеринбург, 1917; *Савальский В.* Государственное право общее и русское. – Варшава, 1912 и др.

³ См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 7. – С. 40.

⁴ См.: *Ленин В.* Полн. собр. соч. Т. 4. – С. 252; Т. 16. – С. 14; Т. 17. – С. 345; Т. 22. – С. 372.

ГЛАВА II

честве инструмента управления «низшими» со стороны «высших», причем верхи при этом особенно не связывающего¹.

В 1974 году В. Тенненбаум писал о том, что конституция закрепляет не столько спонтанно сложившееся в обществе соотношение классовых и политических сил, сколько *организует* их в соответствии с волей творцов основного закона². В теории советского права о конституции писали, что она в юридической форме (языком закона) моделирует основные параметры социальных процессов при социализме³.

О. Кутафин рассматривал конституцию в качестве инструмента (средства) осуществления политики и доказывал при этом, что конституционное право придает политике определенность, нормативность и общеобязательность⁴. Близкими к его точке зрения были методологические установки по вопросам конституционализма и у других авторов⁵. Конституциям приписывалась функция социально-нормативной ориентации⁶, создания «нормативной модели идеального образа действительности»⁷ и т.п. Политические отношения в системе подобных координат упорядочивались по воле социалистического государства средствами права⁸. Конституция выступала при этом правовым орудием моделирования социальной действительности

¹ См.: *Оболонский А.* Социально-психологический аспект участия граждан в политике и управлении // Советское государство и право, № 9, 1989. – С. 24.

² См.: *Тенненбаум В.* Категория «политика» и «власть» в науке конституционного права // Проблемы конституционного права. Вып. 1(2). – Саратов, 1974. – С. 53.

³ См.: *Общие начала теории социалистической конституции.* – М.: Наука, 1986. – С. 3.

⁴ См.: *Кутафин О.* Конституционные основы общественного строя и политики СССР. – М.: Издательство МГУ, 1985. – С. 209.

⁵ См., например: *Мартыненко П.* К вопросу о применении некоторых философских категорий при изучении конституции // Методологические проблемы советской юридической науки. – К.: Наукова думка, 1965. – С. 107-116; *Радько Т.* Конституция СССР и идеологическая функция советского права // Советское государство и право, № 6, 1978; *Степанов И.* Политические законы социализма и конституция // Советское государство и право, № 1, 1984.

⁶ См.: *Лучин В.* Функциональные аспекты действия Конституции // Советское государство и право, № 11, 1983. – С. 13.

⁷ Там же. – С. 16.

⁸ См.: *Юридическая наука и практика в условиях перестройки* // Коммунист, № 14, 1987. – С. 45-46.

ГЛАВА II

сти¹. Субстанциональная обособленность ее главного объекта регулирования – политики и политических отношений – признавалась лишь частично и со многими оговорками².

Русский этнограф и путешественник О. Коцебу писал в свое время о том, то «правильные» религия и конституция способны быстро поднять любой народ к вершинам цивилизации. Подобный взгляд на возможности конституционного регулирования был близок, в известной степени, и советской правовой доктрине³. С другой стороны, как указывал О. Коцебу, неудачной конституцией народ можно держать («подобно туркам») в состоянии варварства⁴, что также получило частичное подтверждение в конституционном опыте советского государства.

Так или иначе, *упорядочение* общественных отношений рассматривалось в советской правовой науке как главное проявление свойств конституции в самом способе ее существования⁵. Именно *упорядоче-*

¹ См.: *Шеремет К.* Программа КПСС и Советская конституция // Советское государство и право, № 5, 1986.

² См.: *Пертцк В.* Рецензия на работу: Степанов И. Конституция и политика. – М.: Наука, 1984 // Правоведение, № 3, 1986. – С. 120-121.

³ О программных свойствах конституции см.: *Кириенко В.* Особенности программных положений Советской Конституции // Вестник ЛГУ, № 23, вып. 4, 1979; *Матузов Н.* Активная жизненная позиция и право // Советское государство и право, № 3, 1984; Общие начала теории социалистической конституции. – М.: Наука, 1986. – С. 65 и др.; *Основин В., Глебов А.* Преамбула Конституции СССР (природа и особенности) // Правоведение, № 2, 1980; *Ронин С.* Программные идеи советского конституционного строительства // Советское государство и право, № 11, 1978; *Свердлов Я.* Об общих положениях Конституции (выступление на заседании 19 апреля 1918 г.) // Избранные произведения. Т. 2. – М.: Госполитиздат, 1959. – С. 171-173. Сторонники «программного понимания» конституции исходили в своих подходах из известного в свое время высказывания А. Луначарского: «Наша конституция – это обет, это цель, программа». Впоследствии некоторые из экспертов обращали внимание на теологический или квазирелигиозный характер советского конституционного права в целом. См.: *Крылов Б.* Американские юристы-советологи о советском конституционном праве // Советское государство и право, № 3, 1987.

⁴ См.: *Коцебу О.* Новое путешествие вокруг света в 1823–1826 гг. – М.: Наука, 1987. – С. 106.

⁵ См.: *Анисимова Т.* От конституции государства диктатуры пролетариата к конституции общенародного государства // Вопросы политической организации советского общества в период развитого строительства коммунизма. – М.: Издательство ВПШ при АОН, 1962. – С. 333-358; *Гайдуков Д.* Развитие Советской конституции //

ГЛАВА II

ние признавалось главной конституционной функцией, реализуемой целенаправленно, устойчиво и постоянно¹.

Советская правовая доктрина исходила из представления о конституции как об *основном законе государства*, закрепляющем основы общественного строя и политики СССР, основы правового положения граждан, национально-государственное устройство, а также структуру и компетенцию государственных органов. С незначительными коррективами данное определение использовалось и применительно к конституциям союзных и автономных республик.

Применив критерий *реальности* конституций С. Уэсби, а также его способ деления конституций на семантические, номинальные и

Советское государство и право, № 11, 1957; *Кравчук С.* Первая Советская Конституция (к 60-летию со дня принятия) // Советское государство и право, № 7, 1978; *Купчишин С.* Основоположні принципи Конституції УРСР 1919 р. // Радянське право, № 3, 1979; *Портнов В., Славин М.* Этапы развития Советской конституции // Актуальные проблемы государствоведения. – М., 1979; *Ронин С.* К истории Конституции СССР 1924 г. – М.-Л.: Издательство АН СССР, 1949; *Ронин С.* Историческое значение Советской Конституции // Советское государство и право, № 7, 1948; *Ронин С.* Конституция СССР 1936 года. – М.: Госюриздат, 1957; *Чугуев Д.* Первая конституция Советского государства (1918 г.). – М.: Издательство АОН при ЦК ВКПб, 1949; *Чхиквадзе В.* Новая Конституция СССР – творческое воплощение марксистско-ленинской концепции личности // Конституция СССР и правовое положение личности. – М., 1979.

¹ См.: *Лучин В.* Функциональные аспекты действия Конституции // Советское государство и право, № 11, 1983. – С. 12; *Барабашев Г., Шеремет К.* Новая Советская конституция и наука советского строительства // Советское государство и право, № 2, 1979; *Васильев А.* Конституция СССР и правовая основа развитого социализма // Советское государство и право, № 10, 1977; *Вильданов Р.* Международное значение Советской конституции // Советское государство и право, № 10, 1982; *Керимов Д.* Конституция СССР и развитие политико-правовой теории. – М.: Мысль, 1979; *Козлова Е.* Конституция СССР и теоретические основы системы советского государственного права // Сборник научных трудов ВЮЗИ. – М., 1981. – С. 3-27; Конституция СССР 1977 г. – важная веха в развитии науки о социалистическом государстве // Советское государство и право, № 12, 1977; Конституция СССР и дальнейшее развитие государствоведения и теории права. – М.: Издательство АН СССР, 1979; *Кривенко Л.* Конституция СССР и задачи советского государствоведения // Советское государство и право, № 5, 1978; *Кудрявцев В.* Конституция общенародного государства // Советское государство и право, № 11, 1977; *Кутафин О.* Конституция развитого социализма // Вестник МГУ, № 5, 1982; *Мартыненко П.* Социалистическая конституция – непосредственно действующее право // Проблемы правоведения, № 39, 1979; *Михалева Н.* Понятие и система принципов социалистической конституции // Правоведение, № 6, 1977.

ГЛАВА II

нормативные¹, советские конституции следовало бы отнести к семантическому (отражающему, но не формирующему структуры власти) и одновременно номинальному (провозглашающему неосуществимые идеалы) типу. Сравнивая, однако, советские конституции с классическими конституционными образцами Запада, следует признать, что все эти – несхожие порой до противоположности – тексты объединяет некое рациональное начало.

Уже Средневековье, как писал А. Уайтхед, было одержимо идеей *рационализации* бесконечного. И уж тем более мыслители XVIII века имели серьезные причины для того, чтобы заложить в основание своих теорий физические аналогии. Методологической основой наук того времени служила *новая механика* И. Ньютона. И хотя впоследствии Ф. Ницше решительно возражал против «всеобщей механизации», задававшей образцы партийной организации вместе со способами ведения войны, именно механистический, инструменталистский подход был с энтузиазмом воспринят философами-футуристами эпохи. Как известно, у К. Маркса экономика – это единая фабрика, унитаризм – универсальная форма государственного устройства, парламент – работающая корпорация и др.²

При всех сопутствующих обстоятельствах и оговорках, в данном подходе отразился наивный рационализм XVIII – начала XIX века, питавшийся иллюзорным представлением о том, что мир является неким подобием сложного часового механизма. До тех пор, пока подобный взгляд не был преодолен новыми интеллектуальными построениями, политика и право черпали в теории И. Ньютона аргументы в пользу конституционной монархии³.

Именно в этом – «механистическом» символическом контексте происходило политическое возмужание О. Бисмарка и творцов американской Конституции. Поэтому не следует удивляться тому, что Конституция США воспринималась вначале почти такой же научно-

¹ См.: Яковлев А. Конституционный строй: социальный и правовой аспект // Вопросы философии, № 10, 1995. – С. 6.

² См.: Речицкий В. Социализм и авторитаризм // Философская и социологическая мысль, № 10, 1990. – С. 3-14.

³ См.: Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. – М.: Прогресс, 1986. – С. 69.

ГЛАВА II

рационалистической, как и законы И. Ньютона, сформулированные в стенах Кембриджского университета¹.

Известно, что публичное провозглашение Конституции США 1787 года *научным документом* было предпринято В. Вильсоном в серии лекций, прочитанных им в Колумбийском университете в 1907 году². Отдавая себе отчет в том, что политика зависит не столько от естественно-физических законов природы, сколько от законов человеческого разума и духа, В. Вильсон все-таки усматривал в механизме конституционного регулирования воплощение идей Ч. Дарвина и И. Ньютона³. Его не смущало то, что И. Ньютон занимался физическими закономерностями и константами, которые в символической реальности не обладают значительным влиянием и силой.

Что касается Т. Джефферсона и его ближайшего окружения, то они были уверены в том, что записанное в *Декларации независимости США* кредо веры будет подтверждено затем естественным ходом исторических событий. Как писал Б. Коэн, подтверждение аксиом конституционализма воспринималось отцами-основателями в качестве такого же грандиозного успеха законов политики и права, как возвращение кометы Галлея – подтверждением правильности физических законов в космическом пространстве⁴.

Впрочем, первичный конституционализм связывают с механикой еще и потому, что он был разработан под влиянием идей Ш. Монтескье, главное сочинение которого *О духе законов* принято считать (в его методологической основе) рефлексивным воспроизведением подходов И. Ньютона. Разработанный же и предложенный Д. Адамсом механизм *баланса властей* проник в американский конституционализм под влиянием книги-утопии Д. Харрингтона *Oceana* (1656).

Так или иначе, в идеях Д. Локка, Д. Мэдисона и Ш. Монтескье об управлении государством, А. Смита, В. Самнера и Ф. Хайека – о предпринимательстве и свободе рынка, Дж. С. Милля, А. де Токвиля

¹ См.: Каленский В. Билль о правах в конституционной истории США. – М.: Наука, 1983. – С. 41.

² Лекции были опубликованы в 1908 г.

³ См.: *Cohen B. Science and the Founding Fathers.* – New York–London: W. W. Norton and Company, 1995. – P. 275, 245, 248.

⁴ Как известно, Д. Юм верил в существование политических аксиом и считал, что они должны использоваться на практике.

ГЛАВА II

и Х. Ортеги-и-Гассета – о политическом поведении масс присутствует определенная симметрия. Объясняется же это их общей приверженностью научной парадигме, в соответствии с которой отдельные части государственного механизма пребывают в состоянии органического баланса¹. Основатели США воспринимали данный баланс как проявление высшего закона, который допустимо постичь благодаря упорным и целенаправленным усилиям разума².

Заметное влияние на конституционализм оказала также концепция *органического права*, сложившаяся в подвижной интеллектуальной среде от Цицерона и Фомы Аквинского – до Д. Локка. Неудивительно, что еще и сегодня насчитывается около 120 определений для данного понятия. Главные из них связаны с категорией *органических прав* (rights), к числу которых принадлежит право на жизнь, свободу и неприкосновенность собственности.

Существенное воздействие на конституционную теорию оказали также идеи политического мессианизма. Даже тогда, когда политические утопии вошли в противоречие со структурой реальной жизни и появились весомые доказательства в пользу того, что социальная жизнь расцветает, лишь когда политическая власть ограничивается, соблазн управления обществом по правилам линейного процессора оставался достаточно сильным³. Он спровоцировал широкое распространение в мире юридического позитивизма, укрепив в политиче-

¹ См.: *Меннінг Д.* Символічна форма лібералізму // *Лібералізм: антологія*. – К.: Смолокип, 2002. – С. 54.

² Как пишут по этому поводу Д. Норт, Д. Уоллис и Б. Вайнгаст, «с концептуальной точки зрения ключевая идея западной политической традиции заключается в том, что *баланс* (курсив мой – В. Р.) интересов в политике – [образует] ключ к защите прав». См.: *Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б.* Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. – М.: Издательство Института Гайдара, 2011. – С. 325. Примечательно также, что Д. Адамс считал аксиомами конституционализма три условия: а) конституция должна балансировать три, а не две политические силы; б) аристократия может существовать лишь в качестве меритократии достоинств; в) излишества нижней палаты представителей должен противостоять сенат.

³ См.: *Абельсон Р.* Структуры убеждений // *Язык и моделирование социального взаимодействия*. – М.: Прогресс, 1987. – С. 318.

ГЛАВА II

ских элитах иллюзорную уверенность в том, что государственная иерархия и порядок наилучшим образом обеспечивают прогресс¹.

В частности, концепция *социалистического правового государства*, равно как и вся совокупность идей Конституции СССР 1977 года является продуктом механистического в своей основе представления о том, что все политико-правовые отношения в обществе должны протекать в форме государственно-правовых отношений, а полномочия всех политических субъектов – исчерпывающе описываться в позитивном законе².

Старая идея А. де Токвиля о том, что политическая свобода устанавливается посреди смятения и осуществляется в обстановке несогласия³, не пользовалась у коммунистической номенклатуры даже минимальным успехом. Впрочем, как писал тот же А. де Токвиль, деспотизм не способен осознать собственное ничтожество. Поскольку же правление на основе декретов напоминает правление ума⁴, юридический позитивизм не выглядел особенно оскорбительным. Готовность официальной власти следовать в своих отправлениях *иррациональному* (рыночному) началу казалась коммунистическим стратегам и планировщикам фантастической.

Лишь в период горбачевской перестройки понимание права в СССР стало постепенно отходить от юридического позитивизма. В праве начали отмечать присутствие религиозных и моральных аспектов, подвергшихся интеллектуальной обработке⁵. Что касается отношения к парадигме конституционализма, то достигнутые здесь успехи явились результатом интенсивных компаративистских уси-

¹ См.: Миллер Д., Галантер Ю., Прибрам К. Планы и структура поведения // История зарубежной психологии (30–60 гг. XX в.). Тексты. – М.: Издательство МГУ, 1986. – С. 101.

² См.: Юридическая наука и практика в условиях перестройки // Коммунист, № 14, 1987. – С. 45-46.

³ См.: Tocqueville A. de. Democracy in America. Vol. 1. – N.-Y.: Arlington House. – P. 237.

⁴ См.: Arendt H. The Origins of Totalitarianism. – N.-Y.: A Harvest Book, 1973. – P. 244.

⁵ См.: Черниловский З. Правовое государство: исторический опыт // Советское государство и право, № 4, 1989. – С. 52.

ГЛАВА II

лий, дополняемых непосредственным участием в работе над законопроектами западных конституционных экспертов¹.

Впрочем, само по себе наличие внешне приемлемых конституционных текстов еще не свидетельствует о реальном соответствии правосознания политических элит требованиям органического конституционализма. Как утверждал И. Погани, хотя многие из прежних социалистических стран сумели создать новые конституционные проекты, их законотворческие усилия не следует переоценивать².

Конкретизируя свои представления о конституции, Ф. Хайек обычно подчеркивал то обстоятельство, что органические конституции должны ограничивать живую персонифицированную власть и защищать абстрактный закон. Защищая же закон, конституция тем самым ограничивает последний. Таким образом, органическая конституция – это решительный ограничитель любой государственной власти, в том числе – законодательной и демократической³. Нечто в этом же роде утверждают Г. Бреннан и А. Хемлин⁴. С точки зрения современных представлений, ограничительный потенциал конституций реализуется также по отношению к структурам гражданского общества⁵.

Ограничивая власть и ее институты правом, конституции создают пространство для индивидуального творчества индивидов и самоорганизации общественных институтов. Основной закон выступает в

¹ См.: Конституція незалежної України. К.: Видавництво УПФ, 1992; *Речицкий В.* Конституція у футлярі // Рада, № 28-29, 1992.

² См.: *Pogany I.* Constitution Making or Constitutional Transformation in Post-Communist Societies // *Political Studies*, Vol. XLIV, 1996. – P. 589.

³ См.: *Яковлев А.* Конституционный строй: социальный и правовой аспект // *Вопросы философии*, № 10, 1995. – С. 4.

⁴ Конституция – это совокупность институтов, процедур и практик, структурирующих общество и наделяющих ограниченными полномочиями его функционеров. В конституционную сферу входят также социальные соглашения, конвенции и другие неформальные нормы. См.: *Brennan G., Hamlin A.* Economical Constitutions // *Political Studies*, Vol. XLIV, 1996. – P. 606.

⁵ Как отмечает У. Кимлики, «если люди будут подвергаться дискриминации со стороны исполненных предрассудков владельцев магазинов или работников ритейторских фирм, то они будут лишены равного гражданства». Поэтому конституционные требования, запрещающие дискриминацию, ныне применяются также к частным фирмам и ассоциациям. См.: *Кимлика У.* Современная политическая философия: введение. – М.: Высшая школа экономики, 2010. – С. 386.

ГЛАВА II

роли публичного соглашения о правилах ограничения политической власти, поскольку частных договоренностей для этого недостаточно. Напоминая всем о том, что у Б. Констана либерализм выступает в качестве системы ограничительных принципов, Ф. Хайек усматривал в данном подходе суть конституционного регулирования¹.

Могущество современных государств и вытекающая отсюда возможность установления тотального контроля требуют конституционных гарантий свободы для всех творчески одаренных и автономно действующих индивидов². Именно в этом смысле конституция в форме лишенного частной морали (*demoralized*) права заставляет власть пребывать в вынужденном согласии с духом свободы³. Именно по этой причине конституция как итог *стратегии* демократии обладает верховенством над законом как результатом демократической *тактики*. Там же, где элементарные демократические институты не сдерживаются властью конституции, они рискуют привести общество к тоталитаризму и диктатуре плебисцита⁴.

Чтобы избежать подобной угрозы, конституция действует как универсальное соглашение на случай возникновения опасных ситуаций, предвидение которых затруднено или невозможно. Фактически она содержит в себе необходимые ограничительные стратегии, позволяющие *здравому смыслу* общественности (*public reason*) контролировать *общественные эмоции* (*public passions*)⁵. Благодаря данной способности конституция помогает всем, конкретно не указанным в законе людям, достигать конкретно не указанных в законе, но вполне приемлемых с точки зрения свободного общества целей.

В ряде случаев конституционализм предполагает полное исключение определенных сфер жизни общества из-под воздействия законо-

¹ См.: *Hayek F. The Constitution of Liberty.* – Chicago: University of Chicago Press, 1960. – P. 68.

² По мнению Д. Бьюкенена, всем нам следует исходить из того, что конституция – это основной закон не государства, а гражданского общества. См.: *Нуреев Р. Джеймс Бьюкенен и теория общественного выбора // Бьюкенен Д. Сочинения.* – М.: Таурис-альфа, 1997. – С. 458.

³ См.: *Castiglione D. The Political Theory of the Constitution // Political Studies, Vol. XLIV, 1996.* – P. 434.

⁴ См.: *Хайек Ф. Общество свободных.* – London: 1990. – С. 22, 23.

⁵ См.: *Bellamy R. The Political Form of the Constitution: the Separation of Powers, Rights and Representative Democracy // Political Studies, Vol. XLIV, 1996.* – P. 453.

ГЛАВА II

дательной или административной власти. Речь идет о *культурно чувствительных зонах* (Д. Истон) общества, которые подлежат изъятию из пространства нормативного регулирования по причине угрозы политического раскола общества, а также из необходимости защиты частных (автономных, творческих) интересов¹.

Что же касается вопроса об оптимальной процедуре утверждения конституций, то принято считать, что кодекс справедливости следует принимать собранием, стоящим существенно выше палаты, ведающей налогообложением². Как итог стратегии демократии конституция обладает верховенством над законом как продуктом демократической тактики³. В философском же смысле это означает, что *иррациональному вектору прогресса в конституционализме отдается предпочтение перед рациональным, но именно поэтому неизбежно ограниченным вектором народоправства*.

2.3.3. Конституция в ее отношении к свободе

Гарантирование свободы является важнейшей целью, функцией органической конституции. Это объясняется тем, что свобода гражданского общества и его членов обладает особой ценностью. Гарантируя свободу, конституция обеспечивает автономный статус граждан и созданных ими общественных организаций. Быть автономным в политическом смысле – означает выйти из-под контроля другого, быть независимым⁴.

По мнению Ф. Хайека, для конституции существует лишь одна альтернатива: либо свободный парламент, либо свободный народ. Поэтому конституция защищает свободу индивида и гражданского об-

¹ См.: Easton D. A System Analysis of Political Life. – Chicago: University of Chicago Press, 1965. – P. 104.

² См.: Батлер Э. Предисловие // Хайек Ф. Общество свободных. – Лондон: 1990. – С. 16.

³ См.: Алексеева Т., Кравченко И. Политическая философия: к формированию концепции // Вопросы философии, № 3, 1994. – С. 7.

⁴ См.: Dahl R. Dilemmas of Pluralist Democracy. – London: Yale University Press, 1982. – P. 16.

ГЛАВА II

щества в целом от всякого произвола, в том числе и парламентского¹. Английская неписаная конституция была первым крупномасштабным собранием норм законодательного и судебного происхождения, которое гарантировало основные права и свободы граждан, предотвращая и ограничивая тем самым государственный произвол.

Гарантирование свободы конституцией является свидетельством осознанного стремления общества противостоять бюрократическому классу в целом². Ради достижения данной цели конституция «играет живую роль в политике»³, именно по этой причине она как бы заявляет: «Пусть государство воздержится от всякой заботы о положительном благе граждан и не выходит за пределы, поставленные необходимостью предотвращать опасность, грозящую им как от внутренних, так и от внешних врагов; ни для каких иных целей пусть не ограничивает оно их свободу»⁴.

Как утверждает С. Липсет, патернализм слишком дорого обошелся обществам, а история доказала всем лишь одно: все, к чему прикасается государство, обращается в пепел⁵. Ф. Ницше называл государство *самой холодной из всех холодных сущностей*. Неудивительно, что органические потребности политической жизни «настаивают» на том, чтобы определение пределов правительственной компетенции составляло главную функцию основного закона⁶.

Как писал по аналогичному поводу В. Гавел, Восток и Запад стоят ныне перед лицом одной глобальной проблемы, из которой вытекает многое, если не все. Эта проблема – *сопротивление* – бдительное, вдумчивое и внимательное по отношению ко всем проявлениям анонимной и негуманной власти идеологий, систем, аппарата, лозунгов и

¹ См.: *Hayek F. Law, Legislation and Liberty. Vol. 3.* – Chicago: University of Chicago Press, 1979. – P. III.

² См.: *Речицький В. Громадянські права як юридичний засіб протидії державній владі // Українське право, № 1(2), 1995.* – С. 78-87.

³ См.: *Bellamy R., Castiglione D. Introduction: Constitution and Politics // Political Studies, Vol. XLIV, 1996.* – P. 413.

⁴ См.: *Гумбольдт В. фон. Язык и философия культуры.* – М.: Прогресс, 1985. – С. 48.

⁵ См.: *Липсет С. Третьего не дано // Проблемы Восточной Европы, № 33-34, 1991.* – С. 65.

⁶ См.: *Castiglione D. The Political Theory of the Constitution // Political Studies, Vol. XLIV, 1996.* – P. 422.

ГЛАВА II

языка политики в целом¹. Любая система, унифицирующая личность, ослабляет общество. Данное правило сохраняет силу не только в политическом смысле. Все редкое и уникальное оценивается в мире намного более высоко, чем стандартизированное².

Поэтому в конституционном ограничении власти присутствует и ярко выраженный профилактический аспект. Как писал по этому поводу Л. Фейербах, «если я отнимаю у человека право свободы убеждения, право на разум, то какие еще остаются права, которые послужили бы для меня преградой?»³. По мнению же Д. Писарева, даже привычное разделение властей имеет в своей основе защиту человеческой свободы, ибо оно препятствует установлению *единой теоретической власти*⁴.

Первые примеры юридического отстаивания и защиты интеллектуальной свободы обнаруживаются уже в европейских религиозных войнах XVI века. В Англии свободу совести провозгласили баптисты, опубликовавшие в 1611 году *Декларацию веры* (Declaration of Faith), в которой они утверждали, что политическая власть не обладает правом вмешательства в религиозные дела. В 1614 году они издали *Апологию свободы совести* (Religious Peace or a Plea for Liberty of Conscience), а в 1644 году открыто заявили о том, что светская власть не владеет компетенцией в вопросах веры. За это их считал революционерами не только король, но и О. Кромвель. В 1689 году английский парламент официально признал свободу совести (Act of Toleration), чем положил начало конституционной защите интеллектуальной свободы в целом⁵.

Защита свободы совести заложила основу интеллектуальной свободы также и в Северной Америке. В 1774 году Филадельфийский континентальный Конгресс провозгласил, что все люди являются равными, независимыми и обладают врожденными правами, кото-

¹ См.: Havel V. Open Letters. – N.-Y.: Vintage Books, 1992. – P. 267.

² См.: Гумилев Л. О людях, на нас не похожих // Советская культура, 15 сентября, 1988. – С. 6.

³ См.: Фейербах Л. История философии. Собрание произведений в трех томах. Т. 3. – М.: Мысль, 1974. – С. 71.

⁴ См.: Писарев Д. Исторические эскизы. – М.: Правда, 1989. – С. 420.

⁵ См.: Костів К. Конституційні акти відновленої Української держави 1917–1919 рр. і їхня політично-державна якість. – Торонто, 1964. – С. 13–15.

ГЛАВА II

рые государство не может у них отнять. С тех пор свобода воспринималась как *явно желаемая* цель общества, хотя вычислить статистически объем свободы в той или иной стране невозможно¹. В наши дни авторитет индивидуальной свободы в евроатлантическом мире считается непререкаемым.

«Почвой права является вообще *духовное*, и его ближайшим местом и исходной точкой – *воля*, которая *свободна*; так что свобода составляет ее субстанцию и определение, и система права есть царство осуществленной свободы, мир духа, порожденный им самим как некая вторая природа», – писал по этому поводу Гегель². В ином месте он замечает: «Право касается свободы, самого достойного и священного в человеке, и он сам, поскольку оно для него обязательно, должен знать его»³. Гегелю же принадлежит идея о том, что «в гражданском обществе каждый для себя – цель, все остальное для него – ничто»⁴, а также о том, что разумными следует считать только те законы и государственные устройства, которые соответствуют природе человека и его представлению о свободе⁵.

В свою очередь, по И. Канту, «государственный строй, основанный на *наибольшей человеческой свободе* согласно законам, благодаря которым *свобода каждого совместима со свободой всех остальных* (я не говорю о величайшем счастье, так как оно должно явиться само собой), есть во всяком случае необходимая идея, которую следует брать за основу при составлении не только конституции государства, но и всякого отдельного закона; при этом нужно прежде всего отвлечься от имеющихся препятствий, которые, быть может, вовсе не вытекают неизбежно из человеческой природы, а возникают скорее из-за пренебрежения к истинным идеям при составлении законов»⁶.

Но если все обстоит именно таким образом, то человечество, как утверждал А. Швейцер, обязано приступить к поискам понятия права, в основе которого лежала бы некая непосредственная, вытекающая из подобного мировоззрения идея. «Нам надлежит вновь установить

¹ См.: *Гаврилишин Б.* Дороговкази в майбутне. – К.: Основи, 1993. – С. 207.

² См.: *Гегель Г. В. Ф.* Философия права. – М.: Мысль, 1990. – С. 67.

³ Там же. – С. 253.

⁴ Там же. – С. 228.

⁵ Там же. – С. 385.

⁶ См.: *Кант И.* Сочинения. В 6 т. Т. 3. – М.: Мысль, 1964. – С. 351-352.

ГЛАВА II

неотъемлемые человеческие права – человеческие права, обеспечивающие каждому максимальную свободу его индивидуальности внутри собственного народа, человеческие права, защищающие его жизнь и его человеческое достоинство от любого возможного посягательства извне»¹.

Размышляя о стратегических целях права, Э. Соловьев писал о том, что юридическое признание за индивидами их моральной и утилитарной автономии обеспечивает им *статус неподопечности*. С этой целью органические конституции закрепляют на высшем уровне перечни субъективных прав и свобод. При этом законодательные акты, продиктованные соображениями экономической или политической целесообразности, могут считаться правомерными лишь в той степени, в какой они не противоречат данному конституционному статусу *неподопечности*².

Осмысливая в период горбачевской перестройки юридические последствия тоталитаризма, советские правоведы пришли к выводу, что настоящее право – это не возведенная государством в закон воля господствующего класса, а система гарантирования и защиты свободной творческой активности средствами государственной власти³. Нарушение подобного права является невыгодным в моральном и материальном смысле. Право не должно быть всеохватывающим, ибо общество не нуждается в избыточном регулировании своей активности. Творческим же профессиям необходимо предоставить пространство, максимально защищенное от любого патерналистского воздействия⁴. Что касается конституционного права, то оно должно

¹ См.: Швейцер А. Благоговение перед жизнью. – М.: Прогресс, 1992. – С. 89-90. По мнению А. Швейцера, правильное понимание идеи свободы приводит также к тому, что «иррациональный принцип, которым вооружает нас рациональное мышление, является единственно рациональным и целесообразным принципом деятельности человека. Таким образом, рациональное и иррациональное, объективное и субъективное вытекают одно из другого и переходят обратно одно в другое» (см. там же. – С. 90).

² См.: Соловьев Э. Правовой нигилизм и гуманистический смысл права // Квинтэссенция. – М.: Политиздат, 1990. – С. 213.

³ См.: Мальцев Г. Право и власть: к реформе политико-правовой сферы советского общества // Правоведение, № 6, 1988. – С. 17.

⁴ См.: Васильев А. Право и перестройка // Советское государство и право, № 9, 1987. – С. 21.

ГЛАВА II

обеспечивать предельно широкий объем свободы, именно оно призвано охранять и поддерживать уникальные творческие способности человека¹.

В России идея права как гаранта свободы полностью игнорировалась лишь в эпоху тоталитаризма. В предшествующий большевистской диктатуре период Б. Кистяковский писал: право – это свобода внешняя, относительная, обусловленная общественной средой. Однако внутренняя, безотносительная духовная свобода возможна лишь при существовании свободы внешней, так что последняя – есть самая лучшая школа для первой².

Конституционализм предусматривает систему отношений, в рамках которой свобода политического самоопределения предоставляется всем и каждому. Индивидуальная свобода – основной этический принцип цивилизации, именно она позволяет индивиду руководствоваться в своей активности правилами справедливости, а не внешними командами. Из современных представлений о конституционном праве вытекает, что нормы, необоснованно связывающие и ограничивающие творческую свободу, не могут рассчитывать на моральное одобрение в обществе³.

Правовое государство признает основой своего существования *право свободы*. Как организация, возвышающаяся над индивидами, но не поглощающая их, правовое государство воплощает в себе иерархию государственных органов и институтов, сконструированных для защиты свободы граждан. Подобный подход позволяет глубже осознать идею Д. Вико о необходимости учреждения в обществе «совершенно неупорядоченных» (конституционных – в современной трактовке) судов для воспрепятствования проникновению в жизнь избыточного порядка. Права и свободы индивида стоят выше правительственных прерогатив, поэтому истинным назначением власти является не воплощение в жизнь мессианских идей, а обеспечение пространства для индивидуального роста и развития индивида⁴.

¹ См.: Явич Л. Сущность права. – Л.: Издательство ЛГУ, 1985. – С. 72.

² См.: Кистяковский Б. В защиту права // Вехи. – М.: Новое время, 1990. – С. 137.

³ См.: Hayek F. Law, Legislation and Liberty. Vol. 3. – Chicago: University of Chicago Press, 1979. – P. 151.

⁴ См.: Кондрашев С. Момент истины // Известия, 7 мая, 1992. – С. 2.

ГЛАВА II

Как писал Х. Ортега-и-Гассет, следует как можно реже привлекать «тупую скотину государства» к участию в повседневных делах. Сначала – индивид и его права, и лишь затем – государство и его права, писал Р. Пилон. По этой причине мы ожидаем от конституции ограничения государственной власти и защиты частной собственности в качестве основы свободного общества¹. Истинно конституционным режимом является лишь тот, который не сковывает личность, а позволяет ей максимально развивать все свои способности и дарования².

2.3.4. Конституционные гарантии политической активности

Конституционное гарантирование политической активности должно соответствовать принципам, органически соответствующим природе правового государства. В данной системе координат важной является и обратная связь. Как показал Г. Спенсер на примере реформ О. Кромвеля, политические преобразования, которые существенно опережают потребности исторического момента, снимаются затем ходом самой жизни. Политический процесс можно лишь в ограниченной степени подчинить сознательному контролю.

Взаимосвязь конституционных норм и органических норм политической жизни носит фундаментальный характер. При этом каждому виду политических отношений соответствует определенная правовая форма, которую обслуживает специальный правовой инструментарий³. Широта, размах политической жизни предполагают разнообразие методов и приемов ее конституционного регулирования. В результате адекватное конституционное обеспечение политической активности должно быть по-настоящему гибким⁴. Не случайно в кон-

¹ См.: Пилон Р. Маркс уничтожил независимость // Поиск, № 38, 1990.

² См.: Дюамель Ж. Хроника семьи Паскье. – М.: Художественная литература, 1974. – С. 279.

³ См.: Прокошин В. Обсуждение философских аспектов права. Обзор доклада (и прений) Р. Халфиной // Информационные материалы, № 4(55), 1986. – С. 28-29.

⁴ См.: Конституция СССР и укрепление правовой основы государственной и общественной жизни. – К.: Наукова думка, 1983. – С. 27.

ГЛАВА II

ституционном регулировании политических процессов обнаруживается присутствие кибернетических, идеологических, психологических и многих других аспектов.

Конституционное регулирование является сложным видом правового регулирования, которое характеризуется особенностями своего предмета и методом воздействия¹. Так, конституционные принципы имеют в большинстве случаев публично-правовое содержание, а конституционные права и свободы – частноправовое и т.п. Анализируя конституционные гарантии самоуправления, В. Гулиев писал в свое время о том, что они выражаются нормами-дозволениями, ограниченным кругом норм-запретов и минимальным количеством предписывающих норм².

В свою очередь, Г. Манов выделял в иерархии конституционных прав и свобод основные, без которых конституция не может состояться, и факультативные (конкретизирующие)³. П. Ордешук трактовал конституцию как механизм приведения общества в равновесное состояние, публичное соглашение, которое все обязаны соблюдать⁴, а В. Нерсесянц усматривал в ней юридическую форму воплощения гражданской свободы и равенства⁵. В целом, однако, советская конституционная доктрина характеризовалась буквализмом, схоластикой и обскурантизмом.

Государственный строй, который слепо придерживается буквы закона, говорил Аристотель, не является наилучшим. С другой стороны, правителям полезно руководствоваться правилами, далекими от эмоций⁶. Очевидно, что подобные утверждения имеют непосредственное отношение и к современному конституционному праву.

¹ См.: Конституционный статус общественных организаций в СССР. – М.: Наука, 1983. – С. 9-10.

² См.: Гулиев В. Теоретические вопросы социалистического самоуправления // Советское государство и право, № 2, 1986. – С. 11.

³ См.: Манов Г. Социалистическое правовое государство: проблемы и перспективы // Советское государство и право, № 6, 1989. – С. 9.

⁴ См.: Ордешук П. Эволюция политической теории Запада и проблемы институционального дизайна // Вопросы философии, № 4, 1994. – С. 34.

⁵ См.: Нерсесянц В. Право: многообразие определений и единство понятия // Советское государство и право, № 10, 1989. – С. 30.

⁶ См.: Аристотель. Сочинения, в 4-х т. Т. 4. – М.: Мысль, 1983. – С. 478.

ГЛАВА II

Как считал П. Кропоткин, хорошие законы – это не более чем *приглашение работать в известном направлении*, форма поощрения для лиц, обладающих энергией, изобретательностью и талантом. Законы в его концепции права не должны становиться бюрократическими. Как и А. Швейцер, он верил в то, что правовые средства обеспечения социальной динамики на основе принципа *доверия* существенно превосходят гарантии, основанные на *контроле*. Сегодня все знают о том, что конституционный патернализм оказался на редкость неэффективным.

Очевидно, что конституционное регулирование политической активности не предполагает стимулирования анархии. Однако складывающийся в конституционной сфере порядок должен быть *спонтанным* порядком гражданского общества. Как писал по этому поводу М. Полани, это должен быть *полицентрический* порядок, позволяющий гражданам неограниченно взаимодействовать друг с другом исключительно по своей инициативе. Это также означает, что между конституцией и политической реальностью должен сохраняться известный люфт. Поскольку политическая действительность богаче любой конституционной модели, иногда она вообще «не допускает прямого применения законов»¹.

Тенденция подробной регламентации политических отношений статьями писаных законов присуща обычно полицейскому государству. Фактически она составляет его отличительное свойство по сравнению с государством правовым. Напротив, внедрение принципа: *разрешено все, что не запрещено законом*, создает лучшие условия для работы творческого воображения индивидов и неправительственных организаций.

Регулирование политической активности предполагает не столько обеспечение законопослушного поведения, сколько защиту свободы политического выбора², активного и пассивного избирательного права. О конституционном гарантировании политической свободы задумывались даже в условиях СССР, хотя и с оговорками о необ-

¹ См.: Гадамер Х.-Г. Истина и метод. – М.: Прогресс, 1988. – С. 376.

² См.: Морозова Л. Конституционное регулирование в СССР. – М.: Юридическая литература, 1985. – С. 100.

ГЛАВА II

ходимости сохранения при этом государственного контроля¹. Лишь вместе с горбачевской перестройкой пришло понимание того, что в советской правовой науке и практике господствует «поистине патологическое стремление запретить настоящее в угоду нормативно-идеалистическому будущему»².

Пытаясь сгладить острые углы позитивистской трактовки права, В. Нерсесянц советовал органам конституционного контроля СССР согласиться с присутствием в праве пробелов, которые действуют в юридическом смысле лучше, чем избыточная упорядоченность³. Тогда же в правовом регулировании политической активности проявилась тенденция к понижению давления государственной власти на население, что параллельно сопровождалось ослаблением «психологической силы законов»⁴.

Как утверждал в свое время А. Уайтхед, право является двигателем правительства, но также и ограничителем его активности. Данный вывод с необходимостью вытекает из анализа истории канонического церковного и гражданского права, сумевших внедрить в европейский менталитет идею о подчинении персонифицированной власти писаному закону (при сохранении контроля за происходящим со стороны «рационально приспособленной системы организации») ⁵.

В современном правовом государстве логика стимулирования политической активности требует применения адресованных официальной власти запретов, а логика ее ограничения – разрешительных по отношению к гражданскому обществу норм. В наши дни данный подход считается классическим. В целом данный подход означает, что в конституционно-политической сфере предпочтительным является «негативный», а не «позитивный» способ правового воздействия⁶.

¹ См.: Правовая система социализма: проблемы функционирования и развития // Советское государство и право, № 8, 1986. – С. 5.

² См.: Котенко В. Особенности формирования политической культуры молодежи // Советское государство и право, № 4, 1990. – С. 91.

³ См.: Советское правовое государство и юридическая наука. Круглый стол // Советское государство и право, № 3, 1989. – С. 57.

⁴ См.: Покровский И. Перуново заклътье // Новое время, № 12, 1991. – С. 41.

⁵ См.: Уайтхед А. Избранные работы по философии. – М.: Прогресс, 1990. – С. 70.

⁶ См.: Варламова Н. Некоторые аспекты политического участия при социализме // Советское государство и право, № 2, 1990. – С. 130.

ГЛАВА II

Важным достижением современного конституционализма является также закрепление в нем либерального требования самоограничения демократии. Подобный подход позволяет оппозиции и политическим меньшинствам оспаривать волю большинства без опасения стать объектом организованного насилия. При этом маргинальным группам все чаще гарантируется политическое представительство¹, и даже право *veto* при принятии определенного класса решений².

Современный конституционализм выражается в установлении минимально необходимой власти управляющих в сочетании с максимальными гарантиями против возможных злоупотреблений властными полномочиями. Данный подход предполагает лишение правительств ряда прерогатив, дополняемое перераспределением полномочий между агентами государства таким образом, чтобы каждому из них доставался лишь один из сегментов политического влияния³.

С другой стороны, хотя большинство демократических конституций не скрывают своего буржуазного характера⁴, современный конституционализм действует в качестве системы, способствующей честной кооперации усилий, то есть социальному сотрудничеству⁵. Сотрудничество минимизирует вероятность революций и демократических восстаний, чему способствует также ответственный парламент и институт омбудсмена.

В постсоветских странах достижению аналогичных целей могло бы поспособствовать конституционное закрепление статуса общественных правозащитных организаций. Их функцией является защита прав и свобод человека, а также мониторинг деятельности органов и лиц исполнительной власти. Впрочем, потребность в общественных

¹ См.: *Squires J.* Liberal Constitutionalism. Identity and Difference // *Political Studies*, Vol. XLIV, 1996. – P. 632.

² См.: *Goodin R.* Designing Constitutions: the Political Constitution of Mixed Commonwealth // *Political Studies*, Vol. XLIV, 1996. – P. 640.

³ См.: *Tocqueville A. de.* Democracy in America. Vol. 1. – N.-Y.: Arlington House. – P. 54.

⁴ См.: *Troelsch E.* The Ideas of Natural Law and Humanity in World Politics // *Gierke O.* Natural Law and the Theory of Society 1500 to 1800. – Boston: Beacon Press, 1950. – P. 203.

⁵ См.: *Castiglione D.* The Political Theory of the Constitution // *Political Studies*, Vol. XLIV, 1996. – P. 418.

ГЛАВА II

правозащитных организациях объясняется не только тоталитарным прошлым многих стран, но также логикой развития свободного общества в целом. Известно, что в США и Западной Европе подобные организации принимают широкое участие в политических акциях национального масштаба.

Важным аспектом конституционного регулирования политической активности является также юридическая процессуальная форма. Защита демократических ценностей, реализация конституционных принципов, выполнение требований норм и нетипичных нормативных предписаний требует детализированных процедур¹, которые обеспечивают, в конечном счете, охрану народного суверенитета. Конституционное право предполагает также существование множества норм, установленных на основе согласования политических позиций², поэтому существенное изменение конституционных проце-

¹ О процедурных аспектах реализации конституций в СССР: *Венгеров А.* О применении конституционных норм судебными органами СССР // Советское государство и право, № 10, 1969; *Губенко Р.* Советский народ – субъект конституционных правоотношений // Советское государство и право, № 10, 1980; *Ильинский И., Щетинин Б.* Конституционный контроль и охрана конституционной законности в социалистических странах // Советское государство и право, № 9, 1969; *Ким А., Основин В.* Государственно-правовые процессуальные нормы и их особенности // Правоведение, № 4, 1967; *Лучин В.* Процессуальные нормы в советском государственном праве. – М.: Юридическая литература, 1976; *Кабышев В.* О механизме реализации Конституции СССР // Конституция СССР и проблемы укрепления правовой основы государственной и общественной жизни. – Свердловск: Издательство УрГУ, 1980; *Миронов О.* Методы конституционного регулирования // Правоведение, № 2, 1980; *Пертцки В., Шмайлова Л.* Реализация конституционных норм // Советское государство и право, № 5, 1979; *Судницын Ю., Скуратов Ю.* Конституционное обеспечение суверенитета народа в Советском государстве // Советское государство и право, № 1, 1981; *Тархов В.* Конституционные отношения // Правоведение, № 2, 1981; *Шафир М.* Механизм и основные сферы действия Советской конституции // Советское государство и право, № 10, 1979; *Фарбер И.* Конституционное регулирование в социалистическом обществе // Проблемы конституционного права. Вып. 1(2). – Саратов: 1974. В настоящее время вопросы конституционной процедуры в Украине успешно исследует А. Евсеев.

² См.: *Деев Н., Шарафетдинов Н.* Социалистический плюрализм в политике // Советское государство и право, № 4, 1990. – С. 4.

ГЛАВА II

дур может оказаться критическим для легитимации всей публичной власти¹.

П. Сорокин писал в свое время о том, что ни одно человеческое действие не исчезает бесследно, порождая более близкие или более отдаленные последствия². Аналогичный эффект наличествует и в сфере конституционного регулирования. Как говорил по этому поводу М. Блок, мы сильно исказили бы проблему причинности в истории, если бы свели ее исключительно к вопросу о политических мотивах³. Органическая конституция не может предсказать все последствия осуществления политической свободы, но она достаточно компетентна в вопросах наиболее вероятных последствий авторитаризма и диктатуры.

Несмотря на свою высшую юридическую силу и «неподатливость»⁴, ни одна из конституций не может объять всю реальность политической жизни. Как писал по этому поводу Гегель, «сколь слепы те, кто полагает, что можно сохранить учреждения, конституции, законы, живой дух которых исчез и которые не соответствуют более правам, потребностям и взглядам людей; что формы, к которым не проявляют более интереса рассудок и чувство, достаточно могущественны, чтобы и впредь служить узамы, объединяющими народ»⁵. Политические правила и нормы, пригодные для Парижа, могут оказаться действительно бесполезными в условиях Филадельфии.

Эволюция права, регулирующего политическую активность, прошла путь от законов, обеспечивающих супрематиям знати (Ж. Легофф), к законам-утопиям, а от них – к самоуправленческим конституционным хартиям. Р. Оуэн создал *Основанную на неизменных законах природы, универсальную рациональную конституцию* для коммуны *Новая гармония*. Этим он попытался спроектировать «возможное общественное состояние», вычислить... «вероятность счастья людей». Истории конституционализма известны также *Мейф-*

¹ См.: Речицкий В. Конституційна законотворчість та конституційний процес в Україні – 2009–2010 рр. // Права людини в Україні 2009–2010. Доповідь правозахисних організацій. – Харків: Права людини, 2011. – С. 34–58.

² См.: Сорокин П. Дальняя дорога. Автобиография. – М.: Терра, 1992. – С. 60.

³ См.: Блок М. Апология истории. – М.: Наука, 1987. – С. 110.

⁴ См.: Дюги Л. Конституционное право. – М., 1908. – С. 66.

⁵ См.: Гегель Г. В. Ф. Политические произведения. – М.: Наука, 1978. – С. 50.

ГЛАВА II

лауэрский договор (1620) и Фундаментальные законы Коннектикута (1638), которые Б. Данэм и С. Хантингтон считают первыми писаными конституциями современной демократии¹.

Что касается вектора конституционного развития в XXI веке, то его направление предсказать вряд ли возможно. Эволюция конституционного права должна отвечать интересам личности и общества, дух которых витает, не обращая внимания на преграды². В 1988 году 58 экспертов из Северной Америки, Западной Европы и Азии создали модельный проект *Конституции союза демократий*³, не имеющей конкретного политического адресата.

Принято считать, что современный конституционный дизайн предполагает децентрализацию политической власти, замену бюрократического управления «гуманистическим», отказ от «промыывания мозгов», глобальное информирование, отделение творческой сферы от диктата промышленных и оборонных ведомств⁴. Но это – лишь одна из возможных стратегий. Например, за последние двадцать лет в украинском конституционном процессе было создано множество отличающихся друг от друга конституционных проектов.

Хотим мы этого или нет, но мир движется к образованию глобального гражданского общества, основанного на праве⁵. И если это действительно так, то неизбежно возникает вопрос: могут ли новые демократии подойти к существующим вызовам на основе моделей, уже апробированных в западных обществах? По крайней мере, как писал Э. Берн, для того, чтобы наше будущее не было слишком разочаровывающим, мы должны перестать быть холодными и лицемерными прямо сейчас. Смутно осознавая данный призыв, постсоветские политические элиты пытаются использовать накопленный в мире конституционный опыт⁶.

¹ См.: Huntington S. The Third Wave: Democratization in the Late Twentieth Century. – USA: University of Oklahoma Press, 1991. – P. 13.

² См.: Новгородцев П. Об общественном идеале. – М.: Правда, 1993. – С. 53, 54.

³ См.: Кентавр, июль-август, 1992. – С. 40-51.

⁴ См.: Фромм Э. Иметь или быть? – М.: Прогресс, 1986. – С. 218.

⁵ См.: Шеварднадзе Э. Порядок в каком мире? // За рубежом, № 21, 1991. – С. 8.

⁶ См.: Лотман Ю. Культура и взрыв. – М.: Прогресс, 1992. – С. 265.

ГЛАВА III.

КОНСТИТУЦИОННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ В УКРАИНЕ

3.1. Исторические предпосылки и основные черты конституционного регулирования политической активности в Украине

3.1.1. Основные предконституционные идеи

Первые попытки перенести достижения западной конституционной мысли на украинскую почву были предприняты в середине XIX века Н. Костомаровым (1817–1875) и М. Драгомановым (1841–1895). Так, Н. Костомаров может по праву считаться первым украинским политологом. В исследовании государственно-правовых аспектов жизни украинского народа он был пионером, попытавшись применить актуальные в его время западные концепции к анализу украинской политической ситуации¹.

Н. Костомаров был идеологом *Кирилло-Мефодиевского братства*, мировоззренческие идеи которого были изложены в журнале «Основа», выходившем в Петербурге в 1861–1862 годах. В статье «Две русские народности» (№ 3, 1861) киевская традиция свободы и индивидуализма противопоставлялась им московской традиции авторитаризма и подчинения личности коллективу². Принадлежа к народническому направлению в историографии Украины, Н. Костомаров определял польский этнос как, в своей основе, аристократический, русский – как деспотический, и украинский – как демократический. В концепции Н. Костомарова И. Лысяк-Рудницкий обнаруживал достаточное количество свидетельств в пользу того, чтобы считать его одним из основателей украинского мессианизма³.

Под влиянием Н. Костомарова члены братства поддерживали перспективу образования федеративного союза славянских республик по образцу древнегреческих государств или США с единым Конгрес-

¹ См.: Костомаров Н. Исторические произведения. Автобиография. – К.: Издательство КГУ, 1989.

² См.: Лысяк-Рудницкий И. Між історією й політикою. – Мюнхен: Сучасність, 1973. – С. 29.

³ Там же. – С. 82.

ГЛАВА III

сом и президентом, единой денежной системой, общей внешней политикой и армией, которая могла бы сочетаться с республиканской милицией. Отдельные элементы данной концепции обнаруживались также в идеях *Товарищества объединенных славян* в первой четверти XIX века. Впоследствии данная концепция вошла в идейную основу украинского национально-освободительного движения второй половины XIX – начала XX века. Теоретическое оформление украинского федерализма завершил, как принято считать, М. Драгоманов¹.

Традиция федерализма была подхвачена затем социал-демократическим (Н. Порш) и либерально-народническим (М. Грушевский) идейными течениями. Отметим, что федералист М. Драгоманов оппонировал при этом народническому направлению украинской конституционной мысли, выступая за «эволюционный социализм»². Поддерживая теорию политической цикличности (Д. Вико, О. Шпенглер, Р. Виппер), М. Драгоманов считал свободу генетически более ранним политическим феноменом, чем насилие.

По мнению О. Прицака, конституционализм М. Драгоманова сформировался под влиянием российской политической мысли и сводился, главным образом, к идее гражданских прав и свобод, принципу децентрализации и двухпалатному парламенту. Государство в его политической концепции представляло собой союз гражданских самоуправлений, в котором центральная власть должна была служить не более чем дополнением власти местной. Централизм М. Драгоманов считал проявлением «якобинства», симпатизируя при этом государственному устройству Швейцарии, Великобритании и США. Отстаивая примат политической свободы перед классовыми и экономическими интересами, свой политический идеал он видел в либерализме П. Прудона («безначальстве»). Однако идейная позиция М. Драгоманова в истории украинского конституционализма не стала превалирующей³.

¹ См.: Драгоманов М. Вибране. – К.: Либідь 1991.

² См.: Драгоманов М. Вибрані твори. – Прага, 1937. – С. 70. По мнению М. Драгоманова, Украина до XVIII века была тесно связана с Западной Европой и вместе с ней продвигалась по пути прогресса.

³ См.: Грабовський С. У пошуках «нових і праведних законів». Український конституціоналізм XIX століття // День, № 110-111, 25-26 червня, 2010. – С. 11.

ГЛАВА III

Доминирующим же в политической мысли Украины второй половины XIX – начала XX века было народническое направление, главными представителями которого были М. Грушевский, Р. Лашенко и С. Шелухин. Интересно, что М. Грушевский (1866–1934) был учеником В. Антоновича, который учился, в свою очередь, у Н. Костомарова. В. Антонович считал украинцев мало приспособленными к государственной жизни и выступал за «апофеоз свободной творческой общественности». Что касается конституционных взглядов М. Грушевского, то их можно было бы назвать, как писал Т. Гунчак, завершающим звеном в общей традиции украинской политической мысли¹.

Будучи ярко выраженным либералом и демократом, М. Грушевский ставил интересы народа и гражданского общества выше интересов государства. Украинский народ он считал этническим конгломератом, возникшим под воздействием многочисленных, но малоизвестных науке его времени воздействий. Подчеркивая при этом особую роль тюркских влияний, М. Грушевский считал склад национального характера украинцев *европейским*. «Украинский народ, – писал он, – относится к западноевропейскому, или, проще говоря, европейскому кругу не только в силу исторических связей, которые на протяжении веков объединяли украинскую жизнь с западной, но и самим складом народного характера»².

Украинцев он считал людьми с развитым чувством собственного достоинства, склонными к иерархии, «законным вещам», этикету и хорошим манерам. Обладая подобными качествами, украинский народ, по его мнению, мог бы почерпнуть много полезного в опыте современных ему Германии и США. «Эта страна, – писал М. Грушевский о Соединенных Штатах, – для нашего будущего, несомненно, будет иметь огромное значение, – и своими необыкновенными финансовыми и техническими средствами, и как школа для наших людей, будущих поколений наших техников, экономистов и общественных деятелей. Более демократичный, чем какой-либо из европейских народов,

¹ См.: Гунчак Т. Україна: перша половина XX століття. – К.: Либідь, 1993. – С. 85.

² См.: Грушевський М. Хто такі українці і чого вони хочуть. – К.: Знання, 1991. – С. 147.

ГЛАВА III

более инициативный, более смелый в замыслах и исполнении, этот народ может многому научить наши кадры трудящихся и деятелей»¹.

До 1918 года М. Грушевский придерживался мнения, что федерализм должен стать главной идеей украинского конституционного проекта. Первоначально он не поддержал высказанного Ю. Бачинским требования государственной независимости Украины, серьезно опасаясь последствий украинского шовинизма. Отстаивая политические, языковые, культурные и религиозные права национальных меньшинств, он надеялся отразить в административно-территориальном устройстве будущей Украины органически присущие ей географические, экономические и культурные связи.

М. Грушевский негативно относился к славянофильству и даже призывал «вырвать» украинскую культуру из «славянских объятий». Говоря о политике, он часто проявлял себя как прагматик. В частности, ему принадлежит высказывание о том, что хорошая конституция является более ценной, чем даже гениальная поэма. Хороший земельный закон М. Грушевский сравнивал по своей значимости с шедевром украинской поэзии – «Кобзарем» Т. Шевченка².

М. Грушевский искренне рассчитывал на то, что Украина станет со временем не просто «еще одной мещанской республикой». По его мнению, никакие меркантильные выгоды не могут оправдать тех жертв, которые украинцы принесли на алтарь своего национального освобождения³. Поскольку реальный опыт украинской политической свободы принадлежал запорожскому козачеству XVII века, именно вооруженных козаков он считал воплощением гражданского начала в Украине. Согласно исторической версии М. Грушевского, московский протекторат был принят украинской элитой исключительно в целях сохранения своей свободы как высшей национальной ценности.

Наделяя свободу могучими творческими возможностями, М. Грушевский считал, что именно свобода создала гражданское общество в Украине. Будучи убежденным либералом, он легко мирился со стремлением провинций к автономии, цenia политическое единство лишь в

¹ См.: *Грушевський М.* Хто такі українці і чого вони хочуть. – К.: Знання, 1991. – С. 150.

² Там же. – С. 154.

³ Там же. – С. 158-159.

его «непринужденном» состоянии¹. Украинцы, писал он, хотят того, чтобы парламент и правительство республики заботились исключительно о делах, которые невозможно передать в руки местной власти². Работая над проектом Конституции Украинской Народной Республики (УНР), М. Грушевский обдумывал идею создания федерации общин («Соединенных Штатов Украины»). В целом он поддерживал концепцию самоуправления народа на основе принципа децентрализации³.

К идее полной государственной независимости Украины М. Грушевский пришел эволюционным путем, поддерживая вначале идею автономии Украины в составе постреволюционной демократической России. Считая Украину потенциальным членом будущей европейской федерации⁴ и отвергая при этом силу и принуждение в качестве способов достижения ее единства, М. Грушевский противопоставлял государственному порядку основанную на гражданских правах и свободах творческую активность. Украинская общественность, писал он, не должна оставаться безвластной, бездеятельной и мертвой массой. Наоборот, необходимо добиться того, чтобы она в каждом деле чутко откликалась на происходящее, чтобы она была организована и едина, чтобы ее покой был покоем хранящих верность идее национального возрождения патриотов.

Народником по своим политическим убеждениям и взглядам был также историк украинского права Р. Лашенко (1878–1929). Будучи уверен в том, что украинская государственность развивалась на основе принципов республиканизма, выборности и демократии, Р. Лашенко поддерживал идею децентрализации Украины, протестуя против корпоративной замкнутости ее сословий. При этом он не отождествлял политического равенства граждан с их естественным экономическим неравенством. Государство Р. Лашенко рассматривал в качестве бюрократического аппарата, который должен быть во всех своих отправлениях подчинен народу.

¹ См.: *Грушевський М.* Хто такі українці і чого вони хочуть. – К.: Знання, 1991. – С. 130.

² Там же. – С. 117.

³ Там же. – С. 215.

⁴ Там же. – С. 51.

ГЛАВА III

Политические идеи и взгляды М. Грушевского и Р. Лащенко разделял также генеральный судья УНР С. Шелухин (1864–1938). Главной чертой украинского национального характера С. Шелухин называл свободолюбие. По его мнению, за исключением периода «вечевой монархии» Б. Хмельницкого, в Украине всегда преобладал республиканский политический строй. Демократию С. Шелухин считал «национальной украинской формой государственной власти». Нормативные корни украинского демократизма он обнаруживал в статьях *Конституции П. Орлика* (1710).

Что касается консервативного направления в украинском конституционализме, то его формированию исторически предшествовала политическая деятельность гетманов Б. Хмельницкого, И. Самойловича, И. Мазепы и К. Разумовского, которые стремились придать политической власти наследственные черты. В качестве идеологической доктрины консерватизм в Украине был представлен научными и публицистическими трудами В. Липинского, С. Томашевского и В. Кучабского.

Выходец из польской шляхты В. Липинский (1882–1931) отстаивал идею украинского монархизма как средства, которое в наибольшей степени отвечает политическим потребностям Украины на рубеже XIX–XX веков¹. В. Липинский верил в силу территориального императива, полагая, что украинскую нацию сформировала географическая среда. Настаивая на использовании в государственном строительстве Украины принципов иерархии, авторитета, дисциплины, порядка и культуры, В. Липинский считал их способами организации украинского правящего класса, основой отношений между верхами и низами, государством и народом в целом². Свой монархический идеал В. Липинский выводил из идеи «классократии», которую он считал производной от христианства. Полагая, что украинской государственности угрожает сепаратизм, В. Липинский настаивал на идее объединения всех украинских земель.

Будучи консерватором, В. Липинский демонстрировал свое критическое отношение к национализму, который он подразделял на

¹ См.: Планета Вячеслава Липинського // Голос України, 17 квітня, 1992. – С. 8; Незалежна Україна // Рада, № 26, 1992; Дві концепції української політичної думки. Вячеслав Липинський – Дмитро Донцов. – USA: Видавництво УККА, 1990. – С. 35–120.

² См.: *Липинський В.* Листи до братів-хліборобів. – Відень, 1926. – С. XXV.

ГЛАВА III

конструктивный (как в Англии) и деструктивный (в Польше и Украине). Подчеркивая особую роль в истории Украины ее западных областей, В. Липинский считал ведущей политической силой Украины помещиков-землевладельцев («клясу хліборобів»). Эта идея доминирует в его главном политическом трактате¹.

Защищая идеалы консерватизма, В. Липинский твердо верил в политическую значимость индивида как гражданина и автономной личности. Отстаивая достоинство и неприкосновенность личности вместе с правом частной собственности на землю, В. Липинский сохранял верность политическому идеалу конституционной монархии английского образца.

Как политический философ и историк В. Липинский стремился доказать, что деятельность Б. Хмельницкого и его окружения воплотила в себе не столько лозунги крестьянской революции, сколько политические устремления украинской элиты. Козацкую старшину, к которой народники относились с недоверием, он называл наиболее прогрессивной политической силой Украины XVII века. В целом, В. Липинский был одним из первых серьезных исследователей украинской политической истории, сумевшим поставить и рассмотреть в своих работах вопросы оптимальной организации политической власти и руководства².

Вторым по значимости представителем украинского консерватизма можно считать профессора С. Томашевского (1875–1930), который политическим идеалом Украины называл независимое монархическое государство. Истоки украинского монархизма С. Томашевский обнаруживал в политическом устройстве Галицко-Волынского княжества. Осуждая проявления украинского анархизма, он считал главным источником политической слабости Украины отсутствие в ней глубоко развитой национальной идеи.

Критикуя политическую позицию и взгляды западно-украинской интеллигенции, С. Томашевский упрекал ее в слабом развитии рационального и конструктивного начала. Основными факторами социально-экономического развития Украины С. Томашевский считал географический контраст между лесными и степными областями

¹ См.: Шлемкевич М. Загублена українська людина. – Н.-У., 1954. – С.28.

² См.: Лисяк-Рудницький І. Між історією й політикою. – Мюнхен: Сучасність, 1973. – С. 95.

ГЛАВА III

украинских земель; религиозный контраст между украинскими католиками и православными; контраст между экономически развитым севером и аграрным югом, дополняемый контрастом расовым и культурным¹.

Упрекая украинскую интеллигенцию в неразвитости ее политического инстинкта, С. Томашевский считал ее западных представителей невосприимчивыми к идеям либерализма, который более плодотворно использовали элиты Польши, Чехословакии и Венгрии. Считая западные области Украины наиболее развитыми из всех украинских провинций, он обвинял местных интеллектуалов в сервильном умонастроении и мелкости их политического чувства. С. Томашевский весьма сожалел о том, что в Украине не были приняты в свое время документы, равные по значимости *Ленчицкой привилегии* (Польша, 1180) или *Золотой булле* (Венгрия, 1222)².

Еще один представитель украинского консерватизма, ученик В. Липинского В. Кучабский (1895–1945?) придерживался умеренно-консервативных политических взглядов. Как и его учитель, В. Кучабский считал помещичье землевладение органической основой украинского государства. Оценивая анархизм как, в целом, чуждый политическим традициям Украины, В. Кучабский оправдывал политический режим П. Скоропадского неспособностью Центральной Рады обеспечить в Украине устойчивый демократический порядок.

В. Кучабский не верил в возможность создания независимой Украины без предварительного учреждения в ней конституционной монархии. Предпринимаемые же в этом направлении практические попытки он считал утопическими. Называя государство главным продуктом духовной организации нации, В. Кучабский писал о том, что «не с каждым народом можно государство построить».

Подчеркнём, что почти все представители украинского консерватизма ставили свободу, честь, достоинство и субъективные права личности выше интересов нации и государства. Ключевым понятием данного политического направления был *автономный индивид*, честь и достоинство личности. Фиаско украинского проекта в начале XX

¹ См.: *Томашівський С.* Історія України. – Мюнхен: Український вільний університет, 1948. – С. 11.

² Там же. – С. 84.

ГЛАВА III

века консерваторы объясняли слабостью политического сознания украинского народа.

Серьезным направлением политической мысли в Украине этого периода был также национализм, за которым стояли самосознание, патриотизм и дух независимости украинского народа. Предтечей украинского национализма на востоке Украине был Н. Михновский (1873–1924)¹, а на западе – И. Франко, Ю. Бачинский (1870–?) и Л. Цегельский (1875–1950). Принято считать, что первые формулы украинского национализма были изложены в работах Ю. Бачинского «Україна irredenta. Суспільно-політичний шкiц» (1895) и Н. Михновского «Самостійна Україна» (1900). К своим выводам данные авторы пришли независимо друг от друга и с методологически разных позиций.

Ю. Бачинский опирался в своих построениях на экономические постулаты марксизма, а Н. Михновский применял в большей степени историко-правовую аргументацию. Идеи украинской независимости на западе Украины активно поддерживал также И. Франко («Ukraina Irredenta», 1895², «Поза межами можливого», 1900) и др.³

В небольшой работе *Україна irredenta*⁴ Ю. Бачинский, как бы бросая вызов М. Драгоманову, заявил, что политическая независимость Украины – это *conditio sine qua non* – основной фактор украинского экономического и культурного прогресса, необходимое условие ее политического возрождения⁵. Подчеркивая, что идея независимой Украины пользуется особой популярностью в среде западной украинской интеллигенции и пролетариата, Ю. Бачинский считал первоочередной политической задачей восточных украинцев борьбу за установление конституционного строя в России⁶.

¹ См.: Перший український державник // Рада, № 13-16, 1992.

² См.: Франко І. *Ukraina Irredenta* // Вивід прав України. – Нью-Йорк: Пролог, 1964.. – С. 115-138.

³ См.: Лисяк-Рудницький І. Між історією й політикою. – Мюнхен: Сучасність, 1973. – С. 183.

⁴ См.: Бачинський Ю. *Україна irredenta* // Українська суспільно-політична думка в 20 столітті. Т. 1. – Нью-Йорк: Сучасність, 1983. – С. 26-33; Возняк М. Українська державність. – Відень, 1918. – С. 116-117.

⁵ См.: Мірчук П. Українська державність 1917–1920. – Філадельфія, 1967. – С. 50.

⁶ См.: Бачинський Ю. *Україна irredenta* // Українська суспільно-політична думка в 20 столітті. Т. 1. – Нью-Йорк: Сучасність, 1983. – С. 29, 30, 33.

ГЛАВА III

Что касается ставшего настоящим политическим событием радикального сочинения Н. Михновского, то его появлению в Украине предшествовало создание политической организации – Братства тарасовцев¹, декларация которого (*Profession de foi* – Верую) увидела свет в 1893 году. Отмечая факт московской оккупации Украины, декларация выдвигала требование полной политической независимости Украины². В написанной через семь лет после этого брошюре *Самостійна Україна* Н. Михновский выдвинул лозунг единой, свободной и независимой Украины от Кавказа до Карпат³.

Н. Михновский призывал украинских патриотов быть непримиримыми к «блеску свободы» чужих наций на цепях, все еще сковывающих политическую свободу Украины. В борьбе за украинское независимое государство Н. Михновский соглашался только на победу или смерть. Политическими императивами для Н. Михновского были: Украина – самостоятельная, свободная, демократическая республика; россияне – эксплуататоры и враги украинского народа; Украина – для украинцев; глубокое уважение к украинскому языку и национальной истории⁴.

Попытку научно обосновать украинский национализм предпринял также автор *Конституции ЗУНР* профессор С. Днестрянский (1870–1935)⁵. Развивая концепцию этнического содержания права, С. Днестрянский полагал, что в его основе лежат уходящие корнями в национальную историю образцы (паттерны) гражданского поведения. Государственность выступала у него моральной категорией, воплощением этнических связей высшего типа. Признавая, что в основе права лежит справедливость, он считал данное понятие исторически изменчивым. Национальностью С. Днестрянский называл народ, сумевший подняться до осознания идеи своего политического единства. В основе понятия нации у него лежит совокупность населения, территории и культуры.

¹ См.: *Мартинець В.* Ідеологія організованого й так званого волевого націоналізму. – Вінніпег: Новий шлях, 1954. – С. 10.

² См.: *Мірчук П.* Українська державність 1917–1920. – Філадельфія, 1967. – С. 17.

³ См.: *Міхновський М.* Самостійна Україна // Український патріот, 1948. – С. 25.

⁴ См.: *Мартинець В.* Ідеологія організованого й так званого волевого націоналізму. – Вінніпег: Новий шлях, 1954. – С. 20.

⁵ См.: *Потульницький В.* Історія української політології. – К.: Либідь, 1992. – С. 170–180.

ГЛАВА III

Политическим единомышленником С. Днестрянского был заместитель Министра иностранных дел УНР профессор В. Старосольский (1878–1942)¹. Поддерживая идею «национализации государства» и «огосударствления нации», он занимался исследованием иррационально-волевых моментов содержания политики и права. Критикуя украинцев за их избыточную чувствительность к внешним влияниям, он отстаивал идею самоопределения Украины в ее этнических границах.

В свою очередь, член дипломатической миссии УНР в Праге профессор О. Бочковский (1884–1939) писал об украинском народе как о «полуисторическом», возрождающемся из длительного упадка. Формирование украинской нации О. Бочковский считал задачей среднего сословия. Рассчитывая на реальное возрождение и укрепление суверенной украинской государственности, О. Бочковский писал о том, что оно должно совпадать с развитием в стране капитализма и демократии. Анализируя процессы политического возрождения Украины, О. Бочковский особо подчеркивал значимость *национального сознания и воли*.

По мнению О. Бочковского, украинский народ характеризуется психонациональным диморфизмом, хорошо заметным у представителей восточных и западных областей Украины. При этом он обвинял политическую элиту Украины в крайнем индивидуализме. Что же касается украинских народных масс, то они представлялись ему психологически сервильными².

Сотрудничавший с правительством УНР профессор О. Эйхельман (1854–1943) вошел в историю украинской конституционной мысли как защитник прав проживающих в Украине национальных меньшинств. В созданном им проекте Конституции УНР О. Эйхельман попытался соединить политическую независимость с федеративным государственным устройством.

Что касается научного эксперта при правительстве ЗУНР профессора С. Рудницкого (1877–?), то он одним из первых в Украине пытался перенести идеи политической географии на национальную

¹ См.: *Потульницький В.* Історія української політології. – К.: Либідь, 1992. – С. 180–190.

² См.: *Бочковський О.* До проблеми української нації // *Визволення*, Ч. 3, 1923. – С. 17–24.

ГЛАВА III

украинскую почву. Изучая особенности психического склада и национального характера украинцев, он доказывал необходимость объединения восточных и западных земель Украины в едином независимом государстве. С. Рудницкому принадлежит идея создания *Балтийско-Черноморской федерации*, в которую могли бы войти, по его мнению, Финляндия, Эстония, Латвия, Белоруссия и Украина.

Подводя некоторые итоги, следует признать, что изложить украинские конституционные идеи в последовательном и систематизированном виде непросто. Даже этнически однородное население отдельных регионов Украины характеризовались полифонией политических и правовых предпочтений¹. С другой стороны, кристаллизация национальной идеи требует от народа личностей масштаба Данте, А. Мицкевича или Т. Шевченко. При этом национальный менталитет может складываться как внутри страны, так и в среде ее политэмигрантов². Данный процесс поддается рациональной оценке лишь частично. Становлению национальной идеи обычно не помогает планирование или политические «логизмы». В последнем случае, как утверждал Ю. Липа, возникает риск расчленения тела нации на составные части³. С другой стороны, поиск и обнаружение *генеральных идей* нации обогащают интеллектуальный потенциал любого народа⁴. Признавая то обстоятельство, что Украине не повезло с политическими философами и политиками крупного масштаба, Ю. Липа стремился собрать по крупицам «муравьиные» результаты труда своих предшественников⁵.

Как уже отмечалось выше, важные конституционные идеи касательно охраны и защиты козацких вольностей и прав можно было обнаружить в *Истории Русов*⁶. В своем единстве данные идеи вполне сопоставимы с либеральными принципами европейского Просвеще-

¹ См.: *Цимбалістий Б.* Тавро бездержавності. Політична культура українців. – К., 1994. – С. 36.

² См.: *Липа Ю.* Призначення України. – Н.-У.: Говерля, 1953. – С. 25, 26.

³ Там же. – С. 277.

⁴ Там же. – С. 176.

⁵ Там же. – С. 177.

⁶ См.: *Исторія Русовъ или Малой Россіи.* – М.: Университетская Типография, 1846; см. оценку данного источника: *Возняк М.* Українська державність. – Відень, 1918. – С. 67-68.

ГЛАВА III

ния¹. Независимо от своего проблематического авторства, *История Русов* является не только образцом колоритной исторической мысли, но и выражением свободолобивых устремлений украинского народа, свидетельством популярности политической свободы в среде украинского дворянства.

В рамках затронутой проблематики определенный интерес представляют собой также замечания исследователей о сознающем свои права *отшлифованном типе* украинца², об украинском *индивидуализме*³ и украинском *солидаризме*⁴. Феномен украинского индивидуализма привлекал в свое время внимание не только историков, но и действующих политиков. Как писал Л. Мишуля, именно индивидуализм позволил украинским крестьянам начала XX века сделаться не только антагонистами советской власти, но и «единственным реально демократическим классом решительно и без оговорок»⁵.

Интересные выводы о национальном характере украинцев принадлежат В. Чамберлайну, отметившему в своем замечательном эссе, что характерной особенностью украинского национального характера является *подчеркнутая любовь к свободе в сочетании с отсутствием привычки к демократической самодисциплине*⁶. В. Чамберлайн считал украинский народ крупнейшим европейским народом, не имеющим государственности по причине, главным образом, предательства его интересов местной элитой. Анархизм украинцев он объяснял судьбой восточноевропейских народов, долго находившихся в условиях политических притеснений. Все, что государство сумело дать украинским крестьянам – «это очень немного, кроме угнетения, принуждения к военной службе и налогов», писал он⁷. Отмечая нежелание украинских козаков уступить хотя бы часть привилегий в пользу своих менее именитых соотечественников, В. Чамберлайн усматривал в

¹ См.: *Лисяк-Рудницький І. Між історією й політикою.* – Мюнхен: Сучасність, 1973. – С. 79.

² См.: *Лина Ю. Призначення України.* – Н.-У.: Говерля, 1953. – С. 262.

³ Там же. – С. 189.

⁴ См.: *Данилів В.-Ю. Солідарність і солідаризм.* – К.: Академія, 2000.

⁵ См.: *Myshula L. Ukraine and American Democracy.* – Н.-У.: United Ukrainian Organisation of the United States, 1939. – Р. II.

⁶ См.: *Chamberlin W. The Ukraine. A Submerged Nation.* – Н.-У.: The Macmillan Company, 1944. – Р. 6,7.

⁷ Там же. – С. 6.

ГЛАВА III

нем главное историческое препятствие становлению украинской демократии¹.

Украинское свободолюбие имело не только позитивную сторону. Взрывоопасную способность украинцев восставать против угнетателей А. Шульгин называл *гайдаматчينوю*. Как он писал, украинцы либо научатся организованному прогрессу и конструктивной политике, либо гайдамащина превратит их в вечных политических аутсайдеров². По мнению А. Шульгина, политическая уравновешенность и умеренность также нуждаются в своих героях. Конституционными идеями Украины А. Шульгин называл идею государственной независимости Украины, идею защиты прав национальных меньшинств, а также идею соборности украинской нации³.

Думать «великодержавными» категориями и в соответствии с этим действовать призывал украинцев Д. Скоропадский. Определяя украинскую демократию как «полуобразованную, разнузданную, недисциплинированную и нетрадиционную», он считал украинский анархизм («отаманию») главным препятствием политическому развитию свободной нации⁴. Известно, что идеологи украинского анархизма отрицали связь между демократией и государством и даже писали о том, что Украина нуждается в демократии, основанной на правах «единицы»⁵.

Так или иначе, но в своем развитии Украина не испытывала недостатка в энергии и политической воле. Фактически ей недоставало не *эроса*, а *логоса* (И. Лысяк-Рудницкий). И если бы та сила, которая была растрочена украинцами в междоусобицах, использовалась конструктивно, Украина давно стала бы крупным европейским государством⁶. По мнению И. Лысяка-Рудницкого, характерными чертами

¹ См.: Chamberlin W. The Ukraine. A Submerged Nation. – N.-Y.: The Macmillan Company, 1944. – P. 23.

² См.: Шульгин О. Державність чи гайдаматччина. – Париж: Меч, 1931. – С. 6.

³ Там же. – С. 15.

⁴ См.: Скоропадський Д. Державність і патріотизм. – Kiel: Rucks and Co. Видавництво Українських скитальців, 1947. – С. 11, 15.

⁵ См.: Шановал М. Стара і нова Україна. Листи в Америку. – N.-Y.: Видавництво Української громади, 1925. – С. 10.

⁶ См.: Лысяк-Рудницкий І. Між історією й політикою. – Мюнхен: Сучасність, 1973. – С. 415.

ГЛАВА III

менталитета украинцев в начале XX века были народничество, революционный романтизм и утопизм.

Оценивая народничество («мужикопоклонство») в качестве чуждого западному пониманию демократии, он отмечал ущербность украинского конституционализма уже в самом наименовании украинского государства *Народной республикой*¹. Хотя с 1840 по 1917 год в Украине возникло множество политических партий, украинский народ вступил в XX век, не овладев искусством политического компромисса. При этом диапазон политических предпочтений растянулся в ней от конституционной монархии до социалистической республики².

В начале XX века Украине не удалось заручиться доверием граждан к своей политической элите, утвердить дух терпимости, сотрудничества и национального единства. Вместо этого «безгосударственность» и провинциализм утвердились в политическом сознании ее граждан³. Еще и сегодня становление полноценного гражданского общества в Украине наталкивается на незримую стену, а эффективно работающие на Западе политические и правовые модели действуют далеко не в полную силу. Причиной же подобных явлений М. Маринович называет недостаточно развитое в украинском народе чувство сакрального единства⁴.

3.1.2. Политико-правовые предпосылки украинского конституционализма

Анализируя историю украинского национального возрождения, М. Шаповал различал в нем три этапа. Первый этап (1798–1840) характеризуется эстетическим интересом к украинской песне, языку, культуре и национальной истории. Второй этап (1840–1880) – это период пробуждения украинского национального сознания (Т. Шев-

¹ См.: *Лисяк-Рудницький І. Між історією й політикою.* – Мюнхен: Сучасність, 1973. – С. 174–175.

² Там же. – С. 19.

³ См.: *Цимбалістий Б. Тавро бездержавності. Політична культура українців.* – К., 1994. – С. 11.

⁴ См.: *Маринович М. Україна: дорога через пустелю.* – Харків: Фоліо, 1993. – С. 12.

ГЛАВА III

ченко), углубленного изучения национальной истории, школьного просветительства, формулирования первых политических программ (М. Драгоманов). Наконец, третий этап воплощают в себе попытки политической самоорганизации нации, становление украинских политических партий (1890–1900)¹.

И. Лысяк-Рудницкий различал в аналогичном смысле три украинские эпохи: а) от упадка козацкой государственности до 1840 года; б) 1840–1880 годы; в) от 1890 года до Первой мировой войны. Данные эпохи он называл *шляхетской*, *народнической* и *модерной*². В первую из них Украина предприняла историческую попытку конституционного законотворчества, представленную в *Конституции П. Орлика*³.

Как писали О. Трофимук и М. Трофимук, *Конституция П. Орлика* (1710) является одновременно итогом и памятником законотворческих усилий П. Орлика и близкой ему козацкой старшины, соединившим в себе главные политические и правовые идеи Украины начала XVIII века. Изложенные в сравнительно коротком документе, они были результатом длительного исторического развития Украины, свидетельством демократического сознания ее народа, конкретным свидетельством его политической культуры.

По мнению О. Прицака, Конституция П. Орлика примыкает по своему значению к первой Конституции Польши (1791). Она действовала почти такое же время (польская – 1791–1795, украинская – 1710–1714), став ярким воплощением идей украинской военной демократии. С научной точки зрения Конституция П. Орлика интересна также своей приверженностью идее политической цикличности. Констатируя вечную изменчивость политических форм, Конституция выражала уверенность ее авторов в позитивных возможностях самоуправления Войска Запорожского. Организация власти строилась в Конституции на основе выборности гетмана и коллегиального отправления власти генеральной старшиной, городскими полковниками и генеральными

¹ См.: Шаповал М. Стара і нова Україна. Листи в Америку. – Н.-У.: Видавництво Української громади, 1925. – С. 4-5.

² См.: Лысяк-Рудницкий І. Між історією й політикою. – Мюнхен: Сучасність, 1973. – С. 71.

³ См.: Перша Конституція України гетьмана Пилипа Орлика. 1710 р. – К.: Веселка, 1994; Заповіт гетьмана // Голос України, 29 листопада, 1991; Угода та Конституція Пилипа Орлика // Літературна Україна, 12 липня, 1990 и др.

ГЛАВА III

советниками. Проведение сессий генеральной рады предусматривалось не менее 3 раз в год. При этом гетман обладал правом принимать важные решения только с согласия своего ближайшего политического окружения.

Конституция устанавливала гарантии против произвола и злоупотреблений единоличной властью. Служебная корреспонденция гетмана объявлялась открытой также для высших должностных лиц. Признавалось право петиций по поводу возможных нарушений козацких прав и вольностей полковниками и генеральными советниками. В свою очередь, генеральным старшинам, полковникам и советникам гарантировалась свобода публичной критики действий гетмана.

Конституция запрещала единоличное рассмотрение гетманом уголовных и гражданских дел, которые подлежали юрисдикции генерального суда. Гетману предписывалось также надзирать за умеренностью налогов и сборов. Конституция предусмотрела выборные должности генерального казначея, урядников и полковников. Как писал М. Возняк, хотя большого практического значения Конституция П. Орлика не имела, она остается важным правовым документом – символом политической свободы и независимости украинского народа¹.

По мнению Н. Яковенко, Конституция П. Орлика (*Pacta et Constitutiones*) была инициирована или даже самостоятельно написана гетманом П. Орликом. С юридической точки зрения, она представляет собой публичный договор между гетманом, с одной стороны, и старшиной Войска Запорожского – с другой. Данный документ необоснованно называют первой конституцией украинского государства, вкладывая современный смысл в не адекватную подобному замыслу правовую форму. На самом же деле Конституция П. Орлика представляет собой типичные для своего времени договорные пункты, на соблюдении которых избранный властелин (в Польше – король, в Украине – гетман) присягал перед свободным народом (в Польше – шляхтой, в Украине – козачеством)².

Несколько иную политико-юридическую оценку Конституция П. Орлика получила у О. Пахлевской, которая называет ее выдающим-

¹ См.: *Возняк М.* Українська державність. – Відень, 1918 р. – С. 47.

² См.: *Яковенко Н.* Нарис історії середньовічної та ранньомодерної України. – К.: Критика, 2005. – С. 420.

ГЛАВА III

ся документом украинской политической мысли. По мнению О. Пахлевской, Конституция П. Орлика – это подлинная *Charta Libertatum* козацкой Украины – уникальный симбиоз государственного проекта Б. Хмельницкого и политического замысла И. Мазепы. Из первого источника Конституция получила свое морально-христианское, а из второго – юридически-правовое оправдание и обоснование.

В своих оценках О. Пахлевская ссылается на восприятие данной Конституции М. Драгомановым, который усматривал в ней воплощение «ясной республиканской мысли», сформированной под влиянием классической либеральной доктрины парламентаризма. Конституция П. Орлика не создавалась в качестве закона для украинской элиты. Ее содержание было более широким – подлинно демократическим. Вооруженным козакам запрещалось «чинить насилие» над крестьянами и ремесленниками, принуждать их к сезонным или иным работам в свою пользу. По мнению О. Пахлевской, Конституция П. Орлика – это воплощение реальной украинской попытки построения гражданского общества во враждебном империалистическом окружении¹.

Так или иначе, основной массив политико-правовых документов украинского органического конституционализма появился значительно позднее – на рубеже XIX–XX веков. Одним из первых документов подобного рода была программа журнала «Громада», издававшегося в Женеве (1877) под редакцией М. Драгоманова (затем М. Павлика и С. Подолинского). Политическая часть программы включала в себя требования этнического равноправия, свободы слова, свободы академической науки и свободы собраний. В государственно-правовом смысле программа выступала за союз (федерацию) самоуправляющихся общин на территории всех этнических земель Украины².

В свою очередь, программа *Русско-Украинской радикальной партии* (1890) в своей «максимальной» части выдвигала требования свободы личности, слова, сходов, товариществ, печати и совести; равноправия полов и политического участия; самоуправления общин, уездов

¹ См.: Пахльовська О. Мазепа – архітектор європейської України // День, № 152, 29 серпня, 2009. – С. 7.

² См.: Подолинський С. Вибрані твори. – Canada: Univesite' du Que'bec a Montré'al, 1990. – С. 145-146.

ГЛАВА III

и краев; культурного развития всех населяющих Украину народов¹. Данную программу подвергли критике «младшие» радикалы – Ю. Бачинский, В. Будзиновский, Н. Ганкевич, А. Колесса, Е. Левицкий и В. Охримович, которые выступали за *национальный* принцип организации государства как слуги общества, всеобщее вооружение народа и введение ответственности чиновников перед судом присяжных².

В 1895 году во Львове народники образовали *Народную раду* во главе с Ю. Романчуком, программа которой призывала к пробуждению украинского национального самосознания методами культурного просветительства. *Народная рада* ставила своей целью просвещение масс, пробуждение в народе политического сознания, подготовку к борьбе за свободу и политическое самоуправление³. Впоследствии Т. Гунчак назвал *Народную раду* подлинным «политическим товариществом».

Программный документ – «Реферат» *Братства тарасовцев* (1891), опубликованный в Харькове в 1893 году, призывал украинцев бороться против опеки со стороны чужих Украине деспотических правительств. В документе был выдвинут принцип *децентрализации* Украины, поскольку именно этот способ территориального устройства его авторы считали «наиболее моральным»⁴. «Реферат» решительно заявлял о том, что украинский народ нуждается в прогрессе и свободе⁵.

В 1897 году в Харькове возникло *Украинское студенческое товарищество*, основными требованиями которого были «отличать свою нацию от других», всюду поднимать национальный вопрос, бороться за обретение свободы украинским народом⁶. Тогда же в прессе развернулась дискуссия о перспективах политического развития Украины. И. Франко отстаивал в ней принципы федерализма, защиты

¹ См.: Українська суспільно-політична думка в 20 столітті. Т. 1. – Нью-Йорк: Сучасність, 1983. – С. 9.

² Там же. – С. 15, 16.

³ Там же. – С. 18.

⁴ См.: Програмові засади братства тарасівців // Українська суспільно-політична думка в 20 столітті. Т. 1. – Нью-Йорк: Сучасність, 1983. – С. 20.

⁵ См.: Гунчак Т. Україна: перша половина ХХ століття. – К.: Либідь, 1993. – С. 14-15.

⁶ См.: Мартинець В. Ідеологія організованого й так званого волевого націоналізму. – Вінніпег: Новий шлях, 1954. – С. 11.

ГЛАВА III

индивидуальных ценностей и гражданского самоуправления¹. По мнению И. Франко, к обретению политической свободы украинский народ необходимо специально готовить, поскольку одних реформ и конституции для этого будет недостаточно. Как писал И. Франко, если данный процесс пустить на самотек, то... «дурака и в церкви поколотят»².

В свою очередь, признание насущной необходимости воспитания национального сознания в украинском народе было сильной стороной политической позиции Н. Михновского, который писал, что для достижения Украиной свободы и государственной независимости не жаль будет пролить и «реки крови». Пусть даже при этом зашатается «вся» Россия³.

Заметное влияние на рост политического сознания украинцев оказала также практика австрийского конституционализма. В статье «На исходе века», опубликованной от имени *Украинской социал-демократической партии* (1899), подчеркивалось, что опыт австрийского конституционализма заложил основу политической культуры западных областей Украины, способствовал выдвижению требований политической свободы и демократии как условий самодержавия украинского народа⁴.

Программа *Национал-демократического (народного) сторонничества* (с 1899 – *Украинской национал-демократической партии*) призывала украинцев помочь России стать конституционным федеративным государством с обеспечением гарантий автономного статуса для всех нерусских меньшинств⁵. В свою очередь, *Вече* украинской академической молодежи во Львове в резолюции, написанной Л. Цегельским (1900), признало национальное государство единственно необходимой формой развития украинского народа и призывало добиваться политической независимости Украины в пределах ее этни-

¹ См.: Франко І. З кінцем року // Українська суспільно-політична думка в 20 столітті. Т. 1. – Нью-Йорк: Сучасність, 1983. – С. 38.

² Там же. – С. 41.

³ См.: Відкритий лист Революційної української партії до міністра внутрішніх справ Сіпягіна // Українська суспільно-політична думка в 20 столітті. Т. 1. – Нью-Йорк: Сучасність, 1983. – С. 74.

⁴ См.: Українська суспільно-політична думка в 20 столітті. Т. 1. – Нью-Йорк: Сучасність, 1983. – С. 53, 55.

⁵ Там же. – С. 58.

ГЛАВА III

ческих границ. Все силы украинской нации *Вече* призывало объединить для создания «украинского государственного организма»¹.

В этот же период программа *Украинской социалистической партии* (1900) выдвигала требования: демократической украинской республики; законотворчества народа; прямого, равного и тайного избирательного права; национального равноправия; гражданского самоуправления и выборности земских чиновников; равноправия граждан; свободы слова, печати и собраний².

В *Обращении* украинских студентов к польским студентам Львовского университета (1901) говорилось о том, что «не по австрийской конституции, но по общечеловеческому природному праву следует [жить] всякому народу, следовательно, и нам, украинцам, принадлежит право на жизнь и развитие»³.

Стремлением к политической независимости был проникнут также документ *Украинской народной партии* (1901–1902) под названием *Положение российских украинцев рабочих*. Как утверждалось в нем, украинским рабочим и крестьянам не следует бороться за конституцию для России, поскольку это принесет лишь временное облегчение⁴. В действительности им необходимо бороться за единую, неделимую, свободную, самостоятельную, демократическую Украину. Осенью 1905 года *Украинская народная партия* опубликовала проект Конституции Украины, предусматривающий «социализацию» украинских земель в пределах всего народного хозяйства⁵.

В проекте программы *Революционной украинской партии* (1905) содержалось требование автономии Украины, принятия в стране демократической конституции, избрания народной рады. Проект предлагал ввести прямые, равные и тайные выборы, признать верховенство референдума над решениями парламента, закрепить самоуправление местных громад. Проект выступал за отмену ограничений демократических прав и свобод. Сословная и паспортная системы также

¹ См.: *Мірчук П.* Українська державність 1917–1920. – Філядельфія, 1967. – С. 51.

² См.: *Українська суспільно-політична думка в 20 столітті.* Т. 1. – Нью-Йорк: Сучасність, 1983. – С. 89–90.

³ Там же. – С. 104.

⁴ Там же. – С. 113.

⁵ См.: *Коллард Ю.* Передмова // *Міхновський М.* Самостійна Україна. – Видавництво Український патріот, 1948. – С. 9.

ГЛАВА III

подлежали отмене. В проекте выдвигалось требование установить независимый суд, отменить смертную казнь и обеспечить всеобщее вооружение народа. Методы политического террора авторами проекта отвергались¹. Впоследствии данная программа была дополнена пунктом о гарантиях свободного культурного и социального развития украинского народа².

В свою очередь, программа *Украинской демократической партии* (1903–1904) предусматривала введение парламентаризма на основе всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права; утверждение свободы личности, слова, веры, собраний, союзов и стачек; использование украинского языка в судах, административных и гражданских учреждениях; автономию для территорий, населенных этническими украинцами³.

Созданная в 1905 году *Украинская радикальная партия* отстаивала независимость украинского народа; принятие конституций в Украине и России; обеспечение прав человека; свободу выбора места жительства, свободное распоряжение собственностью, использование родного языка в публичной сфере; законодательную инициативу народа; развитие местного самоуправления; замену армии всеобщим вооружением народа⁴.

Программа *Украинской демократической радикальной партии* (1905–1908) требовала провозглашения автономии Украины в составе обновленной демократической России. Программа выступала за обеспечение гражданских прав в краевой конституции Украины, избрание народной рады, запрет применения пыток и смертной казни⁵. В материалах второго съезда Революционной украинской партии (1905) выдвигалось требование автономии Украины в ее этнических границах, а также разработки и принятия законодательства о ее правах⁶.

¹ См.: Українська суспільно-політична думка в 20 столітті. Т. 1. – Нью-Йорк: Сучасність, 1983. – С. 116–117, 120.

² Там же. – С. 122.

³ Там же. – С. 139–140.

⁴ Там же. – С. 142.

⁵ Там же. – С. 149, 150.

⁶ Там же. – С. 154.

ГЛАВА III

Умеренность политических требований характеризовала программу *Украинской трудовой громады* – украинской фракции государственной думы России (1907). Признавая отделение Украины от России «невозможным и нежелательным», программа возлагала демократические надежды на обретение нерусскими народностями автономного статуса в составе обновленной России¹.

Перед началом Первой мировой войны в западных областях Украины усилилось влияние *Украинской национально-демократической партии* (УНДП). Ее программа требовала предоставления украинскому языку официального статуса, введения всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права, учреждения парламентского представительства для национальных меньшинств. В программе выдвигалось требование гарантировать «наиболее широкими конституционными законами» свободу собраний, ассоциаций, слова, прессы, веры и совести. За нарушение прав и свобод предлагалось установить уголовную и гражданско-правовую ответственность. УНДП стремилась к тому, чтобы украинский «народ добился для себя полной свободы и стал хозяином своей судьбы»². В свою очередь, в заявлении *Украинской партии социалистов-революционеров* (1911) говорилось о том, что украинцы – это отдельная историческая нация с присущими ей политическими, экономическими, общественными и культурными особенностями.

С течением времени тенденция к формулированию конституционных требований в программах украинских политических партий становилась все более заметной. Характеризуя политическую ситуацию начала XX века на Украине, М. Шкільник писал о том, что украинские эсеры «вулканизировали» в это время крестьян, поддерживая среди них анархические элементы и подрывая тем самым хозяйственную жизнь³. Впрочем, радикальных перемен ожидали не только они. Выступая на втором *Всеукраинском съезде студентов* (Львов, 1913) идеолог интегрального национализма Д. Донцов назвал политическое сознание украинской нации капиталом, вошедшим в решитель-

¹ См.: Українська суспільно-політична думка в 20 столітті. Т. 1. – Нью-Йорк: Часність, 1983. – С. 161, 162.

² Там же. – С. 192, 196.

³ См.: Шкільник М. Україна в боротьбі за державність в 1917–1921 р. – Toronto: Basilian Press, 1971. – С. 45.

ГЛАВА III

ное противоречие с интересами российского царизма¹. Отражение идей Д. Донцова можно было обнаружить в то время повсюду. Его влияние проявилось затем в известном призыве М. Хвильевого «разбить российский мессианиззм»².

Рассматривая национализм в качестве гарантии политической самодисциплины народа, называя его проявлением организованных сил нации против социальной дезорганизации³, Д. Донцов призывал украинцев вырваться из «скользких лап спрута, имя которому – культура Востока»⁴. Высоко оценивая роль частной собственности в обеспечении политической свободы народа, Д. Донцов писал о том, что без этого института украинцы будут обречены на превращение в рабов тоталитарной машины.

Влияние идей Д. Донцова как идеолога «интегрального национализма» на украинский конституционализм еще предстоит исследовать. Как бы далеко ни заходил Д. Донцов иногда в своих теориях, ему трудно отказать в глубине политической интуиции, способности улавливать тончайшие флюиды назревающих социальных перемен.

С началом Первой мировой войны политическая атмосфера в Украине стала более накаленной. Созданный во Львове *Союз освобождения Украины* (1914) предусматривал в своей программе построение независимого украинского государства в виде конституционной монархии с независимой церковью, парламентом и широкими гражданскими свободами⁵. В свою очередь, созданный в Екатеринославле инициативный комитет *Украинского самостийного союза* (1915) закрепил в качестве политической цели создание суверенного государства на территории этнических украинских земель⁶. Программа *Союза* выступала за обеспечение широких гражданских свобод, неприкосновенность личности, жилища и тайну переписки. Программой преду-

¹ См.: *Донцов Д.* Сучасне політичне становище нації і наші завдання // Українська суспільно-політична думка в 20 столітті. Т. 1. – Нью-Йорк: Сучасність, 1983. – С. 188.

² См.: *Хвильевий М.* Україна чи Малоросія? – Київ: Смолоскип, 1993. – С. 247.

³ См.: *Донцов Д.* Клич доби. – Лондон: Видавництво Союзу українців у Великій Британії, 1968. – С. 32-33.

⁴ См.: *Донцов Д.* Росія чи Європа? – Лондон: Видавництво Союзу українців у Великій Британії, 1954. – С. 25.

⁵ См.: *Українська суспільно-політична думка в 20 столітті. Т. 1.* – Нью-Йорк: Сучасність, 1983. – С. 217.

⁶ Там же. – С. 228.

ГЛАВА III

сматривалось также отделение церкви от государства с обеспечением независимого статуса для украинской православной церкви¹.

В 1917 году украинцы Петрограда создали *Временный украинский революционный комитет*, который в марте этого же года призвал украинцев поддержать преобразование Российской империи в федеративную демократическую республику с широкой территориальной автономией для Украины. В апреле 1917 года *Украинский национальный конгресс* одобрил будущее государственное устройство России в виде федеративной демократической республики, признающей политическую автономию Украины. Значение конгресса проявилось в том, что он фактически выдвинул право украинского народа на политическое самоопределение, включая международное признание Украины².

Политические события развивались в этот период стремительно. В марте - апреле 1917 года М. Грушевский писал: «Мы снова стали из подданных гражданами, свободными и полноправными и можем снова решать о себе [сами], устанавливая для себя право и строить судьбу своего народа, своей земли... Украинского вопроса отныне не существует. Есть свободный, великий украинский народ, который строит свою судьбу в новых условиях свободы»³.

В июне 1917 года делегаты фронтов собрались в Киеве на *Второй всеукраинский воинский съезд*. Съезд предложил созвать местные собрания для достижения соглашения с национальными меньшинствами по поводу проекта *Статута автономии Украины*. На этом съезде В. Винниченко огласил I Универсал Центральной Рады.

Основным достижением I Универсала было провозглашение в нем автономии Украины и политической свободы украинского народа в словах: «Отныне будем сами творить свою жизнь». I Универсал стал крупным политическим шагом к объединению украинского народа на основе национальных интересов. Как писал по этому поводу А. Яковлив, I Универсал послужил водоразделом между прежними разрозненными декларациями и прошениями к правительству Рос-

¹ См.: Гунчак Т. Україна: перша половина ХХ століття. – К.: Либідь, 1993. – С. 75.

² См.: Костів К. Конституційні акти відновленої Української держави 1917–1919 рр. і їхня політично-державна якість. – Торонто, 1964. – С. 28.

³ См.: Грушевський М. Вільна Україна // Українська суспільно-політична думка в 20 столітті. Т. 1. – Нью-Йорк: Сучасність, 1983. – С. 269.

ГЛАВА III

сии, с одной стороны, и консолидированной работой украинских национальных сил в направлении к политической независимости Украины – с другой¹. По мнению М. Грушевского, в I Универсале украинская Центральная Рада впервые заявила о себе как власть. От начала и до конца данный документ был пронизан единым творческим порывом, который не содержал в себе ничего анархического и разрушительного².

В декларации Генерального Секретариата (исполнительный орган Центральной Рады) от 15 (28) июня 1917 года говорилось о том, что Украина силой обстоятельств оказалась в политическом пространстве между морально-этической и публично-правовой властью. «Народ, – утверждалось в документе, – интуитивно лучше всего понимает идею подлинного народоправства, идею демократической власти, которая идет снизу, а не сверху, которая существует для народа, а не наоборот»³.

II Универсал Центральной Рады от 3 (16) июля 1917 года стал результатом переговоров между Центральной Радой и Временным правительством России. На его основе Центральная Рада и Генеральный Секретариат обрели статус высших государственных органов Украины. Временное правительство согласилось с автономией Украины, признав Центральную Раду представительным органом украинского народа. На основе II Универсала, как писал К. Костив, революционное правительство Украины трансформировалось из органа морально-политической власти во власть политико-юридическую⁴.

На основе II Универсала Малая Рада 16 (29) июля 1917 года разработала статут Генерального Секретариата – правовой документ высшего ранга для управления страной. Тем не менее, правительство А. Керенского не утвердило его, предложив взамен Временную инструкцию для Генерального Секретариата от 4 (17) августа 1917 года. Хотя статут

¹ См.: Яковлів А. Основи Конституції У. Н. Р. – Н.-У.: Говерля, 1964. – С. 8-9.

² См.: Грушевський М. Хто такі українці і чого вони хочуть. – К.: Знання, 1991. – С. 22, 24.

³ См.: Українська суспільно-політична думка в 20 столітті. Т. 1. – Нью-Йорк: Сучасність, 1983. – С. 299, 300.

⁴ См.: Костів К. Конституційні акти відновленої Української держави 1917–1919 рр. і їхня політично-державна якість. – Торонто, 1964. – С. 51.

ГЛАВА III

не стал нормативным актом¹, в нем удалось сконструировать в общих чертах конституционный баланс законодательной и исполнительной ветвей власти. Центральная Рада имела право отправить в отставку Генеральный Секретариат. С другой стороны, акты Центральной Рады подлежали контрассигнации Секретариатом².

Временная инструкция лишила Центральную Раду законодательных полномочий, признав ее консультативным органом при Временном правительстве. Статус Генерального Секретариата был понижен, поскольку высшей инстанцией для генеральных секретарей становился Петроград. Украинской Центральной Раде в то время казалось, что революция пошла на убыль, поэтому она решила признать Временную инструкцию в качестве обязательного для себя документа. Дебатируя ее отдельные положения, Центральная Рада пришла к выводу о необходимости созыва украинской конституанты.

Однако состоявшийся в Киеве в ноябре 1917 года *Третий всеукраинский воинский съезд* потребовал от Центральной Рады немедленного провозглашения Украинской Демократической Республики в этнических границах Украины. Под его давлением Центральная Рада (в составе Малой Рады) приняла 7(20) ноября 1917 года III Универсал, провозгласивший образование Украинской Народной Республики (УНР). Хотя федеративные связи Украины и России при этом сохранялись, III Универсал впервые на официальном уровне очертил политико-географические границы Украины³.

В III Универсале Украина провозглашалась парламентской республикой. При этом предполагалось, что Россия станет «федерацией равных и свободных народов». III Универсал отменил помещичье землевладение, провозгласил широкие демократические права и свободы, ликвидировал смертную казнь и объявил политическую амнистию. Русским, евреям и полякам, проживающим в Украине, га-

¹ Как писал М. Грушевский, *Статут* был проголосован Малой Радой единогласно с большим энтузиазмом. Некоторые ораторы даже назвали его «первой Конституцией Украины». См.: *Грушевський М. Хто такі українці і чого вони хочуть.* – К.: Знання, 1991. – С. 34; *Костів К. Конституційні акти відновленої Української держави 1917–1919 рр. і їхня політично-державна якість.* – Торонто, 1964. – С. 58, 59.

² См.: *Українська суспільно-політична думка в 20 столітті. Т. 1.* – Нью-Йорк: Сучасність, 1983. – С. 311.

³ Там же. – С. 341.

ГЛАВА III

рантировалась «национально-персональная автономия». Согласно III Универсалу Украина провозгласила себя Украинской Народной Республикой – государством, впоследствии закрепившим свой суверенитет в IV Универсале Центральной Рады¹.

III Универсал отразил попытку Генерального Секретариата юридически воспрепятствовать интервенции большевистских войск в Украину². Сразу же после Октябрьской социалистической революции 1917 года Центральная Рада приняла резолюцию, осуждающую диктаторский большевистский режим. Резолюция требовала от России призвать к власти все силы революционной демократии, а не только советы рабочих и солдатских депутатов³. По мнению А. Яковлива, в юридическом смысле III Универсал был «конституционным законом», который установил в Украине демократический политический режим⁴.

В период между Третьим и Четвертым универсалами Центральной Рады политические партии Украины создали широкий спектр документов, в которых содержались проекты конституционных норм. Так, программа *Украинской партии самостийников-социалистов* (1917) включала в себя *Декларацию прав украинского народа*, предусматривавшую упразднение классов и сословий, отмену паспортной системы, свободу слова, печати и образования, всеобщее, равное, прямое и тайное избирательное право, замену армии вооруженным народом («вооружение демократии»), независимый статус УНР, избрание президента республики парламентом. В дополнении к программе указывалось, что без национального государства свобода невозможна и что никакие привилегии не должны допускаться в *правовом государстве*. «Собственное национальное государство» было названо при этом высшей ценностью всех украинских партий⁵.

¹ См.: *Стахів М.* Україна в добі Директорії і УНР. – Scranton: Ukrainian Free University, 1964. – С. 35.

² См.: *Шкільник М.* Україна в боротьбі за державність в 1917–1921 р. – Toronto: Basilian Press, 1971. – С. 63.

³ См.: *Костів К.* Конституційні акти відновленої Української держави 1917–1919 рр. і їхня політично-державна якість. – Торонто, 1964. – С. 67–68.

⁴ См.: *Яковлів А.* Основи Конституції У. Н. Р. – N.-Y.: Говерля, 1964. – С. 15.

⁵ См.: *Українська суспільно-політична думка в 20 столітті. Т. 1.* – Нью-Йорк: Сучасність, 1983. – С. 346–347, 359, 363.

ГЛАВА III

Конституционный характер был присущ и закону «О национально-персональной автономии», принятому Центральной Радой 9 (22) января 1918 года. Закон предоставлял национальным меньшинствам Украины право на автономную организацию своей жизни. Русским, евреям и полякам автономия предоставлялась автоматически. Белорусам, чехам, молдаванам, немцам, крымским татарам, грекам и болгарам автономия должна была предоставляться после подачи ими соответствующих заявлений¹.

В свою очередь, «мемориал» *Украинского национально-демократического союза* (май, 1918) требовал создания «национального демократического делового кабинета» из украинских деятелей и лиц украинской ориентации, пользующихся доверием народа². С другой стороны, в резолюции I съезда *Коммунистической партии большевиков Украины* (5–12 июля 1918) отделение Украины от России оценивалось как временный и вынужденный шаг. «Самостийную Украину» большевики считали формой экономического закабаления народа, от чего мог спасти лишь союз Украины с Россией на основе принципа пролетарского централизма³. В Украине в 1918 году насчитывалось 4364 члена РКП(б), причем лишь 3% (130 чел.) из них считали себя этническими украинцами. Не удивительно, что на выборах 1917 года в Учредительное собрание коммунисты собрали в Украине примерно 10% голосов⁴.

Положения конституционного характера содержались также в статуте *Украинского национального союза* (август 1918) – конгломерата украинских партий, поддерживающих создание независимого украинского государства. Статут предусматривал создание ответственного перед парламентом правительства, принятие прогрессивного избирательного закона, а также защиту прав украинского народа и государства на международном уровне⁵.

¹ См.: Українська суспільно-політична думка в 20 столітті. Т. 1. – Нью-Йорк: Сучасність, 1983. – С. 368.

² Там же. – С. 394.

³ Там же. – С. 399.

⁴ См.: Шкільник М. Україна в боротьбі за державність в 1917–1921 р. – Toronto: Basilian Press, 1971. – С. 77.

⁵ См.: Українська суспільно-політична думка в 20 столітті. Т.1. – Нью-Йорк: Сучасність, 1983. – С. 400.

ГЛАВА III

В декабре 1918 года в Вашингтоне состоялось заседание *Второго украинского сейма* (собрания делегатов Федерации украинцев в США), симпатизировавшего украинским социалистам меньшевистской ориентации. В резолюции сейма отмечалось, что идея демократии является универсальной, ибо любое правительство обязано получить свою власть из рук народа. Делегаты высказались за создание в Украине демократической республики, признающей права национальных и религиозных меньшинств. Сейм выразил надежду на то, что независимая Украина станет одним из государств-членов объединенной Восточной Европы. Резолюцию сейма передали президенту В. Вильсону «для того, чтобы он знал, что думают украинские эмигранты о своей Украине»¹.

IV Универсал Центральной Рады был принят 9 (22) января 1918 года². При этом большинство представителей национальных меньшинств воздержались от голосования либо голосовали против³. IV Универсал провозгласил государственную независимость Украинской Народной Республики и объявил оборонную войну большевистским советам. Генеральный Секретариат был переименован в Совет Народных Министров. IV Универсал подтвердил ранее объявленную национализацию земли, установление государственного контроля над торговлей и промыслами, а также статус национально-персональной автономии. Вопрос о федеративных связях Украины и России был адресован будущему учредительному собранию, что не ограничивало суверенных прав УНР⁴. После IV Универсала многие политические партии в Украине включили в свои программы положение о государственной независимости УНР, последовав в этом примере *Украинской партии самостийников-социалистов*⁵.

В IV Универсале не упоминались суверенные исторические права Украины. Ее независимость связывалась исключительно с принципом

¹ См.: *Стахів М.* Україна в добі Директорії і УНР. – Scranton: Ukrainian Free University, 1964. – С. 151.

² См.: *Шкільник М.* Україна в боротьбі за державність в 1917–1921 р. – Toronto: Basilian Press, 1971. – С. 79.

³ См.: *Костів К.* Конституційні акти відновленої Української держави 1917–1919 рр. і їхня політично-державна якість. – Торонто, 1964. – С. 89.

⁴ См.: *Яковлів А.* Основи Конституції У. Н. Р. – N.-Y.: Говерля, 1964. – С. 17.

⁵ См.: *Возняк М.* Українська державність. – Відень, 1918. – С. 147.

ГЛАВА III

демократического самоопределения¹. Политический язык IV Универсала характеризовала «внутренняя честность», что выгодно отличало его от стиля большевистских документов, часто служивших лишь целям политической маскировки. С другой стороны, нельзя было не заметить «грубого эмпиризма» IV Универсала. Он проявился в неумении его авторов дать украинской государственности широкое историческое обоснование².

Конституция УНР 1918 года, или *Статут о государственном устройстве, правах и вольностях У. Н. Р.*, была принята на заседании Центральной Рады 29 апреля 1918 года. Поскольку времени на его промульгацию и формальное провозглашение у его авторов не осталось, он не вступил в законную силу. По замыслу создателей, Конституция УНР восстанавливала конституционное право Украины, гарантировала права и вольности ее гражданам, провозглашала Украину независимым суверенным государством. Конституция УНР должна была обеспечить экономические, религиозные, политические и социальные права и свободы человека и гражданина. Она гарантировала свободу слова, совести, печати, организаций и забастовок³. Конституция УНР явилась доказательством серьезных правовых возможностей украинского либерализма начала XX века. Ее создателями были образованные, демократически мыслящие политические деятели, искренне желавшие утвердить в Украине политическую свободу и справедливое общественное устройство⁴.

Конституция УНР предусмотрела организацию самоуправления земель, волостей и общин (громад) на основе принципа децентрализации. Смертная казнь и пытки были запрещены. Политические права закреплялись в «негативной» (американской) форме. Подтверждалось право национальных меньшинств на национально-персональную автономию. Гражданам УНР гарантировался свободный выбор национальности. С другой стороны, Конституции УНР были присущи также отдельные недостатки. Именно из-за них, писал

¹ См.: Лисяк-Рудницький І. Між історією й політикою. – Мюнхен: Сучасність, 1973. – С. 19.

² Там же. – С. 176.

³ См.: Гунчак Т. Україна: перша половина XX століття. – К.: Либідь, 1993. – С. 140.

⁴ Там же.

ГЛАВА III

впоследствии И. Лысяк-Рудницкий, ее реализация могла оказаться проблематичной.

Во-первых, в Конституции не закреплялась стабильная и авторитетная исполнительная власть. Суд был почему-то подчинен парламенту. Не обладая правом роспуска парламента, правительство могло уйти в отставку на основе вотума недоверия, который можно было применить и по отношению к отдельным министрам. Данный порядок посягал на принцип солидарной ответственности правительства, ставя министров в зависимость от настроений политических фракций.

Во-вторых, установив систему пропорционального представительства, Конституция УНР не учредила поста главы государства и правительства. Не были в ней очерчены и границы Украины. Как считал И. Лысяк-Рудницкий, по своей архитектонике Конституция УНР 1918 года была документом «непродуманным, неуклюжим и дилетантским»¹. Впрочем, данная точка зрения оспаривается другими авторами.

По мнению А. Яковлива, Конституция УНР 1918 года была составлена на основе лучших западных образцов. Спикер парламента являлся *de facto* главой государства. При этом использование в Конституции западного опыта проявилось в судебной процедуре разрешения споров между органами местного самоуправления и центральной властью. Судя по всему, подобный юридический механизм был разработан по настоянию М. Грушевского. В области территориального устройства Конституция следовала австрийскому образцу.

Конституция определяла народ одновременно источником и носителем государственной власти, что выглядело нелогичным. Не приняв федеративной модели США, равно как и французской модели централизации, Конституция использовала модель административной децентрализации. Впрочем, все эти начинания были упразднены приходом к власти гетмана П. Скоропадского.

Грамота П. Скоропадского к Украинскому народу от 29 апреля 1918 года восстановила в Украине частную собственность в качестве фундамента культуры и цивилизации. Она провозгласила свободу торговли на всем экономическом и финансовом пространстве. Восста-

¹ См.: Лысяк-Рудницкий І. Між історією й політикою. – Мюнхен: Сучасність, 1973. – С. 177.

ГЛАВА III

навливались свободное предпринимательство и частная инициатива. В последующих правовых актах они были дополнены гарантиями неприкосновенности личности и жилища граждан. Предусматривалось также восстановление судебной системы, свободы выбора места жительства и права беспрепятственно приобретать и отчуждать собственность.

Частная собственность объявлялась неприкосновенной, хотя в отдельных случаях допускалось ее изъятие с последующим возмещением ее стоимости. Свобода слова гарантировалась законом, разрешалось также объединение граждан в общественные организации и союзы¹.

В мае 1918 года украинские социалисты передали генералу В. Гренеру, под протекторатом которого находилась Украина, проект конституции, согласно которому законодательная власть в стране передавалась будущему народному собранию. Проект был подписан С. Ефремовым и А. Шульгиным, однако в силу не вступил².

Режим П. Скоропадского заменила «коллегиальная диктатура» Директории. В декларации от 15 ноября 1918 года Директория очертила свою конституционную программу, согласно которой восстановлению подлежали национально-персональная автономия, местное самоуправление, право граждан на организацию забастовок³. В декабре 1918 года Директория предприняла сомнительную попытку заменить принцип демократии «трудовым принципом», согласно которому власть в стране передавалась исключительно представителям трудящихся: городскому пролетариату, трудящимся крестьянам и трудовой интеллигенции. Взгляды Директории на государственное устройство Украины были нечеткими. 26 декабря 1918 года Директория провозгласила временную Конституцию УНР, автором которой был, скорее всего, В. Винниченко. В ней Директория окончательно стала на пози-

¹ См. подробнее: *Костів К.* Конституційні акти відновленої Української держави 1917–1919 рр. і їхня політично-державна якість. – Торонто, 1964. – С. 122, 128; *Мірчук П.* Українська державність 1917–1920. – Філадельфія, 1967. – С. 388, 389; *Шкільник М.* Україна в боротьбі за державність в 1917–1921 р. – Toronto: Basilian Press, 1971. – С. 206, 207, 313.

² См.: *Гунчак Т.* Україна: перша половина ХХ століття. – К.: Либідь, 1993. – С. 145.

³ См.: *Українська суспільно-політична думка в 20 столітті. Т. 1.* – Нью-Йорк: Сучасність, 1983. – С. 409.

ГЛАВА III

ции «трудового принципа ограниченной демократии», заявив о своем негативном отношении к анархии.

Политика Директории характеризовалась смешением функций законодательной, исполнительной и судебной властей. Компетенция Директории и Рады Министров четко не разграничивалась. Законопроекты правительства утверждались Директорией, которая сохраняла за собой право издавать постановления. Право выступать от имени государства принадлежало главе Директории. Директория восстановила ряд законов Центральной Рады и приняла решение созвать конгресс трудового народа. 12 ноября 1920 года Директория утвердила закон «О временном верховном управлении и порядке законотворчества в У. Н. Р.», а также закон «О Государственной Народной Раде». Данные акты призваны были закрепить основы государственного устройства Украины до принятия новой Конституции УНР¹.

Политическое значение Директории проявилось в пролонгации ее легитимности независимого украинского государства. 26 ноября 1919 года С. Петлюра заявил о том, что «упрямой и бескомпромиссной борьбой мы показали миру, что Украина есть, что ее народ живет и борется за свое право, за свою свободу и государственную независимость. Мы создали украинскую нацию, которая будет и далее бороться за свои права, за право самостоятельно и <...> независимо править на своей земле»².

Что касается конституционных актов Западно-Украинской Народной Республики (ЗУНР), то они были представлены резолюцией Украинской национальной рады от 1 ноября 1918 года и Конституцией ЗУНР. Резолюция содержала в себе требование подготовить конституцию, гарантирующую прямое, равное и тайное избирательное право на основе пропорциональной избирательной системы и учредить национально-культурную автономию с политическим представительством от национальных меньшинств³. 13 ноября 1918 года Малая Конституция ЗУНР была принята Украинской национальной радой. Создание ЗУНР Конституция обосновала правом народа на самоо-

¹ См.: Яковлів А. Основи Конституції У. Н. Р. – Н.-У.: Говерля, 1964. – С. 28, 29.

² См.: Костів К. Конституційні акти відновленої Української держави 1917–1919 рр. і їхня політично-державна якість. – Торонто, 1964. – С. 181.

³ См.: Українська суспільно-політична думка в 20 столітті. Т. 1. – Нью-Йорк: Сучасність, 1983. – С. 404.

ГЛАВА III

пределение. Очертив географические границы ЗУНР, Конституция закрепила власть и выборы на основе всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права. Конституция предусмотрела избрание учредительного собрания ЗУНР, временно возложив полномочия государственной власти на Украинскую национальную раду и Секретариат¹.

В декабре 1918 года Директория и представители ЗУНР подписали договор об объединении, который был утвержден Украинской национальной радой 3 января 1919 года, а Директорией – 19 января и оглашен 22 января 1919 года в Киеве. В этот же день был открыт Конгресс трудового народа, который сыграл роль учредительного собрания Украины. Директория передала власть Конгрессу, утвердившему в общих чертах основные политические законы республики. Конгресс высказался против «трудового принципа» выборов и за восстановление демократии в Украине. В целях «закрепления демократического строя» правительству УНР совместно с комиссиями Конгресса поручалось подготовить закон о выборах будущего представительного органа «Независимой Соборной Украинской Республики».

Директория сохраняла за собой военную власть, оставаясь также верховной властью². Законы Директории подлежали утверждению Конгрессом. Исполнительная власть перешла к Раде Народных Министров. В обновленный состав Директории вошли представители западных областей Украины. ЗУНР была преобразована в Западную область УНР, при этом за ней сохранялся автономный статус.

К сожалению, писал М. Шлемкевич, «свободный дух смог создать [украинское] государство, но не сумел удержать его»³. Тем не менее, большинство из рассмотренных выше документов составили политико-правовой каркас органического конституционализма Украины. Как уже отмечалось выше, конституционные акты УНР не опирались на исторические традиции и права украинского народа, уходящие корнями в историю Киевской Руси, Галицко-Волынского и Русско-Литовского княжеств. Они исходили из права украинского народа на самоопределение, вытекающего из общего принципа де-

¹ См.: Українська суспільно-політична думка в 20 столітті. Т. 1. – Нью-Йорк: Часність, 1983. – С. 406, 407.

² Там же. – С. 424.

³ См.: Шлемкевич М. Загублена українська людина. – Н.-У., 1954. – С. 29.

ГЛАВА III

мократии. Что касается парламентской практики УНР, то она соответствовала либерально-демократическим ценностям и традициям. Центральная Рада придерживалась демократических идеалов, а ее председатель М. Грушевский не злоупотреблял авторитаризмом.

В целом украинский конституционализм начала XX века находился под сильным влиянием социалистических (марксистских) идей. По свидетельству Исаака Мазепы, находясь в эмиграции, В. Винниченко, В. Левинский и Г. Паламар объявили себя членами *Украинской коммунистической партии* и даже пытались пропагандировать идеи советской власти в венском еженедельнике «Нова доба».

В свою очередь, группа украинских социалистов-революционеров, возглавляемая М. Грушевским, М. Шаповалом и М. Чечелем, одобрила на своей партийной конференции (Прага, февраль, 1920) резолюцию, призывающую к скорейшему осуществлению в Украине «диктатуры трудового народа»¹. В целом украинской политической эмиграции в Вене не был чужд и большевизм. Как констатировали свидетели тех событий, «Украина не была государством, пока ею правили украинцы, а как только [она] стала государством, так оно тут же перестало быть украинским»².

В отчаянных попытках создать независимую Украину разрушительный инстинкт украинской политической элиты возобладал над ее созидательным началом³. Как писал об этом Г. Степовик, вся украинская революция начала XX века прошла под лозунгом социализма. Социализм объединил и вобрал в себя все существовавшие в тот период лозунги и программы...⁴

С другой стороны, содержание конституционно-правовых документов данного периода свидетельствует о том, что структура политической реальности в Украине была не столь однозначной. Так, проект основ государственного устройства Галицкой республики, предложенный от имени ЗУНР Лиге Наций 30 апреля 1921 года, исходил из концепции действительно правового государства. Он предусматривал республиканизм; равноправие граждан перед законом

¹ См.: Мазепа Ісаак. Огнева доба. – Прага: Колос, 1941. – С. 55, 56, 78.

² См.: Степовик Г., Подоляк М. Листи від українських хліборобів до української інтелігенції. – Відень, 1921. – С. 59, 69.

³ Там же. – С. 41.

⁴ Там же. – С. 9.

ГЛАВА III

и судом; гарантии неприкосновенности личности и собственности; тайну переписки, свободу собраний и товариществ; право публичного отстаивания любых идей и взглядов; запрет цензуры, свободу совести и академическую свободу; всеобщее, равное, прямое избирательное право; право привлекать чиновников к судебной ответственности; создание конституционного трибунала¹.

Принятая 1 февраля 1925 года резолюция съезда *Украинской радикальной партии* констатировала отсутствие в советской Украине свободы слова и прессы, а также настоящих политических, профессиональных и культурных организаций рабочих и крестьян. Вместо этого, как утверждалось в документе, в Украине установилась монополия власти большевистских вельмож². В свою очередь, программа *Партии народной воли* (апрель, 1926) требовала от советской Украины отмены секретных договоров и тайной дипломатии; гарантий равенства граждан; отмены политических привилегий для трудящихся; подлинной свободы слова, совести и печати; свободы выбора места жительства; свободы объединения в общественные организации и права на проведение забастовок³.

Принятая в ноябре 1926 года программа *Украинского национально-демократического объединения* (УНДО) ставила своей задачей создание соборного независимого демократического украинского государства на всех этнических землях Украины. УНДО пыталось бороться за суверенные права украинского народа, гарантированные конституционным строем; всеобщие, равные, пропорциональные, прямые и тайные выборы во все представительные органы; равенство граждан перед законом; свободу печати, совести, выбора места жительства и забастовок; личную свободу и неприкосновенность жилища, тайну переписки и право на независимый суд⁴.

Реальным демократизмом отличалась также программа *Украинской социалистической радикальной партии* (1927). Как утверждалось в программе, «иметь свободу своей земли – означает иметь свои выборные правительства в волостях и целом крае; чтобы всех руководи-

¹ См.: Українська суспільно-політична думка в 20 столітті. Т. 2. – Нью-Йорк: Часність, 1983. – С. 8, 13, 14.

² Там же. – С. 105.

³ Там же. – С. 145.

⁴ Там же. – С. 173.

ГЛАВА III

телей призывал к должности трудящийся народ; чтобы никто чужой не мог навязывать народу свой порядок; чтобы вся государственная машина был народной, и делала только то, что велит ей народ»¹.

В обращении *Конгресса украинских националистов* (январь - февраль, 1928) говорилось о необходимости восстановления, организации и защиты независимого соборного украинского государства; об изгнании оккупантов с украинских земель; о введении «национальной диктатуры» (до избрания органов народного представительства); о возрождении местного самоуправления, частной собственности, предпринимательской инициативы и свободы торговли².

В реферате, зачитанном М. Шлемкевичем во время конгресса *Фронта национального единства* (сентябрь, 1936) содержалась резкая критика советской власти. Как говорилось в документе, «необходимо осознать и затем никогда не забывать о том, насколько ядовитой может стать созданная враждебным умом и некритически усвоенная мысль <...>. Необходимо осознать и не забывать о том, что свобода и независимая экономика должны стать... принципами украинской национальной политики»³.

Линия непризнания политики советской власти в Украине характеризовала также программу *Второго собора ОУН* (Рим, 1939). Идеал политической системы Украины программа видела в «нациократии»: национальной солидарности, внеклассовом подходе и внепартийности. Политическую свободу ОУН отождествляла с правом каждого работать «на пользу нации, государства и общества». По мнению ОУН, государственное устройство Украины должно было соответствовать «здоровым формам децентрализации», не препятствующим самоуправлению. В программе организации высказывалась надежда на то, что будущая власть «установит соответствующее правосознанию и традициям украинского народа право, отличающееся от чуждых народному духу оккупационных правовых систем»⁴.

В целом концепция сильного государства как рычага социальных преобразований пользовалась популярностью не только в совет-

¹ См.: Українська суспільно-політична думка в 20 столітті. Т. 2. – Нью-Йорк: Сучасність, 1983. – С. 227.

² Там же. – С. 329.

³ Там же. – С. 387, 388.

⁴ Там же. – С. 402.

ГЛАВА III

ской Украине. Так, в постановлении Краковского собора ОУН (1941) утверждалось, что украинские националисты ведут свою борьбу под лозунгом всесторонней опеки государства над гражданами: справедливой заработной платы, личных прав для трудящихся, самоуправления профсоюзов¹.

В постановлении Третьего собора ОУН (1943) говорилось о необходимости отстаивать в Украине свободу печати, слова, убеждений и мировоззрения в противовес всем принудительно навязанным здесь доктринам и догмам. Признавая права национальных меньшинств в культурной сфере, ОУН (С. Бандеры) отстаивала равноправие граждан Украины независимо от их этнической принадлежности. В качестве основополагающих ценностей провозглашалась свободная украинская культура, героическая духовность, моральность, гражданская солидарность, дружба и социальная дисциплина².

По мнению Т. Гунчака, многие из документов ОУН были реально демократическими по своему содержанию и форме. Заметное влияние на их разработку оказали делегаты ОУН из восточных областей Украины. В последние годы существования данной организации документы ОУН были либерально-демократическими, западного образца³. Воля украинского народа признавалась в них единственным легитимным источником государственной власти. ОУН поддерживала идею свободного труда, независимых профсоюзов и право свободного выезда и въезда в Украину⁴.

В свою очередь, универсал *Украинской главной освободительной рады* (УГОР, 1944) провозглашал целью деятельности организации создание «Украинской Самостийной Соборной Державы» на всех этнических землях Украины. «Будем бороться за то, – говорилось в документе, – чтобы обеспечить всему украинскому народу участие в определении государственного устройства УССД и ее конституции. Будем бороться за справедливое общественное устройство без гнета и эксплуатации, без большевиков и капиталистов, против навязан-

¹ См.: Українська суспільно-політична думка в 20 столітті. Т. 2. – Нью-Йорк: Сучасність, 1983. – С. 14.

² Там же. – С. 67, 68.

³ См.: Гунчак Т. Україна: перша половина ХХ століття. – К.: Либідь, 1993. – С. 242.

⁴ Там же. – С. 274.

ГЛАВА III

ных [нам] враждебных крепостнических систем»¹. УГОР считала необходимым бороться за установление народно-демократического политического режима в Украине, за свободу совести и мировоззрения, равенство граждан перед законом, права национальных меньшинств и свободную торговлю².

Принятая по поводу окончания Второй мировой войны в Европе декларация *Провода ОУН* (С. Бандеры, 1945) констатировала, что идея «Украинского Независимого Соборного Государства» является понятием, которое не сможет отменить ни «советская Украина», ни «экспозитура чужого империализма». Призывая украинский народ опираться на собственные силы, декларация подчеркивала, что любой, не обладающий государственностью народ может позволить себе иметь союзников, но не империалистических опекунов³.

Идеи конституционного значения были представлены также в сочинениях офицера *Украинской повстанческой армии* (УПА) (1943–1951) П. Полтавы. Анализируя причины неудач украинского национально-освободительного движения, П. Полтава пришел к выводу о том, что советская власть сделала украинцев провинциальными «материалистами», утратившими интерес к идее национального возрождения⁴. Однако само по себе стремление украинцев к свободе и независимости он считал органическим. П. Полтава верил в то, что экономика независимой Украины будет основываться на сочетании государственной и кооперативной форм собственности. «Мы, бандеровцы, – писал он, – боремся за построение бесклассового общества. Мы – против возвращения в Украину помещиков и капиталистов. Мы – за уничтожение в Украине нового эксплуататорского класса большевистских вельмож <...>. Мы – за общественную собственность на орудия и средства производства»⁵. Революцию П. Полтава понимал как исторически новый синтез достижений прогресса⁶. Пороки большевизма

¹ См.: Українська суспільно-політична думка в 20 столітті. Т. 3. – Нью-Йорк: Сучасність, 1983. – С. 98-99.

² Там же. – С. 102.

³ Там же. – С. 104-105.

⁴ См.: *Полтава П.* Збірник підпільних писань. – Мюнхен: Український самостійник, 1959. – С. 150.

⁵ Там же. – С. 119.

⁶ См.: *Мартинець В.* Ідеологія організованого й так званого волевого націоналізму. – Вінніпег: Новий шлях, 1954. – С. 110.

ГЛАВА III

он усматривал не в марксистских идеях, а в политическом лицемерии коммунистических руководителей. Прикрываясь правильными идеями, большевики проводят антинародную политику, писал он.

Частичное принятие социалистических идей характеризовало политическую оппозицию в Украине и в более поздний период. В частности, в заявлении диссидента И. Кандыбы первому секретарю ЦК КПУ П. Шелесту по поводу «дела юристов» во Львове (1961) говорилось о политически независимой Украине, развивающейся в направлении к коммунизму. Выступая за предоставление украинцам всей полноты политических прав и свобод, И. Кандыба усматривал политический идеал в независимой социалистической украинской республике.

Следует заметить, что украинские диссиденты излагали свои конституционные идеи в достаточно последовательной форме. В письме к депутатам украинских советов (1969) диссидент А. Коваль (В. Лисовой) требовал разработать и принять конституцию суверенной и независимой Украины, демократизировать выборы, защитить советскую власть от узурпации ее коммунистической номенклатурой. Для этого он предлагал учредить конституционный суд и принять национальную конституцию Украины референдумом.

Говоря о необходимости учреждения в Украине «Института общественного мнения» со своим собственным печатным органом, А. Коваль считал необходимым отменить цензуру, освободить всех политзаключенных, распустить КГБ и провести суд над государственными деятелями, причастными к осуществлению политических репрессий¹.

В свою очередь, в меморандуме *Украинской хельсинкской группы* (УХГ, 1976) говорилось о том, что Конституция Украины должна стоять выше правительственной власти, ибо научно и исторически доказано, что главным субъектом конституционного права является не партия и государство, а гражданин. Поскольку коммунистическая бюрократия ликвидировала данную классическую норму, УХГ призвала возродить в Украине конституционализм, превратив с этой целью политические права и свободы из декларативных в реальные².

¹ См.: Українська суспільно-політична думка в 20 столітті. Т. 3. – Нью-Йорк: Сучасність, 1983. – С. 251.

² Там же. – С. 293.

ГЛАВА III

Вопрос о ревизии общественно-экономического устройства Украины УХГ не ставился.

В последующие годы политические идеи украинских диссидентов оставались либерально-демократическими, конституционными в своей основе. В частности, в обращении к странам-участницам *Белградского совещания 1977 года* УХГ выдвинула требование закрепить в конституции интеллектуальную свободу, без которой невозможен социальный прогресс. УХГ призвала власть уделять больше внимания правам человека и его духовной свободе, открыть государственные границы, гарантировать свободный международный обмен информацией, упразднить цензуру и запретить смертную казнь¹.

В одном из писем украинских политзаключенных О. Тихого и В. Романюка (1977–1978) говорилось о том, что «украинцы – [это] один из наиболее свободлюбивых, демократичных по своему способу жизни, трудолюбивых и миролюбивых народов». Поэтому каждому украинскому гражданину принадлежит право свободно и неограниченно пользоваться всеми гражданскими, социальными и политическими правами².

Подводя итоги борьбы украинцев за политическую свободу и конституционализм, Ю. Литвин в статье *Правозащитное движение в Украине, его принципы и перспективы* писал: «Общество – это живой организм, который живет и развивается по природным законам с преобладающей тенденцией к свободе. Инакомыслие в Украине имеет глубокие революционно-демократические и либеральные традиции. Свободлюбие и демократизм являются характерными чертами украинца и всей украинской нации»³.

¹ См.: Українська суспільно-політична думка в 20 столітті. Т. 3. – Нью-Йорк: Сучасність, 1983. – С. 309.

² Там же. – С. 323.

³ Там же. – С. 365.

3.1.3. Конституционное регулирование политической активности в Советской Украине

Конституционное регулирование политической активности в Советской Украине имеет обширную апологетическую литературу. Однако украинский конституционализм данного периода не был самостоятельным правовым явлением. Конституционные акты советской Украины были либо копией большевистских российских, либо результатом использования правовых моделей, специально разработанных центром для союзных республик. Все они создавались в рамках марксистско-ленинской политико-правовой парадигмы, в которых смысл политической активности определялся ее сугубо официальной трактовкой. Как писал по поводу политических прав В. Ленин, их «содержанием является участие... в политической общности, в государстве»¹.

В рамках подобного подхода ожидалось, что приводимые в движение людьми «общественные причины будут иметь в преобладающей и все возрастающей мере... те следствия, которых они желают»². В этом ключе В. Ленин разрабатывал идею политической активности масс при социализме, а также основные элементы ее конституционных гарантий.

Изначально уже капитализм, писал он, порождает демократические стремления в массах, создает демократические учреждения³. Этому способствует также грамотность пролетариата, его приобщение к технологической дисциплине сложным аппаратом современного производства⁴. Политическая активность становится при этом массовой, ибо расширение пространства исторических действий неизбежно увеличивает количество людей, которые в них участвуют⁵.

Согласно ленинской теории, коренное преобразование общественного устройства в результате социалистической революции требо-

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 1. – С. 399.

² См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. – С. 295.

³ См.: Ленин В. Полн. собр. соч. Т. 30. – С. 71.

⁴ См.: Ленин В. Полн. собр. соч. Т. 33. – С. 44.

⁵ См.: Ленин В. Полн. собр. соч. Т. 42. – С. 140.

ГЛАВА III

вало не переделки государственного аппарата, а замены его новым¹. Для этого необходимо было покончить с «диким и нелепым» предрассудком, будто управлять государством могут лишь выходцы из богатых классов или лица, прошедшие их школу². Вовлечение рабочих и крестьян в государственное управление В. Ленин называл «чудесным делом» и «чудесным средством»³. Однако он не отождествлял участия трудящихся в управлении государством с правлением коммунистической элиты *в интересах* трудящихся, что он называл управлением «для трудящихся, но не через трудящиеся массы»⁴.

Сознавая историческую неизбежность подобного способа политического руководства, В. Ленин писал, что привлечение масс к политической деятельности должно быть поэтапным⁵, и лишь спустя определенное время – повсеместным и практическим⁶. Первый год советской власти он охарактеризовал как год «подлинно пролетарской диктатуры»⁷.

Теоретическую основу пролетарской диктатуры составили такие работы В. Ленина, как *О задачах пролетариата в данной революции, Государство и революция, Удержат ли большевики государственную власть?* и др. После социалистической революции этой же цели служили его выступления на II, III, IV Всероссийских съездах советов, а также статьи: *Очередные задачи советской власти, Великий почин, Как нам реорганизовать Рабкрин, Лучшие меньше да лучшие* и др.

После победы Октябрьской революции в России конституционными актами советской власти стали: обращение II Всероссийского съезда советов *Рабочим, солдатам и крестьянам!* (25 октября (7 ноября) 1917)⁸, декрет *Об учреждении Совета Народных Комиссаров* (26 октября (8 ноября) 1917)⁹, декрет *О мире* (26 октября (8 ноября) 1917)¹⁰, обращение II Всероссийского съезда советов *О полноте власти со-*

¹ См.: Ленин В. Полн. собр. соч. Т. 34. – С. 202.

² См.: Ленин В. Полн. собр. соч. Т. 35. – С. 147; Т. 34. – С. 315.

³ См.: Ленин В. Полн. собр. соч. Т. 34. – С. 313.

⁴ См.: Ленин В. Полн. собр. соч. Т. 38. – С. 170.

⁵ См.: Ленин В. Полн. собр. соч. Т. 40. – С. 142-143.

⁶ См.: Ленин В. Полн. собр. соч. Т. 31. – С. 275.

⁷ См.: Ленин В. Полн. собр. соч. Т. 37. – С. 132.

⁸ См.: СУ 1917, № 1. – Ст. 1.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. – Ст. 2.

ГЛАВА III

ветов (26 октября (8 ноября) 1917)¹, обращение Председателя Совета народных комиссаров *К населению* (18 (5) ноября 1917)², принятое ВЦИК *Положение о рабочем контроле* (27(14) ноября 1917)³, декрет ВЦИК *О праве отзыва депутатов* (21 ноября (4 декабря) 1917)⁴, обращение НКВД *Об организации местного самоуправления* (24 декабря 1917 (6 января 1918)⁵, инструкция НКВД *О правах и обязанностях советов* (6 января 1918)⁶ и др. Данные документы составили нормативную основу *Конституции РСФСР (1918)*, которая стала модельным образцом для конституционного творчества в Советской Украине.

Конституция Украинской Социалистической Советской Республики, утвержденная Всеукраинским съездом советов 10 марта 1919 года⁷, в своих основных чертах следовала образцу Конституции РСФСР (1918). Она закрепила государственную власть за представителями рабочих и беднейших крестьян, решительно отстранив от участия в управлении государством «господствовавшие ранее классы» (ст. 2).

В ст. 23–30 Конституция УССР признавала за трудящимися право пропаганды антирелигиозных учений, гарантируя им технические средства для издания печатной продукции и предоставляя помещения для собраний. Политическими правами могли воспользоваться также трудящиеся иностранцы. Перечень категорий лиц, лишенных избирательных прав («лишенцев»), закреплялся в ст. 21 Конституции. Активное и пассивное избирательное право предоставлялось гражданам с 18 лет. В целом Конституция УССР закрепила политический режим диктатуры пролетариата, наметив основные направления деятельности советской власти в Украине, а также перспективы ее развития в переходный период⁸.

С образованием СССР в 1922 году текст Конституции УССР (1919) был изменен. Конституция УССР в редакции II Всеукраинского съезда советов (15 мая 1929) провозгласила предоставление политических

¹ См.: СУ 1917, № 1. – Ст. 5.

² См.: Ленин В. Полн. собр. соч. Т. 35. – С. 65-67.

³ См.: СУ 1917, № 3. – Ст. 35.

⁴ Там же. – Ст. 49.

⁵ См.: СУ 1917, № 12. – Ст. 179.

⁶ Там же. – Ст. 180.

⁷ См.: СУ УССР, 1919, № 19. – Ст. 204.

⁸ См.: Купчишин О. Основоположні принципи Конституції УСРР 1919 р. // Радянське право, № 3, 1979. – С. 12-14.

ГЛАВА III

прав трудящимся без различия пола, веры, расы и национальности, по-прежнему лишая избирательных прав «эксплуататорские» элементы. В ст. 9–11 Конституции за гражданами Республики был закреплен перечень общедемократических прав и свобод. Положение о том, что Украинская Республика лишает отдельные группы лиц конституционных прав, содержалось в ст. 17. Точное установление категорий «лишенцев» было отнесено к ведению ВУЦИК. Этот же орган должен был определять порядок выборов в украинские советы.

Существенным дополнением к Конституции СССР (1922) и Конституции УССР (1929) были отдельные акты союзного и республиканского законодательства. Так, общесоюзная инструкция о выборах в советы (1926) не только впервые закрепила принцип открытого голосования на выборах в представительные органы (конституциями этот вопрос не регулировался), но и возможность восстановления избирательных прав для отдельных категорий советских граждан¹. Этой же цели служило постановление ЦИК СССР (27 мая 1934) *О порядке восстановления в гражданских правах бывших кулаков*², инструкция ЦИК СССР *О выборах в советы в 1934–1935 годах*³, постановление ЦИК СССР *О снятии с казачества ограничений по службе в РККА* (20 апреля 1936)⁴. Конституционное значение имели в то время также нормы положения *Об обществах и союзах*, не преследующих целей извлечения прибыли, утвержденного ВЦИК и СНК РСФСР (6 февраля 1928)⁵, а также постановления ЦИК и СНК УССР *Об органах, которые проводят регистрацию уставов обществ и союзов, действующих не для прибыли* (20 февраля 1933)⁶.

Новая Конституция УССР была утверждена чрезвычайным XIV Украинским съездом советов 30 января 1937 года⁷. В своих основных чертах она следовала образцу Конституции СССР (1936). Закрепив принадлежность власти трудящимся города и деревни в лице советов депутатов трудящихся, Конституция признала свободу отправления

¹ См.: СЗ СССР, 1926, № 66. – Ст. 501.

² См.: СЗ СССР, 1934, № 33. – Ст. 257.

³ См.: СЗ СССР, 1934, № 50. – Ст. 395.

⁴ См.: СЗ СССР, 1936, № 22. – Ст. 198.

⁵ См.: СУ РСФСР, 1928, № 22. – Ст. 157.

⁶ См.: СУ УССР, 1933, № 11. – Ст. 123.

⁷ См.: Конституции Союза ССР и Союзных Республик. – М.: Издательство «Власть советов» при Президиуме ВЦИК, 1937. – С. 45–65.

ГЛАВА III

религиозных культов вместе с правом антирелигиозной пропаганды (ст. 123). Конституцией формально гарантировалась свобода слова, печати, собраний, митингов, уличных шествий и демонстраций. Однако все эти права можно было использовать лишь в интересах трудящихся классов и в целях укрепления социалистического строя (ст. 124).

Право граждан на объединение в общественные организации предоставлялось с целью развития их организационной самостоятельности и политической активности (ст. 125). Коммунистическая партия была названа передовым отрядом трудящихся в борьбе за укрепление социалистического строя. Конституция предусматривала право политического убежища для иностранцев, преследуемых за защиту интересов трудящихся, научную деятельность, а также за национально-освободительную борьбу (ст. 128).

Конституция УССР (1937) закрепила более демократическую, по сравнению с прежней, избирательную систему. Выборы в советы стали всеобщими, равными, прямыми и тайными (ст. 133). Тем не менее, сохранялась возможность лишения избирательных прав по суду. Право выдвижения кандидатов на выборах предоставлялось общественным организациям трудящихся, партийным организациям, профсоюзам, кооперативам, организациям молодежи и культурным обществам (ст. 141). Конституцией предусматривался императивный мандат для парламентариев и депутатов местных советов.

В свою очередь, Конституция УССР, принятая на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета Украины девятого созыва 20 апреля 1978 года, была разработана в качестве республиканского аналога Конституции СССР 1977 года, известной как «конституция развитого социализма и общенародного государства»¹.

В Конституции УССР (1978) закреплялась принадлежность власти всему украинскому народу. Осуществление власти возлагалось на систему советов народных депутатов, составляющих «политическую основу» Украины. В ст. 3 Конституция закрепляла принцип демократического централизма, согласно которому единое партийное руководство сочеталось с «творческой активностью масс» на местах. В ст. 4 Конституции закреплялся принцип социалистической закон-

¹ См.: Конституция СССР. Конституции Союзных Советских Социалистических Республик. – М., 1985. – С. 99-144.

ГЛАВА III

ности, охраны прав и свобод граждан. Институт референдума и все-народных обсуждений вопросов государственной и общественной жизни предусматривался в ст. 5 Основного Закона. КПСС была названа руководящей и направляющей силой общества, действующей в рамках Конституции.

Права политического участия Конституция УССР (1978) предоставила также профсоюзам, ВЛКСМ, кооперативным и иным общественным организациям (ст. 7). Основным направлением развития политической системы страны называлось дальнейшее укрепление социалистической демократии. В ст. 37 Конституции гражданам Украины гарантировалась вся полнота политических прав и свобод. Однако данные права обеспечивались лишь *с целью укрепления и развития социалистического строя* (ст. 48). Право на объединение в общественные организации закреплялось в Конституции в целях... *коммунистического строительства* (ст. 49). В Конституции было записано комплексное право граждан Украины на участие в управлении государственными и общественными делами. Своими внутренними полномочиями данное право охватывало все элементы политической системы советской Украины¹.

Избирательная система в Конституции УССР строилась на основе принципов равного, прямого, всеобщего избирательного права при тайном голосовании (ст. 84). Кандидатов на выборах имели право выдвигать организации КПСС, профсоюзы, ВЛКСМ, кооперативные и иные общественные организации, трудовые коллективы и собрания военнослужащих. Предусматривались также наказания избирателей депутатам (императивный мандат).

Конституция исходила из идеи планируемого социально-экономического и политического развития Украины (глава 16), что подтверждает также анализ статей, посвященных правам и свободам граждан. Конституция не предусматривала возможности существования политической оппозиции. Ее текст отличали стандартизированные (по образцу Конституции СССР) нормы. В Конституции никак не проявилась этнокультурная самобытность украинского народа.

¹ См.: Речицкий В. Конституційні гарантії участі мас в управлінні державними і громадськими справами // Радянське право, № 3, 1983. – С. 49-51; Речицкий В. Конституционные гарантии обеспечения участия граждан СССР в управлении государственными и общественными делами // Правоведение, № 1, 1984. – С. 37-41.

ГЛАВА III

Конституция Украины (1978) не подчеркивала и не выделяла исторически сложившегося демократизма украинского народа, его органического стремления к свободе и политической независимости. Пересмотр положений этого Основного Закона начался лишь с роспуском СССР и обретением Украиной государственной независимости. Впервые векторы официальной и неофициальной конституционной эволюции Украины сомкнулись в *Декларации о государственном суверенитете Украины* от 16 июля 1990 года.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Модельный проект Конституции Украины

Во втором параграфе настоящей главы были рассмотрены вопросы конституционной эволюции Украины в период до обретения ею независимости и принятия Декларации о государственном суверенитете Украины (1990). Критический анализ действующей Конституции Украины (1996) содержится в первой, второй и третьей главах книги. Ниже приводится комментированный модельный проект Конституции Украины, написанный автором по просьбе Секретариата Президента Украины в 2008 году.

КОНСТИТУЦИЯ УКРАИНЫ

(проект, версия 1)

Преамбула

Мы, Украинский народ – граждане Украины всех национальностей,

опираясь на многовековую историю создания украинской государственности,

заботясь об осуществлении своих органических прав и основных свобод,

желая подчинить государственную власть интересам личности, а государство в целом – интересам гражданского общества,

стремясь обеспечить жизнь, свободу и процветание своих нынешних и грядущих поколений,

выражая свою суверенную волю,

принимаем настоящую Конституцию – Основной Закон Украины.

Преамбула проекта Конституции, по сравнению с преамбулой действующей Конституции Украины (1996); является более короткой. Объясняется это тем, что проект предусматривает

ПРИЛОЖЕНИЯ

принятие Конституции не Верховной Радой Украины, а украинским народом в целом. Украинский народ не может единодушно говорить о своей ответственности перед Богом или совестью, поскольку подобная связь является сугубо личной, персонифицированной. Не все граждане являются верующими, а верующие принадлежат к разным вероисповеданиям. Совесть – это категория, существующая в индивидуальном формате.

Политически некорректным было бы указывать также на то, что украинский народ принимает Конституцию, руководствуясь Актом провозглашения независимости Украины от 24 августа 1991 года, поскольку нация и народ стоят выше любых юридических самообязательств.

Преамбула Основного Закона говорит лишь о стратегических целях, достижению которых призвана способствовать Конституция Украины.

Раздел I

ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ

Проект Конституции исходит из либерально-демократических идей. В разделе I Конституции определяются главные нормативные признаки и черты общественного и политического устройства Украины. Они представлены лаконичными конституционными положениями (ценностями, принципами, нормами, нетипичными нормативными предписаниями), с учетом которых должен восприниматься затем весь конституционный текст.

Статья 1

1. Воля народа определяет волю Украинского государства и является высшим властным политическим авторитетом.
2. Конституция Украины является высшим властным правовым авторитетом.

ПРИЛОЖЕНИЯ

3. Законодательная, исполнительная и судебная ветви власти в Украинском государстве подчинены воле народа и настоящей Конституции.

*В ст. 1 проекта Конституции говорится о том, что воля украинского народа является высшим властным политическим авторитетом. Это означает, что воля украинского народа – это высшая, **олицетворенная в живых людях** политическая власть в Украине.*

*Конституция определяется в данной статье как олицетворение высшей **правовой (абстрактной)** власти в государстве. Принимая Конституцию, народ видит в ней гарантию своей политической, экономической и личной свободы, средство ограничения возможной бюрократической экспансии государства. Конституция – это правовой акт, который устанавливает основные правила взаимодействия физических и юридических лиц, звеньев государственного аппарата, Украинского государства в целом.*

Ст. 1 проекта Конституции исходит из того, что суверенитет украинского народа стоит выше государственного суверенитета, из чего следует необходимость установления юридических ограничений для государства.

Конституция выступает в качестве гаранта гражданской свободы, поэтому она стоит выше функционально необходимого, но инструментального государственного порядка. В литературных источниках данный тип отношений рассматривается в работах Ф. Хайека («Конституция свободы», «Право, законодательство и свобода»), Д. Ролза («Теория справедливости», «Политический либерализм»), Р. Дворкина («Империя права», «Право свободы»), Р. Нозика («Анархия, государство и утопия»), Б. Таманаги («Верховенство права») и др.

Правовая власть Конституции вследствие своей большей продуманности по сравнению с властью живых людей является стратегической властью. Она выступает в виде ценностей, принципов, прав и свобод человека, правил функционирования (через соотношение компетенций) элементов государственного механизма.

ПРИЛОЖЕНИЯ

*Подобное представление об основном законе является типичным для современного конституционализма, который отождествляется с **верховенством права**. В то время как насильственное подчинение конкретным целям (коммунизм, фашизм) является воплощением рабства, подчинение абстрактным правилам, каким бы тяжелым ни казалось их бремя, обеспечивает пространство для свободы и многообразия, писал Ф. Хайек. Поэтому высшим властным авторитетом в обществе должна стать конституция, каналами реализации которой являются органы публичной власти. Абстрактное – это право, осуществление его – государство, подчеркивал Гегель.*

Конституция олицетворяет все то, что отличает право от текущего законодательства. Право является более универсальным по сравнению с законодательством, в котором оно обретает свою материализацию. Данное обстоятельство объясняет единство мирового конституционализма, его заметную независимость от национальных политик.

Статья 2

1. Свобода народа является высшей целью настоящей Конституции.
2. Гражданский мир, безопасность и устойчивое развитие являются целями Украинского государства.
3. Цели Украинского государства подчинены высшей цели Конституции Украины.
4. Возможность самостоятельно определять свою судьбу – главный итог свободы народа для каждого украинского гражданина.
5. Необходимость действовать в рамках очерченных настоящей Конституцией и законом полномочий является главным итогом свободы народа для всех должностных и служебных лиц.

Жизнь современного общества требует динамизма и свободы, пребывающих не в самых лучших отношениях с порядком. Органическая конституция с необходимостью реагирует на данное обстоятельство. Избрав только порядок, люди рискуют оказаться в условиях авторитаризма и тоталитаризма. Став ис-

ПРИЛОЖЕНИЯ

ключительно на сторону свободы, они рискуют потерять свои ориентиры и начать двигаться в сторону хаоса. Во избежание этих крайностей конституционные системы являются биполярными: одна часть их норм заботится о порядке и устойчивости, вторая – о свободе.

Гражданская свобода является более важной, чем порядок, поэтому конституции в своих лучших образцах становятся на сторону свободы. Современная либерально-демократическая конституция – это гарант свободы, выражением которой в обществе является сознательная неупорядоченность в экономике (рынок), политике (демократия) и частной жизни (privacy). Таким образом, конституция является не столько регулятором общественной жизни, сколько гарантом против ее возможной бюрократизации и стандартизации. Свобода важна не только потому, что проявления свободы в экономике, политике и частной жизни приводят к высшей эффективности. Свобода важна также и как моральный фактор. Ведь только свободный человек может отвечать за свои поступки.

В части первой ст. 3 действующей Конституции (1996) утверждается, что наивысшей социальной ценностью в Украине является человек, его жизнь, здоровье, честь, достоинство, неприкосновенность и безопасность. Действующая Конституция носит подчеркнуто охранительный характер. Если понимать ст. 3 Основного Закона буквально, то можно прийти к парадоксальному выводу, что Конституция запрещает рисковать жизнью солдата даже во время войны. Ведь независимость и суверенитет, территориальная целостность и неприкосновенность границ должны уступить наивысшей социальной ценности – жизни физического лица, индивида.

Человеческая жизнь не рассматривалась в качестве высшей социальной ценности ни христианскими мучениками, ни такими авторитетами древности, как Сократ, Геродот или Софокл. Впоследствии представление о том, что человеческую жизнь следует считать наивысшей социальной ценностью, было подвергнуто критике Гегелем, А. Кожевым и Ф. Фукуямой¹.

¹ См.: Фейерабенд П. Прощай, разум. – М.: АСТ, Астрель, 2010. – С. 401; Кожев А. Атеизм и другие работы. – М.: Праксис, 2007. – С. 310-322.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Проект Конституции исходит из того, что гражданская свобода является наивысшей социальной ценностью не только в естественном (мирном) состоянии, но и в условиях чрезвычайного и военного положения, когда ее охрана требует дополнительных гарантий. Ведь именно в это время доминирование государства над личностью становится особенно опасным.

Объектами юридической защиты проект Конституции называет жизнь, свободу и процветание нынешних и грядущих поколений (преамбула). Как известно, каждая из существующих в мире конституционных систем является по-своему уникальной. В США ее образуют свободные принципы английской конституции в сочетании с естественным правом и здравым смыслом, во Франции – свобода, собственность, безопасность и сопротивление угнетению, в Бразилии – жизнь, свобода, равенство, безопасность и собственность. Широко известны также «четыре свободы» Ф. Рузвельта, «четырнадцать пунктов» В. Вильсона и др.

В конституционализме важны не только нормы, но и структура основного закона, его общий нормативный дизайн, применяемые в нем концепции и тип регулирования. Лаконичные, но содержательные нормы-принципы начинают действовать не сразу, однако их действие является в большинстве случаев глубоким.

Учитывая изложенное, первый раздел проекта Конституции построен как юридическая гарантия того, что воля украинского народа определяет волю украинского государства, выступает живым властным **политическим** авторитетом. В отличие от воли украинского народа, Конституция является высшим властным **правовым** авторитетом. При этом государство выступает источником силы, обеспечивающей верховенство Основного Закона. Чтобы сила государства была эффективной, она должна опираться на демократию, быть легитимной.

Ст. 2 проекта Конституции содержит норму о том, что деятельность в рамках очерченных Конституцией и законом полномочий является главным следствием свободы народа для всех должностных и служебных лиц. Этот вывод менее радикален, чем закрепленный частью второй ст. 19 действующей Конституции, где речь идет о запрете дискреционных полномочий для

ПРИЛОЖЕНИЯ

всех должностных лиц. Формула части второй ст. 19 действующей Конституции о том, что органы государственной власти и местного самоуправления, их должностные и служебные лица обязаны действовать исключительно на основе, в пределах полномочий и способом, предусмотренным Конституцией и законами, лишает политических лидеров пространства для маневра. Запрет дискреционных полномочий в мирное время должен касаться лишь должностных и служебных лиц правоохранительных (силовых) органов и ведомств.

Статья 3

1. Украина – суверенное, демократическое, правовое государство.
2. Украина – унитарная республика.
3. В Украине признается единое гражданство.

Ст. 3 проекта Конституции закрепляет юридические характеристики украинского государства. Здесь почти все нормы соответствуют действующему Основному Закону. Изъято лишь положение о том, что Украина является социальным государством. Утверждать подобное на конституционном уровне нет оснований. Этого не позволяет сделать и скромный размер государственного бюджета Украины.

Статья 4

1. Государство отвечает перед гражданами за свою деятельность.
2. Гарантирование прав человека и основных свобод является главной обязанностью государства.
3. Каждый имеет право обратиться с судебным иском к Украинскому государству, его органам и должностным лицам.
4. Все без исключения государственные должностные лица обязаны служить интересам Украинского народа. Их полномочия должны определяться исключительно в данном качестве.

В ст. 4 проекта Конституции говорится о том, что компетенция государственных должностных лиц должна отвечать

ПРИЛОЖЕНИЯ

принципу служения украинскому народу. Данная норма важна также в качестве ориентира для текущего законодательства. Понятие государственных должностных лиц объединяет в данном случае как государственных лидеров, так и государственных должностных лиц низшего ранга.

Слуги народа ничем не отличаются от других субъектов экономики в плане удовлетворения своих интересов. Конституционный принцип служения народу предусматривает, что определению полномочий должностных лиц надлежит ориентироваться на их служебную социальную роль, хотя реальная мотивация поведения чиновников может оставаться при этом эгоистической.

Статья 5

1. Право определять и изменять основы конституционного строя в Украине принадлежит народу, оно не может быть узурпировано государством, его органами или должностными лицами.

2. Народ осуществляет власть как непосредственно, так и через органы государственной власти и органы местного самоуправления.

3. В случае возникновения угрозы свободе Украинского народа, народное восстание против этого признается легитимным.

*Ст. 5 проекта Конституции включает в себя **право на демократическое восстание**. Учитывая опыт Оранжевой революции (2004–2005), часть третья ст. 5 проекта предусматривает положение о том, что народное восстание с целью защиты свободы Украинского народа является легитимным.*

Демократическое восстание считается сегодня классическим элементом конституционной культуры. В частности, ст. 20 Основного Закона ФРГ (1949) предусматривает право граждан оказывать сопротивление каждому, кто осмелится посягнуть на демократический строй, если иные средства не могут быть использованы. В ст. 23 Конституции Чехии (1992) говорится о том, что граждане имеют право на сопротивление посягательствам на демократические принципы прав человека и основных

ПРИЛОЖЕНИЯ

свобод, если деятельность конституционных органов или применение правовых норм станет невозможным.

Ст. 120 Конституции Греции (1975) обязывает граждан оказывать сопротивление любым попыткам отменить Конституцию насильственным способом, а ст. 32 Конституции Словакии (1991) провозглашает, что в случае, если деятельность конституционных органов или применение правовых норм окажется невозможным, каждый имеет право оказывать сопротивление всем, кто посягает на осуществление прав человека и основных свобод. Аналогичное право предусмотрено в ст. 54 Конституции Эстонии (1992), ст. 3 Конституции Литвы (1992) и др.

Статья 6

1. Власть в Украине осуществляется на основе принципа разделения ее на законодательную, исполнительную и судебную. Законодательная и исполнительная ветви власти являются автономными друг от друга. Судебная власть является независимой от законодательной и исполнительной власти.

2. Органы законодательной, исполнительной и судебной власти осуществляют свои полномочия в пределах компетенции, установленной настоящей Конституцией и законом.

3. Судебная власть руководствуется волей народа, только если она выражена в форме закона.

Ст. 6 проекта Конституции закрепляет принцип разделения властей. В отличие от действующего Основного Закона, в проекте утверждается, что законодательная и исполнительная ветви власти являются автономными друг от друга. Понятие автономии является более мягким, чем понятие независимости, однако больше соответствует сути дела. Полное разделение властей является характерным признаком лишь президентских республик (например, в США).

В проекте Конституции воплощена идея, что судебная власть должна быть независимой от законодательной и исполнительной власти. Конструкция судебной власти построена таким образом, чтобы она воспринималась не в качестве одного из от-

ПРИЛОЖЕНИЯ

ветвлений государственной власти, а в качестве особой **власти в государстве**. Для этого ей предоставлены повышенные гарантии независимости.

Суд в правовом государстве должен быть не государственным, а как бы «надгосударственным» органом. Исполняя свои функции, он не должен оказаться в положении судьи в своем деле. В ст. 6 проекта подчеркивается, что судебная власть руководствуется волей украинского народа, только если она выражена в форме закона.

Статья 7

1. В Украине признается верховенство права. Судебные решения выносятся именем Закона.

2. Конституция Украины имеет наивысшую юридическую силу.

3. Нормы Конституции Украины являются нормами прямого действия. Обращение в суд с целью защиты прав человека и основных свобод непосредственно на основе Конституции Украины гарантируется.

*Ст. 7 проекта Конституции посвящена закреплению принципа верховенства права. В отличие от действующего Основного Закона, в проекте утверждается, что судебные решения выносятся не именем **Украины** (ст. 124 действующей Конституции), а именем **Закона**. Закон (с заглавной буквы) в данном случае отождествляется с понятием права.*

Правовое государство не может выносить приговоры самому себе. Следуя подобной логике, суды должны выполнять волю Закона, а не быть инструментом в руках персонифицированной государственной власти. Как записано в ст. 114 Конституции Молдовы (1994), правосудие осуществляется именем Закона.

Статья 8

1. Действующие международные договоры, согласие на обязательность которых дано Национальным Собранием Украины, являются частью национального законодательства Украины.

ПРИЛОЖЕНИЯ

2. Запрещается заключение международных договоров, противоречащих Конституции Украины.

Данная норма является традиционной для Украины и поэтому в пояснениях не нуждается. Если Украина решится при определенных условиях заключить международный договор, противоречащий ее Конституции, то ей очевидным образом придется внести изменения в Основной Закон.

Статья 9

1. Государственным языком в Украине является украинский язык. Государство обеспечивает развитие и функционирование украинского языка во всех сферах общественной жизни на всей территории Украины.

2. Государство уважает культурное и языковое многообразие Украины. Государство гарантирует свободное развитие, использование и защиту этнической, культурной, языковой и религиозной самобытности коренных народов и национальных меньшинств Украины.

3. Государство содействует изучению языков международного общения.

В ст. 9 проекта предложен более лаконичный вариант ст. 10 действующего Основного Закона. Ссылка на особый статус русского языка, выделение его среди других языков национальных меньшинств представляется сегодня неубедительной.

Статья 10

1. Рыночная экономика является воплощением экономической свободы.

2. Демократия является воплощением политической свободы.

3. Неприкосновенность частной жизни является воплощением личной свободы.

4. Экономическая, политическая и личная свободы не могут быть никем отменены. Их осуществление может быть ограничено только в случаях, предусмотренных настоящей Конституцией.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Ст. 10 является важной конкретизацией нормы проекта о главной цели Конституции Украины (часть первая ст. 2 проекта Основного Закона).

Статья 11

1. Законная предпринимательская инициатива не ограничивается. Свобода договора гарантируется.
2. Государство гарантирует свободное перемещение лиц, товаров, услуг и капитала.
3. Размер государственных и местных налогов и сборов не должен угрожать экономической свободе.
4. Торговля является свободной.
5. Внутренние и иностранные инвестиции поощряются.

Ст.11 проекта Конституции содержит положение о том, что Украинское государство обеспечивает свободное перемещение лиц, товаров, услуг и капитала. Данная формула выражает одну из ключевых для современного европейского государства идей. Она является нормативным заимствованием из Лиссабонского договора и сопутствующей ему Хартии основополагающих прав Союза¹.

Кроме того, как писал Л. фон Мизес, если бы государство, не будучи ограничено конституцией, могло распространять свою власть ad lilitum (произвольно), то оно отменило бы рыночную экономику и заменило ее тоталитарным социализмом².

Следует заметить, что ст. 228 Конституции ЮАР (1996) запрещает местным парламентам устанавливать налоги и сборы, которые могли бы угрожать экономической политике, трансграничному движению товаров, услуг, капитала и рабочей силы.

¹ Положения Хартии основополагающих прав Союза приводятся по изданию: Конституція для Європи. Конституційні акти Європейського Союзу. – К.: Юстініан, 2008.

² См.: Мизес Л. фон. Капіталізм, ринок і свобода // Лібералізм: Антологія. – К.: Смолокип, 2002. – С. 479.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Статья 12

1. Земля, ее недра и другие природные ресурсы Украины являются объектами права собственности Украинского народа.

2. Граждане, иные физические и юридические лица могут пользоваться объектами права собственности Украинского народа на основе настоящей Конституции и закона.

3. Собственность способствует независимости и социальной ответственности лица. Благотворительная деятельность собственника поддерживается Украинским государством. Каждый имеет право быть субъектом и объектом благотворительной деятельности.

4. Все законные собственники равны перед законом, все формы собственности защищаются законом в одинаковой степени.

5. Право собственности на землю гарантируется. Это право приобретается и реализуется государством, гражданами, иными физическими и юридическими лицами в соответствии с настоящей Конституцией.

Ст. 12 проекта Конституции представляет собой модернизированный вариант ст. 13 и 14 действующего Основного Закона. В действующей Конституции говорится о том, что «собственность обязывает». Данное положение является прямым заимствованием из Основного Закона ФРГ (1949). В отличие от действующей Конституции Украины, в проекте утверждается, что собственность «способствует независимости и социальной ответственности» (физического или юридического лица). Это – известная и прозрачная по своему содержанию гегелевская идея.

Статья 13

1. Общественная жизнь в Украине основывается на принципе демократии, политического и идеологического плюрализма.

2. Демократическими признаются решения, принятые без нарушения законных процедур. Нарушение законной процедуры является основанием для признания решения недействительным.

3. Диктатура не признается, пока действует настоящая Конституция.

ПРИЛОЖЕНИЯ

4. Права политических меньшинств гарантируются. Решения, принятые на основе консенсуса, не могут быть отменены волей политического большинства.

5. Для занятия политических должностей принцип профессиональных требований не выдвигается.

*Ст. 13 проекта Конституции посвящается закреплению принципа демократии и политического плюрализма. Она призвана заменить собой положение части второй ст. 15 действующей Конституции о том, что **никакая** идеология не может признаваться государством как обязательная. Но как в таком случае относиться к идеологии самой Конституции Украины? По аналогичной причине в проекте изъято положение части первой ст. 17 действующей Конституции о том, что... обеспечение информационной безопасности является делом всего Украинского народа.*

Статья 14

1. Свобода выражения взглядов (свобода слова) является необходимым предварительным условием осуществления любой политики и права. Она не может быть отменена или ограничена референдумом или Национальным Собранием Украины.

2. Любая цензура запрещается.

Закрепленная в ст. 14 проекта Конституции свобода выражения взглядов (свобода слова) является воплощением современного понимания правильной организации информационных отношений в обществе. Положения ст. 14 проекта означают, что свобода выражения взглядов не может быть упразднена или ограничена Национальным Собранием или общенациональным референдумом Украины. Пока действует данная Конституция, властные институты не могут отменить или ограничить свободу выражения взглядов.

Современный информационный обмен в Интернете осуществляется по модели первой поправки к Конституции США, запрещающей конгрессу принимать законы, ограничивающие свободу

ПРИЛОЖЕНИЯ

слова, печати, совести и петиций. В отличие от Великобритании, где парламент имеет возможность ограничить свободу слова законом, американский подход основывается на том, что свобода слова стоит выше любой политики и права. В стране должна действовать неограниченная свобода слова, а затем на этой основе формироваться политика и право.

Право на свободу выражения взглядов предусматривается также в ст. 31 данного проекта. Однако смысл ст. 14 проекта Конституции заключается в том, чтобы подчеркнуть фундаментальный характер свободы слова, исключить априори возможность ее ограничения или запрета. Речь идет о невозможности ограничения свободы выражения взглядов как одной из главных ценностей Основного Закона. Это не означает, что осуществление свободы слова не может быть частично ограничено в условиях чрезвычайного или военного положения.

Статья 15

1. Внешняя политика Украины направлена на обеспечение ее национальных интересов и безопасности путем поддержания мирного и взаимовыгодного сотрудничества с членами международного сообщества на основе норм международного права.

*Ст. 15 проекта Конституции посвящается внешней политике Украины. Национальные интересы и безопасность Украинского народа рассматриваются в ней как цель внешней политики государства. Как утверждает данная норма, Украина обязуется поддерживать мирное и взаимовыгодное сотрудничество со всеми членами международного сообщества на основе соблюдения требований международного права. При этом понятие **обще-признанных** принципов и норм международного права, которое используется в ст. 18 действующей Конституции, в проекте не используется. По мнению экспертов, данное понятие является недостаточно определенным в юридическом смысле. Подобная формулировка используется в ст. 25 Основного Закона ФРГ (1949) и конституциях некоторых других стран, однако это не делает ее достаточно убедительной.*

ПРИЛОЖЕНИЯ

Раздел II ГОСУДАРСТВЕННЫЕ СИМВОЛЫ

Статья 16

1. Государственными символами Украины являются Государственный Герб Украины, Государственный Флаг Украины и Государственный Гимн Украины.

2. Государственным Гербом Украины является золотой трезубец на синем поле. Государственным Флагом Украины является желто-голубой стяг прямоугольной формы с соотношением сторон 2:3; полоса желтого цвета расположена внизу.

3. Государственным Гимном Украины является гимн «Ще не вмерла України».

4. Порядок использования государственных символов Украины определяется законом.

Ст. 16 проекта Конституции посвящается государственным символам Украины. Новым в ней является то, что проект откачивается от закрепления и описания большого герба Украины. В проекте изъято также положение действующей Конституции Украины о том, что закон о государственной символике принимается не менее чем двумя третями от конституционного состава парламента Украины.

Проект Конституции возвращается к старой редакции национального гимна Украины. В ст. 16 отмечается, что Государственным Гимном Украины является национальный гимн: «Ще не вмерла України». Такой подход объясняется соображениями целостности литературной формы. Имевшее место в Украине коллективное творчество депутатов в части «исправления» и «улучшения» классических литературных образцов оправдать вряд ли возможно.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Раздел III

ПРАВА, ОСНОВНЫЕ СВОБОДЫ, ОБЯЗАННОСТИ

Раздел III проекта Основного Закона о правах и свободах назван по-новому: права, основные свободы, обязанности. Такой подход объясняется тем, что в проекте используется терминология официального перевода европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод (1950).

Важным является также и то, что европейский документ предусматривает защиту прав и свобод не только физических, но и юридических лиц. В ст. 10 Конвенции говорится о свободе выражения взглядов, которая касается защиты прав не только индивидов, но и газет, средств массовой информации в целом. Кроме того, в разделе III проекта речь идет не только об обязанностях человека, но также и об обязанностях государства, его органов, органов местного самоуправления и юридических лиц.

Статья 17

1. Человеческое достоинство нерушимо.
2. Все люди являются свободными и равными в своем достоинстве и правах.
3. Права человека и основные свободы являются неотчуждаемыми и нерушимыми.
4. При принятии новых законов и при внесении изменений в действующие законы не допускается нарушение конституционных прав человека и основных свобод.
5. Права человека и основные свободы, закрепленные настоящей Конституцией, не являются исчерпывающими.
6. Некоторые права, основные свободы и обязанности могут принадлежать также юридическим лицам.

Ст. 17 проекта Конституции посвящается защите человеческого достоинства. Во многом она повторяет содержание ст. 21–22 действующей Конституции Украины, однако начинается с новой формулы: достоинство человека – нерушимо. Аналогичная формулировка нормы используется в статье II-61 Хар-

ПРИЛОЖЕНИЯ

тии основополагающих прав Союза¹. Вместе с тем из проекта изъято записанное в действующей Конституции положение о том, что существующие права человека и основные свободы не могут быть сужены или отменены.

Поскольку проект Конституции утверждает, что права и свободы не являются исчерпывающими, это означает, что они существуют независимо от намерений законодателя. Кроме того, нерушимость прав и свобод, о которой говорится в ст. 17 проекта, означает на языке права также невозможность их сужения или отмены.

Как принято в международной практике, некоторые субъективные права, свободы и обязанности могут принадлежать также юридическим лицам, что специально оговаривается в части шестой ст. 17 проекта.

Статья 18

1. Закрепленные в настоящей Конституции права человека и основные свободы не могут рассматриваться в качестве ограничения или нарушения прав и основных свобод, признанных международными договорами Украины.

2. Все возможные ограничения в осуществлении предусмотренных настоящей Конституцией прав и основных свобод должны:

- 1) быть необходимыми в демократическом обществе;
- 2) предусматриваться законом;
- 3) точно соответствовать целям, ради достижения которых они применяются.

Наличие ст. 18 в проекте Конституции объясняется тем обстоятельством, что на Украину возложены обязательства по выполнению требований Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах (1966).

Данный документ в части первой ст. 5 говорит о том, что «ничто в настоящем Пакте не может толковаться как означающее, что какое-либо государство, какая-либо группа или

¹ В проекте Конституции использованы отдельные положения Хартии основополагающих прав Союза, на которую ссылается Лиссабонский договор, ратифицированный государствами-членами Европейского Союза.

ПРИЛОЖЕНИЯ

какое-либо лицо имеет право заниматься какой бы то ни было деятельностью или совершать какие бы то ни было действия, направленные на уничтожение любых прав или свобод, признанных в настоящем Пакте, или на ограничение их в большей мере, чем предусматривается в настоящем Пакте». Таким образом, ст. 18 проекта является юридическим средством, устанавливающим соотношение украинского законодательства о правах человека с действующими в Украине нормами международного права.

Часть вторая ст. 18 представляет собой перечень стандартных требований, применяемых Европейским судом по правам человека в Страсбурге для проверки обоснованности наложения ограничений на осуществление предусмотренных Конвенцией (1950) и факультативными протоколами к ней прав и свобод.

Статья 19

1. Каждый имеет право на свободное развитие.
2. Никто не должен содержаться в рабстве или подневольном состоянии. Торговля людьми запрещена.
3. Никого нельзя принуждать делать то, что не предусмотрено законом.
4. Реализация признанных Украиной прав человека и основных свобод обеспечивается без дискриминации по признакам пола, расы, цвета кожи, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, принадлежности к национальным меньшинствам, имущественного положения, рождения или по любым иным признакам.
5. Государство гарантирует защиту от дискриминации по признакам, указанным в части четвертой настоящей статьи.

Ст. 19 проекта Конституции посвящается праву на свободное развитие, которое в действующем Основном Законе предусмотрено в ст. 23. В отличие от действующей нормы, новая версия является более широкой по своему регулятивному потенциалу. Она включает в себя также предусмотренный ст. 4 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (1950) запрет рабства и принудительного труда.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Кроме того, ст. 19 проекта включает содержание ст. 24 действующей Конституции, запрещающей дискриминацию. Именно из права на свободное развитие логично вытекает запрещение рабства, дискриминации и иных незаконных способов принудительного воздействия на личность.

Представляется также, что норма о праве на свободное развитие должна опираться на объединенные в одну группу гарантии. Запрещение дискриминации изложено в проекте в соответствии с редакцией ст. 14 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (1950).

Статья 20

1. Равенство прав женщины и мужчины обеспечивается: предоставлением женщинам равных с мужчинами возможностей в общественно-политической и культурной деятельности, в получении образования и профессиональной подготовки, в труде и вознаграждении за него; специальными мерами по охране труда и здоровья женщин, установлением пенсионных льгот; созданием условий, дающих женщинам возможность сочетать работу с материнством; правовой защитой, материальной и моральной поддержкой материнства и детства, включая предоставление оплачиваемых отпусков и иных льгот беременным женщинам и матерям.

Ст. 20 проекта Конституции посвящается принципу равенства прав женщины и мужчины. Фактически она повторяет часть третью ст. 24 действующего Основного Закона.

Статья 21

1. Граждане Украины имеют равные конституционные права и основные свободы и равны перед законом.

2. Граждане Украины не могут быть лишены гражданства и права изменить гражданство.

3. Граждане Украины не могут быть выдворены за пределы Украины или выданы иностранному государству, если это не вытекает из международных обязательств Украины.

ПРИЛОЖЕНИЯ

4. Граждане Украины, находящиеся за границей, могут в любое время беспрепятственно возвратиться в Украину.

5. Государство гарантирует заботу и защиту гражданам Украины, находящимся за ее пределами.

В ст. 21 проекта Конституции содержатся гарантии конституционного статуса граждан Украины: равенство перед законом, запрещение принудительного лишения гражданства, запрещение выдворения граждан за пределы Украины и выдачи их иностранному государству. Тем не менее, содержание данной статьи несколько отличается от ст. 25 действующей Конституции Украины.

В частности, ст. 21 проекта предусматривает возможность выдачи граждан Украины иностранному государству, если это вытекает из действующих международных обязательств Украины.

Ст. 21 проекта включает в себя также принцип равенства граждан перед законом, который перенесен сюда из части первой ст. 24 действующей Конституции. Следует подчеркнуть, что запрещение дискриминации касается не только граждан Украины, но также всех физических лиц.

Статья 22

1. Иностранцы и лица без гражданства, пребывающие в Украине на законных основаниях, пользуются теми же правами и основными свободами и несут такие же обязанности, что и граждане Украины, – за исключениями, установленными настоящей Конституцией, законами или международными договорами Украины.

2. Коллективная высылка иностранцев с территории Украины запрещена.

3. Иностранцы, законно пребывающие на территории Украины, могут быть высланы за ее пределы только на законных основаниях. При этом они имеют право:

- 1) приводить доводы против своей высылки;
- 2) требовать судебного разбирательства своего дела;

ПРИЛОЖЕНИЯ

3) предстать перед органом или должностным лицом, уполномоченным решать данный вопрос.

4. Иностранец может быть выслан до того, как он осуществил права, предусмотренные пунктами 1, 2, 3 части третьей настоящей статьи, если высылка является необходимой в интересах обеспечения национальной безопасности или общественного порядка.

5. Иностранцам и лицам без гражданства может быть предоставлен статус беженцев или убежище в порядке, установленном законом.

6. Никто не может быть перемещен, выслан или выдан государству, где существует реальная угроза применения к нему смертной казни, истязания или иного нечеловеческого или унижающего человеческое достоинство обращения или наказания.

Ст. 22 проекта Конституции посвящается основам конституционного статуса иностранцев и лиц без гражданства, которые пребывают на законных основаниях на территории Украины. Данная статья частично охватывает содержание ст. 26 действующего Основного Закона, а также включает положения ст. 4 Протокола № 4 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод (1950) с изменениями, внесенными в нее Протоколом № 11. Речь идет о запрете коллективной высылки иностранцев.

Ст. 22 проекта включает также требование ст. 1 Протокола № 7 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод (1950) относительно процессуальных гарантий осуществления прав иностранцев. Закрепление этих гарантий в Конституции важно, поскольку количество иностранцев в Украине постоянно увеличивается. Проблемы их жизни постепенно становятся частью социальной действительности Украины.

Часть шестая ст. 22 проекта отвечает требованиям части второй ст. II-79 Хартии основополагающих прав Союза.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Статья 23

1. Каждый человек имеет право на жизнь.
2. Государство обязано защищать жизнь человека.
3. Никто в Украине не может быть приговорен к смертной казни или казнен.
4. Каждый имеет право защищать свою и чужую жизнь от противоправных посягательств.
5. Приобретение оружия с целью защиты себя и своей семьи от противоправных посягательств регулируется законом.

Ст. 23 проекта Конституции посвящается праву на жизнь, которое в действующей Конституции закреплялось еще в то время, когда в Украине приводилась в исполнение смертная казнь. Новая редакция права на жизнь приведена в соответствие с требованиями ст. 1 Протокола № 13 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод (1950), которая требует полной отмены смертной казни. Таким образом, данная статья проекта о запрещении смертной казни приведена в соответствие с европейскими стандартами.

Новеллой ст. 23 проекта Конституции является право на приобретение оружия с целью защиты себя и своей семьи. Известно, что право на приобретение оружия в Украине воспринимается неоднозначно. Вместе с тем отношение многих стран к данному праву является положительным. Часть четвертая ст. 23 проекта предусматривает установление законной процедуры реализации права на приобретение оружия в Украине.

Право на приобретение оружия предусмотрено второй поправкой к Конституции США, где оно закрепляется с целью защиты «свободного государства», то есть по политическим соображениям. Аргументом в пользу конституционного закрепления права на приобретение оружия является и то, что граждане Украины не всегда могут рассчитывать на эффективную защиту со стороны полиции (милиции). Оружие в качестве инструмента самозащиты необходимо бизнесменам, журналистам, работникам правоохранительных органов, фермерам, коллекционерам, пожилым людям и др.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Статья 24

1. Каждый имеет право на уважение и защиту своего достоинства.
2. Никто не может быть подвергнут пыткам, жестокому, нечеловеческому или унижающему его достоинство обращению или наказанию.
3. Пребывание в местах лишения свободы не является основанием для унижения человеческого достоинства.
4. Каждый имеет право на уважение своей физической и духовной целостности. Никто без его добровольного согласия не может быть подвергнут медицинским, научным или иным опытам и экспериментам.

Ст. 24 проекта Конституции закрепляет принцип уважения человеческого достоинства. Она включает норму о запрещении пыток и иного, унижающего человеческое достоинство обращения или наказания. Редакция ст. 24 проекта отвечает положениям ст. 3 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (1950).

Новеллой данной статьи является включение в нее права на уважение физической и духовной целостности человека. Такое правило закреплено пунктом 1 ст. II-63 Хартии основополагающих прав Союза в виде права на уважение к физической и психической целостности индивида. Остальные положения ст. 24 проекта Конституции соответствуют положениям ст. 28 действующего Основного Закона.

Как известно, часть первая ст. 104 Основного Закона ФРГ (1949) говорит о том, что задержанные лица не могут быть подвергнуты жестокому обращению в моральном или физическом смысле, а ст. 18 Конституции Аргентины (1853) требует, чтобы пенитенциарные учреждения страны содержались в чистоте и не создавали угрозы человеческому здоровью.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Статья 25

1. Каждый человек имеет право на свободу, безопасность и личную неприкосновенность. Никто не может быть лишен свободы, за исключением таких случаев и в порядке, установленном законом:

1) законное лишение свободы по приговору суда;

2) законный арест или задержание лица за невыполнение законного решения суда или с целью обеспечения выполнения обязанности, установленной законом;

3) законный арест или задержание лица с целью, чтобы оно предстало перед судом по обоснованному подозрению в совершении преступления или правонарушения, или в случае, когда имеются основания предотвратить совершение им преступления или правонарушения или помешать скрыться после его совершения;

4) задержание несовершеннолетнего лица на основании законного решения с целью применения к нему надзорных мер воспитательного характера или его законное задержание, произведенное для того, чтобы оно предстало перед компетентным органом;

5) законное задержание лиц с целью предотвращения распространения инфекционных заболеваний, а также законное задержание душевнобольных, алкоголиков, наркоманов или бродяг;

6) законный арест или задержание лица с целью предотвращения его незаконного въезда в страну, а также лица, в отношении которого осуществляется процедура высылки или выдачи.

2. Каждый арестованный или задержанный должен быть незамедлительно проинформирован на понятном ему языке о причинах его ареста или задержания, а также о характере выдвинутого против него обвинения.

3. Каждый арестованный или задержанный на основании пункта 3 части первой настоящей статьи должен незамедлительно предстать перед судьей, и ему должно быть обеспечено судебное разбирательство в разумные сроки или освобождение до рассмотрения дела в суде. Такое освобождение может быть обусловлено предоставлением гарантий для явки в суд.

4. Каждый, кто был лишен свободы в результате ареста или содержания под стражей, имеет право инициировать судебное разби-

ПРИЛОЖЕНИЯ

рательство, в ходе которого суд незамедлительно устанавливает или проверяет законность задержания и принимает решение об освобождении, если задержание было незаконным.

5. В случае настоятельной необходимости предотвратить преступление или пресечь его уполномоченные на то законом органы могут применить содержание лица под стражей в качестве временной меры пресечения, обоснованность которой в течение сорока восьми часов должна быть проверена судом. Задержанное лицо немедленно освобождается, если в течение сорока восьми часов с момента задержания ему не было вручено мотивированное решение суда о содержании под стражей.

6. Каждому арестованному или задержанному лицу должна быть вручена перед арестом или задержанием «Карточка гарантий прав лица, чья свобода ограничивается». Невыполнение данного правила является основанием для реабилитации арестованного или задержанного.

7. Каждому арестованному или задержанному лицу должны быть незамедлительно разъяснены на понятном ему языке его права и предоставлена возможность с момента задержания защищать себя лично, а также пользоваться правовой помощью защитника.

8. Каждый арестованный или задержанный имеет право на личную встречу с судьей по поводу обжалования условий его ареста, задержания или содержания под стражей.

9. Об аресте и задержании лица должны быть незамедлительно извещены родственники или иные, близкие к арестованному или задержанному лицу люди. Каждый арестованный или задержанный имеет право незамедлительно сообщить своим родственникам или близким ему людям о своем положении.

10. Каждый потерпевший от задержания или содержания под стражей, произведенного в нарушение требований настоящей статьи, имеет право на возмещение причиненного ему морального и материального ущерба.

Ст. 25 проекта Конституции посвящается праву человека на свободу, безопасность и личную неприкосновенность. Будучи близкой по содержанию к ст. 29 действующей Конституции, она представляет собой редакцию классической европейской нормы.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Формулировка данного права приведена в соответствии с переводом ст. 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (1950). Новая редакция статьи является более широкой по сравнению с содержанием действующей нормы.

В частности, ст. 25 проекта предусматривает новое положение о том, что каждый арестованный или задержанный обязан получить перед арестом или задержанием «Карточку гарантий прав лица, чья свобода ограничивается». Пренебрежение данным правилом является основанием для реабилитации арестованного или задержанного. Данное положение внесено в проект на основе результатов анализа практики арестов и задержаний в Украине. Оно оправдано с точки зрения современных стандартов защиты прав и свобод человека.

Новая редакция нормы предусматривает также правило о том, чтобы о задержании лица были проинформированы не только родственники задержанного (действующая норма), но также (в случае отсутствия родственников) иные близкие к задержанному люди. Подобная практика является ныне достаточно распространенной. Например, часть четвертая ст. 104 Основного Закона ФРГ (1949) говорит в подобном случае о «доверенном лице». В свою очередь, ст. 5 Конституции Бразилии (1988) требует, чтобы об аресте лица были поставлены в известность его родственники или **иные, указанные арестованным, лица**.

Статья 26

1. Каждому гарантируется неприкосновенность его жилища или иного законного владения.
2. Не допускается проникновение в жилище или иное законное владение лица, проведение в них осмотра или обыска иначе как по мотивированному решению суда на основе закона.
3. Арест, осмотр и обыск в ночное время в жилище или ином законном владении лица запрещены.
4. В неотложных случаях, связанных со спасением жизни людей и имущества либо с непосредственным преследованием лиц, подозреваемых в совершении преступления, возможен иной, установленный

ПРИЛОЖЕНИЯ

законом порядок проникновения в жилище или иное законное владение лица, проведение в них осмотра и обыска.

Ст. 26 проекта Конституции является обновленной версией ст. 30 действующего Основного Закона. В ней изложено новое положение о том, что арест, осмотр и обыск в ночное время запрещаются. Подобное правило известно зарубежному законодательству. Граждане Украины старшего поколения помнят абсурдную жестокость ночных арестов, проводившихся в 30-е годы XX века. Примечательно, что «ночное вторжение в жилище» (с орденом) запрещено Конституцией Бразилии (1988).

Проект Конституции использует понятие «иногое законного владения лица». Данное понятие обозначает такие объекты как служебный офис, гараж, творческая мастерская и т.п.

Статья 27

1. Каждому гарантируется тайна переписки, телефонных переговоров, телеграфной, электронной и иной корреспонденции.

2. Исключения могут быть установлены только судом в случаях, предусмотренных законом, при условии, что они являются необходимыми в демократическом обществе с целью предотвращения преступления или установления истины при расследовании уголовного дела, если иными способами получить информацию невозможно.

Требования ст. 27 проекта Конституции являются в современных условиях самоочевидными и не требуют комментариев. Редакция статьи является модернизированной версией ст. 31 действующего Основного Закона.

Статья 28

1. Никто не может подвергаться вмешательству в его личную и семейную жизнь, кроме случаев, предусмотренных настоящей Конституцией.

2. Каждый имеет право на защиту персональных данных (сведений о себе).

ПРИЛОЖЕНИЯ

3. Не допускается сбор, хранение, использование и распространение персональных данных о лице без его согласия, кроме случаев, определенных законом, и только в интересах национальной безопасности или защиты прав и свобод других лиц.

4. Персональные данные могут использоваться только в предусмотренных законом целях.

5. Каждый имеет право знакомиться в органах государственной власти, органах местного самоуправления, учреждениях и организациях всех форм собственности со сведениями о себе.

6. Каждому гарантируется право опровергать недостоверную информацию о себе и членах своей семьи и право требовать изъятия такой информации, а также право на возмещение материального и морального ущерба, причиненного сбором, хранением, использованием и распространением недостоверной информации.

Ст. 28 проекта Конституции использует понятие «персональных данных» вместо понятия «конфиденциальной информации». Персональные данные – это термин специального назначения. Он охватывает не всю конфиденциальную информацию, а лишь ее конкретную разновидность. Понятие персональных данных известно европейскому законодательству. Ст. 28 проекта является модернизированной версией ст. 32 действующей Конституции. Новая редакция нормы опирается также на перевод ст. 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (1950).

Статья 29

1. Каждому, кто на законных основаниях находится в Украине, гарантируется свобода передвижения, свободный выбор места жительства, право свободно покидать территорию Украины.

2. На осуществление этих прав и свобод не могут быть установлены иные ограничения, кроме тех, которые предусмотрены законом и являются необходимыми в демократическом обществе в интересах национальной безопасности, поддержания общественного порядка, предотвращения преступлений, охраны здоровья или защиты нравственности населения или защиты прав и свобод других лиц.

ПРИЛОЖЕНИЯ

3. Права и свободы, предусмотренные частью первой настоящей статьи, могут в отдельных местностях подлежать дополнительным ограничениям, установленным законом.

Ст. 29 проекта Конституции является близкой по содержанию к ст. 33 действующего Основного Закона. Ее форма соответствует требованиям ст. 2 Протокола № 4 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод (1950), который гарантирует права и свободы, ранее не предусмотренные Конвенцией и факультативным Протоколом № 1 к ней. Особенно важным является содержание части четвертой ст. 2 факультативного Протокола № 4 (часть третья ст. 29 проекта).

Статья 30

1. Каждый имеет право на свободу мысли, совести и религии; это право включает в себя свободу изменять свою религию или убеждения, а также свободу исповедовать свою религию или убеждения во время богослужения, обучения, исполнения и соблюдения религиозной практики и ритуальных обрядов, как единолично, так и совместно с другими, как публичным, так и частным образом.

2. Свобода исповедовать свою религию или убеждения может подлежать ограничениям, которые предусмотрены законом и являются необходимыми в демократическом обществе в интересах национальной безопасности, охраны общественного порядка, здоровья и нравственности населения, защиты прав и свобод других лиц.

3. Церковь и религиозные организации в Украине отделены от государства, а государственные школы – от церкви. Никакая религия или мировоззрение не могут признаваться государством обязательными. Все вероисповедания равны перед законом.

4. Никто не может быть освобожден от своих конституционных обязанностей или отказаться от исполнения закона из-за религиозных или иных убеждений. В случае, когда исполнение воинской обязанности противоречит религиозным или иным убеждениям гражданина, оно может быть заменено альтернативной (невоенной) службой или работой.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Ст. 30 проекта Конституции соответствует переводу ст. 9 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (1950). Данная статья является обновленной версией ст. 35 действующей Конституции.

*Разница между европейским и украинским подходом к свободе совести существенна. В частности, в Конвенции о защите прав человека и основных свобод (1950) речь идет о возможности установления только тех ограничений на реализацию данного права, которые являются необходимыми в **демократическом обществе**. Существующая редакция данной нормы (и других норм этого типа) в Украине такого условия пока не содержит. Поэтому заполнение подобного юридического пробела является принципиально важным.*

Статья 31

1. Каждый имеет право на свободу выражения своего мнения. Это право включает свободу придерживаться своего мнения, получать и распространять информацию и идеи без вмешательства со стороны государственных органов и независимо от границ. Настоящая статья не препятствует государству вводить лицензирование радиовещательных, телевизионных и кинематографических предприятий.

2. Осуществление этих свобод, поскольку оно связано с обязанностями и ответственностью, может подлежать таким формальностям, условиям, ограничениям или санкциям, которые предусмотрены законом и являются необходимыми в демократическом обществе в интересах национальной безопасности, территориальной целостности или общественного порядка, для предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья населения, защиты репутации или прав других лиц, для предотвращения разглашения информации с ограниченным доступом или для обеспечения беспристрастности правосудия.

3. Выражение взглядов в литературе, искусстве и научных исследованиях является свободным и не допускает каких-либо ограничений.

4. Свобода и плюрализм средств массовой информации гарантируются.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Ст. 31 проекта Конституции говорит о свободе выражения взглядов. В первых трех частях данная статья является воспроизведением перевода ст. 10 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (1950). Европейская версия свободы слова (выражения взглядов) существенно уступает первой поправке к Конституции США, однако является гораздо более совершенной по сравнению с редакцией ст. 34 действующей Конституции.

Ст. 31 проекта включает важные положения статьи II-73 Хартии основополагающих прав Союза, которыми предусматриваются дополнительные гарантии свободы выражения взглядов в сфере науки, литературы и искусства. Как утверждается в Хартии, литература, искусство и научные исследования являются свободными от любых ограничений.

Наука и искусство провозглашены полностью свободными в решениях Верховного Суда США. Развернутое содержание академической свободы определено здесь также на законодательном (судебный прецедент) уровне. В настоящем проекте понятие академической свободы используется едва ли не впервые в Украине. Содержание части четвертой ст. 31 проекта Конституции максимально приближено к редакции части второй ст. II-71 Хартии основополагающих прав Союза.

Статья 32

1. Каждый имеет право на доступ к официальным документам и иной информации о деятельности органов государственной власти и местного самоуправления, их должностных и служебных лиц. Осуществление настоящего права предусматривает возможность обращения с информационными запросами или получения информации иным способом – по выбору запрашивающего.

2. Органы государственной власти и местного самоуправления, их должностные и служебные лица обязаны предоставлять имеющиеся в их распоряжении сведения по информационным запросам, регулярно информировать граждан о своей деятельности.

3. Осуществление настоящего права, поскольку оно связано с обязанностями и ответственностью, может подлежать таким формальностям, условиям, ограничениям или санкциям, которые пред-

ПРИЛОЖЕНИЯ

усмотрены законом и являются необходимыми в демократическом обществе в интересах национальной безопасности, защиты репутации или прав других лиц, предотвращения разглашения информации с ограниченным доступом или для обеспечения беспристрастности правосудия, если вред от раскрытия данной информации превышает выгоду общественности от ознакомления с ней.

Ст. 32 проекта является новеллой украинского конституционного законодательства. Она закрепляет право физических и юридических лиц на доступ к информации о деятельности органов государственной власти и местного самоуправления. Право на доступ к публичной информации существует в мире давно и предусматривается законодательством более 70 стран.

Данное право является классическим элементом законодательства в либерально-демократических странах. В США праву на доступ к информации посвящены законы «О свободе информации» (1966), «О конфиденциальности» (1974), «О правительстве в солнечном свете» (1976). В Швеции право граждан на доступ к публичной информации было закреплено в законодательстве еще в XVIII веке.

Каждый имеет право на доступ к правительственным документам и базам данных, которые его касаются, – гласит часть третья ст. 51 Конституции Польши (1997). А ст. 39 Конституции Бразилии (1988) утверждает, что исполнительная, законодательная и судебная ветви власти обязаны ежегодно обнародовать размеры денежных выплат и вознаграждений для всех государственных должностных лиц страны.

Статья 32 Конституции ЮАР (1986) предусматривает, что каждый имеет право доступа к любой информации, которой владеет государство. Кроме того, часть вторая ст. 72 Конституции ЮАР запрещает удалять публику и журналистов с заседаний местных исполнительных органов, «если для этого нет оснований в открытом и демократическом обществе». В Украине право на доступ к публичной информации предусматривается на уровне закона, однако специально не упоминается в действующей Конституции (1996).

ПРИЛОЖЕНИЯ

Предложенная в ст. 32 проекта редакция права на доступ к информации является результатом научных разработок. В частности, в проекте использована модель субъективного конституционного права на доступ к информации, изложенная в публикациях О. Нестеренко (2008).

Статья 33

1. Граждане Украины, а также иные приравненные законом к ним лица имеют право на свободу объединения в политические партии, движения, иные общественные организации для осуществления и защиты своих, а также принадлежащих другим лицам прав и свобод, удовлетворения политических, экономических, социальных, культурных и иных законных интересов, за исключением ограничений, предусмотренных законом и необходимых в демократическом обществе в интересах национальной безопасности и общественного порядка, охраны здоровья населения или защиты прав и свобод других лиц.
2. Право вступать в общественные объединения принадлежит каждому.
3. Никто не может быть ограничен в своих правах и свободах из-за принадлежности или непринадлежности к политическим партиям, движениям или иным общественным объединениям.
4. Никто не может быть принужден к вступлению в партию, движение или иное общественное объединение.

Содержание ст. 33 данного проекта соответствует требованиям ст. 8 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах (1966). Формулировка нормы отвечает требованиям ст. 11 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (1950), ст. II-72 Хартии основополагающих прав Союза.

Статья 34

1. Деятельность политических партий, движений и иных общественных организаций, направленная на ликвидацию независимости

ПРИЛОЖЕНИЯ

Украины, изменение основ конституционного строя насильственным путем, нарушение суверенитета и территориальной целостности Украины, подрыв национальной безопасности, незаконный захват государственной власти, пропаганду войны, насилия, разжигание межнациональной, расовой, религиозной розни, посягательства на права и основные свободы человека, здоровье населения, запрещается.

2. Политические партии, движения, иные общественные организации не могут иметь военизированных формирований.

3. Не допускается создание и деятельность организационных структур политических партий и движений в органах государственной исполнительной власти, органах судебной власти, исполнительных органах местного самоуправления, Вооруженных Силах Украины, иных воинских и вооруженных формированиях, а также на государственных предприятиях, в учреждениях и организациях.

4. Не допускается создание и деятельность организационных структур политических партий и движений в учебных заведениях Украины.

5. Запрещение деятельности политических партий, движений, иных общественных организаций осуществляется исключительно в судебном порядке.

6. Создание политических партий, движений, иных общественных организаций является свободным и не подлежит государственной регистрации.

*Ст. 34 проекта Конституции является близкой по содержанию к ст. 37 действующего Основного Закона и в подробных объяснениях не нуждается. Но если действующая Конституция запрещает создание партий, программные цели которых направлены на запрещенную Основным Законом деятельность, то в проекте Конституции запрещается только **деятельность** подобного рода.*

Новая редакция нормы не предусматривает санкций за преступные намерения. В проекте говорится также о запрете создания и деятельности организационных структур политических партий и движений в учебных заведениях Украины. Ныне действующая редакция нормы говорит о запрете создания струк-

ПРИЛОЖЕНИЯ

тур политических партий только в государственных учебных заведениях.

Новым является в проекте (часть шестая ст. 34) и отказ от требования государственной регистрации политических партий и движений. Существующая процедура регистрации партий является формой государственного контроля за политическими взглядами граждан.

Статья 35

1. Каждый имеет право на участие в профессиональных союзах с целью защиты своих прав и законных интересов. Профессиональные союзы объединяют лиц, связанных общими интересами по роду их профессиональной деятельности.

2. Создание профессиональных союзов является свободным и не подлежит государственной регистрации.

3. Профессиональные союзы равны перед законом.

4. Членство в профессиональных союзах не подлежит ограничению, за исключением предусматривающихся законом и являющихся необходимыми в демократическом обществе в интересах национальной безопасности или общественного порядка, защиты прав и свобод других лиц.

5. Профессиональным союзам принадлежит право создавать национальные федерации профсоюзов, которые могут участвовать в создании международных профсоюзных организаций или присоединяться к ним.

6. Никто не может быть принужден к вступлению или выходу из профсоюза.

Ст. 35 проекта во многом соответствует содержанию ст. 36 действующей Конституции. Кроме того, проект предусматривает профсоюзную защиту не только социально-экономических, но также и иных прав и законных интересов индивидов.

Новеллой в данной статье является и то, что право на объединение в профсоюзы дополняется их правом создавать национальные федерации профсоюзов и вступать в международные профсоюзные организации. Ранее это право признавалось в

ПРИЛОЖЕНИЯ

Украине на уровне международных договоров. Новым в проекте является также положение о том, что никто не может быть принужден к вступлению в профсоюз. Проект допускает также иные законные способы защиты работниками своих прав.

В ст. 35 проекта содержится запрет государственной регистрации профсоюзов. Аналогичный подход является типичным в современных развитых странах.

Статья 36

1. Граждане, а также иные приравненные законом к ним лица имеют право принимать участие в управлении государственными и общественными делами, во всеукраинском и местном референдумах, свободно избирать и быть избранными в органы государственной власти и органы местного самоуправления.

2. Граждане, а также иные приравненные законом к ним лица пользуются равным доступом к занятию должностей на государственной службе, а также на службе в органах местного самоуправления.

Ст. 36 проекта Конституции существенно расширяет содержание ст. 38 действующего Основного Закона. Проект предусматривает возможность участия в государственной и общественной жизни некоторых категорий иностранцев и апатридов. В новой редакции нормы используются также более четкие юридические формулировки (часть вторая ст. 36 проекта).

Статья 37

1. Граждане имеют право собираться мирно, без оружия и проводить собрания, митинги, шествия и демонстрации, устраивать пикеты и городки, о чем они заблаговременно уведомляют органы государственной исполнительной власти или местного самоуправления.

2. Осуществление этого права может подлежать ограничениям, которые предусмотрены законом и являются необходимыми в демократическом обществе в интересах национальной безопасности или общественного порядка – с целью предотвращения беспорядков или

ПРИЛОЖЕНИЯ

преступлений, для охраны здоровья населения, защиты прав и свобод других лиц.

Ст. 37 проекта Конституции является обновленной версией ст. 39 действующего Основного Закона. Ее содержание приведено в соответствии со ст. 11 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (1950) и ст. 21 Международного пакта о гражданских и политических правах (1966). В ст. 36 проекта упоминается также о правовом режиме пикетов и палаточных городков.

Как свидетельствует международный опыт, установление демонстрационных пикетов не требует специального уведомления органов государственной власти или органов местного самоуправления. В целом положения ст. 36 проекта соответствуют существующим европейским стандартам. Как утверждает в части второй ст. 17 Конституции Италии (1947), для проведения собраний, включая также собрания в открытых для публики местах, предварительного уведомления властей не требуется.

Статья 38

1. Все имеют право направлять индивидуальные или коллективные письменные обращения, либо лично обращаться к органам государственной власти, органам местного самоуправления, должностным и служебным лицам этих органов, которые обязаны рассмотреть обращение и дать обоснованный ответ в установленный законом срок.

Ст. 38 проекта Конституции повторяет содержание ст. 40 действующего Основного Закона и на этом основании в комментариях не нуждается.

Статья 39

1. Право частной собственности – нерушимо.
2. Каждый имеет право мирно владеть своим имуществом. Никто не может быть лишен своей собственности иначе, чем в обществен-

ПРИЛОЖЕНИЯ

ных интересах, судом и на условиях, прямо предусмотренных законом.

3. Каждый имеет право владеть, пользоваться и распоряжаться своей собственностью, результатами своей интеллектуальной, творческой деятельности.

4. Каждый имеет право пользоваться объектами права государственной и коммунальной собственности в соответствии с законом.

5. Принудительное отчуждение объектов права частной собственности может быть произведено только судом в случае высшей государственной необходимости на основании и в порядке, установленном законом с предварительным и полным возмещением их рыночной стоимости.

6. Принудительное отчуждение объектов права частной собственности с последующим полным возмещением их рыночной стоимости допускается только в условиях военного или чрезвычайного положения.

7. Конфискация имущества может быть применена только по решению суда в случаях, объеме и порядке, установленных законом.

8. Использование собственности не должно вредить осуществлению прав человека и основных свобод, принадлежащих другим лицам, ущемлять интересы общества, ухудшать состояние окружающей природной среды и природные качества земли.

*Ст. 39 проекта Конституции отвечает содержанию ст. 41 действующего Основного Закона. Кроме того, обновленная редакция данной нормы максимально приближена к требованиям ст. 1 Протокола к Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 20 марта 1952 г. с изменениями, внесенными Протоколом № 11. Если в действующем Основном Законе употребляется формула: предварительное и полное возмещение **стоимости** принудительно отчуждаемых объектов, то в новой редакции частей пятой и шестой ст. 38 проекта предусматривается предварительное и полное **возмещение рыночной стоимости** отчуждаемых объектов.*

Попутно отметим, что ст. 25 Конституции ЮАР (1996) требует, чтобы в случае экспроприации объектов частной соб-

ПРИЛОЖЕНИЯ

ственности учитывались... «история приобретения собственности и... ее **рыночная стоимость**».

Статья 40

1. Каждый имеет право на предпринимательскую деятельность.
2. Предпринимательская деятельность депутатов, должностных и служебных лиц органов государственной власти и органов местного самоуправления ограничивается законом.
3. Государство обеспечивает защиту честной конкуренции. Не допускаются злоупотребление монопольным положением на рынке, неправомерное ограничение конкуренции и недобросовестная конкуренция.
4. Виды и пределы допустимой монополии определяются законом.
5. Государство защищает права потребителей, контролирует качество и безопасность продукции, а также всех видов услуг и работ, содействует деятельности общественных организаций потребителей.

*Ст. 40 проекта Конституции соответствует в основном ст. 42 действующего Основного Закона. Разница заключается в том, что новая редакция статьи является более широкой по содержанию. Если в действующей Конституции утверждается, что каждый имеет право на предпринимательскую деятельность, **не запрещенную законом**, то в проекте используется формула: каждый имеет право на предпринимательскую деятельность.*

*С другой стороны, если в части второй ст. 42 действующей Конституции утверждается, что государство обеспечивает защиту конкуренции, то в проекте Конституции утверждается, что государство обеспечивает защиту **честной** конкуренции.*

Статья 41

1. Каждый человек имеет право на труд, что включает возможность зарабатывать себе на жизнь трудом, который он свободно избирает или на который свободно соглашается.

ПРИЛОЖЕНИЯ

2. Государство обязуется в индивидуальном порядке и в порядке международной помощи и сотрудничества в экономической и технической области принять в пределах имеющихся возможностей меры к тому, чтобы постепенно обеспечить полное осуществление настоящего права.

3. Использование принудительного труда запрещается. Не считается принудительным трудом военная или альтернативная (невоенная) служба или работа, а также служба или работа, выполняемая лицом по приговору или иному решению суда, либо в соответствии с законами о военном и чрезвычайном положении.

4. Каждый имеет право на надлежащие, безопасные и здоровые условия труда, на заработную плату не ниже той, которая определена законом.

5. Использование труда женщин и несовершеннолетних на опасных для их здоровья работах запрещается.

6. Государство гарантирует защиту от незаконного увольнения.

7. Право на своевременное получение вознаграждения за труд защищается законом.

8. Молодые люди, принятые на работу, обеспечиваются надлежащими условиями труда в соответствии со своим возрастом и защищаются от экономической эксплуатации и работы, которая может негативно повлиять на их безопасность, здоровье, физическое, духовное или социальное развитие, либо помешать получению ими образования.

Ст. 41 проекта Конституции предусматривает право на труд в редакции, используемой в части первой ст. 2 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах (1966).

Начиная со ст. 41 проекта, открывающей перечень социально-экономических прав, в Конституции используется следующая формула ст. 2 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах (1966): «Государство обязуется в индивидуальном порядке и в порядке международной помощи и сотрудничества в экономической и технической области принять в пределах имеющихся возможностей меры к тому, чтобы постепенно обеспечить полное осуществление настоящего права».

ПРИЛОЖЕНИЯ

Подобный подход к социально-экономическим правам позволяет сделать конституционный текст реалистическим. Социально-экономические права трактуются в нем как общее направление государственной политики в социально-экономической сфере.

Новеллой ст. 40 проекта являются также перенесенные из ст. II-92 Хартии основополагающих прав Союза гарантии трудовых прав молодежи. Речь идет о части восьмой ст. 41 проекта.

Статья 42

1. Каждый имеет право на забастовку для защиты своих прав, свобод и законных интересов.

2. Никто не может быть принужден к участию или неучастию в забастовке.

3. Осуществление настоящего права не подлежит ограничениям, за исключением тех, что предусматриваются законом и являются необходимыми в демократическом обществе в интересах национальной безопасности или общественного порядка, с целью предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья населения, защиты прав и свобод других лиц.

4. Запрещение забастовки возможно только по решению суда на основании закона.

5. Забастовка может быть запрещена не более чем под угрозой локута.

*Ст. 42 проекта Конституции включает в себя новый вариант права на забастовку. Норма изложена в соответствии с частью первой ст. 8 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах (1966). Кроме того, более широким стал перечень законных оснований для забастовки. Если часть первая ст. 44 действующей Конституции предусматривает право на забастовку для защиты только **экономических и социальных** прав и интересов, то часть первая ст. 41 проекта Конституции предусматривает право на забастовку для защиты также иных прав и законных интересов. Опыт Оранжевой революции (2004–2005) свидетельствует о том, что граждане могут обращаться к забастовочным методам также с целью за-*

ПРИЛОЖЕНИЯ

щиты своих политических прав и свобод. Проект Конституции исходит в этой части из современных реалий.

Согласно ст. 42 проекта, право на забастовку не распространяется на должностных и служебных лиц полиции (милиции), Прокуратуры Украины, Службы безопасности Украины и Вооруженных Сил Украины. Основанием для этого служат положения части второй ст. 8 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах (1966).

Статья 43

1. Каждый имеет право на отдых.

2. Это право обеспечивается предоставлением дней еженедельного отдыха, а также оплачиваемого ежегодного отпуска, установлением сокращенного рабочего дня для отдельных профессий и производств, а также сокращением продолжительности работы в ночное время.

3. Максимальная продолжительность рабочего времени, минимальная продолжительность отдыха и оплачиваемого ежегодного отпуска, выходные и праздничные дни, а также иные условия осуществления настоящего права определяются законом.

*Ст. 43 проекта Конституции закрепляет право на отдых. Если действующая Конституция предусматривает, что каждый **работающий** человек имеет право на отдых, то проект ограничивается формулой: каждый имеет право на отдых. Здесь, как и в некоторых других местах проекта, Конституция освобождается от излишнего юридического максимализма.*

Статья 44

1. Граждане, а также иные приравненные законом к ним лица имеют право на социальную защиту, что включает в себя право на обеспечение их в случае полной, частичной или временной потери трудоспособности, потери кормильца, безработицы по не зависящим от них обстоятельствам, а также в старости и иных случаях, предусмотренных законом.

ПРИЛОЖЕНИЯ

2. Это право гарантируется общеобязательным социальным страхованием за счет страховых взносов физических лиц, предприятий, учреждений и организаций, а также бюджетных и иных источников социального обеспечения; созданием сети государственных, коммунальных, частных учреждений для ухода за нетрудоспособными.

3. Пенсии, иные виды социальных выплат и пособий, являющиеся основным источником существования, должны обеспечивать уровень жизни не ниже прожиточного минимума, установленного законом.

4. Государство признает и уважает право людей преклонного возраста на достойную и независимую жизнь, на участие в социальной и культурной жизни.

5. Государство предоставляет людям с физическими недостатками гарантии обеспечения их самостоятельности, социальной и профессиональной интеграции, участия в общественной жизни.

6. Государство обязуется в индивидуальном порядке и в порядке международной помощи и сотрудничества в экономической и технической области принять в пределах имеющихся возможностей меры к тому, чтобы постепенно обеспечить полное осуществление настоящего права.

Ст. 44 проекта Конституции посвящается праву на социальную защиту. Редакция данной нормы приведена в соответствии с требованиями Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах (1966).

В отличие от ст. 46 действующей Конституции, которая предусматривает право на социальную защиту только для граждан Украины, новая редакция данного права распространяется также на иностранцев и апатридов, которые постоянно проживают на законных основаниях в Украине.

Новая редакция статьи включает две новеллы (часть четвертая и пятая ст. 44), содержание которых частично позаимствовано из ст. II-85 и II-86 Хартии основополагающих прав Союза. В первом случае речь идет о праве людей преклонного возраста на достойную и независимую жизнь, участие в социальной и культурной жизни. Во втором – о праве людей с физическими недостатками на гарантии обеспечения их независимости, со-

ПРИЛОЖЕНИЯ

циальной и профессиональной интеграции, участия в общественной жизни.

Статья 45

1. Каждый имеет право на жилище.
2. Государство стремится к созданию условий, при которых каждый будет иметь возможность построить жилище, приобрести его в собственность или взять в аренду.
3. Гражданам, а также иным приравненным законом к ним лицам, которые нуждаются в социальной защите не по своей вине, жилище предоставляется государством и органами местного самоуправления бесплатно либо за доступную для них плату в соответствии с законом.
4. Никто не может быть принудительно лишен жилища иначе, чем по решению суда на основании закона.
5. Государство обязуется в индивидуальном порядке и в порядке международной помощи и сотрудничества в экономической и технической области принять в пределах имеющихся возможностей все меры к тому, чтобы постепенно обеспечить полное осуществление настоящего права.

Редакция ст. 45 проекта Конституции приведена в соответствии с требованиями Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах (1966). Право на жилище выступает в проекте как один из социальных стандартов на перспективу. Данная норма не гарантирует предоставления бесплатного жилища каждому. Она является более реалистической, чем норма существующей Конституции и не компрометирует ее текст.

Ст. 45 проекта включает в себя часть пятую, в которой закреплена формула, сопровождающая весь перечень социально-экономических прав.

Кроме того, если в части второй ст. 47 действующей Конституции говорится о том, что «гражданам, нуждающимся в социальной защите, жилище предоставляется... бесплатно», то в новой редакции статьи говорится о том, что «гражданам,

ПРИЛОЖЕНИЯ

а также иным приравненным законом к ним лицам, которые нуждаются в социальной защите не по своей вине, жилище предоставляется... бесплатно».

Предусмотренное ст. 48 действующей Конституции право на достаточный жизненный уровень для себя и членов своей семьи исключено из проекта Основного Закона. Это право принадлежит гражданам Украины и иным лицам на основании ст. 11 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах (1966). Тем не менее, его наличие в документе, нормы которого рассчитаны на прямое действие и судебную защиту, является недостаточно обоснованным (гарантированным).

Конституция не может обеспечить достойный уровень жизни всему населению Украины. Подобной цели можно достигнуть, лишь освободив экономику и раскрепостив частную инициативу. В настоящих условиях позитивное право на достойный уровень жизни невозможно защитить в суде, а это означает, что его реализация должна происходить в плоскости рыночных отношений.

Статья 46

1. Каждый имеет право на охрану здоровья, медицинскую помощь и медицинское страхование.
2. Охрана здоровья обеспечивается государственным финансированием соответствующих социально-экономических, медико-санитарных и оздоровительно-профилактических программ. Государство создает условия для эффективного и доступного для граждан медицинского обслуживания. Минимальный объем бесплатных медицинских услуг устанавливается законом.
3. Государство оказывает содействие развитию лечебных учреждений всех форм собственности, внедряет и поддерживает медицинское страхование.
4. Государство обязуется в индивидуальном порядке и в порядке международной помощи и сотрудничества в экономической и технической области принять в пределах имеющихся возможностей все меры к тому, чтобы постепенно обеспечить полное осуществление настоящего права.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Редакция ст. 46 проекта Конституции приведена в соответствии с положениями Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах (1966). При этом право на бесплатную охрану здоровья, равно как и право на жилище, излагается в проекте в качестве социальной перспективы. Хотя данная норма не делает бесплатное медицинское обслуживание более доступным, она является реалистичной и не подрывает авторитета Основного Закона.

Общие аргументы относительно данного подхода к социальным правам изложены в комментарии к ст. 45 настоящего проекта.

Статья 47

1. Каждый имеет право на безопасную для жизни и здоровья окружающую среду и на возмещение вреда, причиненного нарушением этого права.

2. Каждому гарантируется свободный доступ к информации о состоянии окружающей среды, о качестве пищевых продуктов и предметов быта, а также право на ее распространение. Такая информация никем не может быть засекречена.

Ст. 47 проекта Конституции является близкой по содержанию к ст. 50 действующего Основного Закона и на этом основании не нуждается в комментариях. Наиболее важные внутренние правомочия данного права получили свое развитие в разделе V (Экологическая безопасность) проекта Конституции Украины.

Статья 48

1. Брак основывается на добровольном согласии лиц. Каждый из супругов имеет равные права и обязанности в браке и семье.

2. Родители обязаны содержать своих детей до их совершеннолетия. Совершеннолетние дети обязаны заботиться о своих нетрудоспособных родителях.

3. Семья, детство, материнство и отцовство охраняются законом.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Ст. 48 проекта Конституции является близкой по содержанию к ст. 51 действующего Основного Закона и на этом основании в специальных комментариях не нуждается. Вместе с тем, существующая редакция нормы: «Брак основывается на добровольном согласии женщины и мужчины» подверглась в проекте изменению. Новая редакция выглядит так: «Брак основывается на добровольном согласии лиц».

Однополые браки признаются сегодня законодательством ряда стран (шесть государств и два штата США – 2009). В однополых браках состоят некоторые из работающих в Украине иностранцев. Известны также случаи заключения однополых браков украинскими гражданами за рубежом.

Статья 49

1. Дети равны в своих правах независимо от происхождения, а также от того, родились они в браке или вне брака.
2. Ребенок имеет право поддерживать индивидуальные отношения и непосредственно общаться с каждым из родителей, если это не противоречит интересам ребенка.
3. Насилие над ребенком и его эксплуатация преследуются по закону.
4. Содержание и воспитание детей-сирот и детей, лишенных родительского попечения, возлагается на государство. Государство может делегировать эти полномочия иным лицам. Государство поощряет и поддерживает благотворительность по отношению к детям.
5. Органы государственной власти и органы местного самоуправления, предприятия, учреждения и организации всех форм собственности обязаны исходить в деятельности, которая касается детей, из интересов ребенка.
6. Дети имеют право на уважение, заботу и защиту, необходимые для обеспечения их благополучия и всестороннего развития.
7. Дети имеют право высказывать свои взгляды свободно; их мнение следует принимать во внимание в зависимости от возраста и степени зрелости ребенка.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Ст. 49 проекта Конституции является обновленной версией ст. 52 действующего Основного Закона. Новый подход заключается в том, что в часть вторую и седьмую данной статьи включены нормы, предусмотренные частями первой и третьей ст. II-84 Хартии основополагающих прав Союза.

В первом случае речь идет о праве ребенка поддерживать индивидуальные отношения с каждым из родителей, во втором – о праве ребенка высказывать свои взгляды свободно. Обновленная редакция нормы предусматривает конституционную обязанность принимать во внимание точку зрения и взгляды ребенка.

В новом варианте статьи речь идет не о запрете «любого насилия над ребенком» (действующая Конституция), а о запрете «насилия над ребенком». Это призвано освободить данную норму от излишнего юридического максимализма.

Статья 50

1. Каждый имеет право на образование. Общее среднее образование является обязательным.

2. Государство обеспечивает доступность и бесплатность дошкольного, полного общего среднего и профессионально-технического образования в государственных и коммунальных учебных заведениях.

3. Граждане имеют право свободно получать высшее образование в государственных и коммунальных учебных заведениях бесплатно на конкурсной основе.

4. Гражданам, принадлежащим к коренным народам и национальным меньшинствам, гарантируется в соответствии с законом право обучения на родном языке либо на изучение родного языка в государственных и коммунальных учебных заведениях или через национальные культурные товарищества.

5. Государство обязуется в индивидуальном порядке и в порядке международной помощи и сотрудничества в экономической и технической области принять в пределах имеющихся возможностей меры к тому, чтобы постепенно обеспечить полное осуществление настоящего права.

ПРИЛОЖЕНИЯ

*Ст. 50 проекта Конституции посвящается праву на образование. В отличие от части первой ст. 53 действующей Конституции, новая редакция нормы предусматривает, что обязательным является не **полное** среднее образование, а просто среднее образование. При этом полное среднее образование в государственных и коммунальных учебных заведениях остается бесплатным, переставая быть обязательным (принудительным).*

Не у всех людей имеются достаточные способности и желание, чтобы усвоить программу полной средней школы. Завышенные требования ст. 53 Конституции приводят к искусственному выставлению положительных оценок при отсутствии у школьников необходимых навыков и знаний. Новая редакция статьи разрешает каждому бесплатно получить полное среднее образование, однако снимает внешнее принуждение к этому.

В остальном редакция права на образование приближена к требованиям части первой ст. 2, а также части первой ст. 8 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах (1966).

Формула части третьей ст. 50 проекта относительно свободы высшего образования означает, что получение бесплатного образования не накладывает на выпускников обязанность работать по государственному направлению. Новая редакция нормы позволяет всем молодым людям, имеющим яркие способности, оставаться свободными в выборе места и рода своих профессиональных занятий.

Статья 51

1. Каждому гарантируется свобода литературного, художественного, научного и технического творчества, защита интеллектуальной собственности и авторских прав, а также моральных и материальных интересов, возникающих в связи с различными видами интеллектуальной деятельности.

2. Каждый имеет право на результаты своего творчества; никто не может использовать или распространять их без согласия автора, за исключением случаев, установленных законом.

ПРИЛОЖЕНИЯ

3. Академическая свобода признается и гарантируется. Государство содействует развитию науки, установлению контактов украинских ученых с мировым научным сообществом.

4. Культурное наследие охраняется законом.

5. Государство обеспечивает охрану исторических памятников и других объектов, представляющих культурную ценность, принимает меры к возвращению в Украину культурных ценностей народа, находящихся за границей.

Ст. 51 проекта Конституции специально посвящается свободе литературного, художественного, научного и технического творчества. В отличие от ст. 54 действующей Конституции, новая редакция нормы признает и гарантирует академическую свободу (свободу университетов). В ней говорится о государственной поддержке научных связей с мировым научным сообществом не Украины (действующая норма), а украинских ученых.

Благодаря новому подходу регулятивный потенциал ст. 51 направлен на ученых, а не на украинское государство в целом. Таким образом, новая редакция статьи лучше сфокусирована на сути проблемы. Во всем остальном данная норма является близкой по содержанию к тексту ст. 54 действующего Основного Закона.

Статья 52

1. Права человека и основные свободы защищаются судом.

2. Каждому гарантируется право на обжалование в суде решений, действий или бездействия органов государственной власти, органов местного самоуправления, их должностных и служебных лиц.

3. Каждый имеет право обращаться за защитой своих прав и основных свобод к Уполномоченному Национального Собрания Украины по правам человека.

4. Каждый имеет право после использования национальных средств защиты обращаться за защитой своих прав и основных свобод в международные судебные учреждения или в соответствующие органы международных организаций, членом или участником которых является Украина.

ПРИЛОЖЕНИЯ

5. Каждый имеет право любым не запрещенным законом способом защищать свои, а также принадлежащие иным лицам права и основные свободы от нарушений и противоправных посягательств.

Ст. 52 проекта Конституции приводит в соответствие с положениями Конвенции о защите прав человека и основных свобод (1950) норму ст. 55 действующего Основного Закона. В специальных комментариях данное изменение не нуждается.

В отличие от действующей Конституции, новая редакция нормы позволяет каждому защищать не только свои, но также и принадлежащие другим лицам права и свободы. Это создает хорошую конституционную основу для деятельности общественных правозащитных организаций.

*Кроме того, данная статья не требует от субъектов права использования **всех средств** национальной правовой защиты в качестве предварительного условия для обращения в международные судебные учреждения и организации. Данный подход позволяет гражданам более эффективно защищать свои конституционные права и свободы на международном уровне.*

Статья 53

1. Каждый имеет право на справедливое публичное разбирательство его дела в разумные сроки независимым и беспристрастным судом, уполномоченным решать спор в отношении его гражданских прав и обязанностей или устанавливать обоснованность любого выдвинутого против него уголовного обвинения.

2. Судебное решение объявляется публично, однако пресса и публика могут не быть допущены в судебное заседание на протяжении всего разбирательства или его части по соображениям защиты морали, общественного порядка или национальной безопасности в демократическом обществе, если этого требуют интересы несовершеннолетних или защита частной жизни сторон, или – в той степени, в какой это признается судом строго необходимым – при особых обстоятельствах, когда публичность рассмотрения может нарушить интересы правосудия.

ПРИЛОЖЕНИЯ

3. Лицо считается невиновным в совершении преступления или уголовного правонарушения¹ и не может быть подвергнуто уголовному наказанию, пока его вина не будет доказана в законном порядке и установлена приговором суда.

4. Никто не обязан доказывать свою невиновность в совершении преступления или уголовного правонарушения.

5. Обвинение не может основываться на доказательствах, полученных незаконным путем, а также на предположениях. Все сомнения относительно доказанности вины лица должны толковаться в его пользу.

6. Каждому обвиняемому в совершении преступления или уголовного правонарушения принадлежат, как минимум, такие права:

1) быть незамедлительно и подробно информированным на понятном ему языке о характере и основаниях предъявленного ему обвинения;

2) иметь достаточное время и возможности для подготовки своей защиты;

3) защищать себя самостоятельно либо с помощью избранного им самим защитника; если у него нет достаточных средств для оплаты защитника, иметь назначенного защитника бесплатно, когда этого требуют интересы правосудия;

4) допрашивать свидетелей обвинения или требовать, чтобы их допросили, а также требовать вызова и допроса свидетелей защиты на тех же условиях, что и свидетелей обвинения;

5) пользоваться бесплатной помощью переводчика, если обвиняемый не понимает языка, который применяется в суде, или не говорит на нем.

7. В случае отмены приговора суда как неправосудного государство обязано возместить материальный и моральный ущерб, причиненный бесосновательным осуждением.

Ст. 53 проекта Конституции воспроизводит формулировку права на справедливый суд в ст. 6 Конвенции о защите прав че-

¹ Термин *уголовное правонарушение* используется в тексте с учетом возможности его будущего применения в Украине. Он соответствует редакции ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (1950).

ПРИЛОЖЕНИЯ

ловека и основных свобод (1950). Необходимость отображения права на справедливый суд на уровне европейских стандартов в Конституции Украины признается давно. Об этом не раз писали правозащитники, ученые и международные эксперты. В проекте использован перевод соответствующего права.

Ст. 53 проекта Конституции включает также отдельные фрагменты субъективного права, предусмотренного ст. 62 действующего Основного Закона. В новой редакции нормы сохранены положения частей 1–4 ст. 62 действующей Конституции Украины.

Статья 54

1. Каждый имеет право на возмещение за счет государства или органов местного самоуправления материального и морального ущерба, причиненного незаконными решениями, действиями или бездействием органов государственной власти, органов местного самоуправления, их должностных и служебных лиц при осуществлении ими своих полномочий.

Ст. 54 проекта Конституции фактически повторяет содержание ст. 56 действующей Конституции и поэтому не требует пояснений.

Статья 55

1. Каждому гарантируется право знать свои права, свободы и обязанности.

2. Законы и иные нормативно-правовые акты, определяющие права, свободы и обязанности человека, должны быть доведены до сведения населения в порядке, установленном законом.

3. Законы и иные нормативно-правовые акты, определяющие права, свободы и обязанности человека, которые не были доведены до сведения населения в порядке, установленном законом, являются недействительными.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Ст. 55 проекта Конституции фактически повторяет содержание ст. 57 действующей Конституции, что не требует специальных пояснений.

Вместо понятия «права гражданина» в ней используется более широкое понятие «права и свободы человека». Таким образом, новая редакция нормы дополнена упоминанием о правах и свободах более широкого круга лиц.

*Отказ от использования понятия **основных свобод** объясняется тем, что предметом защиты являются в данном случае все субъективные права и свободы – как записанные в тексте Конституции Украины, так и не записанные или предусмотренные в текущем законодательстве.*

Статья 56

1. Законы и иные нормативно-правовые акты не имеют обратной силы действия во времени, кроме случаев, когда они смягчают или отменяют ответственность лица.

2. Никто не может отвечать за деяния, которые на момент их совершения не признавались законом в качестве преступлений или правонарушений.

3. Данная статья не препятствует преданию суду и наказанию лица за деяние, которое в момент его совершения являлось преступлением, в соответствии с общими принципами права, признанными цивилизованными нациями.

Ст. 56 проекта Конституции почти дословно повторяет содержание ст. 58 действующей Конституции, что не требует специальных пояснений. При этом часть третья ст. 56 проекта воспроизводит часть вторую ст. 7 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (1950).

Данный подход позволяет говорить о признании Голодомора 1933 года в Украине актом геноцида украинского народа, а также ставить вопрос о юридической ответственности лиц, виновных в его совершении.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Статья 57

1. Каждый имеет право на правовую помощь. В предусмотренных законом случаях такая помощь предоставляется бесплатно или за частичную плату.

2. Для обеспечения правовой помощи при решении дел в судах, иных государственных органах, органах местного самоуправления, на предприятиях, в учреждениях и организациях всех форм собственности в Украине действует независимая самоуправляющаяся организация – адвокатура.

3. Каждый свободен в выборе своего представителя или защитника прав.

4. Органам досудебного расследования, государственному обвинителю и суду запрещается произвольно вмешиваться в выбор лицом своего представителя или защитника прав, препятствовать его участию в деле.

5. Конфиденциальность отношений лица со своим представителем или защитником прав охраняется законом.

Ст. 57 проекта Конституции является близкой по содержанию к ст. 59 действующего Основного Закона. Она предусматривает расширение гарантий профессиональной деятельности адвокатов не только в системе судопроизводства.

Новая редакция нормы учитывает рекомендации, высказанные в Концепции реформирования криминальной юстиции Украины (2007). Она также стимулирует использование профессиональной юридической помощи во всех сферах жизнедеятельности украинского общества.

Статья 58

1. Никто не обязан выполнять преступные распоряжения или приказы.

2. За отдачу и исполнение преступного распоряжения или приказа виновные подлежат юридической ответственности.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Ст. 58 проекта Конституции во многом повторяет содержание ст. 60 действующей Конституции, что не нуждается в специальных пояснениях.

По сравнению с действующей нормой, в новой редакции статьи из словосочетания: «явно преступные распоряжения или приказы» изъято слово «явно».

Статья 59

1. Никто не может быть дважды привлечен к юридической ответственности одного вида за одно и то же правонарушение.
2. Юридическая ответственность носит, за исключением случаев, предусмотренных законом, индивидуальный характер.

Ст. 59 проекта Конституции во многом повторяет содержание ст. 61 действующей Конституции и потому не требует специальных пояснений. Новая редакция статьи допускает потенциальную возможность признания уголовной ответственности также и юридических лиц.

Статья 60

1. Лицо не несет ответственности за отказ давать показания или объяснения в отношении себя, членов своей семьи или близких родственников, круг которых определяется законом.
2. Подозреваемый, обвиняемый и подсудимый имеют право на защиту.
3. Осужденный пользуется всеми правами и основными свободами человека, за исключением тех ограничений в их осуществлении, которые предусматриваются законом и установлены приговором суда.
4. Ограничения в осуществлении прав и основных свобод человека, примененные к осужденным к лишению свободы лицам, должны быть обоснованными и точно отвечать цели наказания.
5. Условия содержания осужденных к лишению свободы лиц должны быть максимально приближены к условиям жизни людей в здоровом сообществе.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Ст. 60 проекта Конституции повторяет в своих главных чертах содержание ст. 63 действующей Конституции. Вместе с тем она включает расширенные гарантии прав лиц, осужденных к лишению свободы. Новая редакция статьи учитывает рекомендации, высказанные в Концепции реформирования криминальной юстиции Украины (2007).

Статья 61

1. Осуществление конституционных прав человека и основных свобод, за исключением случаев, предусмотренных настоящей Конституцией, не может быть никем ограничено.

2. В условиях военного или чрезвычайного положения могут устанавливаться отдельные ограничения в отношении осуществления прав человека и основных свобод с указанием срока действия данных ограничений. Не может быть ограничено осуществление прав человека и основных свобод, предусмотренных статьями 17, 19, 20, 21, частями 1, 2, 3, 4 статьи 23, статьями 24, 25, 32, 38, 45, 48, 49, 52, 53, 54, 55, 56, 57, 58, 59, 60 настоящей Конституции.

Ст. 61 проекта Конституции является близкой по содержанию к ст. 64 действующей Конституции. Данная норма отсылает к целому ряду субъективных прав и свобод в проекте Конституции Украины. Нумерация статей приведена в соответствии с обновленным списком субъективных прав и свобод в проекте Основного Закона.

Кроме того, данная статья говорит о возможности ограничения не самих прав и свобод, которые признаются в Конституции нерушимыми, а о возможности наложения ограничений лишь на их осуществление.

Статья 62

1. Защита свободы, независимости и территориальной целостности Украины является обязанностью граждан Украины.

2. Порядок военной службы определяется законом.

ПРИЛОЖЕНИЯ

*Ст. 62 проекта Конституции является обновленной версией ст. 65 действующего Основного Закона. В проекте Конституции нашла отражение идея защиты гражданской свободы в целом, чем и объясняется наличие **категории** свободы в перечне конституционных ценностей.*

Ст. 62 проекта Конституции не предусматривает обязанности уважать государственные символы Украины. Демонстрируя свое (в том числе негативное) отношение к государственным символам, граждане выражают свое согласие или несогласие с политикой государства. Например, в ряде решений Верховного Суда США признается, что таким способом граждане дают принципиальную оценку действиям органов государственной власти.

Правительства и государства могут существенно ошибаться, что следует из политической истории XX века. Поэтому обязанность уважать государственные символы обладает неявным тоталитарным подтекстом. Закрепление подобной обязанности в конституции страны ставит государственный суверенитет выше суверенитета народа, что ничем не оправдано.

Статья 63

1. Каждый обязан не причинять вреда природному и культурному наследию Украины, возмещать причиненный им ущерб.

*Ст. 63 проекта Конституции предусматривает обновление редакции ст. 66 действующей Конституции Украины. Вместо выражения: **каждый обязан не наносить вред природе, культурному наследию, используется выражение: каждый обязан не причинять вреда природному и культурному наследию Украины.***

Безусловное требование не наносить вред природе является утопическим, оно превосходит возможности любого правового регулирования. Подобные предписания обычно расцениваются в качестве проявлений юридического максимализма.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Статья 64

1. Каждый обязан платить налоги и сборы в порядке и размерах, установленных законом.

Ст. 64 проекта Конституции во многом повторяет содержание ст. 67 действующего Основного Закона. С другой стороны, она существенно короче действующей нормы, которая содержит в себе лишние процессуальные моменты.

Речь идет о том, что значительное количество граждан Украины не обязаны подавать декларации о своих доходах, поскольку их доходы учитываются автоматически. Действующая конституционная норма провозглашает обязанность, которая не является всеобщей. Поэтому старая редакция нормы заменена новой.

Статья 65

1. Каждый обязан соблюдать Конституцию Украины и законы Украины, не посягать на права человека и основные свободы, законные интересы, честь и достоинство других лиц.

2. Незнание законов не является основанием для освобождения от юридической ответственности.

Ст. 65 проекта Конституции полностью соответствует содержанию ст. 68 действующего Основного Закона и потому не нуждается в комментариях.

Вместо слова «людей» проект использует в части первой ст. 65 слово «лиц». Это объясняется тем, что человек может нарушать своими действиями права не только физических, но и юридических лиц.

Раздел IV

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО

Ст. 66–71 проекта Конституции посвящены закреплению конституционного статуса гражданского общества в Украине.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Наличие данного раздела в Конституции объясняется тем, что Украина – постсоветская республика. Опыт тоталитаризма не является универсальным достоянием всех стран, но он волной прокатился по миру, став едва ли не самым большим политическим искушением XX века.

Украина заплатила высокую цену за жизнь в условиях диктатуры и несвободы. Даже такие демократии, как США и Великобритания, не имеют столь глубокого знания о доминировании государства над индивидом и обществом, каковым располагает Украина. Поэтому раздел о гражданском обществе в проекте Конституции – это не дань моде, а вывод из исторического опыта страны.

Чтобы не оказаться под властью диктатуры повторно, украинское общество должно выработать соответствующие профилактические механизмы. Оранжевая революция (2004–2005) в Украине доказала, что украинский народ по-настоящему глубоко осознал смысл и ценность свободы. Свобода охраняется не только ст. 2 проекта Конституции. На страже гражданской свободы стоит ст. 4 (ответственность государства перед обществом), ст. 10 (рынок, экономическая свобода), ст. 11 (предпринимательская инициатива, свобода договора). В целом раздел IV проекта Конституции Украины построен в виде лаконичного юридического инструментария защиты частных, частных интересов.

Статья 66

1. Гражданское общество – сознательное, самоуправляющееся, негосударственное звено Украинского народа. Жизнедеятельность гражданского общества в Украине основывается на принципах свободы, плюрализма, терпимости и невмешательства со стороны государства.

2. Разумные интересы физических и частных юридических лиц находятся под защитой настоящей Конституции и закона.

3. Деятельность партий, движений, иных общественных объединений не контролируется Украинским государством, за исключением соблюдения ими требований настоящей Конституции и закона.

ПРИЛОЖЕНИЯ

*Ст. 66 проекта Конституции подчеркивает **автономность** статуса и жизнедеятельности гражданского общества в Украине, важность обеспечения свободы выбора в пространстве осуществления и защиты частных (партикулярных) интересов.*

Подобный подход не является исключительным. Например, ст. 5 Конституции Бразилии (1988) говорит о том, что «законное создание объединений и кооперативов не нуждается в разрешениях, при этом вмешательство государства в их деятельность запрещено».

Статья 67

1. Деятельность государственных органов и органов местного самоуправления, их должностных и служебных лиц подлежит контролю общественности. С этой целью могут создаваться общественные правозащитные организации.

Ст. 67 проекта поддерживает идею о том, что защита общественных интересов требует создания специальных негосударственных (неправительственных) организаций. Речь в данном случае идет о необходимости «профессионализации» в осуществлении контрольной функции гражданского общества.

Статья 68

1. Государственным органам, органам местного самоуправления, их должностным и служебным лицам запрещается произвольно и безосновательно вмешиваться в осуществление законных гражданских инициатив.

Ст. 68 проекта запрещает государству, его органам и должностным лицам безосновательно вмешиваться в свободные творческие («культурно чувствительные» – Д. Истон) пространства жизнедеятельности гражданского общества в Украине.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Статья 69

1. Охрана государственной и иной охраняемой законом тайны является прерогативой уполномоченных на это должностных и служебных лиц; частные лица не несут ответственности за разглашение государственной или иной охраняемой законом тайны.

2. Все виды информации с ограниченным доступом определяются законом.

3. Режим секретности на информацию с ограниченным доступом не может длиться дольше тридцати лет.

4. Противоправная, противозаконная деятельность Украинского государства, его органов, органов местного самоуправления, их должностных и служебных лиц не может быть предметом государственной или иной охраняемой законом тайны.

5. Информация о лице, которое выдвигается, избирается или избрано на государственную или иную публичную должность; является социально значимой и подлежит предоставлению по информационным запросам.

Вряд ли следует специально оговаривать антикоррупционный потенциал данной статьи. Норма ст. 69 проекта отображает типичное для Западной Европы и США убеждение в том, что все публичные лица, в отличие от частных лиц, обязаны жить в условиях существенно большей, по сравнению с обычными гражданами, информационной открытости (прозрачности). Это необходимая дань, которую они обязаны платить за свой статус. На аналогичных позициях стоит сегодня Суд по правам человека в Страсбурге, Верховный Суд США и др.

Статья 70

1. Любая монополия на владение средствами массовой информации и телекоммуникации является незаконной.

Проект Конституции создает серьезные гарантии свободы СМИ, которые обеспечивают надлежащий уровень функционирования коммуникативной сферы украинского общества. Это

ПРИЛОЖЕНИЯ

означает, что граждане Украины должны иметь нестесненный доступ к информации о своей стране и мире, свободно обмениваться информацией и знаниями, извлекать из информационного обмена максимальную пользу.

Статья 71

1. Любые политические, религиозные, художественные и иные частные вкусы и предпочтения индивидов не могут быть предметом поощрений либо ограничений со стороны государства, его органов, органов местного самоуправления, а также их должностных и служебных лиц.

Ст. 71 подчеркивает недопустимость ситуации, при которой государство, иные субъекты властных полномочий могли бы выступать официальными сторонниками взглядов какой-либо отдельной социальной группы, приверженцами конкретной идеологической, эстетической или иной доктрины, линии или программы. Государство не может и не должно вмешиваться в культурно чувствительные зоны гражданского общества, представленные наукой, образованием и искусством.

Раздел V

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

Необходимость раздела V проекта объясняется тем, что экологическая безопасность Украины является вопросом стратегического значения. Соблюдение экологических стандартов – это одно из требований Европейского Союза к своим действительным и потенциальным членам. Примечательно, что отдельную главу под названием «Окружающая среда» имеет Конституция Бразилии (1988). В 2004 году Конституция Франции (1958) также была дополнена «Хартией окружающей среды». Хартия вывела на уровень основных принципов такие права граждан, как право на безопасную окружающую среду и право на доступ к информации об экологическом состоянии жизненного пространства.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Проект Конституции не содержит ссылок на Чернобыльскую катастрофу, однако ее последствия ощущаются в Украине повсеместно. Экологическая тема присутствует в подписанных от имени Украины международных договорах. Очистка территории страны от радиоактивного загрязнения является предметом международных обязательств Украины.

С точки зрения юридической техники, данный раздел построен как соединение уже действующих норм об экологической безопасности (ст. 16, 50, 66 действующей Конституции) с новыми проектными нормами. При разработке ст. 71–74 проекта были использованы положения Международной Конвенции «О доступе к информации, участии общественности в процессе принятия решений и доступе к правосудию по вопросам, касающимся окружающей среды» (1998), ратифицированной Законом Украины № 832-XIV (832-14) от 6 июля 1999 года.

Статья 72

1. Каждый имеет право жить в здоровой и благоприятной для себя окружающей природной среде.
2. Обеспечение экологической безопасности, поддержание экологического равновесия на территории Украины, сохранение генофонда Украинского народа является обязанностью государства.
3. Экологические стандарты устанавливаются законом.
4. Реализация промышленно-хозяйственных проектов в Украине разрешается только после их одобрения независимой экологической экспертизой.

*Ст. 72 проекта объединяет уже существующие в действующем Основном Законе нормы с положениями, которые предусматривают утверждение экологических стандартов Украины **законом**.*

Новой является в статье также норма об обязательном проведении экологических экспертиз. Сегодня обязательность проведения экологических экспертиз предусматривается текущим законодательством, однако для обеспечения экологических потребностей Украины этого недостаточно.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Статья 73

1. Граждане, иные приравненные законом к ним лица имеют право участвовать в принятии решений, касающихся экологического состояния, охраны и защиты окружающей природной среды.

2. Каждому гарантируется свободный доступ к законодательству по вопросам экологического состояния, охраны и защиты окружающей природной среды.

При разработке ст. 73 проекта Конституции были использованы нормы-принципы Международной Конвенции «О доступе к информации, участии общественности в процессе принятия решений и доступе к правосудию по вопросам, касающимся окружающей среды» (1998).

Статья 74

1. Независимая экологическая экспертиза промышленных и иных технических объектов, которая засвидетельствовала опасный для жизни и здоровья людей уровень экологической угрозы, оплачивается собственником данных объектов.

2. Запрещается отказ в проведении экологической экспертизы, если ее инициаторы обладают собственными источниками и средствами для ее финансирования.

Ст. 74 поддерживает независимые экологические общественные организации. Ее регулятивный потенциал направлен на удовлетворение нужд гражданского общества за счет его собственных финансовых и иных ресурсов. Очевидно, что экологическое движение в Украине с течением времени будет усиливаться. Данная статья создает для этого необходимые конституционные предпосылки.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Статья 75

1. Каждый потерпевший от экологического загрязнения искусственного происхождения имеет право на судебное либо иное возмещение причиненного ему данным загрязнением ущерба.

*Ст. 75 гарантирует возмещение убытков, вызванных экологическим загрязнением **искусственного** происхождения. Экологический вред, причиненный не стихийными природными силами, а людьми, должен быть возмещен виновными лицами.*

Раздел VI

ВЫБОРЫ, РЕФЕРЕНДУМ

Статья 76

1. Народное волеизъявление осуществляется через свободные и регулярные выборы, референдум и иные формы непосредственной демократии.

2. Запрещается проведение выборов и референдумов во время военного или чрезвычайного положения.

*Ст. 76 проекта Конституции частично дублирует ст. 69 действующего Основного Закона. Однако разница заключается в том, что действующая Конституция использует формулу: народное волеизъявление осуществляется через выборы, а проект подчеркивает, что народное волеизъявление осуществляется через **свободные и регулярные** выборы.*

Статья 77

1. Право голоса на выборах и референдумах имеют граждане Украины, а также иные приравненные законом к ним лица, достигшие семнадцати лет.

2. Не имеют права голоса лица, признанные судом недееспособными.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Ст. 77 проекта Конституции полностью соответствует ст. 70 действующего Основного Закона и потому в пояснениях не нуждается. В случаях, предусмотренных законом, проект допускает участие в выборах и референдумах постоянно проживающих в Украине иностранцев и апатридов.

Статья 78

1. Выборы в органы государственной власти и органы местного самоуправления являются свободными и осуществляются на основе всеобщего, равного и прямого избирательного права путем тайного голосования.

2. Избирателям гарантируется свободное от политического, административного или иного вмешательства волеизъявление.

3. Процедуры выборов и референдумов в Украине закрепляются в законе.

4. Граждане, а также иные приравненные законом к ним лица имеют право не участвовать в выборах и референдумах.

Ст. 78 проекта Конституции, по сравнению со ст. 71 действующего Основного Закона, содержит дополнительные нормы-гарантии свободного волеизъявления индивидов.

*Так, часть вторая ст. 78 проекта конкретизирует понятие **свободных выборов**, а часть третья этой же статьи утверждает, что процедуры всех выборов в Украине определяются **законом**. В ст. 78 проекта подчеркивается, что граждане Украины, а также иные приравненные законом к ним лица имеют право быть политически нейтральными (абсентеистами).*

В соответствии с проектом граждане не обязаны вступать в партии, движения или иные общественные объединения, принимать участие в демонстрациях, пикетах, забастовках и т.п.

По мнению политиков и экспертов, возврат к мажоритарной или смешанной системе выборов в Верховную Раду Автономной Республики Крым, органы местного самоуправления выглядит сегодня оправданным. Мажоритарные или смешанные выборы могут помочь Украине совершить переход к двухпалатному парламенту – Национальному Собранию Украины. В любом случае,

ПРИЛОЖЕНИЯ

решение подобных вопросов должно предусматриваться законом. При этом верхняя палата Национального Собрания Украины могла бы избираться на основе мажоритарной системы, а нижняя – на основе пропорциональной или смешанной избирательных систем.

С другой стороны, пропорциональная система выборов способствует развитию украинских политических партий. Если выборы в Палату депутатов Национального Собрания Украины будут полностью мажоритарными, партии рискуют утратить стимул для своего дальнейшего развития. Вполне возможно, что улучшить ситуацию с парламентскими выборами могло бы частичное использование в Украине аналога польской избирательной системы (2009).

Статья 79

1. Всеукраинский референдум назначается Национальным Собранием Украины или Президентом Украины в соответствии с требованиями настоящей Конституции.

2. Проведение всеукраинского референдума по решению Национального Собрания Украины или Президента Украины оплачивается государством.

3. На всеукраинском референдуме могут быть решены любые вопросы, отнесенные к компетенции Национального Собрания Украины и Правительства Украины, за исключением изъятий, установленных настоящей Конституцией и законом.

4. Всеукраинский референдум по народной инициативе объявляется Президентом Украины по требованию не менее чем трех миллионов граждан Украины, имеющих право голоса, при условии, что подписи за назначение референдума будут собраны не менее чем в двух третях областей и не менее чем по сто тысяч подписей в каждой.

5. Проведение всеукраинского референдума по народной инициативе оплачивается государством либо за счет средств гражданского самообложения.

6. Не допускается проведение референдумов для осуществления персональных назначений на должность, а также для принятия законопроектов по вопросам налогов, бюджета и амнистии.

ПРИЛОЖЕНИЯ

7. Не допускается проведение референдумов по вопросам, входящим в компетенцию судебной власти.

8. Не допускается проведение всеукраинского референдума во время осуществления импичмента Президента Украины.

Ст. 79 проекта Конституции посвящается референдуму. Согласно проекту, референдум по народной инициативе может оплачиваться также за счет добровольных взносов (самообложения) граждан. Это объясняется частично тем, что референдумы по народной инициативе невозможно планировать.

С другой стороны, органы власти не должны отказывать населению в проведении референдума по мотивам нехватки бюджетных средств. Кроме того, самофинансирование референдума является сдерживающим фактором для политических демагогов и популистов. Ничем не оправданный референдум граждане просто не поддержат своими кошельками.

Проект предусматривает традиционный для Украины список вопросов, которые запрещается решать всеукраинским референдумом.

Что же касается запрета на проведение референдума для принятия законопроектов по вопросам налогов, бюджета и амнистии, то данный подход соответствует международной практике. Например, в части третьей ст. 39 Конституции Аргентины (1853) утверждается, что «не могут быть объектом народной законодательной инициативы проекты относительно конституционной реформы, международных договоров, налогов, бюджета и вопросов уголовного права».

Статья 80

1. Исключительно всеукраинским референдумом утверждается:
  - 1) внесение изменений в разделы I и XVI настоящей Конституции;
  - 2) внесение изменений в форму правления Украинского государства;
  - 3) внесение изменений в основы конституционного строя Украины.

ПРИЛОЖЕНИЯ

2. Исключительно всеукраинским референдумом решается вопрос об изменении территории Украины.

3. Принятые на всеукраинском референдуме решения не могут быть пересмотрены действующим при его проведении созывом Национального Собрания Украины.

Положения ст. 80 проекта являются традиционными для Украины. Часть третья ст. 80 переводит на конституционный уровень ныне существующие нормы текущего законодательства. Данная статья выступает также процессуальной гарантией нормы, записанной в части первой ст. 5 проекта Конституции Украины, посвященной закреплению суверенитета (полновластия) Украинского народа.

Статья 81

1. Признается референдум Автономной Республики Крым, а также местные референдумы.

Существование данной нормы объясняется тем, что референдум в Автономной Республике Крым не полностью совпадает с понятием местного референдума в Украине.

Раздел VII

НАЦИОНАЛЬНОЕ СОБРАНИЕ УКРАИНЫ

Основное назначение ст. 82–112 проекта Конституции – создать и обеспечить функционирование двухпалатного парламента – Национального Собрания Украины. Украинский парламент призван действовать в пределах полномочий, определенных Конституцией Украины и законом (законами) о регламенте палат Национального Собрания Украины. Согласно проекту, Национальное Собрание Украины состоит из двух палат: Палаты регионов и Палаты депутатов. Срок полномочий Национального Собрания Украины – 4 года.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Палата регионов воплощает политическое представительство регионов: 24-х областей, Автономной Республики Крым, столичного округа – города Киева. Палата регионов состоит из сенаторов, которые избираются в палату областными советами, Верховной Радой Автономной Республики Крым и Киевским городским советом. Членами Палаты регионов по должности являются прежние президенты Украины, если они не утратили свой пост в результате импичмента.

Палата депутатов (нижняя палата) избирается гражданами Украины в составе 200 депутатов на основе равного, прямого, всеобщего избирательного права при тайном голосовании.

Национальное Собрание Украины работает сессионно. Оно принимает законы, постановления, декларации, обращения и др. Все вопросы компетенции Национального Собрания Украины решаются на отдельных или совместных заседаниях его палат.

Главная цель введения двухпалатного парламента в Украине – понижение уровня конфликтности в механизме осуществления государственной власти, укрепление представительной функции парламента, поднятие авторитета местных органов самоуправления, содействие развитию регионов, создание наилучших организационных условий для вступления Украины в Европейский Союз.

Двухпалатный парламента не отменяет социальных и культурных различий востока и запада Украины, однако позволяет стране развиваться более гармонично. Верхняя палата Национального Собрания олицетворяет связь законодательной и исполнительной ветвей власти, при этом влияние настроений запада и центра Украины на формирование Правительства должно усилиться. По примеру сената – верхней палаты конгресса США, Палата регионов Национального Собрания Украины должна контролировать назначение Президентом Украины Премьер-министра Украины и членов Правительства Украины, а также судей Конституционного Суда Украины.

Существование двухпалатных парламента в унитарных государствах не является исключением из правила. Двухпалатные парламента работают в таких странах, как Польша, Италия, Япония, Испания, Нидерланды, Румыния, Франция, Хорватия,

ПРИЛОЖЕНИЯ

Чехия, Ирландия и Филиппины. Значительное количество законодательных собраний старых демократий являются двухпалатными независимо от формы государственного устройства (Великобритания, Франция, Италия, США, Швейцария). Некоторые страны обладают «подразумеваемым» двухпалатным устройством (ФРГ, Норвегия).

Новое название парламента – Национальное Собрание Украины – призвано символизировать сознательный отход Украины от ее советского прошлого. Национальное Собрание (в качестве нижней палаты) существует во Франции. Что касается вопроса о наименовании верхних и нижних палат, то оно может быть очень разным. Это палата лордов и палата общин в Великобритании, палата советников и палата представителей в Японии, сенат и конгресс депутатов в Испании, палата советников и палата депутатов в Мексике, сенат и сейм в Польше и т.д.

Верхние и нижние палаты парламентов различаются по своему количественному составу, порядку формирования, компетенции, правовому статусу членов. В большинстве случаев нижние палаты избираются населением на основе всеобщих, равных, прямых выборов при тайном голосовании. С нижними палатами связана также идея народного представительства, верховенства законодательства, наделенной правом принимать государственный бюджет, текущие законы и решать иные важные вопросы.

Что касается верхних палат, то они не обязательно формируются прямыми выборами. В США и Японии верхние палаты являются выборными, но так было не всегда. Начало выборности Сената в США было положено в 1913 году, в Японии верхняя палата стала выборной в 1947 году. На основе непрямых выборов формируется верхняя палата парламента Франции. Если страна является федеративной, субъекты федерации чаще всего формируют верхнюю палату самостоятельно (Австрия, Индия, ФРГ). Иногда состав верхних палат может назначаться частично, признаки чего сохранились в Италии. В некоторых странах депутаты делегируются в верхнюю палату автономными образованиями (Испания).

Таким образом, общий замысел и конструкция двухпалатного Национального Собрания Украины вписываются в европей-

ПРИЛОЖЕНИЯ

скую конституционную традицию. Члены Палаты регионов Национального Собрания Украины должны избираться из числа граждан, которым исполнилось 30 лет. В Палату депутатов Национального Собрания Украины могут избираться граждане, которым исполнился 21 год. Известно, что возрастной ценз для парламентариев мира колеблется от 18 до 40 лет. При этом верхние палаты могут избираться (назначаться) на более длительный, чем нижние, срок полномочий. Бывает и так, что срок полномочий верхней и нижней палаты является одинаковым (Италия).

Количество депутатов нижних палат колеблется обычно в пределах 200–600 членов. Верхние палаты могут быть весьма разными по своему количественному составу – от 16 (Белиз) до 1000 и более членов (Великобритания). Работа каждой из парламентских палат осуществляется обычно на основе отдельного регламента.

Статья 82

1. Органом законодательной власти в Украине является парламент – Национальное Собрание Украины.
2. Национальное Собрание Украины действует в пределах полномочий, определенных настоящей Конституцией и законом.
3. Очередность созывов Национального Собрания Украины определяется очередностью выборов в Палату депутатов Национального Собрания Украины.

Ст. 82 проекта подчеркивает, что в Украине (стране, признающей верховенство права), не признается неограниченная парламентская компетенция (как это имеет место, например, в Великобритании). Кроме того, данная статья содержит важную процессуальную оговорку о том, что очередность созывов Национального Собрания Украины определяется очередностью проведения выборов в Палату депутатов (нижнюю палату).

ПРИЛОЖЕНИЯ

Статья 83

1. Национальное Собрание Украины состоит из двух палат: Палаты регионов (верхней палаты) и Палаты депутатов (нижней палаты) Национального Собрания Украины.

2. Палата регионов Национального Собрания Украины состоит из сенаторов по должности, а также сенаторов, избираемых Верховной Радой Автономной Республики Крым, областными советами, а также Киевским городским советом, сроком на шесть лет. Для избрания сенатором кандидат обязан получить большинство голосов от конституционного состава Верховной Рады Автономной Республики Крым, соответствующих областных советов и Киевского городского совета.

3. От Верховной Рады Автономной Республики Крым в Палату регионов Национального Собрания Украины избирается три сенатора, от областных советов и Киевского городского совета – по два сенатора.

4. Сенаторы избираются из числа депутатов Верховной Рады Автономной Республики Крым, областных советов, Киевского городского совета.

5. Сенаторами по должности являются лица, которые на основании части второй статьи 116 настоящей Конституции сохраняют за собой звание Президента Украины.

6. Каждые два года одна треть сенаторов Национального Собрания Украины, за исключением Председателя Палаты регионов и сенаторов по должности, подлежит переизбранию в порядке ротации.

7. Председатель Палаты регионов Национального Собрания Украины и сенаторы по должности ротации не подлежат.

8. Две трети сенаторов Национального Собрания Украины первого, а также каждого последующего после досрочного прекращения полномочий Национального Собрания Украины созыва переизбираются досрочно двумя равными частями через два и четыре года. В дальнейшем действует регулярный порядок замены.

9. Палата депутатов Национального Собрания Украины избирается гражданами Украины в составе двухсот депутатов сроком на четыре года.

ПРИЛОЖЕНИЯ

*Ст. 83 носит преимущественно процедурный характер. Избрание сенаторов местными советами, а не непосредственно населением Украины, объясняется тем, что они должны представлять интересы не столько конкретных избирателей, сколько отдельных **регионов** страны. Проектом предполагается, что это будут представители местных политических элит.*

С другой стороны, будущие сенаторы должны быть (на момент их избрания в парламент) депутатами областных советов, Верховной Рады Автономной Республики Крым, Киевского городского совета. Это означает, что сенаторы обязаны пройти избирательный фильтр прямым голосованием на местах. Благодаря этому условию будет обеспечиваться также их политическая связь с населением регионов.

Норма о том, что пожизненными сенаторами Украины являются все бывшие президенты Украины, не противоречит зарубежной практике. В частности, все прежние президенты Франции автоматически становятся членами Конституционного совета (часть вторая ст. 56 действующей Конституции Франции), а все бывшие президенты Италии – пожизненными сенаторами (часть первая ст. 59 Конституции Италии).

Статья 84

1. Сенатором Национального Собрания Украины может быть гражданин Украины, который ко дню избрания на должность достиг возраста тридцати лет, имеет право голоса и проживает в Украине в течение последних пяти лет, предшествующих дню выборов.

2. Депутатом Национального Собрания Украины может быть гражданин Украины, который на день выборов достиг двадцати одного года, имеет право голоса и проживает в Украине в течение последних пяти лет, предшествующих дню выборов.

3. Не может быть сенатором или депутатом Национального Собрания Украины гражданин, который имеет судимость за совершение умышленного преступления, если эта судимость не погашена или не снята в установленном законом порядке.

4. Полномочия сенаторов и депутатов Национального Собрания Украины определяются настоящей Конституцией и законом.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Ст. 84 проекта прозрачна по своему содержанию и не нуждается в комментариях.

Статья 85

1. Очередные выборы в Палату депутатов Национального Собрания Украины проводятся в последнее воскресенье последнего месяца четвертого года полномочий каждого из созывов Национального Собрания Украины.

2. Очередные выборы в Палату регионов Национального Собрания Украины проводятся в один из последних пяти дней последнего месяца второго года полномочий каждого из созывов Национального Собрания Украины.

3. Внеочередные выборы в Национальное Собрание Украины назначаются Президентом Украины и проводятся в течение шестидесяти дней со дня обнародования указа о досрочном прекращении полномочий Национального Собрания Украины.

Ст. 85 проекта говорит о том, что выборы сенаторов проходят в местных советах в один из последних пяти дней последнего месяца второго года полномочий каждого из созывов Национального Собрания Украины. Это объясняется тем, что в местных советах могут существовать технические (организационные) трудности с проведением выборов в Палату регионов в один и тот же день в масштабах всей Украины.

Статья 86

1. Сенаторы и депутаты Национального Собрания Украины осуществляют свои полномочия на постоянной основе.

2. Сенаторы и депутаты Национального Собрания Украины не могут иметь другого представительского мандата, состоять на государственной службе, занимать другие оплачиваемые должности, заниматься другой оплачиваемой или предпринимательской деятельностью (кроме преподавательской, научной и творческой деятельности), входить в состав руководящего органа либо наблюдательного совета предприятия или организации, имеющих целью получение прибыли.

ПРИЛОЖЕНИЯ

3. Требования относительно несовместимости сенаторского и депутатского мандата с иными видами деятельности устанавливаются законом.

4. В случае возникновения обстоятельств, нарушающих требования относительно несовместимости сенаторского или депутатского мандата с иными видами деятельности, сенатор или депутат в двадцатидневный срок со дня возникновения таких обстоятельств прекращает такую деятельность или подает заявление о сложении полномочий сенатора или депутата.

В странах с президентской и смешанными формами правления (США, Бразилия, Россия, Франция) не признается возможность объединения парламентского мандата с членством в правительстве страны. Аналогичное правило закрепляет и ст. 86 проекта Конституции Украины.

Статья 87

1. Перед вступлением в должность сенаторы и депутаты Национального Собрания Украины принимают такую присягу: «Присягаю на верность Украине. Обязуюсь всеми своими действиями охранять суверенитет и независимость Украины, заботиться о благе Отчизны, свободе и процветании Украинского народа. Присягаю соблюдать Конституцию Украины и законы, осуществлять свои полномочия в интересах всех соотечественников».

2. Отказ от принятия присяги означает автоматическое прекращение полномочий сенатора или депутата Национального Собрания Украины.

3. Полномочия сенаторов и депутатов Национального Собрания Украины начинаются с момента принесения (подписания) ими присяги.

4. Приведение сенаторов и депутатов Национального Собрания Украины к присяге осуществляют председатели палат Национального Собрания Украины или старейший по возрасту сенатор или депутат.

В проекте Конституции частично изменен текст парламентской присяги. Вместо предложения: «присягаю соблюдать

ПРИЛОЖЕНИЯ

*Конституцию Украины и законы Украины, исполнять свои обязанности в интересах всех соотечественников», предложено словосочетание: «присягаю соблюдать Конституцию Украины и законы Украины, **осуществлять свои полномочия** в интересах всех соотечественников». Подобная замена логически вытекает из отрицания в Украине императивного мандата для парламентариев.*

Что касается процедуры приведения сенаторов и депутатов к присяге, то она может быть двоякой. В случае первых или внеочередных выборов в Национальное Собрание Украины приведение сенаторов и депутатов к присяге должен осуществлять старейший по возрасту сенатор или депутат.

В случае приведения к присяге избранных в порядке ротации сенаторов, а также депутатов, избранных в Национальное Собрание Украины вместо выбывших досрочно, приведение к присяге должно осуществляться председателями соответствующих палат Национального Собрания Украины.

Статья 88

1. Сенаторы и депутаты Национального Собрания Украины не подлежат юридической ответственности за результаты голосования или высказывания в парламенте и его органах, за исключением ответственности за посягательство на честь и достоинство, оскорбление и клевету, а также умышленное распространение недостоверной информации о человеке.

2. Императивный мандат в отношении сенаторов и депутатов не признается.

3. Сенаторы и депутаты Национального Собрания Украины не могут быть арестованы или задержаны во время сессии Национального Собрания Украины без разрешения палаты Национального Собрания Украины, в состав которой они входят. Исключение составляет арест или задержание сенатора или депутата Национального Собрания Украины непосредственно на месте совершения преступления.

4. Национальному Собранию Украины запрещается повышать заработную плату действующим сенаторам и депутатам Национального Собрания Украины, за исключением сенаторов по должности.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Ст. 88 проекта Конституции не признает за сенаторами и депутатами императивного мандата. Подобный подход является общепринятым в развитых демократических странах (Франция, Италия, ФРГ, Испания, Великобритания, Польша). Сенаторы и депутаты должны учитывать волю и интересы нации в целом. Свободный мандат признается в Западной Европе, начиная уже с XIX века, с этого же времени берет свое начало и невозможность досрочного отзыва сенатора или депутата по воле избирателей.

На аналогичной позиции стоит и проект Конституции Украины. Сегодня императивный мандат существует в Китае, на Кубе и в некоторых развивающихся странах. Что же касается Западной Европы и США, то здесь даже выход депутата или сенатора из партии не приводит к потере мандата. Наказанием в подобном случае является лишение парламентария партийной поддержки на следующих выборах.

Часть третья ст. 88 проекта Конституции гарантирует сенаторам и депутатам ограниченную (функциональную) неприкосновенность. Аналогичный подход существует в США, Ирландии, Норвегии и на Филиппинах. Сенатор и депутат Национального Собрания Украины может быть арестован или задержан непосредственно на месте совершения преступления. Подобный порядок предусматривают конституции многих современных государств.

Статья 89

1. Осуществление каждым из сенаторов или депутатов Национального Собрания Украины своих полномочий не является тождественными работе Национального Собрания Украины в целом.

2. В случае очередного прекращения полномочий Национального Собрания Украины палаты парламента продолжают свою работу до дня первого пленарного заседания Национального Собрания Украины нового созыва.

3. В случае досрочного прекращения полномочий Национального Собрания Украины палаты парламента прекращают свою работу в

ПРИЛОЖЕНИЯ

день обнародования указа Президента Украины о прекращении полномочий Национального Собрания Украины.

4. В случае прекращения полномочий Национального Собрания Украины или проведения ротации его верхней палаты, полномочия сенаторов или депутатов Национального Собрания Украины, подлежащих переизбранию, продлеваются до дня принятия присяги новоизбранными сенаторами и депутатами Национального Собрания Украины.

5. Полномочия сенатора или депутата Национального Собрания Украины прекращаются досрочно в случае:

- 1) сложения полномочий по личному заявлению;
- 2) вступления в законную силу обвинительного приговора в отношении него;
- 3) признания его судом недееспособным или безвестно отсутствующим;
- 4) прекращения его гражданства или его выезда на постоянное жительство за пределы Украины;
- 5) если в течение двадцати дней со дня возникновения обстоятельств, которые влекут за собой нарушение требований относительно несовместимости сенаторского или депутатского мандата с иными видами деятельности, эти обстоятельства им не устранены;
- 6) его смерти.

6. Решение о досрочном прекращении полномочий сенатора или депутата в случаях, предусмотренных пунктами 1, 4 части пятой настоящей статьи принимается соответствующей палатой Национального Собрания Украины, а в случае, предусмотренном пунктом 5 части пятой настоящей статьи, – судом.

7. В случае вступления в законную силу обвинительного приговора суда в отношении сенатора или депутата Национального Собрания Украины, признания сенатора или депутата недееспособным или безвестно отсутствующим его полномочия прекращаются со дня вступления в законную силу решения суда, а в случае смерти сенатора или депутата – со дня смерти, удостоверенной свидетельством о смерти.

8. Полномочия сенатора или депутата Национального Собрания Украины, вступившего в должность в порядке замены, осуществля-

ПРИЛОЖЕНИЯ

ются им до истечения срока действия мандата ранее выбывшего сенатора или депутата.

Содержание ст. 89 проекта в детальных пояснениях не дается. Важными являются положения данной статьи о том, что осуществление полномочий отдельными сенаторами и депутатами Национального Собрания Украины не является тождественным работе Национального Собрания Украины в целом. Данное правило имеет серьезные процессуальные последствия в случае досрочного прекращения полномочий Национального Собрания Украины.

Содержание ст. 89 потенциально смягчает возможные негативные последствия политического противостояния Президента и Национального Собрания Украины.

Статья 90

1. Национальное Собрание Украины работает сессионно.
2. Национальное Собрание Украины является полномочным при условии избрания не менее чем двух третей от конституционного состава каждой из его палат.
3. В случае досрочного прекращения полномочий Национального Собрания Украины пленарные заседания палат прекращаются в день обнародования указа Президента Украины о прекращении парламентских полномочий.
4. Национальное Собрание Украины собирается на первую сессию не позднее, чем на десятый день после официального обнародования результатов выборов в Национальное Собрание Украины.
5. Первое заседание новоизбранного Национального Собрания Украины проводится в форме совместного заседания его палат, которое открывает старейший по возрасту сенатор или депутат.

Национальное Собрание Украины работает сессионно. Предполагается проведение двух сессий в течение года, что является средним показателем. В парламентах ФРГ, Италии и Люксембурга сессий не существует, здесь парламенты работают незапланированными пленарными заседаниями. В других странах

ПРИЛОЖЕНИЯ

парламенты работают сессионно, причем созыв сессий объявляется актом главы государства (Австрия, Великобритания, Индия, Япония).

Иногда парламент собирается на сессию по специальному расписанию (Бразилия). Количество парламентских сессий в течение года также является различным. В Украине признается необходимость проведения двух сессий в год. Один раз в год проводится парламентская сессия в США и Японии, два раза – в Испании и Франции, 3-4 раза – в Индии.

Статья 91

1. Очередные сессии Национального Собрания Украины начинаются в первый вторник февраля и первый вторник сентября каждого года.

2. Внеочередные сессии Национального Собрания Украины с указанием повестки дня созываются Председателем Палаты регионов Национального Собрания Украины по требованию Президента Украины или не менее, чем одной трети от конституционного состава Палаты регионов или Палаты депутатов Национального Собрания Украины.

3. В случае принятия указа Президента Украины о введении военного или чрезвычайного положения в Украине или в отдельных ее местностях Национальное Собрание Украины собирается на пленарное заседание в течение сорока восьми часов, не ожидая специального решения об этом.

4. В случае прекращения полномочий Национального Собрания Украины во время действия военного или чрезвычайного положения палаты продолжают осуществление своих полномочий до дня первого пленарного заседания первой сессии Национального Собрания Украины, избранного после отмены военного или чрезвычайного положения.

5. В случае прекращения полномочий Национального Собрания Украины или ротации его верхней палаты во время действия военного или чрезвычайного положения, осуществление полномочий сенаторов и депутатов Национального Собрания Украины, подлежащих переизбранию, продлевается до принятия присяги сенаторами и

ПРИЛОЖЕНИЯ

депутатами, избранными в Национальное Собрание Украины после отмены военного или чрезвычайного положения.

6. Порядок работы Национального Собрания Украины устанавливается Конституцией Украины, законами о регламенте палат Национального Собрания Украины, иными законами.

Содержание ст. 91 проекта имеет важный процессуальный смысл. Назначение данных процессуальных норм является самоочевидным и не требует специальных пояснений.

Нормативный потенциал ст. 91 проекта направлен на уменьшение риска возникновения организационных проблем в деятельности палат Национального Собрания Украины.

Статья 92

1. Национальное Собрание Украины решает вопросы на совместных и отдельных заседаниях палат, однако голосование проводится сенаторами и депутатами отдельно по палатам.

2. Совместные заседания палат Национального Собрания Украины ведут поочередно председатели палат или их заместители. Первое после избрания председателей палат Национального Собрания Украины совместное заседание палат ведет Председатель Палаты регионов Национального Собрания Украины.

3. Заседания палат Национального Собрания Украины являются открытыми. Закрытые заседания палат Национального Собрания Украины проводятся по решению большинства от конституционного состава соответствующей палаты.

4. Решения Национального Собрания Украины принимаются исключительно на пленарных заседаниях палат путем голосования.

5. Голосование осуществляется сенатором или депутатом лично. Голос, поданный сенатором или депутатом от имени другого сенатора или депутата, считается недействительным и при подсчете голосов не учитывается.

Национальное Собрание Украины работает совместными и отдельными заседаниями палат. Совместные заседания палат по церемониальным вопросам предусмотрены конституцион-

ПРИЛОЖЕНИЯ

ным законодательством Австрии и ФРГ, по вопросам открытия и закрытия сессий – законодательством Австралии, Бразилии, Мексики и Нидерландов.

Статья 93

1. Компетенция Национального Собрания Украины осуществляется путём реализации общих и исключительных полномочий палат Национального Собрания Украины.

2. Общие полномочия палат Национального Собрания Украины осуществляются принятием Палатой депутатов Национального Собрания Украины решений, которые подлежат дальнейшему рассмотрению, утверждению или отклонению их Палатой регионов Национального Собрания Украины.

3. В предусмотренных настоящей Конституцией случаях общие полномочия палат Национального Собрания Украины осуществляются также принятием сенаторами и депутатами функционально разных, но направленных на достижение единого политического результата решений.

4. Исключительные полномочия палат Национального Собрания Украины осуществляются принятием каждой из палат независимых и самостоятельных решений.

Двухпалатные парламенты отличаются друг от друга в зависимости от того, являются ли их палаты равноправными. В большинстве случаев палаты имеют одинаковые права относительно рассмотрения и принятия законов. Например, в США законопроект разрешается вносить в любую из палат конгресса. Нижние палаты имеют, как правило, особые полномочия в сфере финансов (одобрение бюджета), а верхние занимаются ратификацией международных договоров. В США и Эквадоре верхней палате принадлежит право утверждения на должности членов президентской администрации (правительства) и иных должностных лиц, назначаемых президентом. Аналогичный способ распределения полномочий предусмотрен в проекте Конституции Украины.

ПРИЛОЖЕНИЯ

*В странах, имеющих двухпалатный парламент, согласие на назначение членов правительства дают либо нижняя (Франция), либо одновременно верхняя и нижняя (Италия) палаты. Все это дает основания утверждать, что изложенная в проекте модель тяготеет к президентской республике почти в той же степени, что и к республике смешанного типа. Согласно проекту, Украина – президентско-парламентская республика с сильным президентом. Большинство современных двухпалатных парламентов исходит из принципа **неравенства** палат. Проект Конституции Украины предусматривает аналогичный подход.*

Двухпалатные парламенты в унитарных странах являются эффективным средством представительства интересов регионов (территорий). Органами регионального представительства являются двухпалатные парламенты Боливии, Италии, Испании, Колумбии и Франции.

Распространена также точка зрения, согласно которой верхние палаты являются носителями глубокого политического знания и здорового консерватизма. Поэтому вхождение в состав верхней палаты парламента Италии связывается с выдающимися заслугами кандидатов. Верхние палаты также менее втянуты в перипетии партийной борьбы. Некоторые исследователи считают, что они олицетворяют «надпартийную» разновидность политического действия.

Двухпалатные парламенты обеспечивают более консервативную систему народного представительства, чем парламенты однопалатные. Поэтому против двухпалатных парламентов в унитарных странах нередко выступают леворадикальные силы. С другой стороны, двухпалатные парламенты лучше защищены от законотворческих ошибок и выносят более сбалансированные решения, чем парламенты однопалатные. Исходя из подобных соображений, был разработан и настоящий проект. Современные представительные органы должны сочетать в себе здравый смысл и политическую мудрость. Данное обстоятельство является весомым аргументом в пользу учреждения двухпалатного парламента в Украине.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Статья 94

1. К общим полномочиям палат Национального Собрания Украины относятся:

1) внесение изменений в Конституцию Украины в порядке, предусмотренном разделом XVI настоящей Конституции;

2) назначение всеукраинского референдума по вопросам, отнесенным к компетенции Национального Собрания Украины, кроме случаев, предусмотренных настоящей Конституцией и законом;

3) принятие законов;

4) утверждение Государственного бюджета Украины и внесение в него изменений, контроль за исполнением Государственного бюджета Украины, принятие решения по отчету о его исполнении;

5) утверждение общегосударственных программ экономического, научно-технического, социального, национально-культурного развития, охраны окружающей среды;

6) заслушивание ежегодных и внеочередных посланий Президента Украины о внутреннем и внешнем положении Украины;

7) утверждение решения Президента Украины об использовании Вооруженных Сил Украины и иных законно созданных воинских и вооруженных формирований в случае внешней агрессии против Украины;

8) смещение Президента Украины с поста в порядке импичмента, предусмотренного статьей 122 настоящей Конституции;

9) рассмотрение и принятие решения по одобрению Программы деятельности Правительства Украины;

10) утверждение решений о предоставлении Украиной займов и экономической помощи иностранным государствам и международным организациям, а также о получении Украиной от иностранных государств, банков и международных финансовых организаций займов, не предусмотренных Государственным бюджетом Украины, осуществление контроля за их использованием;

11) одобрение решения о предоставлении военной помощи другим государствам, о направлении подразделений Вооруженных Сил Украины в другие государства или о допуске подразделений вооруженных сил других государств на территорию Украины;

ПРИЛОЖЕНИЯ

12) утверждение, согласно предусмотренной законом процедуре, указа Президента Украины об объявлении войны или о заключении мира; утверждение, в течение сорока восьми часов с момента принятия Президентом Украины указа о введении военного или чрезвычайного положения в Украине или в отдельных ее местностях, о всеобщей или частичной мобилизации, об объявлении отдельных местностей зоной чрезвычайной экологической ситуации;

13) дача законом согласия на обязательность международных договоров Украины и денонсация международных договоров Украины;

14) назначение на должность и освобождение от должности руководителя аппарата Национального Собрания Украины; утверждение сметы Национального Собрания Украины и структуры его аппарата;

15) утверждение перечня объектов права государственной собственности, не подлежащих приватизации, определение правовых основ изъятия объектов частной собственности;

16) заслушивание ежегодных докладов Уполномоченного Национального Собрания Украины по правам человека о состоянии соблюдения и защиты прав человека и основных свобод;

17) утверждение законом Конституции Автономной Республики Крым и внесение изменений в нее;

18) рассмотрение вопроса об ответственности Правительства Украины, принятие резолюции недоверия Правительству Украины, имеющей следствием его отставку;

19) утверждение общей структуры, численности, определение функций Вооруженных Сил Украины, Службы безопасности Украины, иных образованных в соответствии с законом воинских и вооруженных формирований, а также Министерства внутренних дел Украины;

20) осуществление иных полномочий, отнесенных к их ведению в соответствии с Конституцией Украины.

Общие полномочия палат Национального Собрания Украины в проекте являются типичными. К общим полномочиям палат Национального Собрания Украины отнесены основные полномочия ныне действующей Верховной Рады Украины. Они связаны с

ПРИЛОЖЕНИЯ

законодательной, контрольной и представительской функциями украинского парламента.

Статья 95

1. К исключительным полномочиям Палаты регионов Национального Собрания Украины относятся:

1) дача согласия на назначение Президентом Украины на должность Премьер-министра Украины, членов Правительства Украины, а также Председателя Службы безопасности Украины;

2) назначение на должность и освобождение от должности Председателя Национального банка Украины – по представлению Президента Украины;

3) назначение на должность и освобождение от должности половины состава Совета Национального банка Украины;

4) назначение на должность и освобождение от должности половины состава Национального совета Украины по вопросам телевидения и радиовещания;

5) назначение на должность и освобождение от должности членов Центральной избирательной комиссии – по представлению Президента Украины;

6) дача согласия на назначение на должность и освобождение от должности Президентом Украины Председателя Антимонопольного комитета Украины, Председателя Фонда государственного имущества Украины;

7) дача согласия на назначение на должность Президентом Украины Генерального прокурора Украины; освобождение Генерального прокурора Украины от должности в порядке, предусмотренном статьей 148 настоящей Конституции;

8) принятие решения о направлении запроса к Президенту Украины по требованию сенатора, группы сенаторов или комитета палаты, предварительно поддержанного не менее чем одной третью от конституционного состава палаты;

9) назначение на должность судей Конституционного Суда Украины – по представлению Президента Украины;

10) осуществление контроля за деятельностью Правительства Украины;

ПРИЛОЖЕНИЯ

п) осуществление иных полномочий в соответствии с настоящей Конституцией.

Ст. 95 проекта закрепляет порядок, в соответствии с которым Палата регионов Национального Собрания Украины дает согласие на назначение Премьер-министра и членов Правительства Украины Президентом Украины. Дача согласия – более мягкая, чем утверждение, форма парламентского реагирования на инициативы Президента. Данный порядок подчеркивает статус Президента Украины как главы государственной исполнительной власти. Согласно проекту, Президент Украины несет полную ответственность за деятельность исполнительной ветви власти в стране.

Несогласие Палаты регионов Национального Собрания Украины на назначение Президентом Украины Премьер-министра или членов Правительства означает невозможность правительственной деятельности. В этом случае Президент Украины может пойти на компромисс или досрочно распустить Национальное Собрание Украины. Выходом из данной ситуации может быть также временное назначение Президентом тех лиц, которые будут впоследствии заменены им на основании пункта 11 части первой ст. 117 проекта Конституции.

Другие полномочия Палаты регионов Национального Собрания Украины совпадают с кадровыми полномочиями Верховной Рады Украины (по Конституции Украины 1996). Проектом Конституции не предусматривается создание Государственного комитета по телевидению и радиовещанию Украины. Его функции успешно выполняются Национальной радой Украины по вопросам телевидения и радиовещания.

*В целом, редакция данной нормы основана на применении принципа **сдержек и противовесов** в механизме функционирования законодательной ветви власти.*

Статья 96

1. К исключительным полномочиям Палаты депутатов Национального Собрания Украины относится:

ПРИЛОЖЕНИЯ

- 1) назначение на должность и освобождение от должности Председателя и членов Счетной палаты;
- 2) избрание судей судов общей юрисдикции – бессрочно;
- 3) назначение на должность по представлению национального форума правозащитных организаций Уполномоченного Национального Собрания Украины по правам человека; выражение не менее чем двумя третями от конституционного состава палаты недоверия Уполномоченному Национального Собрания Украины по правам человека, что влечет за собой его отставку;
- 4) принятие решения о направлении по требованию депутата, группы депутатов или комитета палаты, предварительно поддержанного не менее чем одной третью от конституционного состава палаты запроса Президенту Украины;
- 5) назначение выборов Президента Украины в сроки, предусмотренные настоящей Конституцией;
- 6) образование и ликвидация районов, установление и изменение по представлению органов местного самоуправления границ районов и городов, отнесение населенных пунктов к категории городов, наименование и переименование по представлению органов местного самоуправления населенных пунктов и районов;
- 7) досрочное прекращение полномочий Верховной Рады Автономной Республики Крым при наличии заключения Конституционного Суда Украины о нарушении ею Конституции Украины или законов Украины; назначение внеочередных выборов в Верховную Раду Автономной Республики Крым;
- 8) назначение выборов в органы местного самоуправления;
- 9) осуществление контроля за деятельностью Правительства Украины;
- 10) осуществление иных полномочий в соответствии с настоящей Конституцией.

Право избрания судей судов общей юрисдикции принадлежит согласно проекту Палате депутатов Национального Собрания Украины. Объясняется это стремлением отделить избрание судей от кадровых назначений, которые возлагаются на Палату регионов Национального Собрания Украины. Это касается и по-

ПРИЛОЖЕНИЯ

рядка назначения на должность Уполномоченного Национального Собрания Украины по правам человека.

Для того, чтобы усилить независимость судебной ветви власти, из компетенции Национального Собрания Украины изъято существовавшее (до отмены политической реформы) право Верховной Рады Украины освобождать от должности судей Конституционного Суда Украины.

*Новеллой ст. 96 проекта является и то, что вопросы изменения административно-территориального устройства Украины решаются в ней **по представлению органов местного самоуправления.***

*Как и ст. 95, ст. 96 проекта Конституции являет собой пример использования принципа **сдержек и противовесов** в механизме осуществления законодательной власти.*

Статья 97

1. Сенатор и депутат Национального Собрания Украины имеет право обратиться с запросом к внутренним органам Национального Собрания Украины, к Правительству Украины, к руководителям других органов государственной власти и органов местного самоуправления, а также к руководителям предприятий, учреждений и организаций, расположенных на территории Украины, независимо от их подчинения и форм собственности.

2. Указанные в части первой настоящей статьи физические и юридические лица обязаны в установленный законом срок проинформировать сенатора или депутата о результатах рассмотрения его запроса.

Это классическая для парламентской практики норма, которая не нуждается в специальных пояснениях.

Статья 98

1. Национальное Собрание Украины по предложению не менее одной трети от конституционного состава Палаты регионов или Палаты депутатов может рассмотреть вопрос об ответственности Пра-

ПРИЛОЖЕНИЯ

ительства Украины и принять резолюцию недоверия Правительству Украины большинством от конституционного состава каждой из палат Национального Собрания Украины.

2. Вопрос об ответственности Правительства Украины не может рассматриваться Национальным Собранием Украины более одного раза в течение одной очередной сессии, а также в течение года после одобрения Программы деятельности Правительства Украины или в течение последней сессии Национального Собрания Украины.

Содержание ст. 98 проекта является «привычным» для парламентаризма. Аналогичные нормы предусматриваются действующей Конституцией Украины применительно к однопалатной Верховной Раде Украины.

Статья 99

1. Палаты Национального Собрания Украины большинством голосов от их конституционного состава избирают председателей палат и их заместителей.

2. До выборов председателей палат Национального Собрания Украины и их заместителей заседания палат ведут старейшие по возрасту сенатор и депутат.

3. Сенатор и депутат, избранные председателями палат Национального Собрания Украины, обязаны приостановить свое членство в политической партии или движении на срок пребывания в должности.

4. Каждая из палат Национального Собрания Украины большинством голосов от ее конституционного состава в любое время может отозвать с должности председателя палаты или его заместителя.

5. В отношениях с другими органами государственной власти Украины и органами власти иностранных государств Национальное Собрание Украины представляет Председатель Палаты регионов Национального Собрания Украины. Если Председатель Палаты регионов Национального Собрания Украины временно не может исполнять данную функцию, Национальное Собрание Украины представляет Председатель Палаты депутатов Национального Собрания Украины.

6. Председатели палат Национального Собрания Украины:

ПРИЛОЖЕНИЯ

1) ведут совместные и отдельные заседания палат Национального Собрания Украины;

2) организуют работу палат Национального Собрания Украины, координируют деятельность их внутренних органов;

3) подписывают акты, принятые палатами Национального Собрания Украины, а также акты, принятые Национальным Собранием Украины в целом;

4) представляют палаты Национального Собрания Украины в отношениях с другими органами государственной власти Украины и органами власти иностранных государств;

5) организуют работу аппарата палат Национального Собрания Украины.

7. Председатель Палаты регионов Национального Собрания Украины руководит работой аппарата Национального Собрания Украины.

8. Председатели палат Национального Собрания Украины осуществляют свои полномочия в соответствии с законами о регламенте каждой из палат Национального Собрания Украины.

Ст. 99 проекта Конституции предполагает, что председатель каждой из палат Национального Собрания Украины обязан приостановить членство в партии или политическом движении на весь срок исполнения полномочий спикера. Подобный порядок существует в Великобритании, беспартийным является, согласно закону, спикер парламента Швеции и др.

Остальные положения ст. 99 являются технико-юридическими.

Статья 100

1. Палаты Национального Собрания Украины для осуществления законопроектной работы, подготовки и предварительного рассмотрения вопросов, отнесенных к их ведению, исполнения контрольных функций создают из числа сенаторов и депутатов Национального Собрания Украины комитеты и избирают их председателей, первых заместителей, заместителей председателей и секретарей.

ПРИЛОЖЕНИЯ

2. Палаты Национального Собрания Украины в пределах своих полномочий могут создавать временные специальные комиссии для подготовки и предварительного рассмотрения вопросов.

3. Каждая из палат Национального Собрания Украины создает собственные комитеты и временные специальные комиссии.

4. Каждая из палат Национального Собрания Украины для проведения расследования по вопросам, представляющим общественный интерес, создает временные следственные комиссии, если за это проголосовало не менее одной трети от конституционного состава соответствующей палаты.

5. Выводы и предложения временных следственных комиссий палат не являются решающими для следствия и суда.

6. Организация и порядок деятельности комитетов палат Национального Собрания Украины, их временных специальных и временных следственных комиссий регулируется законом.

Положения ст. 100 проекта Конституции являются традиционными не только для Украины и не нуждаются в специальных пояснениях.

Статья 101

1. Президент Украины имеет право досрочно прекратить полномочия Национального Собрания Украины, если:

1) на всеукраинском референдуме будет принят закон – особо важный для общественного прогресса, который Национальное Собрание Украины не смогло принять в течение двух сессий подряд;

2) Палата регионов Национального Собрания Украины не даст согласия на назначение Президентом Украины Премьер-министра Украины или членов Правительства Украины в предусмотренный настоящей Конституцией срок;

3) в течение тридцати дней одной сессии Национальное Собрание Украины не сможет организовать работу своих пленарных заседаний;

4) количество сенаторов или депутатов станет меньше двух третей от их конституционного состава.

ПРИЛОЖЕНИЯ

2. Добровольный отказ сенатора или депутата от своего мандата, если он привел к досрочному прекращению полномочий Национального Собрания Украины, означает запрет баллотироваться в состав Национального Собрания Украины следующего созыва.

3. Президент Украины принимает решение о досрочном прекращении полномочий Национального Собрания Украины после консультаций с председателями палат и лидерами фракций Национального Собрания Украины.

4. Полномочия Национального Собрания Украины, избранного после досрочного прекращения его полномочий, не могут быть прекращены в течение года после начала его работы.

5. Полномочия Национального Собрания Украины не могут быть досрочно прекращены также:

- 1) во время военного или чрезвычайного положения;
- 2) во время импичмента Президента Украины;
- 3) в последние шесть месяцев полномочий Национального Собрания Украины;
- 4) в последние шесть месяцев полномочий Президента Украины.

Согласно проекту Конституции, Украина является страной со смешанной (третьей) формой правления. Смешанная форма правления объединяет отдельные черты президентской и парламентской республик. Президент в смешанных республиках обладает обычно правом роспуска парламента. Классическим примером смешанной формы правления принято считать Францию. Аналогичную форму правления в течение ряда лет имела Украина (1996–2004, после 2010).

Механизм досрочного прекращения парламентских полномочий функционирует в большинстве монархических и республиканских стран (за исключением президентских республик – Бразилии, США и др.). Право досрочного роспуска парламента является эффективным средством противодействия парламентскому искушению отправлять в отставку правительства. Досрочно парламентские полномочия прекращает обычно глава государства (Австрия, Великобритания, Испания, Италия, ФРГ, Япония).

ПРИЛОЖЕНИЯ

Роспуск парламента осуществляется после обязательных консультаций главы государства с правительством (Великобритания, Испания) или председателями парламентских палат и премьер-министром (Франция). Сходный порядок прекращения полномочий предусмотрен в настоящем проекте.

Досрочное прекращение парламентских полномочий осуществляется по следующим основаниям: невозможность своевременно назначить канцлера (Австрия); невозможность сформировать в установленные сроки правительство (Испания); политическая необходимость (Франция); злоупотребление вотумом недоверия правительству (Венгрия).

На основании ст. 101 проекта Конституции Президент Украины может досрочно прекратить полномочия Национального Собрания в четырех случаях. Подобное право предоставляется обычно главам государств со смешанной или парламентской формой правления. Этот шаг предпринимается президентом чаще всего по рекомендации правительства. Иногда глава государства может распустить парламент по собственной инициативе. Так, президент Франции имеет право распустить парламент после консультаций с премьер-министром и председателями палат, хотя согласие последних не является обязательным.

Президент Финляндии может распустить парламент по рекомендации правительства или по собственной инициативе. Право роспуска парламента президентом является рычагом влияния исполнительной ветви власти на ее законодательную ветвь. Поэтому конституции ограничивают определенными условиями досрочный роспуск легислатуры. Этот подход избран и в проекте Конституции Украины.

В ряде случаев, судьба парламента решается в зависимости от того, поддержит ли население инициативу президента на референдуме. Согласно проекту, полномочия Национального Собрания Украины могут быть прекращены Президентом Украины, если на референдуме будет принят принципиально важный для общественного прогресса закон, который Национальное Собрание Украины не смогло принять в течение двух сессий подряд.

Проект Конституции не требует, а **разрешает** Президенту досрочно распустить Национальное Собрание Украины. Консти-

ПРИЛОЖЕНИЯ

туции обычно запрещают распускать парламент во время чрезвычайного положения (Франция, Россия, Польша, Венгрия, Румыния). Аналогичный подход использован в данном проекте.

Статья 102

1. Национальное Собрание Украины принимает законы, постановления и иные акты большинством от конституционного состава Палаты регионов и Палаты депутатов Национального Собрания Украины, кроме случаев, предусмотренных настоящей Конституцией и законом.

Учитывая технический характер ст. 102 проекта, она не комментируется.

Статья 103

1. Исключительно законами определяются:

- 1) права человека, основные свободы, а также обязанности;
- 2) гражданство, правосубъектность граждан, статус иностранцев и лиц без гражданства;
- 3) права коренных народов и национальных меньшинств;
- 4) порядок использования государственного языка;
- 5) основы использования природных ресурсов, исключительной (морской) экономической зоны, континентального шельфа, освоения космического пространства, организации и эксплуатации энергосистем, транспорта и связи;
- 6) основы социальной защиты, формы и виды пенсионного обеспечения; основы регулирования труда и занятости, брака, семьи, охраны детства, материнства, отцовства; воспитания, образования, культуры и здравоохранения; экологической безопасности;
- 7) правовой режим собственности;
- 8) правовые основы предпринимательства; правила конкуренции и нормы антимонопольного регулирования;
- 9) основы внешних сношений, внешнеэкономической деятельности, таможенного дела;

ПРИЛОЖЕНИЯ

10) основы регулирования демографических и миграционных процессов;

11) основы создания и деятельности объединений граждан, средств массовой информации;

12) организация и деятельность органов государственной исполнительной власти; основы государственной службы, организации государственной статистики и информатики;

13) территориальное устройство Украины;

14) судоустройство, судопроизводство, статус судей, основы судебной экспертизы, организация и деятельность прокуратуры, органов дознания и следствия, нотариата, органов и учреждений исполнения наказаний; основы организации и деятельности адвокатуры;

15) основы местного самоуправления;

16) статус отдельного столичного округа; специальный статус городов;

17) основы национальной безопасности, организации Вооруженных Сил Украины и обеспечения общественного порядка;

18) правовой режим государственной границы;

19) правовой режим военного и чрезвычайного положения, зон чрезвычайной экологической ситуации;

20) порядок проведения выборов и референдумов;

21) статус сенаторов и депутатов Национального Собрания Украины;

22) основы гражданско-правовой ответственности; деяния, являющиеся преступлениями, уголовными, административными или дисциплинарными правонарушениями и ответственность за них;

23) определение всех видов информации с режимом ограниченного доступа;

24) порядок объявления войны и заключения мира.

2. Исключительно законами устанавливаются:

1) Государственный бюджет Украины и бюджетная система Украины; система налогообложения, налоги и сборы; основы создания и функционирования финансового, денежного, кредитного и инвестиционного рынков; статус национальной валюты, а также статус иностранных валют на территории Украины; порядок образования

ПРИЛОЖЕНИЯ

и погашения государственного внутреннего и внешнего долга; порядок выпуска и обращения государственных ценных бумаг, их виды и типы;

2) порядок направления подразделений Вооруженных Сил Украины в другие государства; порядок допуска и условия пребывания подразделений вооруженных сил других государств на территории Украины;

3) единицы веса, меры и времени; порядок установления государственных стандартов;

4) порядок использования государственных символов;

5) государственные награды;

6) воинские звания, дипломатические ранги и иные специальные звания;

7) государственные праздники;

8) порядок создания и функционирования свободных и других специальных зон, имеющих экономический или миграционный режим, отличный от общего.

3. Законом объявляется амнистия.

*Данный перечень соответствует, в основном, нормам действующей Конституции Украины. Новым в нем является то, что в соответствии с пунктом 23 части первой ст. 103 исключительно законом должны определяться все виды информации с ограниченным доступом: **государственная тайна, иная охраняемая законом тайна, конфиденциальная информация и персональные данные.***

*Если в действующем Основном Законе говорится о «правовых основах и **гарантиях** предпринимательства», то в проекте упоминаются только «правовые основы предпринимательства». Гарантии же предпринимательства могут, согласно проекту, устанавливаться также правительственными постановлениями.*

*Если в действующем Основном Законе говорится о том, что «исключительно законами Украины определяются **основы создания и деятельности политических партий**, то в проекте Конституции (пункт 11 части первой ст. 103) речь идет о том, что*

ПРИЛОЖЕНИЯ

исключительно законами Украины определяются основы создания и деятельности объединений граждан, средств массовой информации.

*Если в действующем Основном Законе говорится об **организации и порядке** проведения выборов и референдумов, то в проекте (пункт 20 части первой ст. 103) речь идет лишь о **порядке** проведения выборов и референдумов.*

Статья 104

1. Право законодательной инициативы в Национальном Собрании Украины принадлежит:

- 1) Президенту Украины;
- 2) Правительству Украины;
- 3) Верховному Суду Украины;
- 4) Верховной Раде Автономной Республики Крым;
- 5) сенаторам и депутатам Национального Собрания Украины;
- 6) Уполномоченному Национального Собрания Украины по правам человека.

2. Законопроекты, определенные Президентом Украины как неотложные, рассматриваются Национальным Собранием Украины вне очереди.

3. Все законопроекты, кроме законопроекта о Государственном бюджете Украины, вносятся субъектами законодательной инициативы в одну из палат Национального Собрания Украины.

Ст. 104 проекта предусматривает расширенный, по сравнению с действующей Конституцией, список субъектов права законодательной инициативы. Новыми субъектами данного права в проекте являются: Уполномоченный Национального Собрания Украины по правам человека, Верховный Суд Украины, сенаторы Национального Собрания Украины.

Расширение списка субъектов объясняется тем, что право законодательной инициативы, которое в настоящее время принадлежит народным депутатам Украины, нередко реализуется ими от имени лиц, которые подобного права не имеют. Во избе-

ПРИЛОЖЕНИЯ

жание подобного дублирования проектом предлагается более широкий список субъектов права законодательной инициативы.

Статья 105

1. Закон подписывают председатели палат Национального Собрания Украины. Председатель Палаты депутатов Национального Собрания Украины подписывает закон первым. После подписания закона Председатель Палаты регионов Национального Собрания Украины безотлагательно направляет его Президенту Украины.

2. Законопроект (за исключением законопроекта о Государственном бюджете Украины), который не был поддержан большинством голосов от конституционного состава каждой из палат Национального Собрания Украины, не считается принятым Национальным Собранием Украины.

3. Если палатам Национального Собрания Украины не удастся принять по законопроекту единого решения, он может быть передан на рассмотрение согласительного комитета, который создается палатами Национального Собрания Украины на паритетных началах.

4. После доработки законопроекта в согласительном комитете Палата депутатов Национального Собрания Украины обязана принять его на повторное рассмотрение. Одобренный согласительным комитетом законопроект может быть направлен на повторное рассмотрение в Палату депутатов Национального Собрания Украины не более трех раз.

5. Президент Украины в течение пятнадцати дней после получения закона от Председателя Палаты регионов Национального Собрания Украины подписывает его, принимая к исполнению, и официально обнародует его или возвращает закон со своими мотивированными и сформулированными предложениями Национальному Собранию Украины для повторного рассмотрения.

6. Если Президент Украины в течение установленного срока не возвратил закон для повторного рассмотрения, закон считается одобренным Президентом Украины и должен быть подписан и официально обнародован.

7. Если после применения Президентом Украины права вето закон будет вновь принят Национальным Собранием Украины не менее

ПРИЛОЖЕНИЯ

чем двумя третями от конституционного состава каждой из его палат, Президент Украины обязан его подписать и официально обнародовать.

8. Если после применения Президентом Украины права вето к закону о Государственном бюджете Украины он будет вновь принят не менее чем двумя третями от конституционного состава Палаты депутатов Национального Собрания Украины, Президент Украины обязан его подписать и официально обнародовать в течение десяти дней.

9. Закон вступает в силу через десять дней со дня его официального обнародования, если иное не предусмотрено самим законом, но не раньше дня, следующего за днём его обнародования.

10. Отказ Президента Украины подписать и обнародовать закон, который был принят согласно требованиям настоящей Конституции, является грубым нарушением Конституции Украины.

11. Закон должен быть официально обнародован в течение десяти дней после его подписания Президентом Украины.

12. Порядок принятия и обнародования постановлений, иных актов Национального Собрания Украины, а также постановлений, иных актов палат Национального Собрания Украины регулируется законами о регламенте каждой из палат Национального Собрания Украины.

Ст. 105 проекта Конституции предусматривает механизм преодоления противоречий между палатами Национального Собрания Украины, который отвечает сложившейся практике преодоления противоречий между сенатом и палатой представителей конгресса США, сенатом и национальным собранием Франции и т.п. Как известно, право верхней палаты возвращать законопроект на повторное рассмотрение в нижнюю палату является широко распространенным. Оно существует в Великобритании, Испании, Японии, России и других странах.

Право вето в отношении законов, принятых Национальным Собранием Украины, является дополнительным средством воздействия главы государства на законодательную власть. Такое право предусматривается конституциями США, России, Польши, Чехии и других стран.

В большинстве случаев вето президента преодолевается квалифицированным большинством голосов национальной legis-

ПРИЛОЖЕНИЯ

туры. В отдельных случаях вето президента преодолевается одним повторным голосованием в пользу отклоненного закона (Греция, Италия, Румыния, Венгрия). Традиционным является также право президента передавать парламентские акты на проверку в конституционные суды, равно как и выносить спорные законопроекты на референдум.

Статья 106

1. Бюджетная система Украины строится на началах справедливого распределения общественного богатства между гражданами и территориальными громадами (общинами).

2. Исключительно законом о Государственном бюджете Украины определяются главные расходы государства на общественные нужды, размер и целевое назначение этих расходов.

3. Государство обязано обеспечивать сбалансированность Государственного бюджета Украины.

4. Отчеты о доходах и расходах Государственного бюджета Украины подлежат регулярному официальному обнародованию.

Из-за своего технико-юридического характера данная статья не нуждается в пояснениях.

Статья 107

1. Государственный бюджет Украины утверждается ежегодно Национальным Собранием Украины на срок с 1 января по 31 декабря, а при особых обстоятельствах – на иной срок.

2. Законопроект о Государственном бюджете Украины принимается Палатой депутатов, после чего передается на утверждение в Палату регионов Национального Собрания Украины.

3. Если во время рассмотрения законопроекта о Государственном бюджете Украины палаты Национального Собрания Украины не смогут принять по нему согласованного решения, Председатель Палаты регионов Национального Собрания Украины обязан передать законопроект о Государственном бюджете Украины на рассмотрение со-

ПРИЛОЖЕНИЯ

гласительного комитета, который создается палатами Национального Собрания Украины на паритетных началах.

4. Если после доработки законопроекта о Государственном бюджете Украины в согласительном комитете он будет повторно отклонен Палатой регионов, или если в течение тридцати дней после его доработки в согласительном комитете Палата регионов не примет по нему решения, принятие Государственного бюджета Украины осуществляется Палатой депутатов Национального Собрания Украины самостоятельно. В этом случае закон о Государственном бюджете Украины подписывается Председателем Палаты депутатов Национального Собрания Украины и передается на подпись Президенту Украины.

5. Правительство Украины не позднее 15 сентября каждого года направляет в Национальное Собрание Украины проект закона о Государственном бюджете Украины на следующий год. Вместе с проектом закона направляется доклад о ходе исполнения Государственного бюджета Украины текущего года.

Особый порядок преодоления расхождений между палатами Национального Собрания Украины предлагается на случай рассмотрения и принятия Государственного бюджета Украины. В общих чертах данная процедура похожа на процедуру принятия государственного бюджета Франции.

Согласно проекту законопроект о бюджете вносится в Палату депутатов, а затем передается на утверждение в Палату регионов Национального Собрания Украины. Обычно всюду, где существует двухпалатный парламент, принятие бюджета является прерогативой нижней палаты. Проект бюджета обычно вносится в нижнюю палату (исключение – Индия), поскольку рекомендации верхней палаты относительно бюджета не имеют обязательного характера.

Иногда верхние палаты обладают правом наложения вето на закон о бюджете. Однако, в отличие от порядка одобрения обычных законопроектов, закон о государственном бюджете может быть принят нижней палатой парламента самостоятельно.

Без одобрения палаты лордов можно принять государственный бюджет в Великобритании, аналогичная возможность предусмотрена в Конституции Японии. В России депутаты Думы могут

ПРИЛОЖЕНИЯ

принять закон о бюджете квалифицированным большинством голосов, преодолев тем самым вето, наложенное на данный закон верхней палатой.

Статья 108

1. Правительство Украины представляет Национальному Собранию Украины отчет об исполнении Государственного бюджета Украины.
2. Представленный отчет об исполнении Государственного бюджета Украины подлежит официальному обнародованию.

Из-за своего сугубо технического характера данная статья не нуждается в комментариях.

Статья 109

1. Контроль от имени Национального Собрания Украины за поступлением средств в Государственный бюджет Украины и их использованием осуществляет Счетная палата.
2. Правовой статус Счетной палаты определяется законом.

Из-за своего технического характера данная статья не нуждается в комментариях.

Статья 110

1. Денежной единицей Украины является гривня.
2. Обеспечение стабильности денежной единицы является функцией центрального банка государства – Национального банка Украины.

Из-за своего технического характера данная статья не нуждается в комментариях.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Статья 111

1. Совет Национального банка Украины разрабатывает начала денежно-кредитной политики и осуществляет контроль за ее проведением.

2. Правовой статус Совета Национального банка Украины определяется законом.

Из-за своего технического характера данная статья не нуждается в комментариях.

Статья 112

1. Парламентский контроль за соблюдением прав человека и основных свобод возлагается на Уполномоченного Национального Собрания Украины по правам человека.

2. Уполномоченный Национального Собрания Украины по правам человека назначается на должность Палатой депутатов Национального Собрания Украины по представлению Национального форума правозащитных организаций Украины.

3. Уполномоченным Национального Собрания Украины по правам человека может быть гражданин Украины, достигший возраста не менее тридцати пяти лет и владеющий государственным языком.

4. Уполномоченный Национального Собрания Украины по правам человека назначает – в пределах средств, предусмотренных Государственным бюджетом Украины, – своих представителей в регионах, создает вспомогательные экспертные и иные органы и службы.

Ст. 112 проекта посвящается статусу Уполномоченного Национального Собрания Украины по правам человека. В отличие от действующего Основного Закона, проект предусматривает такой порядок назначения на должность Уполномоченного по правам человека, который позволяет видеть в нем настоящего представителя интересов гражданского общества в Украине.

Кандидатура на должность Уполномоченного Национального Собрания по правам человека вносится в Палату депутатов Национальным форумом правозащитных организаций Украины.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Подобный форум (союз, съезд, конференция) правозащитных организаций в течение многих лет успешно работает в Украине.

Раздел VIII

ПРЕЗИДЕНТ УКРАИНЫ

Ст. 113–123 проекта Конституции определяют правовой статус Президента Украины. В проекте найдено отображение концепция президентской власти, в соответствии с которой глава государства занимает высшее место в иерархии государственных институтов и осуществляет представительство Украинского государства на международной арене. Согласно проекту, Президент возглавляет также государственную исполнительную власть. Его полномочия приближены к модели президента в президентской республике.

Президент Украины осуществляет только общее руководство работой Правительства, непосредственно не входя в его состав. Принадлежащее ему право роспуска Национального Собрания Украины уравнивается правом Национального Собрания Украины объявить вотум недоверия Правительству Украины или подвергнуть Президента Украины импичменту за грубое нарушение им Конституции Украины.

В некоторых странах роль посредника между правительством и президентом возлагается на административного премьер-министра. В проекте Конституции Премьер-министр Украины формально не является административным, однако фактически исполняет его функции.

Статус Президента Украины в проекте Конституции относится к разновидности сильного президента в президентско-парламентской республике. В отличие от президентской республики (США), где глава исполнительной власти не может распустить парламент, Президент Украины наделен правом роспуска Национального Собрания Украины.

Однако, в отличие от президента Франции, Президент Украины не может распустить парламент по мотивам политической целесообразности. Основания для роспуска парламента указом

ПРИЛОЖЕНИЯ

президента исчерпывающе определены в статьях Конституции.

Предполагается, что новая модель президентской власти повысит устойчивость политической системы Украинского государства. Главу исполнительной власти будет невозможно отправить в отставку из-за часто имеющих место в Украине парламентских пертурбаций. Выбор в пользу президентско-парламентской, а не президентской модели объясняется также и тем, что президентская республика по-настоящему эффективно работает только в США, которые характеризуются достаточно высоким уровнем политической культуры.

Кроме того, в президентских республиках не существует механизма для разрешения противоречий между исполнительной и законодательной ветвями власти (это вытекает из принципа разделения властей). Наоборот, в президентско-парламентских республиках такой механизм необходим из-за частичного пересечения компетенций. Так или иначе, именно этот подход отражен в проекте Конституции Украины, которая считает исполнительную и законодательную власть **автономными** друг от друга.

Использованная в проекте модель смешанной республики предусматривает избрание главы государства прямыми выборами, что обеспечивает сильный характер исполнительной власти. Прямое избрание главы государства населением имеет место в США, Бразилии, Мексике, России, Франции, Азербайджане. Оно применяется также в ряде стран с парламентской формой правления, например, в Австрии, Ирландии, Исландии, Румынии, Болгарии, Польше, Словении и Молдове.

Статья 113

1. Президент Украины является главой Украинского государства и выступает от его имени.
2. Президент Украины является главой государственной исполнительной власти, не входя в состав Правительства Украины.
3. Президент Украины является Верховным Главнокомандующим Вооруженных Сил Украины.

ПРИЛОЖЕНИЯ

4. К функциям Президента Украины относятся:

- 1) общее руководство Правительством Украины;
- 2) гарантирование территориальной целостности и государственного суверенитета Украины;
- 3) надзор за соблюдением Конституции Украины;
- 4) гарантирование прав человека и основных свобод в Украине;
- 5) представительство Украинского государства в мире.

См. общий комментарий к разделу VIII проекта Конституции.

Статья 114

1. Президент Украины избирается гражданами Украины на основе всеобщего, равного и прямого избирательного права путем тайного голосования сроком на четыре года.

2. Президентом Украины может быть избран гражданин Украины, родившийся в Украине или натурализованный в гражданство Украины до достижения им возраста восемнадцати лет, которому исполнилось ко дню выборов не менее тридцати пяти лет, имеющий право голоса и проживающий в Украине не менее десяти последних перед днем выборов лет.

3. Одно и то же лицо не может быть Президентом Украины более двух сроков подряд.

4. Президент Украины не может иметь иного представительского мандата, занимать должность в органах государственной власти или в общественных объединениях, а также заниматься иной оплачиваемой либо предпринимательской деятельностью или входить в состав руководящего органа или наблюдательного совета предприятия, имеющего целью получение прибыли.

5. Выборы Президента Украины проводятся в последнее воскресенье последнего месяца четвертого года осуществления его полномочий. В случае досрочного прекращения полномочий Президента Украины выборы Президента Украины проводятся в период девяноста дней со дня прекращения его полномочий.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Часть вторая ст. 114 проекта ограничивает возможность граждан быть избранными Президентом Украины, если кандидат приобрел гражданство Украины после достижения им восемнадцати лет. Согласно проекту, Президентом Украины должен быть человек, глубоко интегрированный в культуру и народные традиции Украины.

Необходимость подобного ограничения объясняется еще и тем, что текущее законодательство Украины не проводит различия между гражданами Украины, которые родились и выросли в Украине, и теми гражданами, которые приобрели гражданство Украины после достижения ими совершеннолетия.

В остальном ст. 114 проекта является близкой по содержанию к ст. 103 действующего Основного Закона и на этом основании не нуждается в пояснениях.

Статья 115

1. Избранный Президент Украины вступает на пост не позднее чем через тридцать дней после официального обнародования результатов выборов, с момента принесения присяги народу Украины на совместном заседании палат Национального Собрания Украины.

2. Приведение Президента Украины к присяге осуществляет Председатель Палаты регионов Национального Собрания Украины.

3. Президент Украины приносит следующую присягу:

«Я, (имя и фамилия), волей народа избранный Президентом Украины, вступая на этот пост, присягаю на верность Украине. Обязуюсь всеми своими помыслами и делами отстаивать свободу Украинского народа, защищать и гарантировать Конституцию Украины, осуществлять свои полномочия в интересах соотечественников, укреплять авторитет Украины в мире».

4. Президент Украины, избранный на внеочередных выборах, приносит присягу в пятидневный срок после официального обнародования результатов выборов.

Часть вторая ст. 115 проекта возлагает обязанность приведения Президента Украины к присяге на Председателя Палаты регионов Национального Собрания Украины. По действующему

ПРИЛОЖЕНИЯ

Основному Закону это должен делать Председатель Конституционного Суда Украины, что является неубедительным и нелогичным.

Ст. 115 проекта существенно изменяет содержание текста президентской присяги. Присяга действующего Президента Украины налагает на него более десяти параллельных и трудноисполнимых обязательств. Для сравнения, присяга президента США требует от него быть гарантом осуществления национальной конституции. Текст ее гласит: «Я торжественно присягаю, что буду честно исполнять обязанности Президента Соединенных Штатов и всеми силами охранять, защищать и поддерживать Конституцию Соединенных Штатов».

Живая политическая власть должна быть **вторичной** по отношению к абстрактной власти основного закона. Данный подход в наибольшей степени соответствует требованиям конституционализма как воплощенного верховенства права.

Статья 116

1. Президент Украины пользуется правом неприкосновенности на время исполнения своих полномочий.
2. Звание Президента Украины сохраняется за ним пожизненно, если только он не был смещен с поста в порядке импичмента.

Подобная норма является традиционной не только для Украины и в пояснениях не нуждается.

Статья 117

1. Президент Украины:
  - 1) осуществляет общее руководство Правительством Украины, обеспечивает государственную независимость, национальную безопасность и правопреемство государства;
  - 2) обращается с посланиями к Украинскому народу и с ежегодными и внеочередными посланиями к Национальному Собранию Украины о внутреннем и внешнем положении Украины;

ПРИЛОЖЕНИЯ

3) представляет государство в международных отношениях, ведет переговоры и заключает международные договоры Украины;

4) принимает решение о признании иностранных государств;

5) назначает и освобождает глав дипломатических представительств Украины в других государствах и при международных организациях; принимает верительные и отзывные грамоты дипломатических представителей иностранных государств;

6) назначает всеукраинский референдум в случаях, предусмотренных настоящей Конституцией; провозглашает всеукраинский референдум по народной инициативе;

7) назначает внеочередные выборы в Национальное Собрание Украины в сроки, установленные настоящей Конституцией;

8) прекращает полномочия Национального Собрания Украины в случаях, предусмотренных настоящей Конституцией;

9) назначает на должность с согласия Палаты регионов Национального Собрания Украины Премьер-министра Украины, прекращает полномочия Премьер-министра Украины и принимает решение о его отставке;

10) назначает на должность с согласия Палаты регионов Национального Собрания Украины членов Правительства Украины, Председателя Службы безопасности Украины и освобождает их от должности; назначает на должность руководителей иных центральных органов государственной исполнительной власти и освобождает их от должности;

11) назначает на должность, за исключением должности Премьер-министра Украины, отдельных членов Правительства Украины в порядке замены, если общее количество таких назначений не превышает одной четвертой от состава новообразованного Правительства Украины;

12) назначает на должность по представлению Правительства Украины председателей местных государственных администраций и освобождает их от должности;

13) назначает на должность с согласия Палаты регионов Национального Собрания Украины Генерального прокурора Украины;

14) вносит представление в Палату регионов Национального Собрания Украины о назначении на должность и об освобождении от должности Председателя Национального банка Украины; назна-

ПРИЛОЖЕНИЯ

чает на должность и освобождает от должности половину состава Совета Национального банка Украины;

15) назначает на должность и освобождает от должности половину состава Национального совета Украины по вопросам телевидения и радиовещания;

16) назначает на должность и освобождает от должности, с согласия Палаты регионов Национального Собрания Украины Председателя Антимонопольного комитета Украины и Председателя Фонда государственного имущества Украины;

17) образует, реорганизует и ликвидирует министерства и иные центральные органы государственной исполнительной власти, действуя в пределах средств, предусмотренных бюджетом на содержание органов государственной исполнительной власти;

18) отменяет акты Правительства Украины и акты Совета министров Автономной Республики Крым;

19) назначает на должность и освобождает от должности высшее командование Вооруженных Сил Украины, иных воинских формирований; осуществляет руководство в сфере национальной безопасности и обороны Украины;

20) возглавляет Совет национальной безопасности и обороны Украины;

21) принимает, в случае вооруженной агрессии или угрозы нападения на Украину, реальной опасности государственной независимости или территориальной целостности Украины, решение о введении военного положения в Украине или в отдельных ее местностях – с последующим утверждением таких решений Национальным Собранием Украины;

22) принимает в соответствии с законом решение о всеобщей или частичной мобилизации, об использовании Вооруженных Сил Украины и иных воинских формирований в случае вооруженной агрессии против Украины – с последующим утверждением таких решений Национальным Собранием Украины;

23) принимает, в случае необходимости, решение о введении в Украине или в отдельных ее местностях чрезвычайного положения, а также объявляет, в случае необходимости, отдельные местности Украины зонами чрезвычайной экологической ситуации – с после-

ПРИЛОЖЕНИЯ

дующим утверждением таких решений Национальным Собранием Украины;

24) вносит в Палату регионов Национального Собрания Украины представление о назначении на должность судей Конституционного Суда Украины;

25) осуществляет первое назначение на должность профессионального судьи сроком на три года; образует суды в предусмотренном законом порядке;

26) присваивает высшие воинские звания, высшие дипломатические ранги и иные высшие специальные звания и классные чины; лишает, в соответствии с законом, высших воинских званий, дипломатических рангов, иных высших специальных званий и классных чинов;

27) награждает государственными наградами; устанавливает президентские знаки отличия и награждает ими;

28) выносит решение о принятии в гражданство Украины и прекращении гражданства Украины, о предоставлении убежища в Украине;

29) осуществляет помилование;

30) создает в пределах средств, предусмотренных в Государственном бюджете Украины для осуществления своих полномочий, консультативные, совещательные и иные вспомогательные органы и службы;

31) подписывает законы, принятые Национальным Собранием Украины; подписывает закон о Государственном бюджете Украины, принятый Палатой депутатов Национального Собрания Украины;

32) имеет право вето в отношении принятых Национальным Собранием Украины законов с последующим их возвращением Национальному Собранию Украины на повторное рассмотрение; имеет право вето в отношении принятого Палатой депутатов Национального Собрания Украины закона о Государственном бюджете Украины;

33) вносит представление в Палату регионов Национального Собрания Украины о назначении на должность и освобождении от должности членов Центральной избирательной комиссии;

34) осуществляет иные полномочия в соответствии с настоящей Конституцией.

ПРИЛОЖЕНИЯ

2. Президент Украины может назначить всеукраинский референдум, если Национальное Собрание Украины в течение двух сессий подряд не сможет принять закон, особо важный для общественного прогресса.

3. Прерогатива определения закона как особо важного для общественного прогресса принадлежит Президенту Украины.

4. Президент Украины не может передавать свои полномочия другим лицам или органам.

5. Президент Украины на основе и во исполнение Конституции и законов Украины издает указы и распоряжения, являющиеся обязательными для исполнения на территории Украины.

6. Акты Президента Украины, изданные в пределах полномочий, предусмотренных пунктами 3, 4, 5, 8, 10, 11, 12, 16, 17, 19, 20, 23, 24, 25, 26 части первой настоящей статьи, скрепляются подписями Премьер-министра Украины и министра, ответственного за акт и его исполнение.

7. Объявление войны и заключение мира является исключительным совместным полномочием Президента Украины и Национального Собрания Украины, осуществляемым согласно предусмотренной законом процедуре.

Полномочия Президента Украины, записанные в ст. 117 проекта Основного Закона, напоминают его полномочия по действующей Конституции Украины (1996).

Согласно проекту, Палата регионов Национального Собрания Украины дает согласие на назначение Президентом Украины Премьер-министра Украины и членов Правительства Украины. Это означает, что без одобрения парламента Правительство не может быть сформировано.

Президент Украины имеет право заменить без согласования с Палатой регионов Национального Собрания Украины до 25% состава новообразованного Правительства Украины в течение одного конституционного срока своих полномочий. Это право усиливает независимый статус исполнительной ветви власти, позволяя, в случае необходимости, понизить уровень противостояния между Президентом и Национальным Собранием Украины.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Характерной чертой современного конституционного развития является стремление преодолеть недостатки президентской и парламентской форм правления, сделав государственный механизм более гибким и одновременно устойчивым.

Речь идет об опыте государственного строительства в таких республиках, как Франция, Португалия, Финляндия, Россия и др. Их форма правления опирается на логику, в соответствии с которой президентская власть осуществляется в условиях частичного разделения исполнительских полномочий. Проще говоря, глава государства руководит исполнительной ветвью власти наряду с премьер-министром.

При этом глава государства отвечает за решение стратегических вопросов, непосредственно контролируя важнейшие направления деятельности правительства. Такой механизм осуществления власти является достаточно сложным, однако он обеспечивает реальные шансы для преодоления противоречий между ее ветвями. Глава государства может снять напряжение, распустив досрочно парламент, а парламент имеет возможность отправить в отставку правительство или угрожать импичментом президенту.

Несмотря на закрепление в органических конституциях принципа разделения властей, главе государства разрешается в ряде случаев осуществлять судебные полномочия. Нередко президенты назначают судей на должности и осуществляют помилование. Аналогичным путем развивается и конституционное законодательство Украины.

Проект модифицирует ныне существующее правомочие Президента Украины «вносить в Верховную Раду Украины представление об объявлении состояния войны» (пункт 19 части первой ст. 106 действующей Конституции).

*Объявление войны и заключение мира проект считает **исключительным совместным полномочием** Президента Украины и Национального Собрания Украины, осуществляемым согласно предусмотренной законом процедуре. См. также часть седьмую настоящей статьи, части третью и четвертую ст. 175 проекта Основного Закона.*

ПРИЛОЖЕНИЯ

Статья 118

1. Совет национальной безопасности и обороны Украины является координационным органом по вопросам национальной безопасности и обороны при Президенте Украины.

2. Совет национальной безопасности и обороны Украины координирует и контролирует деятельность органов государственной исполнительной власти в сфере национальной безопасности и обороны.

3. Председателем Совета национальной безопасности и обороны Украины является Президент Украины.

4. Персональный состав Совета национальной безопасности и обороны Украины формирует Президент Украины.

5. В состав Совета национальной безопасности и обороны Украины по должности входят Премьер-министр Украины, Министр обороны Украины, Председатель Службы безопасности Украины, Министр внутренних дел Украины, Министр иностранных дел Украины.

6. В заседаниях Совета национальной безопасности и обороны Украины могут принимать участие председатели палат Национального Собрания Украины.

7. Решения Совета национальной безопасности и обороны Украины вводятся в действие указом Президента Украины.

8. Компетенция Совета национальной безопасности и обороны Украины определяется законом.

Полномочия Совета национальной безопасности и обороны Украины по ст. 118 проекта Основного Закона фактически совпадают с его полномочиями по ст. 107 действующей Конституции Украины. На этом основании содержание данной статьи не нуждается в пояснениях.

Статья 119

1. Президент Украины осуществляет свои полномочия до вступления на пост новоизбранного Президента Украины.

2. В случае прекращения полномочий Президента Украины во время военного или чрезвычайного положения его полномочия прод-

ПРИЛОЖЕНИЯ

леваются до вступления на пост избранного после отмены военного или чрезвычайного положения Президента Украины.

3. Полномочия Президента Украины прекращаются досрочно в случае:

- 1) отставки;
- 2) невозможности исполнять свои полномочия по состоянию здоровья;
- 3) смещения с поста в порядке импичмента;
- 4) смерти.

По своему содержанию ст. 119 проекта является близкой к тексту ст. 108 действующего Основного Закона. По этой причине ее нормы не нуждаются в пояснениях.

Статья 120

1. Отставка Президента Украины вступает в силу с момента оглашения им лично заявления об отставке на совместном заседании палат Национального Собрания Украины.

Ст. 120 в специальных пояснениях не нуждается.

Статья 121

1. Невозможность исполнения Президентом Украины своих полномочий по состоянию здоровья должна быть установлена на совместном заседании палат Национального Собрания Украины и подтверждена решением большинства от конституционного состава каждой из палат на основании представления Верховного Суда Украины – по обращению Национального Собрания Украины, а также медицинского заключения.

Ст. 121 проекта является модифицированной (применительно к требованиям двухпалатной структуры парламента Украины) версией ст. 110 действующего Основного Закона.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Статья 122

1. Президент Украины может быть смещен с поста Национальным Собранием Украины в порядке импичмента в случае совершения им умышленного преступления или грубого нарушения Конституции Украины.

2. Вопрос о смещении Президента Украины с поста в порядке импичмента инициируется большинством от конституционного состава Палаты депутатов Национального Собрания Украины.

3. Для проведения расследования Палата регионов Национального Собрания Украины создает специальную временную следственную комиссию.

4. Выводы специальной временной следственной комиссии рассматриваются на заседании Палаты регионов Национального Собрания Украины.

5. При наличии оснований Палата регионов Национального Собрания Украины большинством от ее конституционного состава направляет выводы специальной временной следственной комиссии в Верховный Суд или Конституционный Суд Украины.

6. Если специальная временная следственная комиссия придет к выводу о том, что в действиях Президента Украины усматриваются признаки состава умышленного преступления, то ее выводы направляются Палатой регионов Национального Собрания Украины в Верховный Суд Украины.

7. Если специальная временная следственная комиссия придет к выводу о том, что в действиях Президента Украины усматриваются признаки грубого нарушения Конституции Украины, то ее выводы направляются Палатой регионов Национального Собрания Украины в Конституционный Суд Украины.

8. Решение о смещении Президента Украины с поста в порядке импичмента принимается Палатой регионов Национального Собрания Украины не менее чем двумя третями от ее конституционного состава на основании заключения Верховного Суда Украины или Конституционного Суда Украины о том, что в деяниях Президента содержатся признаки умышленного преступления или грубого нарушения Конституции Украины.

ПРИЛОЖЕНИЯ

9. Смещение Президента Украины с поста в порядке импичмента не освобождает его от уголовной ответственности, однако такое освобождение может иметь место по решению большинства от конституционного состава Палаты регионов Национального Собрания Украины, если Президент Украины добровольно уйдет в отставку.

Закрепленная в ст. 122 проекта процедура импичмента Президента Украины разработана в соответствии с известными конституционными образцами. В частности, в Италии президент подлежит импичменту за государственную измену или посягательство на конституцию страны, в США – за измену, совершение взятки, тяжкое преступление и иные правонарушения, в ФРГ – за умышленное нарушение основного или федерального закона, в Мексике – за государственную измену и совершение преступления.

*В данном проекте речь идет о возможности совершения Президентом Украины **умышленного** преступления или **грубого** нарушения Основного Закона Украины. При этом вопрос о квалификации такого юридического состава, как грубое нарушение Конституции Украины, остается частично открытым. Например, грубым нарушением Конституции Украины проект считает отказ Президента Украины подписать принятый в соответствии с законной процедурой закон, а также необоснованное введение им военного или чрезвычайного положения. Иные грубые нарушения Конституции Украины может определить ad hoc Конституционный Суд Украины.*

*Выполнение требований правовых норм требует от политических руководителей определенной свободы выбора, дискреции. Это означает, что полностью избежать люфта в реализации властных полномочий невозможно. По этой причине проект Конституции говорит лишь о возможном **грубом** нарушении Основного Закона Президентом. Грубое нарушение Конституции предусматривает умышленный, явный выход Президента Украины за рамки его конституционных полномочий.*

Использование высших судебных инстанций для смещения Президента Украины с поста в порядке импичмента необходимо, поскольку именно оно позволяет юридически квалифицировать

ПРИЛОЖЕНИЯ

деяние Президента в качестве умышленного преступления либо грубого нарушения Конституции. Привлечение высших судебных инстанций к процедуре импичмента предусматривается конституциями Италии, Болгарии, ФРГ (конституционный суд), Португалии, Финляндии и Румынии (верховный суд).

Статья 123

1. В случае досрочного прекращения полномочий Президента Украины в соответствии со статьями 119, 120, 121, 122 настоящей Конституции, исполнение обязанностей Президента Украины на период до избрания и вступления на пост нового Президента Украины возлагается на Премьер-министра Украины.

2. Премьер-министр Украины в период исполнения им обязанностей Президента Украины не может осуществлять полномочия, предусмотренные пунктами 2, 6, 8, 10, 11, 12, 13, 14, 16, 17, 18, 24, 27, 29 части первой статьи 117 Конституции Украины.

3. В случае невозможности исполнения обязанностей Президента Премьер-министром Украины, полномочия Президента Украины, за исключением полномочий, указанных в части второй настоящей статьи, осуществляются Председателем Палаты депутатов Национального Собрания Украины.

Согласно ст. 123 проекта, в случае невозможности исполнения обязанностей Президентом Украины, часть его полномочий временно передается Премьер-министру Украины. Сходная модель передачи полномочий существует в Австрии, России, Тунисе, Финляндии и Шри-Ланке. Новеллой проекта является то, что в нем предусматривается также возможность замены: вместо Премьер-министра Украины, исполняющего обязанности Президента Украины, полномочия Президента Украины временно переходят к Председателю Палаты депутатов Национального Собрания Украины.

Подобная цепочка замен предусматривается во многих странах. Например, если вице-президент США в силу обстоятельств не может исполнять обязанности президента, то исполнение

ПРИЛОЖЕНИЯ

президентских полномочий возлагается на председателя палаты представителей конгресса.

Очевидно, что современные конституции должны обеспечивать управляемость страной при любых обстоятельствах. В частности, риск для жизни политических лидеров возрастает параллельно с ростом их мобильности. Данным обстоятельством объясняется необходимость в разработке процедурных схем также и для экстраординарных случаев.

Раздел IX

ПРАВИТЕЛЬСТВО УКРАИНЫ, ДРУГИЕ ОРГАНЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ

*Ст. 124–131 проекта Конституции определяют статус Правительства Украины как высшего **коллегиального** органа государственной исполнительной власти. Новым в статусе Правительства является то, что оно непосредственно подчинено главе государства. Конституционно-правовая наука проводит различие между правительством, которое работает под председательством главы государства, и правительством, которое действует под руководством премьер-министра.*

Во Франции и Бельгии правительство под председательством главы государства называется советом министров, а правительство под председательством премьер-министра – советом кабинета. В отдельных странах в рамках правительства создается более узкое ядро, называемое кабинетом.

Статус Правительства Украины отвечает требованиям организации исполнительной власти в странах со смешанной формой правления, где сохраняется должность премьер-министра. В этом случае премьер-министр становится ближайшим помощником президента, и ему предоставляются все необходимые полномочия. Задачей премьер-министра является непосредственное руководство деятельностью правительства, а также осуществление ряда координационных функций.

Во многих конституциях компетенция правительства закрепляется лишь в общей форме. Вместе с тем, существуют приме-

ПРИЛОЖЕНИЯ

ры и подробной регламентации правительственных полномочий. В частности, в ст. 127 проекта предусматривается довольно широкий перечень правительственных полномочий.

Закрепив принцип разделения властей (через провозглашение автономного статуса законодательной и исполнительной ветвей власти), проект Конституции запрещает сочетать членство в Правительстве с мандатом сенатора или депутата Национального Собрания Украины. Подобное ограничение является традиционным не только для стран с президентской формой правления. Оно применяется в конституционном законодательстве Австрии, Нидерландов, Норвегии, Франции и позволяет избежать чрезмерной политизации министров, которым запрещается профессионально заниматься также коммерческой или предпринимательской деятельностью (Франция, Румыния, ФРГ).

Статья 124

1. Правительство Украины – высший коллегиальный орган в системе органов государственной исполнительной власти.
2. Общее руководство работой Правительства Украины возлагается на Президента Украины.
3. Правительство Украины ответственно перед Президентом Украины, подконтрольно и подотчетно Национальному Собранию Украины в пределах, предусмотренных настоящей Конституцией.
4. Правительство Украины руководствуется в своей деятельности Конституцией Украины, законами, актами Президента Украины.

См. комментарий к ст. 123 проекта Конституции Украины.

Статья 125

1. В состав Правительства Украины входят Премьер-министр Украины и министры.
2. Первый в списке правительственных назначений министр исполняет по совместительству обязанности вице-премьер-министра Украины.

ПРИЛОЖЕНИЯ

3. Премьер-министр Украины и члены Правительства Украины назначаются Президентом Украины с согласия большинства от конституционного состава Палаты регионов Национального Собрания Украины.

4. Президент Украины формирует Правительство Украины после консультаций с председателями палат Национального Собрания Украины и лидерами парламентских фракций.

5. Президент Украины может назначить на должность без согласия Палаты регионов отдельных членов Правительства Украины, за исключением Премьер-министра Украины, в порядке замены, если общее количество таких назначений не превышает одной четвертой состава новообразованного Правительства Украины.

6. Члены новообразованного Правительства Украины могут быть уволены Президентом Украины в порядке замены не ранее, чем через три месяца после их назначения на должность.

7. Премьер-министр Украины осуществляет непосредственное руководство работой Правительства Украины.

8. Премьер-министр Украины направляет деятельность Правительства Украины по реализации Программы деятельности Правительства Украины, одобренной Национальным Собранием Украины.

9. В случае необходимости Премьер-министр Украины входит с представлением к Президенту Украины об образовании, реорганизации и ликвидации министерств, иных центральных органов государственной исполнительной власти в пределах средств, предусмотренных Государственным бюджетом Украины на содержание этих органов.

Формирование правительства в смешанных республиках нередко осуществляется внепарламентским путем. Однако и здесь на формирование правительства влияет баланс политических сил. Как утверждает в ст. 125 проекта, Президент Украины назначает членов Правительства после консультаций с председателями палат Национального Собрания Украины и Премьер-министром Украины.

В президентско-парламентских республиках президент обычно доверяет руководство правительством лидеру партии, победившей на парламентских выборах. Однако данный способ назна-

ПРИЛОЖЕНИЯ

чения премьер-министра не является общепринятым. Согласно проекту, Президент свободен в выборе кандидатуры Премьер-министра Украины. Это свидетельствует о том, что украинская модель правительства ориентирована на сильного, легитимированного прямыми выборами Президента.

Когда на парламентских выборах побеждает партия президента, должность премьер-министра достается обычно тому, кого президент хотел бы назначить сам. Если же партия президента терпит фиаско, политическая самостоятельность премьер-министра существенно возрастает. Чтобы избежать этого, формирование Правительства проект доверяет Президенту и Палате регионов Национального Собрания Украины. Формируя Правительство, Президент консультируется с председателями палат Национального Собрания Украины, лидерами парламентских фракций и Премьер-министром. Следует заметить, что подобная практика является общепринятой.

Странам, расположенным на северо-западе Европы, известен принцип «отрицательного парламентаризма», который означает, что правительство не всегда имеет или использует парламентскую поддержку. Хотя парламент обычно утверждает программу деятельности правительства, для начала правительственной активности одобрение парламента является не обязательным. Согласно проекту, Правительство осуществляет свои полномочия до тех пор, пока парламент не откажет ему в поддержке.

Новым в проекте Конституции является и то, что в Правительстве Украины не предусматривается должность вице-премьер-министра. Подобная практика известна европейским странам. Например, в ФРГ канцлер просто назначает одного из министров своим заместителем. Обычно им становится министр иностранных дел. В проекте вице-премьером назван министр, возглавляющий первое в списке правительственных назначений министерство. Это может быть министр экономики, финансов, иностранных дел и др.

Проект не ограничивает количественного состава Правительства Украины. Принято считать, что подобные ограничения сужают правительственные возможности. С другой

ПРИЛОЖЕНИЯ

стороны, данный вопрос может эффективно регулироваться бюджетными рычагами.

Работа Правительства построена по принципу солидарной ответственности. Министры могут свободно высказывать свои взгляды при обсуждении вопросов, однако обязаны продемонстрировать исполнительскую дисциплину после официального утверждения решения.

Статья 126

1. Правительство Украины слагает свои полномочия перед новоизбранным Президентом Украины.

2. Премьер-министр Украины, министры имеют право в любое время заявить Президенту Украины о своей отставке.

3. Отставка Премьер-министра Украины влечет за собой отставку всего состава Правительства Украины.

4. Принятие Национальным Собранием Украины резолюции недоверия Правительству Украины влечет за собой его отставку.

5. Правительство Украины, отставку которого принял Президент Украины, продолжает по его поручению осуществлять свои полномочия до начала работы вновь сформированного Правительства Украины.

6. Премьер-министр Украины обязан подать Президенту Украины заявление об отставке Правительства по решению Президента Украины, а также после принятия Национальным Собранием Украины резолюции недоверия Правительству Украины.

Положения ст. 126 являются типичными для демократических стран и потому специально не комментируются.

Статья 127

1. Правительство Украины:

1) обеспечивает государственный суверенитет и экономическую самостоятельность Украины, осуществление внутренней и внеш-

ПРИЛОЖЕНИЯ

ней политики государства, исполнение Конституции и законов Украины, актов Президента Украины;

2) принимает меры по обеспечению прав человека и основных свобод, исполнению конституционных обязанностей;

3) обеспечивает проведение финансовой, ценовой, инвестиционной и налоговой политики; политики в сфере труда и занятости населения, социальной защиты, образования, науки и культуры, охраны природы, экологической безопасности и природопользования;

4) разрабатывает и осуществляет общегосударственные программы экономического, научно-технического, социального и культурного развития Украины;

5) обеспечивает равные условия развития для всех форм собственности; осуществляет управление объектами государственной собственности в соответствии с законом;

6) разрабатывает проект закона о Государственном бюджете Украины и обеспечивает исполнение утвержденного Национальным Собранием Украины Государственного бюджета Украины, представляет Национальному Собранию Украины отчет о его исполнении;

7) осуществляет меры по обеспечению обороноспособности и национальной безопасности Украины, общественного порядка, борьбы с преступностью;

8) организует и обеспечивает осуществление внешнеэкономической деятельности Украины, таможенного дела;

9) направляет и координирует работу министерств, других органов государственной исполнительной власти;

10) осуществляет иные полномочия, определенные Конституцией и законами Украины, актами Президента Украины.

Ст. 127 проекта Конституции закрепляет полномочия Правительства Украины, которые практически совпадают с полномочиями действующего Кабинета Министров Украины.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Статья 128

1. Правительство Украины в пределах своей компетенции издает постановления и распоряжения, которые являются обязательными для исполнения.

2. Акты Правительства Украины подписывает Премьер-министр Украины.

3. Нормативно-правовые акты Правительства Украины, министерств, других центральных органов государственной исполнительной власти подлежат регистрации в порядке, установленном законом.

Ст. 128 проекта по своему содержанию и структуре является типичной для практики государственного строительства Украины. Специальных пояснений данная статья не требует.

Статья 129

1. Государственную исполнительную власть в областях и районах, отдельном столичном округе и городе Севастополе осуществляют местные государственные администрации.

2. Особенности осуществления государственной исполнительной власти в отдельном столичном округе – городе Киеве и городе Севастополе определяются законом.

3. Состав местных государственных администраций формируют председатели местных государственных администраций.

4. Председатели местных государственных администраций назначаются на должность и освобождаются от должности Президентом Украины по представлению Правительства Украины.

5. Председатели местных государственных администраций при осуществлении своих полномочий ответственны перед Президентом Украины и Правительством Украины, подотчетны и подконтрольны органам государственной исполнительной власти высшего уровня.

6. Местные государственные администрации подотчетны и подконтрольны органам государственной исполнительной власти высшего уровня.

ПРИЛОЖЕНИЯ

7. Решения председателей местных государственных администраций, противоречащие Конституции Украины, иным актам законодательства Украины, могут быть отменены Президентом Украины, Премьер-министром Украины или председателем местной государственной администрации высшего уровня.

Все положения ст. 129 проекта Конституции являются прозрачными по смыслу и в дополнительных пояснениях не нуждаются.

Статья 130

1. Местные государственные администрации на соответствующей территории обеспечивают:

1) представительство и защиту общегосударственных интересов Украины;

2) контроль за исполнением Конституции и законов Украины, актов Президента Украины, Правительства Украины, министерств, иных органов государственной исполнительной власти;

3) режим законности и правопорядка, соблюдение конституционных прав человека и основных свобод, исполнение обязанностей;

4) контроль за осуществлением органами местного самоуправления предоставленных им настоящей Конституцией и законом полномочий, надзор за использованием государственных дотаций и субвенций;

5) осуществление иных предоставленных законом или делегированных им органами местного самоуправления полномочий.

2. Акты, принятые органами местного самоуправления, их должностными лицами, передаются в течение пяти дней после их подписания местным государственным администрациям соответствующего уровня.

3. Председатель местной государственной администрации может обжаловать решение местных референдумов, а также акты, принятые органами местного самоуправления, их должностными лицами по мотивам их несоответствия Конституции Украины или закону в суд.

ПРИЛОЖЕНИЯ

4. В случае высшей государственной необходимости председатель местной государственной администрации может приостановить исполнение решений местных референдумов, а также решений, принятых органами местного самоуправления, их должностными лицами, по мотивам их несоответствия Конституции Украины или закону, с одновременным обращением в суд.

Ст. 130 проекта регламентирует статус местных государственных администраций. В отличие от действующей Конституции, местные государственные администрации не наделяются полномочиями органов исполнительной власти при органах местного самоуправления.

*Вместо единого понятия «орган исполнительной власти» проектом Конституции вводятся два понятия: а) **орган государственной исполнительной власти**; б) **исполнительный орган местного самоуправления**. При этом функции местных государственных администраций частично напоминают функции префектур во Франции.*

Статья 131

1. Члены Правительства Украины, руководители центральных и местных органов государственной исполнительной власти не вправе совмещать свою служебную деятельность с другой работой (кроме преподавательской, научной и творческой работы во внерабочее время), входить в состав руководящего органа или наблюдательного совета предприятия или организации, имеющей целью получение прибыли.

2. Организация, полномочия и порядок деятельности Правительства Украины, других центральных и местных органов государственной исполнительной власти определяются Конституцией Украины и законом.

Нормы ст. 131 проекта являются прозрачными по содержанию и в пояснениях не нуждаются.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Раздел X

СУДЕБНАЯ ВЛАСТЬ, ПРОКУРАТУРА УКРАИНЫ

Ст. 132–149 проекта Конституции посвящены основам организации и деятельности судебной власти в Украине. В основном они остаются такими же, что и в действующей Конституции Украины (1996). Тем не менее, вместо названия раздела «Правосудие» в проекте используется название «Судебная власть, прокуратура Украины», что больше соответствует принципу разделения властей.

*Ст. 132 проекта Конституции исходит из того, что судебные решения должны постановляться именем **Закона**. Аргументы в пользу этого подхода были предложены ранее. Согласно проекту, прокуратура не является непосредственным элементом системы судебной власти, однако по своим функциям она близко примыкает к судебной ветви власти в Украине.*

Статья 132

1. Правосудие в Украине осуществляется исключительно судами. Делегирование функций судов, а также присвоение этих функций другими органами или должностными лицами является незаконным.
2. Юрисдикция судов распространяется на все правоотношения, возникающие в государстве.
3. Народ принимает участие в осуществлении правосудия на основе настоящей Конституции и закона.
4. Судебные решения постановляются именем Закона и являются обязательными для исполнения на всей территории Украины.
5. На суды также возлагается:
  - 1) дача разрешений на проведение следственных действий, связанных с ограничением прав и основных свобод человека;
  - 2) избрание мер предупредительного характера, дача разрешений на применение принудительных мер, связанных с временным ограничением личных и имущественных прав человека;
  - 3) закрепление доказательств в тех случаях, когда это предусмотрено законом;

ПРИЛОЖЕНИЯ

4) рассмотрение жалоб на действия лиц, ответственных за досудебное расследование.

6. Законом на суды может быть возложено осуществление также других функций.

7. Судье, контролирующему досудебное расследование по делу, запрещается рассматривать это дело по сути выдвинутого в нем обвинения.

Ст. 132 проекта является близкой по смыслу к ст. 124 действующего Основного Закона. Вместо прежней формулы: «Народ непосредственно принимает участие в осуществлении правосудия через народных заседателей и присяжных» применяется формула: «Народ принимает участие в осуществлении правосудия на основе настоящей Конституции и закона». Участие народа в осуществлении правосудия в Украине пока не является непосредственным.

Поскольку суд присяжных в Украине в настоящее время не действует, Конституция должна закрепить принцип участия народа в осуществлении правосудия как-то иначе. Что же касается частей пятой и шестой ст. 132 проекта, то их содержание является новым для Украины. Внесение в проект Конституции перечня полномочий судов, которые они обязаны осуществлять на стадии досудебного расследования, предусмотрено Концепцией реформирования криминальной юстиции в Украине (2007).

Статья 133

1. Система судов общей юрисдикции в Украине строится на основе принципов территориальности, специализации и подразделения по инстанциям.

2. Высшим судебным органом в системе судов общей юрисдикции является Верховный Суд Украины.

3. Верховный Суд Украины осуществляет официальное толкование законов Украины, решает вопрос о соответствии закону правовых актов Верховной Рады Автономной Республики Крым.

ПРИЛОЖЕНИЯ

4. Высшими судебными органами специализированных судов являются соответствующие высшие суды.
5. В соответствии с законом действуют апелляционные и местные суды.
6. Создание чрезвычайных и особых судов не допускается.

Положения ст. 133 проекта напоминают положения ст. 125 действующей Конституции Украины. Новой является здесь редакция частей второй и третьей ст. 133 проекта. В первом случае к существующим принципам территориальности и специализации добавлен принцип подразделения системы судов по инстанциям. Во втором случае речь идет об определении Верховного Суда Украины в качестве органа, который официально толкует законы Украины. Обе новеллы являются дискуссионными, хотя в пользу каждой из них представителями судебной власти в Украине предложено немало аргументов.

О целесообразности подразделения системы судов по инстанциям говорится в Концепции реформирования криминальной юстиции в Украине (2007). Проект возлагает на Верховный Суд Украины функцию официального толкования законов Украины, поскольку параллельно освобождает от этой функции Конституционный Суд. См. также комментарий к ст. 139 проекта.

Статья 134

1. Независимость и неприкосновенность судей при исполнении ими своих профессиональных обязанностей гарантируется Конституцией Украины и законом.
2. Оказывать давление или влияние на судей запрещается.
3. Судья не может без согласия Высшего совета юстиции быть задержан или арестован до вынесения судом обвинительного приговора.
4. Порядок назначения судей на должность и их освобождения от должности определяется Конституцией Украины и законом.
5. Надлежащим образом исполняющие свои обязанности судьи занимают свою должность бессрочно. Данное правило не распростра-

ПРИЛОЖЕНИЯ

няется на судей Конституционного Суда Украины, а также судей, назначенных на должность судьи впервые.

6. Судьи не несут каких-либо политических обязательств перед органами и лицами, избравшими или назначившими их на должность.

7. Полномочия судьи прекращаются органом, который его избрал или назначил, в случае:

- 1) невозможности исполнять свои полномочия по состоянию здоровья;
- 2) нарушения требований закона относительно запрета на совмещение должностей;
- 3) нарушения судьей присяги;
- 4) прекращения судьей гражданства Украины;
- 5) подачи судьей заявления об отставке или об освобождении от должности по собственному желанию;
- 6) совершения судьей деяний, несовместимых со званием судьи.

8. Полномочия судьи прекращаются по факту в случае:

- 1) окончания срока, на который судья был избран или назначен;
- 2) достижения судьей пенсионного возраста;
- 3) вступления в законную силу обвинительного приговора в отношении судьи;
- 4) признания судьи безвестно отсутствующим или объявления его умершим;
- 5) смерти.

9. Государство обеспечивает личную безопасность судей и членов их семей.

*Ст. 134 проекта является обновленной версией ст. 126 действующего Основного Закона. Вместо провозглашения независимости и неприкосновенности судей, проект предусматривает сохранение за судьей лишь **функциональной** независимости (независимости от внешнего давления и влияния во время осуществления им своих профессиональных обязанностей). Данный подход является в конституционной практике общепринятым.*

Кроме того, в отличие от части второй ст. 126 действующей Конституции, которая гласит: «Судья не может быть без со-

ПРИЛОЖЕНИЯ

гласия Верховной Рады Украины задержан или арестован до вынесения обвинительного приговора судом», в части второй ст. 134 проекта утверждается: «Судья не может быть без согласия **Высшего совета юстиции** задержан или арестован до вынесения обвинительного приговора судом». Сохранение при двухпалатном Национальном Собрании Украины существующего ныне порядка дачи разрешений на задержание или арест судьи нецелесообразно. Тем более, что парламенты в подобной ситуации обычно соглашаются с выводом соответствующего комитета.

Учитывая качество персонального состава и порядок формирования Высшего совета юстиции (в проекте), можно сделать вывод о том, что данный орган является высокопрофессиональным и достаточно авторитетным. Поэтому ему можно доверить решение вопроса о выдаче разрешений на задержание или арест судьи.

Часть шестая ст. 134 проекта содержит положение о том, что судьи не несут никаких **политических** обязательств перед органами или лицами, их избравшими или назначившими их на должность. Как гласит ст. 2 Всемирной хартии судьи (1999), лицо, занимающее судебскую должность, обязано осуществлять судебную власть без внешнего социального, экономического или политического давления, независимо от других судей и административных органов.

Новеллой ст. 134 проекта является изменение порядка прекращения полномочий судьи в зависимости от того, какие обстоятельства стали для этого причиной. В частности, часть восьмая ст. 134 проекта предусматривает **автоматическое** прекращение полномочий судьи в случае наступления таких юридических фактов: 1) достижения судьей пенсионного возраста; 2) вступления в законную силу обвинительного приговора в отношении судьи; 3) признания судьи безвестно отсутствующим или объявления его умершим; 4) смерти.

Кроме того, если в действующем Основном Законе для судей устанавливается конкретный пенсионный возраст (65 лет), то в проекте установление пенсионного возраста для судей отнесено к ведению закона.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Статья 135

1. Правосудие осуществляют профессиональные судьи. В определенных законом случаях правосудие осуществляют также народные заседатели и присяжные.

2. Профессиональные судьи не могут принадлежать к политическим партиям, движениям и профсоюзам, принимать участие в политической деятельности, баллотироваться в органы государственной власти или местного самоуправления, иметь представительский мандат, занимать иные оплачиваемые должности, выполнять иную оплачиваемую работу, за исключением научной, преподавательской и творческой.

3. На должность судьи может быть рекомендован квалификационной комиссией судей гражданин Украины не моложе тридцати лет, имеющий высшее юридическое образование, обладающий высокими моральными качествами и опытом работы в области права не менее пяти лет, прошедший специализированную судебную подготовку, проживающий в Украине не менее десяти лет и владеющий государственным языком.

4. Судьями специализированных судов могут быть лица, имеющие профессиональную подготовку по вопросам юрисдикции этих судов. Судьи специализированных судов отправляют правосудие в составе коллегии судей.

5. Дополнительные требования к отдельным категориям судей устанавливаются законом.

6. Защита профессиональных интересов судей осуществляется в порядке, установленном законом.

Часть вторая ст. 135 проекта расширяет перечень требований касательно несовместимости работы судьи с иными видами деятельности. Если действующая Конституция запрещает судьям заниматься «любой политической деятельностью», то проект конкретизирует понятие политической деятельности.

Ст. 135 проекта Конституции говорит о том, что на должность судьи должен быть рекомендован профессиональный юрист, достигший возраста не менее тридцати лет. Подобный возрастной ценз является общепринятым. Назначать на долж-

ПРИЛОЖЕНИЯ

ность судьи совсем молодых людей вынуждены страны, в которых существует острый дефицит кандидатов на судебскую должность.

*Часть третья ст. 135 проекта включает в перечень требований к судье **высокие моральные качества**, а также **специализированную судебную подготовку**. С точки зрения зарубежного опыта, данные требования являются общепринятыми.*

Статья 136

1. Первое назначение на должность профессионального судьи сроком на три года осуществляется Президентом Украины. Остальные судьи, кроме судей Конституционного Суда Украины, избираются Палатой депутатов Национального Собрания Украины бессрочно в порядке, установленном законом.

2. Председатель Верховного Суда Украины избирается на должность и освобождается от должности путем тайного голосования Пленумом Верховного Суда Украины в порядке, установленном законом.

Ст. 136 проекта является близкой по содержанию к ст. 128 действующего Основного Закона. Новеллой в ней является сокращенный испытательный срок работы судьи после первого назначения на должность (с 5 до 3 лет).

Статья 137

1. Судьи при осуществлении правосудия независимы и подчиняются только Закону.

2. Судопроизводство осуществляется судьей единолично, коллегией судей или судом присяжных.

3. Основными принципами судопроизводства являются:

- 1) верховенство права и законность;
- 2) равенство всех участников судебного процесса перед законом и судом;
- 3) обеспечение доказанности вины;

ПРИЛОЖЕНИЯ

4) состязательность сторон и свобода в предоставлении ими суду своих доказательств и в доказывании перед судом их убедительности;

5) равный доступ сторон к экспертизе;

6) поддержание государственного обвинения в суде прокурором;

7) обеспечение обвиняемому права на защиту;

8) равноправие сторон обвинения и защиты в судебном процессе;

9) открытость судебного процесса, кроме случаев, установленных законом;

10) полная фиксация судебного процесса техническими средствами;

11) обеспечение апелляционного и кассационного обжалования решения суда, кроме случаев, установленных законом;

12) осуществления судопроизводства в разумные сроки;

13) обеспечение прав и законных интересов потерпевшего, возмещение причиненного ему ущерба;

14) недопустимость направления дела на дополнительное расследование;

15) гарантированность исполнения решений суда.

4. Законом могут быть определены также другие принципы судопроизводства в судах отдельных судебных юрисдикций.

5. За неуважение к суду и судье виновные лица привлекаются к юридической ответственности.

*Часть первая ст. 137 проекта говорит о том, что судьи при осуществлении правосудия подчиняются **Закону**. Известно, что понятие «право» и «закон» не всегда совпадают. Право считается обычно содержательной частью, философским оправданием обязательности конституции и закона. Руководствоваться при осуществлении правосудия Законом – означает руководствоваться правом, справедливостью. В проекте слово «Закон» употребляется с заглавной буквы (в значении закона как права).*

Ст. 137 проекта предусматривает более широкий, по сравнению с действующей Конституцией, перечень основных прин-

ПРИЛОЖЕНИЯ

ципов судопроизводства. Новыми являются принципы судопроизводства, перечисленные в пунктах 1, 5, 12, 13, 14, 15 части третьей ст. 137 проекта. В пользу расширения перечня принципов судопроизводства свидетельствует также новая редакция права на справедливый суд (ст. 53 проекта).

Статья 138

1. Государство обеспечивает финансирование и надлежащие условия для работы судов и деятельности судей. В Государственном бюджете Украины расходы на содержание судов определяются отдельной строкой.

2. Финансирование судов осуществляется Государственным казначейством Украины через судебные администрации, подчиненные Верховному Суду Украины.

3. В Украине признается и действует судейское самоуправление.

Ст. 138 проекта Конституции говорит о том, что финансирование судов осуществляется Государственным казначейством Украины через судебные администрации, подчиненные Верховному Суду Украины. Предложенный в проекте порядок финансирования призван гарантировать независимость судов и судей от органов и должностных лиц государственной исполнительной власти.

Статья 139

1. Конституционный Суд Украины является единственным органом конституционной юрисдикции в Украине.

2. Конституционный Суд Украины решает вопросы о соответствии законов и иных правовых актов Конституции Украины и дает официальное толкование Конституции Украины.

Согласно проекту Конституции, из компетенции Конституционного Суда Украины изъято официальное толкование законов Украины. В соответствии с новой редакцией нормы Конституционный Суд Украины должен толковать закон только в случае

ПРИЛОЖЕНИЯ

проверки его на конституционность. Как известно, толкование законов конституционным судом не является общепринятым.

Исключением из данного правила является практика работы конституционных судов в Албании, Египте, Польше и Узбекистане. В большинстве стран официальное толкование законов осуществляется высшими (верховными) судами в системе судов общей юрисдикции. На этой позиции стоит и данный проект.

Статья 140

1. Конституционный Суд Украины состоит из девяти судей Конституционного Суда Украины.

2. Судьи Конституционного Суда Украины назначаются на должность по представлению Президента Украины большинством от конституционного состава Палаты регионов Национального Собрания Украины.

3. Судьей Конституционного Суда Украины может быть гражданин Украины, достигший ко дню назначения на должность возраста не менее сорока лет, имеющий высшее юридическое образование и стаж работы по специальности не менее десяти лет, проживающий в Украине в течение последних двадцати лет, предшествующих назначению на должность, и владеющий государственным языком.

4. Судья Конституционного Суда Украины назначается на десять лет без права быть назначенным на повторный срок.

5. Председатель Конституционного Суда Украины избирается на специальном пленарном заседании Конституционного Суда Украины из состава судей Конституционного Суда Украины путем тайного голосования только на один трехлетний срок.

Согласно проекту, статус Конституционного Суда Украины остается почти неизменным. Новыми являются порядок, сроки назначения на должность и общее количество конституционных судей. Согласно проекту, судьи Конституционного Суда Украины назначаются на должность по представлению Президента Украины Палатой регионов Национального Собрания Украины. Это позволяет лучше присмотреться к кандидатам, упростить процедуру замены выбывших судей, гарантирует

ПРИЛОЖЕНИЯ

публичность и прозрачность их назначения. При этом ни Президент Украины, ни Национальное Собрание Украины не смогут диктовать свою волю судье, который был отобран представителями одновременно двух ветвей власти. Сходный порядок назначения на должность существует применительно к членам Верховного Суда США.

Количество судей Конституционного Суда Украины сокращено в проекте до девяти (нечетного числа) членов. Нечетное количество судей предотвращает разделение голосов судей поровну при принятии решений.

Статья 141

1. На судей Конституционного Суда Украины распространяются гарантии независимости и неприкосновенности, основания для освобождения от должности, предусмотренные статьей 134 настоящей Конституции, а также требования относительно запрета на совмещение должностей, определенные частью второй статьи 135 настоящей Конституции.

Ст. 141 проекта является близкой по содержанию к ст. 149 действующего Основного Закона и на этом основании в пояснениях не нуждается.

Статья 142

1. К полномочиям Конституционного Суда Украины относится решение вопросов о соответствии Конституции Украины (конституционности):

- 1) законов и иных правовых актов Национального Собрания Украины;
- 2) актов Президента Украины;
- 3) актов Правительства Украины;
- 4) правовых актов Верховной Рады Автономной Республики Крым.

ПРИЛОЖЕНИЯ

2. Вопросы, предусмотренные пунктами 1, 2, 3, 4 части первой настоящей статьи рассматриваются по обращениям:

- 1) Президента Украины;
- 2) не менее чем пяти сенаторов или двадцати депутатов Национального Собрания Украины;
- 3) председателей судов общей юрисдикции;
- 4) Уполномоченного Национального Собрания Украины по правам человека;
- 5) Верховной Рады Автономной Республики Крым.

3. К полномочиям Конституционного Суда Украины относится официальное толкование Конституции Украины.

4. По вопросам, предусмотренным настоящей статьей, Конституционный Суд Украины выносит решения, которые являются обязательными для исполнения на территории Украины, окончательными и не подлежащими обжалованию.

Ст. 142 проекта близка по содержанию к ст. 150 действующего Основного Закона. Новеллой здесь является то, что часть вторая ст. 142 наделяет правом обращения в Конституционный Суд председателей судов общей юрисдикции. Кроме того, из компетенции Конституционного Суда изъято официальное толкование законов Украины.

Статья 143

1. Конституционный Суд Украины по обращению Президента Украины или Правительства Украины дает заключения о соответствии Конституции Украины действующих международных договоров Украины или тех международных договоров, которые вносятся в Национальное Собрание Украины для дачи согласия на их обязательность.

2. По обращению Палаты регионов Национального Собрания Украины на основании части пятой и седьмой статьи 122 настоящей Конституции Конституционный Суд Украины дает заключение о наличии или отсутствии в деяниях Президента Украины признаков грубого нарушения Конституции Украины.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Положения части первой ст. 143 проекта близки по содержанию к положениям части первой ст. 151 действующего Основного Закона Украины и на этом основании в специальных пояснениях не нуждаются.

Положения части второй ст. 143 проекта являются обычными правилами юридической техники.

Статья 144

1. Законы и иные правовые акты по решению Конституционного Суда Украины признаются неконституционными полностью или в отдельной части, если они не соответствуют Конституции Украины, либо если была нарушена установленная Конституцией Украины процедура их рассмотрения, принятия или вступления в силу.

2. Законы, иные правовые акты или отдельные положения их, признанные неконституционными, теряют силу со дня вынесения Конституционным Судом Украины решения об их несоответствии Конституции Украины.

3. Материальный или моральный ущерб, причиненный физическим или юридическим лицам актами и действиями, признанными неконституционными, возмещается государством в установленном законом порядке.

Ст. 144 проекта близка по содержанию к ст. 152 действующего Основного Закона и на этом основании в специальных пояснениях не нуждается.

Статья 145

1. Порядок организации и деятельности Конституционного Суда Украины, процедура рассмотрения им дел определяется законом.

Ст. 145 проекта самоочевидна и потому в пояснениях не нуждается.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Статья 146

1. Прокуратура Украины представляет собой систему государственных органов, на которую возлагается:

1) уголовное преследование лиц, предъявление обвинения, руководство досудебным расследованием и составление обвинительного заключения;

2) поддержание государственного обвинения в суде;

3) представительство интересов физических лиц или государства в суде в случаях, определенных законом;

4) надзор за соблюдением законов органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, дознание, досудебное следствие;

5) надзор за соблюдением законов при исполнении судебных решений по уголовным делам, а также при применении мер принудительного характера, связанных с ограничением личной свободы человека;

6) надзор за соблюдением прав человека и основных свобод органами государственной исполнительной власти, органами местного самоуправления, их должностными и служебными лицами;

7) надзор за соблюдением прав человека и основных свобод должностными и служебными лицами Вооруженных Сил Украины, иных воинских и вооруженных формирований Украины.

2. Прокурор, составивший обвинительный акт, обязан поддерживать государственное обвинение в суде и участвовать в апелляционном производстве по делу. Исключения из данного правила устанавливаются законом.

3. Действия или бездействие органов и должностных лиц прокуратуры могут быть обжалованы в суд.

4. Запрещается оказывать любое давление или влияние на прокуратуру.

5. Прокуратура Украины, ее должностные и служебные лица обязаны действовать только на основании, в пределах полномочий и способом, предусмотренными настоящей Конституцией и законом.

6. Деятельность прокуратуры подконтрольна Национальному Собранию Украины.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Ст. 146 проекта Конституции определяет статус прокуратуры Украины. Новый перечень функций прокуратуры соответствует положениям Концепции реформирования криминальной юстиции в Украине (2007).

На основании пункта 7 части первой ст. 145 проекта на прокуратуру возлагается надзор за соблюдением прав человека и основных свобод в Вооруженных Силах Украины, иных воинских и вооруженных формированиях. Подразделения Вооруженных Сил Украины являются особым звеном государственного механизма. Для Вооруженных Сил Украины, иных воинских и вооруженных формирований характерной особенностью их статуса является возможность применения неконтролируемого принуждения по отношению к индивиду, который и без того находится здесь в условиях ограниченной свободы. В силу данного обстоятельства на прокуратуру возлагается осуществление надзорных функций в Вооруженных Силах Украины.

Статья 147

1. Прокуратуру Украины возглавляет Генеральный прокурор Украины, который назначается на должность Президентом Украины с согласия Палаты регионов Национального Собрания Украины.
2. Срок полномочий Генерального прокурора Украины – четыре года.
3. Система органов прокуратуры Украины, за исключением предусмотренных законом случаев, соответствует построению системы судов общей юрисдикции.

Новым в ст. 147 проекта является порядок назначения на должность Генерального прокурора Украины. Генеральный прокурор Украины назначается на должность Президентом Украины с согласия Палаты регионов Национального Собрания Украины.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Статья 148

1. Генеральный прокурор Украины может быть досрочно освобожден от должности Палатой регионов Национального Собрания Украины в случае ненадлежащего исполнения им своих обязанностей.

2. Вопрос о досрочном освобождении Генерального прокурора Украины от должности может быть инициирован не менее чем одной третью от конституционного состава Палаты регионов Национального Собрания Украины.

3. Решение о досрочном освобождении Генерального прокурора Украины от должности принимается не менее чем двумя третями от конституционного состава Палаты регионов Национального Собрания Украины.

4. Защита профессиональных интересов должностных лиц прокуратуры Украины осуществляется в установленном законом порядке.

На основании части первой ст. 148 проекта досрочное освобождение Генерального прокурора Украины от должности осуществляется двумя третями от конституционного состава Палаты регионов Национального Собрания Украины. При этом для обоснования досрочного освобождения Генерального прокурора Украины от должности могут использоваться только предусмотренные законом аргументы.

При надлежащем исполнении Генеральным прокурором своих профессиональных обязанностей он может оставаться на должности в течение четырехлетнего срока. Возможности досрочного освобождения Генерального прокурора Украины от должности по решению Президента Украины проект не предусматривает. Законными основаниями для досрочного освобождения Генерального прокурора Украины от должности могли бы стать: халатность, злоупотребление служебным положением, политическая ангажированность и др. Конкретные основания для освобождения Генерального прокурора Украины от должности должны предусматриваться в законе о прокуратуре.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Статья 149

1. В Украине действует Высший совет юстиции, к ведению которого относится:

1) внесение представления о назначении судей на должность или об освобождении их от должности;

2) принятие решения по поводу нарушений судьями и прокурорами требований относительно запрета на совмещение должностей;

3) осуществление дисциплинарного производства в отношении судей Верховного Суда Украины и судей высших специализированных судов и рассмотрение жалоб на решения о привлечении к дисциплинарной ответственности судей апелляционных и местных судов, а также прокуроров;

4) временное отстранение судей от осуществления полномочий;

5) дача согласия на задержание и арест судьи до вынесения приговора судом.

2. Высший совет юстиции состоит из девятнадцати членов, не менее десяти из которых обязаны иметь опыт практической работы в должности профессионального судьи.

3. Съезд судей Украины, съезд представителей юридических высших учебных заведений и научных учреждений избирают в Высший совет юстиции по семь членов, а всеукраинская конференция работников прокуратуры – двух членов Высшего совета юстиции.

4. В состав Высшего совета юстиции входят по должности Председатель Верховного Суда Украины, Председатель Конституционного Суда Украины, Генеральный прокурор Украины.

Ст. 149 проекта посвящается определению статуса Высшего совета юстиции в Украине. Новый подход нашел свое отражение в частях первой и второй ст. 149 проекта. В части первой этой статьи утверждается, что к ведению Высшего совета юстиции относятся: временное отстранение судей от осуществления полномочий; дача согласия на задержание и арест судьи до вынесения приговора судом.

ПРИЛОЖЕНИЯ

В части второй ст. 149 говорится о том, что Высший совет юстиции состоит из девятнадцати членов, не менее десяти из которых должны иметь опыт работы в качестве профессионального судьи. Данное требование соответствует ст. 11 Всемирной хартии судьи (1999), которая требует, чтобы привлечение судей к административной и дисциплинарной ответственности осуществлялось независимым органом, более половины состава которого должны представлять судьи.

Раздел XI

СЛУЖБА БЕЗОПАСНОСТИ УКРАИНЫ, ВООРУЖЕННЫЕ СИЛЫ УКРАИНЫ, ПОЛИЦИЯ

Статья 150

1. Служба безопасности Украины призвана защищать национальные интересы Украины, ее государственный суверенитет, основы конституционного строя и территориальную целостность Украины, обеспечивать охрану государственной тайны.

2. Деятельность Службы безопасности Украины, ее подразделений, должностных и служебных лиц основывается на принципах верховенства права и законности, уважения прав человека и основных свобод, внепартийности, ответственности перед Украинским народом, Национальным Собранием и Президентом Украины.

3. Деятельность Службы безопасности Украины подлежит прокурорскому надзору.

Ст. 150 проекта определяет статус и функции Службы безопасности Украины. Приведенный в проекте перечень функций практически совпадает с перечнем задач Службы безопасности Украины согласно ст.2 Закона Украины «О Службе безопасности Украины» (1992). Конституционный перечень более узок, чем в законе, что объясняется особенностями конституционного регулирования.

Выделение в проекте Конституции главы, посвященной статусу Вооруженных Сил, Службе безопасности и полиции не являет-

ПРИЛОЖЕНИЯ

ся уникальным. Например, Конституция ЮАР (1996) содержит главу о правовом статусе национальной службы безопасности, полиции, разведки и вооруженных сил. В свою очередь, Конституция Египта (1971) содержит главы, посвященные определению статуса национальной армии и полиции.

Статья 151

1. Оборона Украины, вооруженная защита ее суверенитета и территориальной целостности возлагается на Вооруженные Силы Украины.

2. Защита государственной границы Украины осуществляется специальными воинскими формированиями и правоохранительными органами, организация и порядок деятельности которых определяются законом.

3. Запрещается использование Вооруженных Сил Украины, иных воинских и вооруженных формирований Украины для ограничения прав человека и основных свобод, насильственного изменения основ конституционного строя Украины, устранения органов государственной власти или препятствования их законной деятельности.

4. Государство гарантирует социальную защиту граждан Украины, находящихся на службе в Вооруженных Силах Украины, иных воинских и вооруженных формированиях, а также членов их семей.

5. На территории Украины запрещается создание и функционирование не предусмотренных законом воинских и вооруженных формирований.

*Ст. 151 проекта Конституции определяет основы конституционного статуса Вооруженных Сил Украины. Записанная в данной статье норма во многом совпадает с редакцией ст. 17 действующей Конституции. При этом слова Конституции Украины: «оборона Украины, защита ее суверенитета» заменены словами: «оборона Украины, **вооруженная** защита ее суверенитета».*

В проект Конституции не включены положения действующей Конституции, касающиеся запрета размещения на территории Украины иностранных военных баз.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Статья 152

1. Полиция представляет собой систему органов государственной исполнительной власти, предназначенных для защиты жизни и здоровья граждан и иных лиц, их прав и основных свобод, а также интересов общества и государства от преступных посягательств.

2. Деятельность полиции, ее должностных и служебных лиц основывается на принципах верховенства права и законности, уважения прав человека и основных свобод, внепартийности и ответственности перед Украинским народом, Национальным Собранием и Президентом Украины.

3. Полиции предоставлены полномочия по применению принудительных мер в целях, определенных частью первой настоящей статьи.

4. Применение полицией принудительных мер должно быть предусмотрено законом и являться необходимым в демократическом обществе с целью защиты от преступных посягательств жизни и здоровья граждан и других лиц, их прав и основных свобод, а также собственности, национальной безопасности и общественного порядка.

5. Государство обеспечивает социальную защиту граждан Украины, находящихся на службе в органах полиции, а также членов их семей.

6. Деятельность полиции подлежит прокурорскому надзору.

Ст. 152 проекта закрепляет статус полиции в Украине. Данная статья, как и использование в ней термина «полиция», является конституционной новеллой.

Как отмечается в проекте, полиция – это не отдельный государственный орган, а система органов государственной исполнительной власти специального назначения. Ее признаками являются особый профиль работы, предусматривающий возможность применения силового принуждения, насилия.

Название «полиция» призвано заменить существующее со времен советской власти название «милиция». Милицейскими формированиями принято в мире называть гражданские формирования самообороны.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Статья 153

1. Полномочия должностных и служебных лиц Службы безопасности Украины, Вооруженных Сил Украины, иных воинских и вооруженных формирований, а также полиции определяются Конституцией Украины и законом.

2. Должностные и служебные лица Службы безопасности Украины, Вооруженных Сил Украины, иных воинских и вооруженных формирований, а также полиции обязаны действовать исключительно на основании, в пределах полномочий и способом, предусмотренными Конституцией Украины и законом.

3. Защита профессиональных интересов должностных и служебных лиц Службы безопасности Украины, Вооруженных Сил Украины, иных воинских и вооруженных формирований, а также полиции осуществляется в порядке, предусмотренном законом.

Ст. 153 проекта Конституции посвящается закреплению статуса правоохранительных, «силовых» структур Украины. Содержание части второй ст. 153 напоминает во многом часть вторую ст. 19 действующей Конституции, в которой говорится о запрете дискреционных полномочий для государственных должностных и служебных лиц.

Силовые органы государства, их должностные и служебные лица должны действовать исключительно на основании, в пределах полномочий и способом, предусмотренными Конституцией и законами Украины. Что касается иных должностных лиц, то они обязаны руководствоваться нормой, закрепленной в части пятой ст. 2 проекта Конституции.

Статья 154

1. Деятельность Службы безопасности Украины, Вооруженных Сил Украины, иных воинских и вооруженных формирований, а также полиции подконтрольна Национальному Собранию Украины. При осуществлении парламентского контроля ссылка должностных и служебных лиц этих органов на государственную или иную охраняемую законом тайну признается недействительной.

ПРИЛОЖЕНИЯ

2. Для осуществления общественного контроля над деятельностью Службы безопасности Украины, Вооруженных Сил Украины, иных воинских и вооруженных формирований, а также полиции могут создаваться общественные правозащитные организации.

3. Информация о деятельности Службы безопасности Украины, Вооруженных Сил Украины, иных воинских и вооруженных формирований, а также полиции, за исключением сведений, которые относятся к государственной или иной охраняемой законом тайне, является публичной и открытой для общественности.

Ст. 154 проекта закрепляет гарантии парламентского и общественного контроля над деятельностью Службы безопасности, Вооруженных Сил, иных воинских и вооруженных формирований, а также полиции Украины.

Данная статья служит гарантией подконтрольности и информационной открытости силовых структур Украины. Положения части третьей ст. 154 проекта согласуются с рекомендациями Концепции реформирования криминальной юстиции в Украине (2007).

Статья 155

1. Уполномоченный Национального Собрания Украины по правам человека имеет право приостановить с целью защиты прав и основных свобод человека действие или акт любого должностного или служебного лица полиции на срок до сорока восьми часов.

Ст. 155 проекта предоставляет Уполномоченному Национального Собрания Украины по правам человека право приостанавливать в случае необходимости действие или акт любого должностного или служебного лица полиции на срок до сорока восьми часов.

Данное право предоставляется парламентскому уполномоченному для предотвращения незаконной депортации иностранцев, недопущения незаконных арестов и задержаний, для воспрепятствования незаконным переводам из мест отбывания наказания,

ПРИЛОЖЕНИЯ

предотвращения применения к арестованным или задержанным пыток и т.п.

Раздел XII

ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ УСТРОЙСТВО

Ст. 156–163 проекта регулируют территориальное устройство Украины. Проектом поддерживается идея о том, что город Киев образует отдельный столичный округ. Столица государства обычно имеет специальный правовой статус.

*Правовое положение Автономной Республики Крым в составе Украины остается, согласно проекту, почти неизменным. Однако представительство Президента Украины в Автономной Республике Крым заменено на Представительство **Правительства** Украины в Автономной Республике Крым.*

*Как отмечается также в ст. 163 проекта, в состав Правительства Украины должен входить **Министр по делам взаимных интересов Украины и Автономной Республики Крым**. Введение этой должности призвано улучшить представительство интересов Автономной Республики Крым на высшем государственном уровне.*

Статья 156

1. Территориальное устройство Украины основывается на принципах единства и целостности государственной территории, сочетания централизации и децентрализации в осуществлении государственной власти, сбалансированности социально-экономического развития регионов, с учетом их исторических, экономических, экологических, географических и демографических особенностей, этнических и культурных традиций.

Данная статья фактически повторяет содержание ст. 132 действующего Основного Закона и на этом основании в специальных комментариях не нуждается.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Статья 157

1. Систему административно-территориального устройства Украины составляют: Автономная Республика Крым, отдельный столичный округ, области, районы, города, районы в городах, поселки и села.

2. В состав Украины входят: Автономная Республика Крым, Винницкая, Волынская, Днепропетровская, Донецкая, Житомирская, Закарпатская, Запорожская, Ивано-Франковская, Киевская, Кировоградская, Луганская, Львовская, Николаевская, Одесская, Полтавская, Ровенская, Сумская, Тернопольская, Харьковская, Херсонская, Хмельницкая, Черкасская, Черновицкая, Черниговская области, отдельный столичный округ – город Киев, а также город Севастополь.

3. Статус отдельного столичного округа – города Киева, а также статус города Севастополя определяется законом.

Ст. 157 проекта является близкой по содержанию к ст. 133 действующего Основного Закона и на этом основании в специальных пояснениях не нуждается. См. также комментарий к разделу XII проекта Конституции.

Статья 158

1. Автономная Республика Крым является неотъемлемой частью Украины и в пределах полномочий, определенных Конституцией Украины, решает вопросы, отнесенные к ее ведению.

2. Органы власти Автономной Республики Крым являются органами местного самоуправления со специальным статусом.

Часть первая ст. 158 проекта аналогична по смыслу ст. 134 действующего Основного Закона и на этом основании в специальных пояснениях не нуждается.

Часть вторая ст. 158 является новеллой проекта Основного Закона. Она вносит юридическую определенность в вопрос о юридической природе Верховной Рады и Совета министров Автономной Республики Крым. В действующей Конституции Украины вопрос о юридической природе органов власти крымской автономии четко не обозначен.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Статья 159

1. Автономная Республика Крым имеет Конституцию Автономной Республики Крым, которую принимает Верховная Рада Автономной Республики Крым и утверждает законом Национальное Собрание Украины.

2. Нормативно-правовые акты Верховной Рады Автономной Республики Крым и решения Совета министров Автономной Республики Крым не могут противоречить Конституции Украины и закону и принимаются в соответствии с Конституцией Украины, законами, актами Президента Украины и Правительства Украины.

Ст. 159 является близкой по смыслу к ст. 135 действующего Основного Закона и на этом основании в специальных пояснениях не нуждается.

Статья 160

1. Представительным органом Автономной Республики Крым является Верховная Рада Автономной Республики Крым.

2. Верховная Рада Автономной Республики Крым в пределах своих полномочий принимает решения и постановления, являющиеся обязательными для исполнения в Автономной Республике Крым.

3. Органом исполнительной власти Автономной Республики Крым является Совет министров Автономной Республики Крым. Председатель Совета министров Автономной Республики Крым назначается на должность и освобождается от должности Верховной Радой Автономной Республики Крым по согласованию с Президентом Украины.

4. Полномочия, порядок формирования и деятельности Верховной Рады Автономной Республики Крым и Совета министров Автономной Республики Крым определяются Конституцией Украины и законом, нормативно-правовыми актами Верховной Рады Автономной Республики Крым по вопросам, отнесенным к ее компетенции.

5. Правосудие в Автономной Республике Крым осуществляется судами, входящими в единую систему судов Украины.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Ст. 160 проекта аналогична по смыслу ст. 136 действующего Основного Закона и на этом основании в специальных пояснениях не нуждается.

Статья 161

1. Автономная Республика Крым осуществляет нормативное регулирование по вопросам:

- 1) сельского хозяйства и лесов;
- 2) мелиорации и карьеров;
- 3) общественных работ, ремесел и промыслов; благотворительной деятельности;
- 4) градостроительства и жилищного хозяйства;
- 5) туризма, гостиничного дела, ярмарок;
- 6) музеев, библиотек, театров, других учреждений культуры, историко-культурных заповедников;
- 7) транспорта общего пользования, автодорог, водопроводов;
- 8) охоты, рыболовства;
- 9) санитарной и лечебной служб.

2. По мотивам несоответствия правовых актов Верховной Рады Автономной Республики Крым Конституции Украины или закону Президент Украины может приостановить действие правовых актов Верховной Рады Автономной Республики Крым с одновременным обращением в Конституционный Суд Украины или Верховный Суд Украины относительно их конституционности или законности.

Ст. 161 проекта близка по содержанию к ст. 137 действующего Основного Закона и на этом основании в специальных пояснениях не нуждается.

Новым в ней является то, что правовые акты Верховной Рады Автономной Республики Крым могут быть приостановлены не только по мотивам сомнения в их конституционности, но и законности. В последнем случае Президент Украины обязан обращаться не в Конституционный, а в Верховный Суд Украины.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Статья 162

1. К ведению Автономной Республики Крым относится:

1) назначение выборов депутатов Верховной Рады Автономной Республики Крым, утверждение состава Избирательной комиссии Автономной Республики Крым;

2) организация и проведение референдума Автономной Республики Крым, иных местных референдумов;

3) управление имуществом, принадлежащим Автономной Республике Крым;

4) разработка, утверждение и исполнение бюджета Автономной Республики Крым на основе единой налоговой и бюджетной политики Украины;

5) разработка, утверждение и реализация программ Автономной Республики Крым по вопросам социально-экономического и культурного развития, рационального природопользования, охраны окружающей среды – в соответствии с общегосударственными программами;

6) придание местностям статуса курортов; установление зон санитарной охраны курортов;

7) участие в обеспечении прав и основных свобод человека, содействие охране правопорядка и национальной безопасности Украины;

8) обеспечение функционирования и развития государственного и национальных языков и культур в Автономной Республике Крым; охрана и использование памятников истории и культуры;

9) участие в разработке и реализации государственных программ возвращения ранее депортированных народов;

10) инициирование введения чрезвычайного положения и установление зон чрезвычайной экологической ситуации в Автономной Республике Крым или в отдельных ее местностях.

2. Законом Украины Автономной Республике Крым могут быть делегированы также иные полномочия.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Ст. 162 проекта почти аналогична по содержанию ст. 138 действующего Основного Закона и на этом основании в специальных пояснениях не нуждается.

Статья 163

1. В Автономной Республике Крым действует Представительство Правительства Украины, статус которого определяется законом.
2. В состав Правительства Украины входит Министр по делам взаимных интересов Украины и Автономной Республики Крым.

См. общий комментарий к разделу XII проекта Конституции Украины.

Раздел XIII

МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ

Ст. 164–170 проекта Конституции посвящены принципам организации местного самоуправления в Украине. Местному самоуправлению предоставлены в проекте существенные полномочия и гарантии. Ст. 164 проекта Конституции дает новое определение местного самоуправления. В отличие от действующей Конституции, местное самоуправление в проекте определяются по формуле Европейской хартии о местном самоуправлении (1985).

Проект Конституции не поддерживает идеи базового уровня местного самоуправления в виде территориальных общин села, поселка и города. Вместо этого вводится понятие территориальной общины села, поселка, города, района, района в городе и области. Территориальную общину образуют также жители столичного округа – города Киева. Исполнительными органами местного самоуправления в проекте названы исполнительные комитеты советов, их отделы и управления. Исполнительные комитеты советов возглавляют председатели советов, которые избираются на свою должность прямым голосованием всех жителей села, поселка, города, района, района в городе и области.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Функции исполнительных органов местного самоуправления не совпадают (по проекту) с таковыми местных государственных администраций, которым предоставлены контрольно-надзорные полномочия по образцу префектур во Франции.

Статья 164

1. Местное самоуправление означает право и реальную возможность территориальной общины – жителей села, поселка, города, района, района в городе, области, столичного округа, а также созданных ими органов регламентировать определенную сферу публичных дел и руководить ими, действуя в рамках Конституции Украины и законов, под свою ответственность и в интересах местного населения.

2. Особенности осуществления местного самоуправления в отдельном столичном округе – городе Киеве, а также в городе Севастополе определяются законом.

3. Местное самоуправление осуществляется территориальной общины в порядке, установленном законом, как непосредственно, так и через органы местного самоуправления: сельские, поселковые, городские, районные, районные в городе, областные советы и их исполнительные органы.

4. Вопросы организации управления районами в городах относятся к компетенции городских советов.

5. Сельские, поселковые, городские, районные в городах советы содействуют созданию по инициативе жителей домовых, уличных, квартальных и иных органов самоорганизации населения и наделяют их частью своей компетенции, финансов и имущества.

Ст. 164 проекта самоочевидна по содержанию и на этом основании в специальных пояснениях не нуждается. См. также общие пояснения к разделу XIII проекта Конституции.

Статья 165

1. В состав сельского, поселкового, городского, районного, районного в городе и областного совета входят депутаты, которые избираются жителями села, поселка, города, района, городского района и

ПРИЛОЖЕНИЯ

области на основе всеобщего, равного, прямого избирательного права путем тайного голосования. Срок полномочий местных советов – четыре года.

2. Председатели сельских, поселковых, городских, районных, районных в городе и областных советов избираются жителями села, поселка, города, района, городского района и области на основе всеобщего, равного, прямого избирательного права путем тайного голосования сроком на четыре года.

3. Исполнительными органами местного самоуправления являются избранные депутатами сельских, поселковых, городских, районных, районных в городе и областных советов исполнительные комитеты, а также управления, отделы и иные исполнительные органы.

4. Председатели местных советов возглавляют исполнительные комитеты советов и председательствуют на их заседаниях, им подчинен аппарат соответствующего совета.

5. Статус председателей, депутатов, исполнительных органов совета и их полномочия, порядок создания, реорганизации и ликвидации определяются законом.

Ст. 165 проекта самоочевидна по содержанию и на этом основании в специальных пояснениях не нуждается. См. также общий комментарий к разделу XIII проекта Конституции.

Статья 166

1. Материальной и финансовой основой местного самоуправления является движимое и недвижимое имущество, доходы местных бюджетов, государственные дотации и субвенции, другие денежные средства, земля, природные ресурсы, находящиеся в собственности территориальных громад сел, поселков, городов, районов, районов в городах и областей.

2. Территориальные общины сел, поселков, городов, районов, районов в городах и областей могут объединять на договорных началах объекты коммунальной собственности, а также средства бюджетов для выполнения совместных проектов или для совместного финансирования (содержания) коммунальных предприятий, организаций

ПРИЛОЖЕНИЯ

и учреждений, создавать для этого соответствующие органы и службы.

3. Государство принимает участие в формировании доходов бюджетов местного самоуправления, финансово поддерживает местное самоуправление.

4. Расходы органов местного самоуправления, понесенные ими вследствие решений органов государственной власти, компенсируются государством.

Ст. 166 проекта прозрачна по смыслу и на этом основании в специальных пояснениях не нуждается. См. также общий комментарий к разделу XIII проекта Конституции.

Статья 167

1. Территориальные общины села, поселка, города, района, городского района, области непосредственно или через создаваемые ими органы местного самоуправления управляют имуществом, находящимся в коммунальной собственности; утверждают программы социально-экономического и культурного развития и контролируют их исполнение; утверждают бюджеты соответствующих административно-территориальных единиц и контролируют их исполнение; устанавливают местные налоги и сборы в соответствии с законом; обеспечивают проведение местных референдумов и реализацию их результатов; создают, реорганизуют и ликвидируют коммунальные предприятия, организации и учреждения, а также осуществляют контроль за их деятельностью; решают другие вопросы местного значения, отнесенные законом к их компетенции.

2. Областные, районные, районные в городах советы утверждают областные, районные, районные в городах бюджеты, формируемые из средств государственного бюджета, поступлений от коммунальной собственности, местных налогов и сборов, для соответствующего распределения их между территориальными общинами или для выполнения совместных проектов, а также из средств, привлеченных на договорных началах из местных бюджетов для реализации совместных социально-экономических и культурных программ, и контроли-

ПРИЛОЖЕНИЯ

руют их выполнение; решают другие вопросы, отнесенные законом к их компетенции.

3. Органам местного самоуправления могут передаваться законом отдельные полномочия органов государственной исполнительной власти. Государство финансирует осуществление этих полномочий в полном объеме за счет средств Государственного бюджета Украины или путем отнесения к местному бюджету в установленном законом порядке отдельных общегосударственных налогов, передает органам местного самоуправления соответствующие объекты государственной собственности.

4. В вопросах обеспечения государственных интересов Украины, соблюдения режима законности и правопорядка, соблюдения конституционных прав человека и основных свобод, использования государственных дотаций и субвенций, осуществления делегированных им полномочий органов государственной исполнительной власти органы местного самоуправления подконтрольны местным государственным администрациям и иным органам государственной исполнительной власти.

Ст. 167 проекта самоочевидна, прозрачна по смыслу и на этом основании в специальных пояснениях не нуждается. См. также общий комментарий к разделу XIII проекта Конституции.

Статья 168

1. Органы местного самоуправления в пределах полномочий, определенных законом, принимают решения, которые являются обязательными для исполнения на соответствующей территории.

2. Все акты, принятые органами местного самоуправления и их должностными лицами, передаются в течение пяти дней после их подписания в соответствующие местные государственные администрации.

3. Председатель местной государственной администрации имеет право обжаловать в суде решения местных референдумов, акты органов местного самоуправления, их должностных лиц по мотивам их несоответствия закону Украины.

ПРИЛОЖЕНИЯ

4. В случае высшей государственной необходимости председатель местной государственной администрации имеет право приостановить исполнение решений местных референдумов, актов органов местного самоуправления, их должностных лиц по мотивам их несоответствия Конституции Украины или закону с одновременным обращением в суд.

Ст. 168 проекта прозрачна по смыслу и на этом основании в специальных пояснениях не нуждается. См. также общий комментарий к разделу XIII данного проекта.

Статья 169

1. Права местного самоуправления защищаются в судебном порядке.

Ст. 169 проекта в специальных пояснениях не нуждается.

Статья 170

1. Все вопросы организации местного самоуправления, формирования, деятельности и ответственности органов местного самоуправления определяются Конституцией и законом.

Ст. 170 проекта почти совпадает по содержанию со ст. 146 действующего Основного Закона и на этом основании в специальных пояснениях не нуждается.

Раздел XIV

ЧРЕЗВЫЧАЙНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ

Ст. 171–174 проекта Конституции посвящены гарантиям реализации прав человека и основных свобод в условиях чрезвычайного положения. Содержание данного раздела совпадает во многом с положениями Закона Украины «О правовом режиме чрезвычайного положения» (2000). Цель данного раздела – установить и дове-

ПРИЛОЖЕНИЯ

сти до сведения населения основные правила режима чрезвычайного положения, его принципиальные характеристики.

Ст. 172 проекта гласит, что немотивированное введение чрезвычайного положения Президентом Украины является грубым нарушением Конституции Украины. Подчеркнем, что режим чрезвычайного положения регламентируется в основных законах и других стран, например, в Конституции Бразилии (1988).

Статья 171

1. Чрезвычайное положение вводится в Украине или в отдельных ее местностях в случае возникновения чрезвычайных ситуаций техногенного или естественного характера, а также при попытке захвата государственной власти или насильственного изменения основ конституционного строя Украины.

2. Режим чрезвычайного положения допускает временные, обусловленные угрозой, ограничения в осуществлении конституционных прав человека и основных свобод, прав и законных интересов юридических лиц.

Ст. 171 проекта носит технико-юридический, процессуальный характер и на этом основании в специальных пояснениях не нуждается. См. также общий комментарий к разделу XIV проекта Конституции.

Статья 172

1. Чрезвычайное положение в Украине или в отдельных ее местностях вводится Указом Президента Украины, подлежащим утверждению Национальным Собранием Украины в течение сорока восьми часов с момента его обнародования Президентом Украины.

2. Если чрезвычайное положение в Украине или в отдельных ее местностях было введено после досрочного прекращения полномочий Национального Собрания Украины, подписание Президентом Украины Указа о введении режима чрезвычайного положения означает автоматическое возобновление полномочий Национального Собрания Украины.

ПРИЛОЖЕНИЯ

3. Указ Президента Украины о введении режима чрезвычайного положения вступает в силу с момента его обнародования.

4. Указ Президента Украины о введении режима чрезвычайного положения объявляется немедленно после его подписания через средства массовой информации или иным способом.

5. Отказ Национального Собрания Украины утвердить указ Президента Украины о введении режима чрезвычайного положения означает отмену чрезвычайного положения.

6. Безосновательное, немотивированное введение Президентом Украины режима чрезвычайного положения является грубым нарушением Конституции Украины.

Ст. 172 проекта носит технико-юридический, процессуальный характер и на этом основании в специальных пояснениях не нуждается. См. также общий комментарий к разделу XIV проекта Конституции.

Статья 173

1. Чрезвычайное положение в Украине может быть введено не более чем на тридцать суток.

2. В случае необходимости чрезвычайное положение может быть продлено Президентом Украины еще на тридцать суток.

3. Указ Президента Украины о продлении режима чрезвычайного положения вступает в силу только после его утверждения Национальным Собранием Украины и обнародования согласно правилам, предусмотренным статьей 172 настоящей Конституции.

Ст. 173 проекта носит процедурный характер и на этом основании в специальных пояснениях не нуждается. См. также общий комментарий к разделу XIV проекта Конституции Украины. Положения данной статьи отвечают нормам действующего законодательства Украины.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Статья 174

1. Правила введения режима чрезвычайного положения устанавливаются настоящей Конституцией и законом.

2. Указ Президента Украины о введении или продлении режима чрезвычайного положения должен содержать исчерпывающий перечень прав человека и основных свобод, осуществление которых подлежит временному ограничению.

Ст. 174 носит процессуальный характер и на этом основании в специальных пояснениях не нуждается. См. также общий комментарий к разделу XIV проекта Конституции Украины. Положения данной статьи отвечают нормам действующего законодательства Украины.

Раздел XV

ВОЕННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ

Ст. 175–177 проекта Конституции посвящены юридическим характеристикам режима военного положения. Главное содержание данного раздела сформулировано на основе норм Закона Украины «О правовом режиме военного положения» (2000).

Аргументация относительно необходимости введения данного раздела в Конституцию Украины совпадает с аргументацией относительно необходимости введения в Конституцию раздела о чрезвычайном положении.

Статья 175

1. Военное положение вводится в Украине или в отдельных ее местностях в случае вооруженной агрессии или угрозы нападения на Украину, реальной опасности государственной независимости или территориальной целостности Украины.

2. Режим военного положения допускает временные, обусловленные угрозой, ограничения в осуществлении конституционных прав человека и основных свобод, прав и законных интересов юридических лиц.

ПРИЛОЖЕНИЯ

3. Введение режима военного положения не является объявлением войны.

4. Объявление войны и заключение мира осуществляется Президентом Украины и Национальным Собранием Украины согласно специальной процедуре, предусмотренной законом.

Ст. 175 проекта носит преимущественно процессуальный характер и на этом основании в специальных пояснениях не нуждается. См. также обций комментарий к разделу XV проекта Конституции. Почти все положения ст. 175 проекта соответствуют нормам действующего законодательства Украины.

Исключением является предусмотренный в данной статье порядок «совместного» объявления Президентом Украины и Национальным Собранием Украины войны или заключения мира. Объявление войны является особым необратимым государственным актом применения права, что объясняет потребность в разработке для этого специальной процедуры.

Статья 176

1. Военное положение в Украине или в отдельных ее местностях вводится Указом Президента Украины, подлежащим утверждению Национальным Собранием Украины в течение сорока восьми часов с момента его обнародования Президентом Украины.

2. Если военное положение в Украине или в отдельных ее местностях было введено после досрочного прекращения полномочий Национального Собрания Украины, подписание Президентом Украины Указа о введении режима военного положения означает автоматическое возобновление полномочий Национального Собрания Украины.

3. Указ Президента Украины о введении режима военного положения вступает в силу непосредственно по его обнародовании.

4. Указ Президента Украины о введении режима военного положения объявляется немедленно по его подписании через средства массовой информации или иным способом.

ПРИЛОЖЕНИЯ

5. Отказ Национального Собрания Украины утвердить Указ Президента Украины о введении режима военного положения означает его отмену.

6. Военное положение на всей территории Украины или в отдельных ее местностях отменяется Указом Президента Украины по представлению Совета национальной безопасности и обороны Украины, о чем объявляется через средства массовой информации.

7. Безосновательное немотивированное введение Президентом Украины режима военного положения является грубым нарушением Конституции Украины.

Ст. 176 проекта носит процедурный характер и на этом основании в специальных пояснениях не нуждается. См. также общий комментарий к разделу XV проекта Конституции Украины. Почти все положения ст. 176 проекта отвечают нормам действующего законодательства Украины.

Статья 177

1. Досрочное прекращение полномочий Национального Собрания Украины во время действия режима военного или чрезвычайного положения запрещается.

2. Запрещается введение или восстановление смертной казни, а также осуждение к смертной казни во время действия режима военного или чрезвычайного положения.

Ст. 177 проекта носит характер, гарантирующий право на жизнь, она отвечает существующим международным обязательствам Украины и на этом основании в специальных пояснениях не нуждается.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Раздел XVI

ПОРЯДОК ПРИНЯТИЯ И ВНЕСЕНИЯ ИЗМЕНЕНИЙ В КОНСТИТУЦИЮ УКРАИНЫ

Изложенные в ст. 178–185 проекта Конституции нормы являются в основном процессуальными. В этом смысле они нуждаются не столько в юридических, сколько в политических пояснениях. С точки зрения политической логики, проект Конституции должен приниматься представителями гражданского общества, а не государства.

Гарантией политической беспристрастности Конституционного Собрания Украины призвана служить норма о том, что его члены не могут быть избраны в состав Национального Собрания Украины первого после принятия новой Конституции Украины созыва.

Остальные нормы и статьи данного раздела относятся к правилам юридической техники.

Статья 178

1. Конституция Украины принимается не менее, чем двумя третями голосов от конституционного состава каждой из палат Конституционного Собрания Украины, которое избирается и созывается по тем же правилам, что и первый состав Национального Собрания Украины.

2. Члены Конституционного Собрания Украины не имеют права избираться в состав Национального Собрания Украины первого после принятия настоящей Конституции созыва.

3. Конституционное Собрание Украины прекращает свои полномочия с момента принятия им Конституции Украины. Принятая Конституционным Собранием Украины Конституция подлежит утверждению всеукраинским референдумом.

4. Референдум по утверждению Конституции Украины назначается Президентом Украины.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Ст. 178 проекта носит процедурный характер и на этом основании в специальных пояснениях не нуждается. См. также общие замечания к разделу XVI проекта Конституции.

Статья 179

1. Изменения в Конституцию Украины вносятся Национальным Собранием Украины, не менее чем двумя третями от конституционного состава каждой из его палат. Они подлежат утверждению не менее чем двумя третями от конституционного состава каждой из палат Национального Собрания Украины следующего очередного созыва.

2. Изменения, внесенные в разделы I и XVI Конституции Украины, подлежат утверждению всеукраинским референдумом.

3. Референдум относительно утверждения изменений, внесенных в разделы I и XVI Конституции Украины, назначается Президентом Украины.

4. Отказ Президента Украины назначить референдум для утверждения изменений, внесенных в соответствии с настоящей Конституцией в разделы I и XVI Конституции Украины, является грубым нарушением Конституции Украины.

Ст. 179 проекта носит процедурный характер и на этом основании в специальных пояснениях не нуждается. См. также общие замечания к разделу XVI проекта Конституции.

Статья 180

1. Законопроект о внесении изменений в Конституцию Украины может быть подан в Национальное Собрание Украины Президентом Украины или не менее чем одной третью от конституционного состава Палаты регионов или Палаты депутатов Национального Собрания Украины.

Статья 180 проекта носит охранительно-процессуальный характер и на этом основании в пояснениях не нуждается. См. также общие замечания к разделу XVI проекта Конституции.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Данная статья близка по содержанию к ст. 154 действующего Основного Закона.

Статья 181

1. Конституция Украины не может быть изменена, если изменения предусматривают нарушение, упразднение или ограничение прав человека и основных свобод или если они направлены на ликвидацию независимости, либо на нарушение территориальной целостности Украины.

2. Конституция Украины не может быть изменена во время действия режима военного или чрезвычайного положения.

Ст. 181 проекта носит охранительно-процессуальный характер и на этом основании в специальных пояснениях не нуждается. См. также общие замечания к разделу XVI проекта Конституции. Данная статья является близкой по содержанию к ст. 157 действующего Основного Закона.

Статья 182

1. Законопроект о внесении изменений в Конституцию Украины, который рассматривался Национальным Собранием Украины, но закон не был принят, может быть представлен в Национальное Собрание Украины не ранее чем через год со дня принятия решения по данному законопроекту.

2. Национальное Собрание Украины в течение конституционного срока своих полномочий не может дважды изменять одни и те же положения Конституции Украины.

Ст. 182 проекта носит процессуальный характер и на этом основании в специальных пояснениях не нуждается. См. также общие замечания к разделу XVI проекта Конституции Украины. Данная статья близка по содержанию к ст. 158 действующего Основного Закона.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Статья 183

1. Законопроект о внесении изменений в Конституцию Украины рассматривается Национальным Собранием Украины при наличии заключения Конституционного Суда Украины о соответствии законопроекта требованиям статей 181 и 182 настоящей Конституции.

Ст. 183 проекта носит процессуальный характер и на этом основании в специальных пояснениях не нуждается. См. также общие комментарии к разделу XVI проекта Конституции. Данная статья близка по содержанию к ст. 159 действующего Основного Закона.

Статья 184

1. Конституция Украины вступает в силу со дня ее официального обнародования.

Ст. 184 проекта предусматривает вступление в силу Основного Закона не с момента его принятия, а с момента его официального обнародования. Данный порядок вытекает из принципа, согласно которому любой нормативный акт, определяющий права и основные свободы человека, не должен вступить в законную силу до момента его официального обнародования.

Статья 185

1. День принятия Конституции Украины является государственным праздником – Днем Конституции Украины.

Раздел XVII

ПЕРЕХОДНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ

Раздел XVII необходим для обеспечения гармоничного перехода от прежней к новой Конституции Украины. Подобные положения предусматриваются действующей Конституцией Украи-

ПРИЛОЖЕНИЯ

ны (1996). На этом основании положения раздела XVII проекта Конституции в подробных пояснениях не нуждаются.

1. Законы и иные нормативно-правовые акты, принятые до вступления в силу настоящей Конституции, продолжают действовать в части, не противоречащей настоящей Конституции Украины.

2. Выборы в Национальное Собрание Украины проводятся ... 20... года.

3. Национальное Собрание Украины первого созыва собирается на сессию не позже, чем на десятый день после официального обнародования результатов выборов в Национальное Собрание Украины.

4. Первое пленарное заседание Национального Собрания Украины первого созыва открывает старейший по возрасту сенатор Национального Собрания Украины.

5. Первое, а также второе прекращение полномочий сенаторов в порядке ротации осуществляется до истечения конституционного срока их полномочий по результатам жеребьевки.

6. Выборы Президента Украины проводятся в последнее воскресенье ... 20... года.

7. Правительство Украины формируется в соответствии с требованиями настоящей Конституции в течение... месяцев после вступления ее в силу.

8. Конституционный Суд Украины формируется в соответствии с требованиями настоящей Конституции в течение... месяцев после вступления ее в силу. До формирования нового Конституционного Суда Украины толкование настоящей Конституции возлагается на действующий Конституционный Суд Украины, а толкование законов Украины – на Верховный Суд Украины.

9. Генеральный прокурор Украины назначается на должность в соответствии с настоящей Конституцией в течение ... месяцев после ее вступления в силу.

10. Уполномоченный Национального Собрания Украины по правам человека назначается на должность в соответствии с настоящей Конституцией в течение... месяцев после ее вступления в силу.

11. Председатели местных государственных администраций после вступления в силу настоящей Конституции исполняют свои обязанности в соответствии с настоящей Конституцией Украины.

ПРИЛОЖЕНИЯ

12. Сельские, поселковые, городские, районные, районные в городах и областные советы, а также их председатели после вступления в силу настоящей Конституции осуществляют свои полномочия в соответствии с новыми конституционными положениями до избрания новых местных советов в... 20... года.

13. До принятия законов, определяющих порядок осуществления государственной исполнительной власти в отдельном столичном округе – городе Киеве, а также в городе Севастополе, государственную исполнительную власть в городах Киеве и Севастополе осуществляют действующие в настоящее время структуры.

14. Судьи всех судов Украины, за исключением судей Конституционного Суда Украины, которые были избраны или назначены на должность до вступления настоящей Конституции в силу, продолжают осуществлять свои полномочия до истечения срока, на который они были избраны или назначены.

15. Использование иностранных военных баз на территории Украины продолжается на условиях аренды в порядке, определенном международными договорами Украины, согласие на обязательность которых было дано Верховной Радой Украины или Национальным Собранием Украины.

Президент Украины...

г. Киев, ... 20... года

№...

ПРИЛОЖЕНИЯ

КОНСТИТУЦІЯ УКРАЇНИ

(проект, версія 2)¹

Преамбула

Ми, громадяни Української республіки, у своєму прагненні забезпечити невід’ємні права та свободи людини і громадянина, підпорядкувати державну владу інтересам особи, а державу в цілому – інтересам суспільного загалу, піклуючись, перш за все, про свободу, добробут і безпеку свого життя, затверджуємо цю Конституцію як найвищий правний авторитет.

Розділ I

ЗАСАДИ СУСПІЛЬНОГО РОЗВОЮ

Стаття 1

Воля народу визначає волю держави і є найвищим владним політичним авторитетом.

Конституція є найвищим владним правовим авторитетом.

Законодавча, виконавча та судова гілки влади в державі підпорядковані волі народу та Конституції.

Стаття 2

Свобода народу є головним пріоритетом Конституції. Громадянський мир, безпека, захищеність та стабільність є головними пріоритетами держави.

Пріоритети держави підпорядковані пріоритетам Конституції.

¹ Настоящий проект Конституции Украины был создан в 1994 году по просьбе Украинско-Американского бюро по защите прав человека (Киев). Проект был опубликован на украинском, русском и английском языках и выдержал четыре издания. В настоящее издание внесены некоторые стилистические правки. Поскольку язык конституции представляет собой важный фактор ее нормативного смысла, в настоящем издании сохранен оригинальный (украинский) язык документа. См. также: Проект Конституції України // Права людини в Україні, № 5, 1994. – С. 6-28.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Стаття 3

Приватна власність визнається головною економічною засадою свободи народу. Приватна власність є недоторканною і може змінювати свою форму виключно за згодою власника.

Підприємницька ініціатива не обмежується.

Свобода договору гарантується.

Стаття 4

Законодавча та виконавча влади є автономними одна від одної.

Судова влада є незалежною від законодавчої та виконавчої влади.

Судова влада дослуховується волі народу лише за умови, якщо вона виражена у формі закону.

Стаття 5

Усі без винятку агенти держави, починаючи від Президента й до найдрібнішої посадової особи, повинні служити виключно на користь інтересів народу. Їхні повноваження мають визначатися саме в даній якості.

Стаття 6

Особа має право судового позову як до держави в цілому, так і до будь-якої посадової чи службової особи.

Стаття 7

Вільно чинити власною долею є головним наслідком свободи народу для кожної приватної особи.

Діяти виключно в межах окреслених законом повноважень є головним наслідком свободи народу для кожної посадової чи службової особи.

Стаття 8

Коли виникає загроза свободі народу з боку держави, народний спротив цьому в будь-якій формі визнається легітимним.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Стаття 9

Інтелектуальна сфера життя громадян не регламентується через обмеження, але можливі збитки від її здійснення підлягають відшкодуванню.

Стаття 10

Національні інтереси є пріоритетом зовнішньої політики держави, при цьому виконання вимог міжнародного права гарантується.

Належним чином підписані та ратифіковані міжнародні угоди мають пріоритет перед нормами українського законодавства, за винятком Конституції.

Розділ II

ГАРАНТІЇ СВОБОДИ

Стаття 11

Життя є передумовою свободи, отже, смертна кара вилучається із судової компетенції.

Стаття 12

Кожен громадянин має народжуватися й жити в стані свободи.

Для забезпечення цього стану будь-які витрати держави не можуть визнаватися надто високими.

Стаття 13

Ринкова економіка є уособленням засад економічної свободи.

Демократія є уособленням засад політичної свободи.

Недоторканність приватного життя є уособленням засад особистої свободи.

Економічна, політична та особиста свободи не можуть бути скасовані. Вони можуть обмежуватися лише в умовах воєнного чи надзвичайного стану виключно на підставі закону.

Стаття 14

Розмір приватних банківських рахунків та обсяг приватної власності не обмежується.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Державні податки не можуть бути такими, що становлять загрозу економічній свободі.

Торгівля є вільною.

Внутрішні та іноземні інвестиції заохочуються.

Стаття 15

Політичний присуд демократії є невідворотним. Він не може бути скасований чи обмежений доктриною, вибором церкви або окремих поколінь.

Засади поступу, керованого чимось іншим, аніж свобода і демократія, не визнаються.

Стаття 16

Демократичними визнаються рішення, ухвалені без порушення законних процедур. Порушення демократичних процедур є достатньою підставою для визнання рішення нечинним.

Стаття 17

Диктатура не може визнаватися легітимною за будь-яких обставин, поки діє ця Конституція.

Стаття 18

Права політичних меншин гарантуються. Рішення, ухвалені на підставі консенсусу, не можуть бути скасовані за згодою лише політичної більшості.

Політичні рішення більшості є імперативними лише впродовж терміну своєї легітимності.

Стаття 19

Для зайняття політичних посад принцип професійних вимог не застосовується.

Кожен повнолітній громадянин має активне та пасивне виборче право.

Політичне волевиявлення громадян не контролюється.

Право громадян на політичну індіферентність підтверджується за будь-яких обставин.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Стаття 20

Пріоритетами приватної свободи визнаються:

- 1) свобода вибору місця проживання;
- 2) свобода вибору громадянства;
- 3) свобода вибору освіти;
- 4) свобода вибору релігії;
- 5) свобода пересування в межах країни та за її кордонами;
- 6) свобода вибору сексуального партнера;
- 7) право на збройний захист себе, своєї родини та власності;
- 8) право на одержання інформації про себе;
- 9) право судового оскарження будь-яких порушень власних прав;
- 10) право на вибір національної належності;
- 11) право на вільне спілкування з іншими за власним вибором за додержання вимог невторчання в нього держави чи будь-яких третіх осіб.

Стаття 21

Свобода слова не може бути обмежена ні законом, ні персонально уособленою владою.

Стаття 22

Громадяни завжди є рівними у своїй гідності та конституційних правах, окрім права на зброю.

Спроба скасування будь-яких із конституційних суб'єктивних прав і свобод визнається нечинною від початку.

Судовий позов для захисту конституційних прав і свобод безпосередньо на підставі Конституції гарантується.

Стаття 23

Оскільки визнається право громадянина на збройний захист, вільне придбання особистої зброї гарантується.

Обмеження цього права може мати місце лише на підставі особистого статусу, визначеного законом.

ПРИЛОЖЕННЯ

Стаття 24

Оскільки визнається можливість непересічних здібностей людей, право громадян на неконформну поведінку гарантується.

Стаття 25

Ніхто не може бути примушений до страйку або до неучасті в ньому.

Страйк в умовах, коли наймодавцем є держава, може бути заборонений тільки для посадових осіб, але не більше, ніж під загрозою локауту.

Страйк в умовах, коли наймодавцем виступає не держава, а хтось інший, гарантується за будь-яких умов, окрім воєнного або надзвичайного стану.

На Прокуратуру, Службу безпеки, Збройні Сили та поліцію дія цієї статті не поширюється.

Стаття 26

Ніхто не може бути примушений до вступу в професійні спілки, творчі спілки, партії, рухи, союзи підприємців та інші асоціації, засновані на колективному інтересі.

Стаття 27

Право на альтернативну, стосовно військової, службу або роботу гарантується.

Стаття 28

Закони України, Укази Президента України, постанови Уряду України завжди оприлюднюються і є загальнодоступними.

Акти самоврядування завжди оприлюднюються і є загальнодоступними.

Ніхто не може бути притягнутий до відповідальності на підставі нормативно-правового акта, який не був оприлюднений.

Стаття 29

Закони та інші нормативно-правові акти, які погіршують стан громадянина або юридичної особи, зворотної сили не мають.

ПРИЛОЖЕННЯ

Стаття 30

Презумпція невинуватості гарантується аж до набуття чинності судовим вироком.

Стаття 31

Ніхто не може бути примушений свідчити проти себе або членів своєї родини.

Стаття 32

Виправдувальний вирок суду, якщо він задовольняє підсудного, не може бути скасований у жодному разі.

Стаття 33

Кожен, хто підозрюється у скоєнні злочину або правопорушення, має право на юридичну допомогу з моменту, коли така підозра висловлена йому першою-ліпшою посадовою особою.

Стаття 34

Арешт і обшук у нічний час у власному помешканні чи володінні громадян забороняється.

Стаття 35

Арешт без санкції судді є підставою для реабілітації заарештованого незалежно від наявності доказів його винуватості.

Стаття 36

Будь-яке безпідставне притягнення до кримінальної відповідальності становить злочин і має бути відшкодоване.

Стаття 37

Кожен, кого позбавлено волі, має право на персональну зустріч із суддею з приводу оскарження рішення про позбавлення волі.

Стаття 38

Кожен, кого позбавлено волі, має право на невідкладне повідомлення родичів або інших близьких йому людей про свій стан.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Стаття 39

Кожен, чия свобода обмежується на законній підставі посадовою особою, повинен одержати відразу після обмеження своєї свободи «Картку гарантій прав особи, чия свобода обмежується».

Нехтування цим правилом з боку посадової або службової особи спричиняється до реабілітації особи, чия свобода була обмежена, незалежно від наявності доказів вини.

Стаття 40

Ніхто не може бути підданий тортурам або жорсткому поводженню з боку посадових чи службових осіб в умовах обмеженої свободи.

Режим перебування громадян у місцях позбавлення волі не може мати на меті приниження їхньої гідності. Стан несвободи є достатнім покаранням.

Стаття 41

Громадяни, які перебувають у соціально незахищеному стані не з власної вини, мають право на соціальний захист та матеріальну допомогу коштом держави.

Стаття 42

Кожному гарантується право бути суб'єктом та об'єктом благодійницької діяльності.

Стаття 43

Обов'язок спілкування певною мовою може бути покладений тільки на посадових та службових осіб.

Стаття 44

Оскільки національна належність громадян є справою приватного вибору, розвиток будь-якої національної культури гарантується режимом невтручання.

Стаття 45

Перелік зазначених гарантій свободи не є вичерпним, захист свободи не обмежується зазначеними гарантіями.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Розділ III

ГРОМАДЯНСЬКЕ СУСПІЛЬСТВО

Стаття 46

Громадянське суспільство – самосвідома, самоврядна недержавна ланка народу.

Громадянське суспільство є домінуючим фактором поступу, воно має засадничу зверхність щодо держави.

Діяльність державних органів, їхніх посадових та службових осіб має контролюватися громадськістю. Для цього можуть створюватися будь-які асоціації громадян.

Стаття 47

Свобода партій та асоціацій гарантується, їхня діяльність не контролюється державою, за винятком додержання в їхній діяльності вимог Конституції та закону.

Стаття 48

Монополія держави на будь-яку діяльність може мати місце лише в межах здійснення прямих функцій держави, що витікають з її пріоритетів.

Монополія держави як власника стосовно об'єктів природного походження не визнається в жодному разі.

Державна власність не може бути більшою, ніж власність громадянського суспільства.

Стаття 49

Посадові та службові особи не можуть визнаватися арбітрами в царині ідей. Будь-яка державна експертиза інтелектуальних проектів не може визнаватися остаточною.

Стаття 50

Розширення меж правового регулювання припустиме лише за умов, якщо воно сприяє розширенню свободи народу.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Стаття 51

Втручання держави як арбітра у сферу науки, культури або мистецтва неприпустиме.

Академічна свобода гарантується. Державна сертифікація освітніх установ забороняється.

Державні винагороди не можуть становити форму довічного утримання.

Стаття 52

Збереження державної та іншої передбаченої законом таємниці є прерогативою посадових та службових осіб. Приватні особи не несуть відповідальності за розголошення державної або іншої передбаченої законом таємниці.

Поширення інформації в суспільстві є вільним, тому цензура забороняється.

Оприлюднення інформації, котра об'єктивно компрометує державу, її посадових та службових осіб в очах громадськості, не може бути підставою для притягнення до відповідальності.

Стаття 53

Державна монополія на засоби масової інформації неприпустима.

Стаття 54

Режим інформації, котра становить таємницю, але не охоплюється означенням державної таємниці, має визначатися в законі. Зміст цього закону не може тлумачитись як об'єкт таємниці.

Стаття 55

Режим секретності на будь-яку інформацію не може тривати довше за тридцять років.

Стаття 56

Інформація про особу громадянина, який претендує на виборну публічну посаду, не повинна становити змісту таємниці і може бути оприлюдненою в будь-якому разі.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Стаття 57

Право петицій, зборів, мітингів, демонстрацій гарантується. Встановлені щодо них державою обмеження можуть мати виключно процесуальний характер.

Стаття 58

Релігійні уподобання громадян не можуть бути предметом заохочень або обмежень з боку держави.

Всі віросповідання є рівними перед державою і законом.

Розділ IV

ОБОВ'ЯЗКИ ГРОМАДЯН

Стаття 59

Обов'язки громадян стосовно держави можуть визначатися тільки законом і в межах, встановлених Конституцією гарантій свободи.

Громадяни повинні поважати права та свободи інших осіб, стосовно яких їхні власні права та свободи не можуть визнаватися пріоритетними.

Стаття 60

Виконання обов'язків, покладених на себе особою внаслідок добровільної угоди, передбачає підтримку закону.

Стаття 61

Власність сприяє незалежності особи та наснажує до моральної позиції. Добродійні дії власника передбачають підтримку та заохочення з боку держави.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Розділ V ЕКОЛОГІЧНА БЕЗПЕКА

Стаття 62

Екологічні стандарти затверджуються законом. Жодна широко-масштабна господарська ініціатива не може набрати чинності без позитивного висновку екологічної експертизи.

Стаття 63

В екологічній експертизі не може бути відмовлено, якщо сторона, яка на ній наполягає, має власні джерела її фінансування.

Стаття 64

Будь-яка інформація про стан екологічної загрози населенню не може бути предметом державної або іншої передбаченої законом таємниці.

Стаття 65

Екологічна експертиза державних об'єктів у разі, якщо вона засвідчила стан неприпустимого забруднення, оплачується державним коштом.

Екологічна експертиза недержавних об'єктів в аналогічному випадку оплачується коштом їхніх власників.

Стаття 66

Право на судовий позов з метою відшкодування екологічних збитків штучного походження гарантується.

Розділ VI РЕФЕРЕНДУМ

Стаття 67

Референдумом може бути прийнятий або скасований будь-який закон, окрім того, яким вносяться зміни та доповнення до Конституції.

Референдумом може бути вирішено будь-яке питання, що належить до компетенції Національних Зборів, якщо вони визнають доцільним передати його на референдум.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Стаття 68

Референдум проводиться за ініціативою громадян, Національних Зборів, Президента.

Референдум за ініціативою громадян проводиться коштом одноразового самооподаткування громадян.

Референдум за ініціативою Національних Зборів і Президента проводиться коштом державного бюджету.

Стаття 69

Процедура референдуму регламентується законом.

Закони, прийняті референдумом, не можуть бути скасовані Національними Зборами протягом чотирьох років після їхнього прийняття.

Стаття 70

Визнається референдум Республіки Крим та місцеві референдуми.

Розділ VII

НАЦІОНАЛЬНІ ЗБОРИ

Стаття 71

Національні Збори уособлюють законодавчу владу в Україні. Національні Збори діють у межах своєї компетенції.

Стаття 72

Національні Збори складаються з двох палат: Палати земельних представників і Палати депутатів.

Палата Земельних представників (верхня палата) складається з 51 земельного представника, делегованих до палати представницькими органами земель, по 2 представники від кожної землі, та 3 представників від Республіки Крим – терміном на 6 років.

Палата депутатів (нижня палата) обирається населенням у кількості 200 депутатів на основі рівного, прямого, загального виборчого права за таємного голосування від виборчих округів з приблизно рівною чисельністю населення терміном на 2 роки.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Щодва роки одна третина складу Палати земельних представників переобирається. Голова (спікер) палати та 2 його заступники ротації не підлягають, отже, число земельних представників, які переобираються щодва роки, становить 16.

З першого складу Палати земельних представників одна третина її чисельності за жеребом припиняє свої повноваження достроково. Наступна третина ще за два роки. Надалі діє регулярний порядок заміни. У разі дострокових виборів Національних Зборів діє первісна процедура.

Стаття 73

Імперативний мандат стосовно земельних представників і депутатів не визнається.

Стаття 74

У палатах Національних Зборів обираються голови палат та їхні заступники.

До виборів голів палат та їхніх заступників засідання палат ведуть найстарші за віком земельний представник і депутат.

Голови палат та їхні заступники виконують функції спікерів.

Стаття 75

Національні Збори діють на професійній основі, отже, інша робота, яка перешкоджала б земельним представникам і депутатам бути присутніми на сесіях, забороняється.

Стаття 76

Під час проведення сесій земельні представники та депутати є недоторканими.

Стаття 77

Національні Збори працюють сесійно. Перша сесія починається першого вівторка лютого й завершується останньої суботи травня. Друга сесія розпочинається першого вівторка вересня й завершується передостанньої суботи грудня.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Стаття 78

Національні Збори приймають закони і постанови.

Стаття 79

Усі питання компетенції Національних Зборів вирішуються на окремих або спільних засіданнях їхніх палат, але голосування завжди проводиться окремо по палатах.

Питання про заміщення урядових та інших посад, кандидатури до яких пропонуються Національним Зборам Президентом, вирішуються Палатою земельних представників. В аналогічний спосіб вирішуються питання про дострокове звільнення від посад, за винятком випадку, передбаченого ст.107 цієї Конституції.

Затвердження державного бюджету та звіту про його виконання є прерогативою Палати депутатів.

Стаття 80

До компетенції Національних Зборів належить:

- 1) законодавство;
- 2) процедури по міжнародних договорах, які вимагають ратифікації або денонсації;
- 3) затвердження державного бюджету та звіту про його виконання;
- 4) парламентський контроль.

Національні Збори також:

- 1) приймають конституційну присягу Президента;
- 2) затверджують (Палатою земельних представників) кандидатури, запропоновані Президентом на посади Адміністративного прем'єр-міністра, членів Уряду, Генерального прокурора, Голови та членів Верховного Суду, Голови та членів Конституційного Суду, Голови Вищого Господарського Суду;
- 3) затверджують воєнний або надзвичайний стан;
- 4) оголошують війну та стан загальної мобілізації;
- 5) за поданням Голови Палати депутатів обирають з числа депутатів Уповноваженого Національних Зборів у справі захисту прав людини;

ПРИЛОЖЕНИЯ

6) ведуть розслідування та слухання з будь-яких питань, які становлять державний інтерес;

7) призначають референдум;

8) оголошують амністію.

Стаття 81

Спільні засідання палат Національних Зборів ведуть по черзі голови палат або їхні заступники.

Стаття 82

Зі складу земельних представників та депутатів у палатах обираються голови постійних комісій та їхні заступники.

Кількість постійних комісій не обмежується, але більшість комісій створюється за ознакою їхньої відповідності окремим ланкам державної виконавчої влади.

Стаття 83

Постійні комісії палат Національних Зборів є органами парламентського контролю за виконанням законів, додержанням вимог регламенту.

Постійні комісії беруть участь у законотворчому процесі.

Висновки та рекомендації постійних комісій мають бути розглянуті тими, кому вони адресовані, у вказані терміни. Якщо висновки або рекомендації постійних комісій спрямовані Національним Зборам (палатам) або Президенту, то вони мають бути розглянуті упродовж поточної сесії Національних Зборів.

Стаття 84

Національні Збори можуть бути розпущені Президентом у разі:

1) коли референдум ухвалить закон, стосовно якого палати Національних Зборів не змогли дійти згоди протягом двох сесій;

2) коли Національні Збори ухвалють постанову про саморозпуск.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Стаття 85

Національні Збори призначають референдум, якщо палати Національних Зборів не змогли дійти згоди стосовно прийняття закону, особливо важливого для суспільного поступу, протягом двох сесій Національних Зборів.

Прерогатива визначення закону як особливо важливого для суспільного поступу належить Президенту.

Стаття 86

Право законодавчої ініціативи в Національних Зборах належить:

- 1) Президенту;
- 2) вищому законодавчому органу Республіки Крим;
- 3) депутатам;
- 4) земельним представникам;
- 5) Уповноваженому Національних Зборів у справі захисту прав людини.

Стаття 87

Депутатам і земельним представникам гарантується гідне їхньої ролі утримання та відшкодування їхніх професійних витрат.

Розділ VIII

ПРЕЗИДЕНТ

Стаття 88

Президент є главою держави, вищою посадовою особою, котра очолює виконавчу владу в Україні.

Президент є Головнокомандувачем Збройних Сил України.

Стаття 89

Президент обирається повнолітніми громадянами України на основі рівного, прямого, загального виборчого права за таємного голосування на чотири роки.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Стаття 90

Президентом може бути громадянин України, який народився в Україні або був натуралізований у громадянство України до досягнення ним віку 18 років і прожив в Україні не менше, ніж 15 років.

Стаття 91

Посада Президента є несумісною з будь-якою іншою.

Стаття 92

Якщо Президент не був усунутий з посади внаслідок імпічменту, його звання зберігається за ним довічно.

Стаття 93

Одна особа не може бути обраною на посаду Президента більше ніж на два терміни.

Стаття 94

Вибори Президента на безальтернативній основі не є чинними.

Стаття 95

До повноважень Президента належить:

- 1) бути гарантом суверенітету України;
- 2) бути гарантом додержання вимог Конституції;
- 3) представляти Україну в зовнішньополітичних зносинах;
- 4) керувати роботою Уряду;
- 5) пропонувати на затвердження Національними Зборами (Палатою земельних представників) кандидатур на посади: Адміністративного прем'єр-міністра, членів Уряду, Генерального прокурора, Голови та членів Верховного Суду, Голови та членів Конституційного Суду, Голови Вищого Господарського Суду;
- 6) призначати та звільняти в запас вище командування Збройних Сил;
- 7) надавати вищі військові звання, дипломатичні ранги, інші спеціальні звання;
- 8) вести переговори з іноземними державами, підписувати міжнародні договори від імені України, приймати вірчі та відкличні

ПРИЛОЖЕННЯ

грамоти акредитованих дипломатичних представників іноземних держав;

9) оголошувати військовий або надзвичайний стан;

10) впроваджувати часткову мобілізацію;

11) скасовувати в разі необхідності будь-які акти підлеглих йому посадових осіб;

12) вирішувати питання про громадянство України та про надання притулку;

13) нагороджувати державними нагородами, надавати почесні звання;

14) розпускати Національні Збори на підставах, указаних у ст. 84 цієї Конституції;

15) здійснювати помилування.

Стаття 96

Президент видає укази та розпорядження, які є чинними на всій території України та для всіх її громадян.

Стаття 97

Президент має право вето на закони, ухвалені Національними Зборами. Вето Президента може бути скасоване більшістю у дві третини голосів од складу земельних представників і депутатів.

Стаття 98

Президент може бути усунутий зі свого поста в порядку імпічменту Палатою земельних представників.

Імпічмент може мати місце, якщо за поданням Генерального прокурора Верховний Суд порушить кримінальну справу проти Президента.

Стаття 99

Відставка Президента внаслідок імпічменту не звільняє його від кримінальної відповідальності, але таке звільнення може мати місце за постановою Палати земельних представників, якщо Президент погодиться залишити свою посаду добровільно під загрозою імпічменту.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Стаття 100

Президент може призначити референдум за власною ініціативою для прийняття або скасування закону.

Стаття 101

У разі смерті або інших зазначених у законі обставин, які перешкоджають виконанню президентських повноважень, Президента заступає Голова Палати земельних представників, а якщо подібні обставини матимуть місце стосовно нього, тоді повноваження Президента переходять до Голови Палати депутатів до моменту обрання нового Президента.

Стаття 102

Дострокові вибори Президента проводяться протягом двох місяців після виникнення такої необхідності.

Стаття 103

За Президентом зберігається довічне право на персональну охорону та деякі інші спеціальні повноваження.

Розділ ІХ

КАБІНЕТ МІНІСТРІВ (УРЯД)

Стаття 104

Уряд уособлює виконавчу владу в Україні.

Склад Уряду формується Президентом і затверджується Національними Зборами (Палатою земельних представників).

За дорученням Президента оперативне керівництво роботою Уряду покладається на Адміністративного прем'єр-міністра.

Стаття 105

Номенклатура посадових осіб Уряду не обмежується, але витрати на його утримання визначаються щороку Палатою депутатів.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Стаття 106

За вимогою Палати земельних представників Уряд може бути до-
строково розпущений Президентом, але проти такої вимоги Прези-
дент може вжити вето, яке можна подолати двома третинами голосів
Палати земельних представників.

Стаття 107

Поодинокі заміни міністрів та інших посадових осіб Уряду мож-
ливі за ініціативою виключно Президента, якщо загальна кількість
таких замін не перевищить четвертої частини складу Уряду протягом
одного терміну повноважень Президента.

Стаття 108

До компетенції Уряду належить:

- 1) упровадження законів, указів Президента;
- 2) забезпечення економічних, політичних та військових гарантій
суверенітету України;
- 3) керівництво державним сектором економіки;
- 4) видача замовлень на наукові розробки стратегії розвитку
України;
- 5) фінансова, цінова, кредитна та податкова політика;
- 6) митна справа;
- 7) охорона власності, громадського порядку;
- 8) розробка та впровадження програм боротьби зі злочинністю;
- 9) забезпечення атмосфери стабільності та безпеки в країні;
- 10) інші повноваження, передбачені Законом про Кабінет Міні-
стрів (Уряд) в Україні.

Стаття 109

Уряд видає постанови та розпорядження.

Стаття 110

У разі неможливості здійснення повноважень Адміністративним
прем'єр-міністром протягом понад один місяць, його повноваження
переходять до міністра, який очолює перше за списком міністерство.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Стаття 111

Міністри та інші посадові особи Уряду можуть обіймати тільки свою посаду.

Стаття 112

Членам Уряду гарантується гідний їхньої ролі заробіток.

Розділ X

СУДОВА ВЛАДА

Стаття 113

Судова влада є незалежною, відокремленою від інших владою в державі.

Правосуддя за будь-яких обставин здійснюється виключно судами.

Стаття 114

Судді, які обіймають свою посаду після закінчення випробувального терміну, є незмінюваними.

Стаття 115

Суди фінансуються централізовано з державного бюджету. Бюджетні витрати на утримання судів повинні відповідати високій ролі суду.

Стаття 116

Судовий контроль здійснюється виключно в межах судової системи.

Судова система визначається законом.

Стаття 117

Судді у своєму професійному статусі є незалежними і підкоряються тільки Конституції та закону.

Судді Конституційного Суду у своєму професійному статусі підкоряються тільки Конституції.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Стаття 118

Судді обіймають свої посади під презумпцією політичної індиферентності, засвідченої присягою.

Стаття 119

Розгляд справ у всіх судах відкритий. Закрите судове слухання може мати місце виключно на підставі закону, але звинувачення, вердикт присяжних, вирок та судове рішення оголошуються тільки у відкритому засіданні.

Стаття 120

Суттєве порушення судових процедур є достатньою підставою для скасування судового вироку чи рішення.

Зміст суттєвих процедурних порушень, які мають наслідком скасування вироку чи рішення, визначається законом.

Стаття 121

Будь-які збитки, заподіяні громадянинові внаслідок порушень судом вимог належного судочинства, мають бути відшкодовані повністю, а в разі моральних збитків – у межах, визначених законом.

Стаття 122

Судове рішення або вирок, за винятком винесених вищими судовими інстанціями, можуть бути оскаржені у вищій судовій інстанції.

Стаття 123

Право звернутися з проханням про помилування гарантується кожному.

Стаття 124

Судді, обрані на посади, не несуть жодних зобов'язань перед виборцями.

Судді, призначені на посади, не несуть жодних зобов'язань перед тими, хто їх призначив.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Стаття 125

Право на відвід судді гарантується в кожному разі, але не більше одного разу, якщо мотиви відводу не оприлюднюються.

Стаття 126

Вживання підсудним рідної мови гарантується так само, як і надання йому послуг перекладача.

Стаття 127

Суд присяжних гарантується кожному, хто не визнав своєї вини.

Вердикт присяжних не підлягає оскарженню, якщо він є виправдувальним.

Виправдувальний вирок не може бути скасований, переглянутий, не прийнятий до уваги за будь-чим клопотанням, окрім підсудного.

Стаття 128

Конституційний Суд призначається для юридичного забезпечення свободи народу як пріоритету Конституції.

Конституційний Суд складається з дев'яти суддів, які подаються для затвердження на свої посади Президентом.

Стаття 129

Конституційний Суд ухвалює рішення про відповідність або невідповідність Конституції законів та указів, чинних на території України.

Конституційний Суд також вирішує питання про відповідність Конституції України окремих положень Конституції Республіки Крим. Для вирішення таких питань у засіданні Конституційного Суду України мають брати участь із правом вирішального голосу двоє суддів Конституційного Суду Республіки Крим.

Стаття 130

Конституційний Суд розглядає справи за поданням:

- 1) Голови Конституційного Суду;
- 2) Голови Верховного Суду;
- 3) Голови Вищого Господарського Суду;
- 4) Голів (спікерів) палат Національних Зборів;

ПРИЛОЖЕНИЯ

- 5) Президента;
- 6) Уповноваженого Національних Зборів у справі захисту прав людини;
- 7) Генерального прокурора;
- 8) не менш як 22 земельних представників або депутатів.

Стаття 131

Судочинство ведеться ім'ям Закону.

Стаття 132

Рішення Конституційного Суду є остаточними й оскарженню не підлягають.

Стаття 133

Членам Конституційного Суду гарантується гідний їхньої високої ролі заробіток.

Розділ XI

ПРОКУРАТУРА, СЛУЖБА БЕЗПЕКИ, ЗБРОЙНІ СИЛИ, ПОЛІЦІЯ

Стаття 134

Прокуратура, Служба безпеки, Збройні Сили та поліція діють на підставі спеціального статусу, визначеного законом.

Стаття 135

Головним призначенням Прокуратури є нагляд за додержанням вимог законів, указів та інших державних нормативно-правових актів.

Стаття 136

Головним призначенням Служби безпеки є захист національних інтересів України, протидія зазіханню на її суверенітет.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Стаття 137

Збройні Сили є гарантом мирного життя в Україні, вони не можуть бути використані державою проти населення або з метою зовнішньої агресії.

Дія цієї статті не перешкоджає участі Збройних Сил у складі міжнародних контингентів ООН.

Стаття 138

Поліція становить систему державних органів спеціального призначення. Поліція забезпечує стан стабільності, громадської безпеки та захищеності в державі.

Стаття 139

Усі дії, передбачені компетенцією Служби безпеки, Збройних Сил та поліції, є підконтрольними Прокуратурі без жодних вилучень.

Стаття 140

Компетенція Прокуратури, Служби безпеки, Збройних Сил, поліції визначається виключно законом. Дискреційні повноваження не можуть надаватися в жодному разі.

Накази посадових та службових осіб цих органів, якщо вони явно порушують закон або виходять за межі окресленої законом компетенції, виконанню не підлягають.

Стаття 141

Прокурори відповідальні перед прокурорами вищих ланок. У будь-якому разі їхні дії можуть бути оскаржені в суд.

Стаття 142

Діяльність Прокуратури, Служби безпеки, Збройних Сил та поліції постійно підконтрольна Національним Зборам.

Якщо процедуру такого контролю впроваджено, будь-які посилення посадових та службових осіб цих органів на службову таємницю вважаються нечинними.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Стаття 143

Уповноважений Національних Зборів у справах захисту прав людини має право призупинити дію або акт будь-якої посадової особи Прокуратури, Служби безпеки, Збройних Сил та поліції (крім Головнокомандуючого) на триденний термін.

Розділ XII

ДЕРЖАВНИЙ УСТРІЙ

Стаття 144

Систему державного устрою України складають Республіка Крим, землі, міста, райони, селища та села.

Стаття 145

Республіка Крим має статус політичної автономії. Республіка Крим самостійно розв'язує всі питання свого життя за винятком тих, які віднесені до компетенції державних органів України.

Стаття 146

Стосунки України з Республікою Крим визначаються на таких засадах:

- 1) зовнішній кордон Республіки Крим перебуває у режимі зовнішнього кордону України;
- 2) в Україні існують єдині Збройні Сили і діє єдина Служба безпеки;
- 3) громадянство Республіки Крим не відокремлюється від громадянства України;
- 4) рівень конституційних гарантій свободи народу в Республіці Крим може бути вищим, але не нижчим від конституційних стандартів України;
- 5) в Україні обертається єдина національна грошова одиниця.

Стаття 147

Республіка Крим має своє постійне представництво при Уряді України.

ПРИЛОЖЕНИЯ

В Уряді України одна з міністерських посад надається Міністрові у справах взаємних інтересів Республіки Крим і України.

Стаття 148

Конституція Республіки Крим затвердженню не підлягає, але у разі порушень нею вимог Конституції України її окремі положення можуть бути скасовані Конституційним Судом України на підставі спеціальної процедури.

Стаття 149

Землі мають статус адміністративної автономії, їхні автономні права та інтереси визнаються і гарантуються.

Землі мають власні органи самоврядування, виконавчої влади, судову систему.

Стаття 150

Земельне самоврядування здійснюється на підставі закону у формах, які землі визнають доцільними в межах витрат земельних бюджетів.

Стаття 151

У разі виникнення колізії між актом земельного самоврядування та законом або указом, останні мають юридичний пріоритет.

У разі виникнення колізії між актом земельного самоврядування та іншими нормативно-правовими актами України, справу вирішує Верховний Суд.

Стаття 152

Вибори в землях проводяться на засадах рівного, прямого, загального виборчого права за таємного голосування.

Стаття 153

Окремі інтереси земель можуть гарантуватися на підставі двосторонніх угод між землями та Урядом України.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Стаття 154

Адміністративно-територіальний устрій земель визначається законом.

Стаття 155

Самоврядування в містах покладається на мерії та муніципалітети, які обираються населенням міст.

Стаття 156

Місто Київ становить окремий столичний округ.

Розділ XIII

НАДЗВИЧАЙНИЙ СТАН

Стаття 157

Надзвичайний стан запроваджується не довше ніж на два місяці, і може бути подовжений не більше ніж на один місяць.

Надзвичайний стан оголошує Президент, але без затвердження Національними Зборами він є чинним протягом не більше, ніж дві доби.

Стаття 158

Надзвичайний стан не може обмежувати дію розділу I Конституції.

Надзвичайний стан не призупиняє діяльності Національних Зборів, але під час його дії внесення змін та доповнень до Конституції, а також до закону про надзвичайний стан забороняється.

Стаття 159

Надзвичайний стан не створює підстав для надання жодних дискреційних повноважень.

Повноваження посадових осіб в умовах надзвичайного стану визначаються законом, а у виняткових випадках – указом.

Режим Надзвичайного стану не є підставою для обмежень свободи слова та інформації.

ПРИЛОЖЕННЯ

Стаття 160

Оголошення надзвичайного стану зобов'язує до негайного повідомлення населення про вимоги режиму, який запроваджується.

Стаття 161

Режим надзвичайного стану не поширюється на громадян України, які перебувають за кордоном.

Глава XIV

ВОЄННИЙ СТАН

Стаття 162

Воєнний стан оголошується Президентом за наявності реальної загрози війни або збройного нападу на Україну.

Воєнний стан має бути затверджений Національними Зборами протягом двох діб після його оголошення, а в разі збройного нападу на Україну – протягом тижня після його оголошення.

Стаття 163

Відмова затвердити воєнний стан Національними Зборами означає його автоматичне скасування.

Стаття 164

У разі несподіваного збройного нападу на Україну Президент протягом доби може вжити будь-яких заходів як Головнокомандувач Збройних Сил без оголошення воєнного стану.

Вжиття таких заходів поза обставинами збройного нападу на Україну є підставою для імпічменту.

Стаття 165

У разі неможливості для Президента виконувати обов'язки Головнокомандувача Збройних Сил під час дії воєнного стану і якщо іншу особу не було завчасно призначено Національними Зборами на цей пост, його обов'язки в цьому статусі тимчасово виконує Міністр оборони.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Розділ XV

ДЕРЖАВНІ СИМВОЛИ

Стаття 166

Державними символами України є герб, прапор і гімн.

Державним гербом є Тризуб золотої барви на синьому тлі.

Державним прапором є блакитно-жовте полотнище прямокутної форми зі співвідношенням сторін 2:3. Блакитна смуга розташована вгорі.

Державним гімном є національний гімн «Ще не вмерла Україна».

Розділ XVI

ЗМІНИ ТА ДОПОВНЕННЯ ДО КОНСТИТУЦІЇ

Стаття 167

Конституція приймається Конституційними Зборами, які скликаються за тими самими правилами, що й перший склад Національних Зборів.

Після прийняття Конституції Конституційні Збори автоматично розпускаються.

Стаття 168

Зміни та доповнення до Конституції вносяться на підставі рішень Національних Зборів, ухвалених кваліфікованою (двома третинами) більшістю голосів складу кожної з палат.

Ці зміни та доповнення мають бути затверджені простою більшістю голосів складу Палати депутатів, яку буде обрано на новий термін після того, як попередній склад Палати депутатів, що затвердив зміни та доповнення до Конституції, втратить свої повноваження.

Президент України...

м. Київ 20... року

№

БИБЛИОГРАФИЯ

- Adorno T.* The Authoritarian Personality. – N.-Y.: Harper and Brothers, 1950.
- Alexander J.* Citizen and Enemy as Symbolic Classification: On the Polarizing Discourse of Civil Society // When Culture Talks: Exclusion and the Making of Society. – Chicago, 1993.
- Almond G.* The Intellectual History of the Civic Culture Concept // The Civic Culture Revisited. – USA: Sage Publications, 1989.
- Arendt H.* Freedom and Politics // Liberty. – N.-Y.: Oxford University Press, 1991.
- Arendt H.* The Origins of Totalitarianism. – N.-Y.: A Harvest Book, 1973.
- Beatty D.* Constitutional Law in Theory and Practice. – Toronto-Buffalo-London: University of Toronto Press, 1995.
- Bell D.* The End of Ideology. – USA: Free Press, 1960.
- Bellamy R.* The Political Form of the Constitution: the Separation of Powers, Rights and Representative Democracy // Political Studies, Vol. XLIV, 1996.
- Bellamy R., Castiglione D.* Introduction: Constitution and Politics // Political Studies, Vol. XLIV, 1996.
- Berlin I.* Four Essays on Liberty. – N.-Y.: Oxford University Press, 1986.
- Berlin I.* Two Concepts of Liberty // Liberty. – N.-Y.: Oxford University Press, 1991.
- Bierce A.* Tales and Fables. – M.: Прорпеец, 1982.
- Boas F.* Liberty among Primitive People // Liberty, Its Meaning. – London: George Allen, 1942.
- Braidotty R.* Nomadic Subject. – N. Y.: Columbia University Press, 1994.
- Brennan G., Hamlin A.* Economical Constitutions // Political Studies, Vol. XLIV, 1996.
- Bryant C.* Civil Nation, Civil Society, Civil Religion // Civil Society. – Cambridge, Polity Press 1995.
- Bryce J.* Modern Democracies. Vol. 1. – London: Macmillan, 1921.
- Bryce J.* Modern Democracies. Vol. 2. – London: Macmillan, 1921.
- Brzezinski Z.* Out of Control. – N.-Y., 1993.
- Castiglione D.* The Political Theory of the Constitution // Political Studies, Vol. XLIV, 1996.
- Caygill H., Scott A.* The Basic Law versus the Basic Norm? Crucifix Order // Political Studies, Vol. XLIV, 1996.
- Chamberlin W.* The Ukraine. A Submerged Nation. – N.-Y.: The Macmillan Company, 1944.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Cohen B.* Science and the Founding Fathers. – N.-Y.-London: W. W. Norton and Company, 1995.
- Dahl R.* Dilemmas of Pluralist Democracy. – London: Yale University Press, 1982.
- Darendorf R.* Roads to Freedom // Uncertain Futures: Eastern Europe and Democracy. – N.-Y., 1990.
- Dewey J.* Freedom and Culture. – N.-Y.: Capricorn Books, 1963.
- Dewey J.* The Essential Writings. – Canada: Harper and Row, 1977. – P. XVI.
- Dewey J.* The Essential Writings. – N.-Y.: Harper Torch Books, 1977.
- Diaz V.* The Possibility of Civil Society // Civil Society. – Cambridge: Polity Press, 1995.
- Drucker P.* Post-Capitalist Society. – USA: Harper Business, 1993.
- Dworkin R.* A Matter of Principle. – USA: Harvard University Press, 1985.
- Dworkin R.* Freedom's Law. – Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1996.
- Easton D.* A Framework for Political Analysis. – USA: Prentice Hall, 1965.
- Easton D.* A System Analysis of Political Life. – Chicago: University of Chicago Press, 1965.
- Einstein A.* Freedom and Science // Freedom, Its Meaning. – London: George Allen, 1942.
- Einstein A.* Out of My Later Years. – London: Thames and Hudson, 1950.
- Ellul J.* The Technological Society. – N.-Y.: Vintage Books, 1964.
- Etzioni A.* The Active Society. – N.-Y.-London: The Free Press, 1968.
- Farrow M.* What Falls Away. – USA: Bantam Books, 1997.
- Ferguson A.* An Essay on the History of Civil Society. – Edinburgh: Duncan Forbes, 1966.
- Ferrajoli L.* Democracy and the Constitution in Italy // Political Studies, Vol. XLIV, 1996.
- Fitzpatrick K.* The Experience of the American Human Rights Movement // Problems of Eastern Europe, Nb. 35-36, 1992.
- Fukuyama F.* The End of History and the Last Man. – N.-Y.: Free Press, 1992.
- Fukuyama F.* The Great Disruption. – London: The Profile Books, 1999.
- Fukuyama F.* The Origins of Political Order. – N. Y.: Farrar, Straus and Giroux, 2011.
- Fukuyama F.* Trust. – London: Penguin Books, 1996.
- Gierke O.* Natural Law and the Theory of Society 1500 to 1800. – Boston: Beacon Press, 1950.
- Goodin R.* Designing Constitutions: the Political Constitution of Mixed Commonwealth // Political Studies, Vol. XLIV, 1996.
- Gotfried P.* The Conservative Movement. – N.-Y.: Twain Publishers, 1993.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Gray J.* Post-Liberalism. – London: Routledge, 1996.
- Green D.* Reinventing Civil Society. – London: IEA Unit, 1993.
- Green T.* Liberal Legislation and Freedom of Contract // Liberty. – N.-Y.: Oxford University Press, 1991.
- Grimm P.* Constitutional Reform in Germany after the Revolution 1989 // Constitutional Policy and Change in Europe. – N.-Y.: Oxford University Press, 1995.
- Griner S.* Civil Society and its Future // Civil Society. – Cambridge: Polity Press, 1995.
- Habermas J.* Between Facts and Norms. – Cambridge, Mass.: MIT-Press, 1998.
- Hall J.* In Search of Civil Society // Civil Society. – Cambridge: Polity Press, 1995.
- Havel V.* Open Letters. – N.-Y.: Vintage Books, 1992.
- Hayek F.* Law, Legislation and Liberty. Vol. 3. – Chicago: University of Chicago Press, 1979.
- Hayek F.* The Constitution of Liberty. – Chicago: University of Chicago Press, 1960.
- Hegel G. W. F.* Lectures on the Philosophy of History. – N.-Y.: Oxford University Press, 1979.
- Hegel G. W. F.* Lectures on the Philosophy of History. – N.-Y.: Oxford University Press, 1979.
- Held D.* Models of Democracy. – Stanford, California: Stanford University Press, 1996.
- Huntington S.* The Third Wave: Democratization in the Late Twentieth Century. – USA: University of Oklahoma Press, 1991.
- Jennings J.* From «Imperial State» to «l'Etat de Droit»: Benjamin Constant, Blandine Kriegel and the Reform of the French Constitution // Political Studies, Vol. XLIV, 1996.
- Johnston N.* Constitutionalism: Procedural Limits and Political Ends // Constitutional Policy and Change in Europe. – N.-Y.: Oxford University Press, 1995.
- Kommers D., Thompson W.* Fundamentals in the Liberal Constitutional Tradition // Constitutional Policy and Change in Europe. – N.-Y.: Oxford University Press, 1995.
- Krygier M.* The Constitution of the Heart // Law and Social Inquiry. Journal of the American Bar Foundation, 1995, Nb. 4, Vol. 20, Fall 1995.
- Krygier M.* Virtuous Circles: Antipodal Reflection on Power, Institutions and Civil Society // Collegiums' Budapest Discussion Paper, Nb. 25, 1995/1996.
- Kundera M.* The Unbearable Lightness of Being. – London-Boston: Farber and Farber, 1984.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Malinowski B.* Freedom and Civilization. – London: George Allen, 1947.
- Milosz C.* The Seizure of Power. – N.-Y.: Farrar, Straus, Giroux, 1982.
- Milosz C.* Visions From San-Francisco Bay. – N.-Y.: Farrar, Straus, Giroux, 1983.
- Mosca G.* The Ruling Class. – USA: Greenwood Press, 1980.
- Mouzelis N.* Modernity, Late Development and Civil Society // Civil Society. – Cambridge: Polity Press, 1995.
- Murray E.* The Symbolic Uses of Politics. – Chicago: University of Illinois Press, 1985.
- Myshula L.* Ukraine and American Democracy. – N.-Y.: United Ukrainian Organization of the United States, 1939.
- National Standards for Civics and Government. – USA: Center for Civic Education, 1994.
- Novak M.* The Spirit of Democratic Capitalism. – London: IEA Unit, 1991.
- Nowa Konstytucja Rzeczypospolitej Polskiej.* – Warszawa: Liber, 1997.
- Nozick R.* Anarchy, State and Utopia. – USA: Basic Books, 1974.
- Ohloblyn O.* The Ethnical and Political Principles of «Istoriya Rusov'», Annals of the Ukrainian Academy of Arts and Sciences, II. – New York: 1952.
- Oxborn P.* From Controlled Inclusion to Coerced Marginalization: the Struggle for Civil Society in Latin America // Civil Society. – Cambridge: Polity Press, 1995.
- Pareto V.* The Rise and Fall of the Elites. – USA: Bedminster Press, 1968.
- Peres-Dias V.* The Possibility of Civil Society: Traditions, Character and Challenges // Civil Society. – Cambridge: Polity Press, 1995.
- Pogany I.* Constitution Making or Constitutional Transformation in Post-Communist Societies // Political Studies, Vol. XLIV, 1996.
- Preuss U.* Patterns of Constitutional Evolution and Change in Eastern Europe // Constitutional Policy and Change in Europe. – N.-Y.: Oxford University Press, 1995.
- Rawls J.* A Theory of Justice. – N.-Y.: Oxford University Press, 1973.
- Rawls J.* Political Liberalism. – N.-Y.: Columbia University Press, 1993.
- Ray L.* A Thatcher Export Phenomenon? // Enterprise Culture. – London: Routledge, 1991.
- Revel J.-F.* Democracy against Itself. – USA: Free Press, 1993.
- Ricci D.* The Tragedy of Political Science. – New Haven and London: Yale University Press, 1984.
- Riesman D.* The Lonely Crowd. – N.-Y.: Doubleday Anchor Books, 1953.
- Russell B.* Authority and the Individual. – N.-Y.: Simon and Shuster, 1949.
- Salteris S.* Tales of Northern Athens // Moscow News, Nb. 43, 1990.
- Sartori G.* Democratic Theory. – Westport: Greenwood Press, 1973.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Sartori G.* What Is «Politics» // *Political Theory*, Vol. 1, No. 1, February, 1973.
- Saunders C.* Evolution and Adaptation of the British Constitutional System // *Constitutional Policy and Change in Europe*. – N.-Y.: Oxford University Press, 1995.
- Schumpeter J.* Capitalism, Socialism and Democracy. – London: George Allen, 1976.
- Selden R.* The Rhetoric of Enterprise // *Enterprise Culture*. – London and N.-Y: Routledge, 1991.
- Seligman A.* The Idea of Civil Society. – N.-Y.: Free Press, 1992.
- Skocpol T.* Social Revolutions in the Modern World. – N.-Y.: Cambridge University Press, 1994.
- Sokolewicz W.* The Relevance of Western Models for Constitution-Building in Poland // *Constitutional Policy and Change in Europe*. – N.-Y.: Oxford University Press, 1995.
- Spencer H.* The Man Versus the State. – Indianapolis: 1981.
- Squires J.* Liberal Constitutionalism, Identity and Difference // *Political Studies*, Vol. XLIV, 1996.
- Steinbeck J.* Journal of a Novel. – London: Pan, 1972.
- Steinbeck J.* The Portable Steinbeck. – USA: Penguin Books, 1976.
- Talmon J.* Political Messianism. – London: Secker and Warburg, 1960.
- Talmon J.* The Origins of Totalitarian Democracy. – London: Secker and Warburg, 1952.
- Tocqueville A. de.* Democracy in America. Vol. 1. – N.-Y.: Arlington House.
- Tocqueville A. de.* Democracy in America. – USA: A Mentor Book, 1984.
- Toffler A.* The Third Wave. – N.-Y.: Bantam Books, 1994.
- Troelsch E.* The Ideas of Natural Law and Humanity in World Politics // *Gierke O.* Natural Law and the Theory of Society 1500 to 1800. – Boston: Beacon Press, 1950.
- Vallespin F.* La Fatiga Democrática // *El Pais*, 13.11.2009.
- Verba S.* On Revisiting the Civic Culture: A Personal Postscript // *Civic Culture Revisited*. – USA: Sage Publications, 1989.
- Wallas G.* Human Nature in Politics. – London: Constable and Company, 1910.
- Walzer M.* Spheres of Justice. – USA: Basic Books, 1983.
- Абельсон П.* Структуры убеждений // Язык и моделирование социального взаимодействия. – М.: Прогресс, 1987.
- Абрамов М.* Воспоминания о будущем в книге Джона Кина // Кин Дж. Демократия и гражданское общество. – М.: Прогресс-традиция, 2001.
- Агацци Э.* Нравственность и наука: этическое измерение в науке и технологии. – М.: МФФ, 1998.

БИБЛИОГРАФИЯ

Адлер А. Индивидуальная психология // История зарубежной психологии (30–60-е гг. XX в.). Тексты. – М.: Издательство МГУ, 1986.

Адорно Т. Разумно ли действительное? // Новое время, № 46, 1989.

Азаров Н. В.И. Ленин о политике как общественном явлении. – М.: Высшая школа, 1975.

Аксенов В. В поисках грустного Бэби. – М.: Конец века, 1992.

Аксенов Г. Пространственно-временные аспекты организованности биосферы и ноосферы // Кибернетика и ноосфера. – М.: Наука, 1986.

Алексеев С. XXVII съезд и советская юридическая наука (вопросы общей теории права) // Правоведение, № 3, 1986.

Алексеева Т., Кравченко И. Политическая философия: к формированию концепции // Вопросы философии, № 3, 1994.

Аллен В. Интервью. – СПб.: Азбука-классика, 2008.

Аллен В. Шутки Господа. Сборник. – М.: Иностранка, 2007.

Амелин В. Власть как общественное явление // Социально-политические науки, № 2, 1991.

Американские федералисты: Гамильтон, Мэдисон, Джей. – USA: Venson, 1990.

Американська демократія. – США: Сучасність, 1990.

Амосов Н. Реальности, идеалы и модели // Литературная газета, 5 октября, 1988.

Анисимова Т. От конституции государства диктатуры пролетариата к конституции общенародного государства // Вопросы политической организации советского общества в период развитого строительства коммунизма. – М.: Издательство ВППШ при АОН СССР, 1962.

Анкерсмит Ф. Возвышенный исторический опыт. – М.: Европа, 2003.

Ануфриев Б. Социальный статус и активность личности. – М.: Издательство МГУ, 1984.

Анчел Е. Этнос и история. – М.: Мысль, 1988.

Арендт Х. Vita Activa или о деятельной жизни. – СПб.: Алетея, 2000.

Аристотель. Политика. – М., 1893.

Аристотель. Сочинения. В 4-х т. Т. 4. – М.: Мысль, 1983.

Арон Р. Демократия и тоталитаризм. – М.: Текст, 1993.

Арон Р. Эссе о свободах. – М.: Праксис, 2005.

Арто А. Театр и его двойник. – М.: Мартис, 1993.

Аришинов В., Климонтович Ю., Сачков Ю. Естествознание и развитие: диалог с прошлым, настоящим и будущим // Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. – М.: Прогресс, 1986.

Атаманчук Г. Типичное и уникальное в организации государственного управления // Советское государство и право, № 12, 1985.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Аттила А.* Мир человека как субъекта производства. – М.: Прогресс, 1984.
- Багинский В.* Начало // Век XX и мир, № 2, 1991.
- Бадентер Р.* Пятый человек в пятой республике // Аргументы и факты, № 47, 1989.
- Базилевський В.* Холодний душ історії. – К.: Ярославів вал, 2008.
- Бакунин М.* Федерализм, социализм и антитеологизм // Философия, социология, политика. – М.: Правда, 1989.
- Бакунин М.* Философия, социология, политика. – М.: Правда, 1989.
- Баллок А.* Гении зла // За рубежом, № 12, 1992.
- Банс В.* Борьба за либеральную демократию в Восточной Европе // Проблемы Восточной Европы, № 29-30, 1990.
- Барабашев Г., Шеремет К.* Новая Советская Конституция и наука советского строительства // Советское государство и право, № 2, 1979.
- Баркер Р.* Майбутнє для лібералізму чи ліберальне майбутнє? // Лібералізм: Антологія. – К.: Смолоскип, 2002.
- Барт Р.* Мифологии. – М.: Издательство Сабашниковых, 2000.
- Батай Ж.* Литература и зло. – М.: Издательство МГУ, 1994.
- Батай Ж.* Сад и обычный человек // Маркиз де Сад и XX век. – М.: Культура, 1992.
- Баткин Л.* Возобновление истории // Иного не дано. – М.: Прогресс, 1988.
- Батлер Э.* Предисловие // Хайек Ф. Общество свободных. – Лондон: 1990.
- Бачинський Ю.* Україна irredenta // Українська суспільно-політична думка в 20 столітті. Т. 1. – Нью-Йорк: Сучасність, 1983.
- Башкирцева М.* Дневник. – М.: Молодая гвардия, 1991.
- Башляр Г.* Новый рационализм. – М.: Прогресс, 1987.
- Бейнс Д.* Наука о любви. – М.: Политехника, 1994.
- Беккариа Ч.* О преступлениях и наказаниях. – М.: Юридическое издательство НКЮ СССР, 1939.
- Белл Д.* Социальные рамки информационного общества // Новая технократическая волна на Западе. – М.: Прогресс, 1986.
- Белль Г.* Франкфуртские чтения // Самосознание европейской культуры XX в. – М.: Мысль, 1991.
- Белов С.* Общественно-политическая активность как проявление политической культуры // Советское государство и право, № 6, 1984.
- Беме Г., Даале В., Крон В.* Сциентификация техники // Философия техники в ФРГ. – М.: Прогресс, 1989.
- Берберова Н.* Железная женщина. – М.: Книжная палата, 1991.
- Берберова Н.* Курсив мой. Автобиография. – М.: Согласие, 1996.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Бергер П.* Капиталистическая революция. – М.: Прогресс, 1994.
- Бердяев Н.* Душа России. – М., 1915.
- Бердяев Н.* Истоки и смысл русского коммунизма. – М.: Наука, 1990.
- Бердяев Н.* Русская идея // О России и русской философской культуре. – М.: Наука, 1990.
- Бердяев Н.* Философия свободы. Смысл творчества. – М.: Правда, 1989.
- Берлін І.* Два концепти свободи // Лібералізм: Антологія. – К.: Смолоскип, 2002.
- Бернар С.* Моя двойная жизнь. – М.: Радуга, 1991.
- Бжезинский З.* Большой провал. – N.-Y.: Liberty Publishing House, 1989.
- Бжезинский З.* Мое представление о демократии // Мы, 4 июля, 1990.
- Бжезинский З.* Научная необходимость в стратегии по отношению к бывшим коммунистическим государствам // Проблемы Восточной Европы, № 35-36, 1992.
- Бжезинский З.* Окончилась ли холодная война? // Международная жизнь, № 10, 1989.
- Бжезинский З.* Третья американская революция // Новое время, № 1, 1991.
- Бирс А.* Избранное. – М.: Прогресс, 1982.
- Благош Й.* Формы правления и права человека в буржуазных государствах. – М.: Юридическая литература, 1985.
- Блакар Р.* Язык как инструмент социальной власти // Язык и моделирование социального взаимодействия. – М.: Прогресс, 1987.
- Бланио М.* Сад // Маркиз де Сад и XX век. – М.: Культура, 1992.
- Блок М.* Апология истории. – М.: Наука, 1987.
- Блох Э.* Принцип надежды // Утопия и утопическое мышление. – М.: Прогресс, 1991.
- Боаз Д.* Ключові поняття лібералізму // Лібералізм: антологія. – К.: Смолоскип, 2002.
- Бобковський А.* Війна і спокій. Французький щоденник 1940–1945. – К.: Критика, 2007.
- Бовин А.* Вожди и массы // Новое время, № 19, 1988.
- Бовуар С. де.* Друга стаття. Т. 2. – К.: Основи, 1995.
- Богданов А.* Всеобщая организационная наука (Тектология). Ч. 1. – Л.-М.: Книга, 1925.
- Богораз Л., Даниэль А.* В поисках несуществующей науки // Проблемы Восточной Европы, № 37-38, 1993.
- Бодрийяр Ж.* В тени молчаливого большинства, или Конец социального. – Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2000.
- Бодрийяр Ж.* Прозрачность зла. – М.: Добросвет, 2000.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Болинджер Д.* История – проблема лингвистическая // Язык и моделирование социального взаимодействия. – М.: Прогресс, 1987.
- Борн М.* Моя жизнь и мои взгляды. – М.: Прогресс, 1973.
- Бочковський О.* До проблеми української нації // Визволення, Ч. 3, 1923.
- Бродель Ф.* Время мира. – М.: Прогресс, 1992.
- Бродель Ф.* Игры обмена. – М.: Прогресс, 1988.
- Бродский И.* В мире изящной словесности // Америка, май, № 426, 1992.
- Бродский И.* Книга интервью. – М.: Захаров, 2008.
- Бродский И.* Сочинения Иосифа Бродского. Т. V. – СПб.: Пушкинский фонд, 2001.
- Бродский И.* Сочинения Иосифа Бродского. Т. VI. – СПб.: Пушкинский фонд, 2000.
- Бродский И.* Сочинения Иосифа Бродского. Т. VII. – СПб.: Пушкинский фонд, 2001.
- Буковский В.* Чтобы противостоять правым, нужна сильная левая оппозиция // Известия, 4 апреля, 1992.
- Бурдые П.* Социология политики. – М.: Socio-Logos, 1993.
- Бурлацкий Ф.* Ленин, государство, политика. – М.: Наука, 1970.
- Бурлацкий Ф.* Новое мышление. – М.: Политиздат, 1988.
- Бурлацкий Ф.* О советском парламентаризме // Литературная газета, 15 июля, 1988.
- Буроменский М.* Политические режимы государств в международном праве. – Харьков, 1997.
- Буш Дж.* Глядя в будущее. Автобиография. – М.: Прогресс, 1989.
- Буш Дж.* Україна – США: новий етап партнерства // Радянська Україна, 3 серпня, 1991.
- Бьюкенен Д.* Сочинения. – М.: Таурус-альфа, 1997.
- Бэкон Ф.* Новый органон. – М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1938.
- Вайда А.* Бесстрашие памяти // Огонек, № 5, 1989.
- Вайнрих Х.* Лингвистика лжи // Язык и моделирование социального взаимодействия. – М.: Прогресс, 1987.
- Вайнцивайг П.* Десять заповедей творческой личности. – М.: Прогресс, 1990.
- Валенса Л.* Гибкий человек из железа // Новое время, № 7, 1989.
- Валери П.* Об искусстве. – М.: Искусство, 1993.
- Варламова Н.* Некоторые аспекты политического участия при социализме // Советское государство и право, № 2, 1990.
- Васильев А.* Конституция СССР и правовая основа развитого социализма // Советское государство и право, № 10, 1977.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Васильев А.* Право и перестройка // Советское государство и право, № 9, 1987.
- Вебер М.* Избранные произведения. – М.: Прогресс, 1990.
- Вейль С.* Укорінення // Дух і літера. № 1-2, 1997.
- Вейль С.* Укоренение. Письмо клирику. – К.: Дух и літера, 2000.
- Венгеров А.* О применении конституционных норм судебными органами СССР // Советское государство и право, № 10, 1969.
- Вернадский В.* Научная мысль как планетное явление. – М.: Наука, 1991.
- Вернадский В.* Философские мысли натуралиста. – М.: Наука, 1988.
- Вернан Ж.-П.* Происхождение древнегреческой мысли. – М.: Прогресс, 1988.
- Весоловский В.* Классы, слои и власть. – М.: Прогресс, 1981.
- Видал Г.* 1876 // Иностранная литература, № 5, 1986.
- Вико Д.* Новая наука. – М., 1940.
- Вико Д.* Основания новой науки об общей природе наций. – М.-К.: REFL-book, 1994.
- Вильданов Р.* Конституции в политической системе буржуазного общества. – М.: Международные отношения, 1968.
- Вильданов Р.* Международное значение Советской Конституции // Советское государство и право, № 10, 1982.
- Винер Н.* Кибернетика и общество. – М.: Издательство иностранной литературы, 1958.
- Вирильо П.* Машина зрения. – СПб.: Наука, 2004.
- Витаньи И.* Общество, культура, социология. – М.: Прогресс, 1984.
- Витгенштейн Л.* Культура и ценность. О достоверности. – М.: АСТ, Астрель, 2010.
- Від головної редакції // Кур'єр ЮНЕСКО, листопад, 1990.
- Відкритий лист Революційної української партії до міністра внутрішніх справ Сіягіна // Українська суспільно-політична думка в 20 столітті. Т. 1. – Нью-Йорк: Сучасність, 1983.
- Возняк М.* Українська державність. – Відень, 1918 р.
- Волдрон Д.* Теоретичні засади лібералізму // Лібералізм: Антологія. – К.: Смолоскип, 2002.
- Волцер М.* Складна рівність // Лібералізм: Антологія. – К.: Смолоскип, 2002.
- Восленский М.* Номенклатура. – М.: Советская Россия, 1991.
- Вригт Г. Х. фон.* Три мыслителя. – М.: Блиц, 2000.
- Вук Я.* Мифы и утопии архитектуры XX века. – М.: Стройиздат, 1990.
- Вятр Е.* Социология политических отношений. – М.: Прогресс, 1979.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Гавел В.* Испытание // Трудно сосредоточиться. – М.: Художественная литература, 1990.
- Гавел В.* Политику требуются принципы и хорошие манеры // За рубежом, № 47, 1991.
- Гавел В.* Путь без насилия // Известия, 24 февраля, 1990.
- Гавел В.* Сила бессильных // Новое время, № 16, 1991.
- Гавриленко В.* Вопросы теории новой Конституции СССР // Правоведение, № 3, 1978.
- Гаврилишин Б.* Дорогоговкази в майбутнє. – К.: Основи, 1993.
- Гадамер Х.-Г.* Истина и метод. – М.: Прогресс, 1988.
- Гадамер Х.-Г.* Телевидение породит новых рабов // Литературная газета, 23 июля, 1997.
- Гаек Ф.* Конституція свободи. – Львів: Літопис, 2002.
- Гаек Ф.* Принципи ліберального соціального порядку // Лібералізм: Антологія. – К.: Смолоскип, 2002.
- Гаек Ф.* Цінність свободи // Лібералізм: Антологія. – К.: Смолоскип, 2002.
- Гайдуков Д.* Развитие Советской конституции // Советское государство и право, № 11, 1957.
- Гарделин Н., Берлин И.* Две стороны национализма // Проблемы Восточной Европы, № 37-38, 1993.
- Гарднер У. К.* Самообновляющемуся обществу // Америка, май, 1971.
- Гари Р.* Избранное. – М.: Полярис, 1994.
- Гарэн Э.* Проблемы итальянского Возрождения. – М.: Прогресс, 1986.
- Гастил Р.* Какая демократия? // Диалог США, № 47, 1991.
- Гауз Д.* Індивідуальність: ліберальні теорії людини // Лібералізм: Антологія. – К.: Смолоскип, 2002.
- Гегель Г. В. Ф.* Политические произведения. – М.: Наука, 1978.
- Гегель Г. В. Ф.* Философия истории. – М.: Наука, 1993.
- Гегель Г. В. Ф.* Философия права. – М.: Мысль, 1990.
- Гейзенберг В.* Физика и философия. Часть и целое. – М.: Наука, 1989.
- Гейзенберг В.* Шаги за горизонт. – М.: Наука, 1987.
- Гелен А.* О систематике антропологии // Проблема человека в западной философии. – М.: Прогресс, 1988.
- Гельвеций К.-А.* Сочинения в двух томах. Т.1. – М.: Мысль, 1973.
- Гельвеций К.-А.* Сочинения в двух томах. Т.2. – М.: Мысль, 1974.
- Гессе Г.* Дамиан // Иностранная литература, № 5, 1993.
- Гессе Г.* Письма по кругу. – М.: Прогресс, 1987.
- Гессен В.* Основы конституционного права. – Петроград, 1918.
- Гессен М.* Совершенная строгость. Григорий Перельман: гений и задача тысячелетия: документальная проза. – М.: Астрель, 2011.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Гилберт Д., Малкей М.* Открывая ящик Пандоры: социологический анализ высказываний ученых. – М.: Прогресс, 1987.
- Гоббс Т.* Избранные произведения. В 2-х т. Т. 1. – М., 1964.
- Гоббс Т.* Левиафан. – М.: Издательство социально-экономической литературы, 1936.
- Гобгауз Л.* Апологія Свободи // Лібералізм: Антологія. – К.: Смолоскип, 2002.
- Говорухин Ю.* Набор высоты // Огонек, № 14, 1989.
- Голдберг С.* Доступність інформації для громадськості // Доповідь про свободу № 6. – USA: USIA, Regional Program Office, 1998.
- Голос України, 5 квітня, 1991.
- Гольбах П.-А.* Избранные произведения в двух томах. Т. 1. – М.: Мысль, 1963.
- Гольбах П.-А.* Избранные произведения в двух томах. Т. 2. – М.: Мысль, 1963.
- Горбачев М.* Ответы на вопросы газеты «Юманите» // Правда, 8 февраля, 1986.
- Горбачов Д.* Він та я були українці. Малевич та Україна. – К.: СІМ студія, 2006.
- Грбович Г.* Шевченко як міфотворець. – К.: Радянський письменник, 1991.
- Грбовський С.* У пошуках «нових і праведних законів». Український конституціоналізм XIX століття // День, № 110-111, 25-26 червня, 2010.
- Грант Д.* Философия, культура, технология: перспективы на будущее // Новая технократическая волна на Западе. – М.: Прогресс, 1986.
- Грин Г.* Путешествие без карты. – М.: Прогресс, 1989.
- Гроф С.* Целительные возможности необычных состояний сознания // Глобальные проблемы и общечеловеческие ценности. – М.: Прогресс, 1990.
- Грушевський М.* Вільна Україна // Українська суспільно-політична думка в 20 столітті. Т. 1. – Нью-Йорк: Сучасність, 1983.
- Грушевський М.* Хто такі українці і чого вони хочуть. – К.: Знання, 1991.
- Грушин Б.* Массовое сознание. – М.: Политиздат, 1987.
- Губенко Р.* Советский народ – субъект конституционных правоотношений // Советское государство и право, № 10, 1980.
- Гулиев В.* К новому качеству советской политической системы // Советское государство и право, № 9, 1987.
- Гулиев В.* Теоретические вопросы социалистического самоуправления // Советское государство и право, № 2, 1986.
- Гулиев В., Рудинский Ф.* Социалистическая демократия и личные права. – М.: Юридическая литература, 1984.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Гумбольдт В. фон.* Язык и философия культуры. – М.: Прогресс, 1985.
- Гумилев Л.* География этноса в исторический период. – Л.: Наука, 1990.
- Гумилев Л.* О людях, на нас не похожих // Советская культура, 15 ноября, 1988.
- Гунчак Т.* Україна: перша половина ХХ століття. – К.: Либідь, 1993.
- Давид Р.* Основные правовые системы современности. – М.: Прогресс, 1988.
- Данилів В.-Ю.* Солідарність і солідаризм. – К.: Академія, 2000.
- Дай Т., Зиглер Л.* Демократия для элиты. – М.: Юридическая литература, 1984.
- Дайси А.* Основы государственного права Англии. – М.: Издательство Сытина, 1907.
- Дайсон Ф.* Оружие и надежда. – М.: Прогресс, 1990.
- Даллес А.* Искусство разведки. – М.: Международные отношения, 1992.
- Данэм Б.* Герои и еретики. – М.: Прогресс, 1967.
- Данэм Б.* Гигант в цепях. – М.: Издательство иностранной литературы, 1958.
- Дарендорф Р.* После 1989. Мораль, революция и гражданское общество. – М.: ad Marginem, 1998.
- Дві концепції української політичної думки. Вячеслав Липинський – Дмитро Донцов. – USA: УККА, 1990.
- Дебре Р.* Інтелектуальна влада у Франції. – К.: Дух і літера, 2008.
- Деев Н., Шарафетдинов Н.* Социалистический плюрализм в политике // Советское государство и право, № 4, 1990.
- Дезами Т.* Кодекс общности. – М.: Издательство АН СССР, 1956.
- Дейвис П.* Как познать природу? // За рубежом, № 20, 1992.
- Дейцев С.* Политические аспекты глобальных проблем современности // Советское государство и право, № 5, 1986.
- Декларация прав человека и гражданина 1789 г. История и современность // Советское государство и право, № 7, 1989.
- Делез Ж.* Критическая философия Канта: Учение о способностях. Бергсонизм. Спиноза. – М.: ПЕРСЭ, 2000.
- Делез Ж., Гваттари Ф.* Анти-Эдип: капитализм и шизофрения. – М.: АСТ, 2007.
- Дельсоль Ш.* Бути французом – це приймати минуле нації // Le Figaro, 13.11.09. Электронный ресурс: <http://zgroup.cjm.ua/print.php?articleid=3338>
- Демократия для всех. Манифест чехословацкого Движения за гражданские права и свободы // Проблемы Восточной Европы, № 25-26, 1989.
- Денкэн Ж.-М.* Политическая наука. – М.: МНЭПУ, 1993.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Джеймисон Ф.* Постмодернізм або логіка культури пізнього капіталізму. – К.: Курс, 2008.
- Джефферсон Т.* Автобіографія. Заметки о штате Виргиния. – М.: Наука, 1990.
- Джилас М.* Лицо тоталитаризма. – М.: Новости, 1992.
- Джилас М., Урбан Д.* Между революцией и контрреволюцией // Проблемы Восточной Европы, № 23-24, 1989.
- Джойс Д.* Улисс. – М.: Республика, 1993.
- Джонстон Р.* География и географы. – М.: Прогресс, 1987.
- Джордж Ф.* После 1984. Перспективы лучшего мира // Новая технократическая волна на Западе. – М.: Прогресс, 1986.
- Диор К.* Автобіографія. – М.: Слово, 2011.
- Довженко А.* Из записных книжек // Огонек, № 43, 1987.
- Дойч Д.* Структура реальности. – Ижевск, 2001.
- Дойч К.* Основные изменения в политологии // Политические отношения: прогнозирование и планирование. – М.: Наука, 1979.
- Документ Копенгагенского совещания конференции по человеческому измерению СБСЕ // Международная жизнь, № 9, 1990.
- Доменах Ж.* Європа: виклик культурі // Ї, № 1, 1995.
- Доннелі Д.* Права людини, демократія та розвиток // Лібералізм: Антологія. – К.: Смолоскип, 2002.
- Донцов Д.* Клич доби. – Лондон: Видавництво Союзу українців у Великій Британії, 1968.
- Донцов Д.* Націоналізм // Українська суспільно-політична думка в 20 столітті. Т. 2. – Нью-Йорк: Сучасність, 1983.
- Донцов Д.* Росія чи Європа? – Лондон: Видавництво Союзу українців у Великій Британії, 1954.
- Донцов Д.* Сучасне політичне становище нації і наші завдання // Українська суспільно-політична думка в 20 столітті. Т. 1. – Нью-Йорк: Сучасність, 1983.
- Драгоманов М.* Вибране. – К.: Либідь 1991.
- Драгоманов М.* Вибрані твори. – Прага: 1937.
- Друкер П.* Каким должно быть правительство // Америка, июль, 1971.
- Дунаев В., Никитинский А.* Очерки науки о государстве. – М., 1909.
- Дурденевский В.* Иностранное конституционное право в избранных образцах. – Л.: Государственное издательство, 1925.
- Дьюи Д.* Общество и его проблемы. – М.: Идея-пресс, 2002.
- Дьюи Д.* Реконструкция в философии. – М.: Логос, 2001.
- Дьяконов И.* История эмоций? // Знание–сила, № 5, 1988.
- Дюамель Ж.* Хроника семьи Паскье. – М.: Художественная литература, 1974.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Дюв К. де.* Уроки жизни // Много миров. Вселенная, неземная жизнь и богословский подтекст. – М.: АСТ, 2007.
- Дюги Л.* Конституционное право. – М., 1908.
- Егоров С.* О политической юриспруденции в США (критический анализ) // Советское государство и право, № 7, 1986.
- Еллинек Г.* Общее учение о государстве. – СПб., 1907.
- Еременко Ю.* К разработке предмета науки советского государственного права // Правоведение, № 6, 1980.
- Еріксен Т.* Тирания моменту: швидкий і повільний час в інформаційну добу. – К.: Кальварія, 2004.
- Ерофеев В.* Москва-Петушки. – М.: Интербук, 1990.
- Жигульский К.* Праздник и культура. – М.: Прогресс, 1985.
- Жижек С.* Возвышенный объект идеологии. – М.: Художественный журнал, 1999.
- Зайцев Ф.* Проблема освоения интеллектуальных систем в политической деятельности // Проблемы развития и освоения интеллектуальных систем. – Новосибирск, 1986.
- Залыгин С.* К вопросу о бессмертии // Новый мир, № 1, 1989.
- Заповіт гетьмана* // Голос України, 29 листопада, 1991.
- Заславская Т.* О стратегии социального управления перестройкой // Иного не дано. – М.: Прогресс, 1988.
- Зивс С.* Конституция СССР в системе советского законодательства // Советское государство и право, № 6, 1978.
- Зиновьев А.* Гомо советикус. Пара беллум. – М.: Московский рабочий, 1991.
- Зиновьев А.* Зияющие высоты. Т. 1. – М.: Издательство ПИК, 1990.
- Зиновьев А.* Зияющие высоты. Т. 2. – М.: Издательство ПИК, 1990.
- Зэлдин Т.* Все о французах. – М.: Прогресс, 1989.
- Иванищева Н.* Основные черты конституций зарубежных социалистических стран. – Саратов: Издательство Саратовского университета, 1973.
- Иванова С.* Зарплата мелкими купюрами // Известия, 14 марта, 1991.
- Ильинский И.* Социалистическое самоуправление народа. – М.: Мысль, 1987.
- Ильинский И., Щетинин Б.* Конституционный контроль и охрана конституционной законности в социалистических странах // Советское государство и право, № 9, 1969.
- Иммервар Д., Янкелович Д.* Новая трудовая этика // Америка, № 350, 1986.
- Ионеско Э.* Носорог: пьесы и рассказы. – М.: Текст, 1991.
- Ионеско Э.* Противоядия. – М.: Прогресс, 1992.
- Ионин Л.* Политика как профессия // Новое время, № 8, 1989.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Иоффе Й.* Демократия со второго захода // За рубежом, № 22, 1992.
- История буржуазного конституционализма XVII–XVIII вв. – М.: Наука, 1983.
- История первобытного общества. Общие вопросы. Проблемы антропогенеза. – М.: Наука, 1983.
- История первобытного общества. Эпоха классовобразования. – М.: Наука, 1988.
- Кабышев В.* О механизме реализации Конституции СССР // Конституция СССР и проблемы укрепления правовой основы государственной и общественной жизни. – Свердловск: Издательство УрГУ, 1980.
- Кавелин К. Наш умственный строй. – М.: Правда, 1989.
- Кайзерлинг Г. фон.* Америка. Заря нового мира. – СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2002.
- Кайку Т.* Візії: як наука змінить XXI сторіччя. – Львів: Літопис, 2004.
- Каленский В.* Билль о правах в конституционной истории США. – М.: Наука, 1983.
- Калягин В.* «Конституция» Г. Р. Державина // Советское государство и право, № 8, 1987.
- Кампанелла Т.* Город Солнца. – М.: Издательство АН СССР, 1954.
- Камю А.* Бунтующий человек. – М.: Политиздат, 1990.
- Кан Г.* Грядущий подъем: экономический, политический, социальный // Новая технократическая волна на Западе. – М.: Прогресс, 1986.
- Кант И.* Сочинения в шести томах. Т. 3. – М.: Мысль, 1964.
- Кант И.* Сочинения в шести томах. Т. 4. Ч. 1. – М.: Мысль, 1965.
- Каныгин Ю.* Основы когнитивного обществоведения. – К., 1993.
- Капп И.* О причинах насилия в США // Америка, январь, 1972.
- Капустин В., Кухаренко Б.* Базы данных и системы знаний – симптом ноосферы // Кибернетика и ноосфера. – М.: Наука, 1986.
- Карась А.* Філософія громадянського суспільства в класичних теоріях і не-класичних інтерпретаціях. – Львів: Видавництво ЛНУ ім. І. Франка, 2003.
- Карп Р.* К науке о личности // История зарубежной психологии (30–60-е гг. XX в.). Тексты. – М.: Издательство МГУ, 1986.
- Кассирер Э.* Опыт о человеке: введение в философию человеческой культуры // Проблема человека в западной философии. – М.: Прогресс, 1988.
- Касториadis К.* Бюрократичне суспільство // Рюс Ж. Поступ сучасних ідей. – К.: Основи, 1998.
- Кашук Ю.* Камни и кони // Книжное обозрение, 1990.
- Кейзеров Н.* Политическая и правовая культура. – М.: Юридическая литература, 1983.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Кеннеди Дж.* Профили мужества. – М.: Международные отношения, 2005.
- Кентавр.* – М.: Феникс, июль-август, 1992.
- Керимов Д.* Конституция СССР и развитие политико-правовой теории. – М.: Мысль, 1979.
- Кива А.* Мертвая буква // Известия, 17 апреля, 1990.
- Ким А., Основин В.* Государственно-правовые процессуальные нормы и их особенности // Правоведение, № 4, 1967.
- Кимлика У.* Современная политическая философия: введение. – М.: Высшая школа экономики, 2010.
- Кин Дж.* Демократия и гражданское общество. – М.: Прогресс-традиция, 2001.
- Кириенко В.* Особенности программных положений Советской Конституции // Вестник ЛГУ, № 23, вып. 4, 1979.
- Кирилюк А.* Категория «активность»: мировоззренческие и методологические функции. – К.: Наукова думка, 1985.
- Кирквуд К.* Ренессанс в Японии. – М.: Наука, 1988.
- Кистяковский Б.* В защиту права // Вехи. – М.: Новое время, 1990.
- Клод А.* Возможности языка // Курьер ЮНЕСКО, апрель, 1986.
- Клюев А.* Особенности развития политической активности граждан при социализме // Политические институты и процессы. – М.: Наука, 1986.
- Ковалевский М.* Конституционное право. – СПб., 1909.
- Коваленко А.* Советская национальная государственность. – Минск: Высшая школа, 1983.
- Ковлер А., Смирнов В.* Демократия и участие в политике. – М.: Наука, 1986.
- Кожев А.* Атеизм и другие работы. – М.: Праксис, 2008.
- Козлова Е.* Конституция СССР и теоретические основы системы советского государственного права // Сборник научных трудов ВЮЗИ. – М., 1981.
- Койдер А.* Жизнь и творчество Леона Петражицкого // Теория и политика права. Избранные труды. – СПб.: Университетский издательский консорциум «Юридическая книга», 2010.
- Колаковський Л.* Мої правильні погляди на все. – К.: Києво-Могилянська академія, 2005.
- Коллард Ю.* Передмова // Міхновський М. Самостійна Україна. – Видавництво Український патріот, 1948.
- Коммаджер Г.* Моральное наследие пилигримов // Америка, № 288, ноябрь, 1980.
- Кон Г.* Азбука национализма // Проблемы Восточной Европы, № 25-26, 1989.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Кон И.* Психология социальной инерции // Коммунист, № 1, 1988.
- Кондрашев С.* Момент истины // Известия, 7 мая, 1992.
- Кониский Г.* История Русовъ или Малой России. – М., 1846.
- Констан Б.* Про свободу древніх у її порівнянні зі свободою сучасних людей // Лібералізм: Антологія. – К.: Смолоскип, 2002.
- Конституции буржуазных государств. – М.: Юридическая литература, 1982.
- Конституція для Європи. – К.: Юстініан, 2008.
- Конституции Союза ССР и союзных Республик. – М.: Издательство Власть Советов при Президиуме ВЦИК, 1937.
- Конституционный статус общественных организаций в СССР. – М.: Наука, 1983.
- Конституция Российской империи. – СПб., 1905.
- Конституция СССР 1977 г. – важная веха в развитии науки о социалистическом государстве // Советское государство и право, № 12, 1977.
- Конституция СССР и дальнейшее развитие государственного права. – М.: Издательство АН СССР, 1979.
- Конституция СССР и укрепление правовой основы государственной и общественной жизни. – К.: Наукова думка, 1983.
- Конституция СССР – Основной Закон общенародного социалистического государства // Советское государство и право, № 1, 1978.
- Конституция СССР. Конституции Союзных Советских Социалистических Республик. – М., 1985.
- Конституції зарубіжних країн: Навчальний посібник. – Харків: Ф. НН, 2009.
- Конституції нових держав Європи та Азії. – К.: УПФ, 1996.
- Конституція незалежної України. – К.: УПФ, 1992.
- Конституція України. – К.: Україна, 1996.
- Корецкий И.* О памятнике инакомыслию // Советская культура, 31 января, 1989.
- Коркунов Н.* Русское государственное право. – СПб., 1909.
- Корнуэлл Д.* Козни дьявола или буйство фантазии // За рубежом, № 11, 1992.
- Корчак Я.* Дитя людське. Вибрані твори. – К.: Дух і літера, 2007.
- Костиков В.* Блеск и нищета номенклатуры // Огонек, № 1, 1989.
- Костів К.* Конституційні акти відновленої Української держави 1917–1919 рр. і їхня політично-державна якість. – Торонто, 1964.
- Костомаров Н.* Исторические произведения. Автобиография. – К.: Издательство при КГУ, 1989.

БИБЛИОГРАФИЯ

Костюк Г. Зустрічі і прощання. Т. 1. – Edmonton: Канадський інститут українських студій, 1987.

Котарбинский Т. Трактат о хорошей работе. – М.: Экономика, 1975.

Котенко В. Особенности формирования политической культуры молодежи // Советское государство и право, № 4, 1990.

Коукер К. Сумерки Запада. – М.: Московская школа политических исследований, 2000.

Коцебу О. Новое путешествие вокруг света в 1823–1826 г. – М.: Наука, 1987.

Козн Д., Арато Э. Гражданское общество и политическая теория. – М.: Весь мир, 2003.

Кравчук С. Первая Советская Конституция (к 60-летию со дня принятия) // Советское государство и право, № 7, 1978.

Краснов М. О досрочном прекращении полномочий народного депутата СССР // Советское государство и право, № 11, 1989.

Крачфилд Д., Фармер Д., Паккард Н., Шоу З. Хаос // В мире науки, № 2, 1987.

Кривенко Л. Конституция СССР и задачи советского государственоведения // Советское государство и право, № 5, 1978.

Кристол И. Ответ Ф. Фукуяме // Проблемы Восточной Европы, № 27-28, 1989.

Критика новейших буржуазных учений о государстве и праве. – М.: Прогресс, 1982.

Кропоткин П. Записки революционера. – М.: Мысль, 1990.

Кропоткин П. Хлеб и воля. Современная наука и анархия. – М.: Правда, 1990.

Крушельницький І. Розмови з Гофмансталем // Ї, № 9, 1997.

Крылов Б. Американские юристы-советологи о советском конституционном праве // Советское государство и право, № 3, 1987.

Кудрявцев В. Конституция общенародного государства // Советское государство и право, № 11, 1977.

Кудрявцев В. Правовые грани свободы // Советское государство и право, № 11, 1989.

Кун С. Существует ли иерархия научных дисциплин // Социальные показатели в системе научно-технической политики. – М.: Прогресс, 1987.

Кун Т. Структура научных революций. – М.: Прогресс, 1977.

Кундера М. Бессмертие. – СПб.: Азбука-классика, 1996.

Кундера М. Вальс на прощание. – СПб.: Азбука-классика, 2009.

Купчишин С. Основоположні принципи Конституції УСРР 1919 р. // Радянське право, № 3, 1979.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Курашвили Б.* Борьба с бюрократизмом. – М.: Знание, 1988.
- Курашвили Б.* Очерк теории государственного управления. – М.: Наука, 1987.
- Курашвили Б.* Политическая борьба и ее закономерности // Политические отношения: прогнозирование и планирование. – М.: Наука, 1983.
- Кутафин О.* Конституционные основы общественного строя и политики СССР. – М.: Издательство МГУ, 1985.
- Кутафин О.* Конституция развитого социализма // Вестник МГУ, № 5, 1982.
- Кууси П.* Этот человеческий мир. – М.: Прогресс, 1988.
- Кшесинская М.* Воспоминания. – М.: Издательство АРТ, 1992.
- Кьонинг Ф.* Духовні основи Європи // Ї, № 1, 1995.
- Кэндзюро Я.* Философия свободы. – М.: Издательство социально-экономической литературы, 1958.
- Лабро Ф.* Киссинджер 2000-го года? // За рубежом, № 8, 1992.
- Лайтфут К.* Права человека по-американски. – М.: Прогресс, 1983.
- Лакофф Д., Джонсон М.* Метафоры, которыми мы живем // Язык и моделирование социального взаимодействия. – М.: Прогресс, 1987.
- Ламетри Ж.* Сочинения. – М.: Мысль, 1983.
- Ланицкий В.* Путешествие на край политики // Рансьер Ж. Эстетическое бессознательное. – СПб.: Machina, 2004.
- Лебедев А.* Возвращение политики // Новое время, № 6, 1989.
- Лебедев М.* К вопросу о закономерностях политики, их характере и механизме действия // Советское государство и право, № 11, 1984.
- Лебедев П.* Об устойчивости и изменчивости системы государственного управления // Советское государство и право, № 7, 1985.
- Леви Л.* Что такое демократия. – США: Издательство Информационного агентства США, 1991.
- Леви-Строс К.* Структурная антропология. – М.: Наука, 1983.
- Леге Ж.-М.* Кого страшит развитие науки. – М.: Знание, 1988.
- Ле-Гофф Ж.* Цивилизация средневекового Запада. – М.: Прогресс, 1992.
- Лем С.* Не может быть рая на земле // Огонек, № 13, 1989.
- Лем С.* Что будет через 10–20 лет? Я знаю, что этого никто не знает // Литературная газета, 14 ноября, 1990.
- Ленин В.* Полн. собр. соч. Т. 4.
- Ленин В.* Полн. собр. соч. Т. 6.
- Ленин В.* Полн. собр. соч. Т. 7.
- Ленин В.* Полн. собр. соч. Т. 13.
- Ленин В.* Полн. собр. соч. Т. 16.
- Ленин В.* Полн. собр. соч. Т. 17.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Ленин В.* Полн. собр. соч. Т. 20.
- Ленин В.* Полн. собр. соч. Т. 21.
- Ленин В.* Полн. собр. соч. Т. 22.
- Ленин В.* Полн. собр. соч. Т. 30.
- Ленин В.* Полн. собр. соч. Т. 31.
- Ленин В.* Полн. собр. соч. Т. 33.
- Ленин В.* Полн. собр. соч. Т. 34.
- Ленин В.* Полн. собр. соч. Т. 35.
- Ленин В.* Полн. собр. соч. Т. 36.
- Ленин В.* Полн. собр. соч. Т. 37.
- Ленин В.* Полн. собр. соч. Т. 38.
- Ленин В.* Полн. собр. соч. Т. 40.
- Ленин В.* Полн. собр. соч. Т. 44.
- Ленин В.* Полн. собр. соч. Т. 45.
- Ленк Х.* Ответственность в технике, за технику, с помощью техники // *Философия техники в ФРГ.* – М.: Прогресс, 1989.
- Леонард М.* XXI век – век Европы. – М.: АСТ, 2006.
- Лившиц Р.* Право и закон в социалистическом правовом государстве // *Советское государство и право*, № 3, 1989.
- Лимонов Э.* Дети гламурного рая. – М.: Альпина нон-фикшн, 2008.
- Линц Х.* Крушение демократических режимов // *Проблемы Восточной Европы*, № 39-40, 1993.
- Липа Ю.* Призначення України. – Н.-Ү.: Говерля, 1953.
- Липинський В.* Листи до братів-хліборобів. – Відень: 1926.
- Липовецки Ж.* Эра пустоты. – СПб.: Владимир Даль, 2001.
- Липсет С.* Третьего не дано // *Проблемы Восточной Европы*, № 33-34, 1991.
- Лисяк-Рудницький І.* Між історією й політикою. – Мюнхен: Сучасність, 1973.
- Литторин С.-О.* Крушение социалистического мифа. – Москва–Минск: Полифакт, 1991.
- Лифшиц Р.* Близок ли критический час // *Поиск*, № 35, 1989.
- Локк Д.* Сочинения в трех томах. – М.: Мысль, 1985.
- Локк Д.* Сочинения в трех томах. – М.: Мысль, 1988.
- Лоренц К.* Агрессия. – М.: Прогресс, 1994.
- Лосев С.* Практическими делами углублять перестройку // *Известия*, 16 июля, 1987.
- Лосский Н.* Избранное. – М.: Правда, 1991.
- Лотман Ю.* Культура и взрыв. – М.: Прогресс, 1992.
- Луман Н.* Власть. – М.: Праксис, 2001.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Луман Н.* Медиа коммуникации. – М.: Логос/Гнозис, 2005.
- Луман Н.* Самоописания. – М.: Логос/Гнозис, 2009.
- Лучин В.* Процессуальные нормы в советском государственном праве. – М.: Юридическая литература, 1976.
- Лучин В.* Функциональные аспекты действия Конституции // Советское государство и право, № 11, 1983.
- Льоса М.* Теперь я знаю, что я всего лишь писатель // За рубежом, № 52, 1991.
- Люббе Х.* Технические и социальные изменения как проблема ориентации // Философия техники в ФРГ. – М.: Прогресс, 1989.
- Мабли Г.* Избранные произведения. – М.-Л.: Издательство АН СССР, 1950.
- Магочій П.* Історія України. – К.: Критика, 2007.
- Мазепа Ісаак.* Огнева доба. – Прага: Колос, 1941.
- Майноуз К.* Анатомія лібералізму // Лібералізм: Антологія. – К.: Смолоскип, 2002.
- Макаренко В.* Проблемы бюрократии в трудах классиков марксизма-ленинизма // Советское государство и право, № 9, 1986.
- Максимейко И.* Лекции по истории русского государственного права. – Екатеринбург, 1917.
- Мальцев Г.* Право и власть: к реформе политико-правовой сферы советского общества // Правоведение, № 6, 1988.
- Малютин М.* Неформалы в перестройке: опыт и перспективы // Иного не дано. – М.: Прогресс, 1988.
- Мамут Л.* Великое открытие в науке о государстве // Советское государство и право, № 3, 1983.
- Мамфорд Л.* Миф машины. Техника в развитии человечества. – М.: Логос, 2001.
- Манов Г.* Социалистическое правовое государство: проблемы и перспективы // Советское государство и право, № 6, 1989.
- Манхейм К.* Идеология и утопия // Утопия и утопическое мышление. – М.: Прогресс, 1991.
- Маринович М.* Україна на полях святого письма. – Дрогобич, 1991.
- Маринович М.* Україна: дорога через пустелю. – Харків: Фоліо, 1993.
- Маритен Ж.* Ответственность художника // Самосознание европейской культуры XX века. – М.: Политиздат, 1991.
- Маркарян Э.* Теория культуры и современная наука. – М.: Мысль, 1983.
- Маркиз де Кюстин А.* Николаевская Россия. – М.: Терра, 1990.
- Маркс К., Энгельс Ф.* Из ранних произведений. – М., 1956.
- Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 1.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 2.
Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3.
Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 4.
Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 7.
Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 8.
Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 17.
Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20.
Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 22.
Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 25, ч. 1.
Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 27.
Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 33.
Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 34.
Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 36.
Маркузе Г. Одномерный человек. – М.: REFL-book, 1994.
Марсель Г. Быть и иметь. – Новочеркасск: Сагуна, 1994.
Мартиниць В. Ідеологія організованого й так званого волевого націоналізму. – Вінніпег: Новий шлях, 1954.
Мартыненко П. К вопросу о применении некоторых философских категорий при изучении конституции // Методологические проблемы советской юридической науки. – К.: Наукова думка, 1965.
Мартыненко П. Социалистическая конституция – непосредственно действующее право // Проблемы правоведения, № 39, 1979.
Марціняк В. 1989 рік і крах ялтинського режиму // Критика, № 5-6, 2010.
Марченко М. Рецензия: Политическая система развитого социалистического общества. – М.: Наука, 1984 // Правоведение, № 4, 1985.
Масленников В. Трудовой коллектив и его конституционный статус. – М.: Наука, 1984.
Матузов Н. Активная жизненная позиция и право // Советское государство и право, № 3, 1984.
Медведев Р. О Сталине и сталинизме // Знамя, № 1, 1989.
Медушевский А. Реформы Петра Великого в сравнительно-историческом аспекте // Вестник высшей школы, № 32, 1990.
Мелье Ж. Завещание. Т. 3. – М.: Издательство АН СССР, 1954.
Менерт К. О русских сегодня. Что они читают, каковы они // Иностранная литература, № 11, 1987.
Меннінг Д. Символічна форма лібералізму // Лібералізм: Антологія. – К.: Смолоскип, 2002.
Менухин И. Странствия. – М.: Колибри, 2008.
Мережковский Д. Большая Россия. – Л.: Издательство ЛГУ, 1991.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Мигранян А.* Механизм торможения в политической системе и пути его преодоления // *Иного не дано.* – М.: Прогресс, 1988.
- Мид М.* Культура и мир детства. – М.: Наука, 1988.
- Мидлер А.* Академия для депутата // *Вестник высшей школы*, № 4, 1990.
- Мизес Л. фон.* Антикапиталистическая ментальность. – Н.-У.: Телекс, 1992.
- Мизес Л. фон.* Лібералізм у класичній традиції // *Лібералізм: Антологія.* – К.: Смолоскип, 2002.
- Миллер А.* Борьба за правду должна быть защищена законом // *Известия*, 26 июня, 1992.
- Миллер Д., Галантер Ю., Прибрам К.* Планы и структура поведения // *История зарубежной психологии (30–60 гг. XX в.) Тексты.* – М.: Издательство МГУ, 1986.
- Милль Дж. С.* Утилитаризм. О свободе. – СПб., 1900.
- Милош Ч.* Личные обстоятельства. – М.: Дом интеллектуальной книги, 1999.
- Мир философии.* Ч. 2. – М.: Политиздат, 1991.
- Мионов О.* Методы конституционного регулирования // *Правоведение*, № 2, 1980.
- Михалева Н.* Ленинское учение о конституции: методологические аспекты // *Советское государство и право*, № 10, 1977.
- Михалева Н.* Понятие и система принципов социалистической конституции // *Правоведение*, № 6, 1977.
- Мизес Л. фон.* Капіталізм, ринок і свобода // *Лібералізм: Антологія.* – К.: Смолоскип, 2002.
- Милль Дж. С.* Про індивідуальність як один з елементів добробуту // *Лібералізм: Антологія.* – К.: Смолоскип, 2002.
- Милош Ч.* Поневолений розум. – Мюнхен: Сучасність, 1985.
- Мірчук П.* Українська державність 1917–1920 р. – Філядельфія, 1967.
- Міхнік А.* У пошуках свободи. Есеї про історію та політику. – К.: Дух і літера, 2009.
- Міхновський М.* Самостійна Україна // *Український патріот*, 1948.
- Млинарж З.* Правовое государство и советская система // *Проблемы Восточной Европы*, № 25-26, 1989.
- Моисеев Н.* Зачем дорога, если она не ведет к храму // *Иного не дано.* – М.: Прогресс, 1988.
- Мойнихен Д.* Еще об эссе Фукуямы // *Проблемы Восточной Европы*, № 27-28, 1989.
- Моль А.* Социодинамика культуры. – М.: Прогресс, 1973.
- Монітор Свободи*, № 2(4), 1998.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Монтескье Ш.* Избранные произведения. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1955.
- Морелли.* Кодекс природы. – М.: Издательство АН СССР, 1947.
- Мориак Ф.* Жизнь Иисуса. – М.: Мир, 1991.
- Морін Е.* Метанаціональна провінція? // *Ї*, № 9, 1997.
- Морозова Л.* Конституционное регулирование в СССР. – М.: Юридическая литература, 1985.
- Моруа А.* Жизнь Дизраэли. – М.: Политиздат, 1991.
- Моруа А.* Надежды и воспоминания. – М.: Прогресс, 1983.
- Моэм С.* Подводя итоги. – М.: Высшая школа, 1991.
- Мунье Э.* Что такое персонализм? – М.: Издательство гуманитарной литературы, 1994.
- Мушинский В.* Личность и политическая культура // Советское государство и право, № 4, 1989.
- Мэйс Дж.* Культивируя гражданское общество // *День*, № 33, 20 февраля 2002.
- Мэмфорд Л.* Техника и природа человека // Новая технократическая волна на Западе. – М.: Прогресс, 1986.
- Мэнсбридж Д.* Женщины, правление и общее благо // *Диалог США*, № 47, 1991.
- Набоков В.* Лекции по зарубежной литературе. – СПб.: Азбука-классика, 2010.
- Наврозов Л.* Коллективное мышление и бакенбарды Дизраэли // *Известия*, 16 мая, 1992.
- Назаров А.* К понятию организованности ноосферы // *Кибернетика и ноосфера*. – М.: Наука, 1986.
- Нарта М.* Теория элит и политика. – М.: Прогресс, 1978.
- Національні стандарти основ громадянських прав і держави. – Харків: Фолю, 1998.
- Наэм Д.* Психология и психиатрия в США. – М.: Прогресс, 1984.
- Незалежна Україна* // *Рада*, № 26, 1992.
- Нерсесянц В.* Перестройка и правовое мышление // Советское государство и право, № 9, 1987.
- Нерсесянц В.* Право: многообразие определений и единство понятия // Советское государство и право, № 10, 1989.
- Никитинский В.* Перестройка в правовой системе, юридической науке, практике // Советское государство и право, № 10, 1987.
- Ницше Ф.* Антихристианин // *Сумерки богов*. – М.: Прогресс, 1989.
- Ницше Ф.* По ту сторону добра и зла // *Вопросы философии*, № 5, 1989.

БИБЛИОГРАФИЯ

Ницше Ф. По ту сторону добра и зла // Мир философии. Ч.1. – М.: Политиздат, 1991.

Ницше Ф. По ту сторону добра и зла // Собрание сочинений. Т. 2. – М., 1900.

Ницше Ф. Сочинения в 2 т. Т. 1. – М.: Мысль, 1990.

Новгородцев П. Об общественном идеале. – М.: Правда, 1993.

Новые конституции стран СНГ и Балтии. – М.: Манускрипт, 1994.

Новый мировой порядок и политическая общность. – М.: Наука, 1983.

Нозик Р. Анархия, государство и утопия. – М.: Ирисэн, 2008.

Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. – М.: Издательство Института Гайдара, 2011.

Носов Е. Что мы переживаем? // Литературная газета, 20 апреля, 1988.

Нунен П. Я писала речи президенту // За рубежом, № 39, 1990.

Нуреев Р. Джеймс Бьюкенен и теория общественного выбора // Бьюкенен Д. Сочинения. – М.: Таурус-альфа, 1997.

Оболонский А. Бюрократическая деформация сознания и борьба с бюрократизмом // Советское государство и право, № 1, 1987.

Оболонский А. Социально–психологический аспект участия граждан в политике и управлении // Советское государство и право, № 9, 1989.

Общие начала теории социалистической конституции. – М.: Наука, 1986.

Овидий П. Наука любить. – М.: Вернисаж, 1992.

Ожегов С. Словарь русского языка. – М.: Русский язык, 1984.

Олбрайт М. Госпожа госсекретарь. – М.: Альпина бизнес букс, 2004.

Олкер Х. Волшебные сказки, трагедии и способы изложения мировой истории // Язык и моделирование социального взаимодействия. – М.: Прогресс, 1987.

Олкер Х. Диалектическая логика «Мелосского диалога» Фукидида // Язык и моделирование социального взаимодействия. – М.: Прогресс, 1987.

Ордешук П. Эволюция политической теории Запада и проблемы институционального дизайна // Вопросы философии, № 4, 1994.

Ортега-и-Гассет Х. Две главные метафоры // Эстетика. Философия культуры. – М., 1991.

Ортега-и-Гассет Х. Дегуманизация искусства. – М.: Радуга, 1991.

Ортега-и-Гассет Х. Спортивное происхождение государства // Философская и социологическая мысль, № 6, 1990.

Ортега-и-Гассет Х. Что такое философия. – М.: Наука, 1991.

Основин В., Глебов А. Преамбула Конституции СССР (природа и особенности) // Правоведение, № 2, 1980.

Оссовская М. Рыцарь и буржуа. – М.: Прогресс, 1987.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Оуэн Р. Избранные сочинения. – М.-Л.: Издательство АН СССР, 1950.
- Палья К. Личины сексуальности. – Екатеринбург: У-Фактория, 2006.
- Парижская хартия для новой Европы // Известия, 23 ноября, 1990.
- Пахльовська О. Мазепа – архітектор європейської України // День, № 152, 29 серпня, 2009.
- Перестройка в правовой системе, юридической науке, практике // Советское государство и право, № 10, 1987.
- Перрюшо А. Жизнь Сёра. – М.: Радуга, 1992.
- Пертцик В. Рецензия: Степанов И. Конституция и политика. – М.: Наука, 1984 // Правоведение, № 3, 1986.
- Пертцик В., Шмайлова Л. Реализация конституционных норм // Советское государство и право, № 5, 1979.
- Перша Конституція України гетьмана Пилипа Орлика. 1710 р. – К.: Веселка, 1994.
- Перший український державник // Рада, № 13-16, 1992.
- Петражицкий Л. Теория и политика права. Избранные труды. – СПб.: Университетский издательский консорциум «Юридическая книга», 2010.
- Пикок А. Теология перед лицом эволюции: вызов и стимул // Много миров. Новая Вселенная, внеземная жизнь и богословский подтекст. – М.: АСТ, 2007.
- Пилон Р. Маркс уничтожил независимость // Поиск, № 38, 1990.
- Пирс Ч. С. Принципы философии. Т. 1. – СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2001.
- Пирс Ч. С. Принципы философии. Т. 2. – СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2001.
- Писарев Д. Исторические эскизы. – М.: Правда, 1989.
- Пискотин М. Социализм и государственное управление. – М.: Наука, 1988.
- Питерс Т., Уотерман Р. В поисках эффективного управления. – М.: Прогресс, 1986.
- Планета Вячеслава Липинського // Голос України, 17 квітня, 1992.
- Плеснер Х. Ступени органического человека // Проблема человека в западной философии. – М.: Прогресс, 1988.
- Плеханов Г. Еще раз социализм и политическая борьба. – М., 1959.
- Поваров Г. Ампер и кибернетика. – М.: Советское радио, 1977.
- Подолінський С. Вибрані твори. – Canada: Univesité' du Que'bec a Montre'al, 1990.
- Покровский И. Перуново заклятве // Новое время, № 12, 1991.
- Полан Ж. О счастье в рабстве // Холландер К. Мадам. – Минск: Дайджест, 1992.

БИБЛИОГРАФИЯ

Полан Ж. Тарбские цветы или террор в изящной словесности. – СПб.: Наука, 2000.

Политика и общество: социально–политические проблемы развитого социализма. – Л.: Издательство ЛГУ, 1975.

Полтава П. Збірник підпільних писань. – Мюнхен: Український самостійник, 1959.

Померанц Г. Будущее мироустройство и русская идея // Век XX и мир, № 2, 1990.

Попов Г. Обратного хода не имеет // Советская культура, 7 апреля, 1988.

Попов Н. «Глас народа» в условиях гласности // Советская культура, 11 июня, 1987.

Поппер К. Открытое общество и его враги. Т. 1. – М.: Феникс, 1992.

Поппер К. Открытое общество и его враги. Т. 2. – М.: Феникс, 1992.

Портнов В., Славин М. Этапы развития Советской Конституции // Актуальные проблемы государственного управления. – М., 1979.

Потульніцький В. Історія української політології. – К.: Либідь, 1992.

Почему у нас мало по-настоящему образованных людей // Литературная газета, 13 мая, 1987.

Почта недели // Советская культура, 31 января, 1989.

Правовая система социализма: проблемы функционирования и развития // Советское государство и право, № 8, 1986.

Прайс Д. Наука, техника и конституция // Америка, № 370, сентябрь, 1987.

Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. – М.: Прогресс, 1986.

Проблемы политических наук. – М.: Наука, 1980.

Програмові засади братства тарасівців // Українська суспільно-політична думка в 20 столітті. Т. 1. – Нью-Йорк: Сучасність, 1983.

Прокошин В. Обсуждение философских аспектов права. Обзор доклада (и прений) Р. Халфиной // Информационные материалы, № 4 (55), 1986.

Пчелинцева К., Шарафетдинов Н. Теоретические вопросы социалистического самоуправления народа // Советское государство и право, № 7, 1986.

Пятигорский А. Философия одного переулочка. – М.: Прогресс, 1992.

Пятигорский А. Что такое политическая философия: размышления и изображения. – М.: Европа, 2007.

Раду Д. Идея культурного прогресса в современном мире. – М.: Прогресс, 1984.

Радько Т. Конституция СССР и идеологическая функция советского права // Советское государство и право, № 6, 1978.

Райх В. Психология масс и фашизм. – М.: Университетская книга, 1997.

БИБЛИОГРАФИЯ

Райх Р. Национальная проблема // Проблемы Восточной Европы, № 33-34, 1991.

Рассел Б. Высшая добродетель угнетенных // Квинтэссенция. – М.: Политиздат, 1990.

Рассел Б. История западной философии. Ч. 1. – М.: Миф, 1993.

Рассел Б. История западной философии. Ч. 2. – М.: Миф, 1993.

Рассел Б. Почему я не христианин. – М.: Прогресс, 1987.

Рассел Б. Практика и теория большевизма. – М.: Наука, 1991.

Рассел Б. Человеческое познание. – М.: Издательство иностранной литературы, 1957.

Рац М. Каков поп, таков и приход // Книжное обозрение, № 37, 1993.

Редер Г. Теория политической системы Д. Истона – попытка стабилизации власти в условиях государственно-монополистического капитализма // Критика новейших буржуазных учений о государстве. – М.: Прогресс, 1982.

Рейган Р. Выступление в МГУ. Рейган в Москве. Встреча в верхах. – США: Издательство Информационного агентства США, 1988.

Рейган Р. Выступление в МГУ. – USA: Издательство Информационного агентства США, 1988.

Рейган Р. Жизнь по-американски. – М.: Новости, 1992.

Рейган Р. Откровенно говоря. – М.: Новости, 1990.

Рейган Р. Свобода, прогресс и мир // Международная жизнь, № 11, 1988.

Речицкий В. Конституционные гарантии обеспечения участия граждан СССР в управлении государственными и общественными делами // Правоведение, № 1, 1984.

Речицкий В. Конституционный механизм обеспечения участия граждан СССР в управлении государственными и общественными делами. – Депонировано в ИНИОН АН СССР, № 9063 от 19.01.82 г., Библиографический указатель Государство и право, № 6, 1982.

Речицкий В. Простые ценности конституционализма: свобода, рынок и социальная динамика // Права людини, № 35 (579), 2010.

Речицкий В. Социализм и авторитаризм // Философская и социологическая мысль, № 10, 1990.

Речицкий В. Громадянські права як юридичний засіб протидії державній владі // Українське право, № 1(2), 1995.

Речицкий В. Конституційна законотворчість та конституційний процес в Україні – 2009–2010 рр. // Права людини в Україні 2009–2010. Доповідь правозахисних організацій. – Харків: Права людини, 2011.

Речицкий В. Конституційний процес в Україні як феномен демократії // Вісник Академії правових наук України, № 4, 1995.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Речицький В.* Конституційні гарантії участі мас в управлінні державними і громадськими справами // Радянське право, № 3, 1983.
- Речицький В.* Конституція у футлярі // Рада, № 28-29, 1992.
- Речицький В.* Конституція як форма осягнення влади // Вісник АН України, № 11, 1993.
- Речицький В.* Політичне знання в оновлюваному суспільстві // Україна в сучасному світі. – Київ: РАУ, 1990.
- Речицький В.* Прості цінності конституціоналізму // Критика, № 1-2, 2011.
- Рікер П.* Право і справедливість. – К.: Дух і літера, 2002.
- Роджерс К.* К науке о личности // История зарубежной психологии (30-е – 60-е годы XX в.). Тексты. – М.: Издательство МГУ, 1986.
- Розанов В.* Религия и культура. Т. 1. – М.: Правда, 1993.
- Розанов В.* Уединенное. Т. 2. – М.: Правда, 1990.
- Розин Э., Нцкирвели Г. Ф.* Энгельс и проблемы государства // Правоведение, № 6, 1984.
- Рокар М.* Трудиться с душой. – М.: Международные отношения, 1991.
- Рокфеллер Д.* Мемуари. – К.: Юніверс, 2009.
- Ролз Д.* Справедливість як чесність // Лібералізм: Антологія. – К.: Смолоскип, 2002.
- Ролстон III Х.* Существует ли экологическая этика // Глобальные проблемы и общечеловеческие ценности. – М.: Прогресс, 1990.
- Ронин С.* Историческое значение Советской Конституции // Советское государство и право, № 7, 1948.
- Ронин С.* К истории Конституции СССР 1924 г. – М.-Л.: Издательство АН СССР, 1949.
- Ронин С.* Конституция СССР 1936 года. – М.: Госюриздат, 1957.
- Ронин С.* Программные идеи советского конституционного строительства // Советское государство и право, № 11, 1978.
- Рорти Р.* Случайность, ирония и солидарность. – М.: Русское феноменологическое общество, 1996.
- Рорти Р.* Постмодерністський буржуазний лібералізм // Лібералізм: Антологія. – К.: Смолоскип, 2002.
- Рудич Ф.* Политика как объект системного исследования // Философская и социологическая мысль, № 1, 1990.
- Русинов Р.* Конституция СССР и гуманизация правового регулирования // Конституция СССР и проблемы укрепления правовой основы государственной и общественной жизни. – Свердловск: Издательство УрГУ, 1980.
- Русская литературная утопия. – М.: Издательство МГУ, 1986.
- Руссо Ж.-Ж.* Трактаты. – М.: Наука, 1969.

БИБЛИОГРАФИЯ

Руткевич А. Предисловие // Кожев А. Атеизм и другие работы. – М.: Прогресс, 2006.

Руткевич М. Проблема истины в сфере политического сознания // Новый мировой порядок и политическая общность. – М.: Наука, 1983.

Рязанов Э. Борьба со сталинизмом // Московские новости, 4 сентября, 1988.

Рянжин В. Конституция как особый правовой акт Советского государства // Актуальные проблемы Советского государства и права в период строительства коммунизма. – Л.: Издательство ЛГУ, 1967.

Савальский В. Государственное право общее и русское. – Варшава, 1912.

Саватер Ф. Этика для Амадора. – К.: Дух і літера, 2008.

Савенков Ю. Китай: пора политической реформы // Известия, 2 февраля, 1989.

Салтыков-Щедрин М. До боли сердечной... // Известия, 10 мая, 1989.

Самосознание европейской культуры XX века. – М.: Политиздат, 1991.

Сантаяна Д. Характер и мировоззрение американцев. – М.: Идея-пресс, 2003.

Сапаргалиев Г. Перестройка в правовой системе, юридической науке, практике // Советское государство и право, № 10, 1987.

Сартр Ж.-П. Бытие и ничто: опыт феноменологической онтологии. – М.: Республика, 2000.

Сахаров А. Воспоминания. – Н.-У.: Издательство им. Чехова, 1990.

Сахаров А. Вспышка во мраке // Новое время, № 21, 1991.

Сахаров А. Мир через полвека // Новое время, № 2, 1990.

Сахаров А. Мир, прогресс, права человека. Нобелевская лекция // Огонек, № 8, 1989.

Свендсен Л. Философия моды. – М.: Прогресс-традиция, 2007.

Свердлов Я. Об общих положениях Конституции (выступление на заседании 19 апреля 1918 г.) // Избранные произведения. Т. 2. – М.: Госполитиздат, 1959.

Свінцицький В., Федорченко П. Громадянське суспільство в Україні: концепції і реалії // Бюлетень Міжнародного фонду «Відродження». – Київ, № 4-5, 1994.

Сегал Л. Конец эпохи ясности // Проблемы Восточной Европы, № 27-28, 1989.

Селье Г. От мечты к открытию: как стать ученым. – М.: Прогресс, 1987.

Селюнин В. Истоки // Новый мир, № 5, 1988.

Семенов В. Основы, структура и роль политических идей и символов // Новый мировой порядок и политическая общность. – М.: Наука, 1983.

БИБЛИОГРАФИЯ

Сен-Симон А. Избранные сочинения. Т. 1. – М.-Л.: Издательство АН СССР, 1948.

Сен-Симон А. Избранные сочинения. Т. 2. – М.-Л.: Издательство АН СССР, 1948.

Сент-Экзюпері, А. де. Записники: твори у 4 т. Т. 1. – К.: Видавництво Жупанського, 2009.

Сент-Экзюпері, А. де. Военные записки 1939–1944 гг. Художественная публицистика. – М.: Прогресс, 1986.

Сент-Экзюпері, А. де. Манон, танцовщица. – М.: ЭКСМО, 2010.

Сергеев В. Тигр в болоте // Знание-сила, № 7, 1988.

Сесардич Н. О некоторых идеологических препятствиях процессу демократизации Югославии // Проблемы Восточной Европы, № 27-28, 1989.

СЗ СССР, № 22, 1936.

СЗ СССР, № 33, 1934.

СЗ СССР, № 50, 1934.

СЗ СССР, № 66, 1926.

Сидорук А. Які національні кольори в Україні? // День, 26 листопада, 1998.

Синявский А. Диссидентство как личный опыт // Литературная газета, 5 мая, 1997.

Скоропадский П. Воспоминания // Ї, № 7, 1996.

Скоропадський Д. Державність і патріотизм. – Kiel: Rucks and Co., Видавництво українських скитальців, 1947.

Скоропадський П. Спогади. – Київ-Філадельфія, 1995.

Скуратов Ю. О конституционном содержании некоторых политических категорий // Правоведение, № 1, 1986.

Смирнов К. Лошадиные силы для компьютера // Известия, 23 января, 1990.

Снайдер Т. Криваві землі. – К.: Трані-Т, 2011.

Советский энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1985.

Советское конституционное право. – Л.: Издательство ЛГУ, 1975.

Советское правовое государство и юридическая наука. Круглый стол // Советское государство и право, № 3, 1989.

Современная буржуазная политическая наука: проблемы государства и демократии. – М.: Наука, 1982.

Современные фабрики мысли. Аналитический доклад. – К.: Агентство гуманитарных технологий, 1999.

Солженицын А. Как нам обустроить Россию // Литературная газета, 18 сентября, 1990.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Солженицын А.* Нобелевская лекция // Новый мир, № 7, 1989.
- Соловьев В.* Сочинения. В 2-х т. Т. 1. – М.: Правда, 1989.
- Соловьев В.* Сочинения. В 2-х т. Т. 2. – М.: Правда, 1989.
- Соловьев Э.* Правовой нигилизм и гуманистический смысл права // Квинтэссенция. – М.: Политиздат, 1990.
- Сорокин П.* Голод и идеология в обществе // Квинтэссенция. – М.: Политиздат, 1990.
- Сорокин П.* Дальняя дорога. Автобиография. – М.: Терра, 1992.
- Сорокин П.* Проблема социального равенства и социализм // Коммунист, № 12, 1990.
- Сорос Д.* Советская система: к открытому обществу. – М.: Политиздат, 1991.
- Сорос Д.* Утверждения демократии. – К.: Основы, 1994.
- Социалистическое самоуправление: опыт и тенденции развития. – М.: Издательство АН СССР, 1986.
- Спиноза Б.* Избранные произведения. Т. 1. – М., 1957.
- Спорные предвидения Б. Ф. Скиннера // Америка, декабрь, 1972.
- Стахів М.* Україна в добі Директорії і УНР. – Scranton: Ukrainian Free University, 1964.
- Стейнбек Д.* Наедине со временем. – М.: Прогресс, 1988.
- Степанов И.* Конституция и политика. – М.: Наука, 1984.
- Степанов И.* Конституция развитого социализма – социальная ценность и основные функции // Советское государство и право, № 12, 1978.
- Степанов И.* Политические законы социализма и конституция // Советское государство и право, № 1, 1984.
- Степовик Г., Подоляк М.* Листи від українських хліборобів до української інтелігенції. – Відень, 1921.
- Стрелер Д.* Театр для людей. – М.: Радуга, 1984.
- Стрельцова Г.* Барокко и классицизм – XVII в. // Человек: мыслители прошлого и настоящего о его жизни, смерти и бессмертии. – М.: Политиздат, 1991.
- СУ № 1, 1917.
- СУ № 3, 1917.
- СУ № 12, 1917.
- СУ РСФСР, № 22, 1928.
- СУ УССР, № 11, 1933.
- СУ УССР, № 19, 1919.
- Судницин Ю., Скуратов Ю.* Конституционное обеспечение суверенитета народа в Советском государстве // Советское государство и право, № 1, 1981.
- Сэнктон Т.* Джаз умер... Да здравствует джаз! // За рубежом, № 3, 1991.

БИБЛИОГРАФИЯ

Талбот С. В истории еще будет немало интересного // За рубежом, № 8, 1992.

Таманага Б. Верховенство права: історія, політики, теорія. – К.: Києво-Могилянська академія, 2007.

Тарковский Ан. Красота – символ правды // Литературная газета, 8 апреля, 1987.

Тархов В. Конституционные отношения // Правоведение, № 2, 1981.

Тендряков В. На блаженном острове коммунизма // Новый мир, № 9, 1988.

Тенненбаум В. Категории «политика» и «власть» в науке конституционного права // Проблемы конституционного права. Вып. 1(2). – Саратов, 1974.

Теоретические основы Советской Конституции. – М.: Наука, 1981.

Тимофеев Л. Фашизм в конце туннеля // Известия, 21 ноября, 1992.

Тихомиров Ю. О природе и системе социалистического самоуправления народа // Социалистическое самоуправление: опыт и тенденции развития. – М.: Издательство ИГПАН СССР, 1986.

Тихомиров Ю. Проблемы теории социалистической конституции // Советское государство и право, № 2, 1978.

Тихомиров Ю. Социализм и политическая деятельность. – М.: ИГПАН СССР, 1984.

Ткачев П. Кладези мудрости российских философов. – М.: Правда, 1990.

Ткачук А., Агранофф Р., Браун Т. Місцеве самоврядування: світовий та український досвід. – К.: Заповіт, 1997.

Тойнби А. Постыжение истории. – М.: Прогресс, 1991.

Токарев С. Религия в истории народов мира. – М.: Политиздат, 1986.

Томас Л. О нашем несовершенстве // Америка, № 297, 1981.

Томашівський С. Історія України. – Мюнхен: Український вільний університет, 1948.

Топорков Л. Л. Валенса атакует правительство. Война всех со всеми? // Известия, 16 мая, 1990.

Топорнин Б. Теория и практика социалистического самоуправления народа: актуальные проблемы // Социалистическое самоуправление: опыт и тенденции развития. – М.: АН СССР, 1986.

Тоффлер Э., Тоффлер Х. Революционное богатство. – М.: АСТ, 2008.

Тоффлер О. Раса, власть и культура // Новая технократическая волна на Западе. – М.: Прогресс, 1986.

Тулмин С. Человеческое понимание. – М.: Прогресс, 1984.

Туманов В. Идеология и право: некоторые аспекты взаимодействия // Советское государство и право, № 4, 1984.

БИБЛИОГРАФИЯ

Турен А. От обмена к коммуникации: рождение программированного общества // Новая технократическая волна на Западе. – М.: Прогресс, 1986.

Тэрнер Д. Филантропия в Америке // Америка, № 325, декабрь, 1983.

Уайльд О. Избранные произведения. В 2-х т. Т. 2. – М.: Республика, 1993.

Уайльд О. Социализм и душа человека // Вехи. – М.: Новое время, 1990.

Уайтхед А. Избранные работы по философии. – М.: Прогресс, 1990.

Угода та Конституція Пилипа Орлика // Літературна Україна, 12 липня, 1990.

Уилсон И. Новая американская тенденция: индивидуализм, плюрализм, децентрализация // Америка, май, 1982.

Уинстенли Д. Избранные памфлеты. – М.: Издательство АН СССР, 1950.

Українська суспільно-політична думка в 20 столітті. Т. 1. – Нью-Йорк: Сучасність, 1983.

Українська суспільно-політична думка в 20 столітті. Т. 2. – Нью-Йорк: Сучасність, 1983.

Українська суспільно-політична думка в 20 столітті. Т. 3. – Нью-Йорк: Сучасність, 1983.

Українське питання в європейському освітленні. – Відень, 1905.

Улицкая Л. Даниэль Штайн, переводчик. – М.: ЭКСМО, 2007.

Улыбышев А. Сон // Русская литературная утопия. – М.: Издательство МГУ, 1986.

Уолцер М. Компания критиков. – М.: Дом интеллектуальной книги, 1999.

Урбан Д., Джилас М. Между революцией и контрреволюцией // Проблемы Восточной Европы, № 23-24, 1989.

Уэбстер Д. Создание свободных и независимых средств массовой информации // Материалы о свободе. – USA: Издательство USIA, 1998.

Уэллс О. Уэллс об Уэллсе. – М.: Радуга, 1990.

Фарбер И. Конституционное регулирование в социалистическом обществе // Проблемы конституционного права. Вып. 1(2). – Саратов, 1974.

Фарбер И., Ржевский В. Вопросы теории советского конституционного права. Вып. 1. – Саратов: Приволжское книжное издательство, 1967.

Федоров С. Регулировать печать – все равно, что руководить деятельностью мозга // Известия, 25 июля, 1992.

Федосеев А. Политика как объект социологического анализа. – Л.: Издательство ЛГУ, 1974.

Федотов Г. Будет ли существовать Россия // О России и русской философской культуре. – М.: Наука, 1990.

Фейерабенд П. Избранные труды по методологии науки. – М.: Прогресс, 1986.

Фейерабенд П. Прощай, разум. – М.: АСТ, Астрель, 2010.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Фейербах Л. История философии. Собрание произведений в трех томах. Т. 2. – М.: Мысль, 1967.
- Фейербах Л. История философии. Собрание произведений в трех томах. Т. 3. – М.: Мысль, 1967.
- Феофанов Ю. Граждане и власти // Известия, 1 ноября, 1989.
- Феофанов Ю. По воле подавляющего большинства // Известия, 7 сентября, 1990.
- Философская энциклопедия. Т. 4. – М.: Советская энциклопедия, 1964.
- Фокс Р. Фатальная привязанность: война и человеческая природа // Проблемы Восточной Европы, № 37-38, 1993.
- Фостер Э. Похвальное слово терпимости // Литературная газета, 23 июля, 1997.
- Франк С. Сочинения. – М.: Правда, 1990.
- Франкл В. Человек в поисках смысла. – М.: Прогресс, 1990.
- Франклин В. Избранные произведения. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1956.
- Франко І. З кінцем року // Українська суспільно-політична думка в 20 столітті. Т. 1. – Нью-Йорк: Сучасність, 1983.
- Франко І. Поза межами можливого // Вивід прав України. – Львів: Слово, 1991.
- Франко І. Ukraina Irredenta // Вивід прав України. – Нью-Йорк: Пролог, 1964.
- Франц М.-Л. Прорицание и синхрония. – СПб.: Азбука-классика, 2009.
- Фрейд З. О психоанализе. Пять лекций. – М.: Наука, 1912.
- Фридман М. Капитализм и свобода. – Н.-У.: Chalidze Publications, 1982.
- Фридман Т. Плоский мир: краткая история XXI века. – М.: АСТ, 2007.
- Фриден М. Родина лібералізмів: морфологічний аналіз // Лібералізм: Антологія. – К.: Смолоскип, 2002.
- Фромм Э. Душа человека. – М.: Республика, 1992.
- Фромм Э. Иметь или быть? – М.: Прогресс, 1986.
- Фромм Э. Психоанализ и религия // Сумерки богов. – М.: Прогресс, 1989.
- Фромм Э. Пути из больного общества // Проблема человека в западной философии. – М.: Прогресс, 1988.
- Фромм Э., Хирау Р. Предисловие к антологии. Природа человека // Глобальные проблемы и общечеловеческие ценности. – М.: Прогресс, 1990.
- Фрэнгер Д. Золотая ветвь. – М.: Политиздат, 1980.
- Фуко М. Наглядати й карати. – К.: Основи, 1998.
- Фукуяма Ф. Америка на распутье. – М.: АСТ, 2007.
- Фукуяма Ф. Конец истории? // Вопросы философии, № 3, 1990.

БИБЛИОГРАФИЯ

Фукуяма Ф. Конец истории? // Проблемы Восточной Европы, № 27-28, 1989.

Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее. Последствия биотехнологической революции. – М.: АСТ, 2008.

Фукуяма Ф. Полемика о статье «Конец истории» // Диалог США, № 45, 1990.

Фукуяма Ф. У сучасному світі життєздатними є лише ліберальні суспільства // День, № 6, 18 січня, 2005.

Фурман Д. Наш путь к нормальной культуре // Иного не дано. – М.: Прогресс, 1988.

Фурье Ш. Избранные сочинения. Т. 3. – М.: Издательство АН СССР, 1954.

Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность. – М.: Наука, 1992.

Хабермас Ю. Социальная проекция Фрейда и утопия общества // Философская и социологическая мысль, № 2, 1990.

Хайдеггер М. Вопрос о технике // Новая технократическая волна на Западе. – М.: Прогресс, 1986.

Хайдеггер М. Время и бытие. – М.: Республика, 1993.

Хайдеггер М. Время картины мира // Новая технократическая волна на Западе. – М.: Прогресс, 1986.

Хайдеггер М. Европейский нигилизм // Проблема человека в западной философии. – М.: Прогресс, 1988.

Хайдеггер М. Основные понятия метафизики // Вопросы философии, № 9, 1989.

Хайдеггер М. Разговор на проселочной дороге. – М.: Высшая школа, 1991.

Хайдеггер М. Что такое метафизика // Новая технократическая волна на Западе. – М.: Прогресс, 1986.

Хайек Ф. Общество свободных. – London, 1990.

Хайек Ф. Пагубная самонадеянность. – М.: Новости, 1992.

Хайек Ф. Право, законодательство та свобода. Т. 1. – К.: Сфера, 1999.

Хайек Ф. Право, законодательство та свобода. Т. 2. – К.: Сфера, 1999.

Хаксли О. И после многих весен. – М.: Издательство Сабашниковых, 1992.

Хантингтон С. Выхода нет: заблуждения эндизма // Проблемы Восточной Европы, № 27-28, 1989.

Харц Л. Либеральная традиция в Америке. – М.: Прогресс, 1993.

Хауард Д. Два века конституционного правления // Америка, № 362, январь, 1987.

Хвильовий М. Україна чи Малоросія? – К.: Смолоскип, 1993.

Хевельсон Л. Ловцы человек. Три кита свободы // Новое время, № 40, 1995.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Хейзинга Й.* Осень средневековья. – М.: Наука, 1988.
- Хемингуэй Э.* Старый газетчик пишет... – М.: Прогресс, 1983.
- Хиггинс Р.* Седьмой враг // Глобальные проблемы и общечеловеческие ценности. – М.: Прогресс, 1990.
- Хикель Э.* Разрушить непонятное // Философия техники в ФРГ. – М.: Прогресс, 1989.
- Хома О.* Паскаль про справедливость у суспільстві: машини, право, сили // Дух і літера, № 1-2, 1997.
- Хорошие законы еще не законность* // За рубежом, № 12, 1992.
- Хорошилова Т.* Застолье // Комсомольская правда, 22 июля, 1984.
- Цвик М.* Социалистическая демократия и самоуправление // Советское государство и право, № 4, 1985.
- Цимбалістий Б.* Тавро бездержавності. Політична культура українців. – К., 1994.
- Чаадаев П.* Сочинения. – М.: Правда, 1989.
- Человек: мыслители прошлого и настоящего о его жизни, смерти и бессмертии.* – М.: Политиздат, 1991.
- Чередниченко А.* Культура активного политического действия. – М.: Мысль, 1986.
- Черниловский З.* Правовое государство: исторический опыт // Советское государство и право, № 4, 1989.
- Честертон Г.* Вечный человек. – М.: Политиздат, 1991.
- Честертон Г.* Писатель в газете. – М.: Прогресс, 1984.
- Чивилихин В.* Пам'ять // Наш современник, № 6, 1983.
- Чикеринг А.* Жизнь без Маркса // Проблемы Восточной Европы, № 25-26, 1989.
- Чичерин Б.* О народном представительстве. – М., 1899.
- Что такое демократия.* – США: Издательство Информационного агентства США, 1991.
- Чугуев Д.* Первая Конституция Советского государства (1918 г.). – М.: Издательство АОН, 1949.
- Чхиквадзе В.* Новая Конституция СССР – творческое воплощение марксистско-ленинской концепции личности // Конституция СССР и правовое положение личности. – М., 1979.
- Шапиро В.* Социальная активность пожилых людей в СССР. – М.: Прогресс, 1983.
- Шаповал В.* Передмова // Конституції нових держав Європи та Азії. – К.: УПФ, 1996.
- Шаповал М.* Стара і нова Україна. Листи в Америку. – Н.-У.: Видавництво Української громади, 1925.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Шарден Т. де.* Феномен человека. – М.: Наука, 1987.
- Шаталин С.* Издержки неизбежны, но... // Литературная газета, 11 октября, 1989.
- Шафир М.* Механизм и основные сферы действия Советской конституции // Советское государство и право, № 10, 1979.
- Шахназаров Г.* Восток – Запад // Коммунист, № 3, 1989.
- Шахназаров Г.* О классовой борьбе // Международная жизнь, ноябрь, 1989.
- Шацкий Е.* Утопия и традиция. – М.: Прогресс, 1990.
- Швейцер А.* Благоговение перед жизнью. – М.: Прогресс, 1992.
- Швейцер А.* Культура и этика. – М.: Прогресс, 1973.
- Шеварднадзе Э.* Масштаб ответственности // Известия, 23 марта, 1989.
- Шеварднадзе Э.* Порядок в каком мире? // За рубежом, № 21, 1991.
- Шелер М.* Положение человека в космосе // Проблема человека в западной философии. – М.: Прогресс, 1988. – С. 31-95.
- Шеремет К.* Программа КПСС и Советская Конституция // Советское государство и право, № 5, 1986.
- Шестов Л.* Апофеоз беспочвенности. – Л.: Издательство ЛГУ, 1991.
- Шимечка М.* Мой товарищ Уинстон Смит // Проблемы Восточной Европы, № 27-28, 1989.
- Шкільник М.* Україна в боротьбі за державність в 1917–1921 р. – Toronto: Basilian Press, 1971.
- Шлегель Ф.* Философия жизни // Эстетика. Философия. Критика. Т. 2. – М., 1983.
- Шлезингер А.* Циклы американской истории. – М.: Прогресс, 1992.
- Шлемкевич М.* Загублена українська людина. – Н.-У., 1954.
- Шлютер П.* В поисках начала круга // Огонек, № 6, 1989.
- Шоу Б.* Полное собрание пьес в шести томах. Т. 2. – М.: Искусство, 1979.
- Шпакова Р.* Легитимность политической власти: М. Вебер и современность // Советское государство и право, № 3, 1990.
- Шпет Г.* Сочинения. – М.: Правда, 1989.
- Шпрагенс Т.* Реконструюючи ліберальну теорію: розум і ліберальна культура // Лібералізм: Антологія. – К.: Смолоскип, 2002.
- Штейн Г.* Джон Дьюи // Перспективы UNESCO, № 4, 1986.
- Штерн В.* Персоналистическая психология // История зарубежной психологии (30–60-е гг. XX в.). Тексты. – М.: Издательство МГУ, 1986.
- Шульгин О.* Державність чи гайдамащина. – Париж: Меч, 1931.
- Эбенштейн В.* Государь, государство, общество // Знание-сила, № 9, 1990.
- Эбенштейн В.* Платон и Аристотель // Знание-сила, № 8, 1990.
- Эйдельман Н.* Оптимизм исторического знания // Огонек, № 44, 1988.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Эндерс У.* Брожение среди мусульман советской Средней Азии // Проблемы Восточной Европы, № 23-24, 1989.
- Эрхард Л.* Благосостояние для всех. – USA: Посев, 1990.
- Етичний кодекс членів фулбрайтівського товариства України. – Харків: Права людини, 2008.
- Эфроимсон В., Изюмова Е.* На что надеемся или нужно ли растить гениев // Квинтэссенция. – М.: Политиздат, 1990.
- Южанинов Ю.* Политик волею судьбы // Аргументы и факты, № 46, 1990.
- Юнг К.* Воспоминания, сновидения, размышления. – К.: Air Land, 1994.
- Юридическая наука и практика в условиях перестройки // Коммунист, № 14, 1987.
- Юркевич П.* Философские произведения. – М.: Правда, 1990.
- Явич Л.* Сущность права. – Л.: Издательство ЛГУ, 1985.
- Явич Л.* Характер философских проблем правовой науки // Советское государство и право, № 7, 1984.
- Яковенко Н.* Нарис історії середньовічної та ранньомодерної України. – К.: Критика, 2005.
- Яковлев А.* Конституционный строй: социальный и правовой аспект // Вопросы философии, № 10, 1995.
- Яковлев В.* О мировоззрении Вацлава Гавела // Социально-политические науки, № 1, 1991.
- Яковлів А.* Основи Конституції У. Н. Р. – N.-Y.: Говерля, 1964.
- Янг М.* Возвышение меритократии // Утопия и утопическое мышление. – М.: Прогресс, 1991.
- Янков М.* Конструктивная критика и рациональное управление. – М.: Прогресс, 1987.
- Ясперс К.* Смысл и назначение истории. – М.: Политиздат, 1991.
- Ясперс К.* Цель – свобода // Новое время, № 6, 1990.
- Яффе А.* Символы в изобразительном искусстве // Юнг К. Человек и его символы. – М.: Университетская книга, 1997.